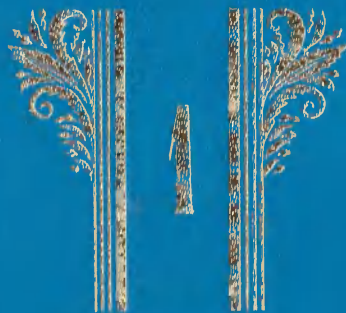

Н. М. КАРАМЗИН

Н.М. КАРАМЗИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Н.М. КАРАМЗИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

*Под общей редакцией
профессора
А. Ф. СМЕРНОВА*

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

Н.М. КАРАМЗИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Том первый

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Л.С.Л.С.Л.
Л.С.

КФЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

1

УДК 947
ББК 63.3(2)
К21

Составление и подготовка текстов
А. М. КУЗНЕЦОВА

Художник
Л. ЧЕРНЫШЕВ

Карамзин Н. М.

К21 Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 1: История государства Российского / Вступ. ст. и послесл. А. Смирнова; Коммент. А. Кузнецова. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 576 с.

ISBN 5-300-01829-5 (т. 1)

ISBN 5-300-01828-7

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) — знаменитый русский писатель, журналист и историк, имевший большое влияние на развитие российской науки, искусства и публицистики XVIII века.

Первый том знаменитой «Истории государства Российского» включает главы, посвященные начальному периоду отечественной истории.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-01829-5 (т. 1)
ISBN 5-300-01828-7

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину.

А. С. Пушкин

Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый период нашей литературы от девяностых до двадцатых годов по справедливости называется периодом Карамзинским.

В. Г. Белинский

«Мы плохо знаем наш восемнадцатый век», — писал Герцен, издавая мемуары Екатерины Дашковой. В справедливости этих давно сказанных слов убеждаешься всякий раз, сталкиваясь с жизнью и творчеством лиц, определивших век русского просвещения, поражаешься многогранности их дарований, силе характера, энциклопедичности знаний, целеустремленности, действенности. Н. М. Карамзин воплотил многие лучшие черты своего века, представ перед современниками как первоклассный мастер литературы (поэт, драматург, критик, переводчик), реформатор, заложивший основы современного литературного языка, и вместе с тем крупный журналист, организатор издательского дела, основатель первоклассных журналов, создавший первые в истории отечественной словесности альманахи поэзии. В личности Карамзина удачно слились крупнейший мастер художественного слова и талантливый историк. Последним летописцем и первым историографом Отечества, назвал его Пушкин, раскрывая своеобразие его гения. Ему, как никому другому, был присущ дар образного воссоздания исторического прошлого на основе глубокого изучения первоисточников. Созданный им многотомный научный труд по истории отечества является одновременно образцом художественной прозы. В науке, в искусстве, в публицистике Карамзин оставил заметный след, повсюду его деятельность отмечена чертами подлинного новаторства, и не случайно при характеристике его творчества столь часто употребляются слова «впервые», «одним из первых». Он во многом подготовил успех младших современников и последователей — деятелей пушкинского периода, золотого века русской литературы.

СОЗРЕВАНИЕ ДУШИ

«Душа наша созревает в поиске истины», — писал Карамзин. И самую важную роль в становлении человеческой личности играет семья, круг друзей, родина. Согласно А. С. Пушкину сердце обретает пищу в памяти о былом, в «любви к родному пепелищу, в любви к отеческим гробам». Глубоко прав поэт: именно эти два чувства всего дороже нам. Так было и с Н. М. Карамзиным.

Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря (ст. ст.) 1766 г. в селе Михайловское (Преображенское) в окрестностях Бугуруслана. Его детские годы прошли в селе Знаменском, близ города Симбирска, который он считал своей родиной.

Поволжье в старину было глухой провинцией («в глушь, в Саратов»). «Я вспоминал, — писал А. И. Тургенев, — что на моей родине в Симбирске нету ни одной книжной лавки, а на ярмарке лошадиной продают у острога на рогоже раза два в год — Бову Королевича, и то разрозненного! и другие классические произведения нашего XVIII столетия. Это в Отчизне Карамзина, Дмитриева, Языкова. Зато на этом же поле школьники приучаются гонять сквозь строй»¹.

Старый Симбирск медленно менялся. Обломовщины здесь было достаточно. Но здесь же выростали великие таланты. Среди земляков Карамзина видим поэтов Языкова и Дмитриева, крупнейших ученых Сеченова, Филатова, Крылова; великого художника слова Гончарова. В эту плеяду деятелей, оставивших след в истории России, открываемую декабристами Тургеневым, позже вошла и семья Ульяновых.

В биографиях исторических деятелей всегда открываются неповторимые черты и остается до конца не выясненная тайна рождения таланта. Но в любом случае детство, отрочество, юность крупно обозначают штрихи личности.

Нравственным наставником будущего писателя и историка стал его отец Михаил Егорович, отставной армейский офицер, выше всего ценивший в жизни такие качества, как человеколюбие, дружбу, товарищество по оружию, любовь к Родине. Потом были «университеты» у сельского дьячка, с неизменным часословом. За три дня ребенок выучил все буквы, в неделю — склады, а еще через неделю разбирал все слова и титлы, через несколько же месяцев мог читать церковные книги, чем поверг в немалое удивление своего пестуна, славнейшего грамотея во всем околотке. В книгах открылся новый мир. Позже Карамзин вспоминал, что в восемь, девять лет зачитывался Сервантесом, Эзопом (первая светская книга, которую утвердил наизусть), античной историей и литературой, восхищался Ганнибалом и защитниками Римской республики. Интерес к антич-

¹ Письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому. 28/16 июля 1841 г. — В кн.: Письма Александра Тургенева к Булгаковым. М.-Л., 1939, с. 247.

ным героям, к Рыцарю печального образа останется у Карамзина на всю жизнь. Большое влияние на мальчика оказал старший брат Василий Михайлович, воспитанный на энциклопедии Даламбера и Дидро. Книги просветителей он находил также в домах соседей по имению, у близких, знакомых отца, семействах образованных богатых дворян Пушкиных и Тургеневых. Это были очаги культуры, литературы, искусства, каких немало возникло в России в конце восемнадцатого века. Во многих имениях тогда выписывали журналы и газеты, заводили домашние библиотеки, театры и оркестры, возводили дворцовые ансамбли, разбивали сады и парки, собирали картины, рукописи и прочие древности — росла тяга к знаниям, интерес к отечественному прошлому.

Рано входят в жизнь Карамзина народные предания и песни. Еще ребенком любил он убежать на волжские откосы и, сидя на высоком берегу, смотреть, не уставая, на синее пространство великой реки, на белые паруса судов и лодок, на стаи чаек. Он писал позже в автобиографическом романе «Рыцарь нашего времени»: «Воспитывался дух мой в простоте естественной». Великие феномены природы были первым предметом его внимания.

Карамзин вспоминает, что большое влияние на его характер оказали боевые товарищи его отца, их воспоминания о фельдмаршале Минихе, бироновщине и тайной канцелярии, а еще больше крепость их духа, побеждавшая немощ старчества, «их омерзение к бесчестному делу», их убеждение, что «совесть умнее и сильнее крючкотворства». Одним словом, повлияло все благородство сердец заслуженных воинов, образовавших для борьбы с несправедливостью, кривдой, бесчестием даже особое братское товарищество, устав которого старались исполнять в точности.

Богатство их внутреннего мира оказалось в центре внимания Карамзина при создании автобиографического романа «Рыцарь нашего времени».

Устав дружеского союза ветеранов гласил:

Договор братского общества. «Мы, нижеподписавшиеся, клянемся честью благородных людей жить и умереть братьями, стоять друг за друга горою во всяком случае, не жалеть ни трудов, ни денег для услуг взаимных, поступать всегда единомышленно, наблюдать общую пользу дворянства, вступаться за притесненных и помнить русскую пословицу: тот дворянин, кто за многих один; не бояться ни знатных, ни сильных, а только Бога и государя; смело говорить правду губернаторам и воеводам, никогда не быть их прихлебателями и не такать против совести. А кто из нас не сдержит своей клятвы, тому будет стыдно и того выключить из братского общества».

Карамзин замечает, что только смерть разрушила их братскую связь, и добавляет, что многому научился у ветеранов, знавших жизнь не хуже воинского устава. «В детстве слушал с удовольстви-

ем вашу беседу словоохотную, *от вас заимствовал русское дружелюбие, от вас набрался духу русского и благородной дворянской гордости*, которой после не находил даже и в знатных боярах, ибо спесь и высокомерие не заменяют ее; ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляет человека от подлости и дел презрительных: добрые старики! мир вашему праху!»

Бесценное свидетельство об истоках «культы дружбы», созданного Карамзиным, оставившего достопамятный след в нашей истории.

В своих воспоминаниях, в поэзии своей Николай Михайлович многократно обращался к образу матери, которая, судя по всему, оставила сильный след в его душе.

Мать его, из рода Пазухиных, Екатерина Петровна, скончалась во время его младенчества. Воспоминание о ней сохранилось в стихах Карамзина («Послание к женщинам», 1793 г.):

Я не знал тебя!.. Ты, дав мне жизнь, сокрылась!
.....
Я в первый жизни час наказан был судьбой!
.....
Не мог тебя ласкать, ласкаем быть тобой
.....
Но образ твой священный, милый
В груди моей напечатлен,
И с чувством в ней соединен!
Твой тихий нрав остался мне в наследство.

Любовь к матери, острое чувство ее потери побуждали ребенка вновь и вновь брать ее любимые книги, оставшиеся в заветном шкафу. Позже он вспоминал об этом:

«Во всех романах желтого шкафа герои и героини, несмотря на многочисленные искушения рока, остаются добродетельными, все злодеи описываются самыми черными красками, первые наконец торжествуют, последние, как прах, исчезают. В нежной Леоновой душе неприметным образом, по буквам неизгладимым, начерталось следствие: итак, любезность и добродетель одно! итак, зло безобразно и гнусно! итак, добродетельный всегда побеждает, а злодей гибнет! Сколько такое чувство спасительно в жизни, какую твердую опору служит оно для доброй нравственности, нет нужды доказывать. Леон в совершенных годах часто увидит противное, но сердце его не расстанется с своею утешительною системою; вопреки самой очевидности, он скажет: «нет, нет! торжество порока есть обман и призрак».

«Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» («в них обретает сердце пищу»). У Карамзина — это воспоминания о родном доме, это память о Волге-матушке.

Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга! величать,
Где в первый раз открыл я взор,
Небесным светом озарился,
И чувством жизни наслаждался...

Вместе с Волгой вошла в детское сознание не только «натура», а все, что связано с могучей русской рекой в жизни и думах народа, вошло и прошлое Отечества. Еще в детстве слышал Карамзин рассказы и воспоминания о Петре Великом, Емельяне Пугачеве. Их он пронес через всю жизнь и всегда отмечал их важную роль в формировании своих взглядов, определении жизненной позиции.

«Лета младенчества! — восклицает в преклонных летах Карамзин, — кто помышляет об вас без удовольствия? И чем старше мы становимся, тем приятнее вы нам кажетесь».

На закате дней он набросал «Десять строчек о Симбирске» в письме к И. И. Дмитриеву от 4 сентября 1824 года: «Не забыл я нашего славного Белого Ключа, ни столетнего Елисея Кашинцева, зазвонившего в колокола, когда Симбирск праздновал Полтавскую победу, и бывшего гребцом на лодке Петра Великого, когда он плыл в Астрахань, начиная войну персидскую. Я обрадовался, нашедши здесь у живописца Орловского старинные часы с вырезанным на них именем этого Елисея, который угощал меня в ребячестве банею и зеленым чаем. Мир его праху!»

В этих детских впечатлениях видим корни устойчивого интереса к отечественной истории и «царю-работнику», желание всецело посвятить себя служению Отечеству, воспитывать достойных граждан правдивым воссозданием подвигов предков. По словам современника и ближайшего друга Карамзина, поэта, баснописца, министра И. И. Дмитриева, тот рос в симбирской глуши: «под шум отечественной славы».

А сам Карамзин восклицает: «Кто не испытал нежной силы подобных воспоминаний, тот не знает весьма сладкого чувства (здесь в смысле — размышления. — А. С.). Родина, апрель жизни, первые цветки весны душевной! как вы милы всякому, кто рожден с любезною склонностью к меланхолии».

В автобиографическом романе «Рыцарь нашего времени» Карамзин признается, что «опасности и героическая дружба были любимую его мечтою». Достойно замечания то, что он в опасностях всегда воображал себя избавителем, а не избавленным: знак гордого, славолюбивого сердца! Герой наш мысленно летел во мраке ночи на крик путешественника, умерщвляемого разбойниками, или брал штурмом высокую башню, где страдал в цепях друг его.

Жизненная позиция Н. М. Карамзина определялась впечатлением детства еще в одном отношении. «По сие время, — пишет Карамзин, — не могу я без сердечного содрогания вспомнить того страшного года, который живет в памяти у Низовых жителей под именем голодного; того лета, в которое от долговременной засухи пожелтевшие поля орошаемы были одними слезами горестных поселян; той осени, в которую вместо обыкновенных веселых песен раздавались в селах стенания и вопль отчаянных, видящих пустоту в гумнах и

житницах своих; и той зимы, в которую целые семейства, оставя дома свои, просили милостыни на дорогах и, несмотря на вьюги и морозы, целые дни и ночи под открытым небом на снегу проводили. Щадя чувствительное сердце моего читателя, не хочу описывать ему ужасных сцен сего времени. Я жил тогда в деревне, близ Симбирска, был еще ребенком, но умел уже чувствовать как большой человек, и страдал, видя страдания моих ближних».

«Чувствительность, соединенная с человеколюбием, дар благой природы,— обнаружилась и развилась в нем очень рано, оставаясь отличительным его свойством на всю жизнь, до самой кончины»,— замечает М. Погодин, отыскавший эти мемуарные строки в «Московском журнале»¹.

Известием об облике младенца Карамзина мы обязаны другу его Ивану Ивановичу Дмитриеву, который вспоминает:

«В 1770 году в провинциальном городе Симбирске, старший брат мой и я, десятилетний отрок, находились на свадебном пиру под руководством нашего учителя. В толпе пирующих увидел я в первый раз пятилетнего мальчика в шелковом перувьеновом камзолычке с рукавами, которого русская нянюшка подводила за руку к новобрачной и окружавшим ее барыням. Отец его, симбирский помещик, отставной капитан Михаил Егорович, соединился тогда вторым браком с родною сестрою моего родителя, воспитанною по ее сиротству в нашем семействе»².

Задумаемся над этим строками. Мачехой сиротинки, потерявшей мать, становится девушка-сиротка, выросшая в семействе родственников. Она постаралась заменить мать, видимо преуспела во многом на этом пути. И все же через всю жизнь Карамзин пронес чувство потери матери как первую трагедию жизни.

Карамзин получил домашнее воспитание, занятия в семье были продолжены учебой в закрытых заведениях для дворянских юношей. По свидетельству М. Погодина, «несколько времени учился он в пансионе Фовеля, который по просьбе тамошних дворян был приглашен в Симбирск чрез Александра Ивановича Теряева, служившего в Сенате. Маленький Карамзин был у него всегда первым учеником. <...> С приближением юношеского возраста, кажется по 14-му году, как говорил мне И. И. Дмитриев, Карамзин отправлен был в Москву под покровительством того же Теряева и отдан в учебное заведение Г. Шадена, одного из лучших профессоров Московского университета, по свидетель-

¹ Проф. М. П. Погодин опубликовал в 1866 г. двухтомный труд материалов к биографии Н. М. Карамзина, собрав уникальные о нем воспоминания современников. К тому же он и лично знал Николая Михайловича. Далее цитируется это издание: Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. Ч. 1, 2. М., 1866. (Отсылки даются не ко всем цитатам).

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 60.

ству всех современников». Пансион помещался в Немецкой слободе. Проф. Шаден, слывший превосходным редактором, оказал сильное влияние на нашего героя. Д. И. Фонвизин, который также у него учился вспоминает: «сей ученый муж имел отменное дарование преподавать лекции и изъяснять так внятно, что успехи наши были очевидны».

Московские профессора рассказывали М. Погодину, собиравшему материалы о Карамзине, о Шадене как о человеке очень добром. Красноречие, любовь к истине, преданность религии, раченье к должности, — вот были отличительные его качества. Очевидно, добрая слава о пансионе Шадена не случайна — из его питомцев помимо Карамзина и Фонвизина следует указать также на братьев Бекетовых, оставивших добрый след в истории отечественной культуры.

М. П. Погодин пишет: «В пансионе, по словам А. И. Тургенева, было обращено особенное внимание на изучение языков, и молодой Карамзин прилежно занялся ими, вскоре сделал значительные успехи и приобрел еще большее расположение к себе Шадена, который стал водить его с собою к знакомым иностранцам, чтоб доставить ему случаи упражняться в разговорах на немецком и французском языках.

Заметив в мальчике необыкновенный дар слова, с которым он рассказывал самые обыкновенные вещи увлекательно и обращал на себя общее внимание, Шаден, по мере того как он становился старше, начал давать ему читать хорошие книги, с целью образовать его вкус, и уже предвидел в нем литератора.

Из пансиона, в последнее время его там пребывания, ходил молодой Карамзин и в разные классы Московского университета, как о том упоминает в автобиографической записке своей для митрополита Евгения. Профессор Маттей был вместе с Шаденом его руководителем.

В университете прежде всего, вероятно, он познакомился с отечественной историею и общими правилами словесности. В записке о Москве он написал после: «мы все учились в нем, если не наукам, то русской грамоте».

Карамзин, вероятно по совету Шадена, думал ехать в Лейпциг для слушания лекций в тамошнем университете, но не мог по жизненным обстоятельствам исполнить этого желания».

В пансионе и университете Карамзин, по собственным словам, хотел собрать все нужное для отыскания той истины (смысла жизни), по которой тоскует сердце в молодости, когда «образуется душа наша». Был Карамзин в эти годы, по отзывам современников, «весьма восприимчив, читал газеты и принимал живое участие в событиях, обнаруживая везде свою пылкую натуру».

Следуем дальше за М. П. Погодиным, цитирующем И. И. Дмитриева:

«В пансионе Шадена Карамзин оставался до вступления в настоящую службу, около четырех лет».

«По тогдашнему обыкновению, — говорит И. И. Дмитриев, — в гвардейских полках, он записан был, также как и я, малолетный, в Преображенский полк подпрапорщиком».

В Петербург приехал он, вероятно, в начале 1783 года, по семнадцатому году от роду. Тогда началось и знакомство его с Дмитриевым, о коем так рассказывает последний.

«Однажды я, будучи еще и сам сержантом, возвращаюсь с прогулки; слуга мой, встретя меня на крыльце, рассказывает мне, что кто-то ждет меня, приехавший из Симбирска. Вхожу в горницу, вижу милovidного, румяного юношу, который с приятною улыбкою вручает мне письмо от моего родителя.

Стоило только услышать имя Карамзина, как мы уже были в объятиях друг друга. Стоило нам сойтись три раза, как мы уже стали короткими знакомцами».

Карамзин сблизился и подружился в Петербурге с старшим братом Ивана Ивановича, Александром Ивановичем, о котором сохранилось несколько воспоминаний в «Письмах русского путешественника» и в статье «Цветок на гроб моего Агатона».

«Едва ли не с год мы были неразлучны, — продолжает Дмитриев, — склонность наша к словесности, может быть, что-то сходное и в нравственных качествах, укрепляли нашу связь, день от дня более: мы давали взаимный отчет в нашем чтении. Между тем я показывал ему иногда мелкие мои переводы, которые были печатаны особо и в тогдашних журналах: следуя моему примеру, он принялся и сам за переводы. Первым опытом его был разговор Австрийской Марии Терезии с нашей императрицею Елисаветою в Елисейских полях, переведенный им с немецкого языка.

Я советовал ему показать его книгопродавцу Миллеру, который покупал и печатал переводы, платя за них по произвольной оценке и согласию переводчика книгами из своей книжной лавки. Не могу без улыбки вспомнить, с каким торжественным видом добрый и милый юноша — Карамзин вбежал ко мне, держа в обеих руках по два томика Фильдингова Томаса Ионеса, в маленьком формате с картинками, перевода Харламова. Это было первым возмездием за словесные труды его».

Так пишет И. И. Дмитриев в своих записках, но первым печатным трудом Карамзина был перевод Гесиеровой идиллии «Деревянная нога» (1783). Герой идиллии альпийский пастух в служении добру побеждает свой физический недуг.

В свои семнадцать лет, в 1783 году, Карамзин решил ехать в действующую армию. Желание это вполне объяснимо. Конец XVIII века — это время Суворова, громкой славы, воспетой Державиным: «Гром победы, раздавайся, Веселися, храбрый Рос!»

К счастью для отечественной словесности, желание прапорщика отправиться под турецкие ядра не осуществилось. М. П. Погодин в связи с этим замечает:

«В то время такое назначение зависело много от полкового секретаря, а секретарь брал взятки, и от того назначение доставалось всегда только богатым офицерам. Он, к счастью, отказал Карамзину, не могшему располагать лишними деньгами. У него было всего-навсего сто рублей в кармане, с трудом сбереженных. Неудача, благотворная для Карамзина, охладила его воинский жар. К тому же у него не было возможности сшить себе хороший офицерский мундир. Отец его между тем скончался, и он, вышед вскоре в отставку с чином поручика, уехал на родину, вероятно в конце 1783 или начале 1784 года».

«В Симбирске я виделся с ним,— говорит Дмитриев, приехавший, видно, туда по своим надобностям,— и пробыл с ним короткое время. Я нашел его уже играющим роль надежного на себя светского человека: решительным за вистовым столом, любезным и занимательным в дамском кругу и политиком перед отцами семейства, которые, хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однако ж, в нем прежней охоты к словесности; при первом нашем свидании, с глазу на глаз, он спрашивает меня, занимаюсь ли по-прежнему переводами? Я сказываю ему, что недавно перевел из книги: Картина смерти Г. Каррачиоли, разговор выходца с того света с живым другом его. Он удивился странному моему выбору и дружески советывал мне бросить эту работу, убеждая тем, что по выбору перевода судят и о свойствах самого переводчика и что я выбором моим конечно не заслужу завидного о себе мнения. А я, примолвил он, думаю переводить из Волтера с немецкого.— Что ж такое? — Белого быка.— Как! эту дрянь! и еще подложную! вскричал я, повторяя его же заключения, и оба земляка сквитались»¹.

К этому пребыванию в Симбирске должно относиться следующее воспоминание из писем к И. И. Дмитриеву: «последнее твое дружеское письмо, приятно-меланхолическое, заставило меня слетать воображением на берег Волги, Симбирский венец, где мы с тобою геройски отражали сон; ночью читали Юнга, в ожидании солнца. Да, мы были тогда молоды».

«Рассеянная светская жизнь не долго продолжалась,— пишет Дмитриев.— Земляк же наш, Иван Петрович Тургенев, уговорил молодого Карамзина ехать с ним в Москву».

Резкую перемену в жизнь Карамзина внесла эта встреча со старым знакомым семьи, известным любителем древностей и отечественной словесности. Иван Петрович Тургенев (1752—1807) был

¹ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 41.

ближайшим другом Н. И. Новикова и разделял его широкие просветительские планы, и не только разделял, но и деятельно участвовал в их осуществлении. Он оставил значительный след в истории русского просвещения, подвергался правительственным преследованиям. Позже на протяжении ряда лет возглавлял Московский университет и Дворянский благородный пансион, из стен которого вышло немало видных деятелей литературы и общественного движения. И. П. Тургенев увез молодого Карамзина в Москву с целью привлечь его к активному участию в просветительской и издательской деятельности ученого общества Типографической Компании Новикова. Четыре года (1785—1789) вращался Карамзин в кругу ближайших друзей и единомышленников Новикова, к которому сохранил уважение на всю жизнь, несмотря на свой полный разрыв с масонством, осознание его разрушительной работы для духовной и социальной жизни любого народа, любой страны, тем более для России с ее глубочайшими традициями веры, культуры и государственности.

Карамзин переехал в Москву из Симбирска в конце 1784 года, где Тургенев ввел молодого земляка в общество Новикова, высшее в настоящем значении этого слова, а не условном. «Здесь-то,— говорит Дмитриев,— начиналось образование Карамзина, не только авторское, но и нравственное. В доме Новикова он имел случай обращаться в кругу людей степенных, соединенных дружбою и просвещением».

Свидетельство И. И. Дмитриева важно, но нарисованная им картина слишком идеальна. Да, это было время расцвета просветительской деятельности Новикова, но одновременно это и пик деятельности московских мартинистов.

Молодой 18-летний Карамзин оказался в весьма сложном положении и подвергся воздействию идеологии, несовместимой с его православно-патриархальной нравственностью и убеждениями, сложившимся в доме отца. Этой закалки, однако, хватило, чтобы устоять под натиском куда более опытных и «просвещенных» старших масонских руководителей. Он проявил тогда твердость убеждений и силу воли, которая не раз изумляла современников.

В 1779 году во главе московского масонского ордена встал И. Е. Шварц, немец по происхождению, мистик и розенкрейцер. С 1779 по 1782 год он был профессором Московского университета. Человек незаурядного таланта, разносторонне образованный, проповедник-пропагандист по призванию, Шварц читал лекции по философии, эстетике, психологии, литературе, привлекая большую аудиторию. В своих лекциях он доказывал, что разум и наука — это дары Бога, они законны и необходимы, но они играют служебную роль. Путь же к истинному познанию, т. е. к Божественному Откровению, лежит через личные откровения, через мистику.

В 1779 году Шварц сближается с Новиковым и развивает бурную деятельность по распространению идеологии розенкрейцерства в России. В конце 1782 года московская масонская ложа вошла в прусский орден розенкрейцеров¹.

Влиятельным членом ложи стал Н. И. Новиков, тогда издатель сатирических журналов. Вступив в масонское общество, Новиков не отказался от просветительской деятельности. Об этом свидетельствует огромный размах его книгоиздательской и филантропической деятельности, в которую он втянул и масонов.

По инициативе Шварца были основаны масонские общества «Собрание университетских питомцев» и «Дружеское ученое общество». Шварц и его окружение, используя свое влияние среди молодежи, особенно студентов Московского университета, Духовной и Педагогической семинарий, распространяли идущий вразрез с православием мистицизм, кабалистику и алхимию. Для распространения идеологии масонства московские розенкрейцеры используют типографию Московского университета, которую с 1779 года арендует Н. И. Новиков, а с 1784 года — Типографическую Компанию, основанную на средства наиболее видных масонов.

После смерти Шварца в 1784 году идейным вождем московских масонов стал А. М. Кутузов, товарищ А. Н. Радищева по Лейпцигу, один из первых сотрудников «Утреннего света» Н. И. Новикова. А. М. Кутузов был последовательным розенкрейцером. В 1787 году он выехал в Германию для совершенствования в масонских «науках» и получения третьей розенкрейцерской степени. В 1797 году он умер в Берлине от горячки, забытый братьями по обществу².

Оказавшись в среде московских масонов, людей для своего времени высокообразованных и старших по возрасту, Карамзин попал под их влияние. Московские розенкрейцеры, и прежде всего А. М. Кутузов, ставший другом Карамзина, видели в молодом талантливом человеке будущего розенкрейцера, которому они дали масонское имя «Лорд Рамзей». Особенно большую роль в этот период жизни Карамзина сыграл литератор, переводчик масонской литературы А. А. Петров.

Об Александре Андреевиче Петрове известно немного. Год его

¹ О Шварце см.: Лонгинов М. Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII в. М., 1857; Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. Приложения: Новиков, Шварц и московские масоны. — В кн.: «Масонство в его прошлом и настоящем». М., 1914, т. 1, с. 208.

² О Кутузове см.: Лотман Ю. М. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов. — В кн.: Радищев А. Н. Статьи и материалы. Л., 1950; его же. «Сочувственник» А. Н. Радищева. А. М. Кутузов и его письма И. П. Тургеневу. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1963; вып. 139; Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915, с. XIX; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976, гл. I и др.

рождения и происхождение точно не установлены. Образование получил в Московском университете. С 1780 г. он был сотрудником новиковского журнала «Утренний свет». С Новиковым Петрова связывали деловые, книгоиздательские и литературные интересы. Как свидетельствует И. И. Дмитриев, Петров «знаком был с древними и новыми языками, при глубоком знании отечественного слова, одарен был глубоким умом и необыкновенною способностью к здоровой критике», в литературных кругах он «почитался отличнейшим переводчиком».

А. А. Петров — ученик и почитатель Шварца, был ревностным масоном, из него тоже готовили розенкрейцера. Мистические настроения до середины 80-х годов были очень сильны у Петрова, о чем свидетельствуют его переводы масонских книг. Разносторонне образованный человек, он хорошо знал литературу и философию своего века, включая труды французских просветителей. Он оказал большое влияние на Карамзина. А. А. Петров активно участвовал в жизни Дружеского общества, а затем Типографической Компании. Карамзин также стал постоянным переводчиком Компании. Был своим человеком в доме Новикова, даже поручался за старшего товарища в финансовых сделках¹.

К московским масонам был близок поселившийся в Москве поэт Якоб Ленц, входивший в немецкую школу «Буря и натиск». Очевидно, через него установились тесные связи московских масонов с представителями этого движения.

Карамзин был хорошо знаком с Ленцем и не без его участия вступил в переписку с швейцарским философом-мистиком Лафатером, очень ценимом в масонских кругах. Под влиянием Ленца Карамзин стал поклонником Шекспира и его первым переводчиком и пропагандистом в России.

Карамзин попал в среду московских масонов, когда ему было 19 лет. Для него годы, проведенные в их обществе (повторим, 1785—1789), были временем интенсивного самообразования, в процессе которого он испытывает различные влияния, шедшие и от друзей-масонов, и еще больше от книг, с которыми он познакомился в этот период. «Мы любили книги и не думали о свете... Прелести разума, прелести душевные казались нам всего любезнее — ими пленялись мы».

В новом окружении Карамзин также отдал дань мистицизму. Он поселился вместе с Петровым в доме «Дружеского ученого общества» у Меншиковой башни. И. И. Дмитриев писал в своих записках, что в жилище молодых «философов» стоял бюст мистика

¹ См. о Петрове: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь; Лонгинов М. Н. А. А. Петров и переведенный им «Хризомандер». — В кн.: Сб. литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина, т. IV, СПб., 1859; «Аглая», ч. 1, М., 1794, с. 10.

Шварца и распятие Иисуса, покрытое черным крепом. Во многих переводах, сделанных Карамзиным в 1786—1787 годы, преобладала религиозная тематика: он перевел две книги для периодического издания «Беседы с Богом», предпринятого Типографической Компанией, и поэму Галлера «О происхождении зла».

17757
В 1787 году мистические влияния на Карамзина ослабли, так как А. М. Кутузов уехал в Берлин, а А. А. Петров все больше втягивался в журналистскую и переводческую деятельность под руководством Н. И. Новикова. Есть свидетельство А. Т. Болотова, что Карамзин в это время часто бывает в доме Новикова и активно включается в деятельность новиковского кружка. Н. И. Новиков, оценив талант Карамзина, привлек его к работе в основанном им первом журнале для детей «Детское чтение для сердца и разума». Новиков, втягивая Петрова и Карамзина в работу по изданию журнала, тем самым направлял их энергию на общепользную деятельность и этим именно способствовал тому, что мистические настроения у них отходят на задний план. Об этом говорят переводы, сделанные Карамзиным в 1787—1788 годы. Он перевел «Эмилию Галотти» Лессинга, трагедию Шекспира «Юлий Цезарь» и дал в «Детское чтение» материал, далекий от мистических настроений розенкрейцеров типа Кутузова¹.

Важной вехой в жизни Карамзина как литератора и журналиста явилось его сотрудничество в журнале «Детское чтение».

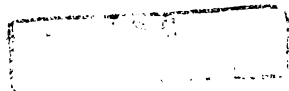
Издание этого журнала вытекало из широкой просветительской программы, осуществляемой Н. И. Новиковым в 80-е годы. Журнал «Детское чтение» был бесплатным приложением к «Московским ведомостям» и как бы практически реализовывал педагогические идеи, пропагандируемые Новиковым. Журнал выходил еженедельно в течение пяти лет и завоевал большую популярность.

Ведущая роль в журнале принадлежала самому Н. И. Новикову. После него и А. А. Петрова Карамзин был третьим лицом, сыгравшим большую роль в издании журнала. С 1787 до середины 1788 года Карамзин один вел журнал. Части XVIII и XIX подготовлены им совместно с Петровым.

Сотрудничество Карамзина в «Детском чтении» прекратилось в мае 1789 года, когда он отправился в путешествие по Западной Европе. После его отъезда «Детское чтение» осиротело, и, хотя А. А. Петров издал еще две части, журнал перестал выходить в 1789 году. Сотрудничество в «Детском чтении» сыграло значительную роль в определении жизненного пути Карамзина. Здесь он испробовал свои силы как переводчик и журналист.

В отношении к языку М. П. Погодин удачно назвал «Детское

¹ См.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 42, а также Кислягина. Указ. соч., с. 31—33.

чтение» детскою школою Карамзина, где он первоначально вырабатывал свой слог.

Это страстное увлечение детским журналом, по-видимому, связано с воспоминаниями собственного детства, его переводы скорее списывались с собственной души.

Характерно, что и книги, которыми в эти годы увлекается Карамзин, так или иначе связаны с вопросами воспитания. Герои их богаты чувством собственного достоинства, превыше всего ценят дружбу, душевную отзывчивость, увлечены проблемами познания и самовоспитания.

Н. М. Карамзин с полным правом считается одним из родоначальников отечественной детской литературы, и далеко не весь его опыт востребован.

Каков же общий итог жизни и деятельности молодого Карамзина в кругу Новикова и его сотрудников? Карамзин различал две стороны в деятельности Новикова, а именно просветительскую и теософскую. Первую высоко ценил, тогда как вторая была, по его словам вредной, но не настолько, чтоб упрятать мистика в крепость.

Карамзин отметил противоречивость во всей деятельности московских масонов-мартинистов. С одной стороны, они немалые суммы употребляли на благотворительность, спасали голодающих, сеяли просвещение, проповедовали нравственность, «требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих», а с другой — погружались в мистику, «искали таинственного смысла», хвалились древними преданиями. Их книги, деятельность их лож были полны мистических загадок. Императрица Екатерина, опасаясь их тайных замыслов и всего паче их попыток увлечь ее сына наследника престола в антигосударственные преступные замыслы, запретила масонство.

О московских мартинистах, о Новикове существует большая специальная литература. Карамзин вошел в круг мартинистов, увлекся их просветительской деятельностью, их призывами к нравственному самовоспитанию. Но другие их стороны (мистика вместо веры, космополитизм, впутывание в политические заговоры и пр.) были ему чужды и вскоре побудили молодого поэта и журналиста порвать с ними.

Охлаждение началось, по-видимому, еще в первые годы работы Карамзина в новиковских изданиях, но окончательный разрыв произошел в начале 90-х годов, когда Карамзин — «чувствительный путешественник» в Западной Европе воочию убедился, что политическим последствием масонской деятельности явилась Французская революция, террор и безбожие якобинцев с их ужасающими погромами религиозных институтов.

Неудивительно, что масоны оказались и среди самых близких друзей Карамзина (тот же А. Петров, памяти которого посвящены чудные стихи «Венок на могилу моего Агатона», супруги Плещеевы

и др.). Но масоны были и самыми упорными преследователями Карамзина, буквально изводившими его доносами, наветами в якобинстве и безбожии.

Доносы бывших «братьев» Карамзин, верный своим принципам, игнорировал. Но его друзьям (И. Дмитриеву, Ф. Ростопчину, вел. кн. Екатерине Павловне) пришлось потрудиться, чтобы очистить Карамзина от подозрений в глазах царей, сначала Павла, затем Александра, к этим делам темным мы еще вернемся...

Без сомнения, однако, и другое. С масоном А. А. Петровым Карамзина связывала тесная дружба, оставившая след в душе и творчестве нашего героя. Из песни слова не выкинешь. Касательно этой стороны духовного «сотворения Карамзина» он сам писал так:

«В самых цветущих летах жизни нашей мы увидели и полюбили друг друга. Я полюбил в Агатоне мудрого юношу, которого разум украшался лучшими знаниями человечества, которого сердце образовано было нежною рукою муз и граций. Что он полюбил во мне, не знаю, — может быть, пламенное усердие к добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсем испорченное воспитанием, — искренность, некоторую живость, некоторый жар чувства. Я нашел в нем то, что с самого ребячества было приятнейшею мечтою моего воображения, человека, которому мог я открывать все милые свои надежды, все тайные сомнения; который мог рассуждать и чувствовать со мною, показывать мне мои заблуждения и научать меня не повелительным голосом учителя, но с любезною кротостию снисходительного друга; одним словом, я нашел в нем сокровище, особый дар неба, который не всякому смертному в удел достается, и время нашего знакомства, нашего дружества будет всегда важнейшим периодом жизни моей».

Комментарий здесь излишен, но дополнение одно просится. Всем известна дружба Герцена и Огарева, которая отлилась в стихах, в мемуарах и в бронзе (имею в виду клятвы на Воробьевых горах и памятник, там сооруженный). Менее известно, что великие романтики революции вдохновлялись примером молодого Карамзина, что возглас «мой Агатон» сорвался с уст отрока Герцена и пришелся по сердцу мечтательному Огареву. Эта переключка двух поколений мечтателей имеет право на особое внимание.

Пробыв в Москве около года, Карамзин по делам должен был съездить в Симбирск. Осталось несколько писем Петрова к Карамзину в Симбирск (первое от 5 мая 1785 г.), которые показывают не только их знакомство, но и тесную дружбу, а частное упоминание о масонском празднике св. Иоанна говорит о принадлежности Карамзина к Новиковскому обществу. Письма дают понятие об их отношениях между собой, об их занятиях, о предметах, привлекавших их особенное внимание, изображают нам человека, который возымел решительное влияние на Карамзина, его образ мыслей, его речь, тон и слог.

Друзья вспоминали, как «за Оссианом, Шекспиром, Боннетом, просиживали половину зимних ночей. Часто дух наш на крыльях воображения облетал небесные пространства, где Орион и Сириус в золотых венцах сияют, там искали мы нежных друзей своему сердцу, и часто заря утренняя красила восточное небо, когда я расставался с Агатом и возвращался домой с покойной душой с новыми знаниями или с новыми идеями». И Карамзин восклицал:

...Приятнейшее время,
Когда со мной жила под кровом тишины;
Когда нам жизнь была не тягостное бремя,
Но радостный восторг...
Нередко огонь блистал, гремел над нами гром,
Но мы сердечно ликовали
И улыбались пред Отцом.
Который простирает к нам с неба длань благую:
В восторге пели мы гимн славы, песнь святую:
На крыльях молнии к нему летел наш дух!..»

«На разлуку с А. Петровым» (1792).

«В сем искреннем сообщении душ наших,— вспоминает Карамзин,— приобрел я и некоторое эстетическое чувство, нужное для любителей литературы. Верный вкус друга моего, отличавший с великой тонкостью посредственное от изящного, изящное от превосходного, выученное от природного, ложные дарования от истинных, был для меня светильником в искусстве и поэзии. Восхищенный красотой цветов, растущих на сем поле, дерзал я иногда младенческими руками образовать нечто подобное оным, и незрелые свои мысли изливать на бумагу;— он был первым моим судьей, и хотя замечал недостатки, однако же, по снисхождению и нежности своей, ободрял меня в сих упражнениях. Одинакие вкусы могут быть при различных свойствах души: Агатон и я любили одно, но любили различным образом». <...> Я был чувствителен, как младенец, он был тверд, как муж; но он любил мое младенчество также, как я любил его мужество».

Кроме Петрова Карамзин был очень дружен с упомянутым Алексеем Михайловичем Кутузовым (родственником фельдмаршала, но отношения их были весьма сложные). В «Письмах русского путешественника» Карамзин называет его «дражайшим приятелем, добродушным и любезным человеком».

В письмах содержатся воспоминания о былых встречах, душевных беседах, прогулках в окрестностях любимых монастырей Андроникова, Симонова, Новодевичьего. С Кутузовым Карамзин встречался и позже во время своего заграничного вояжа и тогда же порвал с ним резко, разойдясь во взглядах на смысл бытия, роль религии и в оценке масонства.

«В кругу Дружеского общества Карамзин прожил около четырех лет, от 19-го до 23 года своей жизни. Это был его университетский

курс; здесь довершилось, как говорится, его образование, получившее на первых порах оттенок мистико-философский», — пишет М. Погодин. (В письмах друзей этого времени Карамзина называют «брат Рамзей». По-видимому, «Рамзей есть просто сокращение Карамзина», как заметил М. Погодин, но обращение «брат» чисто масонского происхождения. Тем паче «лорд Рамзей». Однако последнее вызывает сомнения, не звучит ли это иронией. Ведь в масонской иерархии Карамзин высоко не продвинулся, оставшись простым братом. Отношение к нему московских масонов с самого начала было, по-видимому, неоднозначное и непростое).

Итак, мы видим круг занятий молодого Карамзина в продолжение четырех лет, когда он как бы завершал свое образование. Университетский курс читал, вероятно, сначала по указаниям своих наставников и старших товарищей, писал — мы знаем о некоторых его опытах, и очень много переводил. По свидетельству М. Погодина, «немецкая литература занимала его в особенности, благодаря хорошему знанию немецкого языка, приобретенному еще дома и потом в пансионе профессора Шадена».

Из «Писем русского путешественника» видно, что он хорошо знал уже тогда сочинения первоклассных писателей, подвизавших на славном поприще — Гёте, Клопштока, Галлера, Гердера, Лессинга, Виланда, Шиллера, но был знаком и вообще с немецкоязычной литературой — с сочинениями Морица, Гарве, Платнера, Вейсе, Енгеля, Рамлера, Клейста, Маттизона. Любимейшими его писателями были Геснер, Гердер, Лафатер. Из англичан выше всех ставил Карамзин Шекспира, которого переводить мечтал еще в Симбирске. Горячим сочувствием его пользовался Стерн, которого он знал чуть ли не наизусть.

Карамзин любил переводить писателей, которые ему особенно нравились. Он припоминает, что некогда просиживал долгие зимние ночи за переводом любимых авторов. Ему приходилось встречать восход солнца сидя за письменным столом над переводами, и эти минуты он относил к числу лучших в своей жизни.

Во французской словесности, тогда менее ему знакомой, первое место бесспорно принадлежало Руссо, любимцу его сердца, чьи книги приводили его в восторг. На страницах детского журнала Карамзин опубликовал и первую свою повесть «Евгений и Юлия» (1789), написанную под влиянием Руссо.

В эти годы Карамзин начинал учиться по-гречески. В письме к Дмитриеву, посылая ему стихи, писанные греческим размером, он говорит, что разбирал тогда по складам греческих поэтов. Позже в «Письмах русского путешественника» встречаются греческие тексты. Еще более важно, что он понимал и ценил простоту Гомера. В письмах есть упоминание о Лукиане, о Диогене. «Вообще он имел верное понятие о древности и часто употреблял сравнения, приво-

дил сказания, заимствованные из древнего мира... Русская история привлекала также его внимание, и он познакомился хорошо с главными ее событиями, вероятно по Татищеву, Щербатову, Болтину, по изданиям Миллера и Новикова, и составил собственное об ней мнение. Он видел неудовлетворительное ее положение, и в его живом воображении нарисовался тотчас ее желанный облик; он верно думал уже о том, как бы возбудить ею внимание и любопытство соотечественников» (М. П. Погодин).

К этому же времени относятся и первые зрелые поэтические произведения Карамзина, часть их позже включалась автором в собрания сочинений, как-то: «Часто здесь в юдоли мрачной...» (1787), послания к Дмитриеву (1787, 1788), «Военная песнь» (1788), стихи А. А. Петрову (1788), программное стихотворение «Поэзия» (1787) и др. Эти произведения важны не только для раскрытия истоков его творчества, они знаменуют качественно новый шаг в развитии русской поэзии. Тонкий знаток литературы XVIII в. П. А. Вяземский писал о Карамзине: «Как прозаик он гораздо выше, но многие его стихотворения очень замечательны. С них началась у нас поэзия внутренняя, домашняя, душевная, которой отголоски раздались после так живо и глубоко в струнах Жуковского, Батюшкова и самого Пушкина»¹.

М. Погодин, не чуждый поэтических увлечений, замечает, что «Карамзин любил заниматься стихотворством. С Дмитриевым, первым своим литературным другом, он переписывался в это время часто стихами, по большей части белыми, а иногда с рифмами»². В первом читаем: «Вы в начале письма вашего именовали меня М. Г. (милостивый государь), но именование друга мне бы приятнее было слышать из уст твоих <...> Дружба ваша ко мне позволяет мне надеяться, что переписка наша продолжится, и подаст мне случай чаще уверять вас в моей к вам преданности и моем к вам почтении».

Характерен отрывок из второго письма (1787):

Часто здесь в юдоли мрачной
Слезы льются из очей;
Часто страждет и томится,
Терпит много человек.
.....
Будь же ты благословенна
Дружба, дар святой небес!

В письме от 18 мая 1788 г. Карамзин призывает Дмитриева к стихотворству: «Пой, брат, пой! Песни дело не худое: кто упражняется в поэзии, кто нашел в ней вкус, тот реже другого будет в жиз-

¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 8. СПб, 1882, с. 215.

² См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. Письма изда ны акад. Я. К. Гротом к столетнему юбилею историографа.

ни своей скучать, а скука есть злой червь, который точит цвет жизни нашей».

Шутя с Дмитриевым, по поводу намерения его принять участие в Шведской войне, Карамзин пишет 2 июля 1788 года: «Может быть, потомки наши будут читать поэму, под заглавием Шведская война, в которой ты, конечно, будешь играть не последнюю роль... Если же ты и сам вздумаешь воспеть великие подвиги свои и всего воинства нашего, то, пожалуй, пой дактилями и хорейми, греческими гекзаметрами, а не ямбическими шестистопными стихами, которые для героических поэм не удобны и весьма утомительны.

Будь нашим Гомером, а не Вольтером. Два дактиля и хорей, два дактиля и хорей, например:

«Трубы в походе гремели, крики по воздуху мчались».

«Вот оно, вот начало Русских гекзаметров за двадцать лет до рассуждения Гнедича, Уварова, Капниста, за десять лет до опытов Мерзлякова — в шутке Карамзина, в письме к другу, позабытой без сомнения ими обоими, оставшейся для всех неизвестной! Так чует гений», — восклицает М. Погодин, первый биограф Карамзина.

Верным является еще одно наблюдение М. Погодина о роли молодого Карамзина в истории нашей словесности: «17 ноября, 1788 года, Карамзин написал Дмитриеву послание, которое долго читалось и помещено даже в образцовых сочинениях, изданных Жуковским и Обществом любителей отечественной словесности. Оно представляет также опыт нового размера, очень примечательный для того времени, когда у всех стихотворцев господствовал один почти ямб.

Многие Барды, лиру настроя,
Смело играют, поют:
Звуки их лиры, гласы их песней
Мчатся по рощам, шумят...
Я восхищаюсь! в радости сердца
Громко зываю, пою:
Древние Барды дух свой вливали
В нового Барда Невы!»

К стихам автор сделал приписку: «Так бедный московский стихотворец, учащийся ныне разбирать по складам греческих поэтов, осмеливается греческим стихотворением воспевать хвалу своему другу! Как радуюсь, если подлинно я подал тебе повод спеть такую хорошую песнь! Высокая гармония да будет всегда душою песней твоих. Августа 3, 1788... Что мне писать к тебе? Уведомлять ли тебя о новых песнях Московских муз? Но они все уныли и молчат. Любезный друг! чада мира не рождаются во время войны? Философствовать ли? Но там не любят читать философских диссертаций, где летают пули. Что же? Пожелаю тебе от всего сердца доброго здоровья и спокойствия».

Круг интересов молодого Карамзина — поэта, журналиста, переводчика исключительно широк. М. Погодин, опираясь на свидетельства его близких, пишет, что «не было предмета в области наук и искусств, который не привлекал бы к себе его внимания и не возбуждал его любопытства, его деятельности. Но всего более его занимали высшие вопросы и задачи человеческой жизни, составлявшие вместе цель искания и того общества, которому принадлежал он. Что мы? Откуда мы? Куда мы? Для чего? Вот о чем он беспрестанно думал, о чем беседовал с своими друзьями, по положительным свидетельствам... на что искал ответов в сочинениях мыслителей всех времен, и осмелился даже вступить в переписку с знаменитым Лафатером, ободренный, вероятно, отзывами его московских знакомцев».

В центре его исканий был поиск ответа на вопрос о бессмертии души. И если она бессмертна, то как соединена с бренным телом. Швейцарский писатель И. К. Лафатер, весьма знаменитый в Европе, весной 1788 г. прислал Карамзину любезный совет каждый день возглашать «Господи, помилуй» и читать его «Братские письма к юношам», «которые будут приятны вашему сердцу, истины жаждущему». Позже Карамзин пришел к заключению, что вопрос о душе и Боге — это объект не науки, которая в этой области бессильна и к которой был склонен Лафатер, а веры.

Похоже, прав был П. А. Вяземский, в свое время доверительно сообщивший Петру Бартеневу, что Карамзин, подобно его кумирам просветителям, одно время стоял на позиции деизма, от которого излечился только во время своего заграничного путешествия.

Снова даем слово М. Погодину: «И. Дмитриев, проезжавший через Москву в С.-Петербург, оставил нам, к счастью, в своих записках изображение очень верное, и даже живописное, Карамзина в эту эпоху его жизни». «После свидания нашего в Симбирске какую перемену я нашел в милом моем приятеле! Это был уже не тот юноша, который читал все без разборов, пленялся славой воина, мечтал быть завоевателем чернобровой, пылкой Черкешенки: но благочестивый ученик мудрости с пламенным рвением к усовершенствованию в себе человека. Тот же веселый нрав, та же любезность, но, между тем, главная мысль, первые желания его стремились к высокой цели. Тогда я почувствовал перед ним всю мою незначительность и удивлялся, за что он любит меня еще по-прежнему. Я как теперь вижу скромное жилище молодых словесников. Карамзин жил в то время вместе с Петровым, близ Чистых прудов. Оно разделено было тремя перегородками; одна освящалась Иисусом на Кресте под покрывалом крепа, а в другой на столе, покрытом зеленым сукном, стоял гипсовый бюст Шварца, умершего незадолго перед приездом моим из Петербурга в Москву».

В Послании к Дмитриеву (1793) изображено состояние души Карамзина в это время, его желания и надежды...

И я, о друг мой! наслаждался
Своею красною весной,
И я мечтами обольщался —
Любил с горячностью людей,
Как нежных братьев и друзей;
Желал добра им всей душою;
Готов был кровию моею
Пожертвовать для счастья их. <...>
Орудием небесным быть.
И в памяти потомства жить,
Казалось мне всего славнее,
Всего прекраснее, милее!

Здесь, как видим, сомнений в высших проблемах бытия уже нет. Осталось служение человечеству на ниве просвещения.

М. Погодин, который вообще не особо жаловал мартинистов, все же пишет об их благотворном влиянии на молодого Карамзина:

«Новикову и его друзьям, без всякого сомнения, Россия обязана очень много приуготовлением Карамзина к его достославному действию на литературном поприще. Впрочем, Карамзин не уклонялся и от светского общества, в Москве, как и в Симбирске, что заметил Дмитриев, говоря об его любезности и веселости. Самое близкое знакомство у него было с семейством Плещеева, который был председателем какой-то (Московской судебной.— А. С.) палаты. Особенно дружен он был с женой, молодой, образованной женщиной, на сестре которой он женился после. Дмитриев замечает в своих записках, что в ее-то семейном уединении развивались авторские таланты юного Карамзина. Она питала к нему чувства нежнейшей матери. Вот как описывает Карамзин первую встречу с ней (в Послании к женщинам, 1796).

Наина! десять лет тот день благословляю,
Когда тебя, мой друг, увидел в первый раз:
Гармония сердец соединила нас...

Следовательно, начало знакомства Карамзина с семейством Плещеевых относится к 1786 году, на второй год по его поселении в Москве.

Похоже, Карамзин был горд вниманием к нему этой незаурядной женщины:

Никто участия в судьбе моей не брал.
Чувствительность в груди моей питая,
В сердцах у всех людей я камень находил;
Среди цветущих дней душою увядая,
Не в свете, но в пустыне жил.
Ты дружбой, искренностью милой,
Утешила мой дух унылый;
Святой любовью своей
Во мне цвет жизни обновила,

Надобно добавить, что супруги Плещеевы были не последними людьми среди мартинистов и поддерживали постоянную связь с упомянутыми выше приятелями нашего Агатона, т. е. Кутузовым и Петровым. Карамзин подолгу жил в их богатом орловском имении Знаменское. Позже, чтобы поддержать друзей, продал свою часть отцовского поместья и всю сумму (до 16 тыс. руб.) передал безвозмездно супругам Плещеевым, к тому времени ставшими ему родными, после женитьбы в 1802 г. на Елизавете Плещеевой, младшей сестре своей чувствительной наставницы — Н. И. Плещеевой.

С масонами Карамзин расстался перед отъездом за границу: он, как пчела, извлек из этой связи, из знакомства с просвещенными и почетными людьми, все то, что можно было извлечь, но здравый его смысл сказал ему: не далее. К крайностям он не пошел. Темная область таинственных гаданий была не по вкусу (равно как и политические авантюры. — А. С.). По своей природе он любил больше всего ясность и наглядность. Вот как рассказывал он позже Н. И. Гречу (в его типографии набиралась «История». — А. С.) в Петербурге, отвечая на вопрос об отношениях его к мартинистам: «Я был обстоятельствами вовлечен в это общество в молодости моей и не мог не уважать в нем людей, искренно и бескорыстно искавших истину и преданных общепольному труду. Но я никак не мог разделить с ним убеждения, будто для этого нужна какая-либо таинственность, — и не могли мне нравиться их обряды, которые всегда казались мне нелепыми. Перед моею поездкою за границу я откровенно заявил в этом обществе, что, не преставая питать уважение к почтенным членам его и признательность за их постоянное доброе ко мне расположение, я, однако ж, по собственному убеждению принимать далее участие в их собраниях не буду, и должен проститься. Ответ их был благосклонный: сожалели, но не удерживали, и на прощанье дали мне обед. Мы расстались дружелюбно. Вскоре затем я отправился в путешествие!»¹

«Желание путешествовать зародилось в нем очень давно, — пишет Погодин. — Может быть, рассказы Ленца и Кутузова, вместе с прежними советами Шадена заняться в Лейпцигском университете, подали первую мысль, столько согласную с его характером. Ему хотелось поискать ответов на беспокоившие его вопросы, увидеть людей, которые оказали на него действие своими сочинениями, увидеть памятники науки и искусства, которые произвела Европа, увидеть жизнь просвещенных ее народов, насладиться красотами природы. К тому же побуждало и безотчетное стремление от известного к неизвестному...»

¹ См.: Погодин М. Указ. соч. Ч. I, гл. III.

Размышления Погодина верны, но недостаточны. Дело не только в любознательности. Путешествие предпринималось, чтобы проверить действенность, истинность идеологии просвещения, ее применимость к условиям России. Но, похоже, подлинные цели своего вояжа Карамзин не афишировал.

«В одном из своих писем так рассуждал Карамзин о путешествии: «Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения. Все прочие животные, будучи привязаны к некоторым климатам, не могут выйти из пределов, начертанных им натурою, и умирают, где родятся; но человек, силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат, ищет везде наслаждений, и находит их, везде бывает любимым гостем Природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствия, везде радуется бытием своим и благословляет свое человечество. А мудрая связь общественности, по которой нахожу и во всякой земле все возможные удобства жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные, по которой жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности, и призывают меня участвовать в своих забавах, в своих весельях...»

Обращаясь к покидаемым друзьям, наш чувствительный вояжер восклицает: «Но вы мне всего любезнее, и с вами надлежало расстаться. Сердце мое так много чувствовало, что я говорить забывал. Но что вам сказывать! — Минута, в которую мы прощались, была такова, что тысячи приятных минут в будущем едва ли мне за нее заплатят.<...> Милый Петров провожал меня до заставы. Там обнялись мы с ним, и еще в первый раз видел я слезы его; — там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: Прости! Колокольчик зазвенел, лошади помчались... и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!» Это первое письмо с дороги, от 18 мая 1789 г., Карамзин оканчивает так: «Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я в деревенском трактире, стоя перед карикатурами Королевы Французской и Римского Императора, хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце свое. Там-то все оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде. — Но полно, полно! Мне опять становится чрезмерно грустно. Простите! Дай Бог вам утешений! Помните друга, но без всякого горестного чувства!» М. Погодин замечает: «Остановимся на этом письме, читатели! Не правда ли, что вы слышите в нем совершенно новый язык, сравнительно с тем, который слышался в предшествовавших опытах Карамзина, сравнительно с тем, который употреблялся современными ему писателями? Какая ясность, простота, какая легкость, плавность, живость, какое свобод-

ное течение речи! Да, это письмо составляет эпоху в истории Русского слова. С него начинается наша настоящая литература».

Язык «Писем русского путешественника» — это уже не язык автора идиллии «О деревянной ноге». Карамзин научился, по собственным словам, писать чище и свежее, отдав должное красноречию Ломоносова. Понял, что «высокий стиль уже не свойственен нынешнему разговорному языку», и «постарался писать чище и живее». Другьям и близким признавался, что по нескольку раз переписывал свои тексты, пока получал желанное, и его «чудный слог» как бы порожден огнем камня, где сгорали черновые первичные наброски. Так в 20 лет Карамзин начал преобразование языка, заявив о себе как об основателе лучшего литературного слога и нового периода в истории русской словесности, получившего название Карамзинского.

Сокровенны идеалы, в душе созревшие, но реализация их в упорном труде происходит на виду у публики.

ПОИСК ИДЕАЛА, ИЛИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

В 1789 году, в бурное, бунташное время, буквально накануне штурма Бастилии, Карамзин через Прибалтику выехал за границу. О путешествии по Европе для завершения образования и разрешения назревших сомнений он помышлял давно. Путешествие заняло более года с мая 1789 до сентября 1790 года. Путевые заметки, позже обработанные, составили знаменитые «Письма русского путешественника». Эта одна из основных работ Карамзина по своей значимости может быть сравнима только с другим его любимым детищем — «Историей государства Российского». «Жизнь наша, — писал Карамзин, — делится на две эпохи: первую проводим мы в будущем, а вторую — в прошедшем». Если отнести эти слова к самому автору, то надобно признать, что первая их часть касается 24-летнего автора «Писем русского путешественника», вторая — автора «Истории государства Российского».

«Письма» отражают личность Карамзина. «Зеркало души моей», — говорил о них автор. Однако полностью отождествлять автора с его героем, «чувствительным путешественником», нельзя. Перед нами не путевой дневник, а литературное произведение. Картины, события, люди, увлекающие читателя, — это не только списанное с природы, увиденное автором, но и созданное его творческим воображением. Сочинитель часто вытесняет странника.

Молодой путешественник оказался в самой стремнине могучего потока европейского Просвещения. Что же управляет миром, судьбами людей, государств, народов? И можно ли в настоящем Запад-

ной Европы увидеть завтрашний день России? — вот, пожалуй, центральный вопрос, тревоживший молодого Карамзина.

Примечательно, что первым иностранцем, которому нанес визит молодой Карамзин, был профессор Кенигсбергского университета Иммануил Кант. И позже Карамзин неоднократно обращался к его творчеству. Канта в наши дни больше знают как одного из представителей агностицизма; меньше он известен как мыслитель, первый выдвинувший идею социального прогресса, которая стала одной из центральных в идеологии Просвещения.

Развитие самосознания нации и отдельной личности сопровождалось более глубоким пониманием места человека на земле, его принадлежности к человеческому роду и в настоящем, и в прошлом, отсюда рост интереса к культуре и истории не только своего народа, но Европы и планеты в целом, понимание бытия человечества как процесса непрерывного развития. Идея поступательного развития общества постоянно привлекала внимание Карамзина.

Свои сомнения в возможности реализации в современной Франции «царства разума» Карамзин-путешественник высказывает, прямо ссылаясь на Канта, перед которым Платон в рассуждении философии есть младенец, «...с падением народов не упадет весь род человеческий». Карамзин отмечал многогранность «славного... все-сокрушающего» Канта, в доме которого, по его наблюдениям, «все просто, кроме... его метафизики». Внимание Карамзина привлекает также этическое учение Канта, его принципы нравственности, восходящие к заповедям Нагорной проповеди, что не могло не увлечь Карамзина, всегда придававшего нравственности особо важное значение в жизни и в истории человечества.

В «Письмах» значительное место уделено мировоззренческим проблемам. Автора манит таинственный внутренний духовный мир человека, преодолевают сомнения в существовании души как некоей загадочной, особой субстанции, непонятно как соединенной с телом человека. Одновременно он осуждает религиозный фанатизм, обличает инквизицию. Карамзин восторгается Вольтером, выступившим в защиту жертв католического мракобесия, за свободу совести и слова, поминает добрым словом Лютера, бросившего в свое время смелый вызов господствующей церкви. Для Карамзина превыше всего — истина, справедливость, чистота души. В этом отношении он как бы предвосхищает позднейший и более четко сформулированный и развитый Пушкиным, Достоевским, Толстым тезис о том, что главное в человеке — богатство внутренней духовной жизни, чистота ее. Карамзин осуждает официальную церковь, сросшуюся с государственным аппаратом, ему близки уравниательные аскетические формулы раннего христианства. Истинная религия для него также отлична от суеверия и фанатизма, как правда от ябеды. В от-

ношениях между людьми «нужно уважать не богатство, а достоинство».

Само слово «свобода» представляло для молодого Карамзина нечто неотразимо-привлекательное. Понятие «свобода и счастье» почти сливаются в его представлении: «...свобода необходима для процветания государства и народов». Он сочувствует польскому вольному городу Данцигу и укоряет Пруссию, удушающую его. Потеряв свободу, город зачах: «Торговля, любящая свободу, более и более сжимается и упадет от теснящей руки сильного» (то есть Пруссии). Швейцарию Карамзин не только называет страной свободы и счастья, но подчеркивает, что наличие таких республик наполняет его гордостью за человечество.

Свобода, по мнению автора «Писем», несовместима с накопительством, стяжательством, и когда последнее становится основным занятием граждан, «умирает свобода в республиках», роскошь является «гробом вольности и добрых нравов». У Карамзина был свой идеал «республики добродетелей», и довольно суровый. Не случайно в революционном Париже он перечитывает Габриэля Мабли, Томаса Мора, Платона и готов увлечься Робеспьером, в деятельности которого он усматривал опыт реализации той социальной утопии, которая с юных лет привлекала его. Н. Тургенев свидетельствует, что «Робеспьер внушал ему (Карамзину. — А. С.) благоговение... Получив известие о смерти грозного трибуна, он проливал слезы; ...под старость он продолжал говорить о нем с почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности, твердости характера». Высокая оценка Робеспьера вызвана преклонением перед вождем революции, перед его высокими нравственными качествами. Были близки Карамзину и мысли Робеспьера о просвещении народа. Республиканский строй им всегда оценивался с этических позиций, гражданин республики — образец добродетели и гуманизма.

В первой редакции «Писем» в 1791—1792 г. Карамзиным не было произнесено слов осуждения Французской революции. Были сожаления по поводу падения нравов, была горечь утраты надежд. При этом следует иметь в виду, что содержание таких понятий, как революция, либерализм, просвещение, в наши дни не адекватно словоупотреблению XVIII века. Тогда понятие революции еще не связывалось с представлением о выдержанной тактике, организованной борьбе масс, опирающейся на научную теорию. Скорее это была антитеза консерватизму, застою. Если понимать под революцией структурные перемены в обществе, то Карамзин всегда поддерживал их. Как выше отмечалось, он разделял веру в социальный прогресс. Другое дело, кого он считал инициатором социальных перемен. В заговоры и конспирации он никогда не верил. Политические убийства, терроризм осуждал, видя в них проявления «буйства черни». Террор якобинцев, казнь короля вызвали его резкое осуждение, что отразилось и на редакции писем.

Карамзин высказал два основных замечания по адресу революции во Франции. Первое — о кровавом нарушении порядка вещей, установленных историей, и второе — обвинение собственно ее деятелей (но не всех, Робеспьер не был назван) за порочность их душ, за стяжательство. По-видимому, обвинения постепенно созревали еще в ходе путешествия, когда Карамзин видел в действии «республиканцев с порочными сердцами» людей, запятнавших грязью знамя республики со святыми словами свободы, братства, равенства. И не без гордости он называл себя и позже в доверительных письмах к ближайшим друзьям «республиканцем в душе». Но путь к осуществлению этого идеала у Карамзина не мыслился по французскому образцу. Ему был ближе пример просвещенной, конституционной Англии, а еще дороже — вечевые традиции собственной страны.

В Англии его внимание привлекли древние парламентские учреждения, и особенно развитие просвещения, его благотворное влияние на нацию, обычаи, нравы, традиции. Этого он не наблюдал нигде на континенте. Карамзин заявляет, что Англия самая просвещеннейшая земля в Европе. А затем сопоставляет увиденное с отечеством, желает последнему идти ускоренным шагом по пути, начатому Петром, благодаря которому «мы почти догнали Англию, бывшую до Петра впереди нас шестью веками». Главное — просвещение народа, оно — палладиум благонравия. Высокая оценка Англии не исключала и трезвый, критический взгляд на теневые стороны действительности. Англичане, замечает автор, не только просвещены («здесь газеты и журналы у всех в руках не только в городе, но и в маленьких деревеньках»), но они также «тонкие великие эгоисты» в торговле, политике и в частных отношениях между собою. Все у них «продумано, разочтено, и последнее следствие есть... личная выгода... В них действует более ум, нежели сердце, ум же всегда обращается к собственной пользе, как магнит к северу». Повсюду в Европе, отмечает автор «Писем», «роскошь и бедность в вечной противоположности» и добавляет: «такова судьба гражданских обществ: хорошо сверху, в середине, а вниз не заглядывай». Карамзин пронизательно отметил также пагубное влияние буржуазной жизни на общественную нравственность («между несчастными жертвами распутства много здесь двенадцатилетних девушек»), на развитие искусства, всю духовную жизнь народа. «Кто думает, что счастье состоит в богатстве и в избытке вещей, тому надобно показать многих здешних крезов... задолго до смерти умирающих душою. Вот английский сплин!.. Жить здесь для удовольствия общежития есть искать цветов на песчаной долине»¹.

Из всей Западной Европы, проникнутой духом стяжательства и

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1980, с. 56, 157, 166, 304 и др.

наживы, Карамзин готов был сделать исключение для Швейцарии, где поначалу увидел «цветущее состояние земледельцев», которые «не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости». Но при более пристальном изучении автор и в Швейцарии заметил проявление тех же социальных и политических контрастов, которые присущи буржуазному «гражданскому обществу», а именно посприание справедливости, отсутствие социального равенства, всемогущество имущих. Выше парламента, республики, конституции Карамзин ставил успехи просвещения, уровень образованности и, как он выражался, благонаравия народа. Под последним он понимал развитие в людях чувства достоинства, личной гордости, ощущения своей принадлежности к нации и человечеству, ответственности за его судьбы — вот смысл бытия, который достигается развитием просвещения. Отсюда-то его формула: «Просвещение есть палладиум благонаравия». Это близко мечте М. Ломоносова о республике ученых. Другое выражение этой же мысли Карамзина: «Не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум». Он уверен, что «злой роялист не лучше злого якобинца... На свете есть одна хорошая партия: друзей человечества и добра»¹.

Карамзин утверждал: «Всякое проявление, которого душа есть справедливость, благотворно и совершенно». Тут ярко проявились сильные и слабые стороны его мировоззрения. В свете этого для Карамзина вопрос о форме государства (монархия, республика и т. д.) отступал на второй план, но вместе с тем теряла значимость в его глазах и борьба за немедленное устранение сословного неравенства. С другой стороны, Карамзин видел несостоятельность парламентаризма, понимал, что провозглашение гражданского равноправия и даже учреждение республики не избавляют общество от произвола сильных. Критическое отношение к западноевропейскому образу жизни заняло важное место в идейных исканиях русских мыслителей в XIX веке и нашло свое отражение в художественной литературе.

С верой в конечное торжество просвещения, разума подходил Карамзин к оценке центрального события современности — Французской революции, считая последнюю закономерным звеном в цепи исторического развития всей Европы: «Французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния... Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел». События во Франции, их влияние на ход европейской истории и позже неизменно находились в центре внимания Карамзина как издателя и журналиста. Он пишет Дмитриеву из села Знаменское 17 августа 1793 г.: «Мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 191, 517—523.

сердце. Назови меня Дон-Кихотом, но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю — Человечество». 24 июня 1795 г. Карамзин сообщал брату Василию Михайловичу: «В Париже великий голод, и народ недоволен Конвентом». И не без борьбы Карамзин прощался с возможностью реализации идеала суровой добродетельной республики. Однако же в послании к Дмитриеву в 1794 году он прямо говорит, что «время, опыт разрушают воздушный замок юных лет... И вижу ясно, что с Платоном республик нам не учредить». Именно Платон высказывал мысль, что «из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство». Франция конца XVIII века, казалось, напоминала об этом. После учреждения Консульства и утверждения Бонапарта первым консулом у Карамзина окрепло отрицательное отношение к Франции. В консульской Франции он видит ту же монархию, лишь слегка прикрытую остатками республиканских учреждений.

Указывая на это перерождение Великой революции, В. И. Ленин писал, что из революционных, национальных войн, которые вела Французская республика против коалиции феодальных монархий, постепенно выросли империалистические захватнические походы, «когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы»¹. Эти империалистические походы породили в свою очередь «национально-освободительные войны против империализма Наполеона»². К числу последних марксисты относили Отечественную войну 1812 года. В этих событиях, раскрывающих диалектику истории, лежит ключ к пониманию позиции русских мыслителей той эпохи, суждений и оценок, высказанных Н. М. Карамзиным.

Противоречивые тенденции в политической жизни (ведь царство разума, о котором мечтали просветители, оказалось идеализированным царством буржуазии) поставили перед Карамзиным трудные проблемы. Как применить к условиям России идеологию Просвещения, ее венец — республику, с одной стороны, и дать отпор захватнической политике Наполеона (тоже выросшей из республики) — с другой? Решение этих вопросов Карамзин думал найти, обратившись к истории, чтобы в свете исторического прошлого русского народа рассмотреть и оценить завоевания XVIII века, опыт своего времени, решить назревшие вопросы жизни. Русское Просвещение — это поиск наиболее подходящих для развития народа политических и социально-экономических условий. Он был поставлен всем ходом русской жизни, развитием национальной культуры, не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 6.

² Ленин В. И. Там же. Т. 35, с. 382; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22, ч. 30. В оценке этих событий Ленин широко использовал работы В. О. Ключевского.

обходимостью учета опыта других наций, и прежде всего опыта Франции и вызванных ею движений.

Вопрос о судьбе самодержавия и крепостного состояния встал в центре внимания русского общества. «Царское самовластие», «дикое барство» в свете идей Просвещения воспринималось как явление безнравственное. На смену системе ценностей, взращенных феодализмом, а ее вершиной была верность государю («за государем не пропадет»), шла новая идеология с присущим ей чувством гражданственности, патриотизма, служения отечеству, личного достоинства. Формирование и развитие русской нации, ее духовной культуры, ее самосознания ставило перед общественной мыслью, перед литературой такие проблемы, как национальная культура, национальное самосознание, патриотизм, человеческая личность в национальном коллективе и в мире, нация и народ в человечестве, место и роль России в Европе, в современном мире и в истории. Именно эти проблемы заняли основное место и в «Истории государства Российского».

К замыслу создания крупного исторического полотна Карамзин подходил давно. Как свидетельствует И. И. Дмитриев, его друг «давно занимался прохождением всемирной истории, с прилежанием читал всех классических авторов, древних и новых, наконец, прилепился к отечественным летописям, в то же время приступил и к легким опытам в историческом роде».

В «Письмах русского путешественника» это уже заметно. Здесь Карамзин отмечает: «Больно... что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием... Нужен только вкус, ум, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель увидит, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев. Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги половцев не очень любопытны, — соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые тома? <...> Но все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные, описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Лудовик XI: царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микеланджело»¹. Это — набросок замысла огромного труда и вместе с тем изложение собственного творческого метода, стремление слить

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 353.

в единое целое историческую науку с художественной образностью в изложении результатов исследования.

Наш путешественник на чужбине обдумывает план «Истории государства Российского» и буквально грезит летописцами, до того увлекся замыслом великого труда.

Обращение к истории Отечества, укрепление в замысле крупного труда, ей посвященного, весьма знаменательны и свидетельствуют о переломе в воззрениях «чувствительного путешественника». Он отправился в Париж, чтобы увидеть завтрашний день Отечества в европейском днесь. Однако все увиденное и передуманное убедило его в том, что на иностранной мудрости нельзя перекраивать Родину, что залог ее будущего в ней самой, в образе жизни, верованиях, обычаях, традициях, нравах и законах, выработанных самим народом. Изучение всего этого богатства является важнейшей задачей общенациональной, государственной значимости. Написание «Истории» Отечества рассматривается Карамзиным как гражданский долг, как патриотическое служение.

Путешествие еще более утвердило Карамзина в мысли о первенствующей роли просвещения нации как основы ее благосостояния, гарантии ее развития. С этим уезжал он из Лондона 4 июля 1790 года.

В июле же Карамзин пересек русскую границу и вернулся на родину. Так завершилось путешествие, о котором он давно мечтал, план которого обсуждал с друзьями еще в кругу Новикова с 1786 года.

За год и два месяца он объездил Германию, Швейцарию, Францию, Англию, побывал в лучших городах Западной Европы: в Кенигсберге, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Страсбурге, Женеве, Лозанне, Лионе, Париже и Лондоне. Четыре года, проведенные Карамзиным в обществе московских масонов, не пропали даром. За границу отправился европейски образованный молодой человек. Он знал не только языки, но был хорошо знаком и с европейской литературой, историей, философией. Его интересовало все, но главное — культурная жизнь Западной Европы: ее исторические памятники, музеи, библиотеки, университеты, театры. Во время путешествия Карамзин стремится пополнить свои знания, найти ответы на интересующие его вопросы. Он посетил известных в то время писателей, ученых, общественных деятелей, имена и труды которых ему были хорошо знакомы. Не было крупного города на его пути, в котором он не знал, с кем ему хотелось бы повидаться, какому памятнику поклониться, какой музей или учреждение он должен посетить. Особо Карамзина интересовала политическая жизнь европейских государств. Он познакомился с политическим устройством Швейцарских кантонов, в революционном Париже присутствовал на заседании Национального собрания, в Лондоне — в парламенте и Верховном суде. Во время путешествия Карамзин, подражая люби-

мому английскому писателю Лоренсу Стерну, записывал все, что видел, слышал, о чем думал и мечтал. Так зарождались «Письма русского путешественника», самое крупное литературное произведение Карамзина, принесшее ему европейскую известность. Наполненные легендами, сентиментальными размышлениями, рассказами, историческими и бытовыми картинками, они читались легко и увлекали живым, изящным языком. Но наряду с описанием внешних впечатлений «Письма» отразили в себе внутренний мир молодого, образованного дворянина со всей его противоречивостью и исканиями. Эта вторая сторона «Писем» также привлекала его современников, находивших на их страницах многие вопросы, которые не могли не интересовать интеллигента того времени.

Знакомство с жизнью Западной Европы и встречи с ее культурными, научными и общественными деятелями укрепили в нем желание служить обществу, распространяя просвещение в своей стране.

Карамзин вернулся на родину с широкой программой издательской, журнальной деятельности, надеясь способствовать просвещению родного народа. В десять лет с 1792 по 1802 год Карамзин создал два лучших по тем временам периодических органа: «Московский журнал» (1791—1792) и «Вестник Европы» (1802—1803). Даже в годы павловского самовластья он не прекратил издательской деятельности и сумел выпустить два тома альманаха «Аглая» (1794—1795), поэтический альманах «Аониды» (три книжки).

В 1794 году Карамзин издал сборник своих работ «Мои безделки». В первую книгу вошла проза, стихи составили вторую часть. В 1797 году вышло второе издание; позже, в 1799 году, вышли «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений». По-видимому, само название сборника «Мои безделки» было навеяно воспоминаниями о Париже. В Булонском лесу Карамзин видел очень понравившийся ему «прекрасный павильон» под этим же названием.

На страницах «Московского журнала» с 1791 года Карамзин начал печатать «Письма русского путешественника». Здесь же публиковались политические обзоры, литературные повести, критические заметки и статьи редактора-издателя. Издание «Писем» вначале по главам в журнале и сборниках, потом полностью отдельным изданием весьма затянулось. Развитие революции и особенно казнь короля Людовика XVI, террор якобинцев побуждали Карамзина к уточнению своих первичных впечатлений и оценок. В этом плане не прошли бесследно для автора и события в России. Екатерина II, завоевывая Польшу, по ее выражению, боролась с якобинцами на Висле. В сложной борьбе оказались замешаны московские мартинисты (Новиков, Баженов, Тургенев). Последовали аресты, расследования, расправы. Тень подозрения пала и на Карамзина, отразилась на его жизни и творчестве.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ. ПУБЛИЦИСТ, ПОЭТ, ИЗДАТЕЛЬ

Николай Михайлович вернулся на родину, имея сложившийся план издания журнала с целью содействовать развитию просвещения, литературы и искусства. Этот замысел вызревал давно, путешествие укрепило его намерение.

«Возвратясь в Петербург осенью 1790 года,— говорит Н. Н. Бантыш-Каменский,— в модном фраке, с шиньоном и гребнем на голове, с лентами на башмаках, Карамзин введен был И. И. Дмитриевым в дом славного Державина, и умными, любопытными рассказами обратил на себя его внимание. Державин одобрил его намерение издавать журнал и обещал сообщать ему свои сочинения. Посторонние лица, посещавшие Державина, гордясь витиеватым, напыщенным слогом своим, показывали молчанием и язвительною улыбкою пренебрежение к молодому франту, не ожидая от него ничего доброго»¹.

Молодой Карамзин поражал современников смелостью поведения и мысли. Однажды за обедом у Державина молодой литератор заспорил горячо с известным вельможей Николаем Новосильцевым, и выражал некоторые мнения, не совсем согласные с общепринятым в России образом мыслей. Жена Державина, подле которой он сидел, дала ему знак пожатием ноги, чтоб он выражался осторожно². Очарованный молодым собратом в служении музам, Державин (поэт и министр) предложил ему быть при нем секретарем. Но Карамзин отклонил предложение и поспешил в первопрестольную столицу.

В Москве он поселился в доме друзей своих Плещеевых, к которым адресованы были и письма русского путешественника,— на Тверской, в приходе Василия Кесарийского³.

После Плещеевых самый близкий к нему человек в Москве был Петров, тогда уже тяжело больной, что потрясло Карамзина. «Мой Агатон» также поддержал намерения друга. Водворясь в Москве, Карамзин тотчас принялся за литературу, за подготовку к изданию журнала, которым надеялся вместе и обеспечить свое существование: доходов с имения, затраченных на путешествие, которое стоило ему 1800 рублей, было недостаточно. О службе, бывшей тогда в общем обычае, он не помышлял и поэтому отказался от должности секретаря, которую предложил ему Державин.

6 ноября 1790 года в «Московских ведомостях» № 86 появилось

¹ Заметим, что Бантыш-Каменский ссылается на Дмитриева, которому предварительно читал свою биографию, и напечатана была она при его жизни.

² Так слышал К. С. Сербинович, секретарь историка, от самого Н. М. Карамзина в июне 1825 года.

³ Этой церкви не существует более; она находилась на горе, против Саввинского подворья. По-видимому, он жил там и перед своим отъездом за границу.

объявление о начале издания «Московского журнала». В объявлении сообщалось, что в журнале будут публиковаться сочинения в стихах и прозе, иностранные — «в чистых переводах, по большей части из немецких, английских и французских журналов». Предусматривался отдел критики, театральных новостей, отдел путешествий. В заключение издатель писал: «Материалов будет у меня довольно, но... я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом, в который не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантичные, сухие пиесы. Впрочем, все, что в благоустроенном государстве может быть напечатано с указанного дозволения — все, что может нравиться людям, имеющим вкус, тем, для которых назначен сей журнал,— все то будет издателю благоприятно». Это объявление и особенно тот его пункт, в котором Карамзин заявил, что в план его издания не входят «теологические и мистические» пиесы, вызвали переполох среди масонов. Они восприняли это как вызов и открытый разрыв с ними и были правы в этом. Первым встревожился и забил тревогу А. М. Кутузов. «Сейчас получил я письмо от Плещеевой,— писал он И. В. Лопухину,— с приложением «Объявления» Карамзина, из которого усматриваю, что *он не в той уже с нами связи, в который был прежде* (курсив мой,— А. С.). Скажи, что сие значит и что тому причиною?» <...> «Признаюсь, что скоропостижное его (Карамзина) авторство,— писал он далее,— равно как план, так <i>его «объявление» поразили меня горестью... Вы знаете, я давно уже ожидал сего явления,— я говорю об авторстве... Ежели в нашем отечестве будут издаваться тысячи журналов, подобных Берлинскому и Виландову, то ни один россиянин не сделается от них лучшим, напротив того — боюсь, чтобы тысяча таких журналов не положила миллионов новых препятствий к достижению добродетели и к познанию самих себя и Бога».

Адресат письма не случайный, и Лопухин, и супруги Плещеевы были весьма близкими друзьями Карамзина, к последним были адресованы его письма путешественника. Плещеевы знали о давнем намерении Карамзина издавать журнал, что всегда вызывало оппозицию Кутузова, и в письме к последнему Плещеева напомнила об этих застарелых спорах. «Перемена его (Карамзина) состоит еще в том, что он более стал надежен на себя, как вы сие и предвидели. Предвидели вы и то, что журнал он выдавать станет. Я к вам посылаю объявление, а здесь оно уже запечатанное раздается при газетах». Но похоже, что полностью склонить на свое сторону Плещеевых Кутузову не удалось.

Прежние учителя и наставники Карамзина, кроме Плещеева и Петрова, обрушились на него с нравоучениями о тщетности намерения «исправлять писаниями род человеческий» и с большим удовлетворением констатировали, что он этим предприятием «расстроил

свое состояние». С иронией и желчью писал Кутузову 21 января 1791 года масон М. И. Багрянский: «Лорд Рамзей возвратился передо мной, вы его не узнаете, он совсем изменился телом и душой. Все, кого он почтил своими визитами, ссорились с ним, как только он входил. Он говорит о нас много вещей поистине смешных. Он выпускает журнал, без сомнения, наиболее плохой, какой только может представить просвещенный мир. Он думает нас воспитывать вещами, которые мы никогда не знали... Он называет себя первым русским писателем, он хочет преобразовать наш родной язык, который мы почти не знаем, именно он откроет нам спрятанные в нем богатства... А. А. Плещеев — самый близкий его друг и наиболее усердный поклонник. Мы же остальные держимся еще старых предрассудков, мы — завистники, которые далеки от того, чтобы подражать талантам и заслугам великих писателей этого века, ползаем в крайнем невежестве суеверных веков»¹.

По мере выхода книжек «Московского журнала» с печатавшимися в них «Письмами русского путешественника» масоны вынуждены были признать, что разрыв произошел окончательно. Друг Карамзина А. М. Кутузов выразил общее мнение, заявив, что «путешествие его произвело в нем великую перемену в рассуждении прежних друзей его. Может быть,— писал он,— и в нем произошла французская революция»².

Кутузов по-своему правильно определил поворот во взглядах и настроениях прежнего масона. Карамзин вернулся из путешествия изменившимся. Знакомство с жизнью Западной Европы, встречи с передовыми деятелями культуры оказали влияние на еще неопределенное мировоззрение Карамзина. Он преодолел влияние мистики и деизма. Влияние масонской идеологии ослабло, что, впрочем, давно наметилось еще до отъезда за границу. За время путешествия Карамзин проникся верой в силу просвещения, у него росло убеждение, что только через деятельное просвещение можно обеспечить дальнейший прогресс русского общества. Очевидно, это убеждение укреплялось в нем по мере того, как часть масонов все больше втягивалась в занятия оккультными науками, вела бесплодные разговоры о всеобщем благе и отходила все дальше от распространения просвещения, а книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова сокращалась. В 1789 году кончился срок аренды Новиковым университетской типографии, а в 1791 году в связи с усилившимися разногласиями между ее членами распалась Типографическая Компания.

О своем разрыве с масонской теософией, мистикой Николай Михайлович объявил в программе журнала и открыто заявлял о разочаровании в мистическом масонском учении о касании к мирам

¹ Переписка московских масонов XVIII в. Пг. 1915, с. 29, 86, 99.

² Погодин М. П. Указ. соч., с. 171; Барсков Я. Л. Указ. соч., с. 49, 58.

иным и объединении с ними: «Описывать нас светлыми, легкими, летающими из мира в мире (зачем, s'il vous plait?), одаренными шестью чувствами (для чего не миллионами чувств), означает говорить, не зная что» (это апрельская книжка журнала).

Переход Карамзина на новые идейные позиции отразился в «Московском журнале». Это и вызвало особое возмущение А. М. Кутузова и его единомышленников. Однако не все московские масоны отнеслись столь непримиримо к Карамзину и его издательской деятельности. В его журнале участвовали такие видные члены московского масонского кружка, как поэты М. М. Херасков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, друг Карамзина А. А. Петров. Поддерживал его в трудное время масон А. А. Плещеев, да и супруга его тоже. Многие московские мартинисты (кн. Трубецкой, Лопухин и др.) были подписчиками журнала и поддерживали контакты с его редактором-издателем. В отношении мартинистов к Карамзину проявилась их глубокая внутренняя противоречивость. Представлять их каким-то идейным монолитом было бы ошибкой. Каждый видный масон вел свою игру. Тем не менее масоны преследовали Карамзина до конца дней его. К этой теме мы еще вернемся. А пока на очереди освещенные «Московского журнала». Как повел его Карамзин?

Карамзин начал издавать журнал в целях просвещения соотечественников. Свое стремление пропагандировать книгу, приучать общество к чтению он подчеркивал неоднократно. Об этом говорит и содержание журнала. В нем печатались известные поэты Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Н. А. Львов, И. И. Дмитриев и др. Прозу в основном представляли произведения Н. М. Карамзина, но печатались и произведения А. А. Петрова, В. С. Подшивалова и др. В «Московском журнале» впервые опубликованы получившие большую известность повести Карамзина «Бедная Лиза», «Фрол Силин — благодетельный человек», «Деревня», «Наталья, боярская дочь» и др. В течение двух лет печатались в нем «Письма русского путешественника». Переводный раздел в журнале был также разнообразен. Помимо художественной прозы в нем были статьи по искусству, литературе, философии, биографии знаменитых людей. Нововведением был отдел театральной и литературной критики, а также информация о новых книгах и новых спектаклях.

На первый взгляд кажется, что журнал Карамзина чисто литературного направления. Но словесность того времени ставила и решала социально-политические проблемы, причем философские и политические трактаты облекались в художественную форму. Карамзин, следуя традиции века Просвещения, смотрел на художественное произведение как на средство пропаганды философских, социальных и политических идей. Сухие и ученые трактаты, по его мнению, не привлекают внимания читающей публики. Научные трактаты доступны только небольшому кругу ученых и философов. Поэт же,

писал он, «сопровождает мораль свою пленительными образами, живит ее в лицах, и производит более действия». Сочинитель в привлекательной одежде «сообщает свои (курсив Карамзина. — А. С.) нравоучения и понятия о разных вещах, важных для человечества...» Исходя из такого понимания роли и назначения художественного произведения Карамзин в подборе материала для журнала руководствовался не только занимательностью сюжета, но и соответствием идей данного произведения его собственным воззрениям. Надо отдать должное, делал это Карамзин умно, тонко и деликатно. А любознательный и вдумчивый друг-читатель находил в журнале пищу для размышлений. Несомненно, успех журнала определялся не только занимательностью и хорошим литературным языком, но и тем, что в нем затрагивались многие проблемы, волновавшие молодого интеллигента. Молодой редактор-издатель заручился поддержкой друзей и близких. Поэты, на участие которых Карамзин надеялся, были все значительности того времени. К Дмитриеву он писал 12 ноября 1790 г.: «Видение Мурзы (Державина — А. С.) получил, и к певцу писал... Посылаю объявление. *Не сыщешь ли кого подписаться?»*

В январе 1791 г. вышла первая книга «Московского журнала» с следующим предупреждением: «Вот начало — издатель употребил все силы свои, чтобы продолжение было лучше и лучше. Журнал выдавать не шутка, я знаю, однако ж чего не делает охота и прилежность. Множество иностранных журналов лежит у меня перед глазами; ни одного из них не возьму я за точный образец, но всеми буду пользоваться. Читатель увидит в сей первой книжке творения тех поэтов, о которых говорил я в объявлении; и впредь будет их видеть. Путешественник, приятель мой, сообщает свои записки в письмах к семейству друзей своих».

Рассматривая это издание, нельзя не удивляться искусству молодого издателя, его вкусу, уменью пользоваться иностранными источниками, знанию потребностей общества. Он понял верно, на какой степени образования оно находится, что может быть для него приятно и вместе полезно, чем можно на него подействовать и возбудить его любопытство, и доставил ему в «Московском журнале» такое занимательное чтение, которое, вполне его удовлетворяя, вместе трогало, шевелило, открывало вид в прекрасную, дотоле неизведанную область.

В 1866 году М. Погодин назвал первую книжку, «семидесятипятилетнюю старушку», «прародительницею всех нынешних журналов, и вместе с тем эпохою в истории русской литературы, не только журналистики: ею Карамзин собственно начал свою литературную деятельность». Погодинский обзор первого номера весьма любопытен. «Книжка открывается стихотворением патриарха нашей словесности, Михаила Матвеевича Хераскова, под заглавием «Вре-

мя». За ним следует знаменитое *Видение Мурзы Державина*, которое надолгое время стало всем известно:

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна.

За Державиным является сам Карамзин с *Посланием к Филлиде в день ее рождения*, белыми стихами, которое заключает следующим желанием:

Да девять сестр небесных,
И важных и веселых,
Тебя в сей год утешат.
Беседою своею!
Родившая Орфея,
Читай тебе Гомера;
Всезнающая Клио,
Плутарха... и т. д.

Стихотворное отделение заключает Дмитриев, который тогда только что вступал на литературное поприще и начинал такое преобразование в языке поэзии, какое Карамзин в языке прозы. В отделении прозы появились письма Русского путешественника, легкие, живые, занимательные и вместе вызывавшие на размышление, с анекдотами, встречами, описаниями, которые тотчас привлекли общее внимание и сделались основанием славы Карамзина. Наконец, в первой книжке журнала помещен подробный разбор Лессинговой трагедии «Эмилия Галотти», переведенной и напечатанной Карамзиным пред отъездом его за границу. Эта трагедия была любимой в Москве, и можно себе представить, как любопытно было для московских жителей выслушать лекцию Карамзина и о пьесе, и о ее представлении.

Такова первая книжка «Московского журнала». Нельзя не согласиться, что она составлена очень искусно; всякий читатель прочел ее, разумеется, от доски до доски и, сравнивая с прочими периодическими изданиями того времени, однообразными, тяжелыми, часто грубыми, склонился на сторону нового, молодого писателя, против которого не замедлили восстать в то же время, как обыкновенно случается, и завистливые посредственности.

Последующие книжки «Московского журнала», согласно с предупреждением, не только не уступали первой, но еще возвышались пред нею в своих достоинствах. «Письма русского путешественника», которых занимательность возрастала более и более, составила их основание. Вместе с ними появлялись беспрестанно новые пьесы, занимательные или по своему содержанию, например *Фрол Силин*, или по замысловатости предмета».

Стихотворное отделение «Московского журнала» отличалось новостью и богатством. Державин, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий являлись почти в каждой книжке с своими произведениями, возбуждавшими общее внимание. В стихотворениях самого Карам-

зина мы заметим новость размеров, им вводимых в употребление и послуживших в некотором отношении примером для Жуковского.

Многие барды, лиру настроив,
Смело играют, поют, и проч.

Воют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Даже сжатое обозрение «Московского журнала» позволяет судить, какое удовольствие доставил он публике (пишет М. Погодин). Должно напомнить еще о песнях Дмитриева и Нелединского-Мелецкого, которые тотчас выучивались все наизусть, клались на музыку и распевались как романсы: Стонет сизый голубочек; Вид прелестный, милы взоры; Кто мог любить так страстно (Карамзина); Вечерком румяну зорю (Николаева), — разнеслись вдруг по всей России.

Всяк из нас в желаньях волен,
Лавры, вас я не ищу,
Я и мирточкой доволен,
Коль от милой получу.

Нынешние поколения, отмечает Погодин, уже не могут судить о действии этих стихов на сердца наших бабушек и прабабушек.

Раскрывая свою позицию, редактор писал: «Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце, а в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде натура есть его наставница и главный источник удовольствий». Гомеровы поэмы суть картины древней Греции, — картины, в которых можно видеть характеры. Автор провозглашает, что такие певцы, как Гомер, получили кисть свою из рук природы и изображали натуру.

О лирической поэзии он говорит: «Высокое парение мыслей вместе с жаром чувства составляет душу лирической поэзии; у нас по большей части ищут в одах пустого грома слов, ищут и находят». О Стерне: «Стерн несравненный, в каком ученом университете научился ты столь нежно чувствовать?»

В плане внимания Карамзина к проблемам языка, литературы интересна заметка о театре, где поднят вопрос о соотношении живой разговорной речи, с одной стороны, и книжного, литературного — с другой. «Жаль, что переводчик (драмы «Граф Ольсбах») употребляет слова *сие* и *оное*, что на театре бывает всегда противно слуху. Употребляем ли мы сии слова в разговорах? Если нет, то и в комедии, которая есть представление общежития, употреблять их не должно. Чем слог театральной пьесы простее, тем лучше». Вот такой был «Московский журнал» 1791 года.

Державин, первый поэт того времени, прежде всех современников оценил достоинства Карамзина, и чуть ли не в нарочно для него

написанном стихотворении («Прогулка в Царском Селе»), прославляя его, воскликнул:

Пой, Карамзин! И в прозе
Глас слышан соловьи.

Карамзин не остался неблагодарным и в той же книжке за август напечатал «Сельские песни (из творений Оссиановых)» с надписью: «Гаврилу Романовичу Державину посвящает переводчик».

Заметим, что стихи Державина прислал в журнал Дмитриев. Карамзин отвечает другу: «Тверди Державиным, что я люблю их и почитаю <...> Прогулку в Царском селе (Державина) получил, и тотчас узнал сочинителя. Я напечатаю его в августе (разумеется, что имени моего тут не будет). Однако ж не сказывай Гаврилу Романовичу, что я знаю автора. Пожалуй, скажи, знает ли наш любезный Державин, что «И» в «Московском журнале» означает Ивана Ивановича Дмитриева? <...> Я очень рад, что любезные наши Державины против нас не переменялись. Уверь их, любезный друг, в моем почтении и в моей благодарности. При случае можешь сказать Гаврилу Романовичу, что я все еще надеюсь получить от него что-нибудь для моего журнала. Херасков все обещает; теперь переделывает он своего Владимира и прибавляет десять песней новых.— По праву дружбы требую от тебя, чтобы ты, любезный друг, писал для «Московского журнала». Твои пьесы нравятся умным читателям. Успокойся в рассуждении своих пьес. Сколько мне известно, то никто из читателей журнала не восстает против стихотворений под буквой и. Их читают и хвалят. Стихи «на деньги» (т. е. за гонорар.— А. С.) в своем роде никак не худы, и ты напрасно их не любишь.— Я вызываю тебя по дружбе сочинить в стихах сказочку или роман. У нас еще в этом роде ничего нет».

Содержание «Московского журнала» показывает, что к подобным творческим советам редактора прислушивались крупнейшие поэты. Как редактор Карамзин был и умен и тактичен и настойчив. Несомненно, журнал воздействовал на публику, воспитывал эстетические вкусы, формировал более просвещенного и взыскательного читателя. Но и к мнению читателя Карамзин прислушивался, пишет о том Дмитриеву: «Пожалуй, любезный друг, и вперед пиши ко мне, что услышишь о «Московском журнале» от людей, вкус имеющих; пиши, не смягчая никакой критики». Итак, правда, одна правда во всей силе обнаженной простоты и силы своей.

Несмотря на громадный успех журнала, финансовое положение издателя было трудным. От 300 подписчиков он имел доход в 1,5 тыс. в год. Сумма, сопоставимая с годичным жалованием профессора университета. Если учесть, что Державину, Дмитриеву, Хераскову надобно было выплачивать пристойные гонорары, то за вычетом издержек на бумагу и тиснение, что оставалось издателю-редактору-корректору — ибо Карамзин вел журнал один. Понятно его

сетование: «Если бы у меня было на сей год не 300 подписчиков, а 500: то я постарался бы на тот год сделать наружность журнала приятнее для глаз читателей; я мог бы выпустить хорошие литеры из Петербурга или Лейпцига; мог бы от времени до времени издавать эстампы, рисованные и гравированные Липсом, моим знакомцем, который ныне столь известен в Германии по своей работе. Но как 300 подписчиков едва платят мне за напечатание двенадцати книжек, то на сей раз не могу думать ни о выписке литер, ни об эстампах.

При сем случае изъявляю благодарность мою всем тем известным и неизвестным особам, которым угодно было присылать мне свои сочинения и переводы. И впредь буду принимать с благодарностью все хорошее».

Но дело было не только в трудностях материальных. В конце года Карамзин написал вот какое послание к читателям: «Надеюсь, что «Московский журнал» не наскучил еще почтенным моим читателям, решился я продолжать его и на будущий 1792 год. Я издал уже одиннадцать книжек — пересматриваю их и нахожу много такого, что мне хотелось бы уничтожить или переменить. Такова участь наша!.. Однако ж смело могу сказать, что издаваемый мною журнал имел бы менее недостатков, если бы 1791 год был для меня не столь мрачен; если бы дух мой спокоен был, прошу читателей моих помнить, что его издает один человек». Карамзину оставалось только мечтать, что наступит время, когда ему, одиночке-энтузиасту, придет талантливая молодая смена: «Если бы у нас могло составиться общество из молодых, деятельных людей, одаренных истинными способностями; если бы сии люди — с чувством своего достоинства, но без всякой надменности, свойственной только низким душам, — совершенно посвятили себя литературе, соединили свои таланты и, при алтаре благодетельных муз, обещались ревностно распространять все изящное, не для собственной славы, но из благородной и бескорыстной любви к добру; если бы сия любезнейшая мечта моя когда-нибудь превратилась в существование: то я с радостью, сердечною радостью удалился бы во мрак неизвестности, оставя сему почтенному обществу издавать журнал, достойнейший благоволения российской публики. В ожидании сего будем делать, что можем».

Упоминание об одиночестве издателя-редактора — это не только надежда-приглашение молодой смены. Тут есть другая ипостась. Не случайно же он назвал истекший год мрачным. В 1791 г. обозначился не только явный успех Карамзина как журналиста-издателя, поэта, новатора в публицистике и литературном стиле, но стали заметны признаки надлома, тяжелых раздумий, идущих по нарастающей из месяца в месяц, из года в год с редкими просветами надежд. Эта полоса охватывает примерно десятилетие его творчества, вплоть до 1801 г. Тому были и личные и еще более общественно-политические причины. И редактор счел нужным, подводя итоги года,

сказать читателю, что не все ему присылаемое он печатал, если оно не входило в программу журнала. Журнал вообще мог быть иным: «если бы 1791 год был для меня не столь мрачным».

Душевное состояние Карамзина передает «Цветок на могилу моего Агатона» (Петров скончался весной 1792 года, но разъехались друзья за полгода перед этим). Карамзин заявляет, что его друг уезжал в невскую столицу с новыми мыслями, и тем не менее для друзей, двух юношей, страстно любящих истину и добродетель, «осень была печальна». Друзья, «угадывая судьбу человечества, вопрошали натуру. Страшные удары грома были нам ответом». Здесь Карамзин передает свое душевное состояние через образное описание природных процессов, их восприятие. Так, апрельская капель, весеннее половодье — праздник души, время надежд; осень — это время печали. Холодные ветры несут не только ненастье, мрак в ночи, но и душевные сумерки, осень — время меланхолии. Когда на душе тяжело, черные тучи нависают над просторами, все воспринимается в холодных мрачных тонах и с неба льются помои. Похоже, что Карамзин стоит у истоков подобного образного раскрытия внутреннего духовного мира человека, которым столь богата русская литература.

Кроме разлуки с Петровым, мы можем под заявлением Карамзина подразумевать еще опасности, угрожавшие Дружескому обществу, вследствие которых оно должно было публично прекратить действия Типографической Компании.

Дело Новикова освещено в специальной литературе (у Лонгинова, Барскова, Пыпина, Вернадского и др.). Не пересказывая общеизвестное, напомним, что в ходе следствия всплыло имя Карамзина, его отъезд за границу вызвал у главы следствия кн. Прозоровского подозрения, не вдруг рассеянные. По Москве поползли слухи зловещего свойства, вплоть до ареста Карамзина. И вполне понятны мрачные мысли, его тогда посещавшие. 23 апреля 1791 года Карамзин писал И. Дмитриеву: «Голова моя все еще в худом состоянии, и часто жизнь бывает мне очень неприятна».

Меланхолией автора веет от первой книжки «Аглаи» (январь 1792 г.), тут и слезы в черных очах и прямые сетования: наступающий год не возвратит утерянного в истекшем и пр. Душевный надлом, своего рода кружение сердца, томление духа, отразившись «меланхолией», не прервало, однако, деятельности поэта. Издание «Московского журнала» в 1792 году продолжалось еще блистательнее; в феврале явилась славная сказка в стихах Дмитриева «Модная жена», которая произвела много шума и принесла столько удовольствия автору и издателю. Вместе с нею была помещена написанная Дмитриевым «Песнь на кончину Потемкина» («Упал внезапно лавр зеленый»). Его же «Послание к честному человеку» (Державину, по случаю назначения его статс-секретарем при принятии прошений). Ответ Державина: «Вторая именем, есть первая делами».

Тогда же помещена была история Лефевра из Стерна с послесловием Карамзина. В марте напечатан «Отставной вахмистр» — баллада Дмитриева «Сними с себя платочек», «Седая старина»... Его же — на мир с Турцией, а также стихи Державина, который вняв заклинианиям издателя, прислал совсем в духе Карамзина «Песнь роскошного и трезвого философа» («Сосед, на свете все пустое: богатство, слава и чины» и проч.). Тут же помещен «Лиодор», повесть неоконченная Карамзина. В апреле опубликованы описания Потемкинского празднества Державина, «На разлуку с Петровым» Карамзина.

В апреле 1792 года гроза разразилась над Новиковым — «он был арестован», пишет биограф его М. Н. Лонгинов, «воинскою силой в подмосковной своей деревне Авдотьино с большими приготовлениями и предосторожностями, отвезен в Петербург, и через три недели посажен в Петропавловскую крепость на 15 лет. Прочие его друзья были так же разосланы, кто в отдаленный город, кто в деревню». Карамзин страдал от несчастий своих друзей. К тому же он оставался и сам под подозрением. Его гражданская позиция выражена в «Оде к милости», адресованной, вне сомнения, царице. Ода заключает ясные намеки на обстоятельства времени.

Что может быть тебя святее,
О милость, дочь благих небес!
Блажен, блажен народ, живущий
В пространной области твоей!

Обращаясь к царице, «светло-золотому трону», поэт призывает «света не темнить в умах», всем даровать свободу, проявить к народу доверенность. Автор подчеркивал, что это надобно сделать и в ее собственных интересах, ибо троны не сотрясаются только там, где они хранимы любовью и доверием подданных. Императрица этим доводам не вняла. Что мог противопоставить поэт подобной глухоте власти?

Вспомним ситуацию 1792 г. в России, Европе в целом — это вползание в якобинский террор, убийство короля в Стокгольме, смерть императора в Вене, это подготовка разделов Речи Посполитой (борьба с якобинцами на Висле), это репрессии и цензурные рогадки, дело Новикова, ударившее по престижу и доброму имени Карамзина. В общем политика большая и малая всюду источала зловолие. Грязному миру политиканства Карамзин как писатель и гражданин противопоставил чистоту нравов. Было ли это средством всеисцеляющим, универсальным — другая ипостась вечной проблемы. Важно то, что сам он в всеочищающей силе христианской нравственности был глубоко убежден. Об этом говорит его журнал, особенно его июньская книжка. В июне в журнале появился «Стонет сизый голубочек» Дмитриева, которого запели вскоре по всей России. Поют и сейчас на вечерах старинного романса. В этой же

книжке был опубликован другой шедевр: «Бедная Лиза» Карамзина, которая стала венцом его славы, начатой «Письмами русского путешественника»; в записке своей о древностях Москвы (1817) для императрицы Марии Феодоровны Карамзин сам засвидетельствовал: «близ Симонова монастыря есть пруд, осененный деревьями. За 25 лет пред сим сочинил я там «Бедную Лизу», сказку весьма незамысловатую, но столь счастливую для молодого автора, что тысячи любопытных ездили и ходили туда искать следов Лизиных». Заметим, что это место исключено автором из текста записки, напечатанной в полном собрании сочинений, вследствие выходки Каченовского (об этом расскажем позже).

С блестящим успехом Карамзина, отмечает Погодин, нельзя и сравнивать никого. «Мы застали еще отголоски этой громкой славы. Несколько поколений плакало над судьбою бедной Лизы, и она стала для них родною». Погодин добавляет: старик профессор Цветаев говорил, что и он хаживал на Лизин пруд, с белым платком в руках, отирать слезы¹. (Речь, по-видимому, идет об отце основателя Музея изобразительных искусств.— А. С.) Напомним, что повесть начата авторским вступлением, наброском панорамы Москвы, открывающейся с готических башен Симонова монастыря (уничтоженных в 1934 году). «Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, а особенно тогда, когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к нему возносящихся <...> Подалье, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще далее, почти на краю горизонта, синеют Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим».

Повесть имела сильный финал, провозглашавший этическое равенство: «и крестьянки чувствовать умеют». Перед Богом все равны! Нравственные принципы выше сословных перегородок, сильнее сословного чванства. Опираясь на личный опыт, М. Погодин заключает: «Бедная Лиза» владела сердцами русских читателей пятнадцать лет без соперницы, и только в 1808 года она поделила свою славу с «Марьиной рощей» и потом «Людмилой», первой балладой Жуковского, еще лет на двадцать!

А. Петров писал Карамзину: «Бедная Лиза твоя для меня прекрасна». Таковой она была и для других читателей, в том числе и простого люда, куда проникла и осталась надолго.

А. Ф. Мерзляков (создатель шедевра «Среди долины ровныя») в письме к А. И. Тургеневу в августе 1799 г. сообщил, что был свиде-

¹ Погодин М. П. Указ. соч. Ч. 1, с. 203.

телем невольным разговора о повести у Симонова монастыря двух лиц: «мастерового» и «мужика». По их словам, «прекрасная, брат, книжка, по коже пробирает... здесь утонула прекрасная Лиза, девушка из той вот деревни». Для них это была и трагическая — «Это, брат, любовь». То есть читатель «в синем зипуне» согласен с основным выводом автора! И Мерзляков прав в своем замечании: «Что может быть слаще для Карамзина? Что лучше сего панегирика? Мужики, мастера, солдаты — все о нем знают, все любят его! Завидую, брат»¹.

«Бедная Лиза» — одна из белоснежных вершин Карамзина-художника — воспринимается тоже неоднозначно, как творчество Карамзина в целом. Приходится слышать о его устарелости, сентиментальности. Повесть воспринимается не как призыв к чистоте нравов, благородству мыслей, чувств, поступков, а как нечто слезливо-плаксивое, уничижительное. Конечно, с 1792 года нравы сильно изменились. Но в какую сторону? Может ли устареть шедевр, рожденный духом Нагорной проповеди?

1793 год был еще тяжелее для Карамзина, чем 1792-й, верно замечает М. Погодин. В 1792-м он имел несчастье быть свидетелем несчастья своих друзей и благоприятелей — Новикова, Тургенева и проч.; в 1793 г. он лишился своего первого друга, Петрова, который умер в марте. Письма Карамзина несут отпечаток этого личного горя. Но были и другие причины этой «тяжести».

В марте 1793 г. умер А. Петров. «Одному мне, — пишет Карамзин, — известно, чего я в нем лишился. Сердце мое долго, долго не привыкнет к своей потере». В эти дни Державин сделал экс-редактору вторичное предложение стать его личным секретарем, поскольку Державин был статс-секретарь царицы и министр, это было приглашением вступить на государственную службу. Но Карамзин вежливо отказался. Дмитриеву он написал: «Сердечно благодарю почтенного и любезного Гаврила Романовича за его вторичное благосклонное предложение; но я по разным причинам не могу им воспользоваться. — Теперь, право, не в состоянии писать более».

Во второй половине 1792 г. «Московский журнал» печатал много переводов. Из оригинальных работ следует отметить стихи и оды Державина, Нелединского, Дмитриева, главы «Писем русского путешественника», большое программное стихотворение Карамзина «Поэзия» (написано еще в 1787 г.), его повесть «Наталья, боярская дочь», которая свидетельствует о растущем интересе автора к исторической тематике. Продолжал Карамзин печатать и своего «Леодора», обещая в письме к Дмитриеву полностью завершить повесть в истекающем году. Дмитриев отвечал: «Леодор твой не похож на

¹ Письмо введено в научный оборот Ю. Лотманом. См. его «Карамзин». СПб., 1997, с. 612.

других романтических героев, по крайней мере бессонницей не страдает. Он спит сном богатырским, не пора ли разбудить?»

В письмах Карамзина за эти месяцы помимо обычных традиционных просьб к другу присылать в журнал новые пьесы есть несколько важных сообщений. Так, 14 июня он пишет другу: «Я очень рад, что ты в Державиных, по-видимому, не нашел перемены и что они по-прежнему любят своих приятелей. Что принадлежит до Петрова, то мне кажется, что они еще не знают его; — кажется, что и ты вместе с ними его не знаешь. Такого человека нельзя судить так, как судят обыкновенных людей. Он дик и чувствителен — при незнакомых молчалив и холоден, а с другом сокровище. <...> Пожалуй, любезный, изъяви благодарность мою Гаврилу Романовичу за присланную им пьесу, которая напечатана будет в июле. Да уведомь, как любезный Федор Львов принял примечания мои на его стихи к лире? Не осердился ли он? Мне это будет прискорбно. Он имеет истинные дарования. Пиши, милый друг мой и брат, по любви к музам! Пиши! ты поэт, но неужели тебе самому это неизвестно! — чуть было не забыл сказать, Херасков *Сизого голубка* твоего называет прекраснейшею пьесою. Это уверяет меня, что он имеет хороший вкус». В сентябре же Дмитриеву: «За все присланные стихи благодарю тебя и прошу (N. В. если надобно) поблагодарить и других. Итак, ты записался ныне в дамские стихотворцы и пишешь только по заказу! Всякий день собираюсь ехать к Нелединскому за песнями. Но какая странная мысль издать песенник. Кому хочешь ты услужить? Хорошо, есть ли своему карману: но и в этом не ошибешься ли? Впрочем я не люблю *отстращать* людей от их предприятий; итак, издавай! я подписываюсь на экземпляр; только с тем уговором, чтобы тут напечатан был и *Сизой голубочек*». В октябре ему же: «Благодарю тебя за два письма твоя. В рассуждении худого хозяйства — надежда, надежда! — Впрочем, когда есть свободное кофе, изредка макароны и бланманже, то можно еще терпеть по-философски. Заимодавцы? Да разве ты уже лишился дарования своего смешить их и отправлять назад без платы, однако ж довольными? Я с своей стороны для подкрепления кошелька твоего посылаю тебе при сем Нелединского песни. Печатай песенник и собирай деньги с публики! Или ты уже оставил свое намерение? ...Июль пришлю с сентябрем; который уже отпечатан. В октябре и ноябре *хочу поместить продолжение и окончание Лиодора*. — Благодарю за стишки. Это не Голубок, однако ж хорошо, а особливо обращение к ласточке и сии стихи:

Розы ль дышут над могилой,
Иль полынь над ней растет, и проч.»

Письма к Дмитриеву и другим близким раскрывают повседневные заботы издателя-редактора, его внимание к авторскому активу и вместе с тем требовательность, взыскательность и тактичность.

Журнал процветал, внимание читателей росло, как и число подписчиков. Но в декабре Карамзин неожиданно для публики объявил о прекращении выхода журнала, поблагодарив читателей за внимание и поддержку. Обстоятельства, вызвавшие это решение достаточно полно изложены М. Погодиным, опиравшимся не только на опубликованные источники, но и устную информацию осведомленных лиц, не во всем объеме до нас дошедшую. М. Погодин правильно отметил, что прекращение журнала связано было с состоянием его издателя, который устал от срочной изнуряющей деятельности, ведь он один вел журнал, сказался душевный надлом (потеря Петрова, дело Новикова), но были и другие причины не только личного характера.

Несомненно, что прекращение активной журнальной деятельности свидетельствует о душевном беспокойстве, каком-то надломе, если не кризисе. Это видно и по письмам Карамзина, где скорбь от потери и недугов близких ему лиц раскрывается лишь как одна из причин надлома, и притом не основная. Так, 17 февраля 1793 г. он пишет Дмитриеву: «Не можешь вообразить, в каком я беспокойстве об Александре Андреевиче (Петрове.— А. С.). Ужели пришел конец его? Эта мысль для меня слишком мучительна (Петров умер в марте.— А. С.). Болезнь Александра Ивановича (Дмитриева.— А. С.) мне также очень прискорбна. Отовсюду *неприятные вести!* Везде горизонт *так черен и грозен!* Какое время, мой друг! Но, может быть, пройдут тучи; хаос разделится и солнце проглянет — друзья Александры наши будут здоровы, а мы покойны и веселы! Прости, мой друг! поручаю тебя твоему гению» (курсив мой.— А. С.).

Здесь указаны некоторые причины тревоги: отовсюду неприятные вести, черный горизонт и грозные тучи над головой. Это говорит о многом. Отталкиваясь от этих указаний, Погодин пишет: «Скажем несколько слов о прекращении «Московского журнала». Карамзин поднялся на такую высоту, на какой не бывал еще ни один из русских писателей, не исключая Ломоносова и Державина,— относительно большинства читателей. Публика была от него в восторге.— Но несмотря на свой необыкновенный громадный успех, несмотря на свое, известное нам, желание действовать на общество посредством журнала, он вдруг прекращает издание. Что это значит? Нигде — ни в статьях, ни в письмах — нет ни малейшего повода заключить о таком намерении. Правда ли, что прекратил он журнал, отягощаясь срочностью работы, как объясняет его заметка, или присоединились другие причины и соображения, решить трудно. Мы знает только, что в то время, как Карамзин воспевал весну и печатал Сизого голубочка, строгий Московский главнокомандующий, князь Прозоровской, допрашивал одного из членов общества, князя Николая Никитича Трубецкого: «неоднократные посылки в чужие края Шварца, барона Шредера, Кутузова, Карамзина, так и отправление студентов

из вашего собрания, без позволения правительства, навлекли уже правительству подозрение: то и открыть вам о причинах отправления тех людей, и какие от вашего собрания даны наставления, а равно и какие вы получали уведомления от ваших посланников».

К. Трубецкой отвечал: «что касается до Карамзина, то он от нас послан не был, а ездил вояжиром на свои деньги».

Императрице Екатерине Прозоровской доносил: «в исполнение Высочайшего указа учинил допрос Карамзина, как *онный был в чужих краях и их прежде общества*. Но увидя из первого допроса князя Трубецкого, что он послан был не от них, то в последующих допросах исключил».

Н. Н. Бантыш-Каменский в своей биографии говорит, что длинные ответы Карамзина были в руках Екатерины и свидетельствовали благонамеренность сочинителя. Мы не знаем, откуда почерпнуто это известие. В архиве Екатерины ответов Карамзина на допросные пункты не сохранилось. Из писем Карамзина к Дмитриеву видно, что до него самого доходили московские слухи об его опале. Погодин справедливо заключает: «Нельзя не выразить здесь удивления, каким образом Екатерина, следившая зорко за всеми явлениями литературы, принимавшая даже сама деятельное участие в ее успехах, не обратила своего внимания на Карамзина, на переворот, совершаемый им пред ее глазами, прославляющий ее царствование. По крайней мере нет нигде — ни в письмах, ни в статьях — никакого намека о каком бы то ни было знаке ее внимания. Положим, что она сначала могла питать подозрения к Карамзину как воспитаннику в некотором смысле Дружеского общества, другу Плещеева, связанного тесными узами с Новиковым; но первые следствия показали, что он принадлежал к обществу не слишком крепко. Двухгодичное издание и помещение статей, совершенно не касавшихся, с одной стороны, политики, а с другой — мистицизма, должны были показать ясно характер Карамзина, как писателя и как гражданина. Могло быть наведено строгое наблюдение, которое должно было очистить и обелить его совершенно. Невнимание должно огорчать и смущать Карамзина. Это страничка с тенью в истории Императрицы Екатерины! Никакими вероятными подозрениями оправдать ее нельзя»¹.

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС

Карамзин прервал издание просветительского журнала, ибо в Европе и России произошли события, поставившие под вопрос целесообразность и возможность подобной деятельности. По меньшей мере надобно было осмотреться, осмыслить случившееся и принять

¹ Погодин М. П. Указ. соч. Ч. 1, с. 214—216.

обдуманное, взвешенное решение. Этим событиям был дан ход после провозглашения Франции республикой. Казнь короля и якобинский террор вызвали «крайнее возбуждение умов», а души привели в смятение. Такой ход Французской революции обусловил перелом в отношении к ней Карамзина. Террор 1793 года положил конец идиллическим его мечтам о мирном развитии революции, о близком установлении «царства разума» во Франции, которое мыслилось ему в форме просвещенной, конституционной монархии. Начавшаяся вслед за тем гражданская война и борьбе за власть внутри революционного лагеря и, наконец, установление якобинской диктатуры повергли Карамзина в отчаяние. Несмотря на то что якобинский период революции разрушил его «утешительную» философию, отношение его к революции в конце 90-х годов нельзя определить как просто враждебное. Он оценил Французскую революцию как одно из тех движений, которые определяют судьбы людей на долгие века. «Началась новая эпоха, я ее вижу, а Руссо предвидел... Я слышу много пышных речей за и против, — писал он далее, — но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, что мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим, как волны в бурном море, а люди хотят рассматривать революцию как нечто совершенное. Нет, нет! Мы увидим множество поразительных явлений — крайнее возбуждение умов говорит за то».

Словом, царство разума, о котором так много говорили корифеи Просвещения, обернулось кровавой деспотией якобинцев. Вся идеология просвещения раскрывалась в ином свете. Осмыслению случившегося Карамзин посвятил целый ряд работ, тяжелые размышления кризисного характера затянулись на ряд лет.

Говорить о духовном кризисе, который переживал в это время Карамзин, нельзя, не учитывая событий, происходивших в России и коснувшихся его непосредственно. В 1792 году более напряженным становится положение и в Европе. 1 марта 1792 года умирает австрийский император Леопольд, вдохновитель военной коалиции против Франции, союзник Екатерины II. 16 марта в Стокгольме от руки заговорщика пал другой инициатор похода на Париж — король Густав III. В Петербурге распространяются слухи, что против всех государей Европы составлен заговор, в который входят якобы франкмасоны, энциклопедисты, мартинисты, якобинцы. По свидетельству А. М. Тургенева, «в обществе и даже в народе была тогда молва, что якобинцы и франкмасоны, соединясь, умыслили отравить государыню ядом...»¹. В Москве кн. Прозоровский начал процесс против масонов. На допросах он, как выше указывалось, заинтересовался и ролью Карамзина в делах Новикова, в масонском обществе. Хотя

¹ «Русская старина», 1887, т. 53, с. 88. См. статью Карамзина «О книжной торговле и любви к чтению в России». «Вестник Европы», 1802, № 9, а также: Кислягина Л. Г. Указ. соч., с. 90—100.

было установлено, что Карамзин давно отошел от общества, тем не менее четыре года — вплоть до смерти Екатерины II и вступления Павла I на престол, когда дело масонов было прекращено, о Карамзине говорили как о масоне и ходили слухи о его ссылке.

Арест Новикова и преследования масонов, эти звенья в общей цепи мер, предпринимаемых правительством Екатерины II, глубоко потрясли Карамзина. Под влиянием просветительской идеологии у него сложилось убеждение, что ценность человека для общества определяется его участием в «ускорении хода Всемирного свершения». С точки зрения Карамзина, Новиков способствовал распространению просвещения и добродетели в русском обществе, а следовательно не было причин его преследовать.

Одновременно с расправой над Новиковым правительство Екатерины II приняло строгие меры против распространения какого-либо влияния революционной Франции: была усилена цензура, запрещено печатание в России трудов Вольтера, Руссо и других французских просветителей, запрещен ввоз книг из-за границы, в портовых и пограничных таможнях установлена цензура для проверки литературы, поступавшей из-за рубежа. В обеих столицах проведены обыски в книжных лавках и по предписанию властей отобраны издания, «клонящиеся к развращению или относящиеся к правлению, а паче к Французской революции или кончине покойного короля французского». В Петербурге и в Москве было сожжено несколько сот книг, среди которых оказались и такие, которые вовсе не имели отношения к революции. В дворянском обществе в это время эпитет «якобинец» давали всякому, кто читал газеты, кто рассуждал, и даже тем, кто вообще умел читать. Из записок современников можно заключить, что большинство тогдашнего общества радовалось катастрофе, постигшей масонов: «она давала повод бранить просвещение и распространяться о вреде его». О таких же настроениях говорит в своих записках А. М. Тургенев¹. В конце 1792 года Карамзин встал перед фактом, что идеи, которые он разделял, с одной стороны, привели к революции, причем в такой кровавой форме, которую он не принимал, а с другой — к репрессиям, арестам и гонениям на просвещение. Оказавшись на перепутье, Карамзин решил прекратить издание «Московского журнала», несмотря на его успех. Ведь журнал, как мы уже говорили, Карамзин начал издавать с целью способствовать успехам просвещения в России. Вокруг журнала сгруппировался кружок последователей и почитателей Карамзина, число его подписчиков росло, а редактор стал известностью, и вдруг, неожиданно, в декабре, обращаясь к читателям, он заявил, что «этой книжкой «Московский журнал» заключается». Причин прекраще-

¹ «Русский вестник», 1875, № 4, с. 512. См. также: Кислягина Л. Г. Указ соч., с. 95—99.

ния журнала в объявлении не было, лишь неясный намек на «личные обстоятельства». Объявление о прекращении журнала вызывало недоумение как у современников, так и у биографов Карамзина. Оно было неожиданным. В письмах Карамзина к Дмитриеву и сохранившихся письмах А. А. Петрова к Карамзину конца 1792 года нет даже намека на то, что издание журнала прекратится. Правда, в них нет и четких планов на будущее. М. П. Погодин объяснял прекращение издания журнала осложнениями личной жизни Карамзина, тем более что в «обращении к читателю» намек на это был сделан. «Личные осложнения», по мнению Погодина, были связаны с арестом Новикова и преследованиями масонов. Это правда, но не полная. К концу 1792 года гроза над масонами уже пронеслась и в общем слабо задела Карамзина. Очевидно, основную причину закрытия журнала следует все же искать в духовном кризисе, который переживал тогда Карамзин. Жизнь опрокинула все прежние мечты и идеалы, а без идеалов, без программы Карамзин не брался просвещать общество, поэтому и отказался от продолжения издания журнала.

Освободившись от работы над журналом, Карамзин большую часть времени живет не в Москве, а в орловском имении Плещеевых в селе Знаменском. Он много работает, читает, пишет: «Я живу... в деревне,— пишет он Дмитриеву,— с людьми милыми, с книгами и с природою, но часто бываю очень, очень беспокоен в моем сердце». Он уверяет друга, что совершил этот переход к сугубо личным занятиям искусством и литературой в целях самообразования. В обращении к читателям «Московского журнала» Карамзин определил круг своих занятий на будущее: «В тишине уединения,— писал он,— я стану разбирать архивы древних литератур... буду пользоваться *сокровищами древности*, чтобы после *приняться за такой труд*, который мог бы остаться *памятником души* и сердца моего... Между тем у меня будут свободные часы, часы отдохновения; может быть, вздумается мне написать какую-нибудь безделку... сии отрывки или целые пиесы намерен я издавать в маленьких тетрадках, под именем... например Аглаи...» (курсив автора.— А. С.).

Обратим внимание на место, напечатанное курсивом, которое показывает ясно, что Карамзин задумывал уже тогда писать «Русскую историю».

Это замечание для нас важно, ибо оно хоть отчасти облегчает уразуметь чудо, а именно сотворение восьми томов «Русской истории» в двенадцать лет. В предшествующие десять лет среди других занятий Карамзин, как видим, занимался приготовлением к будущему труду, то есть читал летописи и прочие сочинения, сюда относящиеся. Дочитаем его обращение-эпилог: «Между тем у меня будут свободные часы, часы отдохновения; может быть, вздумается мне написать какую-нибудь безделку... под именем... например Аглаи,

одной из любезных Граций. Таким образом, Аглая заступит место «Московского журнала». Впрочем она должна отличаться от сего последнего строжайшим выбором пьес и вообще чистейшим, т. е. более выработанным слогом; ибо я не принужден буду издавать ее в срок. Может быть, с букетом первых весенних цветов положу я первую книжку Аглаи на алтарь Граций. Письма русского путешественника, исправленные в слоге, могут быть напечатаны особливо, в двух частях: первая заключится отъездом из Женева, а вторая возвращением в Россию. Драма кончилась и занавес опускается».

Все статьи Карамзина, помещенные в «Московском журнале», изданы особо (1794) под заглавием: «Мои безделки», с эпиграфом из Попа: «В древние времена награждалось не только превосходное искусство, но и похвальное старание. Триумфы были для полководцев, лавровые венки для простых воинов».

«Мои безделки» имели два издания (второе 1797 г.). Карамзин напечатал впрочем здесь еще несколько новых пьес, ранее не помещенных в «Московском журнале», который так понравился русской публике, что чрез несколько лет понадобилось новое издание всех его книжек. Случай, прямо скажем, редкий в истории отечественной журналистики.

В конце 1793 года Карамзин подготовил к изданию обещанный читателям сборник «Аглаи». В него в основном вошли произведения Карамзина: «Что нужно автору?» «Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Цветок на гроб моего Агатона», повесть «Остров Борнгольм» и отрывок из «Писем русского путешественника» под названием «Путешествие в Лондон».

К октябрю 1794 года была и вторая книжка «Аглаи». В нее вошли повести Карамзина «Сиерра-Морена», «Афинская жизнь», философские статьи «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» и поэтический шедевр сказ «Илья Муромец».

Литературные занятия Карамзин сочетал с чисто издательской работой. В 1794—95 годах он выпустил сборник своих переводов «Мармонтелевы вечера» (ч. I) и, как сказано, «Мои безделки», в которые включили все написанное им для «Московского журнала». Одновременно он готовит к изданию сборник стихотворений И. И. Дмитриева «И мои безделки». Выбором названия автор подчеркнул близость к издателю.

Книжки «Аглаи» составляют важную веху в жизни Карамзина. Произведения, вошедшие в них, отразили духовный кризис, который в это время он переживал. Это видно из содержания одной из статей, ранних по времени написания, вошедших в первую книжку «Аглаи», а именно статьи «Нечто о науках, искусствах и просвещении». В ней Карамзин критиковал знаменитое рассуждение Руссо: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов». Выступление Карамзина против старой статьи Руссо в разгар ожес-

точной борьбы противостоящих сил Французской революции, между Горой и Жирондой, надо расценивать как стремление Карамзина отмежеваться от тех демократических, крайних направлений во французском обществе, а значит, и просвещении, которые привели к диктатуре якобинцев.

Статья Карамзина содержала не только критику взглядов Руссо, в ней излагалась программа просвещения и общественного развития, автором была разработана концепция эволюционного органического развития, противопоставленная революционным катаклизмам.

Главное возражение вызывает у Карамзина тезис Руссо: «науки и искусства портят нравы». Возражая Руссо, Карамзин писал: «жалуются на разврат, на губительные пороки наших времен — но много ли философов? Много ли размышляющих людей?..» Человечество, доказывает Карамзин, проходит путь от нравственного несовершенства к совершенству. При этом духовная природа человека «в течение времен, подобно как золото в горниле, очищается и достигает большего совершенства». Карамзин оспорил мнение Руссо о добродетельности спартанцев, отвергнув самую мысль о существовании «Счастливой Аркадии». «Аркадия Греции не есть та прекрасная Аркадия, которую древние и новые поэты прельщают наше сердце и душу», — писал он. Жители исторически существовавшей Аркадии — спартанцы, не были такими невежественными людьми, какими их представляет Руссо. У них были и науки и искусства, «они имели свою мораль, свою логику, свою риторику, хотя учили их не в академиях, а на площадях...» Были ли спартанцы добродетельнее прочих греков? — ставит вопрос Карамзин и отвечает: «Не думаю. Там, где в забаву убивали бедных невольников, как диких зверей; где тирански умерщвляли слабых младенцев... там, следуя общему человеческому понятию, нельзя искать нравственного совершенства». Спартанцы под добродетелью понимали мужество и храбрость, «которая только по своему употреблению бывает добродетелью». Но это исторически оправдано. Время искупает нравы — это было убеждением Карамзина. В средние века грабеж и разбой почитались обычным явлением и не рассматривались как преступление против нравственности. А в просвещенный XVIII век порок старается скрываться под личиной добродетели. Почему? Да потому, что «в нынешние времена гнушаются им (пороком) более, нежели прежде¹. Свидетельствует ли это о падении нравов? По мнению Карамзина, нет, так как первый шаг к добродетели «есть познание гнусности порока».

Мораль и нравственность для Карамзина — понятия исторические, меняющиеся с течением времени, но зависящие не от общественного устройства, а от степени просвещения общества. Морали исторических эпох он противопоставлял высшую мораль, общечело-

¹ См.: «Аглая», кн. I, с. 40—58.

веческую, воплощенную в христианском «нравственном законе». Это образец, к которому в своем развитии должна приближаться мораль, этические нормы и нравы. Карамзин придавал морали исключительно большое значение, считал ее «альфой и омегой» человеческого бытия. Мораль у него выступает главным руководителем человека в мире. Именно мораль указывает человеку, что для собственного счастья он должен быть добрым, она представляет ему пользу общежития и необходимость гражданского порядка, согласует его волю с законами и «делает его свободным в самих узах». Мораль и нравственность, подчеркивал Карамзин, вопреки мнению Руссо, находятся в прямой зависимости от степени просвещения общества, от добропорядочности, добродетельности сограждан.

Тезису Руссо — «науки и искусства портят нравы» — Карамзин противопоставил свой — «просвещение есть палладиум благонравия» (мы уже приводили этот тезис).

Как видим, Карамзин не отказался от веры в силу просвещения, но прежние представления о Веке разума были поколеблены. Необходимо было пересмотреть эти идеалы, опровергнутые жизнью, найти другой ключ к пониманию действительности.

Пересмотр социально-политической программы заполняет последние годы XVIII столетия, начиная примерно с середины 1793 до 1801 гг. Что пережил в это время Карамзин, мы узнаем из произведений, написанных им в последнее десятилетие века. Не торжество добродетели и «нежной нравственности» принес просвещенный XVIII век, а мятежи, злодеяния, кровавые распри, которые, по мнению Карамзина, втягивали в свою орбиту все больший круг людей. Таков итог революции, итог просвещенного века. На его глазах рушилось здание его философии как «воздушный замок». XVIII век, век Просвещения, «тонкости чувств и разума», предстал «в крови и пламени», «среди убийств и разрушений». Настроение полного разочарования в прежних идеалах и убеждениях Карамзин выразил в стихотворном «Послании к Д.» (Дмитриеву):

Но время, опыт разрушают
воздушный замок юных лет,
.....
Теперь иной я вижу свет, —
И вижу ясно, что с Платоном
Нам тьмы в умах не озарить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердце жестоких не смягчить.
Ах! Зло под солнцем бесконечно
И люди будут — люди вечно.

Размышления над судьбами людей, посвятивших свою жизнь служению на благо общества, приводят его к выводу, что «часто яд тому есть плата», кто стремится наставить людей на путь добродетели. В отчаянии он решает, что затея просвещать людей бессмысленна:

Гордец не любит наставленья,
Глупец не терпит просвещенья,—
И так лампаду угасим,
Желая доброй ночи им! —

писал он Дмитриеву.

Отказываясь от деятельного участия в жизни, Карамзин провозгласил теперь принцип частной жизни:

Но что же нам, о друг любезный!
Осталось делать в жизни сей,
Когда не можем быть полезны,
Не можем пременить людей?
Оплакать бедных смертных долю,
И мрачный свет предать на волю,
Судьбы и рока: пусть они
Сим миром правя искони,
И впредь творят, что им угодно!

Его программой становится проповедь личного совершенства, уход в мир искусства и природы, личное счастье. Первая книжка «Аглаи» открывалась стихотворением Карамзина «Приношение Грациям», под ним стояла дата 3 июня 1793 года. В «Приношении Грациям» он объявил о своем новом жизненном принципе: «под мраком черных туч ужасные грозы, носящейся над нами», — только искусство составляет отраду в жизни и проливает «светлый луч» в «чувствительные души». В следующей за «Приношением Грациям» статье «Цветок на гроб моего Агатона» он не призывал уже к борьбе со злом, а просто примирился с его существованием: «Так, мой друг! везде есть зло; но кто в мире и любви умеет жить с собою, тот радость и любовь во всех странах найдет»¹.

Чтобы ужиться в мире, надо руководствоваться не исторически преходящими модными утопиями и мечтами, а христианской нравственностью, чуждаться пороков и не склонять головы перед золотом и чинами. Этого достаточно, чтобы жизнь прожить и «дней своих не прекратить железом острым или ядом».

Наверное, кровавый 1793 год, его восприятие в России и особенно участь Н. И. Новикова толкнули Карамзина на размышления о судьбах тех людей, которые, не довольствуясь личным счастьем, посвящали свою жизнь служению человечеству.

Этому вопросу посвящена повесть «Афинская жизнь», которую он написал в 1793 году. В центре внимания автора стоит личность Сократа, одного из величайших смертных. В повести показана жизнь Афин, где каждый человек наслаждался искусством, поэзией и счастьем. Но в просвещенных Афинах также торжествовало зло. Жертвой его стал Сократ, человек, посвятивший жизнь «добродетели и мудрости», питавший пламенную любовь к близким, ревность к

¹ См.: «Аглая», кн. II, с. 3—14.

истреблению всех предрассудков, унижающих достоинство человека; усердие к распространению всех благих истин, имеющих влияние на судьбу земнородных...»¹.

Враги добродетели стали врагами Сократа, они настроили против него всех граждан Афин, и Сократ должен был выпить чашу с ядом. «О человечество! — восклицает Карамзин, — ...я стенаю о твоих заблуждениях!» «Правосудие людей не есть небесное правосудие!..— продолжает он.— Слепление не может быть вечно: заблуждения исчезают от света истины...», но «благодетели твои лежат уже во прахе». Таким образом, Карамзин, видя, что в мире царит зло, делает вывод, что не злое начало лежит в основе высших законов, управляющих миром. Сократ погиб, зло временно восторжествовало, но «добродетельный остается всегда победителем»,— говорит Карамзин словами Сократа. Автор приходит к выводу, что зло может временно восторжествовать в какой-то момент, слепление может завладеть людьми, но сквозь хаос человеческих страстей с неумолимой последовательностью пробивает себе дорогу закон развития мира к совершенству, начертанный Высшей волей. Сократ стал жертвой невежества, но его ученики распространили его учение, семена добродетели, посеянные им, дали всходы.

Повесть Карамзина, рассказывающая о прошлом, вся обращена в настоящее. Автор пробуждается от грез и видит себя сидящим в своем кабинете перед кипой гамбургских газет, которые известят его «об ужасном безумстве наших просвещенных современников». Повесть содержала важные выводы, что жизнь людей, посвятивших себя служению на благо человечества, по большей части трагична, но не проходит даром; добро, посеянное ими, дает всходы; а зло не может окончательно восторжествовать, безумие современников не может быть вечным. Таким образом, уже в «Афинской повести» намечался выход из состояния душевного смятения, которое охватило Карамзина с 1793 года.

Развитие революции противоречило концепции социального развития, которой придерживался Карамзин до 1793 года. Она разрушила основную идею его философии — идею развития мира и человечества по восходящей линии. Совсем недавно Карамзин находил доказательства тому, что «род человеческий возвышается». Террор, как ему казалось, привел страну, стоявшую на высокой ступени развития, к краю пропасти. Так была подорвана вера в прогрессивное линейное развитие мира. В 1794 году Карамзин написал трактат в виде писем двух приятелей «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», в котором рассматривались проблема развития мира и человечества, вопрос о добре и зле в форме диалога филолога и философа. В этих письмах сделана попытка найти научное объясне-

¹ См.: «Аглая», кн. I, с. 27, кн. II, с. 33—35.

ние происходящему в мире, и прежде всего революции. В них он пересмотрел свою прежнюю «утешительную философию», подверг ее проверке действительностью.

Мелодор, любитель истины, — это Карамзин мятущийся, который вынужден признать несостоятельность своей философии, своего понимания мира. Мелодор (даритель песен, бард) оказался перед тем фактом, что мир, вроде бы достигший высокой степени нравственного совершенства, охвачен революцией, которая погубила тысячи людей, превратила цветущие страны в пустыню и, самое главное, привела к падению нравственности. «...Внимательный наблюдатель, — говорил Мелодор, — видит теперь повсюду отверстые гробы для... нравственности. Сердца ожесточаются ужасными происшествиями и, привыкая к феноменам злодеяний, теряют чувствительность». Это наблюдение приводит Мелодора к выводу, что нравственная жизнь людей — «вечное движение в одном кругу; ...вечное смешание истин с заблуждениями и добродетелей с пороками...». «...Неужели, — пишет он дальше, — род человеческий доходил в наше время до крайней степени возможного просвещения и должен, действием какого-нибудь чудного и тайного закона, ниспадать с сей высоты, чтобы снова погрузиться в варварство и снова, мало-помалу, выходить из него, подобно Сизифову камню?» Этот вывод, как ему кажется, подтверждали открытые в конце XVIII века древние цивилизации Египта и Двуречья. «Может быть... несколько раз сиял день в умах людей и несколько раз ночь темнила души, прежде нежели воссиял Египет...»

Но если действует закон циклического развития человечества, то революция — это начало падения. «Кровопрлитие не может быть вечно; я уверен... Тишина рано или поздно настанет — но какова будет тишина сия? Если мертвая, хладная, мрачная?» Письмо Мелодора — это попытка осмыслить революцию. Филалет, тоже Карамзин, уже много передумал, он «успокоил свое воображение». Он отверг мысль о цикличности развития человечества. «Сизиф с камнем не может быть образом человечества». Карамзин-Филалет остается верен идее развития человечества по восходящей линии: «века служат разуму лестницей, по которой возвышается он к своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно, в Египте видим мы только первые действия ума... Самые греки — милые дети!» Варварство средних веков наступило в результате нашествия диких народов на Европу, они погасили «светильники разума в Европе, наконец сами просветились...» Средние века были периодом распространения просвещения на новые народы, на более широкий круг людей и в целом послужили «дальнейшему распространению света наук». «...Мы не найдем в истории никаких повторений, — делает вывод Карамзин-Филалет. — Всякий век имеет свой особый нравственный характер, — погружается в недра вечности, и никогда уже не является на земле в другой раз».

Итак, Карамзин остался верен идее прогрессивного развития мира. Этот процесс он рассматривал как вечную борьбу добра со злом, где истина с заблуждением ведут кровавую брань... «Все несправедное, все ложное гибнет... одна истина не страшится времени; одна истина пребывает вовеки». Но истина — это и есть Бог или вечная премудрость, или творческий разум, по законам которого идет развитие мира. Мир стремится достигнуть идеала, который воплощен в истине. Но вся полнота правды воплощена в Слове Божьем. Осудив крайние направления в идеологии Просвещения, Карамзин сделал важный вывод. Поскольку историческое развитие осуществляется в процессе борьбы добра и зла, то революция, как наивысшее проявление зла, закономерна, но и нежелательна. Революция не может остановить развитие человечества, так как оно определяется высшими законами, которые ведут мир к благу, но она может отбросить общество назад, задержать его развитие. Примером служила Франция, которая накануне революции была просвещенным государством, в котором царил порядок, хотя и не идеальный. «Французская монархия, — писал он в полном издании «Писем русского путешественника», — производила великих государей, великих министров, великих людей в разных родах; под ее мирной сенью возростали науки и художества; жизнь общественная украшалась цветами приятностей, бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком».

Этот порядок сменился беспорядком революции, хаосом социальным. Казни, междоусобная война за власть, жестокости, ничем совсем неоправданные, и, как думал Карамзин, человечество на примере Франции убедилось, что *«безналичие хуже всякой власти»*¹.

По-новому Карамзин подошел теперь к оценке государственного строя европейских стран. В период путешествия по Европе он считал Англию совершеннейшим государством в Европе. Совершенство английского государственного строя он объяснял мудрыми законами. Это нашло отражение на страницах «Писем русского путешественника».

Во время подготовки «Писем» к полному изданию (1797) Карамзин перекроил весь прежний текст об Англии и Франции. Оставив прежнюю повествовательную канву, он изменил свои выводы и формулировки. Таким образом, на ранний текст лег поздний. Эти два слоя можно проследить по тексту «Писем». Так, например, на стр. 738 (изд. Смирдина 1848 г.) Карамзин рассказывает о музеях Британии и обращает внимание читателя на «Магну Харту», или «славный договор англичан с их королем Иоанном, служащий основанием их конституции. Спросите англичанина, — писал Карамзин, — в чем состоят ее (т. е. хартии) главные выгоды? Он скажет:

¹ «Аглая», кн. II, с. 88.

я живу, где хочу; уверен в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов» (курсив Карамзина.— А. С.). Карамзин, кажется, согласен с тем, что именно законы являются основанием благополучия англичан. Так он и думал в начале 90-х годов. Но на стр. 778—779 находим следующий тезис: англичане «горды — и всего более гордятся своею Конституцией... Законы хороши; — соглашается он,— *но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди был счастливы...*» (курсив мой.— А. С.). «Англичане просвещены, знают наизусть свои истинные выгоды, и если бы какой-нибудь Питт вздумал явно действовать против общей пользы, то он непременно бы лишился большинства голосов в парламенте... *И так не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум*».

Приведенная выдержка из «Писем» наглядно иллюстрирует редакционную работу, которую проделал Карамзин над текстом. Когда он приступил к подготовке полного издания «Писем русского путешественника», то оказалось, что написанное в начале 90-х годов не укладывалось в его новую социальную концепцию. Он эволюционист, сторонник органического развития, в конечном счете ход истории определен Проведением.

Во второй книге «Аглан» Карамзин выдал «Илью Муромца», богатырскую сказку, рассказанную языком, в высшей степени изящным, благозвучным; это, как нити, нанизанные жемчугом, так оценит ее Погодин. «Размер ее, необыкновенный, очаровал читающую публику, которая во всяком сочинении Карамзина находила что-то новое, занимательное, увлекательное, и предалась ему безусловно: Карамзин сделался ее любимцем. «Илья Муромец» имел большой успех, и молодые люди читали его вскоре повсюду наизусть:

Не хочу с поэтом Греции...
Петь вражды Агамемноновой
С храбрым правнуком Юпитера;
Или, следуя Virгилию,
Плыть от Трои разоренные
.....
Мы не Греки и не Римляне,
Мы не верим их преданиям;
.....
Я намерен слогом древности
Рассказать теперь одну из них
Вам, любезные читатели,
Если вы в часы свободные
Удовольствие находите
В Русских баснях, в Русских повестях.
В смеси былей с небылицами,
В сих игрушках мирной праздности
В сих мечтах воображения
.....
На минуту позабудемся
В чародействе красных вымыслов!

Этот уход Карамзина в русскую историю симптоматичен и многообещающ. Он выходил на подступы к своей «Истории». В примечании к «Илье Муромцу» сказано: «Вот начало безделки, которая занимала нынешним летом (1794) уединенные часы мои. Продолжение остается до другого времени; конца еще нет, может быть и не будет. В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская — почти все наши старинные песни сочинения такими стихами».

С каким нетерпением русские читатели ожидали обещанного продолжения, но, увы, оно не было выдано!»¹

На основе произведений и писем Карамзина, написанных в 1793—1794 году, можно говорить о том, что к 1795 году он в основном преодолел духовный кризис, вызванный событиями во Франции и в России.

Это сопровождалось усилением христианских начал в его мировоззрении. Консерватизм его новой социальной программы заключался не только в усилении религиозных идей, но при этом и в категорическом отрицании и осуждении революционных переворотов. Карамзин остался верен (еще раз сделаю на этом акцент) идее нравственного и культурного прогресса человечества. В своей социальной программе он стремился идеи Просвещения поставить на службу не революции, как его бывшие кумиры, а органического эволюционного развития на основе христианства. Он пережил своего рода ренессанс православия в душе своей. Осознав это, Карамзин воспрянул духом и приступил к практическому проведению своих новых идей в жизнь — воздействовать на общество через литературу. Осенью этого года он вернулся из Знаменского в Москву и всю зиму 1794/95 года провел в городе. «Я веду теперь самую рассеянную жизнь... — писал он Дмитриеву 8 ноября 1794 года, — а когда я дома, то пишу письма или работаю для Ридигера». С января 1795 года по предложению содержателя университетской типографии Ридигера Карамзин начал вести в «Московских ведомостях» отдел «Смесь». Осенью 1795 года у него созрел план издать русский поэтический альманах, в котором должны быть представлены стихотворения известных и начинающих поэтов. О своем плане он сообщил И. И. Дмитриеву: «Начнем — а другие со временем возьмут на себя продолжение, — писал он. — Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показаться публике. Отгоним прочь всех уродов; но призовем тех, которые имеют какой-нибудь талант!.. Таким образом всякий год могли бы мы выдавать маленькую книжку стихов...»

Весь конец 1795 и начало 1796 года Карамзин занят подготовкой и составлением указанного «Альманаха». Его затея нашла отклик и в Москве и в Петербурге. «Все здешние стихотворцы... ра-

¹ Погодин М. П. Указ. соч. Ч. 1, с. 242.

дуются мыслью о русском *Almanach des Muses*, — сообщал он Дмитриеву 20 декабря 1795 года, — все обещают плакать и смеяться в стихах, чтобы занять место в нашей книжке. Содержатели типографии также рады». Он торопит Дмитриева присылать стихи, сообщает, что получил стихотворения от Державина и Капниста, надеется выпустить альманах к весне. Наконец, альманах, который назван «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений», у цензора, а в августе выходит первая книжка. В предисловии к «Аонидам» (это другое название муз) Карамзин писал: «Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания... Я с удовольствием беру на себя должность издателя, желая со своей стороны всячески способствовать успехам нашей литературы...»¹ В первую книжку «Аонид» вошли стихотворения М. М. Хераскова, В. В. Капниста, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, В. Л. Пушкина, Г. Р. Державина и молодых поэтов карамзинского направления. Из стихотворений Карамзина в ней опубликованы «Послание к женщинам», «К самому себе» и «Послание к А. А. Плещееву».

Не успела выйти первая книжка, как Карамзин начинает готовить вторую; она выходит в августе 1797 года. В предисловии к ней Карамзин, ознакомившись с присланными ему стихотворениями, нашел нужным высказать критические замечания в адрес молодых поэтов. Отмечая важность и пользу литературы, ее влияние на умственное и моральное состояние каждого народа, он указал, как на условие обязательное для молодых поэтов, совершенствовать свое мастерство, оттачивать талант. «Аониды», — писал он, — должны показать состояние нашей поэзии, красоты и недостатки ее... Не употребляя во зло доверенности моих любезных сотрудников, не употребляя во зло нрав издателя, я осмелюсь только заметить два главных порока наших юных муз: излишнюю высокопарность, гром слов не у места и часто притворную слезливость».

Из стихотворений Карамзина в этот сборник вошли «К бедному Поэту», «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста», «Дарования». «К бедному Поэту» написаны им в 1796 году. В них он говорил об относительности счастья на земле, о зависимости его от душевного спокойствия и нравственного совершенства человека. Эти стихотворения по своей теме и идеям созвучны написанному в следующем году «Разговору о счастье». В стихотворении «Дарования» (1795) излагалась концепция просвещения Карамзина. Основную мысль автор подчеркнул в примечании: «Чувство изящного в природе разбудило дикого человека и произве-

¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 51—63; «Аониды», кн. I, с. IV.

ло искусства, которые имели непосредственное влияние на общежитие, на все мудрые законы его, на просвещение и нравственность»¹.

Третья книжка «Аонид» вышла в 1798 году. В неё вошли важные для взглядов Карамзина стихотворения «Протей» и «Тацит».

В последнем дана скрытая оценка правления Павла I как режима, который без подлости терпеть невозможно. Это был гражданский поступок, поучительный и запоминающийся. Позже современники называли последнего летописца «Наш Тацит». В определении Пушкина «Тацит — бич тиранов».

В «Разговоре о счастье» Карамзин дает свое определение понятия счастья. «Быть счастливым, — говорит он, — есть быть верным исполнителем естественных мудрых законов; а как они основаны на общем добре и противны злу, то *быть счастливым есть... быть добрым*». Надо помнить, что у Карамзина зло включает в себя не только понятие нравственного порядка, но и социального — революцию он рассматривает как высшее проявление зла. А естественные мудрые законы — это «мудрое Единодержавие», являющееся палладиумом России. Концепция общественного развития, созданная Карамзиным в конце 90-х годов XVIII века, была реакцией на Французскую революцию, террор, но она противопоставлялась и павловскому самовластью. Согласно этой концепции существующее общество не признавалось совершенным и рассматривалось как соответствующее степени нравственного состояния людей XVIII столетия: несовершенны люди — несовершенно и общество. Отрицая революцию, Карамзин не отрицал медленного поступательного движения общества к гармоничному будущему. Идея поступательного развития общества покоилась у Карамзина на вере в благое Провидение, определявшее движение мира к совершенству. Эта вера была временно поколеблена революцией, но веру в благость Провидения он сохранил. Карамзин надеялся на установление идеального общества, в котором должны были найти счастье все люди, независимо от их социального положения. Каким мыслился ему этот «идеальный» строй? Карамзин часто упоминает о республике мудрецов, «платоновой» республике, как о своей мечте.

ВРЕМЯ ПАВЛА I. НОВЫЕ СОМНЕНИЯ.

Слава и известность молодого Карамзина росли так же стремительно, как распускался и расцветал его творческий многогранный гений.

К концу века Просвещения Карамзин стал известным писателем, произведения которого нашли своего читателя не только в столицах, но и в провинции.

¹ «Аониды», кн. II, с. IV—V, с. 341—342.

«Почитатели» русской литературы, как писал А. Т. Болотов, с нетерпением ожидали проявления новых произведений молодого, но любимого всеми сочинителя. «Мои безделки» и журналы дошли до далекой симбирской деревни и стали любимыми книжками маленького С. Т. Аксакова. Книги Карамзина распространились и в купеческой среде, и как выше указывалось, в среде мастеровых. Начинающие писатели считали своим долгом сходить на поклон к «десятнику литературы», как называли тогда Карамзина.

С. Н. Глинка сообщал М. Погодину, что с восторгом читал книги Карамзина еще в детстве, в провинциальной смоленской глубинке, где «мало читали, и кроме книг духовного содержания, почти не имели других. <...> Вдруг появилось у нас в доме: Мои безделки. Нам прислали эту книгу из Москвы, и как описать впечатление, произведенное ею? Все бросились к книге, погрузились в нее: читали, читали, перечитывали, и наконец почти вытвердили наизусть. От нас пошла книга по всему околотку и возвратилась к нам уже в лепестках. Так случилось, думаю, и везде с первыми опытами Карамзина. <...>

Я поступил затем в первый кадетский корпус, и там я, на первом шагу, встретился с славою и уже с вторичными опытами Николая Михайловича. Кадеты, и в рекреационные часы, и в классах, заклоняясь лавкой, читали и вытверживали наизусть музыкальную прозу и стихи, так легко укладывавшиеся в памяти. И это уважение, эта любовь к Карамзину доходила до того, что во многих кадетских кружках любимым разговором и лучшим желанием было: как бы пойти пешком в Москву поклониться Карамзину! <...> Из Петербурга с другими товарищами уехал я в полк в теплую, цветущую Вольту. И там встретил я в кругу романтических полек «Бедную Лизу», кем-то переведенную на польский язык, и там молодые офицеры, с гитарой в руках и часто с томным вздохом, напевали: «Кто мог любить так страстно, как я любил тебя!»

В качестве примера отношения читателей к творчеству Карамзина можно привести записки купца Второва. Человек молодой, стремящийся к образованию, он на Макарьевской ярмарке купил «Московский журнал» и был в «упоении» от чтения «бедной Лизы» и первых «Писем русского путешественника». Увлеченный чтением, купец дал себе слово прочитать журнал «весь со вниманием и на особую бумагу выписывать и замечать важные и трогательные места».

Как заметил М. П. Погодин, Карамзин «понял верно, на какой ступени образования оно (общество) находится, что может быть для него приятно и вместе полезно, чем можно на него подействовать, и возбудить его любопытство, и доставил ему такое занимательное чтение, которое вполне его удовлетворяя, вместе трогало...»¹

¹ «Русский вестник», 1875, № 4, с. 521; Погодин М. П. Указ. соч. Ч. 1, с. 172.

Гражданская позиция и социально-политические взгляды Карамзина в последние годы царствования Екатерины II казались современникам либеральными. В столичном обществе он слыл за человека независимого образа мысли, «приверженного к вольности». Хотя его «поправение» после 1793 года не осталось незамеченным в обществе, но и тогда ему все же не могли простить прежнюю «вольность мыслей». Это откровенно высказал А. Т. Болотов в литературных замечаниях на вторую книжку «Аглаи». «Думать надобно,— писал он о Карамзине,— что... в пунктах, относящихся до излишней вольности в мыслях, предостерегаем и оговариваем он был друзьями своими, ибо в сей второй книжке был он... несколько скромнее и воздержаннее, а не явно и грубо обнажал истинные свои мысли; но в письме от Филалета к Мелодору даже старался умышленно прикрыть себя лучшею личиной; однако от очей строгого проницания трудно было ему утаить истинные черты настоящих его правил и расположения мыслей. Все оставалось еще великое сомнение в его мыслях в рассуждении религии и закона».

Прошлые связи Карамзина с масонами, да и сами его произведения давали основание в придворных кругах рассматривать его как мартиниста и якобинца. Особенно это проявилось в царствование Павла I. Д. Н. Бантыш-Каменский пишет в своем «Словаре достопамятных людей Русской земли», что на Карамзина в царствование Павла I были доносы. Об одном из них, а именно П. И. Кутузова, граф Ф. В. Ростопчин ему рассказывал. Доносчик выставлял Карамзина вредным для правительства человеком и безбожником.

Поскольку Карамзин в эти годы большую часть времени жил в орловском имении Плещеевых и мало бывал в Москве, то это давало пищу для слухов и о нем говорили, что арестован, сослан и т. п. Об этих слухах Карамзин 2 сентября 1795 года писал с раздражением И. И. Дмитриеву: «Итак, обо мне говорят, что я удален? За что же? И кому хочется выдумывать на мой счет такие печальные басни!». «Не правда ли, что я зажился в деревне? Между тем московские приятели заклинаят меня скорее возвращаться в Москву, чтобы уничтожить разные слухи, рассеянные обо мне злобой и глупостью; одни говорят, что меня уже нет на свете; другие уверяют, что я в ссылке, и проч.»,— писал он 17 октября 1795 года¹.

6 декабря 1796 года умерла Екатерина II и на престол вступил ее сын Павел I. Начало нового царствования вселяло надежду у одних на личный успех, у других — на серьезные изменения в жизни государства.

¹ Губерти Н. В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887, с. 23; Погодин М. Н. Указ. соч. Ч. 1, с. 282. См. также донос Кутузова на Карамзина. Чтения ОИДР, 1858, кн. 2. с. 185—186; Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву, с. 59—62. «Вчера и сегодня». Литературный сборник, сост. В. А. Соллогуб, кн. 1, СПб., 1845, с. 44—48; Кислягина Л. Г. Указ. соч., гл. IV.

Не лишен надежд и упований на нового императора был поначалу и Карамзин. Вот что писал он брату 17 декабря: «Государь хочет царствовать с правдою и милосердием и обещает подданным своим благополучие; намерен удалиться от войны и соблюдать нейтралитет в рассуждении воюющих держав... Трубецкие, И. В. Лопухин, Новиков награждены за претерпение; первые пожалованы сенаторами, Лопухин сделан секретарем при императоре, и Новиков, как слышно, будет университетским директором. Вероятно, И. П. Тургенев будет также предметом Государевой милости, когда приедет в Петербург».

В этом же приятном расположении Карамзин писал к Дмитриеву 29 декабря: «Я мог бы ехать в Петербург, но не скажут ли, что я еду искать, добиваться и проч. Не лучше ли подождать вас всех в Москве?»

Карамзин написал «Оду на случай присяги Московских жителей императору Павлу»:

...Итак на троне Павел первый!
Венец Российские Минервы
Давно назначен был ему...
Друзья! Он будет наш отец;
Он добр и любит россов нежно!
Он хочет счастья миллионов,
Полезней обществу законов;
К нему отверста мудрых дверь.
Кто Павлу истину покажет,
О тайном зле Монарху скажет,
Подаст ему благой совет,
Того он другом назовет.
И дверь в темницах открылась;
Свобода с милостью явилась... и т. д.

Большой радостью для Карамзина было прекращение дела масонов. Но слухи о Новикове, как известно, не подтвердились. Хотя император и обещал Новикову упорядочить его дела, но обещаний своих не выполнил и тем самым способствовал окончательному его разорению. Для Карамзина окончились волнения, связанные с делом масонов, но зато усилились цензурные преследования. Его тревожили также частые беспричинные аресты сограждан, которыми прославилось павловское правление.

Надежды недолго ласкали Карамзина. 6 января Дмитриев, первый друг его, по ложному доносу был посажен в Петербурге под арест в доме генерал-губернатора Архарова, где, пробыв два или три дня, был затем признан невинным и даже представлен самому государю. Карамзин долго не мог успокоиться. Вскоре он убедился, что обстоятельства переменились не к лучшему, что литература не может надеяться на оборот дел более благоприятный и что сам он должен остаться в прежнем положении, если не в худшем. Тогда он, скрепя сердце, обратился к принятому образу жизни, поддерживая

связь с литературой изданием старых сочинений, с которыми при- ставали к нему книгопродавцы, изготовлением нежных посланий к женщинам и переводами невинных повестей и отрывков с английского, немецкого и французского языков.

«Для чего не выдаю ничего собственного? — отвечает он Дмитриеву на тревожный вопрос. — Для того, что ничего или почти ничего не пишу, даже и стихами. Голова моя все как-то не свободна. Только цензура, как черный медведь, стоит на дороге, к самым безделицам придирается. Я, кажется, и сам могу узнать, что позволено и чего не должно позволять; досадно, когда в безгрешном находят грешное».

Терпение самого терпеливого и кроткого человека истошилось, и Карамзин писал Дмитриеву 11 октября 1798 г.: «Я, как автор, могу исчезнуть заживо. Здешние цензоры при новой эдидии (издания) Аонид поставили крест на моем Послании к женщинам. Такая же участь ожидает и Аглаю, и Мои безделки, и Письма русского путешественника, то есть, вероятно, что цензоры при новых изданиях захотят вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу, нежели соглашусь на такую гнусную операцию; и таким образом через год не останется в продаже, может быть, ни одного из моих сочинений. Умирая авторски, восклицаю: да здравствует российская литература! Я рассмеялся твоей мысли жить переводами. Русская литература ходит по миру с сумою и с клюкою: худая пожива с нею! <...> План издателя разрушился. Если бы экономические обстоятельства не заставляли меня иметь дело с типографией, то я, положив руку на алтарь Муз и заплакав горько, поклялся бы не служить им более, ни сочинениями, ни переводами. Странное дело! У нас есть Академия, Университет; а литература под лавкою...» и далее: «Цвет жизни и более для меня увядает. Желая только одного: умереть спокойно. Не в таком расположении издаются журналы, любезный друг. <...> Я в отношении к свету ничего не желаю. Талант мой, как сибирский плод, не дозрев иссыхает. Довольно, если иногда, улучив свободную минуту, напишу стиха два, и за то благодарю судьбу». Комментарии к посланиям этим излишни. Можно только удивляться, что и при таких обстоятельствах Карамзин сохранился как автор, исследователь, поэт.

В октябре 1797 года по заказу издателя французского журнала «Северный зритель» Карамзин написал статью о русской литературе. «От меня требовали, — сообщал он Дмитриеву, — несколько строк о русской литературе вообще и при том извлечении из моих писем». В статье давался краткий исторический очерк состояния русской литературы, она начиналась с заявления, что «творческий талант» обитает во всех климатах», что на Руси также есть люди с талантами, но их успехи в литературе пока еще скромны и они не оспаривают пальму первенства у французов, немцев и т. д. В этой

статье историю русской литературы Карамзин делил на два периода: до Петра I и после него. В допетровский период, писал он, русская литература развивалась на национальной основе: песни, романсы, рыцарские романы — отражали национальный характер русского народа; они были монотонны, грустны. Русская поэзия, указывал он, достигала порой больших высот, как например, в недавно открытом «Слове о полку Игореве». После Петра I русская поэзия и литература стали развиваться по иностранным образцам, «превратились в копию и эхо немецкой и французской». На протяжении XVIII века, говорилось в статье, русская литература добилась некоторых успехов: «у нас есть комедия, трагедия, драмы, романы, выпускаются сборники стихов». Но все же русским авторам, замечал Карамзин, не всегда хватает умения и вкуса, «алтарь искусства нам не всегда доступен». Заканчивалась статья кратким изложением содержания «Писем русского путешественника».

В 1798 году Карамзин задумал издать «Пантеон иностранной словесности». «Пантеон», как писал он Дмитриеву, решил издавать для «пополнения кошелька», но тем не менее, издавая его, преследовал цель просвещения общества. Он так объяснял эту идею: «Пантеон издаю не для Университета, а для публики, которая не стала бы его читать, если бы в нем не было ничего, кроме Демосфена, Цицерона и других классических риторов... Пантеон литературы... не что иное, как собрание всякого рода творений, важных и неважных...» Для «Пантеона» он переводил и древних и новых авторов, «иное для идей, иное для слога».

Но при издании «Пантеона» Карамзин столкнулся с цензурой: цензоры не пропустили ряд его переводов. «Цензоры говорят,— писал он Дмитриеву,— что Демосфен был республиканец, и что таких авторов переводить не должно и Цицерона также — и Саллюстия также»¹.

Тем не менее три книжки «Пантеона» вышли в конце 1798 года. В них, конечно, не было ни Демосфена, ни Саллюстия. Это были небольшие книжки размером в восьмую часть листа. Каждая составлена по принципу, указанному Карамзиным в письмах к Дмитриеву: «иное для идей, иное для слога». Первая часть — статьи «для идей» — это переводы из новых и древних философов и мыслителей. Подбор авторов определялся, конечно, интересами переводчика. При чтении «Пантеона» невольно бросается в глаза удивительное созвучие вопросов, поднимаемых в них, с проблемами, которые решал для себя Карамзин: о религии, о роли человека в обществе, о счастье, нравственном совершенстве и др. Решение этих проблем в переведенных статьях отвечало взглядам и настроениям Карамзина. В них утверждались философский идеализм, идея благодати и гармо-

¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 92—113.

нии, царящая в мире («Цицерон о боге»). Вторая часть — «для слога» — заполнялась описаниями путешествий, нравоучительными рассказами и т. д. Повторное издание «Пантеона» вышло уже в 1818 году. В эти более обширные сборники Карамзин включил все переводы, не пропущенные в 1798 году цензурой, переводные статьи из «Московского журнала» и «Вестника Европы».

Усиление цензуры, установление в стране полицейского режима сделали практически невозможной деятельность Карамзина. В 1798 году цензура задержала второе издание «Аглаи», не пропустила новое издание «Аонид», «поставив крест» на «Послании к женщинам», не пропустила две последние части «Писем русского путешественника». Теперь ему кажется, что не только литературная деятельность, но и вся жизнь человека теряет смысл в условиях грубого произвола и бесправия. «Ты не весел, я тоже,— пишет он Дмитриеву 29 октября 1799 года.— Цветы жизни более и более для меня увядают».

Последние два года правления Павла I Карамзин ничего не пишет, а только заканчивает свои издательские дела. В это время он особенно усиленно стал заниматься русской историей.

В 1801 году умолкнул Павла «сиплый рев». На престол вступил Александр I, восторженно встреченный дворянством. Карамзин вновь словно пробудился от сна.

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕАЛА

Обращаемся опять к М. П. Погодину:

«С восшествием на престол императора Александра, марта 12, 1801 года, начинается новая эра как в жизни литературной Карамзина, так и домашней. Он ожил и приветствовал молодого императора стихами, примечательными если не в отношении к поэзии, то в отношении к мыслям, ими выраженным, к желаниям, которые, как видно из них, господствовали в большинстве русского образованного общества. С этой точки зрения стихи делаются историческим документом.

Карамзин с самого начала сравнивает восшествие на престол Александра с явлением *весны*, которая приносит с собою забвение всех мрачных ужасов *зимы*, радуется обещанию Александра даровать золотой век Екатерины, когда милость вещала ее устами, и к повинению подданные подвигались одною любовью. Поэт предвидит много великих дел, не желает, чтобы они относились только к миру, к справедливому суду, к благим нравам, коих двор должен представлять *образцы*, предостерегает молодого государя от льстецов, которые описываются самыми черными красками; вспоминает о Пожар-

ских и Долгоруких, и заключает изображением муз, которые, снимая с себя черный креп, ожидают благоволения Александра.

России Император Новый!
На троне будь благословен.

.....
.....
*Так милья весны явленье
С собой приносит нам забвенье
Всех мрачных ужасов зимы;
Сердца с природой расцветают.
И плод во цвете предвкушают.
Весна у нас, с Тобою мы»*

.....
Воспитание Екатерины!
Тебя Господь России дал.
Ты урну наша судьбины
Для дел великих восприял:
Монарх! довольно лавров славы,
Довольно ужасов войны!

.....
Ты будешь Гением покоя;
В Тебе увидим мы Героя
Дел мирных, правоты святой.
Возьми не меч — весы Фемиды,
И бедный, не страшась обиды,
Найдет без злата век златой.

.....
Да царствуют *благие нравы!*
Пример Двора для нас закон.
Ты будешь солнцем просвещения.
Наукой счастлив человек.

.....
Молодой государь прислал поздравителю бриллиантовый перстень.

В Оде на коронацию Карамзин выразился еще тверже и яснее: он говорит здесь о законах и для царя, об его ответственности пред небом, о гнусности рабства, о достоинствах свободы, которая одна только может любить, а не бояться, которая всем мила и согласна с пользою царей, которая может существовать только там, где есть уставы. Поэт идет в храм истории, где надеется найти дела Александры.

.....
Сколь трудно править самовластно,
И небу лишь ответ давать...

*Он может все, но свято чтить
Его ж премудрости законы...
Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, нам мила...
Свобода там, где есть уставы,
Там рабство, где законов нет;
Где гибнет правый и неправый!*

*Свобода мудрая святая,
Но равенство одна мечта.*

Трудись!.. давай уставы нам,
И будешь первый по делам!

«Молодые наши судьи,— писал М. Погодин по поводу этой оды,— упрекают старых литераторов в лести. Никакая лесть не опасна, сопровождаемая подобными уроками. Нет, Ломоносов, Державин, Карамзин не льстили, как видим из приведенных нами мест, а учили царей между строками мнимой лести, которая принадлежала к языку, обычаю, формам времени».

В августе 1801 г. Карамзин писал брату Василию Михайловичу: «Государь расположен ко всякому добру, и *мы при нем отдохнули. Главное то, что можем жить спокойно*». Вслед за одами последовало сочинение исторического похвального слова императрице Екатерине. Ободренный благосклонным принятием двух его од, пишет Погодин, он вознамерился выразить яснее свои мысли о желаемом правлении в описании действий покойной государыни, которыми стяжала она от своих подданных признательную память. Пример казался для Карамзина гораздо действительнее и полезнее всех умозрительных, отвлеченных рассуждений, тем более что они могли подать еще повод к невыгодным предположениям о непрошенных наставлениях, а по мнению других, пожалуй, и дерзких. Под щитом императрицы Екатерины, которой имя было возведено в первом манифесте, Карамзин мог гораздо безопаснее проводить свои собственные мысли, гораздо успешнее внушать желаемые понятия о царских обязанностях. К чести его надо припомнить, что он здесь совершенно забыл несправедливость покойной государыни, в отношении к нему самому. <...>

Лири настроена была Карамзиным на высокий лад, и язык его в этом сочинении возвышается вместе с предметом. Это уже не язык «Писем русского путешественника» и прочих произведений его молодости: язык Похвального слова составляет переход к Истории, возбуждает новые надежды на развитие автора и служит доказательством его разнообразных способностей. Вы слышите истинного оратора, который переходит от силы в силу, и начинает говорить со властью.

Похвальное Слово представлено было государю также Д. П. Троицким, которому Карамзин написал следующее письмо:

Милостивый Государь!

Обязанный вашею милостию, снова прибегаю к ней.— Я осмелился сочинить похвальное Слово Екатерине и приписать Императору.— Не откажите ль, милостивый государь, представить оное, вместе с письмом, Его Величеству и быть моим покровителем в случае, если вы найдете, что сие произведение стоит какого-нибудь

нимания.— Второй экземпляр прилагаю для библиотеки Вашего Высокопревосходительства»¹.

Карамзин получил за поднесение своего сочинения государю приятный именной подарок, о коем так уведомляет брата (12 февраля): «Император прислал мне за похвальное Слово Екатерине табакерку с бриллиантами. Таким образом имею от него уже три подарка: два перстня и табакерку».

Карамзин благодарил Троицкого следующим письмом:

«Прося Ваше Высокопревосходительство изъявить пред троном мою всеподданнейшую благодарность за бесценный знак Монаршего благоволения, свидетельствую вам особенную сердечную мою признательность, как за ваше милостивое письмо, так и за оказанное мне покровительство».

Литературные обстоятельства переменялись наконец к лучшему, что доказывалось и свободным напечатанием как од, так и Слова. Цензура обещала быть не столь строгою, как прежде. Печать не представлялась более опасной. Книгопродавцы и типографщики приступили к Карамзину с убеждениями издавать журнал, надеясь получить большие выгоды чрез любимого публикою писателя, который так долго молчал и которого так нетерпеливо желала читать публика. Между ними особенно усердствовал любитель словесности, университетский книготорговец и типографщик Иван Васильевич Попов, от которого в молодости я сам это слышал, замечает М. Погодин. Не даром в первой статье журнала было сказано: «хорошие сочинения кажутся теперь книгопродавцам золотом, торговля их озрастает».

Вот так начала распространяться любовь к чтению в России с легкой руки Карамзина. Он решился выступить опять на журнальное поприще, на которое давно уже вызывал его Дмитриев. Имя, данное им своему журналу, было «Вестник Европы». Брату он писал 1 декабря 1801 года: «Вы меня одолжите, если соберете несколько хотников для моего журнала. Он будет верно доставлен, если вы ведомите, кому и где его надобно».

Журнал выходил 2 года, по два номера в месяц. Карамзин издал 8 его книжек. Цель «Вестника Европы», желания издателя выражены так в письме, которым начинается первая книжка:

«В России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце, и тем более плодов приносит. *Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию того великого и сильного народа как Российский; развивать деи, указывать новые красоты в жизни, питать душу мораль-*

¹ Погодин М. П. Указ. соч. Ч. 1, с. 327.

ными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах с благом других людей! И так я воображаю себе великий предмет для словесности, один достойный талантов».

Более подробно программа журнала изложена в обращении к читателю, напечатанном в 23-й книжке за 1802 год. «Вестник» будет... сообразно с его титулом, содержать в себе главные европейские новости в литературе и в политике, все, что покажется нам любопытным, хорошо написанным, и лучшие авторы Европы должны быть в некотором смысле нашими сотрудниками... а нам остается изображать их мысли, как умеем. Сверх того в «Вестнике» будут и русские сочинения в стихах и прозе...»

«Вестник Европы» положил начало новому типу журнала в русской журналистике — литературно-политическому и оказал влияние на все последующее развитие отечественной журналистики. Журнал имел ярко выраженную направленность: все печатаемые в нем материалы отвечали программе издателя, переводной материал служил основой, на которую издатель накладывал свои узоры. Журнал делился на два отдела: литературный и политический. Это было новостью в нашей журналистике. Открывался он литературным отделом. В нем печатались не только художественная проза и стихи, но и статьи по истории, биографии великих людей, статьи по различным вопросам внутренней жизни России. Из художественных произведений Карамзин помещал в журнале переводы сентиментальных повестей (А. де Сталь, А. Коцебу). Из русских писателей печатались близкие Карамзину авторы: И. И. Дмитриев, Г. Р. Державин, В. Л. Пушкин, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. В. Измайлов, В. А. Жуковский и др. Карамзин напечатал и ряд своих исторических статей и повестей: «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», «О тайной канцелярии», «Путешествие вокруг Москвы», автобиографический роман «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь» и др. Политический отдел подразделялся на разделы «Общее обозрение» и «Известия и замечания». В «Общих обозрениях» печатались сообщения о событиях в Европе, Азии, Америке, взятые из иностранных журналов. В «Известиях и замечаниях» давался редакционный обзор событий внутренней и внешней жизни западноевропейских государств и России.

Отдел политики поражает разнообразием тематики, уровнем ее раскрытия. Здесь сообщения о внутренней политике Англии и Франции, о мероприятиях консула Бонапарта, отчеты министров, заседаний парламента, статьи о конституциях различных государств, о событиях в Старом и Новом свете, биографии политических деятелей и многое другое. Диапазон журнала был широк, охватывая все стороны жизни России. Журнал нес читателю огромное количество информации, изложенной хорошим литературным язы-

ком. «Вестник Европы» Карамзина очень быстро завоевал большую популярность. Уже 14 января 1802 года Карамзин сообщил Дмитриеву, что «пренумерантов немало: около 580; вероятно, что и прибавится». Вскоре число подписчиков превзошло 1200 и потребовалось второе издание журнала.

И. И. Дмитриев назвал «Вестник Европы» «лучшим нашим журналом, который удовлетворял читателей обоих полов, молодых и старых». А. И. Тургенев упоминает о «Вестнике Европы», который читает с большим удовольствием... «Пиесы интереснее прежних; слог у Карамзина стал чище... право, мало, очень мало немецких журналов, которые бы могли с «Вестником» сравниться». В письмах к молодым друзьям Тургенев настоятельно рекомендовал учиться у Карамзина: «Читай для образца переводы Карамзина. Там научишься прекрасным оборотам и выражениям таких понятий, которые, казалось, невозможно было выразить в русском»¹.

Отмечая большую роль журнала в истории отечественной культуры В. Г. Белинский писал: «До Карамзина у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: он первый дал нам его. Его «Московский журнал» и «Вестник Европы» были для своего времени явлением удивительным и огромным, особенно если сравнить их не только с бывшими до них, но и после них на Руси журналами. Какое разнообразие, какая свежесть, какой такт в выборе статей, какое удивительное передавание политических новостей, столь интересных в то время! Какая по тому времени ловкая критика»².

Выше уже указывалось, что и после кровавого террора якобинцев (знаменитого 1793 года, воспетого Виктором Гюго) Карамзин отмечал, что революция, показав заблуждения разума, все же открыла новую главу во всемирной истории. Он понимал огромное ее влияние на всю европейскую жизнь.

Материалы «Вестника Европы» дают возможность проследить, как под влиянием событий во Франции изменились его оценки событий и лиц. Эти материалы дают возможность судить, как решал Карамзин вопрос об историческом развитии человечества в целом и России в особенности.

Карамзину казалось, что подтверждался его вывод о том, что нравственные взрывы или революции, хотя и нежелательные, но закономерные, влияют на судьбы мира и весьма противоречиво это их воздействие. Но даже кровавое насилие не может прервать поступательного развития человечества. «Нравственные и политические революции свойственны земному шару не менее

¹ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 83, а также: Письма и дневники А. И. Тургенева (1802—1804), СПб., 1911, с. 83.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7, М.-Л., 1955, с. 135, 140.

физических; но одно время бывает гораздо богаче ими, нежели другое»¹.

Его интересовали причины и следствия событий 1793 года. Связь революции с французской просветительской философией была для него очевидным фактом. В обзорной статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» Карамзин писал:

«С самой половины осьмого-надесять века все необыкновенные умы страстно желали великих перемен и новостей в учреждении обществ; все они были, в некотором смысле, врагами настоящего, терпясь в лестных мечтах воображения... Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другие предсказали ее с разительной точностью...» Это «волнение в умах» захватило множество людей», но «революция объяснила идеи», а «безрассудные якобинские правила» охладили умы. Якобинская диктатура и десятилетняя «революционная война» способствовали тому, что многие переменили свои взгляды на «вещи и людей». Революция показала, что без законной власти «народ делается жертвою ужасных бедствий, которые необыкновенно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти» и что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы моральному и политическому миру, должны остаться в книгах, вместе с другими более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правительств должна исправить несовершенства гражданских обществ». Французы до революции хотели «мечтательного равенства», а равенство «это сделало их всех равно несчастливими» и революция, «разорив дворянство, не обогатила народа». Вместо разумного общества, о котором мечтали, и который обещали «лучшие умы XVIII века», установился мир корыстолюбия, междоусобных войн, террора якобинцев, власти денежного мешка.

Но революция имела и положительные следствия. Грозившая ниспровергнуть все правительства, она утвердила их. «Если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благодетельными, то сим благодетельствием мы конечно обязаны революции». Теперь правительства, указывал он, стали крепки не воинскою силою, а «внутренним убеждением разума... Теперь все лучшие умы стоят под знаменем властителей и готовы только способствовать успехам настоящего порядка вещей, не думая о новостях»².

Конечно, перед нами картина смут на рубеже XVIII—XIX веков, но, как всегда, в размышлениях гения указано некое «томление ду-

¹ «Вестник Европы», 1803, № 20, с. 320, а также: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л., 1957, гл. II; Кислягина Л. Г. Указ. соч. Гл. III—IV.

² «Вестник Европы», 1802, № 12, с. 315—316; № 21—22, с. 138.

ха», «помрачение разума», наблюдаемые в истории и позже вплоть до наших дней.

В своих работах конца века Карамзин еще раз указывал на то, что «общественность» («общезитие») есть величайшее достижение человеческого разума, что это достижение нужно беречь. Теперь он вновь настойчиво подчеркивает то, что революция открыла многим: гражданский порядок священен при всех своих недостатках. Исторический путь Франции казался ему особо поучительным. До революции, указывал он в полном издании «Писем русского путешественника», Франция достигла высокой степени просвещения и нравственности. При монархическом строе во Франции (повторю эти слова) «бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Этот порядок, естественно сложившийся, сменился беспорядком революции. С приходом к власти Наполеона «вредная для Франции демократия» была уничтожена и страна, «несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления», стала нечем иным, «как истинной монархией»¹.

Наблюдая за деятельностью Наполеона-консула, Карамзин приветствовал его меры по реставрации монархических порядков, восстановлению религиозных институтов и т. п. «Франция по своему величию и характеру должна быть монархией». Подводя итог деятельности Наполеона за 1802 год, Карамзин пришел к выводу, что «французское правление есть истинное монархическое, и гораздо далее от республиканского, нежели английское... Бонапарте остается единственным властелином и правителем Франции. Сан его без всяких новых перемен в конституции легко может сделаться наследственным».

Итак, Франция процветала как монархия и снова спаслась от беспорядков монархией, только с той разницей, что «на место Карлов, Генрихов и Людовиков» судьбы поставили Наполеона «со святейшим титулом... великого человека...»². В «Похвальном слове Екатерине II» Карамзин так суммировал все сказанное ранее: «Народ многочисленный на развалинах трона хотел повелевать сам собою: прекрасное здание общественного благоустройства разрушилось; неописанные несчастья были жребием Франции, и сей гордый народ, осыпав пеплом главу свою, проклиная десятилетнее заблуждение, для спасения бытия своего вручает самовластие счастливому кормицанскому воину». Титул «великого человека», который поначалу Карамзин дал Наполеону, говорит о многом. В устах Карамзина титул «великого человека» значил больше, чем «древняя знаменитость рода». Карамзин восхищался консулом, который «умертвил

¹ Карамзин Н. М. Соч., т. I, с. 463, а также: «Вестник Европы», 1803, № 17, с. 78, № 15, с. 228.

² Карамзин Н. М. Соч., т. 1, с. 342, «Вестник Европы», 1803, № 15, с. 228, № 17, с. 79, № 2, с. 79.

чудовище революции». Он постоянно отмечал рост популярности Наполеона, который, по его словам, был нужен для счастья Франции: «Не Бонапарте свергнул Бурбонов с трона, не Бонапарте сделал революцию, он только воспользовался ею для славы своей».

«...Роялисты не умели спасти своего доброго короля, не хотели погибнуть с оружием в руках, а хотят только возмущать умы слабых людей гнусными клеветами... Франции не стыдно повиноваться Наполеону Бонапарте, когда она повиновалась госпоже Помпадур... Мы не знаем предков консула, но знаем его — и довольно». В отношении Карамзина к Наполеону с самого прихода его к власти была настороженность, неуверенность в том, что консул окажется таким же великим («героически-добродетельным») человеком в управлении государством, каким показал уже себя — «искусным генералом и хитрым политиком». Преодолевая субъективное недоверие к Бонапарту, он отмечал его успехи в восстановлении законного порядка. По его словам, консул печется «о мудрой системе законов, о воспитании, об успехах наук, художеств, торговли». Но наступило и разочарование в Наполеоне. Избрание Наполеона пожизненным консулом Карамзин осудил как фарс, разыгранный Бонапартом и Сенатом, Наполеон «столь явно требовал себе алтарей и храмов», что его поведение выглядело «нескромным». А позже уже в связи с принятием Наполеоном титула императора Карамзин писал брату: «Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показалась ему лучше славы».

Порядок, установившийся во Франции, казался Карамзину прочным, поскольку его поддерживали «новые богачи», «новые владельцы», армия и «все благоразумные люди». Карамзин отмечал, что главной опорой нового императора являются банкиры, подрядчики и фабриканты. «Мы еще не находили в истории, чтобы какой-нибудь народ был возвеличен фабрикантами». Такому «новому» обществу он не симпатизировал, так как видел в нем господство людей, лишенных «всякого воспитания, без всякого нежного чувства». Но поскольку это общество утверждало монархические порядки, он его принимал:

Отвергая революционное насилие, атеизм, Карамзин высоко ценил культурные, научные завоевания, всякое просвещение. В этом плане его можно считать просвещенным традиционастом, предтечей славянофильства и почвенничества.

В полном издании «Писем русского путешественника» он писал: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. *Утопия* (или *Царство счастья*, сочинение Моруса (Т. Мора.— А. С.) будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безо-

пасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой, и по всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. Предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: Оно, конечно, имеет Свой план... Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо»¹.

В этом плане особый интерес представляет статья Карамзина «Политические отрывки г-на Эшассерио»² (одного из лучших политических авторов Франции), переведенную, точнее, изложенную им для своего журнала. Жизненная сила народа, по мнению этого француза, определяется силой его учреждений, которые, в свою очередь, зависят от климата, географического положения, традиций и воспитания. Каждому народу свойственны свои обычаи и национальные особенности, «древние правила» и учреждения, которые имеют огромную силу и власть над людьми. Забвение их приводит народ к падению или свидетельствует, что данный народ клонится к упадку, дряхлеет. «Сильнейшие на земле народы, дерзающие поднимать голову в политических бурях, суть те, которых гражданская свобода зависит не от трактата, союза или чуждого влияния, но от силы их учреждений. Они всегда отражают завоевателя, пока хранят чистоту нравов, или пока время внутреннего разрушения еще не наступило». Социальная концепция, изложенная Карамзиным, раскрывает его собственную новую позицию. Он заменил критерий разумности общественного порядка критерием национальной самобытности, органичности, естественной прирожденности данного порядка. Она являлась теоретическим обоснованием политики возрождения прежних порядков во Франции и сохранения, консервации общественных отношений в других государствах Европы.

Здесь же Карамзин указывает на основной мотив, по которому он обратился к истории России. Он рассматривает народ как единый организм, который проходит в своем развитии три ступени: младенчество, расцвет и старение. Он раскрывает этот тезис на примере Оттоманской империи: «В самом деле... империя явно отжила век свой; все связи в ее политическом основании разрушаются; она не имеет сил усмирять мятежников; везде разбой и беспорядок. Все имеет век и предел свой»³. В историческом «Похвальном слове императрице Екатерине II» в числе причин падения Речи

¹ «Вестник Европы», 1803, № 6, с. 168, № 18, с. 150, «Вестник Европы» 1802, № 1, с. 78; 1803, № 17, с. 72; Кислягина Л. Г. Указ. соч., гл. IV.

² Карамзин Н. М. Соч., т. II, с. 462. Карамзин говорит об Эшассерио, как об одном из «знаменитейших членов Совета Пятисот» (Карамзин Н. М. Соч., т. I, с. 529).

³ «Вестник Европы», 1802, № 19, с. 226; № 14, с. 159.

Посполитой, он указывал на состояние упадка, дряхлость этого государства: «Слабый, ветхий дух республики не может управлять ее пространством». Формы власти Карамзин ставит теперь в строгую зависимость от древних традиций, обычаев и народного характера. Причем учреждения и обычаи рассматриваются как основы, даже как некий абсолют, который определяет историческую судьбу народа. «...Учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакой силой ума». В исторически сложившемся государственном организме содержится нечто уму неподвластное, до конца непостижимое, магическое, мистическое. Насилию, переворотам противопоставлялась историческая традиция. Общественно-политический строй ставился от нее в прямую зависимость: традиционные древние обычаи и институты определяли в конце концов политическую форму государства. Отсюда формула: «только время дает твердую основу уставам государственным».

Четко это прослеживается в отношении Карамзина к республике. Оно было не простым. Сторонник монархии, самодержавия, Карамзин одновременно не раз заявлял о своих симпатиях республиканскому строю. В письме к П. А. Вяземскому он писал: «Я в душе республиканец и таким умру»¹.

Теоретически Карамзин считал, что республика — более совершенная форма правления, чем монархия. Но она может существовать только при наличии целого ряда условий и при их отсутствии теряет смысл и право на существование. Как конкретно представлял себе Карамзин целесообразность существования республики, видно на его оценке Новгородской республики. Ей он посвятил историческую повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». «До призвания Рюрика, — пишет он, — ильменские славяне жили в свободе, занимались земледелием, имели города и села. С течением времени нравы их испортились, родились в душах новые страсти; обычаи древние спасительные забывались...» Вот тогда славяне и пригласили варяжских князей. Но скоро они поняли свою ошибку («неосторожность») и воскресили вечевой строй. Марфу-посадницу он высоко чтит, называет «гражданкою», защитницей древних уставов и прав.

На примере Швейцарии и особенно Дубровника (Республики Рагузской) Карамзин раскрывает причины упадка республиканского строя. Аристократические фамилии, по его словам, «умерили дух демократический», ввели олигархию, оставив «одну тень вольности». Республика Рагузы («она славянского происхождения, следовательно не чужая русским») была сильна своей умеренностью и нра-

¹ Карамзин Н. М. Соч., т. 1, с. 289; «Вестник Европы», 1802, № 12, с. 315; «Старина и новизна», т. 1, с. 60.

вами. Но дух торговли искоренил прежние порядки, и вместо граждан в республике остались одни купцы, «для которых железный сундук был идолом, контора отечеством, любовь к богатству единственным чувством»¹.

Карамзин делает вывод, что век республик недолгий, что развитие цивилизации, торговли, рост богатств, дух наживы и ростовщичества ведут к падению нравов, к падению республик. «Мое сердце не менее других воспламеняется добродетелью великих республиканцев,— писал он,— но сколь кратковременны блестящие эпохи ее? Сколь часто именем свободы пользовалось тиранство?»².

Идеал республики имеет у Карамзина нравственный, этический смысл. Республиканец, в его устах, это едва ли не синоним высоконравственного человека, носителя норм и заповедей Нагорной проповеди, изложенных Кантом, что особо отмечалось Карамзиным.

Главное в республике — народовластие. Она сильна доверием и поддержкой народа, когда этого нет — республика обречена на гибель.

В истории, например, в Швейцарии («Гельветической республике») правители даже упрекали народ, который «дерзнул восстать против властей своих». «Но может ли называться народной та власть, которую ненавидит народ?.. — вопрошает Карамзин.— Начальство избранное, унижая народ, ослабляет собственную силу свою, которую оно единственно от него получило». Замечание очень любопытно. Из него можно сделать вывод, что власть избранная должна выполнять требования народа. У Карамзина народ выступает как этническое целое. Это не отдельное сословие, не «сборище» (масса), а «общежительность»³.

Но возникает вопрос: если существование республики ставится в зависимость от нравственного состояния, весьма высокого, общества, означает ли это, что право на существование признавалось за республикой только в прошлом? Вопрос весьма не простой. Ведь «благонравия граждан» в современниках он не видел? В современном ему мире Карамзин, за редким исключением, не находил условий для существования республик. В век развития торговли, роста богатств и последовавшего за этим падения нравов не оставалось места для республиканской добродетели. Карамзин был твердо убежден, что в этих условиях, при существующей степени нравственности, более определенной формой правления, особенно больших народов, являлась монархия. «...Монархическое правление го-

¹ «Пантеон иностранной словесности», 1802, т. III, с. 303.

² «Пантеон иностранной словесности», т. II, с. 303, а также «Вестник Европы», 1802, № 17, с. 60, № 20, с. 320.

³ «Вестник Европы», 1802, № 24, с. 334—335.

раздо счастливее и надежнее (республиканского — А. С.): оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той ступени нравственности, на которой республики падают». Республики, полагал Карамзин, могут возникать в будущем, когда общество достигает высшей ступени нравственности. Иными словами, когда заповеди Нагорной проповеди будут определять облик, поведение людей, тогда и возникнут условия для появления республики.

П. А. Вяземкий, которому хорошо были известны взгляды Карамзина, писал, что он «был в самом деле душою республиканец, головою монархист. Первым был он по чувству своему, горячим преданиям юношества и духовной своей независимости; вторым сделался он вследствие изучения истории и с нею приобретенной опасности». Карамзин «шаг за шагом, столетие за столетием, событие за событием следил за возрастанием и непрерывно мужающим могуществом государства. Не мог же он не прийти к тому заключению и убеждению, что, несмотря на частые и предосудительные явления, все же находились в этом развитии, в этом устоявшемся складе и порядке, многие зародыши силы и живучести. Без того не удержалась бы Россия. Он полюбил Россию, каковую сложилась она и выросла. И это очень натурально. Вот вдохновение и основы консерватизма его».

«Всякие гражданские учреждения должны быть соображаемы с характером народа,— писал он в связи с рассуждениями о государственном строе Англии в полном издании «Писем русского путешественника»,— что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле». «Дурно» прежде всего для России, древним учреждением и традицией которой, по его мнению, было самодержавие, «единодержавие» монархической власти. Это убеждение Карамзина нашло позже, в 1811 г., яркое выражение в «Записке о древней и новой России».

«Россия основалась победами и Единоначалием,— писал он в «Записке»,— гнула от разновластия, а спасалась *мудрым Самодержавием*» (курсив мой.— А. С.). «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее она гнула». Он писал Вяземскому в 1818 году: «Россия не Англия, даже не царство Польское; имеет свою государственную судьбу, великую, уважительную... Самодержавие есть душа, жизнь ее как республиканское правление было жизнью Рима».

В двух одах, написанных Карамзиным по случаю вступления Александра I на престол и по случаю его коронования, он изложил желательную программу нового царствования. Полное изложение своих политических требований к новому самодержцу Карамзин дал в «Историческом похвальном слове Екатерине II». «Слово» написа-

но Карамзиным в 1801 году и через министра Д. П. Трошинского вручено Александру I¹.

Обращение Карамзина к опыту Екатерины II в Похвальном слове выглядит несколько неожиданным, поскольку до этого Карамзин не высказывал особых восторгов по ее адресу. Да и в Слове он не отступил от своих принципов. Признавая блистательность и мудрость царствования Екатерины, Карамзин отмечал и серьезные недостатки в ее правлении: падение нравов «от примеров двора любострастного», отсутствие твердых правил и нравственности в гражданской жизни, осуждал за роскошь, указывал на отсутствие правосудия. «В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам». Последние годы ее правления он вообще охарактеризовал как «слабейшие в правилах и исполнении».

Почему же, не меняя в общем своего мнения о царствовании Екатерины II, он именно в нем ищет исторический пример для молодого царя?

Вероятно, объяснение этому нужно искать в политических соображениях Карамзина: прослеживая развитие русского самодержавия от абсолютизма Петра I к более мягкому и просвещенному правлению Екатерины, он указывал, что Екатерина II сделала то, что не мог осуществить Петр, потому что она управляла более просвещенным народом.

Ведь главная задача государственной власти состоит в «обуздании страстей» (искушении наживой, стремлении к самовластию и прочее). Государственные органы должны обеспечивать общее благо народа («общежителности»). Успехи просвещения изменяют и народ и власть, воцаряется благонравие всех граждан, исцеляя граждан от «необузданности», «открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни». «Таким человек смотрится в политическом обществе... он уже привыкает к власти и законам, отнимающих и дающих». Государственная власть и законы должны принимать более мягкий характер; а граждане должны привлекаться к управлению общественной жизнью. И в России действует эта закономерность.

Развитие русской государственности определялось развитием нравственности и просвещения. Эволюция самодержавия шла в направлении уменьшения самовластия царей и установления «просвещенной» формы правления, которая больше отвечала требованиям нравственного и умственного развития русского общества в начале

¹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 42. «Слово» было напечатано Карамзиным отдельной брошюрой в 1802 г. (см. Погодин М. П. Указ. соч. Ч. I, с. 337).

XIX века. Мудрое самодержавие, считал Карамзин, меняло свои формы и законы, приноравливаясь к уровню развития общества.

«Историческое похвальное слово Екатерине II» отнюдь не являлось апологеей Екатерине II, как утверждали историки в советское время. М. П. Погодин вернее понял его значение. По его определению, имя Екатерины служило Карамзину «щитом», за которым он мог «безопаснее проводить свои собственные мысли, гораздо успешнее внушать желаемые понятия о царских обязанностях». Погодин справедливо указывал, что свои мысли «о желаемом правлении» Карамзин изложил «не в умозрительных, отвлеченных рассуждениях», а на историческом примере действий Екатерины. Карамзин выбрал в обзоре царствования Екатерины то, на что считал нужным обратить внимание ее внука.

В «Слове» правление Екатерины расценивается как новая ступень в эволюции самодержавия, как развитие политики Петра I. «Екатерина явилась на престоле оживить, возвеличить воцарение Петра; в ее руке снова расцвел иссохший жезл бессмертного... Екатерина II в силе творческого духа и в деятельной мудрости правления была непосредственною преемницей Великого Петра...» «Наказ» Екатерины Карамзиным расценивается как самая лучшая основа для политического образования России. Самодержавие, в понимании Карамзина, не означает произвола властителя, оно предполагает наличие «твердых уставов» — законов, согласно которым самодержец управляет государством, ибо гражданское общество только там, где есть и исполняются законы. «Меч был первым властелином людей,— писал Карамзин в «Похвальном слове»,— но одни законы могли быть основанием их гражданского счастья». Самодержец выступает у Карамзина как законодатель, принятый им закон обязателен не только для подданных, но и для самого самодержца¹.

Размышления Карамзина о Петре Великом и Екатерине II прямо перекликаются, иногда текстуально почти слово в слово с «Письмами русского путешественника». Последний пятый том писем (полное издание) был подготовлен автором и сдан в печать в 1799 г. Это время Павла I, тогдашняя позиция Карамзина была выражена в его «Тацит»... В оде, посвященной восшествию на престол Александра I, Карамзин уподобляет самодержавную власть божественной: «Велик, как Бог, законодатель; он мирных обществ основатель, и благодетель все веков». В понимании характера самодержавной власти он солидарен с «Наказом» Екатерины, в котором монарх рассматривался как создатель законов: «он следует своим благоизволениям, от коих проистекают и проистекали законы». Самодержец обязан выполнять законы, иначе его правление превращается в ти-

¹ Карамзин Н. М. Соч. Т. 1, с. 277, 366. Погодин М. П. Ук. соч. Ч. 1, с. 326.

ранию. Все оды, адресованные Карамзиным русским самодержцам, содержали в себе требование — напоминание соблюдать существующие в стране законы. В оде «К милости» он напоминал императрице Екатерине об этом. Только в этом случае «гражданин довольный без страха может засыпать». В оде, адресованной Павлу I писал, что царь «хочет счастья миллионов, полезных обществу законов...» То же звучит и в одах Александру I. Никакого учреждения, обеспечивающего подчинение царя закону, он не предусматривал. «Сколько трудно править самовластно, и небу лишь отчет давать,— писал он, обращаясь к Александру.— Он может все, но свято чтит его ж премудрости законы». Здесь единственной гарантией от превращения самодержавной власти в деспотическую являлась личная добродетель царя. Насколько надежна эта гарантия? Похоже, сам Карамзин в это не особо верил.

В других текстах в качестве ограничителя произвола самодержца выступает Сенат, как «совесть монарха». Члены Сената, по его мнению, должны пользоваться правом говорить царям истину, т. е. указывать на их ошибки.

Комментируя указ Александра I о восстановлении роли Сената, он называл его «блюстителем законов», «храмом высшего правосудия». «Сей указ напоминает нам славное начало Сената, когда первый император России... основал его как спасительный колос власти».

Можно заметить что с этой ролью Сенат не справился, что и отдельные сенаторы далеко не всегда имели решимость говорить правду горькую монархам в лицо. Но мы излагаем здесь не историю государства, а взгляды, жизненную позицию Карамзина, который, как видим, обладал гражданской смелостью и поучал царей, действуя смело, мужественно.

Самодержавное государство может развиваться только в случае соблюдения его «начальных оснований», заявляет Карамзин.

Законодательная воля царя не определяется «собственными мечтами», а должна идти в русле традиционного «порядка вещей». Основной обязанностью власти является обеспечение общего блага, процветания данного общества. За неограниченную власть самодержец должен платить обществу трудом на благо государства и заботой о благе подданных. В оде на коронавание Александра I Карамзин напоминал об этой священной обязанности молодому царю: «Но ты священными трудами как будто платишь нам за власть».

В «Похвальном слове Екатерине II» Карамзин перечисляет обязанности монарха перед обществом: монарх должен не только обеспечивать внешнее «благоденствие» державы, поддерживать ее международный престиж, но прежде всего должен обеспечить внутреннее процветание страны, благополучие ее граждан. «Слава и власть венценосца должны быть подчинены благу народному... не поддан-

ные существуют для монархов, но монархи для подданных». Эту истину, как указывал Карамзин, цари забывают, Екатерина «дерзнула объявить об этом». Карамзин напоминает об этом Александру, публично заявившему, что будет править по заветам своей бабушки.

Характер законов, по мнению Карамзина, определяется характером власти и соотносится с духом народа. Законы должны обеспечивать гражданам личную безопасность, правосудие и защиту собственности. «Личная безопасность есть первое для человека благо... без нее жизнь наша, среди всех иных способов счастья и наслаждения, есть вечное мучительное беспокойство». «Свобода там, где есть уставы, где добрый не боясь живет, там рабство, где законов нет, где гибнет правый и неправый», — писал он в оде на коронавание Александра I.

Отношения между властителем и подданными должны строиться на основе взаимного уважения и доверия. Сила и прочность власти, указывал Карамзин, обеспечиваются не войском, не орудийными залпами, а поддержкой общества. Для обеспечения прочности своей власти самодержец должен уважать «в подданном сан человека, нравственного существа, созданного для счастья в гражданской жизни». В «мудрых царях» он видит таких самодержавцев, которые не требовали «слепого повиновения» в отличие от самовластных владык. «Петр I, — писал Карамзин в «Слове», — хотел возвысить нас на ступень просвещенных людей», а Екатерина «хотела обходиться с нами как с людьми просвещенными». Подданные, полагал Карамзин, должны обладать правом выражать свое мнение монарху. «Несчастливо то государство, — цитирует он «Наказ», — в котором никто не дерзает представить своего опасения в рассуждении будущего, не дерзает свободно объявить своего мнения».

Карамзин, конечно искренне, верил в возможность достижения «царства всеобщего блага» в рамках императорского строя, в котором видел наиболее гибкую и подвижную форму правления, способную использовать все достижения просвещения для блага Отечества. Государи, писал он в статье «Приятные виды...», «будучи, так сказать, вне обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всех низких побуждений эгоизма, которые делают людей несправедливыми и даже злыми; наконец, имея все, они должны и могут чувствовать только одну потребность: благотворить...» К. С. Сербинович вспоминал, что Карамзин имел «глубокое, искреннее убеждение в превосходстве правления монархического, которое в руках мудрого легче делает полезные преобразования и с успехом подвигает народ к лучшему состоянию»¹. Карамзин видел в самодержавии то прогрессивное начало, которое подталкивает общество вперед, преобразуя его и направляя его развитие к совершенству: «Великая

¹ «Русская старина», 1874, т. I, октябрь, с. 260.

Екатерина, — писал он, — даровала нам систему политических уставов, определяющих права и отношения состояний к государству». Александр I продвинул общество на новую ступень, даровав «систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собою». «Мы спешили к цели и, обращая взор на то место, где нашел россиян Петр, где нашла их Екатерина, смело надеемся, что между сею блестящей целью и нами скоро не будет уже ни одного европейского народа»¹. Энергичны и многозначительны эти последние аккорды. Перед нами рассуждение на извечную русскую тему — догнать и перегнать «передовую Европу», которой грезил русская элита еще до Петра Великого. И Карамзин, похоже, отдал ей дань в молодые годы, когда исполнял роль верного сына Просвещения.

Право же так. Ведь Карамзин предпринял путешествие в Европу, чтобы увидеть там черты грядущего, приметы будущего русского народа. Но повидав Европу, поставленную якобинцами и Наполеоном на дыбы (если не на дыбу), он обратился к русской истории и уже в былом Отечества искал залогов его великого и славного грядущего. Он уверовал в «мудрое самодержавие», воспринимая историю не как реализацию предписаний, рецептов разума, а как органический процесс, определяемый Провидением.

Говоря о теории «мудрого самодержавия» Карамзина, следует обратить внимание на понимание им всей разницы между идеалом и его земным воплощением.

Теоретически самодержавие выступает у Карамзина как гибкая форма, мудрая, исторически выработанная и себя оправдавшая. Основной целью в жизни монарха-самодержца должно быть стремление к благу подданных. Для этого необходимым условием является добродетель (государственная) монарха. Но в жизни характер самодержавной власти целиком зависел от личности самодержца: придать ли правлению деспотические черты или характер просвещенной монархии. Интересам общества отвечал, несомненно, просвещенный монарх, но из российских самодержцев мало кто отвечал всем этим требованиям. И вот здесь-то Карамзин предполагал необходимым воздействие общества на монарха: в обязанность сенаторов, министров, дворянства вменялось говорить монархам правду, указывать на все недостатки правления и таким образом воспитывать их. Отсюда его постоянное стремление поучать Александра I. Поучения эти начались с первых же лет царствования Александра и продолжались до его последних дней.

Мы еще вернемся к этому вопросу при рассмотрении «Записок» Карамзина, поданных им царю в 1811 и 1819 гг. и его итоговых размышлений о дружбе с Александром I, оставленных для потомства в

¹ Карамзин Н. М. Соч. Т. III, с. 593, 598.

заветной шкатулке. Сейчас важно отметить другой аспект проблемы, иную ипостась ее. Карамзин был убежден, что каждый гражданин, особенно просвещенный дворянин тем паче, муж государственный просто обязан резать правду матку, в том числе и царю. А дворяне, получив от Екатерины корпоративное сословное самоуправление, действующее на выборных началах, имели и орган, выражающий их взгляды перед тронем. Важно, чтобы дворянское сословие понимало не только свои, но и общенациональные интересы и умело их защищать перед тронем самодержца.

Эта исключительная общенациональная роль «первого благородного сословия» сохраняется, пока оно является носителем и двигателем просвещения, пока податные сословия пребывают в невежестве. Но такое положение, по убеждению Карамзина, не вечно, оно исторически преходяще. В этом суть прогресса, согласно Карамзину. Ликвидация этого неравноправного положения податных сословий, пребывающих в невежестве, является целью гражданского просвещения. Дорога к этой вожделенной цели трудна, не ровна, не скоры и шаги государства к этой цели, но иного пути нет к общенациональному благу. «Великие государственные творения бывают медленны. Так угодно Небу!»

Мало издавать «благодетельные законы». Нужно воспитать граждан, способных оценить законы и жить по ним. Когда же в умах нет должной зрелости, закон останется мертвой буквой. Русская история со времен Петра I полна тому примеров. Петр I, доказывая Карамзину, направил страну на путь просвещения, Екатерина раскрыла перед ней путь в будущее через свое законодательство, Александр I продолжил эту линию, но усилия монархов упирались в стену невежества. «Не одно народное славолубие терпит от недостатка в просвещении,— писал Карамзин,— нет, он мешает всякому действию благотворных намерений правителя, на всяком шагу останавливает его, отнимает силу у великих, мудрых законов, рождает злоупотребления, несправедливости и — одним словом — не позволяет государству наслаждаться внутренним общим благоденствием, которое одно достойно быть целью истинно великого, т. е. добродетельного монарха. Александр... желает просветить россиян, чтобы они могли пользоваться его человеколюбивыми уставами, без всяких злоупотреблений и в полноте их спасительного действия». Карамзин высоко оценил образование министерства народного просвещения, открытие новых университетов, публичной библиотеки, создание гимназий в уездной глубинке.

Он перед обществом и перед правительством ставил, как первоочередную задачу,— просвещение всех сословий в целях совершенствования и прогресса государства Российского. Он полагал, что постепенно, через просвещение, все государственные сословия будут подняты до необходимой степени нравственного совершенства. И

тогда гражданин, добродетельный муж, находясь на своем месте, будет честно и со знанием дела исполнять свой долг.

Если же учесть, что непосредственным следствием просвещения, согласно концепции Карамзина, будет искоренение пороков и утверждение добродетели, то и само общество должно строиться на гуманистических началах. Карамзин полагал, что утверждение добродетели приведет, в конце концов, к таким качественным изменениям в структуре общества, что развитие самодержавия, аппарата власти, управления пойдет по линии привлечения всех сословий в законодательную государственно-исполнительскую и судебную деятельность. Именно так можно понять следующее место из «Похвального слова». В «Учреждении о губерниях» Карамзин, как «великую мысль» императрицы, отметил ее стремление «вести в правление все три гражданских состояния, приучить людей к законоведению, утвердить правосудие на собственном их благе. Всякий,— писал он,— может быть судьей для равных ему и должен знать уставы государственные; всякий для своей безопасности избирает достойнейшего, поручая ему некоторым образом жребий свой; ...всякий боится употребить во зло общую доверенность, ибо через три года возвратится он в состояние частного гражданина и будет наказан общим презрением, если не исполнит обязанности чести». Все это рассматривалось как «счастливое сближение» разных состояний, которое «бывает следствием утонченного государственного образования».

Итак, в идеале Карамзина народ понимается, как единство всех сословий, как воплощение этнической общезителности, привлекается к участию на выборных началах в дела законодательные, судебные и в аппарат управления. По отношению к дворянству это, по его мнению, уже делается, по отношению к податным сословиям (крестьянам, мещанам) это надлежит сделать в будущем. Конечно, задача трудная, но приступить к ее решению надобно безотлагательно. Сам ход жизни ставит ее в порядок дня.

Проникновение просвещения в низшие сословия, втягивание крестьянства в торговлю Карамзин расценивал как положительные явления. «Патриот,— писал он в «Вестнике Европы»,— с радостью видит, как свет ума более и более стесняет темную область невежества в России... Наше среднее состояние успевает не только в искусстве торговли, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях... Они чувствуют более, нежели когда-нибудь, важность прав своих». Крестьяне, отмечалось им далее, «входят в самые торговые предприятия», имеют «доверенность купечества» и свято исполняют «свои коммерческие обязательства». Он видел в этих явлениях первые шаги к более совершенному общественному устройству. Согласно выработанной Карамзиным концепции развития самодержавная власть должна постепенно изменить

положение всех сословий государства. В статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» Карамзин указывал правительству Александра I на необходимость действовать именно в этом направлении, не заниматься решением частного крестьянского вопроса, а приступить к осуществлению общих и назревших задач. Создав новое законодательство, правительство, по его мнению, решило бы и крестьянский вопрос, руководствуясь при этом государственным интересом и учитывая уровень нравственного развития общества в целом и отдельных сословий.

М. П. Погодин так обобщил мысли Карамзина: «Просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая и по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная». «Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и природы: вот его обязанности! За то он требует от них половины рабочих дней в неделе: вот его право!» Таковы святые обязанности гражданина-патриота!

Патриотизм, по словам Карамзина, не должен ослеплять нас: «любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть, и жалея о тех людях, которые смотрят на вещи только с дурной стороны, не видят никогда хорошего и вечно жалуется, мы не хотим впасть и в другую крайность, не хотим уверять себя, что Россия находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нет, мудрое правление наше тем счастливее, что оно может сделать еще много добра отечеству.

Например (не говоря о другом): каким великим делом украсится еще век Александров, когда исполнится Монаршая воля его; когда будем иметь полное, методическое собрание гражданских законов, ясно и мудро написанных?

Александр дарует нам собрание законов, то есть Кодекс, или систему гражданских законов, определяющих взаимные отношения граждан между собою. Тогда законоведение будет наукою всех россиян и войдет в систему общего воспитания. Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы.

Любя жить дома, мы имели бы способов заниматься не только воспитанием детей, но и хозяйством, которое заставило бы нас лучше соображать расходы с доходами». Обращаясь к русским богатым людям, полагающим славу в роскоши, Карамзин говорит:

«Россия требует от вас одной рассудительности, честности, одних гражданских и семейственных добродетелей, требует, чтобы вы заставили иностранцев удивляться не мотовству своему, а порядку в ваших имениях и домах: вот действие истинного просвещения! Я послал бы всех роскошных людей на несколько времени в деревню, быть свидетелями трудных сельских работ, и видеть, чего стоит

каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить некоторых от суетной расточительности, платящей 100 рублей за ананас для десерта. Но богатством должно пользоваться».

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Личная, повседневная жизнь («быт») Николая Михайловича освещена в имеющейся литературе крайне скупо, фрагментально. Пробелы не восполняют и мемуары, они также фрагментарны. Даже И. И. Дмитриев крайне сдержан. Читая его воспоминания, постоянно ощущаешь, что их писал министр юстиции. Другие близкие и родные не оставили воспоминаний вообще, даже Петр Андреевич Вяземский ограничился отдельными весьма, впрочем, ценными замечаниями в прославленных своих записных книжках. Он так и не откликнулся на призыв А. С. Пушкина: «скажи все». Но сказать все «поэт и камергер» просто не мог, так тесно переплелись жизнь Карамзина (его воспитателя, наставника-оппонента) с царем, с императорской фамилией, с неосуществленными планами императора Александра I, дружба которого с историографом скрасила последние годы их жизни (мы, повторю, остановимся на этом при публикации «Записок» Карамзина, поданных императору в 1811 и 1819 гг., где рассмотрим и очень важные свидетельства А. С. Пушкина). В имеющейся мемуарной литературе и особенно в письмах Николая Михайловича к родным и близким содержатся ценнейшие крупницы данных, помогающих воссоздать повседневную жизнь историографа, условия («быт»), в которых протекало его творчество. Задача не очень-то простая.

Москва златоглавая не сохранила, не увековечила память своего великого гражданина. Начнем с того, что в столице не выявлены и мемориальными надписями не отмечены дома, где он жил и творил. Конечно, сделать это трудно, многое просто исчезло, как Меншикова (Сухаревская) башня, в которой помещался некогда книжный склад типографской компании Новикова и где в пристройке было общежитие молодых сотрудников компании и проживал молодой Карамзин вместе с А. Петровым («Агатоном»). Позже они вместе квартировали где-то у Чистых прудов. И. Дмитриев, как уже отмечалось выше, упомянул об этом.

Более всего ему полюбилась квартира на Никольской улице в доме Шмидта, где он прожил, по-видимому, вплоть до войны 1812 года. Многие теплые месяцы года, с начала мая до осеннего листопада, Карамзин проживал на лоне природы, часто в Кунцеве, окрестности которого считал красивейшим уголком отечества, еще чаще в Знаменском, орловском имении Плещеевых, у которых жил как дома и с которыми позже породнился, женившись на младшей

сестре хозяйки, которая заменяла старому холостяку родную мать. Посвященные ей стихи и книги напоминают об этом.

Современники, например М. Погодин, отмечают, что Карамзин в годы, свободные от журнально-издательской суеты, т. е. после «Московского журнала» и до «Вестника Европы», вел «рассеянную жизнь», обзавелся хорошей квартирой на Никольской улице, сняв весь нижний этаж уютного особнячка в надежде (увы, неосуществившейся), что на верхнем, втором этаже (семь комнат) поселится дорогой любезный Иван Иванович Дмитриев. Здесь Карамзину нравилось («не очень тихо, но красиво»). Он вел жизнь образованного русского барина, завел собственный выезд, четверку рысаков, брат прислал расторопного кучера, разъезжал по граду и окрестностям, любил красивые места Подмосковья, любил посещать старинные храмы. Они были объектом его внимания, все увиденное отразилось в творчестве.

По просьбе брата Василия, и по-видимому в связи с передачей, уступкой (продажей?) братьям своей доли отцовского наследства, Николай Михайлович начал проверку в Департаменте герольдий документов о дворянском роде и гербе Карамзиных. Хотя их род был известен в архивах по делам своим, Карамзин натолкнулся на бесконечные, ничем не оправданные проволочки. «Не можете вообразить, — пишет он брату, — как скучно иметь в судах какое-нибудь дело; секретари, регистраторы ни шагу не делают без денег, да и взяв, еще не делают. Просьбу я подал, и родословную; теперь герольдия посылает запрос в архив, а когда все это кончится, не знаю»¹. Дело затянулось, и только в исходе последнего года века Просвещения Николай Михайлович мог сообщить брату, что герб рода Карамзиных утвержден государем, а род их вписан в книгу дворянских родов. Ведение этого дела открыло Карамзину всю силу «крючкотворов, чернильных душ».

Карамзин делал визиты, сам принимал гостей и был радушным хозяином. В его письмах есть о том упоминания. Так, он сообщает брату Василию, что Новый год и Новый век он встретит в своем доме на Никольской улице в компании близких друзей и поднимет бокал шампанского за здоровье и счастье братьев, родных, близких. В домах москвичей молодой известный поэт («воспитан, красив, любезен, остроумен») был желанным гостем. Он законодатель моды, и по-видимому не только литературной. Знакомством с ним москвичи гордились. Современники вспоминали в этом плане отца и дядю А. С. Пушкина. Их обожание Карамзина не прошло бесследно и для великого поэта.

По-видимому, «рассеянная жизнь» была все же не для Карамзина. Как она все же запечатлелась в памяти современников? В квар-

¹ Погодин М. П. Указ. соч. Ч. 1, с. 300.

тире на Никольской Карамзина посетил Гаврил Петрович Каменев, тогда молодой начинающий литератор и переводчик, оставивший нам ценные о том воспоминания. Они рисуют Николая Михайловича в дни его 35-летия в домашней непринужденной обстановке.

Итак, осенью 1797 г. в Москву из Казани приехал молодой купец и литератор — Каменев. Ему хотелось познакомиться с московскими писателями. Ив. Вл. Лопухин представил его Ивану Петровичу Тургеневу, который спросил его в шутках, был ли он «у старосты русской литературы», т. е. Хераскова... «и поручил старшему сыну Андрею съездить со мною и рекомендовать меня десятнику литературы, г. Карамзину, который болен и никуда не выезжает».

3 октября. Каменев писал в Казань к своему другу, С. А. Москотельникову, главе местного литературного кружка: «Сию минуту пришел от г. Карамзина. Он и Дмитриев, который был у него, приняли меня очень хорошо. Подробности сообщу после».

10 октября. «В прошедшем письме обещал я вам сообщить подробности визита моего у г. Карамзина. Вот они. В половине 12 часу, с старшим сыном г. Тургенева, поехали мы на Никольскую улицу и взошли в нижний этаж зелененького дома, где Карамзин нанимает квартиру. Мы застали его с Дмитриевым, читающего 5-ю и 6-ю части его путешествия («Письма русского путешественника» — А. С.), которые теперь в Петербургской цензуре, и скоро, вместе с «Московским журналом», будут напечатаны. Увидевши нас, Карамзин встал из вольтеровских кресел, обитых алым сафьяном, подошел ко мне, взял за руку и сказал, что Иван Владимирович (Лопухин) давно ему обо мне говорил, что он любит знакомиться с молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мне ни слова вымолвить, спросил: не я ли присылал ему перевод из Казани и напечатан ли он? Я отвечал и на то и на другое как можно короче. После сего начался разговор о книгах, и оба сочинителя спрашивали меня наперерыв: какие языки мне известны? где я учился? сколько времени? что переводил? что читал? и не писал ли чего стихами? Я отвечал, что перевел оду Клейста... Карамзин спросил Тургенева, перевел ли он переписку Юнга с Фонтенелем из «Философии природы», и начал говорить о сей книге, которой сочинителя он не любит. Вот слова его: «Этот автор может только нравиться тому, что имеет *темную* любовь к литературе. Опровергая мнения других, сам не говорит ничего сносного; ожидаешь много, приготовишься — и выйдет вздор; нет плавности в штиле, нет *зернистых* мыслей; многое слабо, иное *плоско*, и он ни чем не *бриллирует*». Карамзин употребляет французских слов очень много; в десяти русских есть одно французское. Эпитет, энергия, сентимент и т. д. и прочее повторяет очень часто. Стихи с рифмами называет *побежденною трудностью*: стихи белые ему нравятся. По его мнению, русский язык не сотворен для поэзии, а особливо с рифмами; что окончание стихов

на глаголы ослабляет экспрессию. Перебирая людей, имеющих в Казани свои библиотеки, о вас упомянул я, и сказал, что трудитесь в переводе Тасса. Да не стихами ли: спросил Дмитриев. Я отвечал, что прозой, с перевода Лебрюнова, и Карамзин признал этот перевод за самый лучший. Дмитриев хвалил Фон-Визина, Богдановича, но Карамзин был противного мнения, и когда первый читал несколько стихов из поэмы «На разрушение Лиссабона», переведенных, как он говорит, Богдановичем, то он критиковал стихи, называя их слабыми и проч.» <...> «Октября третьего дня я сделал визит г. Карамзину, и принят им столь же хорошо, как и в первый. Севши в вольтеровские свои кресла, просил он меня, чтобы я сел на диван, возвышенный не более шести вершков от полу, где, как карла перед гигантом, в уничижительнейшем положении, имел удовольствие с час говорить с ним. Г. Карамзин был в совершенном дезабилье: белый байковый сюртук, нараспашку, и медвежьи большие сапоги составляли его одежду. Говоря о новых французских авторах (которых я очень мало знаю), советовал мне читать их, утверждая, что ничем не можно столь себя усовершенствовать в истине, как прилежным чтением. Советовал мне сочинять что-нибудь в нынешнем вкусе, и признавался, что до издания «Московского журнала» много бумаги им перемарано и что не иначе можно хорошо писать, как вначале писавши прежде худо и посредственно. Журнал его скоро выйдет новым тиснением. Комнаты его очень хорошо убраны, и на стенах много портретов французских и итальянских писателей; между ними заметил я Тасса, Метастазия, Франклина, Буфлера, Дюпати и других беллетристов.

Он росту более нежели среднего, черноглаз, нос довольно велик, румянец неровный и бакенбард густой. Говорит скоро, с жаром и перебирает всех строго. Сожалел, что не умел воспользоваться от своих сочинений. Дмитриев росту высокого, волосов на голове мало, кос и худощав. Они живут очень дружно и обращаются просто, хотя один поручик, а другой генерал-поручик. Прощаясь со мной, просил меня, чтоб я чаще к нему ходил».

Конечно, свидетельство Г. Каменева, многообещавшего и рано умершего литератора (Пушкин проявлял интерес к его творчеству), многопланово и выходит за описание бытовых тем. В нем отмечен интерес Карамзина к «провинциальной» словесности, к «малым» очагам просвещения, в частности домашним библиотекам, в то время богатым и древними рукописями, и двуязычие Карамзина, как отметина дворянской, того времени культуры («образованного меньшинства»), снятое Карамзиным уже позже в годы создания им «Истории». Нельзя не остановить внимания на таком аспекте свидетельств Каменева: влияние примера Карамзина как стилиста на тогдашнее «образованное общество». Его язык и стиль, определяя моду, вызывали бесчисленных эпигонов, которые портя образец, увы,

способствовали протесту против нововведений, совершенно необходимых.

Позже об этом срезе проблемы, о том, что Карамзина заставили расплачиваться за эпигонов, хорошо писал Гоголь. Каменев отметил, что среди почитателей Карамзина много мнимых его приятелей, которые из зависти ему вредить стараются. Некто сочинил на него следующую глупую эпиграмму:

Был я в Женеве, был я в Париже.
Спесью стал выше, разумом ниже.

И на «Безделки» его также кто-то сделал стихи:

Собрав свои творения мелки,
Русак немецкой надписал: «Мои безделки»,
А ум, увидя их, сказал:
«Не много дива,
Лишь надпись справедлива».

Г. Дмитриев, почитатель и друг Карамзина, узнавши, что последние стихи сочинены Шатовым, отвечал на них:

А я, хоть и не ум, но тож скажу два слова:
Коль будет разум наш во образе Шатрова,
Избави, Боже, нас от разума такова.

31 октября. «А понедельник был я у г. Карамзина и слышал от него, что один из его приятелей, барон С-т, застрелился. Он удивился его глупости и не понимал, какая бы причина понудила 25-летнего молодого человека... лишить себя жизни... Долго рассуждали мы с г. Карамзиным о самоубийстве, говорили о Шписе, который умер недавно естественною, и о Крукове, умершем чрезестественною смертью. Говорили о вашем переводе Тасса и о его и моей ипохондрии, желали оба потерять жизнь параличом или апоплексией, но ни пистолетом, и припоминали обычай древних, сжигать тела покойников. Я сидел у него более часа, перебирая разные материи».

Опять надо отдать должное Г. Каменеву, отневшему две важные темы, занимавшие внимание Карамзина, это, во-первых, борьба его последователей-новаторов с архаистами, отношение к ней самого Карамзина и, во-вторых, ипохондрия-меланхолия, ставшая в центре их беседы. Что касается первой проблемы, то мы к ней вернемся позже, а что касается меланхолии, то ограничимся пока таким замечанием: со стороны Каменева это состояние его души связано было, главным образом, с личными делами (женитьба купца на красивой и ветреной дворянке, двойственное положение «плебея»-купца, «кружение сердца»). Со стороны же Карамзина — это почти что традиционное состояние его души имело глубокие причины, оно уходит в «дух времени», о чем уже шла речь выше, и вновь мы еще не раз вернемся к этому вопросу, ибо трагический 1793 год имел своих эпигонов и позже.

Но вот что надобно констатировать. Не только в дни свиданий-бесед с Каменевым о меланхолии Карамзин подымает эту тему. Она нередко встречается в его письмах-размышлениях к Дмитриеву. Он напоминает другу, что эта тема обсуждалась на встречах у Хераскова («старосте литературного цеха») и что участник этих встреч («нижегородский поэт»), подражая Делилю, изобразил портрет меланхолии в следующих стихах:

Что меланхолия? нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья,
Веселья нет еще, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло — но слезы осушил,
Она еще взглянуть с улыбкою не смеет,
И голову свою на руку опустив,
Вид злополучия (отца ее) имеет.
Блаженство для нее задумавшись мечтать,
И на прешедшее взор нежней обращать.

Карамзина в этом описании меланхолии привлекли, конечно же, не только личностные, сердечные мотивы («взор нежный», «утехи наслаждения» и пр.), а определение меланхолии как скорби о нереализованных упованиях, не сбывшихся надежд. А свидетелем гибели скольких надежд ему пришлось быть между, скажем, 1789 и 1825 годами. Если меланхолия — состояние перехода от скорби по утраченному к надежде на счастье впереди, то состояние Карамзина в то время (от террора якобинцев и «русского Нерона» до дней Александровых) действительно было переходным и меланхолическим.

Современная Европа, да и Русь тоже более всего вызывали в нем чувство протеста и разочарования, напоминая (после 1793 года) состояние античного мира (Греции и Рима) накануне их крушения. Гибель этого мира «прекрасного детства» рода человеческого всегда вызывала в нем грусть и скорбь, ибо мир грозил повторением этого во сто крат горшим и сокрушительным.

«...О друзья! все проходит, все исчезает! Где Афины? Где жилище Гиппиево? Где храм наслаждения? Где моя греческая мантия? Мечта! мечта! Я сижу один в сельском кабинете своем, в худом шлафорке, и не вижу перед собою ничего, кроме догорающей свечки, измаранного листа бумаги и гамбургских газет, которые завтра по утру (а не прежде: ибо я хочу спать нынешнюю ночь покойным сном) известят меня о безумстве наших просвещенных современников». («Афинская жизнь»).

Это и в конце XX века читается как свежая газета. «Безумство просвещенных современников» — вот причина меланхолии. Из письма в письмо к Дмитриеву, к брату идут сетования: «мне грустно и досадно. Время нескончаемое. Все худо, видно нам не быть счастливыми, думаю о настоящих и будущих неприятностях. Мне грустно» и т. д. Ища забвения, он бродит по полям или играет в бостон, но тоска не проходит; в поисках спасения и выхода от «безумств

просвещенных современников» все чаще и чаще «погружается по уши в историю», ищет понимания и сопереживания в общении с узким кругом близких друзей-однодумцев.

20 мая он пишет из Кунцова И. Дмитриеву: «Пишу к тебе сидя на высоком берегу Москвы-реки, под тенью густых лип, и взгляды-вая на обширную равнину, которую вдали ограничивают рощи и пригорки: это место подарено царем Алексеем Михайловичем отцу Натальи Кирилловны, и в окрестностях Москвы нет ничего ему подобного красотой. Хозяин живет в Петербурге, а я рву ландыши на его лугах, отдыхаю под ветвями его древних дубов, пью чай на его балконе! Свет принадлежит тому, кто им наслаждается: это мирит меня с Провидением и с недостойными богачами. <...>

Между тем, любезнейший друг, гуляя и наслаждаясь, и говоря с Ж.-Жаком Руссо десять раз в день: как это огромно, как величественно, считаю остальные волосы на голове своей, и вздыхаю. Прошли те лета, в которые сердце мое ждало к себе в гости какого-то неожиданного счастья; прошли годы тайных надежд и сладких мечтаний! Рассудок говорит, что мне уже поздно думать о приобретениях; даже и то, чем теперь наслаждаюсь, должно мало-помалу исчезнуть. Так на шумном пиршестве утружденные гости, один за другим, расходятся, музыка умолкает, залы пустеют, свечи гаснут, и хозяин ложится спать — один! Природа очень многое хорошо устроила; но для чего сердце не теряет желаний с потерей надежды? Для чего, например, перестав быть любезными, хотим еще быть любимыми?

Что может быть любви и счастья быстрее?

Как миг их время пролетит.

Но дружба нам еще милее,

Когда от нас любовь и счастье бежит...

В середине девяностых годов, когда положение Карамзина было весьма шатким, он «ходил под черной тучей» и не писал торжественных од — этой традиционной формы политической лирики, ибо тогдашняя власть не могла быть предметом его поэтического восторга. Общественная, гражданская позиция Карамзина порождена пафосом защиты прав человека, его чести, достоинства, личной гордости — от государства, когда оно оказалось в руках самовластных неронов. Возникает ситуация, которую без подлости терпеть не можно (о том читай «Тацит», «Гимн глупцам», «К милости»). Он обличает политиканство, фаворитизм, «ласкательство», эгоизм, беспринципное чиновничество, противопоставляя им личную частную жизнь, но чистую, беспорочную, пронизанную заботой не только о личном благе. Порочной официальной государственности («Нероновщине») он противопоставляет проповедь личной гражданской независимости, чести, высокое представление о достоинстве человека, воспевание богатства и неповторимости внутреннего духовного мира индивида.

«Простая жизнь», воспеваемая поэтом, в это время вовсе и не так уж проста и отнюдь не бесцветна, пресна иль слезлива, она полна высоких чувств, мыслей, сопереживаний и свободна от искательств, фаворитизма, искушений жадностью. В ней, естественно, есть достойное место и личной сердечной жизни. Служитель муз, он воспевает «и нежных граций», спутниц их, стихами, прозой (Послание к А. Плещееву). Этой стороне личной жизни посвящен целый цикл стихов тех лет (90-е годы).

«К ней» — «Друг бесценный, огонь тобой воспламененный», «Погибнет в крови только с жизнью, но не прежде...» «Две песни»: «Лиза небо любит нас, Ты моя — блаженный час!» «К Лиле»: «ты можешь быть нимфой, но я не сатир!» «К верной»: сердце милое твое, опять, опять мое... Все горе, всю тоску навек позабываю...»

Сладостное всеобъемлющее чувство любви поэт ставит даже выше служения музам: «Что славнее, как век жить в своих стихах? Но еще для нас милее, что можем жить... в сердцах!» («Дарования»).

В его журналах и альманахах, в «Аглае» помещались повести как авторские, так и переводные, в частности повести госпожи де Сталь, которые Карамзин сопровождал такими примечаниями: «Вот живая пламенная картина страсти» — и какая дама могла не восторгаться замечанием автора-издателя, что в жизненных спорах мужчин и женщин, по его мнению, правда чаще на стороне милых созданий. Карамзин первым в России обратил внимание на Шекспира, познакомил читателей с творчеством мадам де Сталь. Карамзин воспевал утонченность чувств в то время, как европейский, а стало быть и русский, читатель сопереживал вновь и вновь страданиям молодого Вертера.

Дело, конечно, не только в духе времени, в читательском внимании к «сентиментальным путешествиям», повестям и романам, воспеваящим усладу наслаждений, отраду утонченной чувствительности. Речь идет о многообразном самовыражении поэта, ибо многое, если не главное, списывалось с собственной души. Интересен в этом отношении набросок «Мысль о любви» (посланный под большим секретом И. Дмитриеву в декабре 1797 г.), здесь выражена мысль, что любовь чувство непередаваемое; когда любишь — не до ее описания, а пишешь, уже пережив, по воспоминаниям, но пепел не пламя костра. К истории создания «Мыслей о любви» мы еще вернемся при публикации писем к Дмитриеву, здесь же важно отметить наличие автобиографических истоков этого шедевра. Об этом он пишет Дмитриеву: «31 декабря, 1797... Мысли мои о любви брошены на бумагу в одну минуту, я не думал писать трактата, а хотел единственно сказать по *тогдашнему моему чувству*, что любовь сильнее всего, святее всего, *несказаннее всего*. Философия и страстная любовь не могут быть дружны, мой милый Иван Иванович. Первая пишет только сатиры на последнюю; а тогда *жить и лю-*

бить было для меня одно. Рассуждать о страстях может только равнодушный человек; не в бурю описывать бурю».

Из письма к Дмитриеву 15 ноября того же года: «Ты не забудешь моей просьбы: ни слова, ни слова о моем расположении к известной тебе девице! Она есть не что иное, как страшная безрассудная кокетка. По всей вероятности, есть что-нибудь между ею и маленьким музыкантом; один человек уверял меня в этом. Итак, могу ли любить ее? С княгиней я почти расстался. Суди теперь, на какую погоду указывает барометр моего сердца! Назови все это дурачеством, если хочешь; но будь только спокойнее и люби меня!»

Отметим, во-первых, что Карамзин пережил (и, по-видимому, не единожды) состояние, когда «жить и любить было для меня одно». И, во-вторых, это состояние, по его глубокому убеждению, было уже в прошлом. В письме к Дмитриеву он прямо заявляет, что не будет сетовать на ветреность «Амаралл моих кои, слава Богу, упорхнули далеко, став добычей сатиров и фавнов», и добавляет:

Третьего дня исполнилось мне 35 лет от роду.
Время нравиться прошло;
А пленяться не пленяя,
И пылать не воспаляя,
Есть худое ремесло.

Таким было его состояние по амурной части, в начале нового века. И эту самооценку со счета не сбросишь.

Итак, мысли и строфы о любви списываются с собственной души, выражают увиденное, пережитое, прочувствованное... Массу примет о том дает сам автор вроде специальных подстрочных нотиц: писано под сенью ив, в Знаменском, у Плещеевых, в Кунцеве — одним из самых живописных, очаровательных мест России и т. п. Своего рода авторским комментарием к лирическим строкам, обращенным «К верной» и «Неверной», являются его признания в письмах к Дмитриеву и Плещееву.

Так в послании к А. А. Плещееву в 1794 г. заявлена следующая позиция:

Мой друг!
Ты хочешь с музою моею
В свободный час поговорить
О том, чего все ищут в свете...
О счастья слово. Удалимся
Под ветви сих зеленых ив;
Прохладой чувства освежив,
Мы там беседой насладимся
В любезной музам тишине...
Мой друг! согласишься ли ты мне,
Чтоб десять тысяч было мнений,
Ученых философских прений
В архивах древности седой
О средствах жить счастливо в свете...

Так, отстраняясь от бесчеловечной среды (политического строя), от «колючих жизни терний», поэт защищал свое достоинство, честь, истину, бесстрашно «смотрит всем в глаза» — ему «работа не трудна, он ближним полезен рукой своею иль умом», он добрый отец и супруг, приятный друг, имеет право осмеять порок, кому все что кажется смешным «тот в мире с миром уживется».

Добра не много на земле,
Но есть оно — и тем милее
Ему быть должно для сердец.
Кто малым может быть доволен,
Не скован в чувствах, духом волен
Не есть чинов, богатства льстец;
Душою так же прям, как станом;
Не ищет благ за океаном
И с моря кораблей не ждет,
Шумящих ветров не робеет,
Под солнцем домик свой имеет...

таков идеал автора.

Но это не бегство от жизни, не уход от мира в уединение, подобно пустынноикам, это уединение для служения музам, правде и добродетели. Поэт — «волен духом», свободен в выражении мыслей и чувств. «Что вижу, то пишу» — так формулирует свою позицию поэт в письме к Дмитриеву. Позже Пушкин, защищая ту же позицию (не гнуть шеи ни перед кем), восклицал — «вот вольность, вот права».

Уход в личную жизнь, культ дружбы, воспевание прелестей природы и всей гаммы чувств, рожденных общением с природой, — это не что иное, как уход от власти и политики, отказ от служения Неронам и глупцам. Это открытое неприятие той власти, которую могут терпеть только подлецы («Тацит»), личное достоинство, защита чести становятся выражением гражданской позиции. Образцом такого гражданина являются, по Карамзину, афинские республиканцы, мудрец Сократ.

Но от жизни не скроешься. И в Знаменском, и в Кунцеве среди роскошной природы в кругу милых дорогих лиц подстерегали поэта — «уединенного мечтателя!» жизненные неприятности часто трагического характера. В окрестностях Знаменского он подвергся нападению каких-то бродяг, и только случайное появление на дороге проезжих мужиков спасло его от гибели.

Он искал спасения от грязной политики, гнусной реальности в занятиях поэзией и в переводах, с увлечением занимался изданием работ своих друзей-однородцев, провозглашая как жизненную программу служение родной литературе, «которую люблю и всегда любить буду».

Он, воспитывая сограждан, изображал добродетели античных мудрецов, ораторов, героев в качестве эталона, образца гражданского служения, а цензура придиралась к его собственным стихам и по-

вестям и запрещала, как мы помним, издавать переводы Демосфена и Цицерона, ибо само слово «республика» было под запретом.

Из переписки с друзьями видно, что цензура запретила издание в Риге его «Писем русского путешественника» в переводе на немецкий язык. Сообщая об этом («остановила перевод моих Писем»), он горестно добавляет: как людям хочется делать зло.

Кроме этих «частных неприятностей», Карамзин подвергся в это время опасностям более грозным. Некто Туманский изложил на бумаге, адресованной «наверх», свое удивление по поводу разных вольных мыслей, встретившихся ему в немецком переводе «Писем русского путешественника». Граф Ростопчин, любимый генерал-адъютант императора Павла I, не допустил этой клеветы до государя, которая могла бы быть весьма опасною для Карамзина.

Тот же граф Ростопчин, женатый на двоюродной сестре Настасьи Ивановны Плещеевой, имел случай еще раз оказать услугу Карамзину по поводу другого доноса (мы его упоминали), о котором сам рассказывал И. И. Дмитриеву (как свидетельствует Д. Н. Бантыш-Каменский, речь идет о доносе П. И. Кутузова).

«Один недоброжелатель (из противной партии) прислал Павлу ложный донос на Карамзина, выставляя его человеком вредным для правительства, безбожником:

— Знаешь ли ты Карамзина? — спросил император дежурного своего генерал-адъютанта Ростопчина, дав ему прочесть полученную бумагу. — Знаю, — отвечал последний, — с отличной стороны по сочинениям его и не узнаю в сем сочинении. — Я ожидал этого, — продолжал Павел I, — ибо мне известен доноситель; вот и решение мое. — Произнеся эти слова, государь бросил донос в камин».

Тот же П. И. Кутузов напечатал в журнале, издаваемом Сохачким, стихи, Послание к другу, которого он хвалил за то, что тот не имеет таких мыслей, какие печатаются в «Аонидах» и сочинениях Карамзина.

А что предпринимал сам Карамзин против своих врагов?

Никогда и ничего. Он только написал, имея их в виду, несколько слов о доносителях в своей статье «Чувствительный и холодный».

К концу последнего десятилетия века Николая Михайловича уже не удовлетворяет это самопогружение в утонченные чувства, наслаждения чудной натурой, прелестными собеседницами, мудрыми чуткими друзьями. Уже «не веселят меня» ни трубка, ни бостон, как он признается в письмах к друзьям, прежде всего И. Дмитриеву. Заметим, что в этом плане письма являются важнейшим источником для понимания душевного состояния их автора, его гражданской, жизненной позиции, его творческих исканий и свершений. В Записной книжке Карамзина за 1797 год указано, что он читает со вниманием и делает выписки из работ английских ис-

ториков XVIII века (Гиббона, Робертсона, Юма, Фергюсона и др.), а затем намерен приняться «за древних авторов, особливо Плутарха». Отдавая дань уважения предшественникам, он видит и слабые их стороны, осуждает одних за холодность к отечеству, других (Гиббона) за «легкомысленное отношение к христианству», третьих за болтливость в рассуждениях нравственных. Его итоговая мысль гласит, что «желание блистать умом, казаться глубокомысленными» противно истинному «вкусу». Сии апофегмы «полуистины», которые не имеют цены. Он, как позже Пушкин, в этом плане раскрывали вред «полупросвещения». (В этом же плане нами ныне обличается «образованщина»). Что же противопоставил мнимому глубокомыслию, полупросвещению, рационализму (революционному неистовству как его ипостаси) Карамзин? Похоже, идеалом, образцом, коему следует во всем следовать, не увлекаясь «метафизикой», умствованиями, является для него — Нестор. Летописи, это нечто более возвышенное, великое, чем просто источник фактических данных. Это образец стиля, языка, это и четкость авторской гражданской позиции. Замечателен этот переход к нашим древностям самого Карамзина: «По уши влез в русскую историю, сплю и вижу Нестора с Никоном».

Так произошло его возвращение к активной общественной деятельности в качестве просветителя и наставника соотечественников. У Карамзина на этом витке жизни оно было связано с погружением в историю, уже не в качестве любителя-дилетанта, а на основе профессионального изучения источников, летописей, историографии, овладения техникой исследования, мастерством античных и новейших авторов. Его письма к друзьям, его записи, относящиеся к середине и второй половине 90-х годов, дают в этом отношении очень важные данные. Они свидетельствуют, что не менее шести лет Карамзин занимался историей, общался с московской профессурой, стал своим в этом профессиональном круге, посещал заседания ученых обществ при Московском университете (исторических и филологических) и, только проделав эту подготовительную работу, уверовал в себя, а испросив монаршее доверие и получив его, стал государственным историографом. Эти шесть лет подготовительного труда и послужили трамплином, с которого взмыл автор двенадцати томов «Истории государства Российского». Они были написаны в период с 1803 по 1826 гг. (май), но к этому творческому триумфу автор готовился, повторю, специально еще шесть лет и был подведен к этому подвигу всем предыдущим творчеством своим.

Его жизненная и творческая позиция выражена в той поэтической строке, которую я цитировал: «что вижу, то пою» (иная редакция: «не скован в чувствах, духом волен»).

Когда он увидел, что не воля и разум мудрецов-просветителей, сочинителей очередных утопий (единственных «разумных» рецеп-

тов вселенского счастья миллионов), а Провидение определяет судьбы мира, когда это открылось ему в процессе изучения и былого и днесь, их сопоставления, и он уверовал в русские летописи, как продолжение Священной Книги, он счел своим гражданским долгом раскрыть им увиденное согражданам и принялся за написание «Истории». Этот исполинский труд он рассматривал как продолжение подвига летописцев, Нестора, в его представлении первого среди них, самого великого, раскрывшего соотечественникам путь, которым ведет их Бог, которым они идут к Богу. Начало работы над «Историей» — это вместе с тем и завершение критического анализа всего идеологического багажа Просвещения, преодоление его рационализма и доктринерства, деизма, а тем паче богоборчества, о котором выше уже говорилось. В этих исканиях и обретениях произошло сотворение Карамзина как «последнего летописца», преодолевшего атеистический искус «энциклопедизма» эпохи Просвещения.

Неполнота, а часто творческая неудача новейших работ о Карамзине состоит в том, что их авторы остаются на позиции рационализма, рассудочного восприятия исторического процесса, тогда как Карамзин вырывается из тисков рационализма, доктринерства и утверждается на позиции органического понимания жизни и истории.

«Дней Александровых прекрасное начало» (Пушкин) ознаменовалось важной переменной и в личной жизни Карамзина. Он наконец на 37-м году решился обзавестись семьей. Ранее он воздерживался от этого шага, ибо не был уверен в завтрашнем дне, преследуемый подозрениями властей, доносами клеветников. Какие-то сердечные увлечения у него были, как можно судить по переписке, стихам и воспоминаниям (см. выше в этой статье)... Изложим вкратце историю первого брака Николая Михайловича, опираясь на его письма, стихи и материалы, собранные М. Погодиным. Итак:

в апреле 1801 года Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой, родной сестре его «единственного, несравненного друга», Настасьи Ивановны Плещеевой. Все ее сестры любили и уважали издавна Николая Михайловича, но меньшая между ними, Елизавета Ивановна, с особенным заметным увлечением.

Уведомляя своего брата, 24 апреля он пишет, что знает ее уже 13 лет, следовательно познакомился с нею в 1788 году.

Он жил с ней только год и был очень счастлив, что видно из следующих писем к брату: «Апреля 24-го... С сердечною радостью уведомляю вас, что я женился на Елизавете Ивановне Протасовой, которую 13 лет знаю и люблю. Она просит вашей дружбы, в которой вы ей конечно не откажете. Женитьба не переменяла образ моей жизни: я живу в прежних своих небольших комнатах, с тою разницей, что буду чаще дома. Она имеет только 150 душ, но я надеюсь, что с моим доходом мы проживем год без нужды и с приятностию.—

Посылаю вам, братец, стихи мои, за которые Император прислал мне перстень» (речь идет об оде Александру I.— А. С.).

«Декабря 31... Мы с Лизанькою живем тихо и смирно; я работаю, сижу дома и оставил почти все свои знакомства, будучи весел и счастлив дома».

К этому периоду жизни его относятся «Стихи к Эмилии».

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которую меня Бог щедро наградил...
В душе моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно; душа моя полна
Любовию святой, блаженством и тобою:
Другое кажется мне скучной суетою,

.....
Милая! любовь супругов так священна,
Что быть должна от глаз нечистых сокровенна;
Ей сердце — храм святой, свидетель Бог, не свят.

Письмо к Дмитриеву, в марте. «Я отец маленькой Софьи, Лизанька родила благополучно, но еще очень слаба. Выпей целую рюмку вина за здоровье матери и дочери. Я уже люблю Софью всею душою и радуюсь ею. Дай Бог, чтобы она была жива и здорова и чтобы я мог показать тебе ее, когда к нам возвратишься! Желая сердечно скорее увидеть тебя. Прости, милый! Будь здоров и покоен! Люблю тебя душою и сердцем. Император прислал мне табакерку с бриллиантами, не очень блестящими. Обнимаю тебя со всею нежностью дружбы».

К брату. «Поздравляю вас с племянницею Софьею, которая родилась благополучно. Лизанька моя слаба, но впрочем, слава Богу! хорошо себя чувствует. Вы конечно разделите радость мою быть отцом. Маленькая Софья уже забавляет меня как нельзя более. Теперь я всякую минуту занят и матерью и дочерью».

«Император прислал мне за Похвальное слово Екатерине табакерку с бриллиантами. Таким образом, имею от него уже три подарка: два перстня и табакерку».

К брату, апреля 15 (1802). «Все беспокоюсь о моей Лизаньке, которая по сие время не может оправиться и очень слаба грудью. Это мешает мне радоваться вашей племянницею, которая, слава Богу! здорова. Вчера привили мы ей оспу. Говорят, что она очень похожа на меня. Мы намерены через несколько дней переехать в загородный дом, в надежде, что сельский воздух поможет Лизаньке. Здоровье есть великое дело и без него нет счастья; а еще прискорбнее, когда болен тот, кого мы более себя любим. Бог видит, что мне всякая собственная болезнь была бы гораздо легче».

К брату. «Пишу к вам из деревни, из Свирлова, где я живу с моею больною Лизанькою, во всегдашнем страдании и горе. Она очень нездорова, и самые лучшие московские доктора не помогают ей. Она день и ночь кашляет, худеет — и так слаба, что едва может

сделать два шага по горнице. Я не могу теперь радоваться и дочерью; все мне грустно и постыло; всякий день плачу, потому что я живу и дышу Лизанькою».

К брату. «Что принадлежит до меня, любезнейший брат, то беспокойство мое о Лизаньке не уменьшается, а увеличивается ежедневно: она час от часу хуже и так слаба, что не могу описать ее состояния; дней пять я, как сумасшедший, тоскую и плачу, и еще должен закрывать от нее мою тоску. К несчастью, не могу иметь никакой доверенности к медикам: мне кажется, что они морят ее, а не помогают ей! Но как же теперь и оставить их, когда она уже в таком состоянии? Одним словом, я никогда в жизни не был так несчастлив, как ныне, любя мою Лизаньку во сто раз более самого себя. Что со мною будет, известно одному Богу; но всякий человек перед неприятельскою батареею спокойнее меня. Пожалейте о вашем бедном брате, который не многого просит у судьбы для своего счастья, и у которого она грозит отнять все утешение в свете! Простите, милый брат. У меня теперь только одна мысль и одно чувство. С горестным сердцем обнимаю вас мысленно».

М. Погодин верно замечает: «Карамзин между тем писал, переводил, и в его трудах не приметно было влияние его горести». «Марфа-посадница» начата была во время болезни жены и дописана после ее кончины. Такова была сила его таланта и сила его воли!»

М. Погодин продолжает: «М. А. Дмитриев, со слов дяди, Ивана Ивановича, рассказывает в мелочах из запаса моей памяти следующее об этом времени: «Карамзин любил страстно... Видя безнадежность больной, он то рвался к ее постели, то отрываем был срочно работою журнала, который составлял его доход и был необходим для семейства. Это было мучительное время его жизни! Утомленный, измученный, бросился он однажды на диван и заснул. Вдруг видит во сне, что он стоит у вырытой могилы, а по другую сторону стоит Екатерина Андреевна (на которой он после женился), и через могилу подает ему руку. Этот сон тем страннее, что в эти минуты, занятый умирающею женою, он не мог и думать о женитьбе, и не воображал жениться на Екатерине Андреевне».

Супруга Николая Михайловича скончалась 4 апреля 1802 года.

«Князь Андрей Иванович Вяземский, по рассказу дочери Екатерины (через год ставшей Карамзиной), бывший с Карамзиным в самых лучших отношениях и не задолго перед тем сам лишившийся своей супруги,— зная о болезни Елизаветы Ивановны, поехал с семейством своим за город в Свирлово навестить друга. Дорогою обогнали они гроб. Подъехав к тому, князь пошел к Николаю Михайловичу, в сопровождении слуги своего, а семейство оставалось в экипаже, и скоро увидел возвращавшегося слугу с печальным изве-

стием. На вопрос Екатерины Андреевны о здоровье Елизаветы Ивановны, он отвечал: приказала долго жить!

Князь Петр Андреевич, которому тогда было только 10 лет от роду, крепко запомнил этот случай и самое выражение в ответе слуги, столько обыкновенное в русском народе, которое, однако ж, довелось ему внимательно услышать в первый раз.

Бантыш-Каменский (в своем «Словаре», т. II) свидетельствует: «С бледным лицом, открытою головою, шел Карамзин около пятнадцати верст (от Свирлова до Донского монастыря), подле печальной колесницы, положи руку на гроб; сам опускал его в могилу; бросил первую горсть земли. Друзья подошли к нему, предлагали ему место в карете. «Оставьте, — отвечал Карамзин, — приходите завтра. Присутствие ваше будет необходимо». — Он не мог тогда облегчить душевной скорби слезами: она иссушила их!»

Брата он уведомляет так о своей потере: «Я лишился милого ангела, который составлял все счастье моей жизни. Судите, каково мне, любезнейший брат. Вы не знали ее, не могли знать и моей чрезмерной любви к ней; не могли видеть последних минут ее бесценной жизни, в которые она, забывая свои мучения, думала только о несчастном своем муже. Уже более трех недель я тоскую и плачу, узнав совершенное счастье для того единственно, чтобы навек его лишиться. Остается в горести ожидать смерти, в надежде, что она соединит два сердца, которые обожали друг друга. Люблю Сонюшку за то, что она дочь бесценной Лизаньки, но ничто не может заменить для меня этой потери. Снова принимаюсь за работу, которая нужна и для Сонюшки, если Бог и ее не отнимет у меня; но прежде работа была мне удовольствием, а теперь быть может только одним минутным рассеянием. Все для меня исчезло, любезный брат; в предмете остается одна могила. Стану заниматься трудом, сколько могу: Лизанька того хотела».

К брату, августа 19. «Участие, которое вы берете в моей горести, для меня утешительно. В самом деле я достоин сожаления всех добрых людей: был так счастлив, так доволен судьбою и стал вдруг самый бедный человек в свете. Время конечно притупляет горечь, но не может возратить счастья, а что прибыли и в спокойствии, когда жить не весело? Я же совсем отстал от света: дышал Лизанькою и работал подле нее, чтобы не быть бесполезным отечеству и чтобы мы могли жить без нужды. Теперь я один в свете, как в пустыне. Сонюшку я люблю нежно, но это чувство не может заменить потерянного; к тому же беспрестанно боюсь и ее лишиться. Куда ни взгляну, все вижу смерть перед собою; последняя минута моего ангела не выходит из моих мыслей».

Брату Василию Михайловичу он писал 6 июня 1803 г.: «Я нанимаю прекрасный сельский домик, и в прекрасных местах близ Москвы. Бываю по большей части один, и когда здорова Сонюшка, то, не-

смотря на свою меланхолию, еще благодарю Бога! Сердце мое совсем почти отстало от света. Занимаюсь трудами, во-первых, для своего утешения, а во-вторых, и для того, чтобы было чем жить и воспитывать малютку. Мне хочется до того времени выдавать журнал, пока будет у меня столько денег, чтобы жить без нужды, а там хотелось бы мне приняться за труд важнейший...»

Это сказано об «Истории государства Российского».

В тяжелые дни Карамзин получил духовную поддержку и со стороны молодых друзей, сторонников своих, почитателей Тацита. На дачу в Свиблово к вдовцу и сиротинке его приехал на все лето В. А. Жуковский, он в свою очередь познакомил с Карамзиным Д. Н. Блудова. Так образовалось ядро писателей-новаторов, известных «арзамасцев».

Характерно и другое, столь Карамзину присущее, а именно — побеждать трудом душевные невзгоды и физические страдания. В траурные дни в его письмах к друзьям и близким вновь и вновь повторяется мысль, что пора браться за написание «Истории» Отечества.

В исходе 1803 г. извещая читателей «Вестника Европы» о прекращении своей работы в журнале, переходившем в руки В. А. Жуковского, Карамзин писал:

«Милость нашего Императора доставляет мне способ отныне совершенно посвятить себя делу важному, и без сомнения трудному: время покажет, мог ли я без дерзости на то отважиться».

Какому же делу Карамзин намеревался посвятить себя?

Русской Истории.

В Именном Его Императорского Величества указе, данном кабинету, от 31 октября 1803 года, сказано: «Как известный писатель, Московского Университета почетный член, Николай Карамзин, изъявил нам желание посвятить труды свои сочинению полной Истории отечества нашего, то мы, желая ободрить его в столь похвальном предприятии, Всемилостивейше повелеваем производить ему, в качестве Историографа, по две тысячи рублей ежегодного пенсионна, из кабинета нашего». В жизни и творчестве Николая Михайловича начался новый этап. Его жизнь в эти годы была всецело подчинена выполнению поручения Императора. Столь же почетного сколь и ответственного.

ЖИЗНЬ ИСТОРИОГРАФА

Начало работы над «Историей государства Российского» совпало с изменением в семейном положении автора. В 1804 году Карамзин сочетался новым браком с Екатериной Андреевной Кольвановой (внебрачной дочерью своего старого друга и корреспондента

князя А. И. Вяземского) и надолго поселился в Остафьеве — подмосковном имении Вяземских. В лице Катерины Андреевны историк обрел надежную подругу, умную, прекрасно образованную помощницу. Она помогала в переписке готовых глав, позже держала корректуру первого издания «Истории», а главное — обеспечила тот душевный покой и условия для творчества, без которых был бы просто невозможен огромный труд мужа. Карамзины имели множество друзей, лучшие люди России были в числе их. «Душой круга друзей своих» называли они Карамзина. В той мере, если не более, это относится к Екатерине Андреевне. В Остафьеве к услугам историографа была огромная библиотека и хорошо отлаженный быт. М. Погодин, посетивший в 1846 году Остафьево, дает следующее описание усадьбы и рабочего кабинета историографа: «Огромный барский дом в несколько этажей возвышается на пригорке, внизу за луговой, блещет обширный проточный пруд, в стороне от него сельская церковь, осененная густыми липами. По другую сторону обширный тенистый сад. Кабинет Карамзина помещался в верхнем этаже в углу с окнами, обращенными к саду, ход был к нему по особой лестнице... В этом святилище русской истории, в этом славном затворе... 23 лет с утра до вечера сидел один-одинешенек знаменитый наш труженик... углубленный в мысли о великом своем предприятии с твердым намерением свершить его во что бы то ни стало, где в тиши уединенной он читал, писал, тосковал, радовался, утешался своими открытиями!..

Голые штукатуренные стены, широкий сосновый стол, простой деревянный стул, несколько козлов с наложенными досками, на которых раскладены рукописи, книги, тетради, бумаги; не было ни одного шкафа, ни кресла, ни дивана, ни этажерки, ни пюпитров, ни ковров, ни подушек. Несколько ветхих стульев около стены. Воистину спартанская обстановка, более всего соответствующая характеру и привычкам хозяина»¹.

«Я теперь живу в прошлом, и старина для меня всего любезнее», — сообщал из Остафьева историограф брату². Работа над «Историей» поначалу шла довольно споро. В 1804 году были созданы первые главы: «История славян до самого того времени, с которого начинаются собственные наши летописи», — как писал Карамзин брату. Несколько замедляется работа на периоде феодальных усобиц. Свое состояние при описании «княжеских драк» (первые тома) Карамзин сравнивал с походом через пустыни африканские. Летом 1808 года он пишет брату: «В труде моем бреду вперед, шаг за ша-

¹ Погодин М. Н. Указ. соч. Ч. 1, с. 38.

² Основные этапы создания «Истории» отражены в письмах к брату, а также к И. И. Дмитриеву и П. А. Вяземскому и рассматриваются в очерках «Как создавалась «История государства Российского», публикуемых в Приложениях настоящего издания.

гом, и теперь, описав ужасное нашествие татар, перешел в четвертый-надесять век. Хотелось бы мне до возвращения в Москву добраться до времен Димитрия, победителя Мамаева. Иду голой стеною; но от времени до времени удаётся мне находить и места живописные. История не роман; ложь всегда может быть красива, а истина в простом своем одеянии нравится только некоторым умам, опытным и зрелым».

К 1805 г. был готов первый том, а к 1810-му уже завершен пятый.

Том, посвященный Дмитрию Донскому, и всю последующую историю борьбы с ордынцами, вплоть до царствования Ивана III и падения ненавистного ига, автор создал сравнительно быстро, под рукой были надежные источники, было и творческое вдохновение, рождаемое самой темой исследования. «Победителя Мамаева» и еще более Иоанна III — «заложителя славы России» — историограф особенно высоко чтит. О его творческих планах узнаем из письма к брату 5 августа 1811 г. из Остафьева: «Работаю усердно и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича. Вот прямо исторический предмет. Доселе я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей. Вижу за собою песчаную степь Африканскую, а перед собою величественные дубравы, красивые луга, богатые поля и пр.».

Накануне вторжения в Россию наполеоновских полчищ автор обдумывал времена Ивана Грозного, это VIII том, но только через 10 лет соотечественники прочли описание «злодейств Ивашки» (IX том). Было несколько обстоятельств, так сильно затормозивших работу. Каково было обличать кровавый деспотизм в самодержавной стране! Но еще сильнее повлиял 1812 год. Историограф, как мало кто из современников, видел размеры нависшей угрозы в этой, как он сам определял, «весьма опасной войне с Наполеоном». Главную опасность он видел даже не в размерах вражеских армий Наполеона, а в неспособности царя мобилизовать мощь страны для отпора врагу. Войны с Францией он счел ошибкой.

Чтобы пробудить Александра I отказаться от политической близорукости, особенно опасного в условиях надвигавшейся бури, Карамзин пишет и через сестру императора передает ему знаменитую «Записку о древней и новой России». Историограф высмеял «изобретение разных министерств, советов, комитетов» при сохранении и даже усилении рутин в государственном управлении. Его конечный вывод: «Дела не лучше производятся, только в иных местах и чиновниками другого направления». Карамзин, мастер художественного слова, прекрасно выразил главное в политике царя, прикрытой либеральной фразой, а именно: усиление полицейщины и всеобщее казнокрадство: «Если одним словом отвечать, что делают в России, то надобно сказать: Крадут!» Указывая на всеобщее неудовольствие

во всех классах и сословиях, историограф убеждал вернуться к проверенному историей методу управления, учесть опыт Петра, поднять роль и значимость учрежденного им правительствующего Сената, а главное, опереться на патриотические силы народа, уважать традиции, обычаи, образ жизни России.

Основная мысль первой исторической части «Записки» выражена в формуле: «Самодержавие — палладиум России». Вторая же часть содержит острую критику всей внешней и внутренней политики императора, и пришлось ему не по нраву. Мы вернемся к «Записке» при ее публикации в одном из следующих томов.

Пренебрежительное отношение к родному народу, традициям, историческому прошлому, насаждавшееся царем, дошло до того, что император «забыл» отметить столетний юбилей Полтавской победы. И это накануне вторжения Наполеона! За царем пошла и дворянская общественность. «Мы, брат, забыли и спасибо сказать Петру I-му за Полтавское сражение 27 июня 1809 года — по истечении столетия — что делают ваши московские поэты и риторы? На будущий год другого столетия не будет»¹, — писал возмущенно А. И. Тургенев в Москву А. Я. Булгакову 23 июля 1809 г.

Карамзин великолепно понимал значение патриотических традиций ввиду надвигавшейся схватки с Наполеоном. Стремясь воздействовать на императора историческими примерами, побудить его проявить государственную мудрость, извлечь из прошлого надлежащие уроки, историограф ищет и добивается личной встречи с Александром I, и в марте 1811 года в Твери при содействии вел. кн. Екатерины, сестры императора, в ее доме («Путейном дворце») в течение нескольких дней беседуют с царем, читает главы о нашествии татаро-монголов, о Дмитрии Донском, о Куликовской битве. Чтения затягивались до полуночи и нравились августейшим слушателям: однако, ознакомившись с «Запиской о древней и новой России», царь не пожелал не только объясниться, но и проститься с автором перед отъездом из Твери. Император и историограф расстались, не поняв друг друга. Наставление уроками истории не удалось. Подготовка к беседам с императором и последовавшее затем неудовольствие императора, столь открыто выраженное, конечно же, не могли не сказаться на душевном состоянии и отразились на творческой работе. Еще более личных невзгод тревожила угроза вторжения наполеоновской армии, стянутой к границам России. «Времена трудные», — пишет он брату Василию 6 марта 1812 г. Ему же, 28 мая: «Французские войска стоят на Висле... Война неизбежна».

Вторжение произошло. Вести из армии доходили нерегулярно, были противоречивы и тревожны. «Мне бывает иногда очень, очень грустно, и я совсем не могу заниматься моей обыкновенной рабо-

¹ Письма Александра Тургенева к Булгаковым, с. 84.

той», — пишет Карамзин брату 5 июля 1812 г. Ему же, 29 июля: «Все зависит от общей битвы, которая не далека». «Кровопротитнейшее сражение» при Бородине не решило вопроса: «С обеих сторон дерутся отчаянно». Узнав, что в первый день битвы русские войска, отбив атаки, удержали позиции, Карамзин заявляет: «Не выведу из Москвы, пока все не решится».

Карамзин видел, что повсюду народ поднимается на борьбу, и не хотел остаться в стороне. 20 августа 1812 г. он пишет Дмитриеву: «Я отправил жену и детей в Ярославль... и готов умереть за Москву. Я рад сесть на своего серого коня и вместе с Московскою удалой дружиной примкнуть к нашей армии. Душа моя довольно тверда. Я простился и с Историей: лучший и полный экземпляр отдал жене, а другой в Архив иностранной коллегии. Теперь без Истории я без дела». Друзья уговорили историографа отказаться от поступления в армию, но это решение далось ему не без внутренней борьбы. Только 1 сентября Карамзин покидает столицу, в которую на следующий день вошли французы. Не было времени вывезти даже библиотеку и архив. В письмах тех дней Карамзин высказывает сожаление, что не имеет взрослых детей, ибо ничего лучшего ныне пожелать близкому, чем сражаться и умереть за Отечество. Он порицает дворянство за отсутствие глубоких патриотических чувств: «Многие из наших общих знакомых уже в бегах». С гордостью сообщает Карамзин, что П. А. Вяземский (его «питомец») принял участие в Бородинской битве, «был в страшном деле», под ним убито две лошади, и за проявленный героизм он получил боевой орден.

Переехав в Нижний Новгород, Карамзин продолжает разрабатывать планы о непосредственном участии в боевых действиях: «Больно издали смотреть на происшествия, решительные для нашего Отечества». Хотя осуществить намерение о присоединении к действующей армии не удалось, семья Карамзиных внесла свою лепту в общее дело, снарядив за свой счет более 70 ратников.

Война, эвакуация, гибель библиотеки более чем на год прервали работу по написанию «Истории», ее очередных томов.

28 октября 1812 г. Карамзин из Нижнего пишет с горечью и тоской Дмитриеву: «Я теперь как растение, вырванное из корня: лишен способов заниматься и едва ли когда-нибудь возвратиться к своим прежним мирным упражнениям. Не знаю даже того, как и где буду жить».

А ранее, 15 октября, в Нижнем с курьером была получена весть, что Наполеон вышел из Москвы. Вскоре были получены и первые сведения о масштабах московской трагедии. Карамзин пишет Дмитриеву: «Скажу вместе с тобой: как ни жаль Москвы, как ни жаль наших мирных жилищ и книг, обращенных в пепел, но слава Богу, что Отечество уцелело... Наполеон бежит зайцем, пришедши тигром».

Из действующей армии шли реляции о новых победах русского

оружия, они ободряли разум, веселили душу. Но условий для творческой работы в Нижнем Новгороде не было.

Карамзин верно определил характер войны, назвав ее народной. Отметим он также важное значение партизанских отрядов, от его взора не укрылось активное участие в борьбе с захватчиками крестьянства: «Крестьяне ежедневно убивают и приводят множество французов». Он был горд за соотечественников, выигравших «эту удивительную кампанию».

Карамзин считал, что именно героизм народа-воина свел на нет просчеты правителя и дипломатов и превратил ошибочно начатую войну в национальный триумф. Эти мысли он высказывал в письмах неоднократно.

Война уносила близких, обратила в пепел первопрестольную столицу. В огне московского пожара погибла вся библиотека Карамзина, личный архив, другие богатые собрания манускриптов. Историограф знал цену унесенного огнем в небытие. И ныне только «нотицы», написанные его рукой, доносят до нас описание некоторых из этих рукописей и фрагменты их текста. «Потерей невозвратимой» назвал он гибель оригинала «Слова о полку Игореве».

Вернувшись в Остафьево, по счастью уцелевшее, Карамзин сделал попытку возобновить работу над «Историей». В 1814 г. был готов седьмой том, а к 1815 — восьмой.

Большая часть сил и времени, когда позади остались хлопоты по устройству семьи на пожарище московском, ушла на хлопоты по изданию восьми томов. Государственный историограф не мог издать свой труд без высочайшего разрешения, нужна была личная встреча с Александром, а царь явно давал понять, что не забыл ту встречу в Твери. Прибыв в Петербург для издания труда, историограф долго не мог получить аудиенции у императора. Канцлер Н. Румянцев (сын знаменитого полководца, почитатель и знаток истории) предложил издать «Историю» за свой счет. Автор отклонил это предложение, ибо добивался не только издания, но и признания им свершенного. Душевное состояние Карамзина в те дни лучше всего передают его письма. (См., например, его переписку с Е. А. Карамзиной).

Но насколько холодно встретил историографа официальный Петербург, настолько тепло и дружески он был принят в литературных и научных кругах столицы, в «румянцевском кружке» любителей древностей и особенно в недавно возникшем «Арзамасе»¹. В этом дружеском кругу Карамзин читал главы «Истории» и получил заслуженное признание. 18 февраля 1816 г. В. А. Жуковский писал И. И. Дмитриеву: «Недавно провел я у него (Карамзина.— А. С.) самый приятный вечер. Он читал нам описание взятия Казани; какое совершенство! И какая эпоха для русского появления этой Ис-

¹ См. наш комментарий к переписке с П. А. Вяземским.

тории. Какое сокровище для языка, для поэзии, не говоря уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту Историю можно будет назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями, и все истории русского народа, доселе известные, можно назвать только гробами, в которых мы видели лежащими эти безобразные мумии. Теперь все оживятся, подымутся и получат величественный, привлекательный образ. Счастливы дарования, теперь созревающие! Они начнут свое поприще, вооруженные с ног до головы»¹.

Чтения «Истории» в кругу друзей, в салонах «ученых графов» делали свое дело. Слава об «Истории» разошлась по столице, но пришлось все же пойти на прием к Аракчееву, прежде чем историк получил аудиенцию у императора. Разрешение и средства (50 тысяч рублей) на издание труда были наконец получены. Карамзин был произведен в чин статского советника и награжден орденом св. Анны I степени. Одновременно историограф и его семья были приглашены в Петербург на постоянное жительство. На летнее время им предоставлялась дача в Царскосельском парке («Китайская деревня», сохранившаяся до наших дней). Здесь его гостями с лета 1816 года на протяжении десятилетия были многие деятели литературы и искусства, государственные и военные, придворные сановники, питомцы Лицея. Как в родной дом приходил сюда лицеист Пушкин. А. С. Грибоедов писал: «Я посвятил ему целый день в Царском Селе и на днях еще раз поеду на поклон»².

В китайских домиках (на зиму Карамзины переезжали в столицу, в дом Муравьевых на Фонтанке) историографа окружала та же скромная обстановка, которая была в Остафьеве. П. А. Вяземский вспоминает: «Помню тесный кабинет его в Царскосельском домике. Входя в него, трудно было понять, как могла уместиться в нем История государства Российского... Маленький письменный столик, обложенный, загроможденный книгами и рукописями, едва ли оставался угол для места, на котором он писал, на полу кругом бумаги, тоже разбросаны фолианты».

В этом домике помимо «Истории государства Российского» Карамзин осенью 1819 года написал, как свидетельствует П. А. Вяземский, буквально в один присест знаменитое «Мнение русского гражданина», развенчав внешнюю политику императора. Документ возник после жарких прений с императором. Подвигом гражданина и историка назвал Вяземский этот шедевр публицистики. Основная мысль записки в том, что Польша должна существовать в своих этнографических границах, нарушение этого принципа грозит кро-

¹ Жуковский В. А. Письма разных лет к И. И. Дмитриеву. 1816—1837. М., с. 25—26.

² Грибоедов А. С. Собр. соч. М.-Л., 1959, с. 547.

вавой борьбой. Мы еще вернемся к этому документу при его публикации.

После переезда в Царское Село историограф отложил на время авторскую работу над «Историей», всецело поглощенный изданием первых восьми ее томов, хлопотами с типографиями и корректурой. Не обошлось и без чиновничьих придирок, вплоть до приостановки издания. Заявление историографа (публикуется в следующих томах), датированное октябрём 1816 года, доносит до нас отзвуки той борьбы. К весне 1818 года первые восемь томов «Истории» появились на книжных прилавках. Три тысячи экземпляров были проданы в 25 дней. «Наша публика почтила меня выше моего достоинства. Мне остается только быть благодарным и смиренным», — писал автор. «История государства Российского», — по словам Пушкина, — есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека»¹.

История Карамзина вызвала негодование декабристов, готовивших как раз в начале 1818 г. дворцовый переворот, а один из руководителей заговора полковник П. А. Катенин стал автором известной эпиграммы «В его истории изящность...», ловко затем приписанной Пушкину. Труд Карамзина вызвал острейшую полемику на многие годы вплоть до наших дней. (К этой проблеме мы еще вернемся.)

Признание соотечественников ободрило и вдохновило автора. Освободив себя от забот по второму изданию (оно было продано книгопродавцу), историограф занялся очередным томом. На столе его ждали недописанные главы об Иване IV. Это была нелегкая задача. Четыре года ушло у Карамзина на ее решение.

В январе 1820 года Карамзин прочел в торжественном собрании Российской Академии, членом которой стал в 1818 году, главу «О перемене Иоаннова царствования, о начале тиранства, о верности и геройстве россиян, терзаемых мучителем». (Событие освещено в письме к И. И. Дмитриеву от 12 января 1820 г.) Историограф читал более часа при стихнувшем зале, заполненном до отказа. Не без борьбы получил он трибуну. Чтение вышло за рамки чисто академического мероприятия. Император говорил «об академическом торжестве историографа», явно не желая брать в расчет «поучение царям», вложенное в свой труд Карамзиным. Цесаревич Константин, лишенный умной расчетливости брата, прямо заявлял, что нельзя позволять говорить о кровавом деспотизме царей. «Книга его (Карамзина. — А. С.), — заявлял Константин, — наполнена якобинскими поучениями, прикрытыми витиеватыми фразами»². Митрополит Филарет хотя публично и благословил историографа, но признавал,

¹ Пушкин А. С. Собр. соч. в десяти томах. Т. 6, М., 1976, с. 21.

² «Русская старина». Т. 79, с. 202.

что без ужаса он не может вспоминать об этом публичном обличении зла, о мрачных чертах Грозного, вскрытых историком, что впредь надлежит «освещать лишь лучшую часть царствования Иоанна IV»¹.

Девятый том «Истории», посвященный Ивану IV, пошел нарасхват. Современники шутливо замечали, что улицы Петербурга опустели, ибо все углубилось в царствование Грозного. Реакция современников не была, однако, однозначна. В придворных кругах заговорили о «вредной книге», а автора называли негодяем, без которого народ никогда бы не догадался, что и меж царями есть тираны. Многие, как сообщал декабрист Н. Тургенев, «находят, что рано печатать историю ужасов Иван-царя»².

Известный государственный деятель граф С. П. Румянцев призывал автора стать наставником царей, вторым Тацитом, и посрамить тиранов. С Тацитом же сравнивали историографа и многие декабристы, верно угадав смысл его поучений. «Ну, Грозный! Ну, Карамзин, — восклицал в восторге К. Рылеев. — Не знаю, чему больше удивляться: тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита»³. Рылеев свидетельствует, что его друзья А. Бестужев, Н. Муравьев и другие, ранее порицавшие Карамзина за приверженность к монархизму, по выходе IX тома стали его поклонниками и повсюду разносили весть о новом замечательном творении историографа. Девятый том, по определению другого декабриста — Штейгеля, был «феномен небывалый в России... Одного из великих царей открыто наименовали тираном, каких мало представляет история»⁴. Последние пять лет жизни Карамзин посвятил описанию царствования Федора Иоанновича и Бориса Годунова. В 1824 году выходят в свет десятый и одиннадцатый тома, посвященные Федору Иоанновичу и Борису Годунову. Еще до издания автор знакомил общественность с результатами своего труда. Публичные чтения им новых глав «Истории» становились крупным общественным событием. Александр Одоевский, поэт, декабрист, писал брату 23 января 1823 г.: «У нас в Петербурге было торжественное собрание в Российской Академии. Карамзин читал отрывки из десятого тома своей Истории и мастерски описал характер Годунова, его происки, его властолюбие. Изображение может быть красноречивейшее во всей нашей словесности»⁵.

Последние тома «Истории» показали, что современники, порицавшие автора за приверженность к монархизму, основывались

¹ «Чтения в Императорском обществе истории 1880», т. 4, с. 11—12.

² Тургенев А. Письма к брату С. Тургеневу. М.—Л., 1936, с. 349.

³ Рылеев К. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 458.

⁴ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. Л., 1958, с. 385.

⁵ Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки (Петербург). Ф. 539, ед. хр. 829.

только на авторском выступлении к первому тому, не принимая во внимание содержание последующих книг, весь авторский замысел. Это обстоятельство было пронизательно схвачено Пушкиным, писавшим в своих записках еще в 1826 году: «Молодые якобинцы негодовали — несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, *красноречиво опровергнутые верным рассказом событий*, казались им верхом варварства и унижения» (подчеркнуто нами — А. С.). К сожалению, отмеченное Пушкиным обстоятельство не всегда и позже принималось во внимание.

«История государства Российского» появилась в годы, когда русский народ был воодушевлен победой над армией Наполеона, в обстановке патриотического подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года. Россия спасла Европу от порабощения. Откуда, где источники этой мощи — спрашивали себя русские люди, задаваясь и другими важными вопросами: откуда их род, каково место и роль России в семье европейских народов? Труд Карамзина отвечал на эти вопросы. «Я писал для русских, — отвечал Н. М. Карамзин зарубежным недоброжелателям, — для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметева». Все значительно в этой отповеди: и указание, что труд посвящен родному народу, и понимание многонационального состава населения страны.

В начале 1826 года, будучи тяжело больным, Карамзин писал Дмитриеву: «Списываю вторую главу Шуйского, еще три главы с обозрением до нашего времени и поклон вашему миру... Близко, близко, но можно еще не доплыть до острова, жаль, если захлебнусь с пером в руке». Строки эти оказались пророческими. Последняя фраза незавершенного XII тома гласила: «Орешек не сдавался» (Орешек — древнее название нынешнего Шлиссельбурга, основанного еще новгородцами). Весть о тяжелом состоянии Карамзина дошла до Михайловского. «Карамзин болен! — Милый мой, это хуже многого — ради Бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты», — писал Пушкин П. А. Плетневу 3 марта 1826 г. (Фраза «страшно вдвое» связана с ожиданием приговора над декабристами.)

Болезнь быстро прогрессировала. 22 мая в 8 часов утра А. И. Тургенев посылает С. П. Жихареву и А. Я. Булгакову записку следующего содержания: «Через несколько минут мы лишимся Карамзина. Он борется со смертью, или лучше сказать с жизнью. Семейство его окружает, но иногда слабость наводит сон на Катерину Андреевну. Вяземского еще нет». На конверте рукой Булгакова сделана пометка: «Боюсь, не с плачевной ли вестью брат пишет, что Карамзин соборован маслом» и рукой А. И. Тургенева: «Прочитай, нет надежды, теперь вероятно, нет и его». Утром 22 мая Н. М. Карамзин скончался.

Последний, XII том «Истории государства Российского» был из-

дан вдовой историографа при содействии друзей (Жуковского, Блудова и др.)

«Смерть друга, каков был Карамзин, — писал П. Вяземский В. Жуковскому 6 августа 1826 г., — каждому из нас есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь; но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько святых мыслей»¹.

История выступала у Карамзина как одно из основных средств просвещения и социального обновления общества. Его записки и письма показывают, сколь хрупкими, не постоянными были надежды историографа на просвещенного монарха. Время показало тщетность подобных упований Карамзина, не понятого соотечественниками. Не поучать и наставлять, а уничтожать следует монархов — таков был девиз декабристов. И если Карамзин полагал, что «мудрое самодержавие есть палладиум России», то декабристы вслед за Радищевым заявляли, что вечевой колокол древнего Новгорода является палладиумом России. Они и боролись за возвращение русскому народу древних его прав и республиканских учреждений, «похищенных царями»... Но решен ли историей этот спор?!

Карамзин не был осведомлен о сокровенных замыслах декабристов, резко осудил события 14 декабря 1825 г., в принципе отвергая путь революционного насилия. И много лет спустя другой крупный историк В. О. Ключевский назвал восстание на Сенатской площади исторической случайностью, обросшей литературой. На сегодняшний день и этот спор, спор о декабристах, не завершен.

Письма, статьи, записки убеждают в том, что симпатии Карамзина к республиканским учреждениям и традициям были постоянны. Но принимать в теории принципы республики еще не означает поддерживать конкретные политические движения, выступающие под республиканскими знаменами с оружием в руках. Осуждение, неприятие революционного насилия, одна из характерных черт идеологии просвещенного дворянства, — присуще Карамзину.

Осуждением декабристов не исчерпывается позиция Карамзина в освещении республики, его оценка различных форм государства, что уже отмечалось нами выше. И мы еще вернемся к этой теме при рассмотрении записок и писем историографа.

Творчество Н. М. Карамзина поражает своей энциклопедичностью, многогранностью, новаторством. Говоря о нем как писателе, журналисте, издателе, исследователю, как я уже говорил в начале очерка, часто приходится использовать определения: впервые, один из первых и т. п.

Всю жизнь Карамзин проводил излюбленную мысль о просвеще-

¹ Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 135.

нии народа (включая простой люд), чему литература должна всячески способствовать, воскрешая прошлое, изображая героические характеры предков. Этому была посвящена специальная статья «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». Публикацией повести «Марфа-посадница» сделана попытка реализации программы редактора-издателя, полагавшего, что журнал — это «орган патриотизма». По существу, с повестей Карамзина началась в истории русской литературы одиссея маленького человека как главного героя ее. В. Г. Белинский, определяя «карамзинский» период русской литературы, подчеркивал, что «Карамзин первый на Руси начал писать повести, которые заинтересовали общество... в которых действовали люди, изображалась жизнь сердца и страстей посреди обыкновенного повседневного быта...»¹.

Русская литература еще в конце XVIII века в лице Г. Державина, Н. Львова, И. Дмитриева дала первые образцы художественного воплощения национального характера, обычаев, нравов и традиций народа, справедливо усматривая в народном творчестве воплощение национального своеобразия. Россия встает перед их умственным взором как многонациональная страна, как исторически сложившееся единство многих народов. Н. М. Карамзин внес свою лепту в раскрытие исторического пути формирования общности народов России. Кровавые междоусобия, грабительские набеги, братоубийственные распри неизменно вызывают его осуждение. Карамзину была близка и дорога мысль о братском единстве всех людей независимо от национальной их принадлежности. Идея братства народов и органически связанная с ней мечта о вечном мире, протест против кровавых войн, чередовавшихся друг за другом, — одна из отличительных и важных черт творчества Карамзина. Он настойчиво искал критерии, позволяющие дать оценку войнам с позиций гуманизма и справедливости. Он проводил мысль, что народ имеет право на борьбу с рабством, что смерть следует предпочесть примирению перед деспотизмом и национальным порабощением. Еще летом 1790 года в Лондоне Карамзин провозглашает тост за вечный мир между народами. В 1792 году по случаю мирного договора России с Турцией он пишет «Песнь мира», которая явно перекликается с известной шиллеровской «Одой к радости», пропитанной идеей братства: «Миллионы, веселитесь, миллионы, обнимайтесь, как объемлет брата брат!» — восклицает Карамзин. Нашла отражение эта мысль и в его переписке с И. И. Дмитриевым, А. И. Вяземским.

В эпоху наполеоновских войн Карамзин пишет И. Дмитриеву 16 марта 1796 г.: «Долго ли воевать? Пожалуй, опиши в гармонической Оде все прелести мира и пошли ее ко всем дворам; авось-либо

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 133.

они перестанут ссориться...» Зимой 1815 года он поверяет другу ту же сокровенную мечту: «Дай Бог, чтобы дело кончалось миром, который для меня важнее всего. Он есть сокровище для России».

Служение Отечеству Карамзин не отделял от служения человечеству, от борьбы за более совершенные, достойные человечества формы общественной жизни. Через всю жизнь Н. М. Карамзин пронес глубокий, непреходящий интерес к социально-политическим утопиям, связывая с ними в исторической перспективе осуществление самых гуманных стремлений. Он неоднократно возвращается к мысли о «Платоновской республике мудрецов», называет ее «прекрасной мечтой». Прослеживается также постоянный интерес Карамзина к другому великому утописту — Мабли, работы которого он перечитывал в революционном Париже во время своего путешествия.

«Утопия (или Царство счастья, сочинение Моруса), — подчеркивает он в знакомой нам цитате, — будет всегда мечтой доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой...»¹.

Карамзин справедливо почитается одним из преобразователей русского языка. Конечно, у него были предшественники, прежде всего М. В. Ломоносов. «Три словесника», а именно Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин, «покушались, — как замечал И. Дмитриев, — приблизить книжный язык к употребляемому в обществах», но в полной мере эта задача была решена Карамзиным, который, «по зрелому размышлению, пошел своей дорогой и начал писать языком, подходящим к разговорному образованного общества семидесятых годов, когда еще родители с детьми, русский с русскими не стыдились говорить на природном своем языке...»². Карамзин внес в русскую литературу и новое понимание человека, и необходимо связанные с этим новые жанры (баллады, послания и пр.), позже столь блистательно освоенные Батюшковым, Жуковским, Пушкиным. Он обогатил поэтический язык новыми образами, словосочетаниями, позволившими выразить всю сложность духовной жизни человека, его тонких чувств и трагических переживаний. «Карамзин первый на Руси заменил мертвый язык книги живым языком общества», — писал Белинский³.

«Лучшие писатели, — по словам Дмитриева, — приняли в образец себе слог нашего историографа». Речь идет не только о форме выражения, стиле, но и об идейной стороне карамзинских работ.

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, с. 321, 322.

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 187.

³ Белинский В. Г. Полное собр. соч. Т. 7, с. 132.

Высоко ценя публицистическую гражданскую деятельность Карамзина прежде всего за ее патриотическую направленность, за высокие нравственные принципы, П. А. Вяземский противопоставлял ее позднейшей журналистике, в которой задохнулся Пушкин и которая стала «монополией корчивших из себя русских поляка Булгарина, немца Греча и <где> исполняли концерты по камертону немца же Бенкендорфа да и не совсем русского Дубельта. Где же тут могло настоящей Русью пахнуть?»¹.

По словам акад. В. В. Виноградова², Карамзин выдвигал задачу — образовать один, доступный широким кругам национально-литературный язык, «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут». Для этого необходимы: устранение резких церковнославянизмов, особенно культового, архаически-книжного и «учено»-старомодного типа в произношении, грамматике и словаре, при широком использовании тех славянизмов, которые стали общим достоянием книжной речи; тщательный отбор личного языкового материала и создание новых слов и оборотов (ср. неологизмы самого Карамзина: *влюбленность, промышленность, будущность, общественность, человечность, общепользней, достижимый, усовершенствовать* и др.). Язык преобразуется под влиянием «светского употребления слов и хорошего вкуса». Упорядочиваются синтаксис и фразеология. Из общего литературного активного словаря постепенно исчезает значительная часть специальных слов ученого языка, восходящих к церковнославянизмам. Архаические и профессиональные славянизмы избегаются (*учить, изрядство* и т. п.). В общем литературном употреблении не рекомендуется пользоваться специальными терминами школы, науки, техники, ремесла и хозяйства. Накладывается запрет на провинциализмы, простонародные слова и выражения. Употребление грамматических конструкций и форм распространенного и сложного предложения шлифуется в том же направлении. Устанавливается строгий порядок слов. Отступления должны быть стилистически оправданы. Регламентированы приемы построения сложных синтаксических периодов. Число употребительных союзов сокращено (ср. исключение даже таких книжных союзов, как *ибо, якобы, ежели* и др.). Точно определены формы синтаксической и лексической симметрии в соотношении членов периода. Карамзинский стиль был как бы направлен на то, чтобы все замыкать в простые формулы, объяснять и популяризовать. Карамзин дал стилистике русской художественной литературы новое направление, по которому пошли такие замечательные русские писатели, как К. Н. Батюшков,

¹ Павлищев Л. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, с. 285.

² См.: Виноградов В. В. История русского литературного языка. М., 1978, с. 198—200.

В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский. Даже стиль Пушкина многим был обязан стилистической регламентации Карамзина, которая отчасти легла в основу выдвигавшихся тогда принципов грамматической нормализации литературного языка (ср. «Грамматику» Н. И. Греча). Слог Карамзина, по словам современника, «стал слогом всех» (С. П. Шевырев).

Но кроме Карамзина были и его эпигоны, с их пренебрежением к народности, к «простонародной» речи с ее поэтическими красками, слишком прямолинейном отрицании достижений славяно-русской речевой культуры, излишнем пристрастии к «европейизмам». Надоедливая легкость, сглаженность и манерность изложения в стиле эпигонов Карамзина — убедительно свидетельствовали о том, что вопрос о единой норме национально-языкового литературного выражения мог быть разрешен только на более широкой народно-речевой базе. Вокруг «нового слога русского языка» закипела общественная борьба («Рассуждение о старом и новом слоге» А. С. Шишкова, с одной стороны, и критика из лагеря новаторов с другой).

В этом плане интересно замечание М. М. Сперанского о языке Карамзина и языке митрополита Филарета. Знаменитый, шумный спор новаторов и архаистов был снят жизнью, практикой Пушкина и его последователей.

В языке Пушкина вся предшествующая культура русской литературной речи получила качественное преобразование. Язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова. Художественно-речевая практика Пушкина определила дальнейшие пути развития национального литературного русского языка. Карамзину приходилось преодолевать немалые затруднения. Цензура искажала его замыслы, многое вообще запрещала к публикации. «Цензура,— писал он с горечью Дмитриеву,— держит русскую литературу под лавкою».

Н. М. Карамзин был превосходный организатор, подлинный мастер литературного дела, сознававший громадную роль художественного слова в развитии духовной культуры, нравственности, высоких патриотических чувств народа. С его именем связано появление нового типа журнала — литературно-художественного и общественно-политического одновременно, а также первых в России поэтических альманахов, на страницах которых были опубликованы произведения лучших тогдашних поэтов во главе с Державиным и Дмитриевым. Карамзин издал собрания сочинений Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, М. Н. Муравьева и других. Он был не только издателем, но и вдумчивым редактором, советчиком, другом. Публикуемое нами обширное эпистолярное наследие Карамзина свидетельствует о его роли в развитии отечественной словесности,

поддержке, одобрения, защите таланта Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Крылова, позже Пушкина, всей плеяды молодых дарований, составивших цвет нашей литературы.

Вершиной творчества Карамзина является его «История». Великие исторические умы, продолжатели его дела, всегда отдавали дань уважения последнему летописцу, видя в нем своего предшественника, первопроходца, прокладывавшего пути по исторической целине. Большой знаток его творчества проф. К. Бестужев-Рюмин писал: «Цельность, единство труда Карамзина сказались в его заглавии: «История государства Российского». История государства — вот главный предмет этого труда. Государственное единство, по Карамзину, ключ ко всей Русской истории. <...> Ярко выставить эту сторону Русской истории — собирание Русской земли — было большою заслугой перед наукою, да и перед обществом, которое училось уважать свое прошлое, видеть в нем не историю варварского народа, а историю народа европейского. Карамзин часто указывает на аналогию с Европою: так поступает и при Иоанне III («основателе современной России»). Такие аналогии должны были убедительно действовать на людей, привыкших смотреть на Европу и там искать образцов и примеров. «Стало быть, и мы тоже имеем историю не наполненную только Аттилами и Чингисханами, как говорят о нас в Европе», — что многим могло прийти в голову, а Карамзина читали многие: нельзя, он был в моде. <...>

Ни один факт, имеющий отношение к нашей древней истории не остается у Карамзина без исследования: какая-нибудь сомнительная дата, генеалогия того или другого князя, банное строение, старинный русский счет, весы и монеты, и т. д., и т. д. Все чужие мнения тщательно им рассматриваются и проверяются. Исследования Карамзина обыкновенно чрезвычайно точны и могут опровергаться только столь же точными исследованиями или новыми памятниками.

Словом, на пространстве исторического времени до 1611 года немного найдется вопросов, которые бы он не предвидел и которые не были бы им решены, или же не было дано им указания, по крайней мере, намек на это решение. Кто сам работал, тот поймет, сколько трудов нужно было употребить, чтобы собрать такую массу сведений, и тому покажется странным только одно: как успел собрать все это Карамзин в 22 года, если еще припомним притом, что он уже старел и был часто болен и что, наконец, самое изложение требовало много времени; много также времени уходило и на размышления. Этой-то своей стороной история Карамзина особенно сильна и в наше время: можно утверждать, что он не так изобразил ту или другую эпоху, то или другое лицо, и быть правым; но отвергать в нем великого ученого, утверждать, что он был только литератор, нельзя. Сюда, в его примечания к тексту «Истории», должен хо-

дить учиться каждый занимающийся русской историей, и каждому будет чему тут поучиться. В Карамзине мы видели редкое соединение факторов, которые, по большей части, встречаются порознь: огромного таланта и изумительного трудолюбия. Это — ученый; но в нем есть еще и человек, а человека Карамзин ценил в себе более, чем историка. «Жить, — писал он к Тургеневу, — есть не писать Историю, не писать трагедии или комедии, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха — не исключая и моих осьми или девяти томов». Писатель и человек тесно сливались в Карамзине в одно гармоническое целое; никогда слово его не противоречило делу, и этот один из самых гениальных людей Русской земли был если не самый чистый, то один из самых чистых. Чем более узнаем мы его, тем сильнее и сильнее к нему привязываемся, тем сильнее развивается желание еще более познакомиться с ним. Я сказал вначале, что образы, им воссозданные, становились для нас светлыми маяками; но над ними горит его собственный образ, высокий образ благородного человека, честного гражданина и неутомимого труженика. В нашем молодом, не установившемся обществе эти качества всего дороже. Такой талант, какой был у Карамзина, — редкий дар природы, и Бог знает, когда мы дождемся другого Карамзина в области русской истории; но каждый должен работать — по мере сил, каждый должен стараться искать истину и честью служить ей. В этом да служит Карамзин образцом всем нам¹.

П. А. Вяземский в 1873 году, полемизируя с весьма распространенным в те годы нигилизмом в оценке «дворян-литераторов», писал: «В отношении к минувшему зрение наше все более и более тупеет. Карамзина и Дмитриева видят уже немногие и едва разглядывают самого Пушкина». И далее пророчески предсказывал: «Как многое мы отвергли из того, что перешло к нам от дедов, так и 20-й век, который уже не за горами, вероятно, отвергает многое, чем мы ныне так щеголяем и гордимся. Нынешние страстные нововведители будут в глазах внуков наших запоздалые старообрядцы. Как знать? Может быть, звуки наши, если помянут старину, то перескочат через наше поколение и возобновят прерванную связь с поколениями, которые нам предшествовали»².

Ныне Н. М. Карамзин вернулся к соотечественникам своим и помогает им осознать связь времен.

В процессе возрождения России, развернувшемся в исходе второго тысячелетия, народам ее предстоит заново воссоздать, «сотво-

¹ Бестужев-Рюмин К. Карамзин как историк. Речь, прочитанная на юбилейном заседании в С.-Петербургском университете. 2 дек. 1866 г. В кн.: Бестужев-Рюмин К. Летопись России. М., 1997.

² Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 372.

рять» и себя, свою цивилизацию, преодолеть атеизм и доктринерство, едва не загубившие Русь. Для этого и надобно нам взглянуть на былое и днесь Отечества глазами последнего летописца, который отбросив «метафизику», политические догмы, идеологизирование, взглянув на государство Российское как на естественно сложившийся народный организм, структуру национальной жизни, неподвластную волюнтаризму, произволу «конструкторов» преобразователей общественного бытия. В этом смысле он противопоставлял государство революциям, переворотам. Воссоздавая исторические реалии народной жизни он и сам слился с былым и как бы растворился в нем. Древние летописи, по Карамзину, — это не только источник, это образец эпического повествования и гражданского служения. Это позволило Карамзину свершить подвиг честного человека в поучение потомкам.

А. Ф. СМЕРНОВ

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО
Том первый

За покойного Государя и за самого себя, и за Россию, изъявляю Вам признательность, которую Вы заслуживаете своею жизнью как Гражданин, своими трудами как Писатель. Александр сказал Вам: Русский народ достоин знать свою Историю. История, Вами написанная, достойна Русского народа.

*Из рескрипта императора Николая I
историографу Карамзину 13 мая 1826 года*

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ*

Всемилоостивейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалюся ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории** — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге Героя, Димитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному Отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим, и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею*** — но мы спасены, прославлены; враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и Венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно Царском деле, даровав

златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом Природы и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, Монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных Царей, и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством. История народа принадлежит Царю.

Всемиловитейший Государь!

Вашего Императорского Величества
верноподданный *Николай Карамзин*.

Декабря 8, 1815

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов*: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Дееписанию**; омраченный густою сению невежества народ с жадностью внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отвергая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями,

нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный космополит есть существо матафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками*, и немые предметы красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами Естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? ** Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных, и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над седьмою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями

Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних*. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев**; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов достойный своего счастья и несчастья, странный лже-Димитрий, и за сонмом доблестных патриотов, бояр и граждан, наставник трона, первосвятитель Филарет с Державным сыном, светоносцем во тме наших государственных бедствий, и царь Алексей, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но история не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о деписаниях древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегава Дому. Не много разности, если забудем, что сии полу-

тигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостью на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой некролог римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов. — Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной картине и начать обстоятельное повествование с Иоаннова времени, или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем историю. Хвастливость авторского красноречия и нега читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями изготвили наше величие: а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых*, *целых* образов, представлял единственно *тени*, в *отрывках*: то не моя вина: я не мог дополнять летописи!

Есть *три* рода Истории: *первая* — современная, например,

Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшестви-ях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века^{*)}. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение дееписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная критика не мешает читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали — или справедливая критика заградит уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в летописях, в архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право не оцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здоровый вкус оставил неизменные правила и навсегда отлучил дееписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставил в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи; однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже критика; тем непозволительнее историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди,

^{*)} Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете, многое, чего нет в книгах.

но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавелево в историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, немцы Иоанном Мюллером, и справедливо^{*)}: оба суть достойные совместники древних, — не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апоффегмы*, уподобиться Тациту? не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснении дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апоффегмы бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль *дар*: читатель требует первого, и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием, и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда афинского грека, в Ливии всегда римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше*, оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке: так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаясь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях;

^{*)} Говорю единственно о тех, которые писали целую историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя историками; но усердно хваля Мюллера (историка Швейцарии), знатоки не хвалят его Вступления, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою: то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением*. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлёцер, сказал, что наша история имеет пять главных периодов**; что Россия от 862 года до Святотополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до Монголов *разделенною* (Divisa), от Батыея до

Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время великого князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *Древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *Среднюю* от Иоанна до Петра, и *Новую* от Петра до Александра. Система уделов была характером *первой* эпохи, единовластие *второй*, изменение гражданских обычаев *третьей*. Впрочем нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти томов*, могу по слабости желать хвалы и бояться оуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть, сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство, служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Сии источники суть:

I) *Летописи*. Нестор, инок монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* Российской Истории*, жил в XI веке*): одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал Византийские Хроники, записки церковные**), и сделался *первым* летописцем нашего отечества***). *Второй*, именем Василий**,

*) См. сей *Истории* Т. II, примеч. 213. В разных списках Нестора (*Пушкинском, Кенигсбергском*) находятся слова: «к нему жь (Феодосию) и аз приидох худый, и прият мя, лет ми сущу *семнатцати* от рожденья моего». Игумен Феодосий скончался в 1074 году: и так летописец наш родился около 1050 года.— В заглавии *Хлебниковского* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора: в других автор назван просто черноризцем Феодосиева монастыря Печерского. Житие Нестора в печатном Патерике есть новейшее сочинение: его нет в древнем рукописном (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 213).

**) См. сей *Истории* Т. II, примеч. 64 и 213. Вероятно, что по запискам церковным Нестор означал *дни* преставления некоторых древних князей.

***) Мы должны упомянуть о *мнимом древнейшем летописце* Иоакиме, первом Новгородском Епископе, приехавшим в Россию с царевною Анною, супругою Св. Владимира. Татищев рассказывает следующее: «Архимандрит Мельхиседек доставил ему, как любителю древностей, три тетради, полученные им от монаха Вениамина и выписанные из старой книги, с которую Вениамин сам ехал к Татищеву, но умер дорогою. В тетрадях написано, что Нестор худо знал происшествия новгородские, гораздо лучше известные Иоакиму; что Славен, внук Иафеефов, по сказанию сего епископа, основал город Славянск в России; что после господствовал там князь Вандал, коего родственниками были князья Гардорик и Гунигар, завоеватели многих стран; что сыновья Вандаловы назывались Избор,

жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнего и другие современные деяния юго-западной России*). Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили, например, один в Новгороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Воынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове**). К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопыт-

Столпосвят и Владимир, женатый на Адвинде; что от Владимира произошел Буриной, отец Гостомысла, который изгнал варягов из России и построил Выборг; что Рюрик ему внук, Ольга Прекраса также родственница; что Святослав мучил христиан; что Св. Владимир крестился не в Херсоне, а в Болгарии; что его сыновья, Борис и Глеб, родились от царицы Анны, не *греческой* (изъясняет Татищев), а *болгарской*, и проч. См. его Рос. Истории Т. I, с. 29—51.

Сию *шутку* многие приняли за истину и начали с важностию говорить о *летописце* Иоакиме. Но слова Татищева: *Вениамин Монах токмо для закрытия вымыслен* (с. 42), доказывают, что здесь дело идет о *вымыслах*. Басня о князе *Словене, Изборе* и проч., давно известна (см. нашей *Истории* Т. I, примеч. 70 и 91). Другие мнимые Иоакимовы сказания явно принадлежат той же категории. Слог их есть новый. Иоаким в X веке мог ли написать: *Святослав имел три сына, им же тако области раздели — Ярополк, известяся о сем, печален бысть — победиша не силою, ни храбростию, но предательством — мы же* (Иоаким в Новгороде) *ходихом по торжищем и улицам, и учахом; но гиблющим в нечестии слово Крестное явися безумием и обманом*, и проч. Всего решительнее следующее замечание: доказано ли, что Анна, супруга Владимира, была греческая царица, родная сестра императоров Василия и Константина? Без сомнения: не только Нестор, не только современные немецкие, арабские, но и византийские летописцы единогласно то утверждают. Как же Иоаким, приехавший с Анною в Россию, мог считать ее княжною болгарскою? Видим причину сего вымысла: не зная, что Кедрин и Зонара именуют Владимира зятем своих императоров; не зная ни Дитмара, ни Эль-Макина, Татищев сомневался в истине Несторова повествования и хотел исправить мнимую его ошибку, говоря: *сие ко изъяснению древности и Несторова темного сказания много служит, доколе полнейшая тех времен История сыскаться может* (см. Татищ. *Рос. Истории* Т. I, с. 51). Повторяю, что он не мыслил обманывать: это затейливая, хотя и неудачная догадка.

*) См. Т. II, примеч. 184.

**) См. Т. II, примеч. 228, Т. III, примеч. 24, 36, 153, год 1198, и Т. IV, примеч. 175. Подробный *Псковский Летописец*, донныне неизданный, начинается около 1303 года; а древнейшие в нем известия взяты из Нестора

но для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними. — Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государствения Алексея Михайловича^{*)}. Некоторые донны еще не изданы или напечатаны весьма неисправно^{**)}. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский* и *Троицкий*, XIV и XV века^{***)}. Достойны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кенигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*, *Львовский*, *Архивский*^{****)}. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные

и Новгородской летописи. У меня были четыре списка сей важной хроники: один Архивский Н. Н. Бантыша-Каменского, другой Архивский А. Ф. Малиновского, третий Синодальный, четвертый графа Ф. А. Толстого. Первый из библиотеки стольника Василья Никифоровича Собакина, коего отец в 1648 году был воеводою псковским; писан дьячком Андреем Козою, и доходит до 1650 года. Другие три гораздо старше сего времени, и заключают в себе некоторые особенные известия.

^{*)} Два перерыва заметнее иных: в княжение Василия Димитриевича и в царствование Иоанна IV Грозного: чему, как надобно думать, виною была смерть двух московских современных летописцев.

^{**)} Например, Нестор по Кенигсбергскому списку. Исправнее всех напечатана Новгородская летопись в Москве с харатейного Синодальского списка, а в Петербурге с бумажного старого в *Продолжении Древней Рос. Вивлиофики*. Второй список идет далее; в нем именуется себя *Поп Иван*, без сомнения не автор, а переписчик: ибо тут же в харатейном Синодальном и теми же словами говорит о себе *Пономарь Тимофей*. — *Особенные* сказания сей летописи начинаются со времен Ярослава Великого; предыдущее взято из Нестора. — Новгородские известия простираются в краткой летописи, отданной в Архив Иностр. Коллегии А. Ф. Малиновским, до самого 1570 года.

^{***)} Первый поднесен императору графом А. И. Мусиным-Пушкиным; второй найден мною в библиотеке Троицкой Лавры, отдан после *Обществу Истории и Древностей*, и сгорел в нашествие французов.

^{****)} В 1809 году, осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге: *Летопись Киевскую*, известную единственно Татищеву, и *Волынскую*, прежде никому неизвестную (см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 175). Через несколько месяцев достал я и другой список их: принадлежав некогда Ипатьевскому монастырю, он скрывался в библиотеке С. Петербургской Академии наук между дефектами. Хлебниковский список должен быть XV или XVI, Ипатьевский XIV века; оба начинаются Нестором. — Список *Кенигсбергский*, *завоеванный* россиянами в 1760 году, не старше XVI века. — *Ростовский*,

дополнительные известия о Тверском княжении; далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому*.

II) *Степенная книга*^{*)}, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III) Так называемые *Хронографы*, или Всеобщая История по Византийским летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века^{**}: тут уже

зарученный Св. Димитрием, содержит в себе любопытные прибавления, писан в XVII веке, идет до времени Петра Великого, и хранится в Архиве Иностр. Коллегии. — Так называемый *Воскресенский* (напечатанный) есть Софийский Новгородский список Нестора и продолжателей его; в нем не мало важных *древних* прибавлений: о старейшине Гостомысле, о варягах киевских, о характере первых князей (см. сей *Истории* Т. I, примеч. 71, 274 и Т. III, примеч. 276). — *Львовский*, изданный в С. Петербурге 1792 г. в V томах под именем *Летописца Русского*, замечателен некоторыми особенными известиями о государствовании Иоанна III. — *Архивским* (в библиотеке Архива Иностр. Коллегии) назвал я список XVII века, подобный *Никоновскому*, весьма исправный, от времен Василия Димитриевича до 1560 года. — Многие и ныне думают, что патриарх Никон составлял *Никоновскую* летопись: она только принадлежала ему, отдана им в библиотеку Воскресенского монастыря и надписана его рукою: вот для чего назвали ее сим именем. — Я говорю здесь о главных, лучших, по крайней мере известнейших списках: их находится, может быть, около тысячи в России, сверх многих сокращений, писанных обыкновенно в четверть листа. Екатерина Великая, страстно любя нашу историю, первая указала печатать летописи. Издержали немало денег, но не сделали нужнейшего: исправного ученого *свода* летописей. Какая нужда печатать одно в двадцати книгах? Не благоразумнее ли взять за основание лучший, древнейший список, и только означить важные отмены, прибавления других? В десяти больших томах мы поместили бы все летописи от XI до XVII века, со включением и Новгородской, Псковской, Киевской, Волынской. Имеем еще *Летописца Архангельского, Двинского, Нижегородского, Соловецкого, Устюжского, Вятского*; последние два еще не изданы; каждый из них содержит в себе материалы для историка.

^{*)} Татищев сказал несправедливо, что митрополиты Киприан и Макарий сочиняли ее: автор именно говорит (в печатн. с. 76), что Макарий велел ему описать житие Св. Владимира, и проч. Киприановых сочинений там два: житие Петра Митрополита и слово прощальное (см. с. 558). — Многие *новейшие* сокращения летописей также расположены по *степеням государей* до самого царя Алексея.

много подробных *современных* известий которых нет в летописях^{*)}.

IV) *Жития Святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях. Многие из сих Биографий сочинены в новейшие времена; некоторые однако ж, на пример Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XII веке^{**)}.

V) *Особенные дееписания*: например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о митрополите Филиппе, и проч.

VI) *Разряды*, или распределения воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII) *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке^{**}.

VIII) Письменные *Каталоги митрополитов и епископов*.— Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX) *Послания Святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного^{***)}.

X) *Древние монеты, медали, надписи****)*, *сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI) *Грамоты****. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года^{*****)}. Архивские новгородские грамоты и

*) Доне ныне еще не издано ни одного Хронографа; они разных сочинителей, и тем любопытнее.

***) Симоном и Поликарпом (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 171). Списки Прологов имеем XIV и XIII века. Минея писана в XVI, а исправлена в XVII. Митрополит Макарий собирал для нее жития российских святых, сокращенные после Св. Димитрием Ростовским. Макариева Минея хранится в Синодальной библиотеке.

****) Любопытны послания древних митрополитов, Иоанна и Никифора, епископа Нифонта, и многих святителей XIII, XIV и XV века, найденные мною в Патриаршей, или Синодальной библиотеке.

*****) К сожалению, на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена, зато в харатейных Евангелиях, Апостолах и других церковных книгах встречаются подписи исторические; например: «писано при таком-то князе, и в таких-то обстоятельствах государства».

*****) См. сей *Истории* Т. II, примеч. 256, и Т. IV, примеч. 206.

Душевные записи князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть

XII) Собрание так называемых *Статейных списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной Коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают читателю право требовать уже большей удовлетворительности от историка.— К сей нашей собственности присовокупляются

XIII) *Иностранные современные летописи*: византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские, вместе с известиями путешественников.

XIV) *Государственные бумаги иностранных архивов*: всего более пользовался я выписками из Кенигсбергского*).

Вот материалы истории и предмет исторической критики!

*) См. сей *Истории* Т. III, примеч. 112, и Т. IV, примеч. 268 и 276.

О НАРОДАХ,
ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ.
О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

Древние сведения греков о России. Путешествие аргонавтов. Тавры и киммеряне. Гипербореи. Поселенцы греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полнощных. Описание Скифии. Реки, известные грекам. Нравы скифов: их падение. Митридат, геты, сарматы, алане, готфы, веныды, гунны, анты, угры и болгары. Славяне: их подвиги. Авары, турки, огоры. Расселение славян. Падение аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов славянских.

Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Руссиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествовании греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский* в Черное море, если верить славному путешествию аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оногo, веков за XII до Рождества Христова¹. В сем любопытном стихотворении, основанном, по крайней мере, на древнем предании**, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Меотисское или Азовское море, Воспор, народ каспийский, тавры и киммеряне, обитатели южной России. Певец Одиссеи также именует последних***. «Есть народ киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь»². Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; но басня о *мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков, и *Черное море*, как вероятно, получило оттого свое название³. Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совер-

шенно добродетельных, живущих далее на север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими*, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росой, блаженствуют несколько веков и, насытившись жизнью, бросаются в волны морские⁴.

Наконец, сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям. Веков за пять или более до Рождества Христова греки завели селения на берегах черноморских. Ольвия, в 40 верстах от устья днепровского**, построена выходцами милетскими еще в славные времена Мидийской империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима; в благословенный век Траянов образованные граждане ее любили читать Платона и, зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого царства Воспорского, основанного азиатскими греками в окрестностях Киммерийского пролива***. Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему царству; но Херсон Таврический (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых⁵. Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единоземцами, сообщили им верные географические сведения о России южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождества Христова, предал нам оные в своем любопытном творении****.

Киммериане, древнейшие обитатели нынешних губерний Херсонской и Екатеринославской — вероятно, единоплеменные с германскими цимбрами⁶, — за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества скифами или скелотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но, вытесненные оттуда массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть южной Азии и, наконец, утвердились между Истром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный царь персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло все его многочисленное войско⁷. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно киргизам или калмыкам; более всего любили свободу; не знали никаких искусств, кроме одного: «езде настигать неприятелей и везде от них скрываться»⁸; однако ж терпели греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые нача-

ла гражданского образования, и царь скифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный разными изображениями сфинксов и грифов.— Каллипиды, смесь диких скифов и греков, жили близ Ольвии к западу; алазоны в окрестностях Гипаниса, или Буга; так называемые *скифы-земледельцы* далее к северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже сеяли хлеб и торговали им. На левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между *скифами-земледельцами* и кочующими было их царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов. Главная орда, или *Царственная*, кочевала на восток до самого Азовского моря, Дона и Крыма, где жили тавры, может быть, единоплеменники древних киммерян: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице* τῆ Παρθένω, и мыс Севастопольский, где существовал храм ее, долго назывался Παρθένιον⁹. Геродот пишет еще о многих других народах не скифского племени: агафирсах в Седмиградской области, или Трансильвании, неврах в Польше, андрофагах и меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях, или в 800 верстах, от Черного моря к северу, в ближайшем соседстве с андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались так от черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на несколько месяцев в волков»: то есть зимою покрывались волчьими кожами.— За Доном, на степях Астраханских, обитали сарматы, или савроматы; далее, среди густых лесов, будины, гелоны (народ греческого происхождения, имевший деревянную крепость),— ирки¹⁰, фиссагеты (славные звероловством), а на восток от них скифские беглецы *Орды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменные горы (Уральские) и страна агриппеев, людей *плосконосых* (вероятно, калмыков). Доселе ходили обыкновенно торговые караваны из городов черноморских: следственно, места были известны, также и народы, которые говорили семью разными языками. О дальнейших *полунощных* землях носился единственно темный слух. Агриппеи уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи хладных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы.— На восток от агриппеев (в Ве-

ликой Татарию) жили исседоны, которые сказывали, что недалеко от них *грифы стрегут золото*¹¹: сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истинною и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных ордах, кочевавших на восток от моря Каспийского, Геродот пишет о главном народе нынешних киргизских степей, сильных массагетах, победивших Кира¹², и сказывает, что они, сходствуя одеждою и нравами с племенами скифскими, украшали *золотом* шлемы, поясы, конские приборы и, не зная железа, ни серебра, делали палицы и копья из меди.

Что касается собственно до Скифии Российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною; только между Тавридою и днепровским устьем находились леса. Он за чудо сказывает своим единоземцам, что зима продолжается там 8 месяцев, и воздух в сие время, по словам скифов, бывает наполнен летающими перьями, то есть снегом; что море Азовское замерзает, жители ездят на санях чрез неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на воде, густеющей от холода; что гром гремит и молния блистает у них единственно летом.— Кроме Днепра, Буга и Дона, вытекающего из озера¹³, сей историк именует еще реку Днестр (Τύρηξ, при устье коего жили греки, называемые Тиритами), Прут (Ποράτα), Серет (Ορδησσός), и говорят, что Скифия вообще может славиться большими судоходными реками; что Днепр, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступает в величине одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, приятна для вкуса и здорова; что источник сей реки скрывается в отдалении и неизвестен скифам. Таким образом, север восточной Европы, огражденный пустынями и свирепостию варваров, которые на них скитались, оставался еще землею таинственною для истории. Хотя скифы¹⁴ занимали единственно южные страны нашего отечества; хотя андрофаги, меланхлены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени: но греки назвали всю нынешнюю азиатскую и европейскую Россию, или все полунощные земли, Скифиею, так же как они без разбора именовали полуденную часть мира Эфиопиею, западную Кельтикою, восточную Индию,

ссылаясь на историка Эфора, жившего за 350 лет до Рождества Христова¹⁴.

Несмотря на долговременное сообщение с образованными греками, скифы еще гордились дикими нравами своих предков, и славный единокореец их, философ Анахарсис, ученик Солонов, напрасно хотел дать им законы афинские, был жертвою сего несчастного опыта¹⁵. В надежде на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитых неприятелей, выделанную кожу их употребляли вместо одежды, а черепы вместо сосудов, и в образе меча поклонялись богу войны, как главе других мнимых богов.

Могущество скифов начало ослабевать со времен Филиппа Македонского, который, по словам одного древнего историка¹⁶, одержал над ними решительную победу не превосходством мужества, а хитростию воинскою, и не нашел в стане у врагов своих ни серебра, ни золота, но только жен, детей и старцев. Митридат Эвпатор, господствуя на южных берегах Черного моря и завладев Воспорским царством, утеснил и скифов¹⁷: последние их силы были истощены в жестоких его войнах с Римом, коего орлы приближались тогда к нынешним кавказским странам России. Геты, народ фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время царя своего, Бербиста Храброго, за несколько лет до Рождества Христова отнял у скифов всю землю между Истром и Борисфеном, т. е. Дунаем и Днепром¹⁸. Наконец сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так что *особенное бытие* скифов исчезло для истории; осталось только их славное имя, коим несведующие греки и римляне долго еще называли все народы мало известные и живущие в странах отдаленных¹⁹.

Сарматы (или савроматы Геродотовы) делаются знамениты в начале христианского летосчисления, когда римляне, заняв Фракию и страны Дунайские своими легионами, приобрели для себя несчастное соседство варваров. С того времени историки римские беспрестанно говорят о сем народе, который господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из двух главных племен, роксолан и язигов²⁰; но географы, весьма некстати назвав Сарматиею всю обширную страну Азии и Европы, от Черного моря и Кас-

пийского с одной стороны до Германии, а с другой — до самой глубины севера, обратили имя сарматов (подобно как прежде скифское) в общее для всех народов полуночных. Роксолане утвердились в окрестностях Азовского и Черного моря, а язиги скоро перешли в Дакию, на берега Тисы и Дуная²¹. Дерзнув первые тревожить римские владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась, наконец, гибелью последнего. Роксолане одержали верх над когортами римскими в Дакии; язиги опустошали Мизию. Еще военное искусство, следствие непрестанных побед в течение осьми веков, обуздывало варваров и часто наказывало их дерзость; но Рим, изнеженный роскошью, вместе с гражданской свободой утратив и гордость великодушную, не стыдился золотом покупать дружбу сарматов. Тацит именует язигов союзниками своего народа, и сенат, решив прежде судьбу великих государей и мира, с уважением встречал послов народа кочующего²². — Хотя война Маркоманнская, в коей сарматы присоединились к германцам, имела несчастные для них следствия; хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однако ж, кочуя в южной России и на берегах Тибиска, или Тисы, долго еще беспокоили набегами римские владения.

Почти в одно время с язигами и роксоланами узнаем мы и других — вероятно, единоплеменных с ними — обитателей юго-восточной России, алан, которые, по известию Аммиана Марцеллина, были древние массагеты и жили тогда между Каспийским и Черным морем²³. Они, равно как и все азиатские дикие народы, не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Мидию, а в Европе берега Азовского и Черного моря; отважно искали смерти в битвах и славились отменной храбростию. К сему народу многочисленному принадлежали, вероятно, аорсы и сираки, о коих в первом веке христианского летосчисления упоминают разные историки и кои, обитая между Кавказом и Доном, были и врагами и союзниками римлян²⁴. Алане, вытеснив сарматов из юго-восточной России, отчасти заняли и Тавриду.

В третьем веке приблизились от Балтийского к Черному морю готфы и другие народы германские, овладели Дакиєю, римскою провинциєю со времен Траяновых, и сдела-

лись самыми опасными врагами империи²⁵ *. Переплыв на судах в Азию, готфы обратили в пепел многие города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Мореи. Они хотели, взяв Афины, истребить огнем все книги греческие, там найденные; но приняли совет одного умного единоплеменца, который сказал им: «Оставьте грекам книги, чтобы они, читая их, забывали военное искусство и тем легче были побеждаемы нами»²⁶. Ужасные свирепостию и мужеством, готфы основали сильную империю, которая разделялась на Восточную и Западную, и в IV столетии, при царе их Эрманарихе, заключала в себе немалую часть России европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Бальтийского.

Готфский историк VI века, Иорнанд, пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Бальтийских²⁷, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо *венеды*, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники *славян*, предков народа российского**. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан²⁸ и где живут венеды. Вероятно, что финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших о ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии, богатых янтарем, и там покупали его у венедов²⁹. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, венеды жили близ Вислы и граничили к югу с Дакиею³⁰. Птолемей, астроном и географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Бальтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским*³¹. Следственно, ежели славяне и венеды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юге от моря Бальтийского. Из Азии ли они пришли туда и в какое время, не знаем³². Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо, согласно с преданиями священными, и все языки европейские, несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними азиатскими³³; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действитель-*

но историческими свидетельствами и считаем венедов европейцами, когда история находит их в Европе. Сверх того они самыми обыкновенными и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах*³⁴ и только на конях сражались: Тацитовы же венеды имели дома, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают — около 377 года — на алан, готфов, владения римские, истребляя все огнем и мечом³⁵. Современные историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия гуннов. Ужас был их предтечею, и столетний Герой Эрманарих не дерзнул даже вступить с ними в сражение, но произвольною смертью спешил избавиться от рабства. Восточные готфы должны были покориться, а западные искали убежища во Фракии, где римляне, к несчастью своему, дозволили им поселиться: ибо готфы, соединясь с другими мужественными германцами, скоро овладели большею частию империи.

История сего времени упоминает об *антах*, которые, по известию Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому³⁶ *. Винитар, наследник Эрманариха, царя готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря (следственно, в России), и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семидесятью знатнейшими боярами³⁷. Царь гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов. — Нет сомнения, что анты и венеды признавали над собою власть гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до островов Бальтийского моря³⁸. Истребив бесчисленное множество людей, разрушив города и крепости дунайские, предав огню селения, окружив себя пустынями обширными, Аттила царствовал в Дакии под наметом шатра, брал дань с Константинополя, но славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем *бича Небесного*. — С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и

владычество гуннов. Народы, поработанные Аттилою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные немцами-гепидами из Паннонии, или Венгрии, гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их называлась Гуннваром³⁹; другие рассеялись по Дунайским областям империи — и скоро изгладились следы ужасного бытия гуннов. Таким образом сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и, как грозное привидение, исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные готфы большею частию удалились в Паннонию; о роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с гуннами или, под общим названием сарматов, вместе с язигами были расселены императором Маркианом в Иллирике и в других римских провинциях, где, составив один народ с готфами, утратили имя свое⁴⁰: ибо в конце V века история уже молчит о сарматах. Множество алан, соединясь с немецкими вандалами и свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португалию. — Но скоро угры и болгары, по сказанию греков единоплеменные с гуннами* и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где еще обитали некоторые готфы, принявшие Веру христианскую) и с 474 году начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия константинопольские⁴¹.

С другой стороны выходят на феатр истории *славяне*, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от *славы*⁴² **, — и народ, коего бытие мы едва знали, с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске; вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях империи, возбудили в соотечественниках желание приблизиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела; ее народы воинственные удалились к югу и западу искать счастья. На берегах черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные орды, которые сопутствовали гун-

нам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили немцы-лонгобарды и гепиды; от Днестра к морю Каспийскому угры и болгары: за ними, к северу от Понта Эвксинского и Дуная⁴³, явились анты и славяне; другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саксонию, а некоторые остались на берегах моря Балтийского. Тогда начинают говорить об них историки византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы славян, отличные от характера немецких и сарматских племен⁴⁴: доказательство, что сей народ был прежде мало известен грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства⁴⁵.

Уже в конце пятого века летописи византийские упоминают о славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли немцев-герулов, разбитых лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому⁴⁶; но только со времен Юстиниановых, с 527 году, утвердись в северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с угорскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарами. Ни сарматы, ни готфы, ни самые гунны не были для империи ужаснее славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес — все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою⁴⁷; только Хильвуд, смелый вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на Греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так что южные берега дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева⁴⁸ *, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, совет верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, поседевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя.

Они спокойно жительствова­ли в империи, как бы в соб­ственной земле своей, увер­енные в безопасной пере­праве через Дунай: ибо ге­пиды, владевшие большою частью северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности⁴⁹. Между тем Юстиниан с гор­достью величал себя *Антич­ским*, или *Славянским**, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его ору­жия против наших диких пред­ков, которые беспрестанно опустошали империю или, за­ключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так, во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных славян, и римский полководец Туллиан вверил антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили готфского короля Тотилу.

Уже лет 30 славяне свирепствовали в Европе, когда новый азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. Весь известный мир был тогда феатром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуществом в степях Татарии; но в шестом веке, побежденные турками, ушли из земли своей⁵⁰. Сии турки, по свидетельству историков китайских, были остатками гуннов**, древних полунощных соседей Китайской империи; в течение времени соединились с дру­гими ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в византийских летописях Дизавулом⁵¹, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Алтайских в шатре, украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатом троне, принимал византийских послов и дары от Юстиниана; заключал с ним союзы и счастливо воевал с персами. Известно, что россияне, овладев в новейшие времена полу­денною частью Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных⁵²: вероятно, что они принадлежали сим альтайским туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персиею и греками.

Вместе с другими ордами зависели от Дизавула кир­гизы и гунны-огоры⁵³. Быв прежде данниками аваров и тогда угнетаемые турками, огоры перешли на западные берега Волги, назвались славным именем аваров***, некогда могущественных, и предложили союз императору византийско­му. Народ греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их послов: одежда сих людей напоминала ему страшных

гуннов Аттилы, от коих мнимые авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшенные лентами. Главный посол сказал Юстиниану, что авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалованья и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил посла, знаменитого князя Мезамира⁵⁴; ограбил землю, пленил жителей; скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали чехи и другие славяне; победил Сигеберта, короля франков, и возвратился на Дунай, где лонгобарды вели кровопролитную войну с гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу гепидов, овладел большею частию Дакии, а скоро и Паннонию, или Венгрию, которую лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале седьмого века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала⁵⁵ — тревожа набегами Китай и Персию, — около 580 года распространили было свои завоевания до самой Тавриды — взяли Воспор, осаждали Херсон; но скоро исчезли в Европе, оставив земли Черноморские в подданстве аваров.

Уже анты, богемские чехи, моравы служили хану; но собственно так называемые дунайские славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения имперские до самой Эллады, или Греции⁵⁶. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить славян и склонил хана отмстить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия и хотел даже быть римским патрицием: он исполнил желание императора тем охотнее, что давно уже ненавидел славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают византийские историки следующим образом. Смирив антов, хан требовал от славян подданства; но Лавритас и другие вожди их ответствовали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол ханский раздражил их своими надменными речами и

заплатил за то жизнь. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестьюдесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить *селения*, жечь поля, истреблять жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения.— С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дакиєю. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана; должныствовали первые гибнуть в битвах, и когда хан, нарушив мир с Грециєю, в 626 году осадил Константинополь, славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу империи, если бы измена не открыла их тайного намерения грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно; немногие спаслись и в знак благодарности были казнены ханом⁵⁷.

Между тем не все народы славянские повиновались сему хану: обитавшие за Вислою и далее к северу спаслись от рабства. Так, в исходе шестого века на берегах моря Бальтийского жили мирные и счастливые славяне, коих он напрасно хотел вооружить против греков и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный византийскими историками⁵⁸, достоин любопытства и примечания. «Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших, вместо оружия, кифары, или гусли. Император спросил, кто они? Мы славяне, ответствовали чужеземцы, и живем на отдаленнейшем конце Западного океана (моря Бальтийского). Хан аварский, прислав дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к хану с извинением, что не могут за великою отдаленностию дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, невзирая на святость посольского звания, не отпускал нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в стране нашей: не знаем войны, и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную.— Император дивился тихому нраву сих людей, великому росту и крепости их: угостил послов и доставил им способ возвратиться в отечество». Такое миролюбивое свойство бальтийских славян,

во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастья, которого мы привыкли искать единственно в воображении. Согласие византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами севера, где славяне могли наслаждаться тишиною, когда германские народы удалились к югу и когда разрушилось владычество гуннов.

Наконец *богемские* славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смелым вождем их: благодарные и вольные славяне избрали его в цари⁵⁹. Он сражался с Дагобертом, королем франков, и разбил его многочисленное войско.

Скоро владения славян умножились новыми приобретениями: еще в шестом веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии; другие в начале седьмого столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Иллирию, изгнали оттуда аваров и основали новые области, под именем Кроации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации⁶⁰ *. Императоры охотно позволяли им селиться в греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею их защитою от нападения других варваров, — и в седьмом веке находим славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники и в Мизии, или в нынешней Болгарии**. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество наук и славы. — Многие из них поселились в Вифинии, Фригии, Дардании, Сирии⁶¹.

Но между тем, когда чехи и другие славяне пользовались уже совершенною вольностию отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, дунайские находились еще, кажется, под игом аваров, хотя могущество сего достопамятного азиатского народа ослабело в VII веке. Куврат, князь болгарский, данник хана, в 635 году свергнул с себя иго аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов⁶², они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с баварцами и славянами в Каринтии, в Богемии; наконец утратили в летописях имя свое. Куврат, союзник и друг римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря; но сыновья его, в

противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; второй сын, Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию, или Венгрию, к аварам, пятый в Италию⁶³; а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году, завоевал и всю Мизию, где жили многие славяне, основал там сильное государство Болгарское.

Представив читателю расселение народов славянских от моря Бальтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи и Азии*, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечений сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием⁶⁴. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный.

Теперь обратимся к истории государства Российского, основанной на преданиях нашего собственного, древнейшего летописца.

О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Происхождение славян российских. Поляне. Радимичи и вятичи. Древляне. Дулебы и бужане. Лутичи и тивирцы. Хорваты, северяне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новгородские. Киев. Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские, или чудские, народы в России. Латышские народы. Междоусобия славян российских. Господство и гибель обрвов. Козары. Варяги. Русь.

Нестор пишет, что славяне *издревле обитали* в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии болгарами, а из Паннонии волохами (доныне живущими в Венгрии)*, перешли в Россию, в Польшу и другие земли⁶⁵. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из византийских летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей — проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах киевских, еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы — доходил до Ильменя** и нашел там славян⁶⁶: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели болгары утвердились в Мизии⁶⁷. Но вероятно, что славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам; вероятно и то, что волохи, потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю готфам, гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя наконец слабость аваров, овладели Трансильваниею и частию Венгрии, где славяне должныствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, славяне в то же время обитали и внутри России; может быть, андрофаги, меланхлены, невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным⁶⁸. Самые древние жители Дакии, геты, покоренные Траяном,

могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в русских сказках XII столетия упоминается о счастливых войнах Траяновых в Дакии, и что славяне российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем гетов⁶⁹. Но историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда славяне пришли в Россию?», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше государство.

Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались *полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем ляхов, основателей государства Польского. От сего же племени славян были два брата, Радим и Вятко, главами радимичей и вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской губернии; дулебы и бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; лутичи и тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; белые хорваты в окрестностях гор Карпатских; северяне, соседы полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской губернии; в Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Западною, дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород⁷⁰.

К тому же времени летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между полянами на трех горах, из коих две слынут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз*. Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах днепровских, построили город и назвали оный име-

нем старшего брата, т. е. *Киевым*. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем*: ходил, как сказывают, в Константинополь и приял великую честь от царя греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители дунайские не дали ему там утвердиться и доньше именуют сие место *городищем Киевцом*. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях*? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего произошедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы — ныне Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в греческих и северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые истории и биографии⁷¹. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, поляне днепровские, лутичи и тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах славян дунайских, столь ужасных для империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны кривичами и были уже в девятом веке, а последние в самом начале десятого; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области северян⁷².

Кроме народов славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; *мурома* на Оке,

где сия река впадает в Волгу; *черемиса*, *мещера*, *мордва* на юго-восток от мери; *ливь* в Ливонии; *чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *нарова* там, где Нарва; *ямь*, или *емь*, в Финляндии; *весь* на Белоозере; *пермь* в губернии сего имени; *югра*, или нынешние березовские остяки, на Оби и Сосве; *печора* на реке Печоре⁷³. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собою сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и лапландцев, зырян, остяков обских, чуваш, вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *финскими*⁷⁴. Уже Тацит, в первом столетии, говорит о соседственных с венедами финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие шведские историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими — даже самая Дания, по мнению Гроция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии готфам, а в России, может быть, славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности: «не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия; питаюсь травами, одеваюсь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями»⁷⁵. В Тацитовом описании древних финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый историк), они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!»

Но финны российские, по сказанию нашего летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их римский историк: имели не только постоянные жилища, но и города: весь — Белоозеро⁷⁶, меря — Ростов, мурома — Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены. — Древ-

няя история скандинавов (датчан, норвежцев, шведов) часто говорит о двух особенных странах финских, вольных и независимых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на восток с Биармиею, а на северо-запад — с Квенландиею, или Каяниєю⁷⁷ *. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. *Биармиею* называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губернии. *Исландские повести* наполнены сказаниями о сей великой финской области⁷⁸ **; но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое, действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, doplывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ Биармский многочислен и говорит почти одним языком с финнами⁷⁹.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именуется еще летголу (ливонских латышей), зимголу (в Семигалии), корсь (в Курляндии) и литву, которые не принадлежат к финнам, но вместе с древними пруссами составляют народ латышский⁸⁰ ***. В языке его находится множество славянских, довольно готфских и финских слов: из чего основательно заключают историки, что латыши происходят от сих народов. С великою вероятностью можно определить даже и начало бытия их. Когда готфы удалились к пределам империи, тогда венецы и финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. с готфами; начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались латышами, или *обитателями земель расчищенных*; ибо *лата* знаменует на языке литовском *расчищение*. Их, кажется, называет Иорнанд видвариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов⁸¹: с чем согласно и древнее предание латышей, уверяющих, что их первый го-

сударь, именем Видвут, царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию и Летландию, где он и донныне находится и где, до самого введения христианской Веры, управлял им северный далай-лама, главный судия священник Криве, живший в прусском местечке Ромове⁸².

Многие из сих финских и латышских народов, по словам Нестора, были данниками россиян: должно разуметь, что летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных славян на тихих полян киевских, которые более наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти⁸³. Люди грубые, полудикие, не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало славян российских в жертву внешним неприятелям. Обры, или авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею на земле Русской⁸⁴. — Скоро явились другие завоеватели: на юге — козары, варяги — на севере.

Козары, или хазары, единоплеменные с турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в географиях восточных⁸⁵. Еще с третьего столетия они известны по арменским летописям: Европа же узнала их в четвертом веке вместе с гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях астраханских. Аттила властвовал над ними: болгары также, в исходе V века; но козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, царь персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и донныне еще удивительною* в своих развалинах⁸⁶. В VII веке они являются в истории византийской с великим блеском и могуществом,

дают многочисленное войско в помощь императору (который из благодарности надел диадиму царскую на их кагана, или хакана⁸⁷, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на угров, болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков *Козариею*⁸⁸ *. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою козарскою и стражу свою составили из сих храбрых азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии**; вели кровопролитные войны с аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых калифов.

Рассеянные племена славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители киевские, северяне, радимичи и вятичи признали над собою власть каганову. «Киевляне, — пишет Нестор, — дали своим завоевателям по *мечу с дыма****, и мудрые старцы козарские в горестном предчувствии сказали: *Мы будем данниками сих людей, ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие*». Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия российского, в X или XI веке! По крайней мере завоеватели *не удовлетворялись мечами*, но обложили славян иною данью и брали, как говорит сам летописец, по белке с дома⁸⁹: налог весьма естественный в землях северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями природы, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало славян: по крайней мере летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости обров, не говорит ничего подобного о козарах.

Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре, или Ателе* (богатой и многолюдной столице, основанной близ волжского устья Хозроем, царем персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие азиатские варвары любили только разрушать города: но козары требовали искусных зодчих от греческого императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле козаков, крепость Саркел** для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Каганово городище* близ Харькова и другие, называемые *козарскими*, близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли Веру иудейскую, а в 858 [году] христианскую⁹⁰... Ужасая монархов персидских, самых грозных калифов и покровительствуя императоров греческих, козары не могли предвидеть, что славяне, поработанные ими без всякого кровопролития, испровергнут их сильную державу.

Но могущество наших предков на юге должно было быть следствием подданства их на севере. Козары не властвовали в России далее Оки: новгородцы, кривичи были свободны до 859 года. Тогда — заметим сие *первое хронологическое* показание в Несторе — какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях варягами, пришли из-за Бальтийского моря и наложили дань на чудь, славян ильменских, кривичей, мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев варяжских, от *племени русского*, которые сделались первыми властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться *Русью*⁹¹ ***. — Сие происшествие важное, служащее основанием истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор варягами? Мы знаем, что Бальтийское море издревле называлось в России *Варяжским*⁹²: кто же в сие время — то есть в девятом веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с готфами. Они, под общим именем норманов, или *северных людей*, громили тогда Европу⁹³. Еще Тацит упоминает о мореходстве свеонов, или шведов; еще в шестом веке датчане приплывали к берегам Галлии⁹⁴:

в конце осьмого слава их уже везде гремела, и флаги скандинавские, развеваясь пред глазами Карла Великого, смиряли гордость сего монарха, который с досадою видел, что норманы презирают власть и силу его. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые доныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец, основали Королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Норд-Капа, или Северного мыса: нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями⁹⁵. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли норманы оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя, конечно, верить датскому историку Саксону Грамматику, именующему государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с королями скандинавскими⁹⁶: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубокой древности и заменял оные вымыслами своего воображения; нельзя также верить и баснословным *Исландским повестям*, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, Гольмгардом и Грециею: но рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется *Girkia, Grikiia*, или Россия), что норманы давно имели с нею сообщение⁹⁷. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, варяги овладели странами чуди, славян, кривичей и мери, не было на севере другого народа, кроме скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилища мери): то мы уже с великою вероятностию заключить можем, что летописец наш разумеет их под именем варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

I. Имена трех князей варяжских — Рюрика, Синеуса, Трувора* — призванных славянами и чудью, суть неоспоримо норманские: так, в летописях франкских около 850 го-

да — что достойно замечания — упоминается о трех *Рориках*: один назван вождем датчан, другой королем (Rex) норманским, третий просто норманом⁹⁸; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стурлезоне и в *Исландских повестях*, между именами князей и витязей скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувра, Снио, Синия*.— II. Русские славяне, будучи под владением князей варяжских, назывались в Европе *норманами**, что утверждено свидетельством Лиутпранда, Кремонского епископа, бывшего в десятом веке два раза послом в Константинополе. «Руссов, говорит он, именуем и норманами»⁹⁹.— III. Цари греческие имели в первом-надесятии веке особенных телохранителей, которые назывались *варягами, Варауоц*, а по-своему *Wäringar*, и состояли большею частию из норманов¹⁰⁰. Слово *Vaere, Vaga*, есть древнее готфское и значит *союз*: толпы скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастья, могли именовать себя варягами в смысле *союзников* или товарищей¹⁰¹. Сие нарицательное имя обратилось в собственное.— IV. Константин Багрянородный, царствовавший в десятом веке, описывая соседственные с империею земли, говорит о порогах Днепровских и сообщает имена их на *славянском и русском языке*. Русские имена кажутся скандинавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе¹⁰².— V. Законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны с норманскими. Слова *тиун, вира* и прочие, которые находятся в *Русской Правде***, суть древние скандинавские или немецкие (о чем будем говорить в своем месте).— VI. Сам Нестор повествует, что варяги живут на море Балтийском к западу¹⁰³, и что они разных народов: урмяне, свие, англяне, готы. Первое имя в особенности означает норвежцев, второе шведов, а под готами Нестор понимает жителей шведской Готии. Англяне же причислены им к варягам для того, что они вместе с норманами составляли варяжскую дружину в Константинополе¹⁰⁴. Итак, сказание нашего собственного летописца подтверждает истину, что варяги были скандинавы¹⁰⁵.

Но сие общее имя датчан, норвежцев, шведов не удовлетворяет любопытству историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *русью*, дал отечеству нашему и первых государей и само имя, уже в конце девятого века страшное для империи Греческой? Напрасно в древ-

них летописях скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над славянами¹⁰⁶; однако ж историки находят основательные причины думать, что Несторовы варяги-русь* обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen*¹⁰⁷. Жители ее могли в VII, VIII и IX веке быть известны, в землях соседственных, под особенным названием, так же как и готландцы, коих Нестор всегда отличает от шведов¹⁰⁸. Финны, имея некогда с *Рос-лагеном* более сношения, нежели с прочими странами Швеции, донныне именуют *всех* ее жителей *россами*, *ротсами*, *руотсами*¹⁰⁹. — Сие мнение основывается на любопытном свидетельстве историческом.

В Бертинских летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие¹¹⁰: «Греческий император Феофил прислал послов к императору франков, Людовику *Благонравному*, и с ними людей, которые называли себя *россами* (*Rhos*), а короля своего хаканом (или гаканом), и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с империею. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отечество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *шведскому*». — Гакан был, конечно, одним из владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и, сведав о славе императора греческого, вздумал отправить к нему послов.

Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В *Степенной Книге* XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел *из Пруссии*, где издавна назывались Курский залив *Русною*, северный рукав Немена, или Мемеля, *Руссою*, окрестности же их *Порусьем*. Варяги-русь могли переселиться туда из Скандинавий, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известием древнейших летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, ульмиганы или ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между латышами, они могли разуместь язык славянский и тем удобнее примениться к обычаям славян новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древ-

нем Новгороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство Географа равеннского*: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *роксолан*¹¹¹: думают, наших россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы. — Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ *шведский* в 839 году, следственно, еще до пришествия князей варяжских в землю Новгородскую и Чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *россами*¹¹².

Предложив ответ на вопросы: *кто были варяги* вообще и *варяги-русь* в особенности¹¹³? — скажем мнение свое о Несторовой хронологии. Не скоро варяги могли овладеть всею обширную страну от Бальтийского моря до Ростова, где обитал народ меря; не скоро могли в ней утвердиться так, чтобы обложить всех жителей данию; не вдруг могли чужд и славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, *немедленно* захотели снова отдаться во власть чужеземцев: но летописец объявляет, что варяги пришли от Бальтийского моря в 859 году и что в 862 [году] варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полуношной¹¹⁴!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли славянам опасность и вред народного правления; но не зная иного в течение многих столетий, ужели в *несколько месяцев* они возненавидели его и единодушно уверились в пользе Самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и нравам; надлежало бы иметь опытность долговременную в несчастиях: но обычаи и нравы не могли перемениться в два года варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцов своих¹¹⁵. Что вооружило их против норманских завоевателей? Любовь к независимости — и вдруг сей народ требует уже властителей?.. Историк должен по крайней мере изъявить сомнение и признать вероятную мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что норманы ранее 859 года брали дань с чуди и славян¹¹⁶. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв¹¹⁷: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей *древней* истории и счисляет годы со времен императора Михаила, как сам говорит, для того, что греческие летописцы относят первое нашествие россиян на

Константинополь к Михайлову царствованию¹¹⁸. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего летописца в рассуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летоисчисление делается сомнительным. При дворе великих князей, в их дружине отборной и в самом народе должно вала храниться память варяжского завоевания и первых государей России; но вероятно ли, чтобы старцы и бояре княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную хронологию¹¹⁹: одно ее соображение с хронологиею византийскою, принятою ими вместе с христианством, не могло ли ввести нашего первого летописца в ошибку? — Впрочем, мы не можем заменить летоисчисление Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть¹²⁰, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем историю государства Российского с 862 года.

Но прежде всего должно иметь понятие о *древнем* характере народа славянского *вообще*, чтобы история славян российских была для нас и яснее и любопытнее. Воспользуемся известиями современных византийских и других, не менее достоверных летописцев, прибавив к ним сказания Несторовы о нравах предков наших в *особенности*.

О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы славян российских в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота.

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и в способностях ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их общему происхождению от единого корня или племени. Другие, конечно, справедливее и сообразнее с нашими священными преданиями, изъясняют сие несходство действием разных климатов и естественных, невольных привычек, которые от одного рождаются в людях. Если два народа, обитающие под влиянием одного неба, представляют нам великое различие в своей наружности и в физических свойствах, то можем смело заключить, что они не всегда жили сопредельно. Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствуя долголетию, как замечают медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, — слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется. Таковы были древние славяне по описанию современных историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самую грубою пищею; удивляли греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота

и в глубокие реки. Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту¹²¹, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным европейцам.— Сие изображение славян и антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке¹²².

Известие Иорнанда о венедах, без великого труда покоренных в IV веке готфским царем Эрманарихом, показывает, что они еще славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных славян балтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым¹²³; но славяне дунайские, оставив свое древнее отечество на севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностью торжествует над искусством долголетным. Несколько времени славяне убегали сражений в открытых полях и боялись крепостей¹²⁴; но узнав, как ряды легионов римских могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем полководце славян: они имели вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность славян была столь известна, что хан аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрашимые, видя иногда измену хитрых аваров, гибли с отчаянием.— Византийские историки пишут, что славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать в плен. Так, знаменитый Велисарий, при осаде Авксима, избрал в войске своем славянина, чтобы схватить и представить ему одного готфа живого. Они умели еще долгое время таиться в

реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды.— Древнее оружие славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах¹²⁵.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолубии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время должны были открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость¹²⁶; но что могло сначала вооружить их против римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались готфы, гунны и другие народы: ей жертвовали славяне своею жизнью, и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли дома и спасались бегством в Константинополь со всем имением; туда же спешили и священники с драгоценною утварию церковною¹²⁷. Иногда, гонимые сильнейшими легионами империи и не имея надежды спасти добычу, славяне бросали ее в пламя и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла. Многие из них, не боясь поиска римлян, жили на полуденных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников¹²⁸.— Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость славян в рассуждении греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостью, без вопля и стона; умирали в муках и не ответствовали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их¹³⁰.— Таким образом славяне свирепствовали в империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных: ибо они — вместо того, чтобы пользоваться ими, — обыкновенно зарывали их в землю¹³¹.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Сове-

менный историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости¹³²; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство славян, редкое в других землях и донныне весьма обыкновенное во всех славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседы за сие оскорбление как за собственное¹³³. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников¹³⁴; но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление. Нельзя видеть без удивления сию кроткую добродетель — можно сказать — *обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были дунайские славяне. Но если и добродетели и пороки *народные* всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что славяне были некогда облагодетворены иностранцами; что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?.. Здесь представляются мыслям нашим славные финикияне, которые за несколько веков до Рождества Христова могли торговать с балтийскими венедами и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского¹³⁵.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругами¹³⁶. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только бла-

годетельным учением христианской Веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их: обычаем, доньше соблюдаемый в Иллирии¹³⁷. Удаленные от дел народных, славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так, при осаде Константинополя в 626 году греки нашли между убитыми славянами многие женские трупы¹³⁸. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних: ибо славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неутомимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь¹³⁹.

Говоря о жестоких обычаях славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству¹⁴⁰. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам¹⁴¹. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и Веры истинной, с спокойною совестью могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в лютости! Сии дети, следуя общему примеру, как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почтением к родителям и всегда пеклись об их благосостоянии¹⁴².

К описанию общего характера славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах славян российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностью между ими; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаюсь всякою

нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. — Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоюго пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении¹⁴³.

Сии три народа, подобно древлянам, обитали в глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли¹⁴⁴. То же самое говорит история VI века о славянах дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспреданно ожидая врага, славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей¹⁴⁵: тучные луга для скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись и которое вывело их — может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова — из дикого, кочевого состояния: ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству. — Думают, что славяне узнали скотоводство только в Дакии: ибо слово *пастырь* есть латинское, следственно, заимствованное ими от жителей сей земли, где язык римлян был в употреблении¹⁴⁶; но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северной своем отечестве соседями народов германских, скифских и сарматских, богатых скотоводством, венеды, или славяне, должныствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия. — Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им

пищу и одежду. В VI веке славяне питались просом, гречи-хою и молоком; а после выучились готовить разные вкус-ные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей и доказывая в таком случае свое радушие изобильною тра-пезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством славянским. Мед был их любимым питием: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а на-конец и сами разводили их¹⁴⁷. — Венеды, по известию Тацит-ову, не отличались одеждою от германских народов, т. е. закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Ко-жи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисе-ром и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцов иностранных¹⁴⁸.

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностью в землях славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу. — В VIII веке славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в немецких городах особенному надзиранию своих чиновников¹⁴⁹. В средних веках цвели уже некоторые торговые города сла-вянские: Виннета, или Юлин¹⁵⁰, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Померании и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: «Там, где река Одер впадает в море Балтийское, славилась неког-да Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного; уверяют, что он превосходит величием все иные города европей-ские... Саксонцы могли обитать в нем, но долженствовали таить христианскую Веру свою: ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества; впрочем, не уступа-ли никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повеству-ют, что король датский, пришедший с флотом сильным, раз-рушил ее до основания; но и ныне, т. е. в XII веке — суще-ствуют остатки сего древнего города». Впрочем, торговля славян до введения христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар¹⁵¹.

Быв в империи и виде собственными глазами изящные творения греческих художеств, наконец строя города и за-

нимаясь торговлею, славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов, и покрытые лаком; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою¹⁵². Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием¹⁵³, и в Герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов славянских, работы их собственных художников, которые, впрочем, не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы и весьма грубо¹⁵⁴. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славились ваянием, но еще долго не умели отливать статуй в одну форму.— Памятником каменосечного искусства древних славян остались большие, гладко обделанные плиты, на которых выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, требующем времени, досуга, терпения, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кровы¹⁵⁵. Венеды называли их *гонтинами*, от слова *гонт*, доньше означющего на русском языке особенный род тесниц, употребляемых для кровли домов.

Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых Искусств Изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая — удовольствие, и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные венеды в шестом веке сказывали греческому императору, что главное услаждение жиз-

ни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманые¹⁵⁶. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы славянские донныне любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, славяне веселились, пели и забывали опасность. Так, Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение греческого вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни славянские в Лаузице, в Люнебурге, в Далмации кажутся древними¹⁵⁷: также и старинные припевы русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастье. Вероятно, что сии песни, мирные в перво-бытном отечестве венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, когда народ их приблизился к империи и вступил в Дакию; вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею историею славянскою. Так везде рождалось Стихотворство, изображая главные склонности народные; так песни самых нынешних кроатов более всего славят мужество и память великих предков; но другие, любимые немецкими вендами, возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горестей; иные же совсем не имеют смысла, подобно некоторым русским; нравятся одним согласиём звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствие, производимое музыкою, заставляет людей изъявлять оное разными телодвижениями: рождается *пляска*, любимая забава самых диких народов. По нынешней русской, богемской, далматской можем судить о древней пляске славян, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи¹⁵⁸: она состоит в том, чтобы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топтать ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неутомимых.— Народные игры и потехи, донныне единообразные в землях славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски — остались также памятником

их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в арифметике, в хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя *тма*, знаменующее 10 000, есть древнее славянское. Наблюдая течение года, они, подобно римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из оных дали название согласное с временными явлениями или действиями природы: генварю *просинец* (вероятно, от *синеты* неба), февралю *сечь*, марту *сухий*, апрелю *березозол* (думаю, от золы березовой), маю *травный*, июню *изок* (так называлась у славян какая-то певчая птица), июлю *червен* (не от красных ли плодов или ягод?), августу *зарев* (от зари или зарницы), сентябрю *рюен* (или *ревун*, как толкуют: от *рева* зверей), октябрю *листопад*, ноябрю *груден* (от *груд* снега или мерзлой грязи?), декабрю *студеный*¹⁵⁹. Столетие называлось *веком*, то есть жизни человеческою, во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крепким сложением и здравые физическою деятельностью.

Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека¹⁶⁰. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Лес, ручей, поле составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою республикою; но общие древние обычаи служили между ими некоторою гражданской связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких¹⁶¹; вместе также, принимая воинские походы, избирали вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Славяне, грабя империю, где царствова-

ла роскошь, узнали новые удовольствия и потребности, которые, ограничив их независимость, укрепили между ими связь гражданскую. Они почувствовали более нужды друг в друге, сблизилась жилищами и завели селения¹⁶²; другие, видя в чужих землях грады великолепные и веси цветущие, разлюбили мрачные леса свои, некогда украшаемые для них одною свободою; перешли в греческие владения и согласились зависеть от императоров. Жребий войны и могущество Карла Великого подчинили ему и наследникам его большую часть славян немецких*; но своеволие неукротимое было всегда их характером: как скоро обстоятельство им благоприятствовало, они свергали с себя иго и жестоко мстили чужеземному властелину за свое временное порабощение, так что одна Вера христианская могла наконец смирить их¹⁶³.

Многочисленные области славянские всегда имели сообщение одна с другою, и кто говорил их языком, тот во всякой находил друзей и сограждан. Баян, хан аваров, зная сей тесный союз племен славянских и покорив многие из них в Дакии, в Паннонии, в Богемии, думал, что и самые отдаленные должны служить ему, и для того в 590 году требовал войска от славян бальтийских¹⁶⁴. Некоторые знаменитые храмы еще более утверждали связь между ими в средних веках: там сходились они из разных земель вопрошать богов, и жрец, ответствуя устами идола, нередко убеждал их действовать согласно с общею или особенною пользою своего народа; там оскорбленные чужеземцами славяне приносили свои жалобы единоплеменным, заклиная их быть мстителями отечества и Веры; там, в определенное время, собирались чиновники и старейшины для сейма, на коем благоразумие и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храм города Ретры в Мекленбурге**, на реке Толлензе, славился более всех других такими собраниями¹⁶⁵.

Народное правление славян чрез несколько веков обратилось в аристократическое. Вожди, избираемые общею доверенностию, отличные искусством и мужеством, были первыми властелинами в своем отечестве. Дела славы требовали благодарности от народа; к тому же, будучи ослеплен счастьем Героев, он искал в них разума отменного. Богемцы, еще не имея ни законов общественных, ни судей избранных, в личных распрях своих отдавались на суд знаменитым согражданам¹⁶⁶; а сия знаменитость основывалась

на изведанной храбрости в битвах и на богатстве, ее награде, ибо оно приобреталось тогда войною. Наконец обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностью повиноваться. Если сын Героя, славного и богатого, имел великие свойства отца, то он еще более утверждал власть своего рода.

Сия власть означалась у славян именами *боярина, воеводы, князя, пана, жупана, короля* или *краля* и другими. Первое без сомнения происходит от *боя* и в начале своем могло знаменовать война отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о боярах, вельможах, или главных чиновниках славян болгарских.— Воеводами назывались прежде одни воинские начальники; но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у богемских и саксонских вендов, в Крайне государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию¹⁶⁷.— Слово *князь* родилось едва ли не от *коня*, хотя многие ученые производят его от восточного имени *каган* и немецкого *König*. В славянских землях кони были драгоценнейшею собственностью: у поморян в средние века 30 лошадей составляли великое богатство, и всякий хозяин коня назывался князем, *pobilis capitaneus et Princeps*¹⁶⁸. В Кроации и Сервии именовались так братья королей; в Далмации главный судья имел титул *великого князя*.— *Пан* славянский, по известию Константина Багрянородного, управлял в Кроации тремя большими округами и председательствовал на сеймах, когда народ собирался в поле для совета. Имя панов, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века означало в Богемии владельцев богатых, а на польском языке и ныне значит *господина*¹⁶⁹.— Округи в славянских землях назывались *жупанствами*, а правители их *жупанами*, или *старейшинами*, по толкованию Константина Багрянородного¹⁷⁰; древнее слово *жупа* означало *селенце*. Главную должность сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии славянские поселяне донныне называют так судей своих; но в средних веках достоинство жупанов уважалось более княжеского. В разборе тяжёбных дел помогали им *суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою короля и платят ему

дань, какую они во время своей вольности платили жупанам¹⁷¹. — Наконец, в Сервии, в Далмации, в Богемии владельцы стали именоваться кралями, или королями, то есть, по мнению некоторых, *наказателями* преступников, от слова *кара*, или *наказание*¹⁷².

Итак, первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Сражения требуют одного намерения и согласного действия частных сил: для того избрали полководцев. В теснейших связях общегития славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбия: для того назначали судей; но первые из них были знаменитейшие Герои. Одни люди пользовались общею доверенностию в делах войны и мира. — История славян подобна истории всех народов, выходящих из дикого состояния. Только мудрая, долговременная опытность научает людей благодетельному разделению властей воинских и гражданских.

Но древнейшие бояре, воеводы, князья, паны, жупаны и самые короли славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые нередко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его своей доверенности, иногда без всякой вины, единственно по легкомыслию, клевете или в несчастиях: ибо народ всегда склонен обвинять правителей, если они не умеют отвратить бедствий от государства. Сих примеров довольно в истории языческих, даже и христианских славян¹⁷³. Они вообще не любили наследственной власти и более принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершего воеводы или князя. — Избрание герцога, то есть воеводы, в славянской Каринтии соединено было с обрядом весьма любопытным. Избираемый в самой бедной одежде являлся среди народного собрания, где земледелец сидел на престоле или на большом диком камне. Новый властитель клялся быть защитником Веры, сирот, вдов, справедливости: тогда земледелец уступал ему камень, и все граждане присягали в верности. Между тем *два рода* знаменитейшие имели право везде косить хлеб и жечь селения, в знак и в память того, что древние славяне выбрали первого властелина для защиты их от насилия и злодейства¹⁷⁴.

Однако ж многие князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям. В западной Сервии был пример, что жена князя Доброслава

по смерти его правила землею. — Государи славянские, достигнув самовластия, подобно другим ослабляли свое могущество уделами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сии примеры бывали редки во времена язычества: князья, по большей части избираемые, думали, что не имеют права располагать судьбою людей, которые *только им* поддались¹⁷⁵.

Главный начальник, или правитель, судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо славяне воображали, что бог суда, *Прове*, живет в тени древних, густых дубов¹⁷⁶. Сии места и дома княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, воевода, король был главою ратных сил, но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир (при заключении коего славяне бросали камень в море¹⁷⁷, клали оружие и золото к ногам идола или, простирая десницу к бывшим неприятелям, вручали им клочок волос своих вместе с горстью травы). Народ платил властителям дань, однако ж произвольную¹⁷⁸.

Так славяне в разные веки и в разных землях управлялись гражданской властью. О славянах российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает греческий историк¹⁷⁹ и которые имели для них силу законов писанных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя летописец наш не говорит о том, но российские славяне, конечно, имели властителей с правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с греками, в 911 году, упоминается уже о *Великих Боярах Русских*: сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не варягами было введено в России, ибо оно есть древнее славянское¹⁸⁰. Самое имя князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский. — Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь

естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в истории не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою,— хранить добрых и наказывать тайные злодейства. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцов семейства.

Славяне в VI веке поклонялись *Творцу молнии*, Богу вселенных¹⁸¹ *. Величественное зрелище грозы, когда небо пылает и невидимая рука бросает, кажется, с его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить ум человека естественного, живо представить ему образ Существа вышнего и вселить в его сердце благоговение или ужас священный, который был главным чувством Вер языческих.— Анты и славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя¹⁸²: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умиловать обетами; приносили Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, нимф, демонов и гадали будущее.— В новейшие времена славяне поклонялись разным идолам, думая, что многочисленность кумиров утверждает безопасность смертного и что мудрость человеческая состоит в знании имен и свойства сих мнимых покровителей. Истуканы считались не *образом*, но *телом* богов, ими одушевляемым¹⁸³, и народ падал ниц пред куском дерева или слитком руды, ожидая от них спасения и благоденствия.

Однако ж славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Белым Богом*** и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепен-

ным, помогающим всякому, кто добр в мире и мужествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радушием питает голодных¹⁸⁴.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостию сих Мироправителей, славяне балтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умилоствовать жертвами и в собраниях народных пили из чаши, посвященной ему и добрым богам. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают, что славяне заимствовали мысль о Чернобоге от христиан, уподоблявших Дявола также сему зверю; но вероятно, что ненависть к саксонцам, которые были самыми опасными врагами северных вендов и на знаменах своих представляли льва, подала им мысль к такому изображению существа злобного¹⁸⁵. Славяне думали, что оно ужасает людей грозными привидениями или *страшилами* и что гнев его могут укротить волхвы, или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за их мнимую науку. Сии волхвы, о коих и Нестор говорит в своей летописи, подобно сибирским шаманам старались музыкою действовать на воображение легковерных, играли на гусях, а для того именовались в некоторых землях славянских *гусярами*¹⁸⁶.

Между богами добрыми славилась более прочих Святовид, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие венды, но и короли датские, исповедуя уже христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висела узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою.— Гельмольд рассказывает, что жители острова Рюгена обожали в сем идоле христианского святого, именем Вита, слышав о великих чудесах его от корбейских монахов, которые хотели некогда обратить их в истинную Веру. Достойно замечания, что иллирические славяне доныне празднуют день Св. Вита с разными языческими обрядами¹⁸⁷. Впрочем, Гельмольдово предание, утверждаемое и Саксоном Грамматиком, не есть ли одна догадка, основанная на сходстве имен? Для того, по известию Мавро-Урбина,

один из христианских князей в Богемии выписал мощи Св. Вита, желая обратить к ним усердие народа своего, который не переставал обожать Святовида¹⁸⁸. Привязанность не только бальтийских, но и других славян к сему идолослужению доказывает, кажется, древность оногo.

Народ рюгенский поклонялся еще трем идолам: *первому* — Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке (дубовый кумир его был весь загажен ласточками¹⁸⁹, которые вили на нем свои гнезда); *второму* — Поревиту, коего значение неизвестно и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; *третьему* — Поренуту о четырех лицах и с пятым лицом на груди: он держал его правою рукою за бороду, а левою за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался *Радегаст*, бог странноприимства, как некоторые думают: ибо славяне были всегда *рады гостям*. Но сие толкование кажется несправедливым: он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди; иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру. Надписи ретрского истукана его доказывают, что сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку. Адам Бременский пишет о *золотом* кумире и *пурпуровом* ложе Радегаста¹⁹⁰; но мы должны сомневаться в истине его сказания: в другом месте сей историк уверяет нас, что храм Упсальский *весь был сделан из золота*.

Сива — может быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Ратцебурге¹⁹¹. Она представлялась одетою; держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть. Далматские славяне поклонялись доброй *Фрихии*, богине германских народов; но как в исландских древностях Фрихия или *прекрасная Фрея* называется *Ванадис*, или Венедскою, то вероятно, что готфы заимствовали от славян понятие о сей богине и что она же именовалась Сивою.

Между ретрскими истуканами нашлись германские, прусские, т. е. латышские, и даже греческие идолы. Бальтийские славяне поклонялись Водану, или скандинавскому Одину, узнав об нем от германских народов, с которыми

они жили в Дакии и которые были еще издревле их соседями¹⁹². Венды мекленбургские доныне сохранили некоторые обряды Веры Одиновой. — Прусские надписи на истуканах Перкуна, бога молнии, и Парстуков, или Берстуков¹⁹³, доказывают, что они были латышские идолы; но славяне молились им в ретрском храме, так же как и греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции. — Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры *Числобога*, *Ипабога*, *Зибога*, или *Зембога*, и *Немизы*¹⁹⁴. Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось *исчисление* времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли, которая представлялась на его одежде. Третьего обожали в Богемии как сильного *Духа земли*. Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видевшие языческих вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался *Триглав*¹⁹⁵. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, *Припекала*, означал, кажется, любострастие: ибо христианские писатели сравнивали его с Приапом; а третий, *Геровит*, или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте и подле которого висел на стене золотой щит. — Жители Вагрии¹⁹⁶ особенно чтили *Прова*, бога правосудия, и *Подагу*, бога звероловства. *Первому* служили храмом самые древнейшие дубы, окруженные деревянною оградой с двумя воротами. В сей заповедной дубраве и в ее святилище жил Великий жрец, совершались торжественные жертвоприношения, судился народ, и люди, угрожаемые смертью, находили безопасное убежище. Он изображался старцем, в одежде со многими складками, с цепями на груди, и держал в руке нож¹⁹⁷. *Второй* считается покровителем звероловства, для того, что на одежде и жертвенной чаше его кумира о *двух лицах*, найденного в числе ретрских древностей, представлены стрелок, олень и кабан; в руках своих он держит также какого-то зверя. Другие признают в нем бога ясных дней, который у сербов назывался *Погодою*: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырезанные на сем истукане,

значат ясность и ведро¹⁹⁸. — Мерзбургские венды обожали идола Гениля, покровителя их собственности, и в некоторое время года пастухи разносили по домам символ его: кулак с перстнем, укрепленный на шесте¹⁹⁹.

О Вере славян иллирических не имеем никаких известий; но как морлахи²⁰⁰ на свадебных пиршествах своих доныне славят *Давора, Дамора, Добрую Фрихию, Яра и Пика*, то с вероятностью заключить можно, что языческие боги их назывались сими именами. — Сказание польских историков²⁰¹ о древнем богослужении в их отечестве основывается единственно на предании и догадках. В Гнезне, пишут они, был знаменитый храм *Ниц*, славянского Плутона, которого молили о счастливом успокоении мертвых; обожали еще *Марзану*, или Цереру, обрекая в жертву ей десятую часть плодов земных; *Ясса* или *Ясна*, римского Юпитера; *Ладона* или *Ляда*, Марса; *Дзидзилию*, богиню любви и деторождения; *Зивонию* или *Зиванну*, Диану; *Зиваго*, или бога жизни; *Леля* и *Полеля*, или греческих близнецов Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясных дней и сильного ветра. «Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена».

В России, до введения христианской Веры, первую степень между идолами занимал *Перун*²⁰², бог молнии, которому славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *Мироправителя*. Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, а в Новгороде над рекою Волховом был деревянный, с серебряною головою и с золотыми усами*. Летописец именует еще идолов *Хорса*, *Дажебога*, *Стрибога*, *Самаргла*²⁰³ и *Мокоша*, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с греками упоминается еще о *Волосе*, которого именем и Перуновым клялись россияне в верности, имев к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства. — Сии известия Несторовы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском синопсисе²⁰⁴. Хотя они выбраны отчасти из польских ненадежных историков, но, будучи согласны с древними обыкновениями народа русского, кажутся вероятными, по крайней мере достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России *Лодо*²⁰⁵; ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет

сего бога латышским: в Литве и Самогитии* народ праздновал ему от 25 мая до 25 июня, отцы и мужья в гостиницах, а жены и дочери на улицах и на лугах; взявшись за руки, они плясали и пели: *Ладо, Ладо, дидис Ладо*, то есть *великий Ладо*²⁰⁵. Такое же обыкновение донныне существует в деревнях наших: молодые женщины весной собираются играть и петь в хороводах: *Лада, диди-Лада*. Мы уже заметили, что славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам²⁰⁶; следственно, имели одних богов с латышами, ежели не все, то хотя бы некоторые славянские племена в России — вероятно, кривичи: ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали латышского первосвященника *Криве* главою Веры своей. Впрочем, *Ладо* мог быть и древним славянским божеством**: жители Молдавии и Валахии в некоторых суеверных обрядах донныне твердят имя *Лада*²⁰⁷.

Купалу, богу земных плодов***, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 июня, в день Св. Агриппины, которая для того прозвана в народе *Купальницею*. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали *Купала*. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идолу языческому²⁰⁸. В Архангельской губернии многие поселяне 23 июня топят бани, настилают в них траву *купальницу* (лютик, *galip-silus agris*) и после купаются в реке. Сербы накануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановские венки*, вешают их на кровли домов и на хлевах, чтобы удалить злых духов от своего жилища.

24 декабря язычники русские славили *Коляду*, бога торжеств и мира****. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются *колядовать* под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя *Коляды* и просят денег²⁰⁹. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа русского открываем также некоторые следы древнего славянского богопочитания: донныне простые люди говорят у нас о *леших*, которые видом подобны сатирам*****, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужасают странни-

ков, обходят их кругом и сбивают с пути; о *русалках*, или нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами особенно перед Троицыным²¹⁰ днем), о благодетельных и злых *домовых*, о ночных *кикимра*х и проч.

Таким образом грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснять действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность богов, славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц и проч.²¹¹ Кроме идолов, немецкие славяне, подобно дунайским, обожали еще реки, озера, источники, леса²¹² и приносили жертвы невидимым их Гениям, которые, по мнению суеверных, иногда говорили, и в важных случаях являлись людям. Так, Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах²¹³. Мы знаем, что и российские славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость. В глазной болезни они умывались водою мнимо-целебных источников и бросали в них серебряные монеты²¹⁴. Народное обыкновение купать или обливать водою людей, проспавших Заутреню в день Пасхи, будто бы для омовения их от греха, происходит, может быть, от такого же языческого суеверия.— У многих народов славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою. Лес города Ретры считался священным. Жители штетинские поклонялись ореховому дереву, при коем находился особенный жрец, и дубу, а юлиньские богу, обитавшему в дереве обсеченном²¹⁵, и весною плясали вокруг его с некоторыми торжественными обрядами. Славяне в России также молились деревьям; особенно же *дупловатым*, обвязывая их ветви убрсами, или платами²¹⁶. Константин Багрянородный пишет, что они, путешествуя в Царьград, на острове Св. Григория приносили жертву большому дубу, окружали его стрелами и гадали

заколоть ли обреченных ему живых птиц или пустить на волю²¹⁷. Празднование Семика* и народный обычай завивать в сей день венки в рощах суть также остаток древнего суеверия, коего обряды наблюдались в Богемии и по введении христианства, так что герцог Брячислав в 1093 году решился предать огню все мнимо-святые дубравы своего народа²¹⁸. Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя балтийских вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город.— В числе ретрских любопытных памятников нашлось также священное знамя: медный дракон, украшенный изображением женских голов и вооруженных рук. В Дитмаровой летописи** упоминается о двух славянских знаменах, которые считались богинями²¹⁹. Хитрость полководцев ввела, без сомнения, сию веру, чтобы воспламенить дух храбрости в воинах или обуздать их неповиновение свято-стию знамен своих.

Древние славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной²²⁰. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения олтареЙ камни в несколько саженой мерою. Сии каменные здания равнялись с высокими скалами, невредимо стояли целые веки и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле трудно понять, каким образом славяне, не зная изобретенных механикою способов, воздвигали такие громады²²¹. Жрецы, в присутствии и в глазах народа, совершали обряды Веры на сих величественных олтареях; но в течение времен, желая еще сильней действовать на воображение людей, вздумали, подобно друидам, удалиться во тьму заповедных лесов и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание был первым храмом. Мысль сделать его достойным жилищем богов требовала величия, но славяне не умели подражать грекам и римлянам в гордой высоте зданий и старались заменить оную резьбою, пестротою, богатством украшений. Современные историки описали некоторые из сих

храмов с любопытною подробностью. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говорит о штетинском следующее²²²: «Там было четыре храма, и главный из них отличался своим художеством, украшенный внутри и снаружи выпуклым изображением людей, птиц, зверей, так сходных с Природою, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускли.— Следуя древнему обычаю предков, штетинцы отдавали в храм десятую часть воинской своей добычи и всякое оружие побежденных неприятелей. В его святилище хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях люди знатнейшие пили и ели), также рога буйволы, оправленные золотом: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим художеством и богатством. В трех иных *гонтинах*, или храмах, не столь украшенных и менее священных, представлялись глазам одни лавки, сделанные амфитеатром, и столы для народных сходбищ: ибо славяне, в некоторые часы и дни, веселились, пили и важными делами отечества занимались в сих *гонтинах*».— Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одною с ним кровлею²²³. В святилище стоял идол, а конь его в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности.— Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах; внутри стояли кумиры, в шлемах и латах; а в мирное время хранились там знамена²²⁴. Дремучий лес окружал сие место: сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и величественном. Достоин примечания, что славяне балтийские вообще имели великое уважение к святыне храмов и в самой неприятельской земле боялись осквернить их.

О капищах славян российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках²²⁵; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения, что на холме Киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, бы-

ли храмы, конечно, не огромные и не великолепные, но своеобразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.

Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере, все другие народы славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестью людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных в маленьких хижинах и питались жертвою, приносимую их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое-нибудь счастливое предприятие и желая изъявить благодарность идолам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа без сомнения утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своеволие людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присваивали себе гражданскую власть. Так, Первосвященник Рюгенский, уважаемый более самого короля, правил многими славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати на граждан и купцов чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему, нежели идолу, принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена славяне закаляли, в честь Богу невидимому, одних волов и других животных; но после, омраченные суеверием идолопоклонства, обогрели свои требища кровию христиан, выбранных по жребию из пленников или купленных у морских разбойников²²⁶. Жрецы думали, что идол увеселяется христианской кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. — В России также приносили

людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Балтийские славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей²²⁷.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святovid ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копыта: если он шагал сперва не левою, а правую ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копыт. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того, в Арконе и в Штетине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали хорошее; черная означала бедствие. Самые женщины рюгенские славились гаданием; они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела²²⁸.

Любя народные торжества, языческие славяне оставили в году разные праздники. Главный из них был по собранию хлеба и совершался в Арконе таким образом: Первосвященник накануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовида рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог длиною в рост человеческий; спрашивал у народа, видит ли его? и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом, в знак счастья для острова; наконец объявлял всем благословение Святовида, обещая воинам победу и добычу²²⁹. Другие славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам, и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней²³⁰. В Богемии славился майский *праздник источников*.— Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решили судьбу граждан, были также днями общего веселия²³¹. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах славян российских, которых потомки донныне празднуют весну, любовь и бога *Лада* в сельских хороводах, веселыми и шум-

ными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни *Купалу* и зимою воспевают имя *Коляды*.— Во многих землях славянских сохранились также следы *праздника в честь мертвых*: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим²³².— В сей день немецкие славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти; сожигают ее или бросают в реку и славят лето песнями.— В Богемии строили еще какие-то феатры на распутиях *для успокоения душ* и представляли на них, в личинах, тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концом бытия человеческого²³³?

Погребение мертвых было также действием священным между языческими славянами. Историки немецкие — более догадкою, основанною на древних обычаях и преданиях, нежели по известиям современных авторов — описывают оное следующим образом: старейшина деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины, в белой одежде, лили слезы в маленькие сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами²³⁴. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось *Стравою* и было еще в VI веке причиною великого бедствия для славян: ибо греки воспользовались временем сего *пиршества в честь мертвых* и наголову победи их войско²³⁵.

Славяне российские — кривичи, северяне, вятичи, радимичи — *творили* над умершими *тризну**: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный вятичами и кривичами до времен Нестора, изъясняет воинственный дух народа, который праздновал смерть, чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал до-

роги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но славяне киевские и волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновенные вместе с трупом зарывать в землю *сплетенные из ремней лестницы*; ближние умершего язвили лица свои и закалали на могиле любимого коня его²³⁶.

Все народы любят Веру отцов своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностию в течение многих столетий отвергали благодать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив многих немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедывать ее святое учение и в землях славян; но, устрешенный их дикостию, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь христианство противно заблуждениям язычества и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе, славяне отлично ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Бальтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних христиан, брали их корабли в добычу, а священников приносили в жертву идолам. Немецкие завоеватели, покорив вендов в Германии, долго терпели их суеверие; но озлобленные наконец упорством сих язычников в идолопоклонстве и в древних обычаях вольности, разрушили их храмы, сожгли заповедные рощи и самых жрецов истребили²³⁷ *, что случилось уже гораздо после того времени, как Владимир просветил Россию учением христианским.

Собрав исторические достопамятности славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в шестом веке находили его весьма грубым²³⁸. Выражая первые мысли и потребности людей необразованных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком греческим, смягченным долговременною жизнью в порядке гражданском, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памятников сего первобытного языка славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их²³⁹. Но славяне, приняв христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова,

выражения, и язык их в средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) *Русское*, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами²⁴⁰ *. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы государства...

2) *Польское*, смешанное со многими латинскими и немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, дворяне в Литве и народ в Силезии, по сию сторону Одера²⁴¹.

3) *Чешское*, в Богемии, в Моравии и Венгрии**, по утверждению Иорданову — ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других богемских ученых — среднее между кроатским и польским. Венгерское наречие именуется *словакским*, но разнится от чешского большею частью только в выговоре, хотя авторы *Многоязычного словаря* признают его *особенным*. Впрочем, и другие славянские наречия употребляются в Венгрии²⁴².

4) *Иллирическое*, то есть болгарское, самое грубое из всех славянских — боснийское, сербское, самое приятнейшее для слуха, как многие находят, — славонское и далматское²⁴³.

5) *Кроатское****, сходное с виндским в Стирии, Каринтии, Крайне, также с лаузицским, котбузским, кашубским и люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Померании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда славянский язык был народным, он уже заменен немецким²⁴⁴.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его, так сказать, первобытного образа, и любопытство историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения славян. Некоторые утверждали, что он весьма близок к древним языкам азиатским²⁴⁵; но вернейшее исследование доказало, что сие мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, еврейски-

ми или халдейскими, сирскими, арабскими, которые находятся и в других языках европейских, свидетельствуя единственно их общее азиатское происхождение; и что славянский имеет с греческим, латинским, немецким гораздо более связи, нежели с еврейским и с другими восточными. Сие великое, явное сходство²⁴⁶ встречается не только в словах единозвучных с действиями, которые означаются ими — ибо названия *грома, журчания вод, крика птиц, рева зверей* могут на всех языках сходствовать между собою от подражания Естеству²⁴⁷ — но и в выражениях самых первых мыслей человека, в ознаменовании главных нужд жизни домашней²⁴⁸, в именах и глаголах совершенно произвольных. Мы знаем, что венеды издревле жили в соседстве с немцами и долгое время в Дакии (где язык латинский со времен Траяновых был в общем употреблении), воевали в империи и служили императорам греческим²⁴⁹; но сии обстоятельства могли бы ввести в язык славянский только некоторые особенные немецкие, латинские или греческие слова, и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком: каким²⁵⁰? неизвестно, но без сомнения древнейшим в Европе, *где история находит их*: ибо Греция, а после и часть Италии, населена *пеласгами, фракийскими* жителями, которые прежде елленов утвердились в Морее и могли быть единоплеменны с германцами и славянами²⁵¹. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова или присваивали чужие и долженствовали чрез несколько веков говорить уже языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство — немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки — свела Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена и без сомнения от финикиян, или непосредственно, или чрез пеласгов и елленов. Нельзя вообразить, чтобы древние обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письма, требующие удивительного разума и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение

оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте; а некоторые из христианских философов считали десять Моисеевых заповедей, рукою Всевышнего начертанных на горе Синайской, первым письмом в мире²⁵². К тому же все буквы народов европейских: греческие, мальтийские, так называемые пеласгские в Италии, этрурийские (доныне видимые на монументах сего народа), гальские, изображенные на памятнике мученика Гордиана²⁵³, Улфиловы, или готфские, кельтиберские, бетские, турдетанские в Испании, руны скандинавов и германцев более или менее сходствуют с финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня²⁵⁴. Пеласги и аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним галлам. Испанцы могли научиться письму от самих финикийцев, основавших Тартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова²⁵⁵. Турдетане во время Страбоново имели письменные законы, историю и стихотворения²⁵⁶. Каким образом европейский Север получил буквы, мы не знаем: от финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом британским и янтарем прусским? или от народов южной Европы? Второе кажется вероятнее: ибо руническое и готфское письмо сходнее с греческим и латинским, нежели с финикийским²⁵⁷. Оно могло в течение веков чрез Германию или Паннонию дойти от Средиземного моря до Балтийского с некоторыми переменами знаков²⁵⁸.

Как бы то ни было, но веныды или славяне языческие, обитавшие в странах Балтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов славянских: Ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в рунах, заимствованных веныдами от готфских народов. Сии руны, числом 16, подобно древним финикийским²⁵⁹, весьма недостаточны для языка славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожжаемых идолов. Славяне же богемские, иллирические и российские не имели никакой азбуки до 863 года²⁶⁰, когда философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены греческим императором Михаилом в Моравию к тамошним христианским князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу для перевода церковных книг с греческого языка, изобрели славянский особенный алфавит²⁶¹, образованный по

греческому, с прибавлением новых букв: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѓ. Ю. Я. ж²⁶². Сия азбука, называемая *кирилловскою*, донныне употребляется, с некоторыми переменами, в России²⁶³, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне далматские имеют другую, известную под именем *глагольской*, или *буквицы*, которая считается изобретением Св. Иеронима, но ложно, ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было славян в римских владениях²⁶⁴. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтырь XIII века²⁶⁵; но мы имеем церковные Кирилловские рукописи 1056 году²⁶⁶; надпись Десятинной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам Св. Владимира. Сия глагольская азбука явно составлена по нашей²⁶⁷ *; отличается кудрявостию знаков и весьма неудобна для употребления. Моравские христиане, пристав к римскому исповеданию²⁶⁸, вместе с поляками начали писать латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные папою Иоанном XIII²⁶⁹. Епископы салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а писмена славянские изобретением арианских готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого-нибудь далматского монаха выдумать новые, то есть глагольские буквы и защитить их от нападения римских суеверов именем Св. Иеронима.— Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются немецкие**; в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше латинские***. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там греческую азбуку²⁷⁰.

Итак, предки наши были обязаны христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностью, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей — изобретения, которое, подобно утренней заре, в веках мрачных предвестило уже Науки и просвещение.

РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР. Г. 862—879

Призвание князей варяжских в Россию. Основание Монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение россиян на империю. Начало христианства в Киеве. Смерть Рюрика.

Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов*, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластье (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш летописец — и рассеянные племена славянские основали государство, которое граничит ныне с древнею Дакиєю и с землями Северной Америки**, с Швециєю и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года²⁷¹, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем, что варяги, овладевшие странами чуди и славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с югом и западом Европы, где на развалинах колосса римского основались новые государства и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбивым духом христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской²⁷²***, — варяги, или норманы, должныствовали быть образованнее славян и финнов, заключенных в диких пределах Севера; могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, бла-

годетельные для народа. Бояре славянские, недовольные властью завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастье, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия²⁷³. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении норманском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость, и славяне, *убежденные* — так говорит предание — *советом новгородского старейшины Гостомысла*, потребовали властителей от варягов²⁷⁴. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном *советнике**; но ежели предание истинно, то Гостомysl достоин бессмертия и славы в нашей истории.

Новгородцы и кривичи были тогда, кажется, союзниками финских племен, вместе с ними плативших дань варягам: имел несколько лет одну долю, и повинуюсь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. [862 г.] Нестор пишет, что славяне новгородские, кривичи, *весь и чудь* отправили посольство за море, к варягам-руси, сказать им²⁷⁵: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами*²⁷⁶. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик²⁷⁷, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть** над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною скандинавскою дружиною, готовую утвердить мечом права избранных государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество²⁷⁸. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Смоленск, населенный также кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании варягов. Следовательно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской губерний была названа тогда *Русью*, по имени князей варяго-русских***. — Более не знаем никаких достоверных подробностей; не зна-

ем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? наслаждался ли счастливо тишиною, редко известною в обществах народных? или пожалел о древней вольности? Хотя новейшие летописцы говорят²⁷⁹, что славяне скоро вознегодовали на рабство и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым**, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаться, *ежели* варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их — однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.

[864 г.] Чрез два года, по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему княжеству, основал Монархию Российскую. Уже пределы ее достигали на востоке до нынешней Ярославской и Нижегородской губернии, а на юг до Западной Двины; уже меря, мурома и полочане зависели от Рюрика: ибо он, приняв Единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белаозера, Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать²⁸⁰. Таким образом, вместе с верховною княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система *феодалная, поместная, или удельная*, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как государи в своих уделах²⁸¹: система, сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность государей к верности вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

К сему времени летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоземцев Рюриковых, именем Аскольд и Дир**, может быть, недовольные сим князем²⁸², отправились с товарищами из Новагорода в Константино-

поль искать счастья; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: чей он? Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань козарам. Сей городок был Киев: Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих варягов из Новагорода, начали под именем россиян властвовать как государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном норманской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить императору: тогда ободренные своим успехом и многочисленностью войска, дерзнули объявить себя врагами Греции. [866 г.] Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи Севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечом берега его и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя россиян, Ρωζ. Молва народная возвестила их скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с агарянами²⁸³. Узнав от епарха, или наместника цареградского, о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностью пробрался сквозь суда российские и, не смея отразить их силою, ожидал спасения от чуда. Оно совершилось, по сказанию византийских летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилась так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий²⁸⁴. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев.

Нестор согласно с византийскими историками описывает сей случай; но некоторые из них прибавляют, что язычники российские, уstraшенные Небесным гневом, немедленно отправили послов в Константинополь и требовали святого крещения. Окружная грамота патриарха Фотия, писанная в исходе 866 года к восточным епископам, слу-

жит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия²⁸⁵. «Россы, говорит он, славные жестокостию, победители народов соседственных, и в гордости своей дерзнувшие воевать с империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *недавно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас епископа и священника, имея живое усердие к богослужению христианскому». Константин Багрянородный и другие греческие историки пишут, что россы крестились во время царя Василия Македонского и патриарха Игнатия, то есть не ранее 867 года²⁸⁶. «Император (говорят они), не имея возможности победить россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в христианство». — Сии два известия не противоречат одно другому. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев: Игнатий также; они насадили там первые семена Веры истинной: ибо Несторова летопись свидетельствует, что в Игорево время было уже много христиан в Киеве²⁸⁷. Вероятно, что проповедники для лучшего успеха в деле своем тогда же ввели в употребление между киевскими христианами и новые письмена славянские, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени. Обстоятельства благоприятствовали сему успеху: славяне исповедывали одну Веру, а варяги другую²⁸⁸; впоследствии увидим, что древние государи киевские наблюдали священные обряды первой, следуя внушению весьма естественного благоразумия; но усердие их к чужеземным идолам, коих обожали они единственно в угождение главному своему народу, не могло быть искренним, и самая государственная польза заставляла князей не препятствовать успехам новой Веры, соединявшей их подданных, славян, и надежных товарищей, варягов, узами духовного братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ее.

Таким образом, варяги основали две Самодержавные области в России: Рюрик на севере, Аскольд и Дир на юге. Невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его варягам, хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах Днепровских²⁸⁹: оружие без сомнения решило, кому начальствовать над миролюбивыми полянами; и ежели варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Констан-

тинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути, ибо они удержали за собою Киев.

Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новгороде, за недостатком современных известий, а не для того, чтобы сей князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбию, провел остаток жизни в бездействии: *действовать* же значило тогда *воевать*, и государи скандинавские, единоземцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялись именем Одиновым* быть завоевателями²⁹⁰. Спокойствие государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу царей; но князья русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к западу, северу и востоку народами финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки должныствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забвенных.— Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новгороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого Самодержца Российского, осталась бессмертною в нашей истории, и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых финских племен к народу славянскому в России, так что весь, меря, мурома наконец обратились в славян, приняв их обычаи, язык и Веру²⁹¹.

ОЛЕГ-ПРАВИТЕЛЬ.

Г. 879—912

Завоевания Олеговы. Нашествие угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с греками. Договор с империею. Кончина Олега.

[879 г.] Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностью, победами, благоразумием, любовью подданных.

[882 г.] Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славою и любовью Героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число новгородцев, кривичей, веси, чуди, мери и в 882 году пошел к странам Днепровским²⁹². Смоленск, город вольных кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый князь, поручив Смоленск своему боярину, вступил в область северян и взял Любеч*, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоплеменниками, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев²⁹³; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить государям киевским,

что варяжские купцы, отправленные князем новгородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *Вы не князья и не знаменитого роду, но я князь*, — и показав Игоря, примолвил: — *Вот сын Рюриков*²⁹⁴! Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым... * Простота, свойственная нравам IX века, позволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом владетелей киевских; но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного. — Тела несчастных князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор²⁹⁵; кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители киевские доньше указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где вращает в землю малая, ветхая церковь.

Олег, обогранный кровию невинных князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, устрешенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами — с греческим Херсоном, с козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем — пленили Олега, и сей князь сказал: *Да будет Киев матерью городов российских*²⁹⁶! Монархи народов образованных желают иметь столицу среди государства, во-первых, для того, чтоб лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых, и для своей безопасности: Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли; мыслил ужасать соседей, а не бояться их. — Он поручил дальние области вельможам²⁹⁷; велел строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внешних неприятелей и внутренних мятежников; уставил также налоги общие. Славяне, кривичи и другие народы должны были платить дань варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнею ходячею монетою российской²⁹⁸: что представляло цену ста-пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали варяги, как говорит Нестор, до кончи-

ны Ярославовой; с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России²⁹⁹.

Обширные владения российские еще не имели твердой связи. Ильменские славяне граничили с весью, весь с мерю, меря с мурою и с кривичами³⁰⁰; но сильные, от россиян независимые народы обитали между Новымгородом и Киевом. [883 г.] Храбрый князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припети: там, среди лесов мрачных древляне свирепые наслаждались вольностью и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными кунницами. [884—885 гг.] В следующие два года князь российский овладел землею днепровских северян и соседственных с ними радимичей. Он победил первых, освободил их от власти козаров, и сказав: *я враг им, а не вам!* — удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей российских с северными. Радимичи, жители берегов сожских, добровольно согласились давать россиянам то же, что козарам: по *щлягу*, или мелкой монете, с каждой сохи. Таким образом, соединив цепью завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство хана козарского в Витебской и Черниговской губернии. Сей хан дремал, кажется, в приятностях восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив север, князь российский обратил счастливое оружие свое к югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от российской державы славяне, единоплеменные с черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию: ибо летописец в числе его подданных именует дулебов, тивирцев и хорватов, там обитавших³⁰¹.

Но между тем, как победоносные знамена сего Героя развевались на берегах Днестра и Буга, новая столица его увидела пред стенами своими многочисленные *вежи*, или шатры, угров (маджаров, или нынешних венгерцов), которые обитали некогда близ Урала, а в IX веке на восток от Киева, в стране *Лебедии*, может быть в Харьковской губернии, где город Лебедин напоминает сие имя. Вытесненные

печенегами, они искали тогда жилищ новых; некоторые перешли за Дон, на границу Персии; другие же устремились на запад: место, где они стояли под Киевом, называлось еще в Несторово время *Угорским*³⁰². Олег пропустил ли их дружелюбно, или отразил силою, неизвестно*. Сии беглецы переправлялись через Днепр и завладели Молдавиєю, Бессарабиєю, землю Волошскою.

Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года³⁰³; знаем только, что он правил еще государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить государство. В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, позволяли князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей, ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной княгине или в знак Игоревой к нему любви.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что цари и патриархи греческие старались умножать число христиан в Киеве и вывести самого князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, священников и патриарха и дары от императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с греками и терпимостию христианства. Мы знаем по византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шес-*

тидесятым архиепископством в списке епархий; зависевших от главы константинопольского духовенства; знаем также, что в 902 году 700 россов, или киевских варягов, служили во флоте греческом и что им платили из казны 100 литр золота³⁰⁴. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе императоров: греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростью своею ужасали не Константинополь, а врагов его. **[906 г.]** Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с империею. Все народы, ему подвластные: новгородцы, финские жители Белаозера, ростовская меря, кривичи, северяне, поляне киевские, радимичи, дулебы, хорваты и тивирцы соединились с варягами под его знаменами³⁰⁵. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов: на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и Природу, такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы утратить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетий и, наконец, искусство людей разрушили некоторые из сих преград каменных³⁰⁶: в IX и X веке они должны были быть несравненно опаснее. Первые варяги киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов: Олег со флотом в десять раз сильнейшим. Константин Багрянородный описал нам, как россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля³⁰⁷. Доплыв благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное конное войско: жители Бессарабии и сильные болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приблизился наконец к греческой столице, где суеверный император Леон, про-

званный Философом, думал о вычетах астрологии более, нежели о безопасности государства. Он велел только заградить цепию гавань³⁰⁸ и дал волю Олегу разорять византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома вельмож греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие россиян*. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали гунны и народы германские в областях империи; так, в сие же самое время, норманы, единосемцы Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных: тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями... Сии греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но князь российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским³⁰⁹; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное. Греки, уstraшенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино: князь отвергнул то и другое, боясь отравы, ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было справедливо: то не россиян, а греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и греки согласились с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество. Войско российское отступило далее от города, и князь отправил послов к императору. Летопись сохранила норманские имена сих вельмож: Карла, Фарлафа, Веремиды, Рулава, Стемида. Они заключили с Константинополем следующий договор [в 907 г.]:

I. «Греки дают по 12 гривен на человека³¹⁰, сверх того, *уклады* на города Киев, Чернигов, *Переяславль*, Полтеск**, Ростов, Любич и другие, где властвуют Князья, Олеговы подданные». Война была в сии времена народным

промыслом: Олег, соблюдая обычай скандинавов и всех народов германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и полководцами, не забывая и тех, которые оставались в России.

II. «Послы, отправляемые Князем Русским в Царьград, будут там всем довольствованы из казны Императорской³¹¹. Русским гостям или торговым людям, которые приедут в Грецию, Император обязан на шесть месяцев давать хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов; они имеют также свободный вход в народные бани³¹² и получают на возвратный путь съестные припасы, якоря, снасти, паруса и все нужное».

Греки с своей стороны предложили такие условия: «I. Россияне, которые будут в Константинополе не для торговли, не имеют права требовать месячного содержания.— II. Да запретит Князь Послам своим делать жителям обиду в областях и в селах Греческих.— III. Россияне могут жить только у Св. Мамы³¹³ и должны уведомлять о своем прибытии городское начальство, которое запишет их имена и выдаст им месячное содержание: киевским, черниговским, переяславским и другим гражданам*. Они будут входить только в одни ворота городские с императорским приставом, безоружные и не более пятидесяти человек вдруг; могут торговать свободно в Константинополе и не платя никакой пошлины».

Сей мир, выгодный для россиян, был утвержден священными обрядами Веры: император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа славянского, Перуном и Волосом³¹⁴. В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греций, единогласно назвал Олега *вещим*, то есть мудрым, или волхвом³¹⁵.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, которым Олег увенчал свои дела воинские. Греческие историки молчат о сем важном случае³¹⁶; но когда летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен: то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? Мог ли с дерзостью уверять современников в истине оною, если бы общее предание не слу-

жило ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олеговы, хвалясь своими подвигами, украшали их в рассказах, которые с новыми прибавлениями чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования; но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царюграду и возвратился с успехом*, кажется достоверным.

[911 г.] Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора³¹⁷; но желая утвердить мир с греками, Олег вздумал отправить в Царьград послов, которые заключили с империею договор *письменный*, драгоценный и древнейший памятник истории российской, сохраненный в нашей летописи. Мы изъясним единственно смысл темных речений, оставляя в целости, где можно, любопытную древность слога.

ДОГОВОР РУССКИХ С ГРЕКАМИ

«Мы от роду Русского*, Карл Ингелот, Фарлов, Веремид³¹⁸, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, *Великим Князем Русским и всеми сущими под рукою*³¹⁹ его Светлыми Боярами** к вам, Льву, Александру и Константину» (брату и сыну первого) «Великим Царям Греческим, на *удержание* и на *извещение* от многих лет бывшая любви между христианами и Русью, по воле наших Князей и всех сущих под рукою Олега, следующими *главами* уже не *словесно*, как прежде, но *письменно* утвердили сию любовь и клялись в том по закону Русскому своим оружием.

I. Первым словом да *умиримся* с вами, Греки! Да любим друг друга от всей души и не дадим никому из сущих под рукою наших Светлых Князей обижать вас; но потщимся, сколь можем, всегда и непреложно соблюдать сию дружбу! Так же и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* к нашим Светлым Князьям Русским и всем сущим под рукою Светлого Олега³²⁰ ***. В случае же преступления и вины да поступаем тако:

II. Вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает — и *каждый да клянется по Вере своей*. Взаимные обиды и ссоры греков с россиянами в Константинополе заставили, как надоб-

но думать, императоров и князя Олега включить статьи уголовных законов в мирный государственный договор.

III. «Русин ли убьет ли Христианина или Христианин Русина, да умрет на месте злодеяния. Когда убийца *домовит* и скроется, то его имение отдать ближнему родственнику убитого; но жена убийцы не лишается своей законной части³²¹. Когда же преступник уйдет, не оставив имени, то считается под судом³²², доколе найдут его и казнят смертью.

IV. Кто ударит другого мечом или каким сосудом, да заплатит пять литр серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатит, что может; да снимет с себя и самую одежду, в которой ходит, и да клянется по Вере своей, что ни ближние, ни друзья не хотят его выкупить из вины: тогда увольняется от дальнейшего взыскания.

V. Когда Русин украдет что-либо у Христианина или Христианин у Русина, и пойманный на воровстве захочет сопротивляться, то хозяин украденной вещи может убить его, не подвергаясь взысканию, и возьмет свое обратно; но должен только связать вора, который без сопротивления отдается ему в руки. Если Русин или Христианин, под видом обыска³²³, войдет в чей дом и силою возьмет там чужое вместо своего, да заплатит втрое.

VI. Когда ветром выкинет Греческую ладью на землю чуждую, где случимся мы, Русь, то будем охранять оную вместе с ее грузом, отправим в землю Греческую и проводим сквозь всякое *страшное* место до *бесстрашного*. Когда же ей нельзя возвратиться в отечество за бурю или другими препятствиями, то поможем гребцам и доведем ладью до ближней пристани Русской. Товары и все, что будет в спасенной нами ладии, да продается свободно; и когда пойдут в Грецию наши послы к царю или гости для купли, они с честью приведут туда ладью и в целости отдадут, что выручено за ее товары. Если же кто из Русских убьет человека на сей ладии, или что-нибудь украдет, да примет виновный казнь вышеозначенную.

VII. Ежели найдутся в Греции между купленными невольниками Россияне или в Руси Греки³²⁴, то их освободить и взять за них, чего они купцам стоили, или настоящую, известную цену невольников; пленные также да будут возвращены в отечество, и за каждого да внесется окупы 20 *златых*. Но Русские воины, которые из чести

придут служить Царю, могут, буде захотят сами, остаться в земле Греческой.

VIII. Ежели невольник Русский уйдет, будет украден, или отнят под видом купли, то хозяин может везде искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновным.

IX. Когда Русин, служащий Царю Христианскому, умрет в Греции, не распорядив своего наследства, и родных с ним не будет: то прислать его имение в Русь к *милым ближним*³²⁵ *; а когда сделает распоряжение, то отдать имение наследнику, означенному в духовной.

X. Ежели между купцами и другими людьми Русскими в Греции будут виновные и ежели потребуют их в отечество для наказания, то Царь Христианский должен отправить сих преступников в Русь, хотя бы они и не хотели туда возвратиться.

Да поступают так и Русские в отношении к Грекам!³²⁶

Для верного исполнения сих условий между нами, Русью и Греками, велели мы написать оные киноварью на двух хартиях. Царь Греческий скрепил их своею рукою, клялся Святым Крестом, Нераздельною Животворящею Троицею единого Бога, и дал хартию нашей Светлости; а мы, Послы Русские, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всех Русских, исполнять утвержденные главы мира и любви между нами, Русью и Греками. Сентября во 2 неделю, в 15 лето (то есть Индикта) от создания мира...** [2 сентября 911 г.]»³²⁷.

Договор мог быть писан на греческом и славянском языке. Уже варяги около пятидесяти лет господствовали в Киеве: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между славянами, без сомнения, говорили языком их лучше, нежели скандинавским. Дети варягов, принявших христианство во время Аскольда и Дира, имели способ выучиться и славянской грамоте, изобретенной Кириллом в Моравии. С другой стороны, при дворе и в войске греческом находились издавна многие славяне, обитавшие во Фракии, в Пелопоннесе и в других владениях императорских. В осьмом веке один из них управлял, в сане патриарха, церковь; и в самое то время, когда император Александр подписывал мир с Олегом, первыми любимцами его были два славянина, именем Гаврилопул и Василич: последнего хотел он сделать даже своим наследником³²⁸. Условия мирные надлежало разуметь и грекам и варягам: первые не зна-

ли языка норманов, но славянский был известен и тем и другим.

Сей договор представляет нам россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказывают — и Константин Багрянородный то же свидетельствует³²⁹, — что купцы российские торговали невольниками: или пленными, взятыми на войне, или рабами, купленными у народов соседственных, или собственными преступниками, законным образом лишенными свободы. — Надобно также заметить, что между именами четырнадцати вельмож, употребленных великим князем для заключения мирных условий с греками, нет ни одного славянского. Только варяги, кажется, окружали наших первых государей и пользовались их доверенностью, участвуя в делах правления.

Император, одарив послов золотом, драгоценными одеждами и тканями³³⁰, велел показать им красоту и богатство храмов (которые сильнее умственных доказательств могли представить воображению грубых людей величие Бога христианского) и с честью отпустил их в Киев, где они дали отчет князю в успехе посольства.

Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром³³¹. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, государь народов многочисленных, повелитель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыплении старости. Он совершил на земле дело свое — и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы, — так говорит летописец, — предсказали князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила князя, и Герой скончался»... Уважение к памяти великих мужей и любопытство знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам. Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его³³²; но мнимое пророчество волхвов или ку-

десников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности.

Гораздо важнее и достовернее то, что летописец повествует о следствиях кончины Олеговой: *народ стенал и проливал слезы*. Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу государя умершего? Итак, Олег не только ужасал врагов, он был еще любим своими подданными. Воины могли оплакивать в нем смелого, искусного предводителя, а народ защитника.— Присоединив к державе своей лучшие, богатейшие страны нынешней России, сей князь был истинным основателем ее величия. Рюрик владел от Эстонии, Славянских Ключей и Волхова до Белаозера, устья Оки и города Ростова: Олег завоевал все от Смоленска до реки Сулы, Днестра и, кажется, самых гор Карпатских³³³. Мудростию правителя цветут государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним Героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное. История признает ли его незаконным властелином с того времени, как возмужал наследник Рюриков? Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? И права наследственные, еще не утвержденные в России обыкновением, могли ли ему казаться священными³³⁴?.. Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы.

Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости, ежели он хотя юношею пришел в Новгород с Рюриком. Тело его погребено на горе Щековице*, и жители киевские, современники Нестора, звали сие место *Ольговою могилою*.

КНЯЗЬ ИГОРЬ Г. 912—945

Бунт древлян. Явление печенегов. Нападение Игоря на Грецию. Договор с греками. Убиение Игоря.

[912—913 гг.] Игорь в зрелом возрасте мужа приял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников государя великого или презирают недостойных.

[914 г.] Смерть победителя ободрила побежденных, и древляне отложились от Киева. Игорь спешил доказать, что в его руке меч Олегов; смирил их и наказал прибавлением дани³³⁵. — Но скоро новые враги, сильные числом, страшные дерзостью и грабительством, явились в пределах России. Они под именем *печенегов** так славны в летописях наших, византийских и венгерских от X до XII века, что мы должны, при вступлении их на феатр истории, сказать несколько слов о свойстве и древнем отечестве сего народа³³⁶.

Восточная страна нынешней Российской монархии, где текут реки Иртыш, Tobол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных, различные, может быть, языком, но сходные характером, образом жизни и свирепостью. Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: гунны, угры, болгары, авары, турки — и все они исчезли в Европе, кроме угров и турков. К сим народам принадлежали узы и печенеги, единоплеменники туркоманов: первые, обитая между Волгою и Доном в соседстве с печенегами, вытеснили их из степей саратовских: изгнанники устремились к западу; овладели Лебедиею; чрез несколько лет³³⁷ опустошили Бессарабию, Молдавию, Валахию; принудили угров переселиться оттуда в Паннонию и начали господствовать от реки Дона до самой Алуты, составив 8 разных областей, из

коих 4 были на восток от Днепра, между россиянами и козарами; а другие — на западной стороне его, в Молдавии, Трансильвании, на Буге и близ Галиции, в соседстве с народами славянскими, подвластными киевским государям. Не зная земледелия, обитая в шатрах, кибитках или вежах, печенеги искали единственно тучных лугов для стад; искали также богатых соседей для грабительства; славились быстротою коней своих; вооруженные копьями, луком, стрелами, мгновенно окружали неприятеля и мгновенно скрывались от глаз его; бросались на лошадях в самые глубокие реки или вместо лодок употребляли большие кожи. Они носили персидскую одежду, и лица их изображали свирепость³³⁸.

Печенеги думали, может быть, ограбить Киев; но встреченные сильным войском, не захотели отведать счастья в битве и мирно удалились в Бессарабию, или Молдавию, где уже господствовали тогда их единоплеменники³³⁹. Там народ сей сделался ужасом и бичом соседей; служил орудием взаимной их ненависти и за деньги помогал им истреблять друг друга. Греки давали ему золото для обуздания угров и болгаров, особенно же россиян, которые также искали дружбы его, чтобы иметь безопасную торговлю с Константинополем: ибо Днепровские пороги и дунайское устье были заняты печенегами³⁴⁰. Сверх того они могли всегда, с правой и левой стороны Днепра, опустошать Россию, жечь селения, увозить жен и детей, или, в случае союза, подкреплять государей киевских наемным войском своим. Сия несчастная политика позволяла разбойникам более двух веков свободно отправлять их гибельное ремесло.

Печенеги, заключив союз с Игорем, пять лет не тревожили России: по крайней мере Нестор говорит о первой действительной войне с ними уже в 920 году. Предание не сообщило ему известия об ее следствиях. Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого 941 года, когда Нестор, согласно с византийскими историками, описывает войну Игореву с греками. Сей князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с империею: ибо в 935 году корабли и воины его ходили с греческим флотом в Италию³⁴¹. Если верить летописцам, то Игорь с 10 000 судов вошел в Черное море. Болгары, тогда союзники императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить воспор-

ские окрестности. Здесь Нестор, следуя византийским историкам, с новым ужасом говорит о свирепости россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках, бесчеловечно убиенных³⁴², и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но государь слабый, выслал наконец флот под начальством Феофана протовестиария. Корабли Игоревы стояли на якорях близ фара, или маяка³⁴³, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим щадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не соответствовал его чаянию. Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым *огнем Греческим**, которым Феофан зажег многие суда их и который показался им небесною молниєю в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда с отборною пехотою, конницею, и domestik Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным азиатским войском напали на толпы россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Угрожаемые вместе и войском греческим, и победоносным флотом, и голодом, они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам фракийским, сразились еще с греками на море и с великим уроном возвратились в отечество. Но бедствия, претерпенные от них империею в течение трех месяцев³⁴⁴, остались надолго незабвенными в ее азиатских и европейских областях.

О сем несчастном Игоровом походе говорят не только византийские, но и другие историки: арабский Альмакин и кремонский епископ Лиутпранд³⁴⁵; последний рассказывает слышанное им от своего отчима, который, будучи послом в Цареграде, собственными глазами видел казнь многих Игоровых воинов, взятых тогда в плен греками: варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошью, боялись опасностей, а не злодейства.

[943—944 гг.] Игорь не уныл, но хотел отомстить грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал варягов из-за моря, нанял печенегов — которые дали ему аманатов в доказательство верности своей — и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Херсонцы и болгары вторично дали знать императору, что море покрылось кораблями российскими. Лакапин, не уверенный в победе и желая спасти империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил послов к Игорю. Встретив его близ Дунайского устья, они предложили

ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели князь благоразумно согласится на мир; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивых печенегов. Игорь остановился и, созвав дружину свою, объявил ей желание греков. «Когда царь, — ответствовали верные товарищи князя российского, — без войны дает нам серебро и золото, то чего более можем требовать? Известно ли, кто одолеет? мы ли? они ли? и с морем кто *советен*? Под нами не земля, а глубина морская: в ней общая смерть людям». Игорь принял их совет, взял дары у греков на всех воинов своих, велел наемным печенегам разорять соседственную Болгарию и возвратился в Киев.

В следующий год [944 г.] Лакапин отправил послов к Игорю, а князь российский в Царьград, где заключен был ими торжественный мир на таких условиях:

I. Начало, подобное Олегову договору:

«Мы от рода Русского, Послы и гости Игоревы», и проч. Следует около пятидесяти норманских имен, кроме двух или трех славянских³⁴⁶. Но достойно замечания, что здесь в особенности говорится о послах и чиновниках Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двух *нетиев* Игоревых, то есть племянников или детей сестриных, Улеба, Акуна, и супруги Улебовой, Передславы³⁴⁷. Далее: «Мы, посланные от Игоря, Великого Князя Русского, от всякого Княжения, от всех людей Русской земли, обновить *ветхий* мир с Великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном³⁴⁸, со всем *боярством* и со всеми людьми Греческими, вопреки Дьяволу, ненавистнику добра и *враждолюбцу*, на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, *крещеные* и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержатель на гибель вечную и временную, а вторые да не имеют помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от *собственных* мечей, стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий!

II. Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостями и Послами. Гости, как *было уставлено*, носили печати серебряные, а Послы золотые: отныне же да приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, до-

коле известим о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерти их да не взыщется от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними, как ему угодно».

III. Начало статьи есть повторение условий, заключенных Олегом под стенами Константинополя, о том, как вести себя послам и гостям русским в Греции, где жить, чего требовать³⁴⁹, и проч.— Далее: «Гости Русские будут охраняемы Царским чиновником, который разбирает ссоры их с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 *золотников* (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к ней печать свою³⁵⁰. Отправляясь из Царяграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у Св. Мамы и да возвращаются с охранением.

IV. Когда уйдет невольник из Руси в Грецию, или от гостей, живущих у Св. Мамы, Русские да ищут и возьмут его. Если он не будет сыскан, да клянутся в бегстве его по Вере своей, Христиане и язычники. Тогда Греки дадут им, *как прежде уставлено*³⁵¹, по две ткани за невольника. Если раб Греческий бежит к Россиянам с покражею, то они должны возвратить его и снесенное им в целости: за что получают в награждение два золотника.

V. Ежели Русин украдет что-нибудь у Грека или Грек у Русина, да будет строго наказан по закону Русскому и Греческому; да возвратит украденную вещь и заплатит цену ее вдвое.

VI. Когда русские приведут в Царьград пленников Греческих, то им за каждого брать по десяти золотников, если будет юноша или девица *добрая*, за середовича восемь, за старца и младенца пять³⁵². Когда же Русские найдутся в неволе у Греков, то за всякого пленного давать выкупу десять золотников, а за купленного цену его, которую хозяин объявит *под крестом* (или присягою).

VII. Князь Русский да не присвоивает себе власти над страню Херсонскою и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков: мы дадим ему, сколько будет надобно³⁵³.

VIII. Ежели Русские найдут у берега ладью Греческую, да не обидят ее; а кто возьмет что-нибудь из ладии, или убьет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому³⁵⁴.

IX. Русские да не творят никакого зла Херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни у Св. *Еферия*³⁵⁵; но при наступлении осени да идут в дома свои, в Русскую землю.

X. Князь Русский да не пускает *Черных* Болгаров воевать в стране Херсонской». — *Черною* называлась Болгария Дунайская, в отношении к древнему отечеству болгаров³⁵⁶.

XI. «Ежели Греки, находясь в земле Русской, окажутся преступниками, да не имеет Князь власти наказывать их; но да примут они сию казнь в Царстве Греческом.

XII. Когда Христианин умертвит Русина или Русин Христианина, ближние убиенного, задержав убийцу, да умертвят его». — Далее то же, что в III статье прежнего договора³⁵⁷.

XIII. Сия статья о побоях есть повторение IV статьи Олегова условия.

XIV. «Ежели Цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидят чрез то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью.

Сии условия написаны на двух хартиях: одна будет у Царей Греческих; другую, ими подписанную, доставят Великому Князю Русскому Игорю и людям его, которые, приняв оную, да клянутся *хранить истину* союза: Христиане в Соборной церкви Св. Илии *предлежащим честным Крестом* и сею хартиєю³⁵⁸, а некрещеные полагая на землю щиты свои, *обручи* и мечи обнаженные».

Историк должен в целости сохранить сии дипломатические памятники России, в коих изображается ум предков наших и самые их обычаи. Государственные договоры X века, столь подробные, весьма редки в летописях: они любопытны не только для ученого дипломатика, но и для всех внимательных читателей истории, которые желают иметь ясное понятие о тогдашнем гражданском состоянии народов. Хотя византийские летописцы не упоминают о сем договоре, ни о прежнем, заключенном в Олегово время, но содержание оных так верно представляет нам взаимные отношения греков и россиян X века, так сообразно с обстоятельствами времени, что мы не можем усомниться в их истине...

Клятвенно утвердив союз, император отправил новых послов в Киев, чтобы вручить князю русскому *хартию мира*. Игорь в присутствии их на священном холме, где стоял

Перун, торжественно обязался хранить дружбу с империей; воины его также, в знак клятвы полагая к ногам идола оружие, щиты и золото. Обряд достопамятный: оружие и золото было всего святее и драгоценнее для русских язычников. Христиане варяжские присягали в Соборной церкви Св. Илии, может быть, древнейшей в Киеве³⁵⁹. Летописец именно говорит, что многие варяги были тогда уже христианами*.

Игорь, одарив послов греческих мехами драгоценными, воском и пленниками³⁶⁰ **, отпустил их к императору с дружественными уверениями. Он действительно хотел мира для своей старости; но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствием. «Мы босы и наги, — говорили воины Игорю, — а Свенельдовы отроки богаты оружием и всякою одеждою. *Поди в дань с нами, да и мы, вместе с тобою, будем довольны*». *Ходить в дань**** значило тогда объезжать Россию и собирать налоги. Древние государи наши, по известию Константина Багрянородного, всякий год в ноябре месяце отправлялись с войском из Киева для объезда городов своих и возвращались в столицу не прежде апреля³⁶¹. Целию сих путешествий, как вероятно, было и то, чтобы укреплять общую государственную связь между разными областями или содержать народ и чиновников в зависимости от великих князей. Игорь, отдыхая в старости, вместо себя посылал, кажется, вельмож и бояр, особенно Свенельда, знаменитого воеводу, который, собирая государственную дань, мог и сам обогащаться вместе с *отроками* своими, или отборными молодыми воинами, его окружавшими³⁶². Им завидовала дружина Игорева, и князь, при наступлении осени, исполнил ее желание; отправился в землю древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его — пользуясь, может быть, слабостью князя престарелого — тоже хотела богатства и грабила несчастных данников, усмиренных только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоприятия. Еще недовольный взятою им данью, он вздумал отпустить войско в Киев и с частью своей дружины возвратиться к древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути и сказали ему: «Князь! Мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?» Слепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. Тогда отчаянные

древляне, видя — по словам летописца — что *надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою*, вооружились под начальством князя своего, именем Мала; вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византийский историк повествует, что они, привязав сего несчастного князя к двум деревьям, разорвали надвое³⁶³.

Игорь в войне с греками не имел успехов Олега; не имел кажется, и великих свойств его: но сохранил целость Российской державы, устроенной Олегом; сохранил честь и выгоды ее в договорах с империею; был язычником, но позволял новообращенным россиянам славить торжественно Бога христианского и вместе с Олегом оставил наследникам своим пример благоразумной терпимости, достойный самых просвещенных времен. Два случая остались укоризною для его памяти: он дал опасным печенегам утвердиться в соседстве с Россиею и, не довольствуясь справедливой, то есть умеренною данию народа, ему подвластного, обирал его, как хищный завоеватель. Игорь мстил древлянам за прежний их мятеж; но государь унижается местию долговременною, он наказывает преступника только однажды. — Историк, за недостатком преданий, не может сказать ничего более в похвалу или в обвинение Игоря, княжившего 32 года.

К сему княжению относится любопытное известие современного арабского историка Массуди. Он пишет, что *россияне* идолопоклонники, вместе с славянами, обитали тогда в козарской столице Ателе и служили кагану; что с его дозволения, около 912 года, войско их, приплыв на судах в Каспийское море, разорило Дагестан, Ширван*, но было наконец истреблено магометанами. Другой арабский повествователь, Абульфедда, сказывает, что россияне в 944 году взяли Барду, столицу арранскую** (верстах в семидесяти от Ганджи) и возвратились в свою землю рекою Куром и морем Каспийским. Третий историк восточный, Абульфарах, приписывает сие нападение аланам, лезгам и славянам, бывшим кагановым данниками в южных странах нашего древнего отечества³⁶⁴. Россияне могли прийти в Ширван Днепром, морями Черным, Азовским, реками Дном, Волгою (чрез малую переволоку в нынешней Качалинской станице) — путем дальним, многотрудным; но прелесть добычи давала им смелость, мужество и терпение, которые, в самом начале государственного бытия России, ославили имя ее в Европе и в Азии.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

Г. 945—972

Правление Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещение. Россияне в Сицилии. Характер и подвиги Святослава. Взятие Белой Вежи. Завоевание Болгарии. Нашествие печенегов. Кончина Ольги. Посольство в Германию. Первые уделы в России. Вторичное завоевание Болгарии. Война с Цимискием. Договор с греками. Наружность Святославова. Кончина его.

[945 г.] Святослав, сын Игорев, первый князь славянского имени, был еще отроком³⁶⁵. Бедственный конец родителя, новость державы, только мечом основанной и хранимой; бунт древлян; беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу; честолюбие полководцев варяжских, смелых и гордых, уважавших одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и России опасностями. Но Провидение сохранило и целость державы и власть государя, одарив его мать свойствами души необыкновенной.

Юный князь воспитывался боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском³⁶⁶. Ольга — вероятно, с помощью сих двух знаменитых мужей — овладела кормилом государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых. Здесь летописец сообщает нам *многие подробности*, отчасти не согласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностью истории и взятые, без всякого сомнения, из народной *сказки*: но как истинное происшествие должно быть их *основанием*, и самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени³⁶⁷: то мы повторим Несторовы простые сказания о *месте и хитростях Ольгиных*.

«Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их князь Мал женился на вдо-

ве Игоря, ибо они, платя дань государям киевским, имели еще князей собственных. Двадцать знаменитых послов древлянских приплыли в ладии к Киеву³⁶⁸ и сказали Ольге: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князя древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего князя Мала.* Ольга с ласкою ответствовала: *Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга³⁶⁹! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладью свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках...* Между тем Ольга приказала на дворе теремном ископать глубокую яму и на другой день звать послов. Исполняя волю ее, они сказали: *Не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии!* Киевляне ответствовали: *Что делать! мы невольники; Игоря нет, а княгиня наша хочет быть супругою вашего князя* — и понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как древляне гордились и величались³⁷⁰, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Мстительная княгиня спросила у них, довольны ли они сею *честью*? Несчастные изъявили воплем раскаяние в убиении Игоря, но поздно: Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей: ибо народ киевский не отпустит ее без их торжественного и многочисленного посольства. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан³⁷¹ и начальников земли своей. Там, по древнему обычаю славянскому, для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже идет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою — донныне видимый, как уверяют, близ сего места³⁷² — и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. *Отроки* княгинины угощали знаменитейших древлян, которые вздумали наконец спросить о своих послах; но удовольствовались ответом, что они будут вместе с *Игоревою* дружиною³⁷³. — Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим — и 5000 древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревой могилы.

[946 г.] Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско и выступила с ним против древлян, уже наказанных хитростию, но еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младой Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя и с восклицанием: *Друзья! Станем за князя!* — устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. *Для чего вы упорствуете?* велела она сказать древлянам: *все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщениа: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего.* Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но княгиня, будто бы из великодушия, отреклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радости исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все дома их... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам³⁷⁴ и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастись бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данию».

Так рассказывает летописец... Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вера и самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о Героях истории по обычаям и нравам их времени. Но вероятно ли оплошность древлян? Вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростен посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве послов древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря³⁷⁵; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрика.

Великая княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вместе с юным Святославом объехала всю Древлянскую область, уставляя налоги в пользу казны государственной; но жители Коростена должныствовали третью часть дани своей посылать к самой Ольге в ее *собственный удел*, в Вышегород, основанный, может быть, Героем Олегом* и данный ей в вено как невесте или супруге великого князя³⁷⁶: чему увидим и другие примеры в нашей древней истории. Сей город, известный Константину Багрянородному и знаменитый в X веке, уже давно обратился в село, которое находится в 7 верстах от Киева, на *высоком* берегу Днепра, и замечательно красотою своего местоположения. — Ольга, кажется, утешила древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере все ее памятники — ночлеги и места, где она, следуя обыкновению тогдашних Героев, забавлялась ловлею зверей — долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства³⁷⁷.

В следующий год, оставив Святослава в Киеве, она поехала в северную Россию, в область Новгородскую; учредила по Луге и Мсте государственные дани; разделила землю на *погосты*, или волости; сделала без сомнения все нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России и везде оставила знаки своей попечительной мудрости. Через 150 лет народ с признательностию воспоминал о сем благодетельном путешествии Ольги, и в Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ее, как вещь драгоценную. Вероятно, что сия княгиня, рожденная во Пскове, какими-нибудь особенными выгодами, данными его гражданам, способствовала тому цветущему состоянию и даже силе, которою он после, вместе с Новымгородом, славился в России, затмив соседственный, древнейший Изборск и сделавшись столицею области знаменитой.

Утвердив внутренний порядок государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии, наслаждаясь любовью своего признательного сына и не менее признательного народа. — Здесь, по сказанию Нестора, оканчиваются дела ее государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей церковной истории.

Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит

близкий конец ее перед собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная Вера, более нежели когда-нибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов христианства; могла из любопытства беседовать с церковными пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть христианкою и сама отправилась в столицу империи и Веры греческой, чтобы почерпнуть его в самом источнике³⁷⁸. Там патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный — восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить княгиню народа знаменитого и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления³⁷⁹. Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли *особы княжеские*, ее свойственницы, многие знатные госпожи, послы российские и купцы, обыкновенно жившие в Царьграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встретили Ольгу: после чего император на свободе беседовал с нею в тех комнатах, где жила царица. В сей первый день, 9 сентября [955 г.], был великолепный обед в огромной так называемой *храмине Юстиниановой*, где императрица сидела на троне и где княгиня российская, в знак почтения к супруге великого царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными господами. В час обеда играла музыка, певцы славили величие царского дому и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях. Послы российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* княгини дали 30 *милиаризий* — или 2 1/2 червонца³⁸⁰, — каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати послов 12, каждому из сорока трех купцов то же, священнику или духовнику Ольгину именем Григорию 8, двум переводчикам 24, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику княгини 15 милиаризий. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 милиаризий, шести ее родственницам каждой 20 и осмнадцати служительницам каж-

дой 8. 18 октября княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с императрицею, ее невесткою, Романовой супругою, и с детьми его; сам император обедал в другой зале со всеми россиянами. Угощение заключилось также дарами, еще умереннейшими первых: Ольга получила 200 миллиаризий, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние государи российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными; но *одна учтивость*, без сомнения, заставила великую княгиню принять в дар шестнадцать червонцев³⁸¹.

К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святом крещении Еленою — отвергнула его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который, по закону христианскому, служил препятствием для союза брачного между ими. Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою³⁸².

Наставленная в святых правилах христианства самим патриархом, Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемом: следующее служит тому доказательством. Скоро приехали в Киев греческие послы требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обещание и прислала в Грецию войско вспомогательное; хотели также даров: невольников, мехов драгоценных и воску. Ольга сказала им: «Когда царь ваш постоит у меня на Почайне³⁸³ * столько же времени, сколько я стояла у него в *Суде* (гавани константинопольской): тогда пришлю ему дары и войско» — с чем послы и возвратились к императору. Из сего ответа должно заключить, что подозрительные греки не скоро впустили Ольгу в город и что обыкновенная надменность двора византийского оставила в ее сердце неприятные впечатления.

Однако ж россияне, во все царствование Константина Багрянородного, сына его и Никифора Фоки, соблюдали мир и дружбу с Грециею: служили при дворе императоров, в их флоте, войсках, и в 964 году, по сказанию арабского историка Новайри, сражались в Сицилии, как наемники

греков, с Аль-Гассаном, вождем сарацинским. Константин нередко посылал так называемые *золотые буллы*, или грамоты с золотою печатью³⁸⁴, к великому князю, надписывая: *Грамота Христоролюбивых Императоров Греческих, Константина и Романа, к Российскому Государю*.

Ольга, воспаленная усердием к новой Вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества; но юный, гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастии быть христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного. Святослав отвечал ей: «Могу ли один принять новый Закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его пример склонил бы весь народ к христианству. Юноша был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъявлял презрение к христианам и с досадою отвергал все убеждения матери, которая, не преставая любить его нежно, должна была наконец умолкнуть и поручить Богу судьбу народа российского и сына³⁸⁵.

[964—966 гг.] Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного Героя летел в поле. Там суровую жизнь он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был военачальник, таковы и воины.— Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: *Иду на вас!* В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первым театром его воинских, счастливых действий. Он покорила вятичей, которые все еще признавали себя данниками хана козарского³⁸⁶, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов. Сам каган предводительствовал вой-

ском: Святослав победил и взял козарскую *Белую Вежу*, или *Саркел*, как именуют ее византийские историки, город на берегу Дона, укрепленный греческим искусством³⁸⁷. Летописец не сообщает нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказывая только, что Святослав победил еще *ясов* и *касогов*: первые — вероятно, нынешние оссы или оссетинцы, — будучи аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и близ устья Волги; вторые суть черкесы, коих страна в X веке именовалась *Касахией*: оссетинцы и теперь называют их *касахами*³⁸⁸. — Тогда же, как надобно думать, завоевали россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего Царства Воспорского, названная потом княжеством Тмутороканским³⁸⁹, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностью России. Завоевание столь отдаленное кажется удивительным; но бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей Герой мог утвердить сообщение между областью Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра. В Тавриде оставалась уже одна тень древнего могущества каганов³⁹⁰.

[967 г.] Неудовольствие императора Никифора Фоки на болгарского царя Петра служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отомстить болгарам за то, что они не хотели препятствовать венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника херсонского, ехать послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному князю российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Святослав исполнил желание Никифора, взяв с греков на вооружение несколько пуд золота, и с 60 000 воинов явился в ладиях на Дунае³⁹¹. Тщетно болгары хотели отразить их: россияне, обнажив мечи и закрываясь щитами, устремились на берег и смяли неприятелей. Города сдались победителю. Царь болгарский умер от горести. Удовлетворив мести греков, богатый добычею, гордый славою, князь российский начал властвовать в древней Мизии; хотел еще, в знак благодарности, даров от императора и жил весело в болгарском Переяславце³⁹² *, не думая о том, что в самое сие время отечественная столица его была в опасности.

[968 г.] Печенеги напали на Россию, зная отсутствие храброго князя, и приступили к самому Киеву, где затвори-

лась Ольга с детьми Святослава. На другой стороне Днепра стоял воевода российский, именем Претич, с малочисленную дружиною, и не мог иметь с осажденными никакого сообщения. Изнемогая от голода и жажды, киевляне были в отчаянии. Один смелый отрок вызвался уведомить Претича о бедственном их состоянии; вышел с *уздой* из города прямо в толпу неприятелей и, говоря языком печенежским, спрашивал, кто видел его коня? Печенеги, воображая, что он их воин, дали ему дорогу. Отрок спешил к Днепру, сбросил с себя одежду и поплыл. Тут неприятели, узнав свою ошибку, начали стрелять в него; а россияне с другого берега выехали навстречу и взяли отрока в лодку. Слыша от сего посланного, что изнуренные киевляне хотят на другой день сдаться, и боясь гнева Святослава, воевода решился спасти хотя семейство княжеское — и печенеги на рассвете увидели лодки российские, плывущие к их берегу с трубным звуком, на который обрадованные жители киевские ответствовали громкими восклицаниями. Думая, что сам грозный Святослав идет на помощь к осажденным, неприятели рассеялись в ужасе, и великая княгиня Ольга могла, вместе со внуками, безопасно встретить своих избавителей за стенами города. Князь печенежский увидел их малое число, но все еще не смел сразиться: требовал дружелюбного свидания с предводителем российским и спросил у него, князь ли он? Хитрый воевода объявил себя начальником передовой дружины Святославовой, уверяя, что сей Герой со многочисленным войском идет вслед за ним. Обманутый печенег предложил мир: они подали руку один другому и в знак союза обменялись оружием. Князь дал воеводе саблю, стрелы и коня: воевода князю щит, броню и меч. Тогда печенеги немедленно удалились от города³⁹³.

Освобожденные киевляне отправили гонца к Святославу сказать ему, что он для завоевания чуждых земель жертвует собственною; что свирепые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствие государя и защитника может снова подвергнуть их той же опасности, и чтобы он сжалился над бедствием отечества, престарелой матери и юных детей своих. Тронутый князь с великою поспешностию возвратился в Киев. Шум воинский, любезный его сердцу, не заглушил в нем нежной чувствительности сына и родителя: летопись говорит, что он с горячностью лобызал мать и детей, радуясь их спасению. — Дерзость печене-

гов требовала мести: Святослав отразил их от пределов России и сею победою восстановил безопасность и тишину в отечестве.

[969 г.] Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному князю. Страна завоеванная всегда кажется приятною завоевателю, и сердце героя стремилось к берегам дунайским. Собрав бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: «ибо в столице болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности искусства и природы³⁹⁴: греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды; богемцы и венгры серебро и коней; россияне меха, воск, мед и невольников». Огорченная мать ответствовала ему, что старость и болезнь не замедлят прекратить ее жизни. «Погреби меня,— сказала она,— и тогда иди, куда хочешь». Сии слова оказались пророчеством: Ольга на четвертый день скончалась.— Она запретила отправлять по себе языческую тризну и была погребена христианским священником на месте, ею самою для того избранном. Сын, внуки и благодарный народ оплакали ее кончину.

Предание нарекло Ольгу *Хитрою*, церковь *Святою*, история *Мудрою*. Отмстив древлянам, она умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святославова; с деятельностью великого мужа учреждала порядок в государстве обширном и новом; не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ. Великие князья до времен Ольгиных *воевали*: она *правила* государством. Уверенный в ее мудрости, Святослав и в мужеских летах своих оставлял ей, кажется, внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, которые удаляли его от столицы.— При Ольге Россия стала известной и в самых отдаленных странах Европы. Летописцы немецкие говорят о посольстве ее в Германию к императору Оттону I³⁹⁵. Может быть, княгиня российская, узнав о славе и победах Оттоновых, хотела, чтобы он также сведал о знаменитости ее народа, и предлагала ему дружественный союз чрез послов своих.— Наконец, сделавшись ревностною христианкою, Ольга — по выражению Нестора, *денница и луна спасения* — служила убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве*.

По кончине матери Святослав мог уже свободно испол-

нить свое безрассудное намерение: то есть перенести столицу государства на берега дунайские. Кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, Болгария действительно могла нравиться ему своим теплым климатом, изобилием плодов и богатством деятельной, удобной торговли с Константинополем; вероятно также, что сие государство, сопредельное с империею, превосходило Россию и в гражданском образовании: но для таких выгод долженствовал ли он удалиться от своего отечества, где был, так сказать, корень его силы и могущества? По крайней мере Святославу надлежало бы овладеть прежде Бессарабиею, Молдавию и Валахию, то есть выгнать оттуда печенегов, чтобы непрерывною цепью завоеваний соединить Болгарию с российскими владениями. Но сей князь излишно надеялся на счастье оружия и на грозное имя победителя козаров.

[970 г.] Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу³⁹⁶, Древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные князья. В то же время новгородцы, недовольные, может быть, властью княжеских наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного князя. Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери любчанина Малька³⁹⁷: новгородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию.— Итак, Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные уделы*: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрынею в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областью, но где народ встретил его как неприятеля³⁹⁸. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на россиян. Долговременное кровопролитное сражение клонилось уже в пользу болгаров; но воины Святославовы, ободренные его речью: *Братья и дружина! Умрем, но умрем с твердостью и мужеством!* — напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел Царством Болгарским и хотел там навсегда остаться. В сем намерении еще более утвердил его знатный грек, именем Калокир, самый тот, который от императора Никифора был по-

словом у Святослава. Калокир³⁹⁹ с помощью россиян надеялся свергнуть государя своего с престола и царствовать в Константинополе: за что обещал им уступить Болгарию в вечное владение и присылать дары. — Между тем Святослав, довольствуясь властью над сею землею, позволял сыну умершего ее царя, именем Борису, украшаться знаками царского достоинства⁴⁰⁰.

Греки, призвавшие россиян на берега дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее болгаров. Иоанн Цимиский⁴⁰¹, тогдашний император, предлагая сему князю исполнить договор, заключенный с ним в царствование Никифора, требовал, чтобы россияне вышли из Болгарии; но Святослав не хотел слушать послов и с гордостью отвечивал, что скоро будет сам в Константинополе и выгонит греков в Азию. Цимиский, напомнив ему о бедственной участи ненасытного Игоря, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

В описании сей кровопролитной войны Нестор и византийские историки не согласны: первый отдает честь и славу победы князю российскому, вторые императору — и, кажется, справедливее: ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у греков, а Святослав принужден был, с горстью воинов, идти назад в Россию: следствия, весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же греческие историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть их любопытного сказания.

Великий князь (говорят они), к русской дружине присоединив болгаров, новых своих подданных — венгров и печенегов, тогдашних его союзников, вступил во Фракию и до самого Адрианополя опустошил ее селения⁴⁰². Варда Склир, полководец империи, видя многочисленность неприятелей, заключился в сем городе и долго не мог отважиться на битву. Наконец удалось ему хитростию разбить печенегов: тогда греки, ободренные успехом, сразились с князем Святославом. Россияне изъявили пылкое мужество; но Варда Склир и брат его, Константин Патрикий, принудили их отступить, умертвив в единоборстве каких-то двух знаменитых богатырей *скифских*.

Нестор описывает сию битву таким образом: «Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел

знать *число* его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий князь объявил у себя 20 000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100 000 воинов, которые со всех сторон окружили россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрадим отечества, но ляжем здесь костями*⁴⁰³: *мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить вождя смелого, единодушно ответствовали: *Наши головы лягут вместе с твоею!* — вступили в кровопролитный бой и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись — и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь всеми ужасами опустошения»... Доселе можем не сомневаться в истине Несторова сказания; но дальнейшее его повествование гораздо менее вероятно. «Цимиский (пишет он) в страхе, в недоумении призвал вельмож на совет и решился *искусить* неприятеля дарами, золотом и паволоками драгоценными; отправил их с человеком хитрым и велел ему наблюдать все движения Святославовы. Но сей князь не хотел взглянуть на золото, положенное к его ногам, и равнодушно сказал отрокам своим: *Возьмите*. Тогда император послал к нему в дар оружие: Герой схватил оное с живейшим удовольствием, изъявляя благодарность, и Цимиский, не смея ратоборствовать с таким неприятелем, заплатил ему дань; каждый воин взял часть свою; доля убиенных была назначена для их родственников. Гордый Святослав с торжеством возвратился в Болгарию». Греки не имели нужды *искушать* великого князя, когда он с малыми силами уже разбил их многочисленное войско; но сия сказка достойна замечания, свидетельствуя мнение потомства о характере Святослава.

[971 г.] В следующий год, по известиям византийским, сам Цимиский выступил из Константинополя с войском, отправив наперед сильный флот к дунайскому устью, без сомнения для того, чтобы пресечь сообщение россиян водою с Киевом. Сей император открыл себе путь ко трону злодейством, умертвив царя Никифора, но правил государством благоразумно и был Героем. Избирая полководцев искусных, щедро награждая заслуги самых рядовых вои-

нов, строго наказывая малейшее неповиновение, он умел вселить в первых древнее римское славолюбие, а вторых приучить к древней подчиненности. Собственно его мужество было примером для тех и других. — На пути встретили императора послы российские, которые хотели единственно узнать силу греков. Иоанн, не входя с ними в переговоры, велел им осмотреть стан греческий и возвратиться к своему князю. Сей поступок уже доказывал Святославу, что он имеет дело с неприятелем опасным.

Оставив главное войско назади, император с отборными ратниками, с легионом так называемых *бессмертных*, с 13 000 конницы, с 10 500 пехоты⁴⁰⁴, явился нечаянно под стенами Переяславца и напал на 8000 россиян, которые спокойно занимались там воинским ученьем. Они изумились, но храбро вступили в бой с греками. Большая часть их легла на месте, и вылазка, сделанная из города в помощь им, не имела успеха; однако ж победа весьма дорого стоила грекам, и Цимиский с нетерпением ожидал своего остального войска. Как скоро оно пришло, греки со всех сторон окружили город, где начальствовал российский полководец Сфенкал. Сам князь с 60 000 воинов стоял в укрепленном стане на берегу Дуная.

Калокир, виновник сей войны, по словам греческих летописцев, бежал из Переяславца уведомить его, что столица болгарская осаждена. Но Цимиский не дал Святославу времени освободить ее: тщетно предлагав россиянам сдаться, он взял город приступом. Борис, только именем царь болгарский, достался грекам в плен, со многими его знаменитыми единосемцами: император обошелся с ними благосклонно, уверяя — как бывает в таких случаях — что он вооружился единственно для освобождения их от неволи и что признает врагами своими одних россиян⁴⁰⁵.

Между тем 8000 воинов Святославовых заперлись в царском дворце, не хотели сдаться и мужественно отражали многочисленных неприятелей. Напрасно император ободрял греков: он сам с оруженосцами своими пошел на приступ и должен был уступить отчаянной храбрости осажденных. Тогда Цимиский велел зажечь дворец, и россияне погибли в пламени.

Святослав, сведав о взятии болгарской столицы, не показал воинам своим ни страха, ни огорчения и спешил только встретить Цимиския, который со всеми силами приближался к Доростолу, или нынешней Силистрии.

В 12 милях оттуда сошлись оба воинства. Цимиский и Святослав — два Героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе, — каждый ободрив своих, дали знак битвы, и при звуке труб началось кровопролитие. От первого стремительного удара греков поколебались ряды Святославовы; но, вновь устроенные князем, сомкнулись твердою стеною и разили неприятелей. До самого вечера счастье ласкало ту и другую сторону; *двенадцать* раз то и другое войско думало торжествовать победу. Цимиский велел распустить священное знамя империи; был везде, где была опасность; махом копья своего удерживал бегущих и показывал им путь в средину врагов. Наконец судьба жестокой битвы решилась: Святослав *отступил* к Доростолу и вошел в сей город⁴⁰⁶.

Император осадил его. В то же самое время подоспел и флот греческий, который пресек свободное плавание россиян по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала с опасностями. Он заключил в оковы многих болгаров, которые хотели изменить ему; окопал стены глубоким рвом, беспрестанными вылазками тревожил стан греков. Россияне (пишут византийские историки) оказывали чудесное остервенение и, думая, что убитый *неприятелем* должен служить ему рабом в аде, вонзали себе мечи в сердце, когда уже не могли спастись: ибо хотели тем сохранить вольность свою в будущей жизни⁴⁰⁷. Самые жены их ополчались и, как древние амазонки, мужествовали в кровопролитных сечах. Малейший успех давал им новую силу. Однажды в счастливой вылазке, приняв магистра Иоанна, свойственника Цимискиева, за самого императора, они с радостными кликами изрубили сего знатного сановника и с великим торжеством выставили голову его на башне. Нередко, побеждаемые силою превосходною, обращали тыл без стыда: шли назад в крепость с гордостью, медленно, закинув за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле; закаляли пленников над ними и с какими-то священными обрядами погружали младенцев в струи Дуная. Пример Святослава одушевлял воинов.

Но число их уменьшалось. Главные полководцы, Сфенкал, Икмор (не родом, по сказанию византийцев, а доблестию вельможа) пали в рядах неприятельских. Сверх того россияне, стесненные в Доростоле и лишенные всякого сообщения с его плодоносными окрестностями, терпели го-

лод. Святослав хотел преодолеть и сие бедствие: в темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2000 воинов сел на лодки, при блеске молнии обошел греческий флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На возвратном пути, видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные россияне вышли из лодок, напали из лесу на греков, множество их убили и благополучно достигли пристани.— Но сия удача была последнею. Император взял меры, чтобы в другой раз ни одна лодка русская не могла выплыть из Доростола.

Уже более двух месяцев продолжалась осада; счастье совсем оставило россиян. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вероятно, не знало их бедствия. Народы соседственные волею и неволею держали сторону греков, ибо страшились Цимиския. Воины Святославовы изнемогали от ран и голода. Напротив того, греки имели во всем изобилие, и новые легионы приходили к ним из Константинополя.

В сих трудных обстоятельствах Святослав собрал на совет дружину свою. Одни предлагали спастися бегством в ночное время; другие советовали просить мира у греков, не видя иного способа возвратиться в отечество; наконец, все думали, что войско российское уже не в силах бороться с неприятелем. Но великий князь не согласился с ними и хотел еще испытать счастье оружия. «Погибнет,— сказал он с тяжким вздохом,— погибнет слава россиян, если ныне устрасимся смерти! Приятна ли жизнь для тех, которые спасли ее бегством? И не впадем ли в презрение у народов соседственных, доселе ужасаемых именем русским⁴⁰⁸? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племен, или победим греков, или падем с честью, совершив дела великие!» Тронутые сею речью, достойные его сподвижники громкими восклицаниями изъявили решительность геройства — и на другой день все войско российское с бодрым духом выступило в поле за Святославом. Он велел запереть городские ворота, чтобы никто не мог думать о бегстве и возвращении в Доростол. Сражение началось утром: в полдень греки, утомленные зноем и жаждою, а более всего упорством неприятеля, начали отступать, и Цимиский должен был дать им время на отдохновение. Скоро битва возобновилась. Император, видя, что тесные места вокруг Доростола благопри-

ятствуют малочисленным россиянам, велел полководцам своим заманить их на обширное поле притворным бегством; но сия хитрость не имела успеха: глубокая ночь разве-ла воинства без всякого решительного следствия.

Цимиский, изумленный отчаянным мужеством неприятелей, вздумал прекратить утомительную войну единоборством с князем Святославом и велел сказать ему, что лучше погибнуть одному человеку, нежели губить многих людей в напрасных битвах. Святослав ответствовал: «Я лучше врага своего знаю, что мне делать. Если жизнь ему наскучила, то много способов от нее избавиться: Цимиский да избирает любой!» За сим последовало новое сражение, равно упорное и жестокое. Греки всего более хотели смерти Героя Святослава. Один из их витязей, именем Анемас, открыл себе путь сквозь ряды неприятелей, увидел великого князя и сильным ударом в голову сшиб его с коня; но шлем защитил Святослава, и смелый грек пал от мечей дружины княжеской. Долгое время победа казалась сомнительною. Наконец самая Природа ополчилась на Святослава: страшный ветер поднялся с юга и, дуя прямо в лицо россиянам, ослепил их густыми облаками пыли, так что они должныствовали прекратить битву, оставив на месте 15 500 мертвых и 20 000 щитов. Греки назвали себя победителями. Их суеверие приписало сию удачу сверхъестественному действию: они рассказывали друг другу, будто бы Св. Феодор Стратилат явился впереди их войска и, разъезжая на белом коне, приводил в смятение полки российские⁴⁰⁹.

Святослав, видя малое число своих храбрых воинов, большею частью раненных, и сам уязвленный, решился наконец требовать мира. Цимиский, обрадованный его предложением, отправил к нему в стан богатые дары. «Возьмем их,— сказал великий князь дружине своей,— когда же будем недовольны греками, то, собрав войско многочисленное, снова найдем путь к Царюграду». Так повествует наш летописец, не сказав ни слова о счастливых успехах греческого оружия⁴¹⁰. Византийские историки говорят, что Цимиский, дозволяя Святославу свободно выйти из Болгарии и купцам российским торговать в Константинополе, примолвил с великодушною гордостью: «Мы, греки, любим побеждать своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями». Императорский вельможа Феофан синкел и российский воевода Свенельд именем государей своих заключил следующий договор, который находится в Несто-

ровой летописи и так же ясно доказывает, что успех войны был на стороне греков: ибо Святослав, торжественно обзываясь на все полезное для империи, не требует в нем никаких выгод для россиян⁴¹¹.

«Месяца Июля, Индикта XIV, в лето 6479 [971 г.], я, Святослав, Князь Русский, по данной мною клятве, хочу иметь *до конца века* мир и любовь совершенную с Цимискием, Великим Царем Греческим, с Василием и Константином, Боговдохновенными Царями⁴¹², и со всеми людьми вашими, обещаясь именем всех сущих *подо мною* Россиян, Бояр и прочих никогда *не помышлять на вас*, не собирать моего войска и не приводить чужеземного на Грецию, область Херсонскую и Болгарию. Когда же иные враги *помышлят на Грецию*, да буду их врагом и да борюсь с ними. Если же я или *сущие подо мною* не сохранят *сих правых* условий, да *имеем клятву* от Бога, в коего веруем: Перуна и Волоса, бога скотов. Да будем *желты, как золото*, и собственным нашим оружием *иссечены*⁴¹³. В удостоверение чего написали мы договор на сей хартии и своими печатями запечатали». Утвердив мир, император снабдил россиян съестными припасами⁴¹⁴; а князь российский желал свидания с Цимискием. Сии два Героя, знакомые только по славным делам своим, имели, может быть, равное любопытство узнать друг друга лично. Они виделись на берегу Дуная. Император, окруженный *златоносными* всадниками, в блестящих латах, приехал на коне: Святослав в ладии, в простой белой одежде и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня: Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили — и расстались друзьями.

Но сия дружба могла ли быть искреннею? Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предпринял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем; а Цимиский в то же время отправил к печенегам послов, которые должны были, заключив с ними союз, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили россиян чрез свою землю. Печенеги согласились на все, кроме последнего, досадуя на

россиян за то, что они примирились с греками. Так пишут византийские историки; но с большею вероятностью можно думать совсем противное. Тогдашняя политика императоров не знала великодушия: предвидя, что Святослав не оставит их надолго в покое, едва ли не сами греки наставили печенегов воспользоваться слабостью российского войска. Нестор приписывает сие коварство жителям Переяславца: они, по его словам, дали знать печенегам, что Святослав возвращается в Киев с великим богатством и с малочисленною дружиною.

[972 г.] Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: князь не принял его совета и решился зимовать в Белобережье, при устье Днепра, где россияне должны были терпеть во всем недостаток и самый голод, так что они давали полгривны за лошадиную голову⁴¹⁵. Может быть, Святослав ожидал там помощи из России, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь в отечество. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу⁴¹⁶. Только немногие россияне спаслись с воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о гибели Святослава.

Таким образом скончал жизнь сей Александр нашей древней истории, который столь мужественно боролся и с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнью с Героями Песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение Стихотворца, заслуживает укоризну историка.

Если Святослав в 946 году, — как пишет Нестор — был еще слабым отроком, то он скончал дни свои в самых цветущих летах мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы соседственные.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК

Г. 972—980

Междоусобие князей. Первые деяния Владимировы. Брак Владимиров. Братоубийство. Послы российские в Германии.

[973 г.] По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в Древлянской земле, Владимир в Новгороде. Единодержавие пресеклось в государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над уделами своих братьев⁴¹⁷. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата.

[975 г.] Виновником сей вражды был славный воевода Свенельд, знаменитый сподвижник Игорев и Святославов. Он ненавидел Олега, который умертвил сына его, именем Люта, встретясь с ним на ловле *в своем владении*: причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства. Свенельд, желая отомстить ему, убедил Ярополка идти войною на древлянского князя и соединить область его с Киевскою.

[977 г.] Олег, узнав о намерении своего брата, также собрал войско и вышел к нему навстречу; но, побежденный Ярополком, должен был спасаться бегством в древлянский город Овруч*: воины его, гонимые неприятелем, теснились на мосту у городских ворот и столкнули своего князя в глубокий ров⁴¹⁸. Ярополк вступил в город и хотел видеть брата: сей несчастный был раздавлен множеством людей и лошадами, которые упали за ним с моста. Победитель, видя бездушный, окровавленный труп Олегов, лежащий на ковре пред его глазами, забыл свое торжество, слезами изъявил раскаяние и, с горестию указывая на мертвого, сказал Свенельду: *Того ли хотелось тебе?..* Могила Олегова в Несторово время была видима близ Овруча, где и ныне показывают оную любопытным путешественникам. Поле служило тогда кладбищем и для самых князей владетельных, а высокий бугор над могилою единственным мавзолеем.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствием собственной его судьбы несчастной.— Владимир, князь новгородский, сведав о кончине брата и завоевании Древлянской области, устранился Ярополкова властолюбия и бежал за море к варягам. Ярополк воспользовался сим случаем: отправил в Новгород своих наместников, или посадников, и таким образом сделался государем Единодержавным в России⁴¹⁹.

Но Владимир искал между тем способа возвратиться с могуществом и славою. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле варяжской; участвовал, может быть, в смелых предприятиях норманов, которых флаги развевались на всех морях европейских и храбрость ужасала все страны от Германии до Италии; наконец собрал многих варягов под свои знамена; прибыл [в 980 г.] с сей надежною дружиною в Новгород, сменил посадников Ярополковых и сказал им с гордостью: «Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

В области Полоцкой, в земле кривичей, господствовал тогда варяг Рогволод, который *пришел из-за моря*, вероятно, для того, чтобы служить великому князю российскому, и получил от него в удел сию область⁴²⁰. Он имел прелестную дочь Рогнеду*, сговоренную за Ярополка. Владимир, готовясь отнять державу у брата, хотел лишить его и невесты и чрез послов требовал ее руки; но Рогнеда, верная Ярополку, ответствовала, что не может соединиться браком с сыном рабы⁴²¹: ибо мать Владимирова, как нам уже известно, была ключницею при Ольге. Раздраженный Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода, двух сыновей его и женился на дочери. Совершив сию ужасную месть, он пошел к Киеву. Войско его состояло из дружины варяжской, славян новгородских, *чуди и кривичей*: сии три народа северо-западной России уже повиновались ему, как их государю. Ярополк не дерзнул на битву и затворился в городе. Окружив стан свой окопами⁴²², Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством. Зная великую доверенность Ярополкову к одному воеводе, именем Блуду, он вошел с ним в тайные переговоры. «Желаю твоей помощи,— велел сказать ему Владимир,— ты будешь мне вторым отцом, когда не станет Ярополка. Он сам начал братоубийства: я вооружился для спасения жизни своей». Гнусный любимец не усомнился предать государя и благодетеля; советовал Владимиру обступить город, а

Ярополку удалаться от битвы. Страшась верности добрых киевлян, он уверил князя, будто они хотят изменить ему и тайно зовут Владимира. Слабый Ярополк, думая спастись от мнимого заговора, ушел в Родню: сей город стоял на том месте, где Рось впадает в Днепр⁴²³. Киевляне, оставленные государем, должны были покориться Владимиру, который спешил осадить брата в последнем его убежище. Ярополк с ужасом видел многочисленных врагов за стенами, а в крепости изнеможение воинов своих от голода, коего память долго хранилась в древней пословице: *беда аки в Родне*. Изменник Блуд склонял сего князя к миру, представляя невозможность отразить неприятеля, и горестный Ярополк ответственал наконец: «Да будет по твоему совету! Возьму, что уступит мне брат». Тогда злодей уведомил Владимира, что желание его исполнится и что Ярополк отдается ему в руки. Если во все времена, варварские и просвещенные, государи бывали жертвою изменников: то во все же времена имели они верных добрых слуг, усердных к ним в самой крайности бедствия. Из числа сих был у Ярополка некто прозванием *Варяжко* (да сохранит история память его!), который говорил ему: «Не ходи, государь, к брату; ты погибнешь. Оставь Россию на время и собери войско в земле печенегов». Но Ярополк слушал только изверга Блуда и с ним отправился в Киев, где Владимир ожидал его в теремном дворце Святослава. Предатель ввел легковерного государя своего в жилище брата, как в вертеп разбойников, и запер дверь, чтобы дружина княжеская не могла войти за ними: там два наемника, племени варяжского, пронзили мечами грудь Ярополкову... Верный слуга, который предсказал гибель сему несчастному, ушел к печенегам, и Владимир едва мог возвратить его в отечество, дав клятву не мстить ему за любовь к Ярополку⁴²⁴.

Таким образом, старший сын знаменитого Святослава, быв 4 года киевским владетелем и 3 года главою всей России, оставил для истории одну память добродушного, но слабого человека. Слезы его о смерти Олеговой свидетельствуют, что он не хотел братоубийства, и желание снова присоединить к Киеву область Древлянскую казалось согласным с государственною пользою. Самая доверенность Ярополкова к чести Владимировой изъясняет доброе, всегда неподозрительное сердце; но государь, который действует единственно по внушению любимцев, не умея ни защитить своего трона, ни умереть Героем, достоин сожаления, а не власти.

Ярополк оставил беременную супругу, прекрасную монахиню греческую, пленницу Святославу. Он был женат еще при отце своем⁴²⁵, но сватался за Рогнеду: следовательно, многоженство и прежде Владимира не считалось незаконным в России языческой.

В княжение Ярополка, в 973 году, по известию летописца немецкого⁴²⁶, находились в Кведлинбурге, при дворе императора Оттона, *послы российские*: за каким делом?* — неизвестно; сказано только, что они вручили императору богатые дары.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР,
 НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ
 Г. 980—1014

Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые христианские мученики в Киеве. Бунт радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение государства. Строеие городов. Война с хорватами и печенегами. Церковь Десятинная. Набег печенегов. Пирь Владимировы. Милосердие. Осада Белгорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимирова. Свойства его. Сказки народные. Богатыри.

[980 г.] Владимир с помощью злодеяния и храбрых варягов овладел государством; но скоро доказал, что он родился быть государем великим.

Сии гордые варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны: Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обещаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидели обман; но видя также, что войско российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились в Грецию. Владимир, с радостью отпустив сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и роздал им многие города в управление⁴²⁷. Между тем послы его предупредомили императора, чтобы он не оставлял мятежных варягов в столице, но разослал по городам и ни в каком случае не позволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его близ *теремного двора*, на священном холме, вместе с иными кумирами⁴²⁸. Там, говорит летописец, стекался народ ослепленный и земля осквернялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством: ибо и самая Вера языческая не терпела таких злодея-

ний... Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новымгородом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка⁴²⁹; от другой законной супруги, чехини или богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева), и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.

[981 г.] Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен любя жен, любил и войну. Польские славяне⁴³⁰, ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно славянам российским, еще ранее их прибегнули к единовластию. Мечислав, государь знаменитый в истории введением христианства в земле своей, правил тогда народом польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возвратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к государству Польскому. Он взял города *Червен* (близ Хелма), *Перемышль* и другие, которые, с сего времени будучи собственностью России, назывались *червенскими*⁴³¹. В следующие два года храбрый князь смирил бунт вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну ятвягов, дикого, но мужественного народа латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к северо-западу он распространил свои владения до самого Балтийского моря: ибо *Ливония*, по свидетельству *Стурлезона*, летописца исландского, принадлежала Владимиру, коего чиновники ездили собирать дань со всех жителей между Курляндиею и Финским заливом⁴³².

Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческою обогреть олтари. Исполняя совет *бояр* и *старцев*, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов — и жребий пал на

юного варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был христианином⁴³³. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастье: вдохновенный любовью к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели христианство; но торжественное хуление Веры их произвело мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор варяжского христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна⁴³⁴ *.

[984 г.] Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, спокойные данники великих князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый воевода его, прозванием *Волчий Хвост*, начальник передовой дружины княжеской, встретился с ними на берегах реки *Пищаны*** и наголову побил мятежников⁴³⁵; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в поговорку: *Радимичи волчьего хвоста бегают*.

[985 г.] На берегах Волги и Камы издревле обитали болгары***, или, может быть, переселились туда с берегов Дона в VII веке, не хотев повиноваться хану козарскому⁴³⁶. В течение времени они сделались народом гражданским и торговым; имели сообщение, посредством судоходных рек, с севером России, а чрез море Каспийское с Персиею и другими богатыми азиатскими странами. Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с новгородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные *торки*, союзники или наемники россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с туркоманами и печенегам⁴³⁷: он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались орды печенежские. Великий князь победил болгаров; но мудрый Добрыня, по известию летописца, осмотрев пленников и видя их в *сапогах*, сказал Владимиру: «Они не захотят быть нашими данниками, пойдем лучше искать *лапотников!*» Добрыня мыслил, что люди избыточные

имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде»⁴³⁸. — Ежели не с данию, то по крайней мере с честью и с дарами великий князь возвратился в столицу.

К сему времени надлежит, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный в продолжении Несторовой летописи. Рогнеда, названная по ее горестям *Гориславою*, простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо великий князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего. В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное на берегу Лыбеди — близ Киева, где в Несторово время было село *Предславино*, — заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украсить брачною одеждою и, сидя на богатом ложе в светлой храмине, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину... Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: «Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем»⁴³⁹. Владимир, бросив меч на землю, отвечив: «Кто знал, что ты здесь!»... удалился, собрал бояр и требовал их совета. «Государь! — сказали они: — прости виновную для сего младенца, и дай им в удел бывшую область отца ее». Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской губернии и, назвав его *Изяславлем*, отправил туда мать и сына⁴⁴⁰.

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимира, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось христианство, наконец вся и торжественно признала святость оногo, почти в одно время с землями соседственными: Венгрию, Польшею, Швециею, Норвегиею и Даниею. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие

для истинной Веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний летописец наш повествует, что не только христианские проповедники, но и магометане, вместе с иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию Веры своей и что великий князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедовал одного Бога с ними, и Владимир мог также — увидев наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества — искать истины в разных Верах.

Первые послы были от волжских, или камских, болгаров⁴⁴¹. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера магометанская, утвержденная там счастливым оружием аравитян: болгары приняли онаю и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино — уставом безрассудным. *Вино, сказал он, есть веселие для русских; не можем быть без него.* — Послы немецких католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь отвечивал им: *Идите обратно; отцы наши не принимали Веры от папы*⁴⁴². Выслушав иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, — отвечивали проповедники: — но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». *И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других?* — сказал Владимир. — *Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества.* — Наконец, безыменный философ⁴⁴³, присланный греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку⁴⁴⁴. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!» *Крестися, — отвечивал философ, — и будешь в раю с первыми.*

Летописец наш *угадывал*, каким образом проповедники Вер должныствовали говорить с Владимиром; но ежели гре-

ческий философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона христианского. Вера славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей и нередко увеселялись их кровию. Хотя славяне признавали также и бытие единого Существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, Вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовлетворять сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того, христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенныя, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там, за тмою временной смерти, блаженством вечной жизни, — удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

[987 г.] Владимир, отпустив философа с дарами и с великою честью, собрал бояр и *градских старцев*; объявил им предложения магометан, иудеев, католиков, греков и требовал их совета. «Государь! — сказали бояре и старцы: — всякий человек хвалит Веру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли испытать, который народ достойнее поклоняется Божеству» — и великий князь отправил *десять* благоразумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране болгаров храмы скудные⁴⁴⁵, моление унылое, лица печальные; в земле немецких католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты*; наконец прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* — сказал император и, зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести послов в Софийскую церковь, где сам патриарх⁴⁴⁶, облаченный в святительские ризы, совершал Литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого духовенства греческого, богатые одежды служебные, убранство олтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили россиян;

им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется... Возвратясь в Киев, послы говорили князю с презрением о богослужении магометан, с неуважением о католическом и с восторгом о византийском, заключив словами: «Всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав Веру греков, не хотим иной». Владимир желал еще слышать мнение бояр и старцев. «Когда бы Закон греческий,— сказали они,— не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его». Великий князь решил быть христианином.

Так повествует наш летописец, который мог еще знать современников Владимира, и потому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего российско-го посольства в страну католиков и в Царьград, для испытания Закона христианского, утверждается также известиями одной греческой древней рукописи, хранимой в Парижской библиотеке: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего царя византийского, названного в ней *Македонским*, вместо *Багрянородного*⁴⁴⁷.

Владимир мог бы креститься и в собственной столице *своей*, где уже давно находились церкви и священники христианские⁴⁴⁸ *; но князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни цари греческие и патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* Веру христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

[988 г.] Собрав многочисленное войско, великий князь пошел на судах к греческому Херсону, которого развалины донныне видимы в Тавриде, близ Севастополя⁴⁴⁹. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до козаров и печенегов. Он признавал над собою верховную власть императоров греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам республиканским. Жители его, тор-

гуя во всех пристанях черноморских, наслаждались изобилием. — Владимир, остановясь в гавани, или заливе херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великий князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения в надежде, может быть, иметь скорую помощь от греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит летописец, ночью уносили в город ту землю, которую россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оную валом, по древнему обыкновению военного искусства⁴⁵⁰. К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас; сей человек пустил к россиянам стрелу с надписью: *За вами, к востоку, находятся колодези, дающие воду херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее*. Великий князь спешил воспользоваться советом⁴⁵¹ и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, российский князь еще более возгордился своим величием и чрез послов объявил императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь⁴⁵². Родственный союз с греческими знаменитыми царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Героя Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным государям и спорили с ними о державе. Сии обстоятельства принудили императоров забыть обыкновенную надменность греков и презрение к язычникам⁴⁵³. Василий и Константин, надеясь помощью сильного князя российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру христианскую, он получит и руку царевны и Царство Небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостию изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с князем народа, по мнению греков, дикого и свирепого, казалось ей *жестоким пленом*⁴⁵⁴ и ненавистнее смерти. Но политика требовала сей

жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предлогом. Горестная царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что великий князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда святитель возложил на него руку⁴⁵⁵. Бояре российские, удивленные чудом, вместе с государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили великий князь и невеста его). Херсонский митрополит и византийские пресвитеры совершили сей обряд торжественный*, за коим следовало обручение и самый брак царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо великий князь, как верный союзник императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в империи⁴⁵⁶.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город царям греческим в изъявлении благодарности за руку сестры их⁴⁵⁷. Вместо пленников он вывел из Херсона одних иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных⁴⁵⁸, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный херсонским митрополитом в тайнах и нравственном учении христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр⁴⁵⁹. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлось Перу-

новым). Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данью суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди русские, вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься⁴⁶⁰ — и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда великий князь и бояре предпочли ее старой Вере отцов своих. Там явился Владимир, провождаемый собором греческих священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку⁴⁶¹: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился; когда священный собор нарек всех граждан киевских христианами: тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них Веру правую. Будь мне помощь в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!»... *В сей великий день, говорит летописец, земля и небо ликовали.*

[988—990 гг.] Скоро знамения Веры христианской, принятой государем, детьми его⁴⁶², вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ. Великий князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия⁴⁶³ на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери, там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый варяг и сын его. Между тем ревностные служители олтарей, священники, проповедывали Христа в разных областях государства. Многие люди крестились, рассуждая без сомнения так же, как и граждане киевские; другие, привязанные к Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить россиян.* Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных киевским христианам, великий князь

завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшною новостью, и жены знаменитые, у коих неволей брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков⁴⁶⁴. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыновению сих времен, Владимир разделил государство на области и дал в удел Вышеславу Новгород⁴⁶⁵, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский⁴⁶⁶, Мстиславу Тмуторокань, или греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который доньше существует в Минской губернии и назван так от имени варяга Тура, повелевавшего некогда сею области⁴⁶⁷. Владимир отправил малолетних князей в назначенный для каждого удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить государства и дал сыновьям одни права своих наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный князь, повинясь отцу, самовластному государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом: ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства печенегов, великий князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне и населил их новгородскими славянами, кривичами, чудью, вятичами⁴⁶⁸. Укрепив киевский Белгород стеною, он перевел туда многих жителей из других городов: ибо отменно любил его и часто жил в оном.

[993 г.] Война с хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Седмиградской области и Галиции⁴⁶⁹ *, отвлекла Владимира от внутренних государственных распоряжений. Едва окончив ее, миром или победою, он сведал о набегах печенегов, которые пришли из-за Сулы и разоряли об-

ласть Киевскую. Великий князь встретился с ними на берегах Трубежа: причем летописец рассказывает следующую повесть:

«Войско печенегов стояло за рекою: князь их вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело поединком между двумя, с обеих сторон избранными богатырями. *Ежели русский убьет печенега*, сказал он, *то обязываемся три года не воевать с вами; а ежели наш победит, то мы вольны три года опустошать твою землю*. Владимир согласился и велел бирючам, или герольдам, в стане своем кликнуть охотников для поединка⁴⁷⁰: не сыскалось ни одного, и князь российский был в горести. Тогда приходит к нему старец и говорит: *Я вышел в поле с четырьмя сынами, а меньший остался дома. С самого детства никто не мог одолеть его. Однажды, в сердце на меня, он разорвал надвое толстую воловью кожу. Государь! Вели ему бороться с печенегом*. Владимир немедленно послал за юношею, который для опыта в силе своей требовал быка дикого; и когда зверь, раздраженный прикосновением горячего железа, бежал мимо юноши, сей богатырь одною рукою вырвал у него из боку кусок мяса. На другой день явился печенег, великан страшный, и, видя своего малорослого противника, засмеялся. Выбрали место: единоборцы схватились. Россиянин крепкими мышцами своими дакнул печенега и мертвого ударил об землю. Тогда дружина княжеская, воскликнув победу, бросилась на уstraшенное войско печенегов, которое едва могло спастись бегством. Радостный Владимир в память сему случаю заложил на берегу Трубежа город и назвал его *Переяславлем*: ибо юноша русский *перееал* у врагов *славу*⁴⁷¹. Великий князь, наградив витязя и старца, отца его, саном боярским, возвратился с торжеством в Киев». Поединок может быть истиною; но обстоятельство, что Владимир основал Переяславль, кажется сомнительным: ибо о сем городе упоминается еще в Олеговом договоре с греками в 906 году⁴⁷² *.

[994—996 гг.] Россия года два или три наслаждалась потом тишиною. Владимир, к великому своему удовольствию, видел наконец совершение каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери** и художеством греков украшенного. Там, исполненный Веры святой и любви к народу, он сказал пред олтарем Всевышнего: «Господи! В сем храме, мною сооруженном, да внимаешь всегда молитвам добрых россиян!» — и в знак сердечной радости угостил во

дворце княжеском бояр и градских старцев; не забыл и людей бедных, щедро удовлетворив их нуждам.— Владимир отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсоне; велел служить в ней херсонским иереям; поручил ее любимцу своему Анастасу; оставил брать ему десятую часть из собственных доходов княжеских и, клятвенною грамотою обязав своих наследников не преступать сего закона, положил оную в храме⁴⁷³. Следственно, Анастас был священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая *Десятинною*) находилась под его особенным ведением. Новейшие летописцы утвердительно повествуют о киевских митрополитах сего времени, но, именуя их, противоречат друг другу⁴⁷⁴. Нестор совсем не упоминает о митрополии до княжения Ярослава, говоря единственно о епископах, уважаемых Владимиром, без сомнения греках или славянах греческих, которые, разумея язык наш, тем удобнее могли учить россиян.

Случай, опасный для Владимировой жизни, еще более утвердил сего князя в чувствах набожности. Печенеги, снова напав на области Российские, приступили к Василеву, городу, построенному им на реке Стугне⁴⁷⁵. Он вышел в поле с малою дружиною, не мог устоять против их множества и должен был скрыться под мостом. Окруженный со всех сторон врагами свирепыми, Владимир обещался, ежели Небо спасет его, соорудить в Василеве храм празднику того дня, Святому Преображению. Неприятели удалились, и великий князь, исполнив обет свой, созвал к себе на пир вельмож, посадников, старейшин из других городов. Желая изобразить его роскошь, летописец говорит, что Владимир приказал сварить *триста варь меду* и восемь дней праздновал с боярами в Василеве. Убогие получили 300 гривен из казны государственной. Возвратясь в Киев, он дал новый пир не только вельможам, но и всему народу, который искренно радовался спасению доброго и любимого государя. С того времени сей князь всякую неделю угощал в *гриднице*, или в прихожей дворца своего, бояр, *гридней* (меченосцев княжеских), воинских сотников, десятских и всех людей именитых, или *нарочитых*⁴⁷⁶. Даже и в те дни, когда его не было в Киеве, они собирались во дворце и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всеми роскошными яствами тогдашнего времени. Однажды — как рассказывает летописец — гости Владимировы, упоенные крепким медом, вздумали жаловаться, что у знаменитого

государя русского подают им к обеду деревянные ложки. Великий князь, узнав о том, велел сделать для них *серебряные*, говоря благоразумно: *серебром и золотом не добудешь верной дружины; а с нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и деду*. Владимир, по словам летописи, отменно любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских, так и гражданских делах.

Будучи другом усердных бояр и чиновников, он был истинным отцом бедных, которые всегда могли приходиться на двор княжеский, утолять там голод свой и брать из казны деньги⁴⁷⁷. Сего мало: *больные*, говорил Владимир, *не в силах дойти до палат моих* — и велел развозить по улицам хлебы, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где нищие, недужные?» — спрашивали люди княжеские и надеялись на всем потребным. Сию добродетель Владимирову приписывает Нестор действию христианского учения. Слова Евангельские: *блажени милостиви, яко тии помиловани будут*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу в заим даете*, вселили в душу великого князя редкую любовь к благотворению и вообще такое милосердие, которое выходило даже из пределов государственной пользы. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только *виною*, или денежною пенею⁴⁷⁸: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные пастыри церкви вывели набожного князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» — спросили они. «*Боюсь гнева Небесного*, — отвечивал Владимир». «Нет, — сказали епископы, — ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий князь, приняв их совет, отменил *виру*, и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Сим благоразумным советникам надлежало еще пробудить в нём, для государственного блага, и прежний дух воинский, усыпленный тем же человеколюбием. Владимир уже не искал славы Героев и жил в мире с соседственными государями: польским, венгерским и богемским⁴⁷⁹; но хищные печенеги, употребляя в свою пользу миролюбие его, беспрестанно опустошали Россию. Мудрые епископы и *старцы* доказали великому князю, что государь должен быть ужасом не только преступников государственных, но

и внешних врагов,— и глас воинских труб снова раздался в нашем древнем отечестве⁴⁸⁰.

[997 г.] Владимир, желая собрать воинство многочисленное для отражения печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекли сообщение жителей с местами окрестными. Через несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на *вече*, или совет⁴⁸¹, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко,— говорил он: — печенеги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем». Но хитрость умного старца, впрочем не совсем *вероятная*, спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою, другую с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах! Печенеги сняли осаду⁴⁸².

[997—1014 гг.] Вероятно, что Владимир счастливым оружием унял наконец сих варваров: по крайней мере летописец не упоминает более о их нападениях на Россию до самого 1015 года. Но здесь предания оставляют, кажется, Нестора и в течение *семнадцати лет* он рассказывает нам только, что в 1000 году умерли Мальфрида — одна из бывших Владимировых жен, как надобно думать — и знаменитая несчастием Рогнеда, в 1001 Изяслав, а в 1003 младенец Всеслав, сын Изяславов; что в 1007 году привезли иконы в киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции, а в 1011 скончалась Анна⁴⁸³, супруга Владимира, достопамятная для потомства: ибо она была орудием Небесной благодати, извлекшей Россию из тьмы идолопоклонства.

В сии годы, скудные происшествиями по Несторовой летописи, Владимир мог иметь ту войну с норвежским принцем Эриком, о коей повествует исландский летописец Стурлезон⁴⁸⁴. Гонимый судьбою, малолетний принц норвежский Олоф, племянник Сигурда, одного из вельмож Владимировых, с матерью, вдовствующею королевою Астридою, нашел убежище в России; учился при дворе, осыпaeмый милостями великой княгини, и ревностно служил государю; но, оклеветанный завистливыми боярами, должен был оставить его службу. Через несколько лет — может быть, с помощью России — он сделался королем норвеж-

ским, отняв престол у Эрика, который бежал в Швецию, собрал войско, напал на северо-западные Владимировы области, осадил и взял приступом город российский *Альдейгабург*, или, как вероятно, нынешнюю Старую Ладогу⁴⁸⁵ *, где обыкновенно приставали мореплаватели скандинавские и где, по народному преданию, Рюрик имел дворец свой. Храбрый норвежский принц четыре года воевал с Владимиром; наконец, уступив превосходству сил его, вышел из России.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники новгородские ежегодно платили две тысячи гривен великому князю и тысячу раздавали гридням, или телохранителям княжеским⁴⁸⁶. Ярослав, тогдашний правитель Новгорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого. [1015 г.] Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время печенег ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его *любимому* сыну Борису, князю ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило государства на волю рока...

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину великого князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев⁴⁸⁷; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: вельможи, народ, воины, бросились в церковь; увидели труп государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благотворителя, бояре отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжест-

венно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного⁴⁸⁸.

Сей князь, названный церковию *Равноапостольным**, заслужил и в истории имя *Великого*. Истинное ли уверение в святине христианства, или, как повествует знаменитый арабский историк XIII века⁴⁸⁹, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с государями византийскими решило его креститься? — известно Богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв Веру Спасителя, освятился Ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем⁴⁹⁰, воином кровожадным и — что всего ужаснее — братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил россиян на путь истинной Веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей князь, похитив единовластие, благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; выслав мятежных варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу; смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ ятвяжский; расширил пределы государства на западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе восточных императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только иереев, но и художников; наконец, был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в политике, за назначение особенных уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние скандинавские, немецкие, византийские, арабские летописи говорят о нем. Кроме преданий церкви и нашего первого летописца о делах Владимировых, память сего великого князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском, Александре *с золотою гривною*, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвце, грозе печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных ле-

тописях⁴⁹¹. Сказки не история; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и князя Владимира достойно замечания: тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к христианству, любовью к Наукам, живут донныне и в сказах богатырских.

Владимир, несмотря на слабое от природы здоровье⁴⁹², дожил до старости: ибо в 970 году уже господствовал в Новгороде, под руководством дяди, боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого Монарха, дополним историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных, современных летописцах, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России: чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

Пределы. Правление. Законы гражданские. Воинское искусство. Флоты. Чинопочащие и внутреннее образование войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояние городов. Деньги. Успехи разума. Механические и свободные художества. Нравы.

В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние государства европейские⁴⁹³. Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее владения от Новагорода и Киева к западу до моря Бальтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к югу до порогов Днепровских и Киммерийского Воспора; к северу и востоку граничила она с Финляндиею и с чудскими народами, обитателями нынешних губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с мордвою и с казанскими болгарами, за коими, к морю Каспийскому, жили хвалисы, их единоверцы и единоплеменники (почему сие море называлось тогда Хвалынским, или Хвалиским).

Слова новгородцев и союзных с ними народов, преданные нам летописцем: «хотим князя, да владеет и правит нами по закону», были основанием первого устава государственного в России, то есть Монархического.

Но князья привели с собою многих независимых варягов, которые считали их более своими товарищами, нежели государями, и шли в Россию властвовать, а не повиноваться. Сии варяги были первыми чиновниками, знаменитейшими воинами и гражданами; составляли отборную дружину и верховный совет, с коим государь делился властью. Мы видели, что послы российские заключали договор с Грециею от имени князя и бояр его; что Игорь не мог один утвердить союза с императором и что вся дружина княжеская должна была вместе с ним присягать на священном холме⁴⁹⁴.

Самый народ славянский, хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий

совет. Белгородцы, теснимые печенегами, рассуждали на вече, что им делать⁴⁹⁵. — Сии народные собрания были древним обыкновением в городах российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в державах строгого, неограниченного Единовластия. Так новгородцы объявили Святославу, что они требуют от него сына в правители, или, в случае отказа, изберут себе особенного князя.

На войне права государя были ограничены корыстолюбием воинов: он мог брать себе только часть добычи, уступая им прочее. Так Олег, Игорь взяли дань с греков на каждого из своих ратников; самые родственники убитых имели в ней долю⁴⁹⁶. Желая один воспользоваться грабежом в земле Древлянской, Игорь удалил от себя войско: следственно, не только добычею счастливой битвы, но и данию, собираемую с народов, уже подвластных России, князь делились с воинами.

Впрочем, вся земля Русская была, так сказать, законною собственностью великих князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие варяги получили уделы от Рюрика. Так супруга Игорева владела Вышегородом, а Рогволод, по словам летописи, княжил в Полоцке⁴⁹⁷.

Варяги, на условиях *поместной системы** владевшие городами, имели титул князей: о сих-то *многих* князьях российских упоминается в Олеговом договоре с греческим императором⁴⁹⁸. Дети их, заслужив милость государя, могли получать те же уделы: бояре Владимировы называли Полоцк, где княжил отец Рогнедин, ее наследственным достоянием, или отчиною⁴⁹⁹. Но великий князь как государь располагал сими частными княжествами: Владимир отдал детям своим Ростов, Муром и другие области, бывшие со времен Рюриковых уделами вельмож норманских. — Другие города и волости непосредственно зависели от великого князя: он управлял ими чрез своих посадников, или наместников⁵⁰⁰.

Образ сего внутреннего правления отвечал простоте тогдашних нравов. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: государь советовался о *земских* учреждениях** с храброю дружиною⁵⁰¹. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владимир по воле своей отменил и снова уставил смертную казнь. — Нестор упоминает еще о *градских старейшинах*, которые летами, разумом и честью заслужив доверенность, могли быть судьями в делах народных.

Во времена независимости российских славян граждан-

ское правосудие имело основанием совесть и древние обычаи каждого племени в особенности⁵⁰²; но варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам великих князей с греками* и во всем согласные с древними законами скандинавскими. Например: и в тех и других было установлено, что родственник убиенного имел право лишить жизни убийцу; что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки; что за каждый удар мечом, копием или другим орудием надлежало платить денежную пеню⁵⁰³. Сии первые законы нашего отечества, еще древнейшие Ярославовых, делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверенности к клятвам, следственно, к совести людей, и на справедливости: так виновный был увольняем от пени, ежели он утверждал клятвенно, что не имеет способа заплатить ее; так хищник наказывался соразмерно с виною и платил вдвое и втрое за всякое похищение; так гражданин, мирными трудами нажив богатство, мог при кончине располагать им в пользу ближних и друзей своих⁵⁰⁴. — Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило сии уставы в народной памяти. Ежели не славяне, то по крайней мере варяги российские могли иметь в IX и X веке *законы писанные*: ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление рунических письмен было известно до времен христианства⁵⁰⁵.

Мы имеет еще древний так называемый *Владимиров устав*, по коему, сообразно с греческими Номоканонами, отчуждены от мирского ведомства монахи и церковники, богадельни, гостиницы, дома странноприимства, лекари и все люди увечные. Дела их были подсудны одним епископам: также весы и мерилы городские, распри и неверность супругов, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодейства детей в отношении к отцу и матери, тяжбы родных, осквернение храмов, церковная татьба, снятие одежды с мертвеца и проч. и проч. Нет сомнения, что духовенство российское в первые времена христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относились к совести и нравственным правилам новой Веры (так было во всей Европе); нет сомнения, что означенные здесь суды могли принадлежать ему (некоторые из оных и ныне остаются его правом): но сей *устав* есть подложный — и вот доказательство: там Владимир пишет, что патриарх *Фотий* дал ему *первого* митрополита Леона; а *Фотий* умер за 90 лет до сего великого князя⁵⁰⁶.

Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны*. Россияне, предводимые своими князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за которыми целое войско оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для защиты своей тяжелые латы, обручи, высокие шлемы. Мечи, с обеих сторон острые, копья и стрелы были их оружием. Укрепляя города свои стенами, хотя деревянными, но неприступными для народов варварских, тогдашних соседей России, предки наши умели брать города чуждые и знали искусство осадных земляных работ; окружали глубокими рвами не только крепости, но и полевые станы свои для безопасности⁵⁰⁷.

Подобно другим славянам мужественные на суше, они заимствовали от варягов искусство мореплавания, и только один страшный *огонь Греческий* мог спасти Царьград от флота Игорев: для того великие князья всегда желали узнать тайный состав сего огня; но хитрые греки уверяли их, что Ангел Небесный вручил оный императору Константину и что одни христиане могут им пользоваться. Тогдашние военные корабли российские были не что иное, как гребные, с помощью больших парусов весьма ходкие суда, на которые садилось от 40 до 60 человек⁵⁰⁸.

О древнем чиновничестве и внутреннем образовании войска известно нам следующее: князь был его главою на воде и суше; под ним начальствовали воеводы, тысяцкие, сотники, десятские⁵⁰⁹. Дружину первого составляли опытные витязи и бояре, которые хранили его жизнь и служили примером мужества для прочих. Мы знаем, сколь Владимир уважал и любил их. Дружина Игорев и по смерти князя носила на себе его имя. Под сим общим названием разумелись иногда и молодые отборные воины, отроки, гридни, которые служили при князе: первые считались знаменитее вторых⁵¹⁰. Главные, воеводы имели также своих отроков, как Свенельд, воевода Игорев.— Варяги до самых времен Ярославовых были в России особенным войском: они и гридни, или *мечники*, брали из казны жалованье; другие участвовали только в добыче⁵¹¹.

Народы, из коих составилось государство Российское, и

до пришествия варягов имели уже некоторую степень образования: ибо самые грубые древляне жили отчасти в городах; самые вятичи и радимичи, варвары по описанию Нестору, издревле занимались хлебопашеством. Вероятно, что они пользовались и выгодами торговли, как внутренней, так и внешней; но мы не имеем никакого исторического об ней сведения. Первые известия о нашем древнем купечестве относятся уже ко временам варяжских князей: договоры их с греками свидетельствуют, что в X веке жило множество россиян в Цареграде, которые продавали там невольников и покупали всякие ткани. Звериная ловля и пчеловодство доставляли им множество воску, меду и драгоценных мехов, бывших, вместе с невольниками, главным предметом их торговли. Константин Багрянородный пишет, что в Хазарию и в Россию шли тогда из Царяграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец: к сим товарам, по известию Нестора, можно прибавить вино и плоды⁵¹². Ежегодное путешествие российских купцов в Грецию описывает Константин следующим образом: «Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смоленска, Любича, Чернигова и Вышегорода; подвластные россам славяне, кривичи, лучане и другие зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые *μονοξυλα*: ибо оне делаются из *одного дерева*. По вскрытии Днепра славяне приплывают в Киев и продают оные россиянам, которые делают уключины и весла из старых лодок. В апреле месяце собирается весь российский флот в городке Витичеве, откуда идет уже к порогам. Дошедши до четвертого и самого опасного, то есть *Неясытя*, купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого *Крарийского перевоза* (где херсонцы, *возвращаясь из России*, переправляются чрез Днепр): отразив сих разбойников и доплыв до острова Св. Григория, россияне приносят богам своим жертву благодарности и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности; но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с печенегами и, наконец, миновав Конопу, Константию, также устье болгарских рек, Варны и Дицины, достигают Месимврии, первого греческого города»⁵¹³. Сия торговля, без сомнения, весьма обогащала россиян, когда они для ее выгод отваживались на столько опасностей и трудов и когда она была предметом всякого их мирного договора с империею.—

Они ходили на судах не только в Болгарию, в Грецию, Хазарию или Тавриду, но, если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию⁵¹⁴: Черное море, покрытое их кораблями, или, справедливее сказать, лодками, было названо *Русским*⁵¹⁵. Но цареградские купцы едва ли ездили чрез пороги Днепровские; одни, кажется, херсонцы торговали в Киеве.

Печенеги, всегдашние грабители нашего древнего отечества, имели с ним также и мирные торговые связи. Будучи народом кочующим и скотоводным, подобно нынешним киргизам и калмыкам, они продавали россиянам множество азиатских коней, овец и быков; но Константин к сему известию прибавляет явную ложь, сказывая, что в России не было прежде ни лошадей, ни скота рогатого.— Волжские болгары, по сказанию Эбн-Гаукаля, арабского географа X века, доставали от нас шкуры черных куниц или скифских соболей; но сами не ездили в Россию, будто бы для того, что в ней убивали всех иноземцев⁵¹⁶.

О торговле древних россиян с народами северными находим любопытные и достоверные известия в скандинавских и немецких летописцах. Средоточием ее был Новгород, где со времен Рюриковых поселились многие варяги, деятельные в морском грабеже и купечестве. Там скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову, езжали новгородцы еще в Олеговы времена. В славной Виннете и других балтийских городах находились купцы российские. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмонки, собирались весною норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатством на севере, что летописцы сего времени обыкновенно называют Россию страню, *изобильною всеми благами, omnibus bonis affluentem*⁵¹⁷.

Вероятно, что великие князья, следуя примеру скандинавских владетелей, сами участвовали в выгодах народной торговли для умножения своих доходов. Государственная подать в IX и X веке состояла у нас более в *вещах*, нежели в *деньгах*. Из разных областей России ходили в столицу обозы с *медом* и *шкурами*, или с оброком княжеским, что

называлось: *возить повоз*. Следственно, казна изобиловала *товарами* и могла отпускать их в чужие земли⁵¹⁸.

Россияне, подобно норманам, соединяли торговлю с грабежом. Известно, что они славились морскими разбоями в окрестностях Меларского озера* и что железные цепи при Стокзунде (где ныне Стокгольм) не могли их удерживать⁵¹⁹. Требование греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходцы российские предъявляли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело, без сомнения, важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцов от разбойников.

Счастливые войны и торговля россиян, служив к обогащению народа, должныствовали, в течение ста лет и более, произвести некоторую роскошь, прежде неизвестную. Узнав пышность двора константинопольского, великие князья хотели подражать ему: не только сами они, но и супруги их, дети, родственники имели своих особенных придворных чиновников⁵²⁰. Нередко послы российские именем государя требовали в дар от греков царской одежды и венцов: чего императоры, желая отличиться от *варваров* хотя украшениями драгоценными, не любили давать им, уверяя, что сии порфиры и короны сделаны руками Ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви. Друзья Владимира, обедая у князя, ели *серебряными* ложками. Мед, древнее любимое питье всех народов славянских, был еще душою славных пиров его; но киевляне в Олеговы времена уже имели вина греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги⁵²¹ и проч.

Города сего времени ответствовали уже состоянию народа избыточного. Немецкий летописец Дитмар, современник Владимиров, уверяет, что в Киеве, *великом граде*, находилось тогда 400 церквей, созданных усердием новообращенных христиан, и восемь больших торговых площадей. Адам Бременский именует оный *главным украшением России* и даже *вторым Константинополем*⁵²². Сей город до XI века стоял весь на высоком берегу днепровском: место нынешнего Подола было в Ольгино время еще залито водою⁵²³. Смоленск, Чернигов, Любеч имели сообщение с Грециею. Император Константин, несправедливо называя Новгород

столицею великого князя Святослава, дает по крайней мере знать, что сей город был уже знаменит в X веке.

Народ торговый не может обойтись без денег, или знаков, представляющих цену вещей. Но деньги не всегда бывают металлом: донныне вместо их жители Мальдивских островов употребляют раковины. Так и славяне российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурами зверей, *куниц* и белок: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить с собою целые шкуры для купли подала мысль заменить оные *мордками* и другими *лоскутками*, куньими и бельми⁵²⁴. Надобно думать, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии *лоскутки* на целые кожи. Однако ж, зная цену серебра и золота, предки наши издревле добывали их посредством внешней торговли. В Олеговых условиях с империею сказано, что грек, ударив мечом россиянина, или россиянин грека, обязывался платить за вину 5 литр *серебра*. Россияне брали также в Цареграде за каждого невольника греческого 20 *золотников*, т. е. византийских червонцев, *номисм* или *солидов*⁵²⁵. Нет сомнения, что и внутри государства ходило серебро в монетах: радимичи вносили в казну *щляги*, или шиллинги, без сомнения полученные ими от козаров⁵²⁶. Однако ж мордки или куны долгое время оставались еще в употреблении: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всех торговых оборотов и платежей народных. Именем *гривны* означалось известное число *кун*, некогда равное ценою с полуфунтом серебра; но сии лоскутки, не имея никакого существенного достоинства, в течение времени более и более унижались в отношении к металлам, так что в XIII веке гривна серебра содержала в себе уже семь гривен новгородскими кунами⁵²⁷.

Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России христианскою Верою. Волхвы славились при Олеге гаданием будущего: вот древнейшие мудрецы нашего отечества! Наука их состояла или в обманах, или в заблуждениях. Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие и назвал Олега *вещим*, ибо сей великодушный, смелый князь возвратился с сокровищами из Константинополя. Любопытство, сродное человеку, питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслом. В сказке о хитростях Ольгиных видим некоторое остроумие. Пословицы народные: По-

Киевская Русь IX—XII вв.

гибоша аки обри — беда аки в Родне — пищанцы волчья хвоста бегают⁵²⁸ и, конечно, многие другие, хранили так же память важных случаев. В государственных договорах великих князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии россиян; например: *Дондеже солнце сияет и мир стоит — да не защитятся щиты своими — да будем золоти аки золото* и проч. Краткая сильная речь Святослава* есть достойный па-

мятник сего Героя. Но времена Владимировы были началом истинного народного просвещения в России.

Скандинавы в IX веке знали употребление рунических букв; однако ж мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка славянского. Хотя кирилловские письма могли быть известны в России еще до времен Владимировых (ибо самые первые христиане киевские имели нужду в книгах для церковного служения), но число грамотных людей было, конечно, не велико: Владимир умножил оное заведением народных училищ, чтобы доставить церкви пастырей и священников, разумеющих книжное писание, и таким образом открыл россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются...

Здесь должно ответить на вопрос любопытный: какие священные книги были тогда употребляемы христианами российскими? Те ли самые, коими донныне пользуется наша церковь, или *иного, древнейшего перевода*? Сличив рукописные харатейные Евангелия XII века и разные места Св. Писания, приводимые Нестором в летописи, с печатною московскою или киевскою Библиею, всякий уверится, что россияне XI и XII столетия имели тот же перевод ее⁵²⁹. Мы знаем, что она несколько раз была исправляема при Константине, волынском князе, в XVI веке; при царе Алексии Михайловиче, Петре Великом и Елисавете Петровне; однако ж, несмотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди ученые справедливо признают оный древнейшим памятником языка славянского⁵³⁰. Библия чешская или богемская переведена с латинской Иеронимовой в XIII и XIV веке; польская, крайнская, лаузицкая еще гораздо новее.

Следует другой вопрос: когда же и где переведена наша Библия? При великом ли князе Владимире, как сказано в любопытном предисловии Острожской печатной⁵³¹, или она есть бессмертный плод трудов Кирилла и Мефодия? Второе гораздо вероятнее: ибо Нестор, почти современник Владимиров, ко славе отечества не умолчал бы о новом российском переводе ее; но сказав: *сим бо первая преложены книги* (т. е. Библия) *в Мораве, яже прозвася грамота словенская, еже грамота есть в Руси*⁵³², он ясно дает знать, что российские христиане пользовались трудом Кирилла и Мефодия. Сии два

брата и помощники их основали правила книжного языка славянского на греческой грамматике, обогатили его новыми выражениями и словами, держась наречия своей родины, Фессалоники, то есть иллирического, или сербского, в коем и теперь видим сходство с нашим церковным. Впрочем, все тогдашние наречия должны были быть менее нынешнего различаться между собою, будучи гораздо ближе к своему общему источнику, и предки наши тем удобнее могли присвоить себе моравскую Библию. Слог ее сделался образцом для новейших книг христианских, и сам Нестор подражал ему; но русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро после Владимира), Несторовой летописи и *Слова о полку Игореве*, о коем будем говорить в примечаниях на российскую словесность XII века.

Нужнейшие искусства механические, равно как и свободные, были известны древним россиянам. И ныне селянин русский делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: в старину, когда люди менее общались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности. Муж обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих ремесел. Но основание городов, торговля, роскошь мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей, сделанных удобнее и лучше обыкновенного. Все немецкие славяне торговали полотнами: русские издревле ткали холсты и сукна; умели также выделывать кожи, и сии ремесленники назывались *усмарями*⁵³³. Народ, составленный из воинов, хлебопашцев и звероловов, без сомнения, пользовался искусством ковать железо: что утверждает самую Несторовую сказку о мечях, будто бы предложенных киевлянами в дань козарам. — Христианская Вера способствовала дальнейшим успехам зодчества в России. Владимир начал строить великолепные церкви и призвал художников греческих; однако ж и в языческие времена были уже *каменные* здания в столице: например, Ольгин терем. Стены и башни служили для городов не только защитой, но и самым украшением⁵³⁴. Вероятно, что и тогдашние деревенские избы были подобны нынешним; а горожане имели высокие дома и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низ, может быть, для погребов, кладовых и

проч. *Клетн*, или горницы, с обеих сторон дома разделялись *помостом* или сеньми; спальни назывались *одринами*. На дворах строились вышки для голубей: ибо россияне искони любили сих птиц⁵³⁵. — Несторово описание Перунова истукана свидетельствует о резном и плавильном искусстве наших предков. Вероятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владимир украсил греческими образами одну Десятинную церковь: иконы других храмов были, как надобно думать, писаны в Киеве. Греческие художники могли выучить русских. — Трубы воинские, коих звук ободрял Героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь россиян к искусству мусикийскому.

Что касается собственно до нравов сего времени, то они представляют нам смесь варварства с добродушием, свойственную векам невежества. Россияне IX и X века славились на войне корыстолюбием и свирепостью; но императоры византийские верили им как честным людям в мирных договорах, позволяя себе, кажется, обманывать их при всяком удобном случае: ибо Нестор называет греков коварными⁵³⁶. Мы видели грабеж, убийства и злодеяния внутри государства: еще более увидим их; но чем же иным богата история Европы в средних веках? Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей: купель христианская, освятив душу Владимира, не могла вдруг очистить народных нравов. Он боялся, по человеколюбию, казнить злодеев, и злодейства умножились... Государство, основанное на завоеваниях, уже доказывает необыкновенную храбрость народа: она была добродетелию наших предков, и слово любимого вождя: *станем крепко, не посрамм земли Русския* — вселяло в них решительность победить или умереть. Самые жены их не робели смерти в битвах⁵³⁷. — Дома и в мирное время они любили веселиться: Владимир, желая казаться другом народа своего, давал ему пиры и сказал магометанским болгарам: *Руси есть веселие пити*⁵³⁸. Между достопамятными чертами древних русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских вечах они имели первенство⁵³⁹. Наконец, сей народ, еще грубый, необразованный, умел любить своих добрых государей: плакал над телом Великого Олега, мудрой Ольги, Св. Владимира и потомству своему оставил пример благодарности, который делает честь имени Русскому.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ПЕРВОМУ ТОМУ
«ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО»

Российскую Историю должно будет
изучать по Карамзину.

А. С. Пушкин

¹ Сия мнимая Орфеева поэма состоит из 1373 стихов. Вероятнее, что она есть произведение стихотворца Ономакрита, Ксерксова современника. См. ее географическое изъяснение в Маннерт. *Geographie der Griechen und Römer*, Т. IV, стр. 27 и след. Не говорю еще о новейшей поэме Аргонавтов, сочиненной Аполлоном Родосским.

² См. Одис. XI, 13.

³ Нынешние греки и турки называют его также Μαυροθάλασσα, Кага *Degniz* или *Denghiz* (Баер. *Opuscula, de Cimperiis*, стр. 127).

⁴ Понт Эвксинский (или Черное море) назывался прежде Αξεινοϛ, то есть *негостеприимным*; а после дали ему имя Ευξεινοϛ, то есть *гостеприимного* (Страбон. *Geographia cum notis Casauboni*, изд. Амстердамское, кн. VII, стр. 458). — Греки именовали сперва гиперборейями всех людей, живших за Фракиєю, откуда веял к ним северный ветер (См. Маннерт. *Geographie der Griechen*, Т. IV, стр. 48); а после стихотворцы в воображении своем отдалили сих мнимосчастливых смертных — коих Гомер в Илиаде называет авиями, а мнимый Орфей макровиями — к самым полунощным границам мира, где возвышаются Рифейские горы, подобно гиперборейям баснословные (см. Страбона кн. VII, стр. 452, 458): ибо сомнительно, чтобы греки разумели под сим именем наши Уральские горы, как думал Герберштейн, а за ним Штраленберг и другие географы. Помпоний Мела, Плиний, Солин, таким образом, говорят о славных гиперборейях: «Земля у них плодоносная, воздух чистый и благорастворенный. Они живут долее и счастливее всех иных людей: ибо не знают болезней, ни злобы, ни войны, и проводят дни свои в невинной, беспечной веселости и в гордом спокойствии. Жилища их суть прекрасные леса и дубравы, а плоды древесные служат им пищею; они умирают равнодушно и единственно тогда, как жизнь уже теряет для них все прелести: дают пир друзьям и родственникам; украшают венками свою голову и бросаются в волны морские». Сие описание, основанное на

баснословии греков, пленило воображение некоторых ученых мужей севера, и всякой из них хотел быть единоземцем счастливых гипербореев. Олав, или Олоф Верелий, шведский профессор, доказывал, что гипербореи обитали в его отечестве. Рудбек, также швед, утверждал, что самое имя их есть скандинавское: Yfwerbogen, люди *высокого роду* (Atlantica, Т. I, стр. 367). Торфей хотел обратить Норвегию в страну гиперборейскую. Мы, русские, могли бы также объявить права свои на сию честь и славу! — Петербургские академики, Баер и Фишер, писали о гиперборейях. Любопытные найдут еще в *Mém. de l'Acad. des Inscr.* Т. X, стр. 176 и 198, два рассуждения о том же предмете.

⁵ См. о городе Ольвии Страбон. *Geograph.*, стр. 470. Недавно, по разным памятникам, открытым в земле, узнали мы его место: на Бугском Лимане, близ деревни Ильинской, принадлежащей графу Кушелеву. Ученый Келер занимается описанием сих важных древностей. — Дион Хризостом, славный оратор Траянова времени, говорит в *Orat. Borysthenit.* о своем путешествии в Ольвию. Дион произнес там, в Юпитеровом храме, высокопарную речь, и пленил народ своим красноречием. — Диодор Сицилийский (XII, 31) сказывает, что в течение 85 Олимпиады (которая началась за 440 лет до Рождества Христова) Воспорское царство уже существовало. Г. Келер издал описание двух статуй, посвященных воспорскою царицею Комосариею богиням Нергесе и Астаре лет за 200 до Р. Х. и найденных в Таврической губернии (см. *Dissertation sur le monument de la Reine Comosarie*). Г. Буле весьма удовлетворительно изъяснил надпись сего памятника (см. *Москов. Учен. Ведомости*, 1805, № 28). — См. о Херсоне Страбона *Geogr.*, стр. 474.

⁶ Киммериане, изгнанные скифами (за 650 лет до Р. Х.) удалились отчасти в Малую Азию, отчасти в Германию, откуда они чрез несколько веков, под именем цимбров, ворвались в римские владения. Сие мнение есть общее; но Гаттерер думает, что цимбры, побежденные Марием, за 114 лет до Р. Х. вышли прямо из Крыма, будучи снова вытеснены скифами: см. *Commentationes Societatis Scientiarum Gottingensis*, Т. XII, стр. 146. — Геродот пишет (кн. IV); что в его время были еще в скифии *Киммерийские стены*, *Киммерийский пролив* и страна *Киммерия*. Всем известно название Воспора Киммерийского, соединяющего Азовское море с Черным.

⁷ Геродот пишет, что скифы, известные персам под именем сарков, сами себя называли скелотами. — Баер доказывает, что Геродотов Аракс есть Волга (*Opuscula*, стр. 68—71). О скифах в южной Азии см. Диодора Сиц. кн. II.

⁸ Герод. кн. IV.

⁹ См. Страбон. Geograph. стр. 474. Геродот измеряет так называемыми *Олимпийскими* стадиями: в каждой из них считалось 600 греческих или 569 парижских футов (см. Commentationes Societ. Scient. Gottingensis, T. II, стр. 123). Вопреки расстоянию, означенному Геродотом, Рудбек искал меланхленов близ Ладogi и Онеги, ибо греческий историк рассказывает, что за меланхленами находились *озера!*

¹⁰ Гаттерер под именем ирков разумеет аорсов; но Помпоний Мела и Плиний, следуя Геродоту в описании народов северных, называют их турками.

¹¹ Агриппей рассказывали еще о других людях с козьими ногами, а исседоны о циклопах-аримаспах. О Сибир. рудниках см. сей *Истории* Т. III, примеч. 88. Уже во времена Авраамовы было много серебра и золота в Азии и в Египте.

¹² См. Геродота кн. I, в конце. Тогда была у массагетов царица Томира или Томирис.

¹³ Известно, что Дон в Тульской губернии действительно вытекает из Ивановского *озера*: чего Страбон и другие новейшие географы не знали.

¹⁴ Баеров. Opuscula, стр. 215—217.

¹⁵ Герод. кн. IV.

¹⁶ Трога Помпея, сокращенного Юстином. Филипп вывел из Скифии 20 000 женщин и детей.

¹⁷ Страбон пишет, что воспорский царь Парисад добровольно поддался Митридату. О победах Александра Великого см. Арриана. Геродот называет гетов *бессмертными*, ибо они верили, что смерть переводит человека в другую жизнь. Римляне обыкновенно именовали их даками. Они по смерти Беребиста начали утеснять гетов; но в царствование Домициана явился в Дакии новый Герой, Децебал, который принял к себе многих римских воинов, основал крепости, и старался образовать народ свой. Счастливый во всех воинских предприятиях до времен Траяна, Децебал уступил наконец победу сему знаменитому императору и, гнушаясь рабством, умертвил себя добровольно (см. Диона Кас. LXVIII, 14). В Страбонovo время даки еще имели до 40 000 воинов.

¹⁸ См. Диона Хризост. Orat. Boristh.

¹⁹ Вот слова Диодоровы (кн. II) по латинскому переводу: Hi (Sauromatae) multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scythiae partem devastarunt, et omnibus, quos debellaverant, inter necione sublatis, maximam regionis partem desolavere [они (савроматы), за много лет увеличив и число свое, и силы, разорили большую часть скифии и опустошили почти всю эту землю, так как истребили всех, кого победили]. Географы первых веков все еще твердили о каллипидах и других скифских народах, повторяя Геро-

дотовы известия о Черноморской Скифии и мешая их с новейшими, то есть бывшее с настоящим. Слова Плиниевы (IV, 25): *Scytharum verum nomen usque quoque transiit in Sarmatas atque Germanos: nec aliis prisca illa duravit appellatio, quam qui extremi gentium harum, ignoti prope caeteris mortalibus, degunt* [имя же скифов перешло к сарматам и германцам, и закрепилось это древнее название только для тех из народов, кто живет дальше всех и неизвестен прочим смертным].

²⁰ См. Тунмана *Gesch. der Völker am Schwarz. Meere*, стр. 10, также Маннерт. *Geogr.* IV, 139. Некоторые причисляют роксолан к скифским народам; но римляне, по сказанию Плиния, называли скифами и сарматов. Тацит, не только красноречивейший историк, но и лучший географ своего времени, именует роксолан сарматами (кн. I, § 79), а не германцами, как желает доказать Гаттерер. К сему прибавим еще два обстоятельства: 1) Страбон говорит, что роксолане жили на колесницах (в кибитках), подобно сарматским и другим азиатским народам (кн. VII); 2) язиги в договоре с римлянами требовали для себя невозбранного сообщения с роксоланами (см. Диона Касс. кн. LXXI): чем также подтверждается их народное братство. Помпоний Мела пишет, что сарматы разделялись на множество племен (*una gens, aliquot populi et aliquot nomina*) [один народ, но несколько племен и несколько названий], из коих всякое имело особенное имя свое, но все говорили одним языком: каким? не знаем, вопреки Татищеву, который беспрестанно толкует нам слова *сарматские*, изображая, что сей язык и финский есть один. Миллер скромным образом заметил ошибку; но русские историки не послушались его, и Болтин также говорит о языке сарматском, неизвестном никому в ученом свете.— Геродот (кн. IV) рассказывает, что савроматы произошли от смешения амазонок с юношами скифскими: потому жены первых всегда ходили воевать вместе с мужьями, и всякая девица долженствовала убить неприятеля прежде своего супружества. Плиний называет сарматов народом Мидийским. Гаттерер ясно доказывает, что они пришли из Азии в Европу лет за 80 до Р. X. (см. *Comment. Societ. Scient. Gottingensis*, T. XII, 157—159).

Обширная Птолемеева Сарматия, изображаемая на всех картах древнего мира, действительно существовала только, по выражению ученого Тунмана (*Gesch. der Östl. Völk.* 12), в голове сего александрийского математика и географа. Впрочем Птолемею не хотелось расстаться с именем Скифии, которое со времен Геродотовых было в общем употреблении: и для того он сохранил оную в своем землеописании, назначив ей пределами всю страну от северо-восточных берегов моря Каспийского до Имая (Альтайских гор

в Тобольской губернии, как думают), и далее к Серике или к границам китайским.

²¹ См. Плиния кн. IV, гл. 12. Греки и римляне называли их *метанастами*, или *переселенцами*. Вероятно, что некоторые из них остались в нынешней России, в окрестностях Азовского и Черного моря (см. ниже); но об них не упоминается в истории. Один Птолемей говорит во втором веке о язигах меотисских (Cl. Ptol. Geographia, кн. III).

²² См. Диона Хр. Orat. Boristh.

²³ См. Штрит. Memor. populorum. T. IV, стр. 332, и Тунмана Gesch. Östl. Völk. стр. 17. Дионисий Харакский упоминает об аланах еще в первом веке, называя их сильным народом и богатым конями, обитающим от нынешнего Кинбурна на север между Доном и Днепром, в соседстве с роксоланами, *единоплеменными* с ними, по сказанию Плиния (кн. IV, 25). Моисей Хоренский полагает алан близ Кавказа. Всех подробнее говорит об них Аммиан Марцеллин, историк IV века (кн. XXXI, гл. 2).— Прокопий Кес. называет алан готфским народом, ибо они считались массагетами, то есть, *великими гетами*: в его время не различали гетов, народа фракийского, и готфов, во-первых, по сходству имени, а во-вторых, и потому, что готфы, завоевав Дакию, смешались с древними ее жителями, гетами. Дегин думает (см. Histoire des Huns), что алане обитали некогда среди гор Уральских, и что название их произошло от слова *Алин*, которое означает гору.— Аммиан Марцеллин пишет, что *меч* был единственным божеством алан: воткнув его в землю, они поклонялись ему как идолу (см. выше о скифах). Сей историк прибавляет, что алане вообще сходствовали обычаями с гуннами.

²⁴ Об них говорят Страбон, Плиний, Тацит (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völk. 17—20).

²⁵ Дакию составляли Молдавия, Валахия, Трансильвания, даже часть Венгрии и Баннат Темесварский (см. Маннерт. Geographie, IV, 172).— О готфах см. Штрит. Memor. popul. I, 37—240. Здесь можем упомянуть о гипотезе более остроумной, нежели вероятной, коею изъясняют ужасное остервенение народов германских против Рима. Утверждают, что готфы жили некогда в Скифии на Черном море, имели участие в войнах Митридата, и побежденные легионами республики (уже во время Траяново, как думает Далин) искали убежища в странах полуночных, с вождем своим *Одином*, который оружием и мудростию покорил себе значную часть севера и вселил в народы его ненависть к Риму. В одной греческой, так называемой *Пасхальной летописи* действительно сказано, что Траян в 106 году воевал с персами и готфами: следовательно, последние обитали тогда близ Персии? Но готфы в треть-

ем веке пришли в Дакию из Скандинавии, как пишет их историк VI столетия, Иорнанд (см. его сочинение *de rebus Geticis*, Гамбург. изд. 1611 года, стр. 83). Еще века за три до христианского летосчисления славный Пифеас, марсельский уроженец, имел случай видеть отдаленные северные земли, в окрестностях моря Балтийского нашел готфов, которых он и Плиний называют гуттонами, Тацит готонами, Птолемей гитонами. Впрочем, Пифеас слыл великим лжецом, ибо хотел уверить современников, что на севере Европы нет уже ни земли, ни моря, ни воздуха, и стихии, перемешанные между собою, образуют какое-то непроницаемое вещество (см. Страбона, стр. 163). По его словам, он доезжал от Испании до реки Дона и полунощного острова *Туле* за Британнию. Что касается до истории Одина, скандинавского Магомета, то она принадлежит вообще более к баснословию скальдов, нежели к достоверной истории. По сказанию *Эдды*, он вышел из Азгарда; а как Страбон упоминает о скифском народе азиях (стр. 779), известных также Плинию и Птолемию, то северные повествователи (см. Стурлез. *Hist. Reg. sept.* I, стр. 2), без всякого сомнения, выводят Одина из окрестностей Дона. Некоторые уверены даже, что баснословный Азгард есть наш Азов. Маллет говорит (*Histoire de Dauphenaig*, I, 54), что древнее кельтское слово *Аз* знаменовало *Господина* и *Бога*: может быть, исландские стихотворцы хотели сказать только, что Один родился в *стране богов*.

²⁶ См. Метог. *popul.* I, 42.— Иорнанд (*de rebus Geticis*, стр. 103) говорит, что готфам повиновались и *меря* и *мордва*, *Merens*, *Mordens*. Линней пишет, что многие огородные травы, растущие единственно в степях Азиатской России, сделались известны в Европе тогда, как готфы заняли Италию. В числе сих трав он именует шпинат, лебеду, чернобыльник, дикий хмель (см. Шлёцер. *Probe Russ. Annal.*, стр. 45).

²⁷ Скандинавы издревле называли *Эстландиею* все восточные берега моря Балтийского (см. Далина *Gesch. des Schwedisch. Reichs*, I, 297) от устья Вислы до залива Финского.

Иорнанд *de rebus Geticis*, стр. 103: *Post Herulorum caedem idem Hermanricus in Venetos arma commovit, qui quamvis armis desperiti, sed numerositate pollentes, primo resistere conabantur... Nam hi, ut initio expositionis, vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Sclavi, qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique desaeviunt, tamen tunc omnes Hermanrici imperiis serviere. Haestorum quoque similiter nationem, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident, idem ipse prudentiae virtute subegit.* То есть: «Победив герулов (обитавших в сие время еще при Балтийском море) Германарик пошел войною на венетов, которые были в деле ратном

неискусны, но многочисленны и старались сперва обороняться. Хотя венеты, анты, славяне называются ныне сими тремя разными именами, однако ж происходят от одного племени. Теперь они за грехи наши везде свирепствуют, но прежде все повиновались Германриковой власти. Он также покорил эстов на берегах Германского Океана», и проч.

²⁸ См. Геродота, кн. III, и Баера de pumo Rhodio в его Opuscul. ad Historiam Antiquam, стр. 500. Зная единственно адриатических венетов, греки искали Эридана в Италии и думали, что он есть река По. Но Диодор Сицилийский (кн. V) и Плиний (кн. XXXVII, гл. 2 и 3) ясно говорят, что янтарь собирается в северной Европе, и что там, а не в Италии, течет славная река Эридан. Баер разумеет под сим именем Западную Двину (Opuscula, стр. 527, 528).

Некоторые считают славянами и венетов италийских, будто бы пришедших с Антенором из Фригии после разрушения Трои, и говорят: «венеты назывались и генетами, коих имя *без сомнения* произошло от греческого слова Αἰνός, *хвала*» — см. Иорнанда be reb. Get. гл. 29, и Павла Диак. be gest. Longobard., кн. II, гл. 14 — *хвала* то же, что и *слава*, от которой происходит имя славян: и так, венеты были славяне!» Но Страбон, которому надлежало знать италийских венетов, признает их (стр. 298) за один народ с белгическими галлами-венетами, побежденными Цесарем в морском сражении: Nos ego Venetos (белгических) existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse auctores [этих венетов (белгических) я считаю родоначальниками венетов: на Адриатическом побережье]. — Гомерова поэма столь прославила Трою, что все народы хотели быть троянами. Эней вышел из Трои: Один скандинавский также (см. предисловие к исландской *Эдде*): следственно, и славянам надлежало дать право гражданства в Илионе.

Доныне в Германии именем вендов означают славян: думают, что немцы называли их так от глагола sich wenden, *обращаться, переходить с места на место*. Финны и всех русских именуют *венналенами*.

²⁹ См. Шлёцер. Nord. Gesch. 10—34 и Геснер. de Phoenicum navigationibus extra columnas Herculis. В Азии цвели уже государства, когда в Европе жили одни дикие люди. Кадму и финикиянам, основателям Кадикса, принадлежит честь и слава европейского образования. Мореходцы их года по три не возвращались в отечество (см. Шлёцер. Versuch einer Geschichte des Handels und der Schiffahrt in den ältesten Zeiten). К сожалению, все книги финикиян пропали, и только некоторые их географические сведения дошли до нас посредством греков. Стихотворец Авиен говорит о путешествии карфагенца Имилькаона в северную часть мира еще за

150 лет до Пифеаса (см. Шпренгеля *Gesch. der Entdeckungen*, стр. 57).

Янтарь и олово, привозимое финикиянами из Британии, были уже известны Гомеру. Страбон (кн. III) рассказывает, что финикияне ходили к островам Касситерским, или Британским, для купли олова, и таили сию торговлю от других народов. Какой-то финикиянин, видя, что один римский мореплаватель не отстаёт от него (в надежде узнать путь к упомянутым островам), поставил на мель корабль свой и римский: за что сограждане наградили его деньгами из казны общественной.— Однако ж мы не хотим говорить утвердительно о *непосредственном* сношении венеков с финикиянами, которым и германцы, соседы первых, могли доставлять янтарь. В Тацитово время он шёл единственно из земли эстов (*Descr. German. XLV*), куда в царствование Нерона ездил для того один всадник римский (см. Плиния, кн. XXXVII, гл. 3). Сии эсты были народом германским, называли янтарь *Glesum* (*Glas*), и говорили языком сходным с британским. Тунман заключает (*Untersuchungen über d. ält. Gesch. Nordisch. Völk.* стр. 9), что они, завладев берегами Балтийскими, принудили венеков удалиться в Литву, Россию, и проч. Гарткнох того же мнения (*Alt-und Neues Preussen.* гл. I, стр. 10, 23). Он думает, что имя прусской Шалавонии (*Schallauen*), Вендена, Виндау, Ушевенде в Ливонии и Курляндии произошло от славян и венеков, которые жили там прежде эстов. Германские эсты могли вместе с готфами переселиться в Дакию.

Прибавим, однако ж, что некоторые изъяснители древностей считают не Пруссию, а Ютландию тою землею, где финикияне и римляне искали янтаря: см. Шпренгеля *Gesch. der Entdeckun.* 51 и 114.

³⁰ Тацит пишет (*Descr. Germ. XLI*), что они жили в соседстве с певками дакийскими, а Плиний (кн. IV, гл. 13): *quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hiris tradunt* [говорят, что она населена вплоть до реки Вислы сарматами, венедами, скиррами, гиррами].— Если верить известию космографа Эфика (*Aethici Cosmographia*, стр. 26 в изд. 1685 года), то Юлий Цесарь посылал трех ученых мужей для измерения мира и для его описания: Зенодокса в страны восточные, Феодота в северные, Поликлита в южные. Эфик жил после времен Константина Великого (см. Дю-Канж. *Constantinop. Christ. I*, 62).

³¹ Птолемея *Geograph.* кн. III, стр. 73: *Tenant autem Sarmatiam maxime gentes Venedae per totum Venedicum sinum* [Сарматией же владеют венековские племена по всему Венековскому заливу] (Балт. море). Тунман (*Untersuch. ü. d. Gesch. nord. Völk.*, стр. 9) думает, что в Птолемеёво время уже не было венеков в землях приморских, и что сей географ сообщает древнейшие и новые известия

без всякого разбора. — Не ссылаемся на Пеутингерскую карту: ибо крайне сомнительно, чтобы она сочинена была в III веке, как прежде полагали ученые. Маннерт (утверждая сие мнение в его рассуждении de Tabulae Peutingerianae aetate) должен был согласиться, что в ней есть, по крайней мере, некоторые вставки монашеские новейших времен: например, имя *Константинополя*; слова под Римом: ad Stum Petrum [у Святого Петра]; надпись пустыни между Египтом и Палестиною: Desertum ubi quadraginta annis eraverunt filii Israel ducente Moysse [пустыня, где сорок лет скитались сыны Израиля, ведомые Моисеем], и проч. — Гаттерер считает Птоломеевых венедов немцами, т. е. вандалами, воображая, что славяне назвали их именем, заняв после берега моря Балтийского (см. его Weltgesch. и Comment. Societ. Gottingensis, XII, 263).

Преторий (см. его Orb. Goth.) думал, что Балтийское море получило имя свое от *белых* берегов. *Бальтас* значит на латышском языке *белить*. Рыцари Немецкого ордена, завоеватели Пруссии, назвали ее берега, где находился янтарь, *Витландиею*, или *Белою землею* (Баер. Coniectura de nomine Balthici maris, в Комент. С. Петербургск. Академии, V, 359). Шенинг говорит, что слово *Бальте* или *Бельте* на древнем северном языке знаменует *пояс*. Готфы могли так назвать море свое, воображая, что оно как пояс окружает землю (см. Шлёцер. Nord. Gesch. стр. 24). В Плиниевой Истории уже находим имя северного острова Балтии: Пифеас называет его *Базиллею*.

³² «Мы должны, — говорит ученый Гейне, — искать древнейших свидетельств о народе, и время их считать первую эпохою бытия его для истории. Где он был прежде? или откуда вышел? узнаем разве за пределами сего мира, extra anni solisque vias».

Некоторые ученые (не говорю уже о Мавро-Урбинах, Раичах и подобных историках) доказывают, что венеды-славяне были скифы. «Филипп Македонский, по их мнению, разрушил Монархию Скифскую; из остатков ее, кажется, произошли другие народы, а в числе их и венеды: ибо некоторые скифские имена, сохраненные историками, могут быть изъяснены языком славян» (см. Allg. Weltgesch. nach dem Plane Guthrie und Gray, T. III, или в Гебгарди Gesch. der Wenden, I, в предисл. стр. 21). Но 1) Филипп не истребил скифов: через 250 лет по его кончине они жили в окрестностях Черного моря, сражались с Митридатом, с римлянами и с гетами. 2) Венеды еще до времени Филипповых были уже известны на берегах моря Балтийского. 3) Нравы венедов, изображенные Тацитом, нимало не сходились с обычаями скифов. 4) Слова языка скифского, приводимые Геродотом, так мало подходят к славянским, что ими скорее можно доказать несходство сих двух язы-

ков. Например (кн. IV): Эксампеос, *горький источник*; Арима, *один*; Спу, *глаз, око*; Оиор, *муж*; Апия, *земля*; Пата, *умертвить, задавить*. — Если же мы, согласно с Эфором, назовем всех полунощных жителей скифами, в таком случае, конечно, и славяне будут скифы; но сие *общее* имя народов различных объяснит ли для нас их происхождение?

³³ См. в творениях Жебленевых, *sur la grammaire comparative* [о сравнительной грамматике], о связи европейских языков с восточными. — Сию вероятность азиатского происхождения всех народов подтверждает славный Линней замечанием весьма любопытным. Он говорит: «Первые люди, созданные Богом, жили между тропиками: не только Св. Писание, но самая нагота человека свидетельствует, что мы некогда существовали там, где находим животных без шерсти: слонов, носорогов, индейских собак, и где *всегдашние* древесные плоды служили ему вкусною и самою естественною пищею. Потоп истребил людей, и ковчег Ноев, как сказано в Св. Писании, остановился на горе Араратской, откуда цепь гор идет к Сибири и Татарии, странам *высочайшим*, из коих текут многие реки в море Ледовитое, Каспийское, Океан Восточный и во все земли окружные. Сии места должны были казаться Ноеву семейству лучшими и безопаснейшими для обитания, и Бог произвел там хлеб, которым более всего питается человек вне тропиков, и который (что известно ботаникам) растет *дикий* в одной России восточной. Гейнцельманн нашел в степях башкирских пшеницу и ячмень. Жители сибирские пекут хлебы из дикой ржи. Следственно можно заключить, что Сибирь была первым отечеством Ноевых потомков», и проч. (см. Шлёцер. *Probe Russisch. Appal.*, стр. 45—46). Шлёцер, напечатав сие место из Линнеевой рукописной диссертации, прибавляет: «Мысль новая и прекрасная! она разительным образом доказывает пользу Естественной истории для истории народов». Г. Озерецковский (см. его *Путешествие по озерам Ладож. и Онежск.*, стр. 34) говорит, что в Сибири называют дикою рожью и траву колосник (*Elymus arenarius*).

Антон (см. его *Versuch über der alten Slaven Ursprung*) замечает, что в языке нашем есть имя слона, вельблюда, обезьяны, которых нет в Европе. Другие считают названия некоторых древних городов в Азии славянскими: например, Смирны. Но это не доказательство, чтобы славяне уже *как народ особенный* существовали в Азии.

³⁴ Для того назывались они *гамаксобиями* (*quia pro sedibus plaustra habent dicti Намтахобии* [они прозваны гамаксобиями, ибо вместо жилищ у них повозки], пишет Мела, кн. II, стр. 39). — Слова Тацитовы о венедах: *domos figunt et pedum usu ac pernitate*

gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plastro equoque viventibus [сооружают дома и охотно пользуются быстротою ног; все это отличает их от сарматов, проводящих жизнь в повозке и на коне].

³⁵ См. Метог. popul. I, 452. Так описывает их Аммиан Марцелин (XXX, 2): «гунны, прежде едва известные, имеют отвратительные лица и щеки, изрезанные ножом, для того, чтобы не росла борода. Они все безобразны, толстошеи, сутулы и кажутся не людьми, а грубыми болванами; едят траву, корни и сырое мясо, согрев его на седле под собою; не знают домов, убегая их, как могил; скитаются всегда по горам и лесам, привыкают терпеть холод и зной, жажду и голод; носят одежду из полотна или кож звериных, и гноят ее на своем теле; на лошадях ездят и спят; не сходят с них и во время народных советов; говорят нескладно и темно; живут без Веры и законов; не имеют понятия о чести и нравственности; свирепы, лживы, хищны», и проч. — Иорнанд, ненавидя гуннов за порабощение единоземцев его, рассказывает нелепую басню о происхождении сего народа. «В войске готфского царя Филимера (говорит он) завелись волшебницы и ведьмы; будучи им высланы из стана, они ушли в степь и прижили там с фаунами (quos Faunos Ficarios vocant) [(которых называют фíговыми фавнами)] безобразных гуннов, которые долго обитали на восточных берегах Азовского моря, и наконец перешли на другую сторону, вслед за ланию, указавшею им путь через сие море». Византийские историки говорят только, что гунны пришли из Азии чрез реку Дон. Дегин, по китайским летописям, определяет их древнее жилище между рекою Иртышом и Китаем. Они беспрестанно опустошали сию империю, и славная стена китайская построена века за три до христианского летосчисления для защиты от их набегов. Гунны, около Рождества Христова, разделились на южных и северных: первые смешались с китайцами и татарами; вторые, основав разные области в Татарии, явлением своим устрешили Европу (см. Histoire Générale des Huns). Следственно, один из народов сибирских уже в IV веке сделался нам известен по истории. — Гунны, по общему мнению, были калмыки. Гаттерер причисляет к ним массагетов, саков, хоразов или древних жителей Хивы (см. Comment. Soc. Gottingens. T. XIV, стр. 24).

Иорнанд. de rebus Geticis, стр. 105: Hermanricus (уязвленный двумя изменниками) tam vulneris dolorem, quam etiam incursiones Hunnorum non ferens, grandaevus et plenus dierum, centesimo decimo anno vitae suae defunctus est [Эрманарих (...), обремененный годами, окончил жизнь в возрасте ста десяти лет, не вынеся скорби не столько от ран, сколько от набегов гуннов]. Ам. Марц. сказывает, что он умертвил сам себя.

³⁶ См. выше, примеч. 27. Прокопий (de bell. Goth. кн. III, гл. 4): *Nomen etiam quondam Sclavenis Antisque unum erat... Una est lingua* [Некогда у антов и славян даже имя было общее... Теперь у них общий язык]. Там же, кн. IV, гл. 4; *ulteriora ad Septentrionem* (страны дальнейшие от Черного моря к северу) *habent Antarum populi infiniti* (заняты многочисленными племенами антов).

³⁷ Иорнанд. de rebus Geticis, стр. 130. Все они были распяты на кресте: *in exemplo terroris cruci adfixit* (Винитар). [Винитар распял их на кресте для устрашения других].

³⁸ См. Присково описание посольства от императора к Атилле (Memoriae populorum. Т. I, стр. 513), где Ромул исчисляет Аттилины завоевания. Приск рассказывает весьма любопытные подробности об Атилле, у которого он сам был несколько дней. Греческие послы нашли его в стане воинском. Атила, приняв их и дары императорские с великою гордостью, велел им ехать за собою в одно местечко, где он жил обыкновенно в мирное время. Там встретили его молодые девицы, в длинном белом платье, и пели в честь ему песни на языке скифском. Деревянная стена окружала дворец, также деревянный, построенный на возвышении. Атила, в утренние часы выходя из дому, садился у дверей и решил тяжбы народные; в день принимал послов из разных частей мира, а ввечеру ужинал с ними. Все другие ели с блюд серебряных и пили из золотых стаканов: Атилле подавали только деревянные. В конце ужина являлись гуннские стихотворцы петь и славить великие победы царя. Друзья и товарищи его, оживленные воспоминаниями битв, изъявляли удовольствие; старцы, летами обезоруженные, плакали от умиления. Атила, всегда мрачный и задумчивый, безмолвствовал, лаская рукою маленького сына своего, которому волхвы гуннские обещали успехи и славу отца. Одежда, мечи и кони вождей его блистали золотом и драгоценными камнями: сам Атила презирал наружные украшения. — Не только гунны, но и другие народы, им подвластные, любили сего удивительного человека за его великие свойства и правосудие. Многие греки и римляне добровольно служили ему. Один из них сказал Приску: «Я люблю скифские нравы. Мы часто воюем; но зато в мирное время наслаждаемся совершенным покоем и не боимся утратить любезной собственности. В бывшем моем отечестве, в Римской империи, властвуют тираны, а малодушные рабы не смеют обороняться. Там нет правосудия, ни равенства в государственных податях, а сильные угнетают слабых». — В числе послов императорских был человек, который взялся умертвить грозного царя гуннов: Атила знал о сем умысле, но великодушно презрел его. Воинское счастье вскружило ему голову, так же, как и Герою Македонскому. Александр хотел называться Юпитеровым сыном: Атила говорил о себе, что

он бич Небесный и млат вселенная; что звезды падают и земля трепещет от его взора. — Мы привыкли воображать гуннов чудовищами: надобно думать, что Аттила был не очень безобразен, ибо Гонория, сестра императора Валентиана, предлагала ему руку свою.

³⁹ См. Иорнанд. de reb. Get. стр. 135. — Гепиды вслед за готфами пришли с берегов моря Балтийского.

⁴⁰ Иорнанд. de reb. Get. стр. 134: *Sauromatae vero, quos Sarmatas diximus... et quidam ex Hunnis in parte Illyrici ad castrum Martenam sedes sibi datas colluere* [савроматы, которых мы называли сарматами, и некоторые из гуннов населяли данные им земли в Иллирике у Марсова лагеря]. Алане владели в Испании Лузитанскою и Карфагенскою провинциями; но многие из них остались между Каспийским и Черным морем, где они жили и в 557 году (см. Метог. popul. I, 664). В Эрбелотовой *Восточной библиотеке* упоминается об аланском князе, обитавшем в IX веке близ Дербента; Чингисхан воевал там с аланами (см. Hist. des Tatars d'Abulgasi, стр. 309). Карпин (в Бержерон. Voyages стр. 58) и Рубруквис, или Рузброк (стр. 24), монахи и путешественники XIII века также говорят о кавказских аланах, сказывая, что они назывались и ясами (Asses, Acias), о коих упоминается в наших летописях; были христиане, искусные кузнецы и слесари; делали прекрасное оружие и хранили свою независимость. Полковник Гербер описывает в горах кавказских деревню Кубеша, где всякой житель есть оружейный мастер или серебряник. Миллер (Sammlung Rus. Gesch.) признает сих людей, говорящих совсем особенным языком, потомками древних алан. Стриковский мечтает, что алане перешли в Литву (см. ниже, примеч. 388).

⁴¹ Memoriae popul. T. I, 545—568 и T. II, 495. Первое известие об уграх находится в Приске (Метог. popul. I, 642): он называет их гуногурами, урогами, сарагурами — Агафия унугурами, Феофилакт гуногурами, огорами — Менандер унигурами и унугурами — Иорнанд гуногурами, прибавляя, что они торгуют мехами — Прокопий утигурами и кутригурами (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völk. стр. 30 и Гебгарди Gesch. der R. Hungarn, I, 321). Штраленберг, а за ним Татищев и Болтин говорят, что имя угры есть славянское, означая людей, живущих у гор; но греки называли их сим или подобным именем еще прежде, нежели узнали славян (Метог. popul. I, 570). Нынешнюю Башкирию считают древним отечеством угорских народов (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völk., стр. 30); может быть, они жили и гораздо далее на восток. Абульгази (Histoire des Tatars, стр. 91—98) пишет о многочисленном народе азиатском, уграх и уйгурах, которые долгое время обитали в Великой Татарии и разделились

на две части: одни остались в первобытном отечестве, имея там селения и города; другие же удалились к Иртышу, вели там жизнь кочевую и ловили зверей, бобров, куниц, соболей, белок. Сии угуры могли распространиться оттуда до Уфимской губернии. Юго-восточные единоплеменники их были гораздо просвещеннее: знали хорошо турецкий язык и служили писарями в канцелярии Чингисхана. См. ниже примеч. 302.

Болгары называются также разными именами в византийской истории (см. Мемог. popul. II, 441). Вопреки Нестору (в печат. стр. 145) многие считали их славянами, для того, что сей народ, завоевав после ту часть Мизии, где жили славяне, смешался с ними и в течение времени принял язык их; но болгары говорили прежде особенным языком. Древнейшие собственные имена их совсем не славянские, а подобны турецким (см. роспись болгарских царей в Мемог. popul. II, 457), равно как и самые обычаи (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völk., стр. 36). Историки византийские именуют угров и болгаров гуннами (Мемог. popul. I, 451 и II, 441). Болгары, по восточным летописям, обитали издревле на берегу Волги, где найдем их и в X веке. Византийцы полагают *Великую* или *Старую Болгарию* между Волгою и Доном (Мемог. popul. II, 441). Диоклеас (в Швандтнер. издании Script. rerum Hung. etc. III, 478) и Никифор Григора, историк XIV века, пишут, что они названы так от реки Волги, обитав некогда в окрестностях ее: в чем Миллер сомневается — «ибо греки и римляне (говорит он) именовали ее *Ра*, а восточные народы *Атель* или *Этель*». Но арабские историки (см. Эрбелот. Biblioth. Orient. под словом *Bulgar*) называют Волгу *Булгаром*. Остается узнать, народ ли от реки, или река от народа получила свое имя? Моисей Хоренский, армянский историк, первый упоминает о болгарях, сказывая, что еще за 100 лет до Рожд. Хр. многие из них вышли из своего древнего отечества, изгнанные внутренним мятежом, и поселились в Армении (Mos. Chor. Hist. Arm., стр. 90 и 100).

Угры и болгары вытеснены были из Азиатской России савирами, народом мужественным и беспокойным, который скоро перешел к горам Кавказским и воевал там с римлянами и с персами до 578 года. С сего времени нет уже об нем ни слова в летописях.

Готфы, оставшиеся в Тавриде, назывались готфами-тетракситами: см. ниже, примеч. 88.

⁴² *Можно*: но в самом деле историк не поручится за истину сей этимологии. По крайней мере, русские славяне совсем не думали изъяснять своего имени *славою*, ибо писались *словенами*; в Венгрии и Польше называются *Словаками*, в Богемии Слованами (см. Гебгарди Geschichte der Wendisch-Slavischen Staaten, Т. I). Утверждаясь на том, многие производят имя их от *слова*, говоря, что сей

народ, не разумея языка других, назвал их немцами, то есть *немыми*, а себя *словесными* или словенами. Предки наши действительно разумели всех иноплеменных под именем немцев (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 64), и мысль, что оно произошло от германских неметов, кажется неосновательною; однако ж многие собственные имена славян — например: *Святослав*, *Ростислав*, *Мстислав* — заставляют думать, что и в народном имени был у них А, а не О. Византийские историки писали всегда *склавини*, *склави*; готфский Иорнанд так же; а Моисей Хоренский, сочинитель Армянской истории, *скалаваци* (*Mos. Chor. Geograph. 347*). Говорить ли о других толкованиях, совсем невероятных и даже смешных? Думают, что первый славянин на вопрос иностранца, кто он? ответствовал: *человек* или *чловек*. Иностранцу послышалось: *словек* — из сего вышло *словак* и словени. Некоторые производят сие имя от *Склова* или *Шклова*, известного городка на Днепре — от реки *Лабы* или *Эльбы* — от *Салавы*, означающей на литовском языке *мыс*, и проч. и проч. (см. Гебгарди *Gesch. der Wenden*, Т. I, стр. 64—66). Мы видели, что самое древнее в летописях имя славян было венеды (см. выше, примеч. 27). Византийский историк Прокопий сказывает нам еще, что анты и славяне именовались некогда *спорами*, оттого, что жили в рассеянии (*σποραδην*); но никакие летописи не упоминают о *спорах*. Добровский думает, что Прокопий, слыша об имени славянских сербов, обратил его в *спори*. — Заметим еще, что славяне назывались в Германии *соланами* (см. Гебг. Т. I, стр. 65); а наконец заключим тем, что малейший случай, малейшее обстоятельство, совсем неизвестное по летописям, рождает иногда народное имя, которого никакая историческая ученость изъяснить не может.

⁴³ См. выше, примеч. 36. В другом месте (*de Bel. Goth.* кн. III, гл. 43) Прокопий говорит, что анты к западу граничили с славянами, которые жили отчасти близ Дуная, отчасти на самых полуночных берегах его (*Memor. popul.* II, 29 и 31). Иорнанд пишет так (*de rebus Geticis*, стр. 85): «На северной стороне гор Карпатских, от источников Вислы, на пространствах неизмеримых обитает многочисленный народ венедов, который по разным племенам и местам называется разными именами, но известен под двумя главными: славян и антов. Славяне живут (*a civitate nova et Sclavino Rumunpense, et lacu qui appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream Viscla tenus*) от Нового города, Румунненской области и Музианского озера до самого Днестра, а на север до Вислы; болота и леса служат им вместо крепостей. Анты же, храбрейшие (или сильнейшие) из обитателей Черноморского берега, занимают всю страну от Днестра до реки Дуная». Сей *Новый-город*, по-гречески *Неа*, по-латини *Нове*, существовал в Мизии, недалеко от болот Эс-

секских или Мурсийских, которые Иорнанд мог назвать *Lacus Musianus* вместо *Mursianus* (см. Бишинг. *Erdbeschr.* Т. II, стр. 481, Гамбург. изд. 1788). Христофор Иордан (см. *ego de originibus Slavicis*, Т. II, стр. 157, 158) столь же вероятно полагает, что в Иорнанде надобно читать *lacus Mysianus*, а не *Musianus*, и что его Румунненская область есть нынешний Волошский округ Ромунаци, *Romunazzi*, на западном берегу Алуты. Другие же читают сие место в Иорнанде так: *a civitate Novietunense et lacu*, думая, что имя *Sclavinorum* стояло в древней рукописи только для объяснения вверху над *Novietunense*, а переписчики вставили оное в строку между *Noviet* и *unense*. См. Дуриха *Bibl. Slav.* II, и Добровск. *Slavin.* 294—297.

Мы не можем *точно* определить времени, в которое славяне овладели тою частию Германии, где прежде обитали Тацитовы свевы (см. *Versuch in der ältest. Gesch. der Slav. in Teutsch. von Gersken*). Гаттерер думает, что они утвердились в Богемии, Моравии, Саксонии и Турингии в 534 году, а в Стирии и Поммерании от 569 до 588. Шлёцер (*Nord. Gesch.* 23) именует 33 народа из обитавших в Германии славян: Тунман замечает, что к сему числу можно еще прибавить несколько имен. Знатнейшие были, кроме чехов богемских и моравов, сорабы или сербы в Верхней Саксонии, лутичи в Лаузице, вильцы или поморяне в нынешней Поммерании, оботриты в Мекленбурге, укры в Бранденбурге. Шлёцер утверждал, что некоторые народы славянские издревле могли обитать в Германии. Тунман другого мнения (см. его *Anmerk. über die Nord. Gesch.* стр. 100—134).

В 590 году славяне жили, по известиям византийским (*Метог. рорул.* II, 54) на самом краю *Западного океана* или моря Бальтийского. Верю, что Тацитовы эсты (см. выше примеч. 29) были германцы; но быть может, что некоторые славяне-венеды и в первом и в следующих столетиях все еще обитали в древнем своем отечестве при Бальтийском море, то есть в соседстве с народами готфскими или немецкими.

⁴⁴ Славян можно назвать сарматами *так же, как* и скифами: то и другое имя давалось часто всем народам северным и неизвестным. Ни готфский историк Иорнанд, ни византийский не называют аэтов, венедов и славян сарматами, которые были азиатским кочевым народом.

Гиббон (*History of the decl. and fall of the Rom. Emp.* Т. V, гл. XLII) объявляет нам, что славяне около VI века имели 4600 деревень в России и Польше. Он ссылается на географический отрывок 550 года, напечатанный в *Histoire des Peuples* графа Бюата (Т. II, стр. 145) и хранимый в библиотеке Миланской. Сие любопытное известие заставило меня выписать из Парижа Бюатову за-

бытую Историю. Что же вышло? Сей отрывок, переведенный с латинского на французский, писан *единственно* по мнению нашего ученого графа в X веке, а сочинен, *только по его же мнению*, около 550 года. Правда, что именованные там народы суть большею частию славяне; однако ж не одни польские и российские, но и немецкие. Например: Vuilces, вильцы; Linaa, лины; Surbi, сорбы; Nord-Abtrezi, Oster-Abtrezes, северные и восточные оботриты; Hebfeldes, гевельды; Bethemares, поморяне (думаю); Miloxes, мильцы; Sitices, ситины; Marbariens, марваны (моравы); Lendizes, лютичи; Prissans, бризаны; Smeldingon, смельдинги, эльбские жители, о коих упоминается в Истории Карла Великого; Lunsitzes, жители Лаузица, и проч. Только следующие имена могут означать славян российских и польских: Zerivars, может быть, хорваты (grand royaume, d'où sont venues toutes les nations des Slaves comme elles l'assurent) [большое царство, откуда, как они утверждают, вышли все славянские народы], Wuislane, висляне; Sleenzane, силезийцы; Opolines, поляне; Busans, бужане; Sebbirozi, северяне; Unlize, угличи, или суличи; Nerivans, не древляне ли? Именуются еще Bruzes, пруссы; Seravices, жители Сервии; Chazigozes, хазары или козары; Vulgari, болгары; Thalaminzes, далматы; Ungare, венгры — и наконец, самые россияне, Ruzzes: сильнейшее доказательство, что сей отрывок сочинен не в VI веке, а гораздо после! автор дает каждому народу по несколько городов (cités): Гиббон счел их и называет *деревнями* (villages), отчасти российскими, отчасти *польскими*! — В начале отрывка сказано (так переводит Бюат): Description des cités et régions, situées au coté septentrional du Danube. Ceux-ci sont ceux qui habitent le plus près des frontieres des Danaens [Описание городов и областей, расположенных на северном берегу Дуная. Это те, кто живет ближе всего к границам даненов]: т. е. *греков*, толкует Бюат; но гораздо вероятнее, что сочинитель называет сим именем датчан. Некоторые имена так испорчены, что нельзя отгадать их значения; например: Phesnuzes, Thadeses, Glopéans, Zuyréans, Attarozes, Eptaradices и проч. Вообще кажется, что и сам автор писал наобум, не имея верного географического сведения о сих народах.

⁴⁵ Птолемей Александрийский во II веке описал все страны от моря Балтийского до Черного, Азовского, и до глубины северной Азии; но поверим ли, чтобы он, живучи в Египте, действительно имел сведения о местах столь отдаленных, и чтобы его terra incognita [неизвестная земля] начиналась только за шестьдесят первым градусом широты? Ни купцы, приезжавшие в Александрию из разных земель, ни славная тамошняя библиотека (см. Гаттерер в Comment. Societ. Gotting. XII, 210, и Маннерт. Geograph. IV, 132) не могли открыть ему, какие народы жили тогда в России север-

ной. Что значат пустые народные имена, щедрою рукою разбросанные на его картах сарматии, и совсем неизвестные для истории: карвоны, осии, салы, кареоты, пагириты, офлоны и проч.? Пусть Гаттерер решит, кого из них должно считать финнами, кого немцами; пусть Добнер (см. его *Annales Bohemogum* или примечания на Гагека) старается уверить себя, что они все были славяне; что имя Птолемеевых сулан происходит от *соли*, биссов от *пеших*, бастарнов от *пастыря*, пиеннатов от *пены*, ставан от *стою*, судинов от *суда* или *сосуда*; но где исторические доказательства? Понимаю, что римляне I и II века могли знать приморских жителей Севера и соседей Дакии: для того нахожу любопытным, что пишет об них Тацит или Плиний; замечаю и сказание Птолемея о венедах, ибо они уже были известны двум вышеупомянутым историкам-географам, и чрез несколько лет выходят на феатр истории. Птолемей знал ли внутренность России, объявляя нам, что Дон вытекает из гор Рифейских, и что Азовское море простирается к северу от 48 градуса широты до 54? К тому же в географии его видны многие прибавления новейших времен (см. Шлёцер. *Nord. Gesch.* стр. 176). Мог ли он знать гуннов (хунов) между Азовским морем и Днепром, аваров (аваринов) и прусских галиндов? Одним словом, Птолемея сочинение любопытно и важно описанием тогдашних известных земель, а не северной России. Он первый из древних географов означает течение Волги, или Ра, от баснословных гор Гиперборейских к морю Каспийскому; но кто поручится, чтобы и сия река не была вставлена в Птолемея творение новейшими географами?

⁴⁶ (См. *Метог. popul.* Т. II, 24—78). Если действительно Моисей Хоренский, живший в V веке, был сочинителем Арменской истории (в чем Тунман сомневается), то он ранее всех говорит о славянах. В географии Птолемея (см. выше, примеч. 44) есть имя северного народа *ставани*: некоторые думают, что надобно читать *славяне*.

⁴⁷ Славяне разорили славный в Далмации город Эпидавр, и почти всех его жителей умертвили; только немногие укрылись на крутой неприступной скале, начали обрабатывать ее и мало-помалу основали город Рагузу. Прокопий говорит, что славяне в своих нашествиях всякой раз убивали или пленяли до 200 000 человек.

⁴⁸ Построенная Анастасием между Селивриею и Черным морем для удержания болгаров в их набегах.— Славяне и болгары приближались к Царюграду в 559 году.

⁴⁹ Славяне платили им за перевоз по червонцу с человека (см. Прокопия в *Метог. popul.* Т. II, 40).

⁵⁰ В Таугаст туркестанский и к соседственным мукритам: см.

Метог. popul. I, 719, и Дегина Histoire des Huns, кн. V, 368, и след.

⁵¹ См. Метог. popul. III, 44, и след. Посол от Дизавула прибыл в Константинополь в 568 году. Менандр называет турков саками, а Феофан массагетами. Восточные историки говорят, что старший Иафегов сын именовался Турком, от коего произошел сей народ (см. Эрбелот. Bibl. Orient.), единоплеменный с татарами.

Император послал к хану турецкому Земарха (см. Дегин. кн. V, 386, и Метог. popul. III, 50—52). Хан, за неимением вина (ибо в сей стране, по словам византийского летописца, нет винограда) потчивал греков каким-то особенным питьем, вероятно, кумысом. Земарх переехал через реки Волгу, Яик, или Урал, и проч.

⁵² Сии золотые и серебряные вещи, хранимые в нашей Кунсткамере, большею частию найдены близ Иртыша и Тобола, а в могилах степей Енисейских одни стрелы, кинжалы, ножи из красной меди: следственно, народ, там обитавший, еще не употреблял железа (см. в *Ежемесяч. Сочинениях* 1764 г. Изъяснение сибирских Древностей, стр. 483 и след.). Сии могилы должны быть потому гораздо древнее времен Чингисхановых.— Альтайские турки славились богатством, делая из чистого золота столы, седалища, конские приборы (см. Метог. popul. III, 65 и Дегин. Histoire des Huns, кн. V, 388).

⁵³ Хан подарил Земарху одну молодую женщину народа *киргизского*, Херхиз (см. Метог. popul. III, 52), а не *черкесского*, как думал Дегин. Итак, киргизы в 569 году сделались известны в летописях.— Мы называем огоров или аваров гуннами, следуя византийским историкам, сказывающим, что огоры жили прежде на востоке от Волги: см. Метог. popul. I, 625 и 643. Сии авары-самозванцы именуются Pseudabares [псевдоавары].

⁵⁴ См. Менандра в Метог. popul. I, 647.

⁵⁵ Когда посол Тибериев в 580 году приехал к хану турецкому с дружескими уверениями, сей хан сказал ему: «Не вы ли, римляне, говорите десятью языками, и на всех равно обманываете людей?... Мы, турки, не знаем обмана, ни лжи: да будет же вам известно, что я найду способ отмстить вашему государю. Он уверяет меня в своем благорасположении, и в то же время дружится с аварами, нашими беглыми рабами. Вы говорите, что чрез один Кавказ можно достигнуть вашей страны: но я ведаю течение Днепра и Дуная; знаю, где и как вступили авары в Римскую империю; знаю и силы ваши. Вся земля от Востока до Запада мне повинуется», и проч. В 581 году область Турецкая разделялась на восточную и западную; но скоро та и другая ослабела. Китайцы, персы, аравитяне утесняли их, до самого того времени, как турки прославились во

времена калифов (см. древнюю их историю в Дегине и в Штрит. Метог. popul. Т. III).

⁵⁶ Менанд. в Метог. popul. Т. II, 47 и след.— Гебгарди хочет под сими славянами разуметь антов; но если бы Лавритас был князем антским, то он не мог бы отвечать аварам, что никто еще не отнимал вольности у славян: ибо анты за несколько лет пред тем были уже поработаны ханом; и византийские летописцы не могли бы сказать, что до сего времени никто еще не тревожил славян в собственной земле их (Метог. popul. Т. II, стр. 49). С 602 году летописи уже не говорят об антах.

Иоанн, начальник городов иллирических, был отправлен Тиверием к аварам со множеством судов, на которых он перевез войско их в греческое владение. Баян шел через Иллирию и снова переправился за Дунай к славянам. Мы не знаем, для чего он, владея страню гепидов, не хотел прямо оттуда напасть на славян, которые также обитали в Дакии к востоку и северу.

⁵⁷ Фредегарий Схоластик, летописец VIII века (см. его Chron. гл. 48, стр. 135), рассказывает, что авары, приезжая на зиму к славянам, оскорбляли целомудрие их жен и дочерей; брали с народа тягостную дань и всячески его угнетали (см. ниже, примеч. 84). Гебгарди пишет, что авары презирали славян за их хлебопашество и называли буйволами (у Фредегария bifulcus, но в другом смысле): имя, которое донныне считается оскорбительнейшею бранью в землях славянских (см. Gesch. der Wenden, Т. I, стр. 95).

Греческий полководец, узнав от переметчика, когда и где славяне хотят сделать нападение, взял меры для лучшей обороны (Метог. popul. II, 72).

⁵⁸ Феофилактом, Анастасием и Феофаном (см. Memoriae populorum, Т. II, стр. 53—54 в описании 590 году).

⁵⁹ См. Геркена Versuch in der Gesch. der Slaven, § 11, 12 и Фредегария в Дюшен. собрании франкских летописей, гл. 48. Фредегарий говорит об нем: negotians, natione Francus [торговец, родом франк]; но сочинитель Хроники de conversione Bajoariorum, живший в половине IX века, называет его славянином: quidam Slavus, Samo nomine [некий славянин, по имени Само]. Г. Пельцель (в Abhandl. einer Privatgesell. in Böhm., Т. I, стр. 226) доказывает, что Фредегарий употребляет имя negotians в смысле воина, а не купца.

⁶⁰ Константин в книге своей о *Правлении* говорит, что славяне пришли в Далмацию из Великой или Белой Хорватии и Великой или Белой Сервлии — то есть, по мнению лучших историков (Гелазия, Бандури, Гаттерера, Геркена), с берегов Эльбы, Моравы и Вислы, где жили прежде сербы или сорабы, и хорваты или нынешние кроаты. Сие случилось во время Ираклия, который царствовал

от 610 до 641 года.— Тогда же, или скоро после, славяне заняли Крайну, Каринтию, Стирию, Фриуль (см. Герк. Versuch и проч., стр. 49).

⁶¹ Штриттер замечает, что византийские историки не объявляют времени, в которое славяне поселились на южной стороне Дуная. Они завладели Пелопоннесом при Константине Копрониме в 746 году (Метог. popul. II, 78). Следы их сохранились в Морее: начальники донные именуются там *воеводами*. Шатобриан считает майнотов потомками славянского народа (см. его *Путешествие*, Т. I). — 5000 славян удалились в 665 году с Абдерахманом, князем сарацинским, в Сирию. Юстиниан II в 688 году отправил многих славян из Фракии за Геллеспонт в Опсициум; 30 000 из них составили легион его телохранителей, которых он считал непобедимыми. Чрез 70 лет после того 208 000 славян перешли за Черное море, в Вифинию, и на берегах Артанаса основали свои жилища. Метог. populogum, Т. II.

⁶² Один из них занимал в длину 50 верст. В горах Кавказских, между Грузиею и черкесами, донные живет народ аварский, говорит особенным языком и повинуется разным маленьким князькам. Главный из сих князей, Усмей-Авар, в 1727 году приезжал в стан к русским и сказал, что «славные дела их возбудили в нем любопытство видеть таких Героев; что один из его предков, изгнанный из отечества, помощью россиян был снова возведен на княжескую степень свою, и что он хранит еще грамоту, данную русским Государем сему предку». Начальник войска желал видеть сию грамоту: вышло, что она татарская и подписана славным Батыем, завоевателем России в XIII веке (см. в Миллер. Sammlung Russ. Geschichte известия нашего артиллерийского полковника Гербера).— Авары кавказские могут быть остатком тех древних, истинных аваров, которых победили турки альтайские и которых именем назывались огоры, т. е. лжеавары.

⁶³ См. Метог. popul. II, 501—510.

⁶⁴ Говорим о российских славянах.

⁶⁵ В одном месте пишет Нестор (стр. 6): «по мнозех же временех (после Потопа) сели суть словени по Дунаеви, где есть Угорская земля и Болгарская, и от тех словен разыдошась по земли... *Волохом* бо нашедшим на словени на дунайские и насилящим им, словены же ови пришедше седоша на Висле», и проч. В другом месте (стр. 10): «словенску же языку, *яко же рекохом, живуцу на Дунаю*, придоша от скиф, рекше от козар, рекомии *болгаре*, седоша по Дунаеви, *насельницы* (не *насылницы*) словеном быша». Тунман заключил из сих двух сказаний, что Нестор под именем волохов понимает болгаров, ибо тому и другому народу приписывает одно действие. Нет: летописец говорит, что славяне изгнаны из

Болгарии болгарами, а из Венгрии волохами: «приидоша угри белии и наследилша землю словенску, прогнавше волохи, иже беша прияли землю словенску» (Нест., стр. 10) — то есть, Венгрию, где угры или венгры в конце IX века действительно нашли *волохов*, по известию летописца венгерского (Аноним Hist. Ducum Hung. гл. XXIV, XXVI, XLIV). Болгары и волохи весьма различны: первые суть турки (см. выше, примеч. 41), а вторые остаток древних гетов или фраков (см. Тунмана Über die Gesch. der Wlachen, стр. 323), смешенных в Дакии с римскими поселенцами (см. выше примеч. 17); но как многие волохи обитали и на южных берегах Дуная, переходя с места на место, то Анна Комнина пишет, что в просторечии назывались волохами болгары, которые вели жизнь пастырскую или кочевую (Метог. popul. II, 670). Обыкновенные союзы тех и других в воинских делах были причиною, что летописец Никита Хониатский и новейшие иногда разумели болгаров под именем волохов (Метог. popul. II, 673, 678, 686). Так Рубруквис, путешественник XIII века, говорит: ces Bulgares sortirent aussi de la grande Bulgarie, de même que ceux qui sont au-delà du Danube près de Constantinople, qu'on appelle Flac [эти болгары также вышли из великой Болгарии, как и те, что живут за Дунаем у Константинополя, и их называют влахи] (см. в Бержерон. Voyages en Asie, стр. 47). И в татарской Истории Абульгази хана (стр. 45) болгары именованы влахами, когда он пишет о войне Огус-хана с россиянами, башкирцами и *влахами* (ибо в соседстве с Башкириею жили болгары).

Именем Волошской земли (у немцев Wälschland) наши предки означали всегда Италию: Wloch на польском языке италиянец. Нестор говорит (стр. 5): «по сему же морю седять (варяги) к западу до земли *Аглянския* и до *Волошския*»: здесь разумеется Италия. Славяне называли нынешних жителей Дакии волохами по сходству их языка с италийским, и для того, что волохи сами себя, отчасти справедливо, именуют *румунье* или римлянами. Уже во время Киннама они считались переселенцами италийскими (Метог. popul. II, 901). Половина их языка состоит из латинских слов (см. Тунман. Über die Gesch. der Wlachen, стр. 339). Тунманово мнение, что имя волохов происходит от славянского глагола *влеку*, достойно ли опровержения? — В какое время, буде сказание Нестора справедливо, они пришли в Венгрию и вытеснили оттуда славян? вероятно, в VII или в VIII веке, когда сила аваров ослабела.

Нестор говорит выше (стр. 5, 6): «смеси Бог языки (по разрушении Столпа Вавилонского) и раздели на 72 языка, и расся по всей земли... От сих же 72 языку бысть язык словенск от племени Афетова, *норици*, еже есть словени». То есть летописец утверждает

ет, что в исчислении семидесяти двух народов под именем нориков разумеются славяне. Сии норики сделались известны во время римлян и жили в Австрии, Сиирии, Каринтии, Крайне (см. Маннерт, *Geograph. der Griechen und Römer*, III, 616), где в Несторово время уже обитали славяне: потому он не различает их. Но древние норики считаются кельтами или галлами.

⁶⁶ В печатн. *Нест.* стр. 7, 8. Впрочем люди знающие сомневаются в истине сего Андреева путешествия, и сам Нестор пишет о том единственно по слуху и народным рассказам: «Андрею учашу в Синопе, *яко же рекоша*, и пришедшу ему» и проч. Ипполит, ученик Ириней, и славный Ориген повествуют, что Св. Апостол Андрей был в Скифии: заключили из сего, что он мог быть и в северной России (см. Баеров. *Origines Russicae*, в Коммент. нашей Академии Т. VIII, стр. 390 и след.). Митрополит Платон (*Церк. Ист.* I, 12) благоразумно замечает, что в Апостольские времена едва ли существовало обыкновение *ставить кресты* где-нибудь. Автор *Степен. Книги* прибавляет, что Св. Андрей *водрузил* жезл свой в селе Друзине близ Новагорода, и что на сем месте сооружена церковь во имя *Андрея Первозванного*.

Нестор при сем случае описывает славянские бани таким образом: «Приде (Св. Апостол) в словени, и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыють, хвощутся, и дивися... И рече (в Риме): видех (у славян) бани древени, и пережгутъ камене румяно, и розволокутся нази и облеются *квасом* усняным (щелоком) и возмутъ на ся прутье младое, бьются сами, тольма, едва слезуть ли живы, и облеются водою студеною, и тако оживуть. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать; а то творять *мовенье*, а не *мученье*». Летописец хотел представить сие древнее обыкновение странным.

⁶⁷ Сим опровергается мнение Тунмана и Гаттерера, полагавших, что славяне дунайские, утесненные Кувратом и сыном его, населили Россию в VII веке. Тунман утверждал сию вероятность сказанием Никифора патриарха (*Метог. popul.* II, 501), что Куврат, восстав против аваров, выгнал из отечества весь народ, данный ему их ханом: *Gubratius contra Avarorum Chaganum rebellat, populumque omnem, quem ab ipso acciperat, contumeliose habitum patriis sedibus expellit* [Куврат восстал против хана аварского и весь народ, который от него принял, с позором изгнал из родных мест]. Известие темное: какой народ? откуда изгнан? Может быть, здесь говорится о какой-нибудь маловажной Орде. Никифор умел бы назвать славян именем их, столь известным.— Болгары завладели Мизиею около 678 года (*Метог. popul.* II, 506—509). Аспарух нашел там славян, именуемых *северами*: в России также уви-

дим *северян*. Но быть может, что они перешли не из Болгарии к нам, а от нас в Болгарию.

⁶⁸ См. выше стр. 33 и 38. Вероятно, что древние жилища славян простирались от берегов Пруссии на восток до губернии Смоленской и Черниговской. Гаттерер считает андрофагов и меланхленов германцами.

⁶⁹ См. выше, примеч. 17; см. также Маннерт. *Res Traiani ab Danubium gestae*.

В *Слове о полку Игореве*, произведении XII века (см. сей *Истории* Т. III, в статье о нашей древней словесности), говорится о *сечах* (а не *вечах*, как напечатано) Траяновых, о *тропе* его и *седьмом веке Траяновом*, в котором жил полоцкий князь Всеслав (см. в сей напечатанной повести стр. 6, 14, 35). Известна *via Traiani*, изображенная на Сульцеровой карте Валахии: сия *via*, дорога или *тропа*, простирается от берегов Дуная до Прута, и далее на восток по южной России (см. Кантемир. *Описание Молдавии* и Бишинг. *Egdbeschr.* II, 770). От времен Траяна до Всеслава прошло гораздо более *семи* веков; но 1) летосчисление народа безграмотного не бывает верно; 2) сочинитель *Слова о полку Игореве* мог также ошибиться, или 3) число *семь* есть описка.

Об Александре Великом см. ниже, примеч. 70, также Станислав. Сарницк. *Annales Polonorum*, кн. II, стр. 877. — Мавра Урбина *Историографию народа славянского*, стр. 3, и Раича *Историю разных славянских народов*, изд. венского I, 3. Феофилакт, визант. историк, именно называет славян древними гетами (*Метог. popul.* II, 3); но не для того ли, что первые заняли в VI веке отечество последних? Самые древние жители Иллирика и Паннонии могли быть единоплеменники славян. Думают, что древнейшие обитатели Венгрии гордо называли себя *панами*, т. е. господами, и что от сего родилось имя Паннонии. Немецкий писатель Антон замечает, что имена древних иллирических городов кажутся славянскими. Впрочем, останемся при одном чаянии.

⁷⁰ «И от тех ляхов прозвашась поляне» и проч. Добнер (см. его *Annales Bohemorum* или примечания на Гагека) думал, что имя поляков составлено из предлога *по* и народного имени *Влахи!*

«Бяста бо два брата в Лясах, Радим, а другой Вятко» и проч. Татищев думает, что Нестор ошибся, и что вятичи были не славяне, а сарматы! «Имя их (говорит он) есть сарматское и знаменует на сем языке (никому в мире не известном) людей *грубых, беспокойных*, каковы они и в самом деле были. Чуваши доныне именуются на мордовском языке *ветке*: следственно, они вятичи!» Миллер в своей речи о происхождении народа российского повторяет слова Татищева, вопреки Нестору, который собственными глазами видел вятичей!

Летописец не означает области древлян: но мы увидим далее в российской истории, что Овруч и Коростен им принадлежали: первый есть и ныне город, а второй местечко Искорость в Волинской губернии на реке Уше, между Овручем и Житомиром. Автор *Степенной Книги* признается, что в его время уже не знали, где было отечество древлян, и что некоторые искали оно в Новгородской области, в которой одна пятая (или округа) называлась Деревскою, а другие в земле северян!

«Бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне» (т. е. они после назывались волынцами, от старинного города Волыни, бывшего между Владимиром и Львовом: см. *Воскресенск. Лет.* I, 21). — «Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне». Следственно, под общим именем волынцев разумелись в новейшие времена и бужане и дулебы. Читателям известно, что есть два Буга: один впадает с Днестром в Лиман, а другой в Вислу. Дулебы жили в западной Волынии.

«Лутичи (в некоторых списках *Луцаци*) и тивирцы седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви; бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря. Суть грады их и до сего дне; да то ся зваху от грек Великая Скифь». Следственно, часть Молдавии и Бессарабия принадлежали российским славянам. Нынешний Акерман назывался Белымгородом (*Воскресенск. Лет.* I, 20) и едва ли не ими основан. От Ушицы до устья Днестра могли издревле существовать и другие города княжения Галицкого. От имени лутичей и тивирцев, кажется, названы там города Лутовиска и Тирава. Баер производит оное от реки Тибиска, или Тисы: для чего же не от древнего Тираса, или Днестра? Древнейшие польские историки, Кадлубек, или Кадлубко (*Hist. Polon.* стр. 787), и Богуфал упоминают о тивианцах, обитавших близ Днестра и служивших князю галицкому во XII веке: название сходно с тивирцами; однако ж не оспариваю Тунмана, думающего, что Кадлубек говорит о волохах, называемых по-турецки *тьюбан*. Некоторые волохи могли и тогда обитать в Молдавии, — Гельмольд, историк XII века, пишет о бальтийских славянах лутичах (*Chron. Slav.* гл. II), бывших, как вероятно, одного племени с днестровскими.

Нестор говорит о белых хорватах и хорутанах (в печатн. стр. 6), называя иногда и тех и других просто хорватами. Одни были нынешние кроаты, победившие болгарского царя Симеона в 942 году (см. печатн. *Нест.* стр. 36, и *Метог. popul.* II, 602); а белые хорваты обитали гораздо ближе к Киеву — думаю, в окрестности гор Карпатских, едва ли не от их имени так названных — служили Олегу, воевали против Владимира и с X века утратили сие имя в наших летописях. Константин Багрянородный (*de Adm. Imp.* гл. 30 и 31) пишет также о двух Хорватиях: Иллирической и

Белой, или Великой, за Турцею, т. е. Венгрию, и *ultra Bagiba-geam* [за Вагиварией] (см. Ансельма Бандури *Animadversiones in libr. Constant. de Adm. Imp.*, стр. 91—92, и в начале сих примечаний Делилевы *Adnotationes in tab. geograph. ex Const. Porph.*). По мнению Бандури *Вагиварей* есть испорченное славянское имя Карпатских или *бабьих гор*, как их некоторые называют (а Добнер утверждает, что Константин понимает здесь Баварию). Делиль говорит: *quod ad Chrobatiam Albam attinet, ad montes Chrobatos pro-rectam fuisse Constantinus ait; hos autem non diversos esse ab iis, quos Crapack populares vocant, nominum affinitas svadet* [что касается Белой Хорватии, то она, по словам Константина, простиралась до Хорватских гор; близость названий убеждает, что это те самые горы, которые местные жители называют Карпатами]. Нарушевич именует Червенную Россию, или Галицию *Chrobascia Czerwona* (см. его *Hist. Narodu Polsk.* II, 53, 55, 69).— Константин Багрянородный таким образом называет славян российских в X веке: *Δερβλενιοι*, древляне; *Σερβιοι*, северяне; *Κριβιταιηνοι*, кривичи; *Δρουγουβιτοι*, дреговичи; *Λενζανηνοι*, *Βερβιανοι*, *Ουλτινοι*: последние три народа не суть ли *лучане* Волынские, (от коих Луцк получил свое имя), *тивирцы* и *лутичи*? — Миллер думал, что Дорогобуж назван от имени дреговичей. Нарушевич (*Hist. Nar. Polsk.* II, 416) искал их близ Дрогичина Хельмского в Галиции.— В Греческой империи, в окрестностях Фессалоники, одно место называлось *Другувитами* (см. *Metog popul.* II, 95): там обитали славяне, однородцы, как вероятно, наших дреговичей.

Татищев опять толкует нам, что кривичи были не славяне, а сарматы: «ибо слово *криве* на сарматском языке значит *верховье рек*». А мы опять поверим Нестору, который причисляет их к славянам. Об имени кривичей скажем свое мнение в другом месте. Владение сего народа было весьма обширно, так что литовцы всю Россию называли *Krewen-Zemla*, или землю Кривичей.

«Речки ради, яже течеть в Двину, именем Полота, от сея прозвасяся полочане... *От них же* кривичи; сеять наверх Волги» и проч. См. ниже, примеч. 72.

Одни ильменские поселенцы, как говорит Нестор, назывались в России славянами; все другие приняли имена особенные, или от места или от вождей своих. Ильмень в древнейших рукописях называется везде Ильмером.— Я говорю, что Новгород основан после Рождества Христова: ибо его не было еще в то время, как Святой Андрей, по словам Несторовым, приходил в Россию: «и прииде в словены, идеже *ныне* Новгород» (в печатн. стр. 8).— Миллер думал, что готфский историк, Иорнанд, под именем *Civitas Nova* (см. выше, примеч. 43) понимает Новгород: *à Civitate Nova — et lacu, qui appellatur Musianus usque ad*

Danastrum, et in Boream Viscla tenus [от Нового Города — и озера, которое называется Музианским, до Днестра; а на север до Вислы]. Если бы Иорнанд говорил о российском Новгороде и хотел описывать землю славян от севера к югу, то он не мог бы сказать: «до реки Днестра, а на север до Вислы», ибо Висла гораздо южнее Новагорода.— Восточный историк X века, Массуди, упоминает о земле *Нукбард* или *Нукирад*, соседственной с славянской. Дегин думал, что сие имя означает Новгород. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi, I, 4.

Древний летописец не сообщает никаких обстоятельных известий о построении Новагорода: зато находим их множество в сказках, сочиненных большею частию в XVII веке, и внесенных невеждами в летописи. Предлагаем здесь выписку из оных для любопытных: «От правнука Иафефова, Скифа, произошли пять братьев и князей, именем Словен, Рус (самые мудрейшие и храбрые), Болгар, Коман, Истер. Все они жили на берегах Черного моря до 3099 году от С. М. В сие время Словен и Рус с народом своим оставили древнюю отчизну, ходили по странам вселенныя, обзрели безмолвные пустыни как орлы быстрокрылатые, 14 лет искали селения по сердцу своему и наконец пришли к озеру *Мойску*. Тогда волхование открыло им, что сие место должно быть для них отечеством. Словен поселился на реке *Мутной*, основал город *Словенск* и назвал реку *Мутную Волховом*, проток ее *Волховцем* (по имени двух сыновей), другую реку *Шелоною*, а озеро *Ильмером* (в честь жены своей Шелоны и сестры Ильмеры). Старший сын был *лютый чародей*, принимал на себя образ крокодила, скрывался в реке, топил и пожирал людей, не хотевших обожать его как Перуна. Он жил в особенном городке на берегу реки, в том месте, которое именуется *Перыню*, и где язычники поклонялись ему. Они уверяли, что Волхов *сел в боги*; но мы знаем, что бесы утопили его в реке. Над телом злого чародея, волнами изверженном в Перыни, злочестивые отправили тризну и насыпали высокую могилу, которая через три дни провалилась в ад.— Именем *Волховцева* сына, *Жилотуга*, назван особенный проток реки Волхова, где он утонул младенцем» (подобно как Тиберион в Тибре: см. Т. Ливия, кн. I, отдел 3).— «Брат Словенов, Рус, основал город *Русу* и назвал там одну реку *Порусьею*, а другую *Полистою*: так именовались жена и дочь его. Потомки сих князей обогатились и прославились мечом своим, завладев всеми странами северными до Ледовитого моря и *желтовидных вод*, и за высокими каменными горами в земле *Сибири* до *Оби*, и до устья *беловидныя*, млечныя реки, где ловят зверя *дынку*, или соболя. Они воевали в Египте, в странах Иерусалимских, Еллинских и варварских; мир ужасался их храбрости. Во время Александра Македонского

управляли словенами и руссами князья Великосан, Асан, Авехасан. Сей монарх, слыша всеобщие жалобы на их жестокость, сказал: *что мне делать с такими сыроядцами, обитающими за морями и горами непроходимыми?* и написал к ним, слово в слово, грамоту следующую: *Александр, Царь Царем, бич Божий и предвitezный Рыцарь, всего света обладатель, и всех иже под солнцем грозный повелитель, покорным мне милосердный пощадитель, а непокорным же яростный меч, в далеком, расстоянии и неизвестном крае вашем от нашего величества честь и мир и милость вам, храбросердому народу, славнейшему колену Русскому, Князем и Владыком от моря Варяжского до Хвалижского, великолепным и милым моим, храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авехасану, вечно радоватися, яко самех вас любезно целую, яко други по сердцу моему. Да будете данницы нашему величеству, и сию милость даю вашему владычеству: аще каковый народ вселится во пределах ваших, да будет вам и по вас сродству вашему подлежим вечней работе; во иные же пределы отнюд да не вступит нога ваша. Сие же достохвальное дело затвержено сим нашим листом и подписано моею Царскою высокодержавною десницею, и запечатано нашим перстнем, и дано вашей честности на веки бесконечные. Аминь. Писана же сия наша грамота в месте нашего предела, в велицей Александрии, месяца Примуса, начальнейшего дня.*— Припись царские руки *златопернатыми* буквами: *мы Александр, сын великих богов Юпитера и Венусы в небе, земских же Филиппа и Олимпиады, высокодержавною правницею утвердих вечно.*— Словено-русские князья, обрадованные такою грамотою, повесили оную в своем капище с правой стороны идола Велеса, уставив великий праздник в день ее написания.— Через несколько времени восстали от их рода два князя, *Лях* (Мамох, Лалох) и *Лакхерн*, воевали землю Греческую и ходили под самый царствующий град: там, близ моря, положил свою голову князь Лакхерн (где создан был после монастырь Влахернский), а товарищ его с глубокою язвою и с великим богатством возвратился в отечество. В *Сидерех* же (σίδρα?), или в Мордве и в Черемисе, княжили тогда два брата, *Диюлель* и *Дидилад*, которых язычники называли богами за то, что они научили их пчеловодству. Скоро ужасный мор опустошил землю Словенскую; остальные жители ушли на *Белые воды*, т. е. Белоозеро, или Тинное озеро, и назвались весью; другие на Дунай, к древним племенам своим; а в Словенске и в Русе обитали тогда одни дикие звери. Через некоторое время словени возвратились на берега Волхова и привели с собою многих скифов и болгаров; но скоро белые угры явились в стране их и разорили оную до конца. Тогда словени черномор-

ские, услышав о запустении отечественной земли своей, опять пришли туда с бесчисленным множеством скифов, болгаров и всяких иноплеменников, поставили новый город, от старого Словенска вниз по Волхову с версту, дали ему имя *Великого Новаграда* и выбрали старейшину, князя Гостомысла. Некоторые из них назывались полянами, другие кривичами, сербами, болгарами, чудью, мерью, лопью, мордвою; земля Русская, свергнув с себя *ризы сетования, облеклась в порфиру и виссон, уже не вдовствуя, но опочивая* много лет с мудрым Гостомыслом. Сын его, Словен, построил в земле Чудской город Словенск, и через 3 года умер; а внук Гостомыслов, Избор, переименовал сей город *Изборским*, и также в юности умер от жала змии». Конец басни увидим в другом месте (ниже, примеч. 91). И многие верили сим нелепостям! Верили (умалчивая о другом), что на берегах Волхова был у славян город за 4200 лет до нашего века! Не только в древней Несторовой летописи, но и в самой Никоновской, в самых Хронографах и в Степенной Книге XVI века не упоминается еще о Словенске: сей вымысел принадлежит, кажется, седьмому-надесять столетию. «Но близ Новагорода есть место, именуемое *Городище*», — замечает Миллер: оно доказывает только, что там был прежде застроен *сей* город, названный *новым*, когда его перенесли на другое место. Гебгарди думает, что Ильменские поселенцы пришли из окрестностей Неи, или Нови, и в память сей крепости основали Новгород.

⁷¹ Летописец сказывает единственно, что Киев, подобно Новгороду, еще не существовал во время Апостола Андрея: «слезе (Св. Андрей) с горы, идеже *после бысть Киев*» (в печатн. стр. 8). Стриковский пишет (кн. XI, гл. 3), что Киев основан, по мнению некоторых, в 430 году. — Псковская Синодальная летопись XV или XVI века (которая хранится в Патриаршей Библиотеке под № 349, л. 154) начинается так: «В лето 6362 беяху три братья; единому имя Кый... И поставиша град на горе и нарекоша имя граду тому Киев»: и так он будто бы основан уже в 854 году? Но сие новое известие недостойно уважения (см. еще новейшую сказку о строителях Киева, ниже, примеч. 282). В *Пушкин.* и *Кенигсберг.* списке: «бяху (Кий с братьями) мужи мудри и смыслени»; а в *Троицк.:* «знатливы (знающие) и разумни». — В *Кенигсберг.* сказано, что летописец не знает, к которому царю приходил Кий; но в харатейных находятя только слова: «приходившую ему ко царю, яко же сказуют, велику честь приял от царя». — Шлёцер думает (его Nest. I, 103), что древнее сказание о Кии-перевозчике, опровергаемое нашим летописцем, могло быть справедливо. «Франкфурт (говорит он), Охсенфурт и другие города произошли таким же образом. На Днепре еще не было моста, но уже было сообщение

между обитателями его восточного и западного берега. Некто, именем Кий, перевозил людей в лодке: тут мало-помалу завелось селение; селение обратилось наконец в город», и проч. Князь Щербатов, оставив достоверного Нестора и последовав автору Синописа, выписанного большею частью из польских историков, Длугоша и Стриковского, рассказывает, что Щек создал город Шековицу, Хорив Хоривицу, или Вышегород, а сестра их город Лыбедь: совершенная басня! таких городов не бывало в России; и Нестор пишет, что все три брата построили один Киев. Польские историки от недоразумения сочли *горы* за *города*. — Татищев думает, что имя Киева или Киви есть сарматское и значит *горы*: он, кажется, не верит сказанию о трех братьях. Щербатов находит имена их арабскими и персидскими, и заключает из того, что Киев построен не славянами, а гуннами, хотя гунны разрушали города, а не строили их, и говорили без сомнения не арабским и не персидским языком. Рейнегс утверждает, что «сей город основан *готфами*, ибо имя его есть *финико-арабское* и значит место *любимое, радостное*» (см. Reineggs Beschreibung des Kaukasus, II, 200). Болтин признает аваров строителями Киева и говорит, что «*Киев* по-венгерски есть веселый, *Горог* кривой, *Сцег* кормило, *Лебегес* трепетание: следовательно, Кий, Хорив, Щек и Лыбедь были авары, которые говорили одним языком с венграми!» Но мы не видим нужды отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева славянским полянам (следственно, не *варяги*, как сказано в Софийской Новгородской и в некоторых новейших летописях, а славяне были первыми жителями сего города). Имена древние не всегда могут быть изъяснены языком новейшим: из чего не следует, чтобы они произошли от иного языка. К тому же славянское местоимение *кий*, слова *щека*, *щекотать*, *гора*, *лебедь* и многие другие столь же близки к именам киевских братьев и сестры, как и персидские или венгерские *Кея*, *Хурех*, *Горог*, *Лебегес* и проч. Болтин думал, что гора, где жил Кий, есть та самая, на коей построена Киевская старая крепость. — На речке Лыбеди стоит загородный дом нынешнего Киевского митрополита. Сие место называется Шулявшино, окружено рощею и служит гуляньем для киевских жителей. См. *Известие о погребенных в Киеве князьях*, стр. 1.

Баер, желая утвердить истину Несторова сказания, искал нашего Кия в готфском короле *Книве*, воевавшем в Паннонии с императором Децием. Миллер, не находя в византийских летописях никакого известия о походе Кия в Царьград, думал, что сей князь служил в войске тех гуннов, которые при Феодосии II разоряли империю. Баер излишно уважал сходство имен, недостойное замечания, если оно не утверждено другими историческими доводами.

Что-нибудь одно: или верить в сем случае Нестору, или не верить; если верить, то Кий был славянский князь, а не готфский. Миллер же напрасно думал, будто Нестор говорит о *войне* Кия с императором: во всех старинных списках летописи его сказано единственно то, что Кий ходил в Константинополь и был с честью принят царем греческим; византийские историки могли умолчать о таком неважном происшествии.

⁷² Миллер в *Речи* своей о происхождении народа российского несправедливо говорит, что летописец наш нигде не именует основателей Полоцка кривичами. В Несторе (стр. 17): «первые насельники в Новгороде словени, в Полоцку кривичи». В *Архангел. Лет.*, стр. 4, назван Изборск городом кривичей. Константин Багрянородный пишет о Новгороде, Киеве, Вышегороде, Смоленске, Любече, называя их *Немоград, Киова, Вусеград, Чернигова, Милиниска, Телиуца* (Метог. popul. II, 981). Киев, по его известию, назывался еще *Самватас*. Не хотел ли Константин написать: *сама мать*, ибо Киев назывался в древности *материю* городов русских? см. в печатн. *Несторе*, стр. 19. Граф И. Потоцкий толковал, что *Самватас* происходит от слова *бот*, на котором Кий перевозил людей; а Добровский (Slovanka 246) сказывает нам, что это шведское имя; что Sam значит *вместе*, а bot *лодка* или *бот*; что в Киеве *собирались* варяжские суда, и для того сие место названо варягами *Самбатом*, или *сборным местом лодок*.— Арабский географ XV века, Бакуй (доныне еще не изданный) упоминает о знаменитом славянском городе Maschphat близ Козарии: см. Шпренгеля *Gesch. der Entdeck.* 160.

⁷³ О Переславском озере см. *Никон. Лет.* II, 229. Оно же называется и Плещеево. Иорнанд упоминает о мери (Merens) в числе народов, покоренных в IV веке готфским царем Эрманарихом (см. выше, примеч. 26). Мордва и черемисы сами себя именуют *мари*; однако ж из того не следует, чтобы Нестор под именем мери разумел их, ибо говорит о тех и других в особенности.

Народ мурома, обитавший в губернии Нижегородской, оставил памятник бытия своего в названии города Мурома.

Нестор не означает земли Черемисской, Мещерской, Мордовской, а только полагает оную в соседстве с Мерею. Мордва (Иорнандовы Mordens: см. выше, примеч. 26) и черемисы издревле жили там, где живут и ныне: первые наиболее в Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской губерниях; а вторые от Нижнего на левом берегу Волги. В летописях средних времен именованы мещерою нынешние мокшане, род мордвы, обитающие в Пензенской и Тамбовской губерниях, в окрестностях реки Мокши (см. сей *Истории* Т. V, примеч. 86). Мещеряками называются ныне татары, живущие в земле Башкирской. Они там пришельцы,

равно как и тептери, смесь черемисов с вотяками, чувашами и татарами, которые в XVI веке, по разрушении Казанского царства, ушли к башкирцам.

Ливония получила имя свое от ливи, народа финского, которого остатки существуют ныне в Курляндии, от Ангерского озера и берегов залива Рижского до Виндавской границы, а в Ливонии (или губернии Лифляндской) в окрестностях реки Салиса и на острове Руне. Другие ливонцы принадлежат к народу латышей (о которых см. ниже, примеч. 80). Имя Ливонии сделалось известно в Европе не прежде XII века.

Не только эстонцы, или эстляндцы, вожане, или вольдь (в нынешней Ораниенбаумской округе: см. *Новгород. Лет.* 134), ижорцы, корелы, но и первобытные жители Двинской земли, или Архангельской губернии, Вологодской, Вятской, Пермской назывались чудью (см. *Двинск. Лет.* в Трудах Вольн. Росс. Собрания, *Журнал путешествия Рычкова и Казанск. историю*, стр. 190 и след.). Миллер в *Речи своей о происхождении народа российско-го* пишет: «чудь знаменует на русском языке вообще *первобытных жителей* (не лучше ли сказать: *иноплеменников*, или *чуждых?*): ибо ежели вы на берегах Волги, Тобола, Иртыша, Оби, Енисея, видя какое-нибудь укрепление, могилу, древнее здание, спросите у жителей: кто соорудил их? то они вам отвечают: *чудь, народ, который обитал здесь прежде русских*». — Иорнанд называет чудь Thuidos. Баер думал, что имя скифы и чудь есть одно.

Имя города Нарвы происходит от имени *Наровской* чуди.

Шлёцер (см. его *Nest.* I, 50) несправедливо считал емь ижорцами; они в наших летописях обыкновенно именуются ижерянами; были издревле подданными Новгородцев и *сами воевали с емью* (см. *Новгород. Лет.* 106 и 107). Татищев и Болтин столь же несправедливо полагали сей народ между Ладожским озером и Белым морем, в Двинской земле, со XII века (если не ранее) провинции Новгородской (см. *Новгород. Лет.* 59). Что емью именовались финляндцы, ясно доказывается следующими известиями *летописца Новгородского*: 1) Сумь (*суома*, как называют себя финляндцы) и емь в 1240 году шли на кораблях против Новгорода и *хотели взять Ладогу*: князь Александр *встретил* их (стр. 132, 133) *на реке Неве*: следовательно, они жили не между Ладожским озером и Белым морем. 2) В 1256 году князь Александр шел из Новгорода на емь *чрез Копорье* (стр. 142, 143). 3) В 1228 году ладожане побили емь: неприятель, спасаясь от них бегством в землю свою, был истреблен ижорцами и корелами (стр. 107): пусть читатель взглянет на карту. 4) В 1311 году новгородцы воевали за морем, т. е. за Финским заливом, с емью, и, взяв их город *Ва-*

най, на Черной реке, опустошили берега Перны: мы знаем в Новой Финляндии *Ванакиле* и *Перно* (см. Бишинг. *Erdbeschr.*). *Черною* именуется в наших летописях одна из рек западно-южной Финляндии.— Местечко *Емсе* в Тавастландском графстве также напоминает *емь*. Один из моих приятелей, знакомый с сими местами, писал ко мне, что тамошние жители доньше называют себя *Hämi*, и что имя *Суми* или *Суоми* в особенности принадлежит финляндцам северным.— Адам Бременский, по мнению Шлецёра, называет ямь *Lami*, а Гервазий, автор XIII века, *Jarmenses*, вместо *Jamenses*.— Иорнанд именует весь *Vas*.

В *Больш. Чертеже*, стр. 317: «Те города по Сысве и по Сосве *Югра*». Герберштейн на карте России полагает Югру за Обью. Доселе историки и географы наши искали Югры на берегах Юга, Двины и Мезени. Описание похода россиян в землю Югорскую около 1500 года ясно доказывает, что она была за Каменным Поясом: см. сей *Истории* Т. VI. Имя остяков есть новое татарское: покорив часть Сибири в XIII веке, татары назвали ее жителей *уштяками*, т. е. *людьми дикими*. Вогуличи именуют Березовских остяков *мансами*: так называются и сами вогуличи.

Теперь нет особенного народа Печорского. Думаю, что так назывались нынешние зыряне (см. ниже), а не самоеды, которые в Несторовой летописи именуется особенно самоедью.

⁷⁴ Меря, мурома, весь, уже давно обратились в россиян. Зыряне, или сыряне, живут на берегах Выми, Сычолы, Вычегды и проч. Они принадлежали ко многочисленному народу Пермскому и говорят с ним почти одним языком, которого словарь напечатан Миллером в его *Sammlung Russ. Gesch.* Болтин, не зная того, пишет, что зыряне утратили язык свой и сделались совершенно русскими: см. *Путешествия Академика Лепехина*, т. IV, стр. 404, Фишер. *Сибирск. историю*, стр. 81, 99, 100, и в Миллер. *Sammlung Russ. Gesch.* словари чудских народов. Жив долго между татарами, чувашами заимствовали от них множество слов; но язык их в основании есть также финский.

⁷⁵ См. Тацит, *Descript. Germaniae* гл. 46. Венеды, по его словам, граничили к северу с финнами. Гаттерер думает, что финны жили тогда в Курляндии, Самогитии, северной Литве. *Fenni, de quibus Plinius* [финны, о которых говорит Плиний] (ибо толкуют, что его *Eningia* есть описка вместо *Feningia*) *Tacitusque Soquuntur, mortalium omnium pauperrimi Tacito visi, Curlandiam, Samogitiam et maxime septentrionalia Lituaniae tenuerunt* [и Тацит, казавшиеся Тациту беднейшими из всех смертных, владели Курляндией, Самогитией и всем севером Литвы] (см. *Commentationes Societ. Gottingensis*, Т. XII, стр. 208, и Шлецер. *Nord. Gesch.*, стр. 438). Может быть, в глубокой древности финны пришли из северной Азии

в Европу; по крайней мере, язык их весьма отличен от коренных языков европейских, а сходен с венгерским (см. D. Gyarmathi Afinit. ling. Hungaricae cum linguis Finnicae originis). Баер (а за ним и Гаттерер) производит финнов от скифов; но образ жизни первых, описанный Тацитом, не представляет ничего скифского. Non arma, non equi; victui herba, vestitui pelles, cubile humus [ни оружия, ни коней; трава для пропитания, шкуры вместо одежды, вместо ложа земля]: можно ли отнести такое описание к Геродотовым скифам, сходным с нашими киргизами или татарами?

⁷⁶ Кажется, нет сомнения, что весь, меря и мурома были единоплеменниками мордвы и других финских народов.

⁷⁷ Так означает Торфей границы ее (Historia Norveg. T. I, стр. 102, и Шлёцер. Nord. Gesch. 500). В древних скандинавских известиях Белое море называется Гандвик (Hist. Norveg. I, 163).— Квенландия значит *женская земля*. Сие имя заставило Адама Бременского баснословить о северных амазонках (в Линденброг. издании стр. 59).— Финские чародейства подробно описываются в северных сказках (см. Шлёцер. Nord. Gesch., стр. 437, и его Nestor, Ч. II, стр. 45; также Торф. Hist. Norveg. T. II, стр. 165).

⁷⁸ Исландия, остров необитаемый до 874 года, и в сие время населенный норвежцами, не хотевшими повиноваться Гаральду, первому деспоту северному, прославилась своими летописями, которые служат главным источником для скандинавских историков. Лучший исландский летописец есть Снорро или Снорри Стурлезон или Стурлузон, бывший в XIII веке лагманом острова, то есть блюстителем законов. От летописей, достойных уважения, надобно отличать исландские *саги*, или сказки, весьма недостоверные. Лейбниц, Ире, Маллет, Шлёцер признают их более романами, нежели историею, хотя Шперлинг и самый ученый Бринг другого мнения, считая поэзию скальдов историческою драгоценностию. В *сагах*, как и во всех народных сказках, есть, конечно, истинные древние предания: только они сочинены уже гораздо после десятого века — и кто отличит в них ложь от истины?

⁷⁹ См. Отерово путешествие в Форстеровой Geschichte der Entdeckungen in Norden.

⁸⁰ Нет нужды спорить с теми, которые производят латышей от римлян, македонян, евреев, сарацинов и проч. Большая половина языка их есть славянская (см. Тунмана Über Nordl. Völker); но упомянем о мнении ученого Гаттерера. Он признает сей народ сарматами, говоря: «Ежели финны скифы, а славяне дако-геты, то не можно ли латышей произвести от азиатских сарматов?» (см. его Weltgeschichte, стр. 737, особенно же Commentationes Societ. Gottingensis, T. XI и XII). Но кто *доказал*, что финны скифы, а дако-геты славяне? см. выше, примеч. 69, 75. Нравы латышей, изве-

стные нам с IX века по описанию Вульфстанову, не имели и не имеют никакого сходства со нравами сарматов. Вся Гаттерерова *система народов* основана на слове *если!*

⁸¹ De reb. Geticis, стр. 85: Ad littus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluente Vistulae fluminis ebibuntur, Vedioarii resident, ex diversis nationibus aggregati [на берегу океана, где воды Вислы образуют три устья, живут видиварии, собравшиеся из разных народов]. Сие мнение ученого Тунмана кажется мне вероятным. Многие готфы и славяне, бывшие в Дакии, могли возвратиться к латышам и сообщить им некоторые слова латинские, находящиеся в языке последних. Стриковский и Преторий рассказывают, что Видвут, оскорбленный междоусобием народным, говорил так своим единоземцам: «Если бы вы имели хотя разум пчел, то ссоры ваши давно бы прекратились. Знаете, что рой повинуется одной матке, и что она для каждой пчелы определяет особенную работу, выгоняя ленивых из улья. Воспользуйтесь сим примером; изберите Государя и вручите ему судьбу вашу, да судит распри граждан, отвращает убийства, злоупотребление силы и печется о всеобщей безопасности! — Народ единодушно избрал его в цари: ибо Видвут был знаменит как в своем отечестве, так и в чужих землях, умом и богатством. Более кроткими наставлениями, нежели строгостию, он приучил своих подданных к трудолюбию, земледелию, скотоводству». — Вот народная сказка, которая может иметь некоторое историческое основание.

Леттландиею называлась южная часть Ливонии, где жили латыши (а не ливь).

⁸² В нынешнем Натангене, где село Гросвальден.

⁸³ Нестор говорит: *почаша держати род их* (Кия и братьев его) *княжение в Полях, а в деревьях свое, а дреговици свое, а словени свое в Новегороде*, и проч.— Полян обижали (пишет Нестор) древляне с иными *окольными*.

⁸⁴ Нестор (стр. 11): «в сии же времена (Ираклиевы, или в начале VII века) быша обри, иже воеваша на царя Ираклия и мало его не яша». Хан Аварский в 619 году действительно едва не схватил Ираклия (см. Метог. popul. I, 743). Но авары (чего не знал русский летописец) были известны грекам гораздо ранее времен Ираклиевых (Метог. popul. I, 642).— Далее: «Сии же обри воеваша на словены, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам дулебским: аще поехати бяше обрину, не даяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи три ли, четыре ли, пять ли жен в телегу и повезти обрина; и Бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни един обрин... И есть притча в Руси и до сего дне: *погибоша аки обри, их же несть племени, ни наследка*».

⁸⁵ См. Метог. popul. III, 549 и след. Некоторые арабские писа-

тели считают козаров за один народ с грузинами (см. Эрбелот. *Biblioth. Orient.* под словом *Khazar*). Тунман и Шлёцер думали, что Нестор белыми уграми называет также козаров, говоря: «Си бо угры почаша быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перскаго». Византийская история в самом деле начинает много говорить о козарах с 626 года, когда Ираклий ввел их в войну с Персиею; однако ж известие Несторова (стр. 10), что белые угры завладели после землею Славянскою (см. выше, примеч. 65), может относиться только к действительным уграм: ибо летописец наш, как он сказал выше (стр. 6), означает сим именем Венгрию, ими завоеванную. Греческие историки называют и венгров и козаров турками (*Метог. popul.* III, 543, 607): не вообразил ли Нестор, что мнимые турки, помогавшие Ираклию в войне Персидской, были венгры? Впрочем, угры могли вместе с ними участвовать в сей войне. Надобно также знать, что Венгрия в средних веках называлась *Белою*: *Alba Ungaria* (см. Гебгарди *Gesch. des R. Ungarn*, I, 362, Пестского издания 1802).— Татищев и Болтин несправедливо думали, что козары и хвалисы один народ (см. ниже примеч. 493).— Моисей Хоренский (*Hist. Arm.* кн. II, стр. 183) называет козаров хазирами, а некоторые византийцы аказирами.

⁸⁶ Петр Великий и храброе войско его, взявшее Дербент, с удивлением видели остатки сей стены, проведенной чрез горы и пустыни от Каспийского моря к Черному. Князь Димитрий Кантемир, муж просвещенный и любопытный, описал ее развалины. «В долинах, говорит он, стоят еще многие башни с воротами, похожие на башни Московские. Стены в толщину более сажени; огромные камни, из коих она сделана, без железа и без извести, сплочены весьма крепко» (см. Баёра *de tugo Caucaseo* в *Коммент. Академии Наук*, Т. I, или в его *Opusc.* стр. 94; см. также Эрбелот. *Bibl. Orient.* под словом *Khazar*).

⁸⁷ Д'Анвиль пишет, что в начале V века татарский князь, именем Тулун или Турун, первый назвался каганом, или ханом (см. его *Mémoire sur les peuples de la Dace*, в *Mém. de l'Acad. des Inscrip.* Т. LII).

⁸⁸ См. *Voyage de Rubriquis*, в Бержерон. изд. стр. 1. Кроме принадлежавшего греческим императорам Херсона и юго-западной приморской области Дори, где жили 3000 независимых готфов христианской Веры, остаток тех, которые в IV веке, при Эрманарихе, господствовали над всею восточною Европою. Сии малочисленные готфы, верные союзники Константинополя, славились храбростию и гостеприимством, любили земледелие, жизнь сельскую и не терпели городов в стране своей. Иустиниан I, для их защиты, оградил Дори, в некоторых опасных местах, каменною стеною (см. Прокоп. *de Aedif.* кн. III, гл. 7). Они уже в конце IX века

были покорены ханом козарским (см. Метог. рорл. I, 245 и след.).

Юстиниан II, свергнутый с престола Тиверием, ушел к хану козаров и женился на его дочери, которую он после венчал царским венцом в Константинополе. Филиппик также искал их защиты. Император Лев женил сына своего, Константина, на княжне козарской; от сего брака родился сын, который царствовал под именем Льва Козарского.

⁸⁹ Нестор, описывая сие происшествие, еще не определяет лет.

В *Пушкинск.* списке: «И реша старци козарстии: *не добра дань, княже, мы ся доискахом оружием одиюю стороною, рекоша саблями, а сих оружие обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на нас и на инех странах.* Се же сбься все; не от своя воля рекоша, но от Божия повеленья, яко при Фараоне: еда приведоша Моисея пред Фараона и реша старейшины: *се хочеть смирити область Египетскую;* яко же и бысть... яко же бысть владеют козары русские до нынешняго дне». — После о дани козарской сказано в *Кенигсберг.* списке: «имаху козаре на полех и на севере и на вятчих по *белой девици*», ошибкою вместо *веверицы*; в *Пушкин.* и в печатном *Никонов.*: «по белей *веверицу*»; в *Троицк.*: «по беле и по *веверице*». Но то и другое имя значит одно. — Шлёцер (см. его *Nestor.* Ч. III, стр. 64) спрашивает: «для чего козары брали дань с киевских славян белками, а не медведями?» и заключает, что русские славяне не имели оружия, потребного для медвежьей ловли! Козары брали дань кожами зверей самых обыкновенных, и веверицы могли им быть нужнее медведей для одежды.

⁹⁰ См. *Абульфеду*, в Бишин. *Historisch. Magaz.* Т. 5, стр. 365, Эрбелот. *Bibliothèque Orientale* при имени *Khosar, Balangiar*, и *Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian Traveller of the tenth century, translated by W. Ousely*, стр. 185—190. Переведем здесь любопытные известия о козарах из последней книги и *Chrétomathie Arabe, par Silvestre de Sacy*:

«Каган (или хакан) должен быть всегда императорского поколения. Только в важнейших делах можно иметь к нему доступ; входящие падают ниц и ждут, чтобы он велел им встать, приблизиться и говорить. Никто не смеет ехать верхом мимо кагановой могилы: надобно сойти с коня, поклониться гробу, идти пешком и сесть на лошадь единственно тогда, как могила уже сокроется от глаз. Если каган скажет знатному чиновнику: *поди, умри*, то чиновник немедленно идет домой и убивает себя. Иногда самые бедные люди каганского поколения восходят на трон в свою очередь. Я слышал, что один молодой человек сидел в лавке, торгуя бездельцами, и что народ говорил об нем: *по смерти нынешнего кага-*

на он сядет на престол! Но сей человек был мусульманин, а каган должен быть всегда иудейской веры» (которую, по сказанию восточного историка, Массуди, жившего в X веке, принял в 740 году козарский владетель Була: см. ниже). «С царем судят девять чиновников, которые могут быть мусульмане, евреи, христиане, идолопоклонники. Меньшая часть жителей иудейского закона, а большая магометанского и христианского... Город Атель окружен верст на семьдесят плодоносными полями... Главная пища жителей есть рыба и пшено; мед и воск привозят к ним из России. Знатнейшие граждане ательские суть мусульмане и купцы; язык их турецкий... В земле Козарской есть город Асмид, весьма богатый садами. Дорога от Дербента к Сериру вся окружена ими; тут родится и виноград» (Oriental Geography).

Массуди около 947 года пишет следующее: «По реке, разделяющей столицу козарскую на две части, ходят вверх большие суда, нагруженные товарами ховарезмскими. На других судах из земли Бертас привозят шкуры черных лисиц, самые славные и дорогие. Есть и красные, пестрые, белые. Так называемые арабские малоченнее всех иных. Черные идут единственно из сей земли или соседственных с нею. Цари народов варварских покупают оные весьма дорогою ценою для шапок и шуб. Из Козарии отправляют их не только в Дербент, в Берду и другие места в Хорасане, но и в страны франков, в Испанию». (Chrétomathie Arabe par S. de Sacy).

Хотя в Козарии было много городов, из коих нубийский географ (Шериф аль-Эдризи, писавший около 1153 года) именует Куран, Гадран, Сегесан, Самандар, Альбаиду, Садил и Феруз-Капад: но многие люди жили там еще в шатрах или в кибитках. Дворец каганов, на западном берегу Волги, был кирпичный; а другие жилища все мазанки. Обыкновенная воинская дружина сих государей состояла из 12 000 человек (Orient. Geogr.).— По другим восточным известиям каганская столица находилась ближе к Дербенту.

Массуди пишет (см. Клапрота *Russland's Vergrößerungen*, стр. 182—201), что козары имели в особенности и царя и кагана; что последний жил во дворце у первого, был весьма уважаем, но не вмешивался ни в какие дела и скрывался от людей; что в случае бедствия народ приходил к царю и говорил ему: «нынешний каган несчастлив: умертви его или выдай нам». Царь тогда убивал или спасал кагана. «Не знаю (говорит Массуди), таков ли всегда был обычай у козар, или введен недавно». Другие историки молчат о разности между царем и каганом. Эбн-Гаукаль прибавляет только следующую странность: «Избрав кагана, вельможи надевают ему шелковую петлю на шею, давят его и спрашивают: сколько лет он хочет царствовать? Каган означает лета, и тогда снимают петлю;

но если сей царь переживает определенный им срок, то его убивают!»

Константин Багрянородный, описывая в X веке только южные области Козарские на берегах Азовского и Черного моря, не упоминает об их Волжских или Каспийских владениях; но в его время каганы еще господствовали в нынешней Астраханской губернии по восточным известиям (см. нашей *истории* год 1021), хотя узы, народ турецкого племени, уже кочевали тогда между Волгою и Доном, или с согласия или против воли козаров (см. Конст. Багрянород. в Бандури Т. 1, стр. 105, 106, и Делилеву географич. карту там же, стр. 32, 33). Узы (Ουζοι, Ουζ) называются в византийских летописях гуннами и скифами. Один новейший Глика причисляет их именно к печенегам (Метог. рор.). Баер без всякого основания считал узов и половцев, или команов, за один народ: Скилиций и Анна Комнина говорят особенно о том и другом. Ученый Прай (см. его Dissert. VI, стр. 111), ссылаясь на Дегина, несправедливо пишет: Abulfedha et Benschunach Uzos pro Comanis et vicissim usurpant [Абульфедха и Беншунах считают узов команами и наоборот]. Дегин говорит о туркоманах, а туркоманы не половцы, хотя и не сомневаюсь в их сродстве: ибо, кроме Глика, сам Нестор прибавляет (*Рос. Библиот.* 145): «Измаилов же род двенадцати сынов, от них же суть торкмани, печенеги, торки и половцы». Дегин рассказывает, что арабские историки называют узов Gozz. Если не ошибаюсь, то они в летописи Несторовой именуются торками (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 112).

Имя города Саркела, по толкованию Константина Багрянородного и Продолжателя его, значило на языке козаров *белую гостиницу* или *белый дом* (Метог. роруl. Т. III, стр. 567). На турецком языке оно значит *белый город* (Баер. Geographia Russ. ex Const. Porph. в Комментар. Академии, Т. IX, стр. 399). Потому ученый Делиль (см. в начале Бандури Animadvers. in Const. Porph. libros de Themat.) вообразил, что Саркел есть нынешний Белгород в Курской губернии, и что Константин назвал Танаисом не Дон, а Донец. Баер, д'Анвиль (в Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace: см. *Mém. de l'Acad. des Inscr.* год 1758—1760) и другие поверили ему; но сие мнение кажется несправедливым. Белгород Курский известен только с XVI века (см. сей *Истории* год 1502, в примеч.) и назван *Белым* от своего положения на меловой горе, с которой перенесли его в долину (см. *Большой Чертеж*). Люди, отправленные императором Феофилом, приплыли на судах к тому месту, где надлежало им строить Саркел (Метог. роруl. Т. III, стр. 567—568): а Донец в окрестностях Белгорода не удобен для судоходства (см. *Записки В. Зуева*, стр. 170). Козары, овладев Тавридою, желали иметь Саркел для защиты от печенегов

(см. Кедрина в Метог. popul. Т. III, стр. 568), которые еще жили тогда, по известию Константинову, на берегах Яика и Волги: не Донец, но Дон мог быть границею между ими и козарами. Делиль и Баер напрасно также говорят, будто Константин полагает Саркел в верховье реки Танаиса: он, Продолжатель его и Кедрин пишут только, что сей город стоял на берегу ее (см. Метог. popul. Т. III, стр. 567—568). В другом месте говорит император (Бандури Т. I, стр. 113), что Дон течет от Саркела: *Tanais qui à Sarcel venit*. В Астрахани можно сказать, что Волга течет от Царицына: следует ли, чтобы Царицын находился в верховье Волги? Константин не знал никаких мест на Дону выше Саркела, и для того употребил сие выражение. В *Хождении Митрополита Пимена к Царюграду*, писанному в исходе XIV века, сказано, что на Дону, в двух днях плавания вниз от устья Медведицы, находились развалины древнего города *Серклии* (см. нашей *Истории* Т. V, примеч. 133): вот место *Саркела*, если не ошибаюсь.

О кагановом и других *городищах* см. в *Описании Харькова*, стр. 101; также в *Географ. Словаре Рос. Госуд.* под именем *Воронеж*. В *Большом Чертеже* упоминается о многих городищах на берегах Донца (стр. 47—50). Имена: *Колодезь каганской*, *Перевоз каганской*, свидетельствуют, что сии места принадлежали козарам.

Греческий царь Михаил отправил в Козарию философа Константина, обратившего ее жителей в христианство. Они из благодарности хотели осыпать его дарами; но Константин требовал только освобождения греческих невольников: что ими с радостью было исполнено (см. *Vitae ambae SS. Cyrill. et Method. in Act. Sanct.* 9 марта, Ассемани *Kalend. Eccl. univers.* III, 4; см. также нашу *Минею*, в житии Святых Константина и Мефодия). Между тем каганы, не препятствуя народу креститься, сами еще оставались в иудейском Законе (см. нашей *Истории* Т. II, примеч. 24, в описании 1021 года). Св. Константин, или Кирилл, чрез несколько лет прославился изобретением букв славянских и переводом церковных книг с греческого (см. ниже статью *о языке и грамоте славян*).

⁹¹ Нестор пишет: *имаху дань варязи на словенех... а козаре на полех... по белей веверице от дыма*: невероятно, чтобы два народа брали совершенно одинакую дань. Летописец, кажется, не знал, чем варяги обложили ильменских славян; а говорит только, что поляне давали козарам.

В некоторых новых списках Нестора сказано, что славяне, изгнав варягов, начали ставить города: в древних нет сего прибавления.

Сообщаем здесь конец сказки, внесенной нами в примечание

70: «Когда Гостомысл дожил до глубокой старости и не мог уже править такими многочисленными, беспокойными народами: тогда сей великий муж, *седой умом и власами*, призвав начальников Русской земли, увещавал их идти, по смерти его, за море в Прусскую и Варяжскую землю, к тамошним *Самодержцам*, от рода *Августа Кесаря*, и предложить им власть над землею Славянскою. Гостомысл скоро умер, и новгородцы погребли его с великою честью на месте, именуемом *Волотово*, но долго не хотели Самодержавия и выбирали только *Посадников*; наконец беспорядки и междоусобие заставили их отправиться в *Варяжскую землю* и в *Пруссию* к тамошнему *курфирсту* Рюрику, потомку Августову в XIV колене, который согласился управлять ими». Сии сказочники объявляют нам, что Цесарь Август имел братьев: *Прусса*, Августула, Кирина, *Иллирика*, Ипиона, сродника Эвельгерда и проч. Такими и подобными историческими баснями отличается у нас какой-то диакон Холопьяго монастыря (доныне существующего при устье реки Мологи), именем Тимофей Каменевич Рвовский. Он жил и писал около 1699 году. Я нашел его сочинения в Синодальной библиотеке, в рукописной книге, названной *о древностях российского Государства*, № 529, Т. II; мы упоминаем об нем в других примечаниях.

Выпишем слова Несторовы о Руси: «Идоша за море к варягом к руси: сице бо ся зваху ти варязи, яко сии друзии зовуться урмяне», и проч. (см. ниже, примеч. 103). Далее: «и от тех прозвася Русьская земля, а Новгородци от рода варяжьска, преже бо беша словени» (а в других списках: «и суть новгородстии людие и до нынешняго дни от рода варезьска: преже бо беша словени»). То есть Нестор говорит, что *древние* новгородские славяне от времен Рюрика смешались с племенем варяжским.— Следственно имя нынешней России происходит от варягов-руси, а не от *рассеяния*, как думали некоторые, согласно с известием Прокопия о спорах, ибо варяги не были славянами. В древние времена писали у нас *Русь*, после *Русиа*, а наконец обратили букву У в О. Татищев думал, что митрополит Макарий первый ввел сию новость: но во всех древнейших списках *Степенной*, так называемой *Макариевои Книги*, во всех рукописях XVI века, сколько мне случалось их видеть, употребляется название *Русь* и *Русиа*. Болтин несправедливо также говорит, что *со времен* Макариевых *начали* производить имя Россов от *рассеяния*: нет, гораздо прежде: ибо Герберштейн пишет, что в его время сие мнение было уже общим в России (см. *Regum Moscovitarum Comment.*, стр. 1).

Некоторые новейшие летописцы, вопреки Несторову сказанию, производили имя Руси от реки Порусья, говоря (см. *Воскресенск. Лет.* I, 61): «и пришедше словени с Дуная и седше у *езера*

Ладожьскаго (чего нет в древней летописи) и оттоле пришедше седоша около езера Ильменя, и нарекошася Русь, реки ради Русы, еже впадаетъ в езеро Ильмень» (в Полисту).

⁹² «Ляхове же и прусь и чудь приседаютъ к морю Варяжскому» — говорит Нестор. Достоинo примечания, что один арабский географ упоминает о *Варанкском море*, как о заливе Северного, и сказывает, что *Варанк* есть имя народа, обитающего на его берегах: *Mare Warank exit ex ambiente mari Septentrionali versus meridiem, habetque longitudinis et latitudinis, quot satis sit. Warank est nomen gentis, quae litora eius obsidet* [Варанкское море выходит к югу из окружающего Северного моря и имеет достаточную ширину и длину. Варанк — это имя народа, который живет на его берегах] (см. Абульфеду в Бишинг. *Hist. Magaz.* Т. IV, стр. 151).

⁹³ Гельмольд пишет: *Exercitus Northmannorum collectus de fortissimis Danorum, Sveonum, Norveorum* [войско норманнов составлено из храбрѣйших датчан, свеонов, норвежцев].

⁹⁴ В 516 году, по известію Григорія Турскаго. Долго читали в церквах молитву: *à furore Normannorum libera nos, Domine* — то есть: *сохрани нас, Господи, от свирепства Норманов.*

⁹⁵ См. Форстерово сочинение *Von den Entdeckungen in Norden*. Они в 1001 году были занесены бурей к американским берегам; после несколько раз ездили туда из Гренландии, и назвали сию новую землю Винландіею. Адам Бременский упоминает об ней.

⁹⁶ Саксон, автор XIII века, прозванный Грамматиком по его чистому латинскому слогу, дозволил себе выдумать всю начальную историю Скандинавии, основываясь будто бы на древних стихотворениях и надписях, неизвестных ни одному человеку, кроме его. Не только благоразумные критики — Маллет, Шлёцер — но и сам шведский повествователь Далин, весьма склонный к баснословію, отвергает древнюю историю Саксону. Несмотря на то, Миллер в своей Академической речи с важностію повторил сказки сего датчанина о России, что Саксон пишет о русской царевне Ринде, с которою *Один* прижил сына *Боуса*, и что у нас есть также сказка о Бове королевиче, сыне *Додона*: «имена Боус и Бова, Один и Додон сходны: следственно, не должно отвергать сказаний Грамматика!» (см. Миллерово сочинение *о народах, в России обитавших*, в статье о *готфах*).

Для почитателей любопытных предложим здесь сии весьма недостоверные известія о древней России.

Фротон I, король датский, по мнѣнію Торфееву современник Христа, в морском сраженіи победил российского царя, или тирана (Сакс. Граммат. *Hist. Dan.* кн. II, стр. 21), именем Траннона: взял город его Роталу в Ливоніи (см. Грубер. *Liefländ. Chronik.*) и *Пелтиск*, или Полоцк, столицу Веспазія, другого царя российско-

го; завоевал еще дальнейшую страну какого-то царя Гандувана и женился на его дочери.— В I веке норвежский владетель Галфдан воевал в землях Востока, России и Ливонии, убил на поединке славного царя Сигтригга и женился на дочери российского государя Эймунда, именем Альмвейге или Альфнии (Торф. Hist. Norveg. I, 173).— Шведский король Готброд также счастливо воевал в России (Сакс. Грам. Стр. 28). Наследник его Готер погиб в стражении с Боем, сыном Отина (или славного Одина) и российской царевны Ринды. Колдун финский предсказал Отину сей случай; но мужественный Бой, сам раненый в битве, умер на третий день и погребен с великою честью российскими воинами, которые насыпали высокий курган над его могилою, да служит долговременным памятником славы Боевой (Сакс. Грам. Hist. Dan. Стр. 44, 46).— Сын Готеров и преемники его имели многие войны с россиянами в течение II века.

Фротон III, король датский, в III веке по исчислению Торфееву, женился на дочери какого-то царя гуннов, приворотил ее к себе волшебным питием и развелся с нею: за что тесть его объявил ему войну и соединился с россиянами, но был побежден (Сакс. Грам. Hist. Dan. 69, 86, 89). Фротон отдал Гольмгардскую (или Новгородскую) область царю Олимару, Эстию (Эстонию) другому царю, а третьему, Коногардию, также российскую землю.— В исландских повестях упоминается о знаменитом российском государе Зигурламе, который, по мнению Торфея (Hist. Norv. I, 420), жил в III веке. Гейррида, дочь русского богатыря и владетеля Гейрравда, вышла за норвежца Аугмунда, и немалая часть России была ее приданым или наследием (Торф. Hist. Norv. I, 273). Одд, другой витязь норвежский, женатый на Силкизифе, царевне российской, также господствовал в отечестве ее. Более всех российских государей славился тогда могуществом и богатством Гроллавг; а супруга его Герборг, сын Герлавг, дочь Гергерда не менее славились красотою. Норвежец Гейдрик (Торф. Hist. Norv. I, 432) совокупился браком с Гергердою, и взял за нею в приданое Виндландию (или Финляндию, как толкуют).

Одна пристань или город в России назывался Альдейгабургом или Альдейгабургом (см. ниже, примеч. 485). Тамошний Владетель Ингварь был умерщвлен Стурлавгом Трудолюбивым, который, на его дочери Ингигерде женив Фрамора, отдал ему сию область (Торф. Hist. Norv. I, 204). Трандийский король Эистейн, осадив Альдейгабург, убил его Владетеля, именем Гергейра (Торф. Hist. Norv. I, 296). Биартмар, граф (Comes) Альдейгабургский, не уступал в силе королям (Торф. Hist. Norv. I, 422). Сии происшествия Торфей относит ко II или III веку.

Сын Фротона III, Фридлев, был воспитан в России (Сакс.

Грам. Hist. Dan. кн. VI, стр. 96) и с помощью тамошнего царя восшел на престол отеческий.— Старкатор, витязь датский, обратив в бегство российского князя (Princiret) Флокка, овладел его несметными сокровищами, множеством серебра и золота (Сакс. Грам. кн. VI, стр. 104, 105) и на поединке одолел Визинна, богатыря нашего, в царствование Фротона IV, т. е. в IV веке по хронологии Торфеевой.— Лет через сто или более Гальдан, король датский, помогал россиянам против шведского (Сакс. Грам. кн. VII, стр. 135); и король Ярмерик воевал с ними.

Знаменитый король северный, Ивар Видфадме, покорив Швецию, Данию, завоевал и часть государства нашего. Дочь его Авдур Диупаудга (Торф. Hist. Norv. I, 442) или *пребогатая* (praedives), овдовев, ушла в Россию с малолетним сыном Гаральдом и сочеталась браком с тамошним владельцем Радбардом. Ивар, досадуя на зятя, хотел мстить ему, но утонул в море, и Гаральд с помощью своего вотчима сделался королем датским, в начале VII века по Торфееву летосчислению. Сын Радбардов, мужественный Рандвер, недовольный своим наследственным Российским царством, отправился в Норвегию и Англию, где погиб в сражении. Род его долго царствовал в Швеции, Дании и Норвегии. Внук Радбардов, Регнальд, господствуя в нашем отечестве, ходил в Скандинавию помогать сыну Рандверову, Сигурту, который в 735 году лишил жизни дядю своего, Гаральда.

Во время Карла Великого жил славный датский король, Регнер Лотброк, и завоевал Ливонию. Сыновья убитого короля ее, Диана, женатые на российских царевнах, с помощью своего тестя сражались мужественно; но Регнер, победив их и завладев Россией, Финляндиею, Биармиею, отдал сии земли сыну своему, Витсерку. царствование его было недолговременно: сын ливонского короля, именем Даксон, взял Витсерка и сжег на костре (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. IX, стр. 174).

Сим заключаем выписку из Саксона и повестей исландских о древней России.

⁹⁷ *Гард* знаменует не только город, но и страну. Датчане именовали Россию Острогардом, т. е. *восточною страню*: ибо она лежит от них к востоку. Гардерик означает или просто *государство*, или *землю*, в которой есть города; Гольмгард *землю островов*, insularum regio, или *город на острове*. Бангер думал, что скандинавы называли Россию Грециею от Веры, принятой славянами от греков, вместе с их азбукою; но так именовалась она в Скандинавии еще и во время язычества (см. Баеров. Geograph. Russiae ex Script. Septentr. в Коммент. Академии, Т. X, стр. 371, и *рассуждение* ученого Ире о *путешествии скандинавов в Грецию*, в Шлёц. Nord. Gesch. 549—556), вероятно, для того, что норманы

ездили в Грецию обыкновенно через Россию, и в мыслях своих как бы соединяли сии две страны. Северные писатели именовали Россию и Хунигардом, то есть, по изъяснению Гельмольдову, *страною гуннов*. Гунны, конечно, могли в IV и V веке владеть частию России; но вероятнее, что имя Chunigard произошло от испорченного имени Киева, называемого северными авторами Chive, Cuieua, Koenigardia.

Рунами именуются старые письма скандинавские. Ученые долго спорили о их древности. По крайней мере, известно, что сии буквы употреблялись в Скандинавии уже около VII или VIII века; их находят еще на памятниках и гробах языческих, хотя, кроме сих надписей, не имеем иных *древних* и важных для истории монументов рунических (см. в Шлёцер. *Север. Ист. Von der Schreibkunst in Norden*). Жители Далекарлии доныне употребляют рунические знаки (см. Далинову *Gesch. des Schwed. R. T. I, стр. 180*).

⁹⁸ Дюшен. *Historiae Francorum Scriptorum* T. II, 389, 524, 850: *Classis Danorum in regnum Clotharii appulit, Ducibus Rorico et Godefrido (г. 850)... Northmannorum Rex Roricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Ludovicum dirigit (г. 845)... Roric, natione Nordmannus, qui temporibus Ludovici Imperatoris cum fratre Harioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit, post obitum Imperatoris, defuncto fratre, apud Lotharium, qui patri successit in regno, proditoris crimine falso insimulatus, tentus et in custodiam missus est; unde fuga lapsus, in fidem Ludovici, Regis Orientalium Francorum veniens... collecta Danigenarum non modica manu, coepit piraticam exercere... venitque (г. 850) per ostia Rheni fluminis Dorestadum [Датский флот приплыл в царство Клотария под предводительством Рорика и Готфрида (...)] ... Рорик, король норманнов, отправил в Германию по реке Эльбе шестьсот кораблей против Людовика (...) ... Рорик, родом нормандец, который при императоре Людовике владел селением Дорштадом вместе с братом Хариольдом по праву бенефиция, после смерти брата, во время правления Лотария, который наследовал власть отца, был схвачен по ложному обвинению в предательстве и отправлен в темницу. Спасшись оттуда бегством, он перешел к Людовику, королю восточных франков и, собрав большую дружину из датчан, стал промышлять пиратством... Он добрался (г. 850) через устье реки Рейна до Дорштада] и проч.— Другие имена см. в Баеровом сочинении *de Varagis* в *Коммент. Академии*, т. IV, или в его *Opusc.* Стр. 339. В договорах первых князей русских с Греческою империею называются многие бояре их также скандинавскими именами; например: «Мы от роду *Русьского* Карл Инегельд, Веремунд, Рулав, Руальд и проч. посланы от Ольга, великого князя Русьского» и проч. (см. печатн. *Нестора*, стр. 26).*

⁹⁹ Russios, quos alio nomine Nordmannus vocamus [руссов, которых мы по-другому называем норманнами] (стр. 92); и в другом месте (стр. 144) он то же повторяет.

¹⁰⁰ Анна Комнина пишет, что варяги (или, по греческому произношению, *варанги*) были из Туле, т. е. из Скандинавии. Кедрин также признает их скандинавами. Когда Эрик, *датский* король, приехал в Царьград, то варяги получили дозволение идти к нему: ибо он был государем *их* народа. Норвежского принца Гаральда избрали константинопольские варяги, как *своего единоземца*, в начальники их дружины (см. *рассуждение* Баера de Varagis, в Коммент. Академии, Т. IV). Впрочем, между константинопольскими варягами были другие чужеземные воины: англы, франки (см. Метог. popul. Т. IV, стр. 431 и след.).

¹⁰¹ См. ученого Ире Reise der Normänner im Mittel-Alter, в Шлөцер, Nord. Gesch., стр. 546. Еще от времен Константина Великого римляне называли готфскую дружину Foederati, или *союзники*. Шведы уже в половине IX века имели сообщение с Царемградом (см. ниже, примеч. 110). Константин Багрянородный называет варягов Фарганами (см. Метог. popul. IV, 433).— Упомянем еще о трех толкованиях варяжского имени. Некоторые хотели производить его от финского слова *Varas*, т. е. *вор*: ибо не только скандинавские витязи, но и самые короли их не стыдились быть разбойниками, и часто опустошали Эстонию. Например: «король Гейдехрих с сильным войском разбойничал на восточных берегах моря Балтийского», сказано в Hervarar Saga, гл. XIII. Финны, конечно, могли так назвать их; но трудно вообразить, чтобы сами норманы приняли сие бранное, чужеземное имя и назвались им в России, где князья их властвовали, и в Константинополе, где они хранили дворец императоров.— Вот другое толкование: «В Нормандии доныне называется *Vagesh* то, что выбрасывается морскими волнами на берег, а *береговое право* жителей на все, что они спасают от кораблекрушения, *droit de vagesh*. Сие слово, конечно, введено там Скандинавами, когда они овладели Нормандиею, и должно значить *морское*, maritimus, marinus. Норманы, приставая к берегам чужеземным, назывались, может быть, варягами в смысле *мореплавателей*; а финны и славяне обратили сие имя в собственное». Так говорит Миллер в Sammlung. R. G.; но вероятно ли, чтобы телохранители императорские в Константинополе, служившие не на кораблях, а стоявшие на карауле в спальне царя и провождавшие его в церковь, именовались *морскими людьми*? К тому же *Vagesh* значит собственно *кораблекрушение*: всякие разбитые, потонувшие суда называются по-французски *vagesh*.— Третье изъяснение гораздо вероятнее: «Имя *варяг* могло произойти от древнего немецкого *Wag*, *война*, и знаменовать *воина*; оно сохра-

нилось в языке английском». Заметим, что в германских законах IX века упоминается о *варгенгах*, или наших варягах, как надобно думать; например: si quis Wargengum occiderit, solidos sexcentos in dominico componat (см. изданный Петром Георгишем Corpus iuris Germanici antiqui, стр. 782); то есть: «кто убьет *варгенга*, платит в казну 600 солидов». Здесь сие имя употреблено, кажется, в смысле *военного человека*, а может быть, и *союзника*.

¹⁰² Первый, как говорит Константин в книге о *правлении* (Мемог. Popul. Т. II, стр. 982), назывался по-славянски *Нессуни* (так надобно читать вместо *Эссуни*), то есть *не спи*; второй *Островуни праг* (островной праг); третий *Геландри*; четвертый *Неасит* (птица неясуть, или пеликан); пятый *Вульнипраг* (вольный праг); шестой *Веручи* (βερουτζη, quasi dicas aquae scaturigo [так сказать, водоворот]: *ручей* или *вертящий?*); седьмой *Напрези*; а по-русски: первый также *Нессуни*, второй *Ульворси*, четвертый *Азифар*, пятый *Баруфорос*, шестой *Леанти*, седьмой *Струбун*. Константин толкует славянские имена справедливо, кроме третьего и седьмого: *Геландри* не есть *шумный*, а *Напрези* не *малый праг*, как он говорит; первое слово не имеет никакого значения в языке славянском, а второе может происходить от старинного глагола *прягу* или *связываю*. Вероятно, что сей *малый* водопад не мешал действию парусов, и что его назвали так от крика лодошников: «напрягай или навязывай парусы!» — Баеру казались русские имена совсем непонятными; но Струбе и Тунман признают их скандинавскими. 1. *Нессуни* и на сем языке может значить *не спи*: *не* есть отрицание; *sof* или *suef* *спи*; розница между славянским и норманским именем так мала, что Константин не хотел и заметить ее. — 2. *Ульворси* или *Гульворси* составлено из *гольм*, т. е. остров, и *форс*, т. е. порог: смысл выходит тот же, что и на славянском. — 3. *Геландри* по-исландски *шумящий*: вероятно, что переписчики Константиновой книги выпустили славянское имя сего порога и назвали норманское славянским. — 4. *Азифар* или *Азивар* *Aeifar*, на древнем немецком языке означает аиста: сие имя (говорит Струбе) находится во всех голландских лексиконах (*Ouevaeg*). Скандинавы, не зная пеликанов в северных странах своих, назвали их аистами. — 5. *Баруфорос* на скандинавском языке почти то же, что *вольный праг*: *vag* *тихий*, *смирный*, а *fors* *порог*. — 6. *Леанти* происходит от глагола *lain*, *lein*, *течь сильно* или *кипеть*: что отвечает смыслу имени славянского *вертящий*. — 7. *Струбун* значит по-готфски *навязывай*, *Stroupon* (см. Тунмана *Über einige Gegenstände der Russ. Geschichte* и Струбе *Dissertation sur les anciens Russes*, также Лербегг. *Untersuchungen*, стр. 350 и след. Последний не соглашается с двумя первыми в некоторых изъяснениях, но согласен в главном). —

Итак, сие важное место в Константиновом сочинении доказывает: 1) что около половины X века говорили в России двумя языками, и что 2) русским назывался скандинавский, бывший, конечно, несколько времени в употреблении между нашими князьями и вельможами норманского происхождения, но мало-помалу оставленный ими, подобно как болгары забыли свой язык между славянами, а франки между галлами. Сие нимало не удивительно: Скандинавы приходили в Россию большею частью без семейств и женились на славянках; дети, воспитываемые матерями, должны были знать лучше язык их, нежели отцовский, которому надлежало совсем исчезнуть в третьем или четвертом колене. Однако же некоторые скандинавские и шведские слова донныне остались в языке русском; например: *Вестман безмен*, *Grus груз*, и проч.

¹⁰³ В печатн. *Нест.*, стр. 5: «Ляхове же и пруси и чудь присесть к морю Варяжскому. Посему же сесть варяги семо к востoku предела Симова; *по то му же морю сесть* (варяги) *к западу до земли Англянския* и до Волошския» (Италии): то есть шведы к востоку или пределу Симову, норвежцы и датчане к западу. Далее: «Идоша за море к варягом к руси; сие бо ся зваху ти варязи, яко се друзии зовуться сие, друзии же урмяне, англяне, друзии готе». Часть Лапландии, которую владели норвежцы, называлась по-русски Мурманским Лопорьем. Струбе, в *Dissertation sur les anciens Russes*, пишет, что финны называют датчан йотами.

¹⁰⁴ См. Штриттеровы *Метог. popul.* Т. IV, стр. 431, *об имени, отечестве и роде варягов*. — Англяне, *Angli*, уже известные Тациту в числе свевских народов, обитали прежде на северных берегах Эльбы, и вместе с саксонами в V веке овладели Англиею; они, подобно скандинавам, издревле славились морскими разбоями.

¹⁰⁵ В чем согласны все ученые историки, кроме Татищева и Ломоносова. Первый хотел непременно сделать русских варягов финляндцами, не думая о том, что сии последние называются в наших летописях емью (см. выше, примеч. 73); что имена варяжские, сохранные Нестором, не финские, а скандинавские; что из России, как говорит Нестор, ходили к варягам по Западной Двине (см. печатн. *Нест.* стр. 7); что они жили на море к *Англии* (*Нест.* стр. 5). Он должен был опровергнуть еще другое возражение: летописец говорит, что варяги пришли *из-за моря*; а финны и славяне обитали на одной стороне Балтийского. Татищев отвечает: «финны жили за Ладожским озером, которое на их языке называется (*будто бы*) Русским морем: следственно Нестор мог привести варягов-русь или финнов *из-за моря!*» Так не заключают историки: ему надлежало бы доказать, что и славяне именовали Ладожское озеро морем; но древняя летопись наша говорит, что сие озеро всегда называлось (*Нест.* стр. 7) *озером Невом*. Для чего он

не подумал лучше о Финском заливе? Любопытно знать главную причину, которая заставила Татищева признать финнов варягами-русью: «В Финляндии есть гора, называемая *Русскою*, и жители имеют по большей части *русые* волосы: следственно, финны суть руссы» (История Татищ. Т. I, стр. 390). Можно ли вообразить, чтобы в земле *Русской* одну гору преимущественно назвали *Русскою*? Что же принадлежит до цвета волос, то и славяне казались грекам по большей части русыми (см. Метог. popul. II, 29), вопреки Болтину, который, не справясь с известиями современных византийских историков, называет древних славян *черново-волосыми*, утверждая тем их мнимое азиатское происхождение. — В *Степенной Книге* сказано, что Рюрик вышел из Пруссии (см. ниже, примеч. 111): посему Ломоносов утверждал, что варяги-русь были пруссы, то есть латыши, единоплеменники славян: Новгород без великого стыда мог требовать от них владетелей; гораздо оскорбительнее повиноваться князьям иноплеменным. К тому же польские историки — Длугош, Кромер, Стриковский — нашли знаменитых римлян между латышами; следственно, варяги наши могли быть родственниками цесарей: чем в Герберштейново время уже хвалились русские: *hosce fratres originem à Romanis traxisse glorientur Rutheni* [рутены хвалятся, что эти-то братья вели род от римлян] (*Regum Mosc. Com.*, стр. 3), и сочинитель *Книги Степенной* доказывает, что Рюрик именно происходит от Августа! Но если мы захотим соображать историю с пользою народного тщеславия, то она утратит главное свое достоинство, истину, и будет скучным романом. Собственные имена варягов не латышские, не славянские: следственно, они не древние пруссы, не славяне. Нестор же весьма ясно отличает их от пруссов, говоря (стр. 5): «*прусь и чудь* присесть к морю *Варяжскому*; по сему же морю сесть *варязи*».

¹⁰⁶ Сим молчанием Ломоносов хотел опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрик и братья его были скандинавы; но шведы и датчане имеют ли собственную подробную, верную историю сего времени? Нет: Саксон Грамматик выдумывал, Торфей угадывал, Далин обратил сказки древних о гетах и скифах в шведские летописи! Ссылаемся на благоразумного Маллета, который весьма основательно доказывает ненадежность всех источников древней скандинавской истории. Многие смелые предприятия норманов в VIII и в IX веке известны нам единственно потому, что память их сохранилась в иностранных летописях, которые служили источником для новейших историков Скандинавии. Таким образом, и Далин, узнав из Нестора о Рюрике, пишет, что сей князь был шведский принц Эрик Биэрнсон (Т. I, стр. 410 в нем. переводе его *Истории*)! Не считаю за нужное говорить здесь о всех не-

лепестях ученого Далина, который объявляет нам, что около Рождества Христова большая часть Швеции скрывалась еще под водою; что северная Россия в глубокой древности состояла из одних островов и была шведскою провинциею от Новагорода до Киева! — Шлёцер замечает в своем *Несторе*, что в *Исландских повестях*, Неггаудс и Bose Sage, упоминается о трех славных упландских морских разбойниках, которых имена похожи на имя Рюрика, Синеуса и Трувора (Röerkr, Siggeir, Tuages), но которые, по сим сказкам, жили не в то время.

¹⁰⁷ Далин замечает, что Стурлезон именует сию область Sialand; но сие не доказывает, чтобы она в то же время не называлась и Рос-лагеном. Sialand означает вообще приморскую землю. — Далин производит имя Рос-лагена от шведского глагола го, т. е. *грести веслом* (Schw. Gesch. I, 306).

¹⁰⁸ Даже и в летописях XIII века готландцы не именуются у нас шведами. В Швеции, в Норвегии каждый уголок земли составлял некогда особое королевство или графство (см. Далина I, 306). Потому Нестор мог говорить в особенности о варягах-свиях или шведах, и варягах-руси, едва ли зная, что последние вышли из той страны, которая в его время составляла часть общей державы Шведской. — Тунман, Гаттерер (Comment. Societ. Gotting. XIII, 126), Шлёцер признают Рюрика и братьев его шведами. — По известию Видекинда, описавшего войну Шведскую с русскими в бедственные времена Лжедмитриев, архимандрит Киприан, депутат Новагорода, убеждая бояр московских избрать в цари шведского принца Карла, сказал, что и первый князь наш был из Швеции (см. Шлёцер. *Нестора* I, 184): «следственно (заключает Шлёцер), в начале XVII века сами русские были уверены, что Нестор именовал варягами-русью шведов». Но справедливо ли сие обстоятельство? Видекинд мог выдумать его.

¹⁰⁹ См. Finnisches Lexicon и Гупелеву Estische Grammatik; также Далин. Gesch. des Riechs. Schw. I, 306.

¹¹⁰ Т. III, стр. 195: Misit Theophilus Imp. cum eis [император Феофил отправил с ними] (с послами к Людовику Благочестивому, или Добродушному) quosdam, qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant: quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut asserebant, caussa direxerat: petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate Imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per Imperium suum tutum habere possent: quoniam itinera, per quae ad eum Constantinopolin venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit: quorum adventus caussam Imperator diligentius investigans, comperit, eos gentis esse Sueonum, exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se

eo usque retinendos iudicavit, quoad veraciter inveniri posset, utrum fideliter eo nec ne pervenerint: idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod illius, amore libenter susceperit, ac, si fideles inuenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos: sin alias, una cum missis nostris ad ieus praesentiam dirigendos, ut, quid de talibus fieri deberet, ipse decernendo efficeret [неких людей, которые себя, то есть род свой, называли *рось*. По их словам, они были посланы к императору с дружескими целями их правителем, называемым хаканом. Император Феофил в письме просил, чтобы они могли беспрепятственно получать помощь на всей территории империи, поскольку возвращаются по его воле. Так как пути, которыми они прибыли в Константинополь, лежали через варварские племена, свирепые и дикие, он не желал, чтобы они теми же путями возвращались, рискуя случайно подвергнуться опасности. Император Людовик, тщательно расспросив прибывших, узнал, что они из рода *свеонов*, и, решив, что они скорее разведчики, чем искатели дружбы, счел нужным задержать их у себя, пока доподлинно не узнает, какое из двух предположений верно. Он не преминул сообщить об этом Феофилу и через послов и в письме, и также, в поддержание взаимной любви, предложил, если они окажутся верными, оказать им помощь и дать возможность без опасности вернуться на родину; в противном случае он отправит их к Феофилу со своими послами, чтобы тот сам решил, как следует поступить с такими людьми].

Гахан (Накан) есть собственное, весьма обыкновенное имя скандинавское (см. историю Далинову). Сходство его с именем хакана, которым назывались цари козарские, заставило некоторых думать, что мнимые послы русские были козары: так мыслил не только Болтин, но и Шлёцер в своих *Phoben Russ. Anpal.* Но козары в конце седьмого века, в осьмом и девятом имели беспрестанное сношение с Константинополем: мог ли император Феофил говорить о друзьях и союзниках как о народе ему неизвестном? мог ли назвать их чуждым именем и отправить в Германию, чтобы они удобнее возвратились оттуда в землю свою, *сопредельную* с его Таврическими владениями? — Миллер воображал сих послов варягами-русью, которые будто бы еще прежде Рюрика утвердились в Киеве, приезжали оттуда в Константинополь, и назвали своего князя каганом для того, что сие имя было в великом почтении у греков. Если бы Миллер видел *Житие Владимира*, харатейную рукопись XIII или XV века, хранимую в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина, то мог бы доказать, что самые русские или киевские государи именовались каганами: ибо так называется Владимир в *Житии* его. Однако ж сии послы народа россов были,

конечно, не из Киева, куда греческий император не мог отправить их чрез Немецкую землю. Киев принадлежал тогда козарам: сообщение между ими и Грециею было свободно морем или сухим путем чрез Болгарию: где тут *многие варварские* земли, о которых Феофил говорит в письме своем к Людовику? Но если послы (что всего вероятнее) приезжали из Швеции, то они в самом деле могли возвратиться в свое отечество чрез Германию удобнее, нежели чрез владения многочисленных славянских и финских народов, еще полудиких в IX веке. — Шведы были уже известны при дворе Людовика, который в 829 году сам отправлял к ним посольство (см. Далина).

¹¹¹ В *Степен. Книге* I, 7 и 79: «Рюрик, иже прииде из варяг... Бе от племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется, и егда живяху за морем, варяги именовяхуся». В некоторых списках сокращенного Нестора сказано также: «прииде Рюрик из Прусс».

О *Руссе* и *Русне* см. Гарткноха *Alt. und Neu. Preuss.* стр. 9. Имя *Ruzzii* сделалось известно в 997 году: в первый раз употребил его безыменный сочинитель жизни Св. Адальберта (*Acta Borussica* Т. II, стр. 1). Всего вероятнее, что оно произошло от реки Русы или Русны, а не от соседства с Россиею, как многие толковали. Так, *Поволжьем* назывались окрестности Волги, *Поморьем* окрестности моря, и проч.; никогда же не бывало *Погреции* или *Почудья* или *Понемечья*.

О переселении скандинавов в Пруссию см. *Lucas David's Preussische Chronik*. I, стр. 14, 15, 18. Славный Видвут был из числа их, также и первосвященник Криве или Криво. — Летописцы прусские говорят о частых войнах *россиян* с пруссами в VI веке (*Lucas Dav. Chr.* 41, 45, 53, 55). Князь первых, союзник мазовского, именовался Чимбах или Чинбег. Или сии летописцы смешивают новейшие деяния с древними, или повествование их доказывает, что россияне прежде Рюриковых времен жили где-нибудь в ближнем соседстве с Пруссами.

О *Прусской* улице в Новгороде см. сей *Истории* Т. II, примеч. 108; и во многих местах *Новгород. Лет.* об ней упоминается.

Географ Равенский, изданный в 1688 году монахом Першероном, говорит (стр. 140): *Item juxta Oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum, Suaricum, Sauromatum, per quam patriam inter cetera transeunt flumina, quae dicuntur, fluvius maximus, qui dicitur Vistula, quia nimis undosus in Oceano mergitur, et fluvius, qui nominatur Lutta* [также вблизи океана есть отечество *роксолан*, сариков, савроматов, через которое, среди прочих, течет самая большая река, называемая *Висла*, очень бурная при впадении в океан, и река, называемая *Лутта*] (по мнению Гаттерера, *Ритта* или

Руса). В другом месте (стр. 293) он пишет, что Северный Океан есть полунощная граница мира, обтекая землю роксолан, сарматов, скифов, ререфеннов, скридефеннов и германию, где обитают датчане, саксоны, фризы. Сей Географ обезображен переписчиками: однако ж достоин внимания, и Лейбниц, изъясняя происхождение франков, ссылается на его свидетельство.

Летописцы средних веков любили давать народам имена древние, сходные: так и Лука Давид в своей Хронике называет россиян роксоланами. Миллер в речи своей о древностях нашего отечества, вместе с Баером признав варягов скандинавами, справедливо доказал ошибку тех, которые единственно по сходству имени считают варягов-русь *древними* роксоланами: ибо первые жили на севере, а другие в окрестностях Азовского моря. Ныне трудно поверить гонению, претерпенному автором за сию диссертацию в 1749 году. Академики по Указу судили ее: Ломоносов, Попов, Крашенинников, Струбе, Фишер на всякую страницу делали возражения. История кончилась тем, что Миллер занемог от беспокойства, и диссертацию, уже напечатанную, запретили. Наконец Миллер согласился, что варяги-русь могли быть роксолане в смысле Географа Равенского, а не древние.

Варяги-русь, по словам Нестора, были *из-за моря*, а Пруссия с Новгородскою и Чудскою землею на одной стороне Бальтийского: сие возражение не имеет никакой силы: что приходило морем, называлось всегда заморским; так о любекских и других немецких кораблях говорится в *Новгород. Лет.*, что они приходили к нам *из-за моря*.

¹¹² Итак, Бертинские летописи первые упоминают о россах: по византийским сделались они известны уже за половину IX века. Хотя Никифор Григора, писатель XIV века, уверяет, что еще при дворе Константина Великого один *росский* князь был стольником; однако ж все благоразумные историки считают сие известие ложным: ибо никто из *древнейших* византийских летописцев не говорит до IX века о россах (см. Штриттеровы *Метогіае рорулогіи*, Т. II, стр. 956). В описании Антиохийского Собора 363 году упоминается о *Росском* епископе; но сей епископ именовался так от города Росса (*Ροσσοζ*) в Киликии: не оттуда ли был и стольник Константинов, о котором пишет Никифор? (см. Баер, *Origines Russiae* в *Коммент. Академии*, Т. VIII, стр. 392). Другой город во Фракии назывался Русион.— Многих также ввел в заблуждение латинский Феофанов переводчик, который из слов *ρουσσία χελανδία*, т. е. *красные ладии*, сделал *Russorum chelandia*, т. е. *русские ладии*: чем хотели доказать мнимую известность народа русского в Греции около 774 году (см. Штр. *Метогіае* Т. II, стр. 957).

¹¹³ Говорить ли о мнимом происхождении русских от Роса, о

котором будто бы упоминается в главе 38 и 39 Пророка Иезекииля? Татищев уже доказал сию ошибку: еврейское слово *рос* означает *главу* или *начальника*; оно не есть собственное имя. Некоторые византийские писатели также производили россов от Росса, какого-то знаменитого мужа, будто бы избавившего сограждан от ига тиранов (см. Штрит. Метог. popul. Т. II, стр. 939).

Мы должны упомянуть здесь о Dissertation sur les anciens Russes, сочинения Г. Струбе, в коем он силится доказывать, что Несторовы варяги-русь были готфы роксолане, будто бы жившие между Балтийским и Ледовитым морем, в земле, которая в исландских сказках именуется Ризаландиею, Risaland или *страною Великанов*. Струбе говорит, что роксолане, по географии Страбоновой, обитали в самой глубине севера! Можно ли академику таким образом изъяснять Страбона, не имевшего идеи о северной Европе? Сей географ сам признается, что ему известны только земли Черноморские, а Германия до реки Эльбы; что описания Севера основаны единственно на догадках, и никто не знает, есть ли народы между восточными германцами и Океаном (an aliud genus hominum orientalibus Germanis et Oceano sit interjectum: см. Страбон. Geograph., стр. 452). Роксолане, по его словам, жили *севернее атмонов, сидонян, певков* и кочевали летом между реками Доном и Днепром, а зимою в окрестных болотах Азовского моря (кн. VII стр. 471, 472): Peucini, qui insulam Istri Peucen occuparunt, et Roxolani maxime septentrionales, qui campos inter Tanain et Borysthenem incolunt... Hyeme in paludibus Moeotidi propinquis, aestate etiam in campis [певки, которые занимали остров Певк на Дунае, и роксоланы самые северные, которые живут в степях между Доном и Днепром... Зимой — в ближайших Меотийских болотах, летом же в степях]. Как еще далеко оттуда Ледовитое море! Ризаландия, земля Великанов, или Йотунгейм, принадлежит к баснословию исландскому: там обитали не варяги-русь, а злые духи, оборотни, чудовища (см. Samsonfagre Saga) или, как воображает Далин, древние готфы, которые, будучи велики ростом, прозвались Великанами (см. его Gesch. des R. Schw. I, 61).

¹⁴ Штриттер в своей Российской истории пишет, что славяне в 859 году изгнали варягов: так сказано единственно в *Никонов. Лет.*; но во всех древних списках Нестора: «в лето 6367 (то есть в 859 году) *имаху дань варяги из заморья*». Славяне отказались платить сию дань уже в следующие годы. Слова Несторовы: «в лето 6368, 6369, 6370, *быша варязи из заморья, и не даша им дани, и почаша сами себе володети*». Откуда взял Штриттер, что варяги, обложив данию славян, «частью возвратились домой, частью остались в земле побежденных, чтобы властвовать над ними»?

¹¹⁵ «Имаху бо обычаи свои и закон отцев своих», говорит летописец.

¹¹⁶ Гаттерер думает, что норманы овладели Россией при короле Иваре Видфадме, который в конце VI века (по летосчислению Торфееву, а по Далинову уже в VIII) соединил Данию со Швециею; завоевал часть Саксонии, Нортумберланд в южной Британии и *многие земли* на восточных берегах Балтийских (см. Гаттер. Allgem. Weltgeschichte). Миллер приписывает сие завоевание потомку его, славному Рангару Лодброку, современнику Карла Великого (см. Мил. Origines gentis et nominis Russorum), а Тунман Эрику Рефильсону, умершему в 852 году (см. Тун. сочинение Ubeeinige Gegenstände der Russ. Gesch.).

¹¹⁷ См. в печатном *Несторе* о изобретении славянских письмен, стр. 21.

¹¹⁸ В древнем *Пушкин.* и во многих других полных списках Нестора сказано: «Наченшу Михаилу царствовати, начаша прозыватися Русьская земля. О сем бо уведехом, яко при сем царе приходиша русь на Царьгород, яко пишется в летописаньи гречестем. Тем же отселе почнем и числа положим».

¹¹⁹ См. ниже, примеч. 260.

¹²⁰ Того, разумею, которое относится собственно к нашим внутренним происшествиям: не говорю о византийском, иногда явно несправедливом в показаниях Нестора; не говорю также о противоречии в годах, о ложных соображениях *Никонов. Летописца, Архангельского* и других новых. Шлёцер думает, что государство Российское основалось в *середине* IX века (см. его Nestor, Ч. III, стр. 12): может быть; но как *доказать*, что древний летописец ошибся, и что Рюрик пришел ранее 862 года?

¹²¹ Метог. popul. II, 29. Некоторые пишут, что славяне омывались три раза во всю жизнь свою: в день рождения, женитьбы и смерти (см. в Раичевой *Истории славян. народов* кн. I, гл. V).

¹²² Метог. popul. Т. II, стр. 28—29, и Маврик. Strategicum Упсальского издания, кн. II, гл. 5. Император Маврикий сочинил XII книг о военном искусстве, изданных Шеффером в 1664 году: для нас всего любопытнее в них описание славянских нравов, которое читатель найдет в Масков. Gesch. der Deutschen, Т. II, в примеч. стр. 211, 212.— император Лев Мудрый в своей *Тактике повторяет* сказания Маврикиева о славянах.

¹²³ Выше, стр. 157.

¹²⁴ Метог. popul. II, 36.

¹²⁵ См. Маврик. Strateg.— кн. II, гл. 5.— Тацита о венедах, Прокопия в Метог. popul. II, 29, 33, и Фредегария Chron. гл. 48. Маврикий пишет, что яд, коим славяне намазывали стрелы, был весьма действителен и мог заразить все тело уязвленного, ежели

не давали ему принять Фериака, либо других лекарств, или не вырезывали мяса вокруг раны. — Луки у славян были деревянные. Ни Прокопий, ни Маврикий не говорят о мечях; но предки наши без сомнения употребляли их, ибо Лавритас, вождь славянский, в ответ аварскому послу сказал: «никто не покорит нас, доколе будут война и мечи в свете» (см. выше, стр. 43).

¹²⁶ См. выше, стр. 156.

¹²⁷ См. в Метог. popul. II, 34, 43.

¹²⁸ Vita S. Severini; гл. II — в Гебгарди Gesch. der Wenden, T. I, стр. 12. Греческие поселяне называли их *скамарами*. Добнер думает, что сие имя есть славянское и происходит от слова *кама*, означающего *яму* или *пещеру*.

¹²⁹ Метог. popul. II, 37. Славяне сажали пленников на кол, забирали в хлевы и сожигали вместе с скотом, которого не могли увести с собою.

¹³⁰ Метог. popul. T. II, стр. 59.

¹³¹ Маврикий говорит, что они скрывают свое имя как воры. — Поморяне (пишет Гельмольд), отправляясь на войну, также зарывали все драгоценное в землю. И в наши времена нигде простые люди не говорят столько о *кладах* и тайных сокровищах, как в землях Славянских.

¹³² Слова Прокопиевы: *ingenium ipsis nec malignum, nec fraudulentum, et cum simplicitate mores Hunnicos in multis retinent* [нрав их не злобен и не лукав, во многом они с простотою сохраняют гуннские обычаи]. Маврикиевы: *Qui sunt in captivitate apud eos, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici* [те, кто находится в плену у них, не навсегда, как у других народов, остаются в рабстве, но для них определяется точный срок, и они сами решают, вернуться ли к своим, заплатив выкуп, или остаться у славян жить свободными и друзьями].

¹³³ Адам Бременский: *Moribus et hospitalitate — ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri* [обычаями и гостеприимством — никакой народ не мог бы быть честнее и радушнее] (кн. II, гл. 12). Маврикий: *Sunt quoque aduersus peregrinos benigni magnoque studio servant incolumes salvosque de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per uncuriam ejus, qui servare talem debet, accidat, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicinus ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum* [также и к иноземцам они радушны и старательно охраняют их, невредимыми проводят, куда тем нужно, так что, если из-за небрежения того, кто должен охранять гостя, случится, что чужой понесет

ущерб, с тем начинает войну его сосед, ибо считает справедливым отомстить за иноземца].

¹³⁴ Козма Прагский в Менкен. *Script. rer. Germ.* I, 1970, и *Vita Ottonis*, стр. 690. Далее см. Гельмольда *Chron. Slavorum*, кн. I, гл. 83.

¹³⁵ См. выше, стр. 151.

¹³⁶ См. Маврик. *Strateg.* Св. Вонифатий, живший в половине VIII века, в письме своем к королю английскому так говорит о немецких славянах, или вендах: *Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset, et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo* [венды, худший и отвратительнейший из всех народов, хранят взаимную любовь с такою супружескою ревностью, что жена после смерти мужа отказывается жить, и достойнейшей похвалы считается та женщина, которая убила себя своею рукой, чтобы сгореть на одном костре с мужем]. См. *Abhandl. Böhmischer Gesellsch.* Ч. III, стр. 158; также Дитмара *Chron.* стр. 419, и Д. Антона *Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, etc.* стр. 125. Г. Добровский (*Abhandl. der Böhm. Gesellsch.* год 1787, стр. 159) находит в имени *свадьбы* и *свата* доказательство, что славяне отменно уважали брак: ибо сии имена, как он думает, происходят от *святости*. Доктор Антон оспаривает мнение Добровского и толкует, что *сват* есть *свидетель*. Оба неправы. *Свататься* значило прежде *сговариваться, соглашаться*: так в Нестор. летописи сказано (в печатн. стр. 123): «Изяслав *сватается* со Всеславом, мысля на *наю*» (нас двух).— Прелюбодеяние наказывалось у польских славян весьма жестоко. Виновному отдавали на выбор, быть евнухом или умереть (см. Дитм. *Chron.* кн. VIII в начале).

¹³⁷ См. *Abhandlung von den Heyrathsgebräuchen der Oberlausitzischen Wenden*, Гебгарди в *Geschichte der Slaven*, Т. I, стр. 8, и Антона *Versuch*, стр. 127. Вено означало у древних славян плату, которую жених давал за невесту отцу или сродникам ее.

¹³⁸ *Memor. popul.* II, 72.

¹³⁹ Антон *Versuch*, стр. 54.

¹⁴⁰ *Vita S. Ottonis*, стр. 682.

¹⁴¹ Гебгарди *Gesch. der Wenden*, I, 9. Другие народы языческие, пруссы, герулы, поступали так же (см. Гарткнох. *Antiqu. Pruss. Dissert.* XIII, стр. 188, и Масков. *Geschichte der Deutschen*, кн. XI, гл. 24). Вообще находим великое сходство между нравами славян и народов германских.

¹⁴² *Chron. Slavorum*, в издан. Лиденброг. стр. 202.

¹⁴³ См. печат. Нестора, стр. 12. Увидим после, что и князья рос-

сийские дозволяли себе многоженство. Козма Прагский говорит, что древние богемцы, подобно нашим северянам, радимичам и вятичам, не знали брака.

¹⁴⁴ В точности ли справедливо сие описание нравов? Не излишно ли Нестор хвалит киевлян, между которыми он сам жил? Не излишно ли чернит других славян, может быть, для того, что они и в его время не хотели еще совсем оставить идолопоклонства? О свойстве же новгородцев, отдаленных от Киева, не говорит ни слова: видно, что их древние обычаи и предания были ему мало известны. — О жилищах славян. см. в Мемог. popul. II, 29. Иорнанд (de reb. Get. стр. 85): *hi paludes sylvasque pro civitatibus habent* [вместо городов у них болота и леса]. Древнее славянское обыкновение, зарывать хлеб в землю, донныне существует в Молдавии и Валахии. См. выше, примеч. 131.

¹⁴⁵ Маврикий: *Abundant copia brutorum omnis generis et terrae nascentium quae comportant in cumulum; praecipue vero milii (просо) et panici (гречиха?)* [У них множество зверей всякого рода и плодов земли, которые они собирают в груды, особенно просо и гречиху] (см. Плин. Н. N. XVIII, 7).

¹⁴⁶ См. Гебгарди *Gesch. der Slaven* T. I, стр. 42. После будем говорить о сходстве многих латинских и славянских слов.

¹⁴⁷ См. выше, примеч. 134. — Мем. popul. II, 29, и Гельмольд. *Chron. Slavog.* кн. I, гл. 83. Древние латыши и северные немцы также любили мед. Вульфстан, который жил во время английского короля Альфреда, т. е. в IX веке, говорит, что Пруссия изобилует пчеловодством; что самые бедные люди пьют мед, а богатые кобылье молоко (см. Форстер. *Entdeckungen in Norden*, стр. 99). — Эдда называет *Miöd* божественным питием. Жители Дакии в V веке, по словам Приска, употребляли вместо вина *Мѣдов* (Мемог. popul. I, 504). Сие имя не есть только славянское, как некоторые думали: на древнем языке греческом *Μέθη* значит *пьянство*, *Μέθυ* *чистое вино*, *Μεθύδωτις* Бахус.

¹⁴⁸ Мемог. popul. II, 29, и в Машев. *Alterthümer der Obotriten* изображение 16 и 20.

¹⁴⁹ Гебг. *Gesch. der W. u. der Slav.* T. I. стр. 44—45.

¹⁵⁰ Адам Бременский называет сей город Юлином, а Гельмольд Виннѣтою (см. первого *Hist. Eccl.* стр. 19 и *Chron. Slav.* второго, кн. I, гл. 2). Баер думал, что имя Юлина есть описка (см. Шлёцер. *Nordische Geschichte*, стр. 505); но многие утверждали, что оно происходит от Юлия Цесаря, так же как Волгаст значит *Julia-Augusta*, а Демин *Domina mundi* [Госпожа вселенной] (см. *Вандалию* Альберта Кранца кн. II, гл. 33). Ни Юлий Цесарь, ни римские войска никогда в сих местах не бывали.

¹⁵¹ Гебгарди *Gesch. der Slaven.* T. I, стр. 45. — Мы не имеем ни-

каких известий о торговле славян российских до *времен Рюриковых*.

¹⁵² Vita S. Ottonis, в описании славянских храмов в Штетине, и Бекман. Beschreibung der Mark Brandenburg стр. 392 и 398. Карл Великий уставил, чтобы никто не смел в Германии продавать оружия славянам (*Гегбарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 45*): «следственно — говорят некоторые — они не умели сами делать его». Заключение не весьма убедительное. Англичане, ведя войну с французами, не хотят, чтобы шведы или немцы возили морем оружие в Руан или в Брест; но у французов есть Версальская фабрика и другие.

¹⁵³ См. Тунмана Über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotriten стр. 262. Многие немецкие слова рудокопного искусства могут быть изъяснены только славянскими. Тунман заключает, что немцы заимствовали оное от богемских вендов.

¹⁵⁴ См. Hofpredigers Masch Gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten и Voyage en Basse Saxe графа Потоцкого. Сии любопытные древности хранились в Рацебургской библиотеке и в Нейбранденбурге в Шпонгольцском кабинете. См. также Бекман. Beschreib. der Mark Brandenburg, T. II, стр. 376.

¹⁵⁵ Гельмольд в Chron. Slavorum: casas de virqultis contexunt, necessitati tantum consulentes adversus tempestates et pluvias [они сплетают хижины из ветвей, делая это только для защиты от бурь и дождей]. О городах и храмах Гегбарди в Gesch. der Slav. T. I, стр. 41, и Vita S. Ottonis, стр. 680.

¹⁵⁶ См. выше, стр. 44. Доктор Антон толкует, что имя *гусли* происходит от *гуся*! См. его Erste Linien стр. 142—146. Между славянскими древностями нашли изображение воина, играющего на волынке (см. Маш. Gottesdienstl. Alterthümer der Obotriten).

¹⁵⁷ Метог. popul. II, 61. Прокопий называет сии песни аварскими единственно для того, что греки считали аваров и славян как бы за один народ. См. еще Гегбарди в Gesch. der Slav. T. I, стр. 6.

¹⁵⁸ Д. Антона Versuch etc. стр. 33 и 143, Гегбарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 7 и Vita S. Ottonis (см. ниже).

¹⁵⁹ Я выписал сии древние *русские* имена из харатейного Евангелия 1144 года (см. ниже, примеч. 529): они употреблялись всеми племенами славянскими, с некоторою разностию по климатам. Вот малороссийские и польские для сравнения:

	<i>Малорос.</i>	<i>Польск.</i>
Генварь	Сечень	Styczeń
Февраль	Лютый	Luty
Март	Березозоль	Marzec
Апрель	Цветень	Kwiecień
Май	Травень	May

Июнь	Червец	Czerwiec
Июль	Липец	Lipiec
Август	Серпень	Sierpień
Сентябрь	Вресень	Wrzesień
Октябрь	Паздерник	Pazdzernik
Ноябрь	Листопад	Listopad
Декабрь	Студень	Grudzień

Добровский (Slovanka, стр. 71) изъясняет, что *Просинец* есть Beth-Monath, от глагола *просить!* Он не вспомнил о *просе*, коим издревле питались славяне: это было бы вероятнее.— *Сечень* от *секу*: или в смысле жестоких морозов, которые еще бывают у нас в феврале, или славяне что-нибудь *секли*, *рубили* в сем месяце.— У нас есть слово *подзол* от *золы*: думаю, что славяне жгли *березовую золу* для щелока в апреле.— Г. Калайдович, служащий в Москов. Архиве Иностран. Коллегии, по своей благосклонности сообщил мне следующее о месяце Изоке: «Сие имя дано ему, как вероятно, от певчей птицы, которая, может быть, появляется в июне: доказательство отыскано мною в Шестодневе Василия Великого, книге переведенной, думаю, Иоанном экзархом болгарским в конце IX или в начале X века: она поднесена князю болгарскому Симеону и списана в сербском монастыре Преображения на Афонской горе, в 1263 году, при сербском короле Стефане Уроше. Сочинитель предисловия, описывая красоты весны и лета, говорит о соловьях, соях, иволгах, желнях, шурах, ласточках, скворцах, *изоках* таким образом: *Егда же видим в годы часы приступающе и дождь земли даемь и сию растущу и тревою (травую) покрываему и нивы, волнующесе дубравы и обрastrophe горы и обродивша овозца, пустим на хвалу езык (язык); рьцем с блаженным Давидом и с тем въспоим, рекуще, яко возвеличишася дела Твоя, Господи; еси премудростию сътвори. Егда слышим песнивые птице, различными гласы поюще песни красные: славице же поюще, косы же и сое, влъгы и жлъны, щоры же и изоки, ластовицы же и сковраньце, и ины птице» и проч. Теперь остается нам узнать, какая именно птица называлась *изоком*.— В первом издании сей *Истории* я сказал, что *рюен*, как дождливый месяц, мог быть так назван от глагола *рюмьть*, *плакать*, *слезить*: мы обыкновенно воображаем сентябрь печальным и говорим в пословицу: *смотреть сентябрем*. Но изъяснение Г. Добровского, от глагола *реву*, не вероятнее ли? «Тогда, пишет он (Slovanka 72), бывают олени в течке, бегаются и *ревут*». В сентябре *ревут* и другие звери; *ревут* и *ветры*. В старом переводе одной византийской летописи, находящейся в Императорской публичной библиотеке, автор, описывая царствование Михаила Дуки, говорит: «По сих же проседошася нашествия варварская, и паки дохнувша *вих-**

ри отвсюду и шумы воспушаху и *руяния* творяху; не бяше бо корабника, на сих помогающаго». *Руюние* близко к *Рюену*. — В нашей древнейшей летописи (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 182): «пойдоша на колех, *А* по *грудну* пути: бе бо месяц груден» (следственно, в *России* употреблялись сии древние названия месяцев). Союз *А* означает всегда какую-то противность или чрезвычайность; нельзя сказать: «ехали на колесах, *а* по земле»; но можно: «ехали на колесах, *а* по снегу». Вероятно, что *грудным* назывался первый зимний путь, еще малоснежный, шероховатый, бойкий: ибо в летописи XVI века (см. Т. VIII, примеч. 504) сказано: «а зима была гола, и ход конем был нужно *грудовато*». Не южные, но северные славяне могли так именовать месяцы. Богемцы называли груднем январь, а после февраль (см. *Slovanka* 72).

¹⁶⁰ Метог. popul. II, 28. Маврикий говорит: *neminem ferant imperantem* [не терпят никакого правителя].

¹⁶¹ Вот причина великого к ним уважения во времена глубокой древности, когда письмо и типографии были неизвестны! Ныне учатся из книг; а прежде учились только у старцев: они давали советы и лучше других могли удовлетворять самому любопытству.

¹⁶² Византийские летописцы говорят, что Баян в конце VI века опустошал и жег *селения* дунайских славян (Метог. popul. II, 48).

¹⁶³ Шурцфлейш *de rebus Slavicis* 468.

¹⁶⁴ См. выше, стр. 156—157, и Гебгарди *Gesch. der Slav.* I, 49.

¹⁶⁵ Гельмольд в *Chron. Slavor.* (кн. I, гл. 16) пишет, что мекленбургский князь Мистивой, в 1013 году оскорбленный саксонским герцогом, собрал в Ретре старейшин из всех областей славянских и требовал от них мести. См. *Chron.* Дитмара Мерзебургского (писавшего в самом начале XI века) кн. VI, Маша *Überdiegottesdienstl. Alterthüm. der Obotrit.* и Тунмана рассуждение о сем предмете.

¹⁶⁶ Козма Прагский, кн. I, стр. 1972, в изд. Менкен.

¹⁶⁷ Паган, владетель болгарский, приходил к императору с своими *бойлядами* (*Μετα των Βοιλαδων αυτου*): сим именем означались, без сомнения, Бояре. Никифор патриарх толкует, что оно знаменовало вельможу или начальника (Метог. popul. II, 525). — В древнейших списках Нестора везде стоит *бояре*: но в *Сборнике*, недавно найденном в Воскресенском монастыре и писанном в 1073 году для в. к. Святослава (см. Т. II, примеч. 132) два раза встречается имя *боляр*: так писали у нас и в новейшие времена, производя его от слова *большой*, *более* (но не от глагола *болеть*, как некоторые толкуют). — О воеводе см. Гебгарди *Gesch. der Slav.* I, 52. Немецкое слово Герцог и латинское *Dux* имеют тот же смысл и то же происхождение. — польский воевода был предводи-

телем дворян на войне, а в мирное время начальствовал в их собраниях и в судах. Воеводы российские имели также воинскую и судебную власть.

¹⁶⁸ Vita S. Ottonis. См. также Гебгарди в *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 52, Добровский (*Slovanka* 219) производит князя от слова *кон*, в смысле *начала*, как у греков Ἀρχων произошел от ἀρχή.— В Лаузице из учтивости называют всякого князем, т. е. господином, хозяйку княгинею, а священника князем духовным (см. Шлёцер. *Russische Annalen* Ч. I, стр. 174).

¹⁶⁹ Метог. popul. Т. II, стр. 395.— Гебгарди *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 52, и Добнер ad *Hagesium* Т. II, стр. 56. Поляки говорят: *Пан Бог*, так же, как мы говорим *Господь-Бог*. *Наш Пан* есть Христос.

¹⁷⁰ Метог. popul. Т. II, стр. 89 и 395. Константин говорит всегда *жупаны-старейшины*, οἱ γερωντεζ, senes. Иоанн Луций пишет, что сие имя происходит от древнего слова *Zupa*, которое означало *народ* или *населенную страну*: *Zupania a Zupa deducitur, quod populum vel regionem aliquam populatam significat* (см. его *de regno Dalm. et Croat.* кн. I, гл. 13, стр. 78). Гелазий Добнер не верит его толкованию: *nam meo quidem iudicio contrarium prorsus sentiendum est, Zupasque seu Zupantias à Zupanis nomen suum traxisse, nam qua radice Slavica id oriatur, ut Zupa habitatam terram significet, nusquam reperio* [по моему же мнению, следует считать наоборот,— и жупа, и жупания произошли от жупанов, ведь от какого славянского корня происходит, что жупа означает обитаемую землю, я совершенно не знаю] (в примеч. на Гагек. летопись, Ч. II). Но в *Уставе* Стефана, царя сербского, сочиненном в 1349 году, действительно употреблено слова *жупа* в смысле *жительства* или *селения*. В статье 54, *о смертоубийстве*, сказано так: «Аще бьет Властелин Себра у граду или у *жупы*» (см. Раичеву *Историю славянск. народов*, IV, 242 и 255). Собственное Добнерово изъяснение, что *Zupap* есть *сопан* или *товарищ панов* совсем несправедливо: ибо славяне говорили и писали жупан. Дурих (*Bibliotheca Slavica* Т. I, 125) видел одно весьма древнее славянское Евангелие, на котором подписано: *аз жюпан Ханьшь Бегѣр от Брашев* (т. е. из Брасковии, Трансильванского города Кронштата) *написах сию книгу четвероблаговестие*. В нашей Кормчей Книге, гл. 46, сказано: *довлеет бо жупаном часть Княжа*. Сим опровергается и мнение Д. Антона, что *Zupap* есть *судпан* или *пан судящий*. Греческие и латинские историки, не имея в своей азбуке Ж, писали Σοῦπανοζ, *Zupapus*.— На польском языке *Zupa* значит *соляную варницу*, *соляной анбар* и *рудоконню*; *Zupap* *полукафтанье*.

¹⁷¹ Гебгарди в *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 52—57. В XI веке на-

чальствовали в Боснии два жупана, а другие слабейшие князья не смели так именоваться. Король далматский Мунимир в 892 году пожаловал главных своих придворных чиновников в жупаны. В XI и XII веке самые короли славянские в Сервии и Далмации гордились именем *великих жупанов*.

¹⁷² Д. Антон Versuch etc. стр. 90. Другие утверждают, что слово *краль* произошло от имени Карла Великого (см. в Neuen Abhandl. der Bohm. Gesellsch. der Wissenschaften. Добровск. Историю Богемск. языка, Т. I, стр. 324). На языке арменском *король* есть *сильный, могущественный* (Bibliotheca Slavica Т. I, стр. 302).

¹⁷³ Гебг. Gesch. der Slav. I, 53, 54.

¹⁷⁴ Шреттер. III Abhandlung aus dem Österreichischen Staatsrechte стр. 116, и Гебгард. I, 54. История сохранила нам пример еще страннейшего обыкновения в Богемии: король, отправляясь к немецкому императору, мог на пути своем жечь деревни (Добнер. Monumenta Historica Boemiae IV, 54, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 54).

¹⁷⁵ Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 54.

¹⁷⁶ Гельмольд. Chron. Slav. кн. I, гл. 84, стр. 68; также Vita S. Ottonis стр. 670. Имя *Прове* значило *правый* или *прав*.

¹⁷⁷ См. Саксон. Граммат. Hist. Dan. стр. 291, изд. 1644 года, и Дитм. Мерзбург. Chron. кн. VI. Обряд класть оружие и золото, при заключении мира, к ногам идолов, был соблюдаем российскими славянами (см. в сей *Истории* описание времени Игоря I).

¹⁷⁸ Гебгарди Gesch. der Slav. Т. I, стр. 57. Сия дань называлась в землях немецких славян *воеводскою трагою*.

¹⁷⁹ См. *Нест.* стр. 11, 12, и Прокопия в Мемог. popul. II, 28.

¹⁸⁰ См. выше, примеч. 167. — Увидим после, что древляне до самого Святослава — вероятно, и гораздо прежде Рюрика — имели собственных князей.

¹⁸¹ Прокопий в Мемог. popul. Т. II, стр. 28: unum enim Deum fulguris effectorem, Dominum hujus universitatis solum, agnoscunt [они признают одного Бога, творца молнии, единым Господином этой вселенной].

¹⁸² Fatum minime norunt, ne dum illi in mortales aliquam vim attribuunt [судьбы они не признают вовсе и считают, что у нее нет никакой власти над людьми] (Мемог. popul. Т. II, стр. 28). — Ломоносов (а за ним и Леклерк), основываясь на понятии славян о божественности рек, думал, что самое имя Вышнего Существа, Бога, происходит от Буга: мысль совсем невероятная! Славяне поклонялись Творцу и Мироправителю без сомнения гораздо прежде, нежели рекам; и самые дикие народы искали *главных* богов своих на небесах, выше солнца и звезд, а не в воде и не между рыбами. — Доктор Антон производит имя Бога от глагола *бегу*, вооб-

ражая, что движение тел небесных сообщило как грекам (Θεός Бог, θεῶν бегу), так и славянам первое понятие о вышнем Существо. Другие утверждают, что название Бог имеет смысл *богатого, обогащающего* (см. *Кутеинский Лексикон* 1653 года, стр. 245). Толкования бесполезные и нимало не убедительные! Никто не изъяснит нам, для чего древние славяне называли Мироправителя Богом, греки Θεός, немцы Gott и проч. Мы знаем имя Его на 200 языках: одно монгольское, *Бурхан*, имеет некоторое сходство с славянским именем Бога (см. *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa*, или *Сравнительные словари всех языков*, напечатанные в С. Петербурге).

¹⁸³ Гебг. *Gesch. der Wend. u. d. Slav.* Т. I, стр. 23.

¹⁸⁴ Гельмольд. *Chron. Slav.* кн. I, гл. 84. См. также Гебгарди *Gesch. der Slav.* 21, 24. Славяне и всех добрых богов именовали *Белыми*.

¹⁸⁵ Гельм. в *Chron.* кн. I, гл. 53: *malum deum sua lingua Diabolisive Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant* [злого бога на их языке называют Дьявол или Чернобог, то есть черный бог]. Имя *черта*, которым христианские славяне называли Дьявола, произошло, думаю, от Чернобога. В Верхнем Лаузице есть гора, именуемая *Чернебог*; а в Сервии был городок *Чернобожский*. См. Ант. *Versuch*, стр. 52, Маша и Тунмана *von den Alterthüm. der Obotriten*, 305, I Соборное Послание Св. Апостола Петра гл. 5, ст. 8, и Гебг. в *Gesch. der Slav.* I, 23.

¹⁸⁶ Нестор стр. 33, Д. Антон стр. 146 и Гебг. Т. I, стр. 22.

¹⁸⁷ Гельмольд пишет *Zuantevit*, а Саксон Грамматик *Svantovit*. Некоторые, считая сего идола славянского Фебом, думают, что надобно писать *Световид*; но вероятнее, что кумир его назывался *Святовидом*, то есть *святым образом*. См. Лудевиг. *de Idolis Slavogum* в *Opusc. miscell.* Т. II, Сакс. Граммат. *Hist. Dan.* гл. XIV, стр. 320—321, Гельмольда кн. II, гл. 12, стр. 89—90, и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 25 в примечании.

¹⁸⁸ См. русский перевод его, стр. 66 — Св. Мученик Вит жил во время Диоклитианово, а монахи корбейские проповедывали христианство на острове Рюгена в царствование императора Людовика Благочестивого. Святовидово идолопоклонство началось бы только в IX веке, если б сказание Гельмольда и Саксона было справедливо.

¹⁸⁹ Сакс. Грам. *Hist. Dan.* кн. XIV, стр. 327. *Dignum numen, quod cuius effigies tam deformiter à volucris foedaretur!* [Достойный бог, изображение которого столь безобразно осквернено птицами!] Тунман думал, что Рюгенский Поревит был Перун наших славян, и что он же назывался как Святовидом, так и Ругевитом, но различные изображения сих идолов противоречат сему

мнению. См. Гебг. Т. I, стр. 27. Некоторые считают Поренута богом беременных женщин.

¹⁹⁰ См. Маша ÜberdieAlterthüm. der Obotriten и Потоцк. Voyage en Saxe. На медной бляхе, хранящейся вместе с другими славянскими древностями в Шпонгольцском кабинете, изображен Радегаст и жертвенник, на котором лежит отрубленная голова: Г. Маш считает ее головою Мекленбургского епископа Иоанна, принесенного в жертву Радегасту.— Адам и Гельмольд пишут: simulacrum ejus auro, lectus ostro paratus [идол его из золота, а ложе — из пурпура]. Первый о храме Упсальском: totum auro paratum (De situ Daniae, стр. 143).

¹⁹¹ В городе Саксен-Лауенбургского герцогства, которое составляло некогда землю славянских полабов. См. Гельмольда гл. 53, Маша Alterthüm. der Obotriten, Тунмана стр. 274 и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 25.

¹⁹² В странах Бальтийских, около Вислы и гор Карпатских: см. Тунмана ÜberdieAlterthüm. der Obotriten стр. 273—274 и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 26.

¹⁹³ См. в *Хронике* Матв. Стриковского о богах латышских, и Маша ÜberdieAlterthüm. der Obotriten.

¹⁹⁴ См. Маша Alterthüm. der Obotriten и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 26.

¹⁹⁵ Vita S. Ottonis, стр. 479, 495, 502 — и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 27.

¹⁹⁶ В нынешнем герцогстве Голштейнском. См. Гельмольда гл. 84.

¹⁹⁷ Потоцк. Voyage en Saxe, стр. 85, фигур. 12. В противность тому Гельмольд пишет (кн. I, гл. 84), что сей бог никак не изображался у славян.

¹⁹⁸ См. Маша Alterthüm. der Obotriten, Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 28 и Тунмана стр. 316.

¹⁹⁹ См. Chron. Дитмара Мерзебургского, стр. 417. Я не говорю о *Кроде*, *Флинце* и других мнимых богах славянских, о которых не находим известия в достоверных историках.

²⁰⁰ Живут в Далмации. Земля к южной части залива Венецианского, между Истриею и Далмациею, называется собственно Морлахиею. См. Д. Антона Erste Linien etc. стр. 50.

²⁰¹ Кадлубека, Длугоша, Кромера, Стриковского, Гваньини. Сходство между греческим или римским и славянским баснословием весьма заметно. Стриковский упоминает о матери Кастора и Поллукса, *греческой Леде*. Некоторые писатели российские, вообразив, что она есть славянская Венера, догадкою обратили Леля в Купидона, а Полеля в Гименея.

²⁰² Нестор стр. 70. Славянский глагол *перу* значит не только

пру, но и *бью*, *убиваю*; валец, которым в мытье колотят белье, для того назывался в старину *пряльником*: следственно, имя Перуна означало бога *разящего*. В новейшие времена стали называть Перуном молнию. Стриковский, Гваньини и Сочинитель Синописа говорят, что киевский Перун стоял на железных ногах, в руке держал камень, наподобие молнии украшенный рубинами и карбункулами; что одежда Перунова была искусно вырезана из дерева; что дубовый костер вечно пылал пред идолом, и если жрецы от нерадения давали огню угаснуть, то наказывались смертию как преступники и враги бога. Не находя сих подробностей в Несторе, сомневаемся включить их в Историю; но можем верить Стриковскому, что древние латыши посвящали неугасимый огонь своему идолу *Перкуну*, который знаменовал одно с Перуном славянским. В Далмации есть лес, именуемый *Pigun Dabrave*. Можно заключить, что и славяне иллирические обожали Перуна (см. Д. Антона Versuch, стр. 49).

²⁰³ Так они называли в древнейших списках Нестора, в *Пушкин.* и *Троицк. Стрибог*, кажется, был славянским Эолом. В древнем *Слове о полку Игореве* сказано: *се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на полкы Игоревы*. Народ русский признает Св. Власия покровителем стад: не для того ли, что его имя сходно с Волосовым?

²⁰⁴ См. также Минею 15 июля, в житии Владимира, и в рукописном так называемом *Новгород. Летописце по 1717 год* (хранящемся в Архиве Иностранной Коллегии) главу *о идолах*.

²⁰⁵ См. Стриковского в описании литовских идолов. Имя сего бога напоминает слова *лад* и *ладить*: в старинных русских песнях *ладо* значит мужа; например: *у меня ладо змея скоропея*, и проч. В *Слове о полку Игореве* Ярославна называет супруга *лагою*, стр. 38 и 39.

²⁰⁶ Он пишет: *греки*; но Бангерт и Гарткнох доказали, что Адам называет так русских (см. в Коммент. нашей Академии Баерову Geograph. Russ. ex Script. Sept. Т. X, стр. 371, или Шлёц. Nord. Gesch. стр. 495).

²⁰⁷ См. Кантемирово описание Молдавии и Сульцер. Историю Дакии, Т. II, стр. 322.

²⁰⁸ См. Синописис и Ломоносова *Рос. историю*. В первом сказано, что играющие воспевают имя *Купала*; но мы не знаем ни одной старинной песни, где бы оно упоминалось. Сочинитель брал свои известия из польских историков и, говоря о богах Хорсе, Мокоше, Симаргле, ссылается, вместо Нестора, на Стриковского; согласно с ним осуждает также качели, древнюю забаву славянскую, называя их *Дьявольскою сетью*: но забавы язычников не все принадлежали к их Вере. См. еще нашей *Истории* Т. VII, в

описании времен Василия Иоанновича, при конце; также *Путешеств.* академика *Лепехина* Ч. IV, стр. 410, и Раичеву *Историю славянских народов*, кн. I, гл. 21, стр. 172.

²⁰⁹ Чему я сам несколько раз бывал свидетелем. Песня, которую поют в таком случае, напечатана в *Абевеге русских суеверий*, стр. 224.— Наши святошные игрища не имеют связи ни с римским праздником Януса, в первый день генваря (когда чиновники республики, в *новой* одежде ходили жертвовать в храм Юпитеров), ни с италиянским карнавалом, который от 7 генваря продолжается до самого Великого поста.

²¹⁰ Неделя от седмицы Св. Отец до Троицына дня называлась у нас в старину *Русалною* (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 10). Автор Синописа, ссылаясь только на Кромера и Гваньини, в числе русских богов называет еще *Посвиста* или *Похвиста*, бога ведра и ненастья. В русских новейших сочинениях о древнем идолопоклонстве наших предков говорится о *Чуре*, славянском Термине, богине Ладе, или Венере, Леле и Полеле, или Купидоне и Гименее, Диде или Антеросе, *Царе морском*, или Нептуне, Зимстерле, или Флоре, и проч.; но догадки и выдумки не принадлежат к истории. Некоторые обратили бога Лада в богиню, а припев *дидис*, т. е. *великий* (см. выше) в купидона Диды или в Антероса. Чуром именовался в старину рубеж; но чтобы славяне обожали в нем Термина, о том не имеем никакого исторического сведения. О Леле и Полеле упоминает Стриковский и Гваньини, сравнивая их (см. выше) с Кастором и Поллуксом, детьми *греческой Леды*, а не с Купидоном и Гименеем. Сам автор Синописа не причисляет их к *русским* богам. Хотя Стриковский, основываясь на Длугоше, и говорит, что не только в Литве, но и в России народ величает Леду, мать Кастора и Поллукса, в припеве *Ладю, Ладю*; но сие имя, по его же известию (см. выше), означало бога Лада. Разве из одного народного припева *лѣли, люли*, заключим, что наши предки боготворили Леля? — Зимстерла вышла, догадкою или ошибкою, из *Семаргла*, о котором пишет Нестор. Мавро-Урбин, зная о славянском идолослужении единственно то, что говорят польские историки, называет сию мнимую богиню *Зимцерлою*.— *Царь морской, чуда морские, Баба-Яга, Волоты* или Великаны, *Полкан* или *Кентавр*, вымышлены русскими сказочниками и не относятся к древней славянской Вере.

²¹¹ Главные идола были такой величины, что несколько волов не могли сдвинуть их с места (*Vita S. Ottonis* и Тунм. *Überdie Alterthüm. der Obotrit.* стр. 293). Но между огромными кумирами в храме Ретрском стояли и маленькие, литые, на тронах или круглых подножиях, и каждый имел свои особенные жертвенные орудия. См. Маша и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 29.

²¹² Козма Прагский в Менкен. издании Т. I, стр. 2074, и Vita S. Ottonis, 680. В последней сказано: Erat praeterea ibi (в Штетине) quercus ingens et frondosa, et fone subter eam amoenissimus, quam plebs simplex numinis alicuius inhabitatione sacram aestimans, magna veneratione colebat [кроме того, там (в Штетине) был огромный густолиственный дуб, и под ним прелестнейший источник, который простой народ очень почитал, считая его священным как обиталище некоего божества].

²¹³ См. Chron. Дитм. кн. VI.

²¹⁴ В рукописном *Житии Муромского благоверного князя Константина Святославича*, которое хранится в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина, и в котором многие места отмечены рукою Екатерины Великой, именно сказано, что наши язычники приносили жертвы (*требы кладуще*) озерам и рекам. Впрочем, сие *Житие*, равно как и печатное (см. Пролог, Мая 21) писано не ранее XVI века (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 153). Далее в *Житии Константина* говорится о русских язычниках: «очныя ради немощи (в кладезях) умывающесея, и *сребреницы* в ня повергающе». И ныне в некоторых местах России поселяне делают то же (что я видел собственными глазами). См. еще Синописис, Рос. историю Ломоносова и Раича, который описывает такие же обыкновения у сербов.

²¹⁵ Гельм. в Chron. Slav. кн. I, гл. 84, и Vita S Ottonis. Сочинитель именует сие дерево hastam Julii Caesaris, *копьем Юлия Цезаря*.

²¹⁶ В рукописном *Житии Муром. князя Константина*: «дуплинам древяным ветви убрусцем обвешивающе, и сим покланяющесея», и проч.

²¹⁷ Мемог. popul. Т. II, стр. 984. Сей остров Св. Григория должен быть Хортица.

²¹⁸ Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 30.

²¹⁹ Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 322, Маш ÜberdieAlterthüm. der Obotriten, и Chron. Дитм. Мерзебург. стр. 415.

²²⁰ См. изображение сих требищ в Бекман. Histor. Beschreibung der Mark Brandenburg, Ч. II, стр. 347; см. также Гебгарди Gesch. der Wend. I, 31.

²²¹ Подобные существуют донныне в Англии, Ирландии, Вестфалии, Брауншвейге (см. Маллет. *Историю Дании* Т. I, гл. XII). Историки признают сии монументы славянскими в Мекленбурге и в других местах, где обитали венды.

²²² Vita S. Ottonis, стр. 680.

²²³ Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. XIV, стр. 319.

²²⁴ Сей храм был основан на столпах, которые имели *образ звезринных рогов*: так, по крайней мере, изъясняет сие место немецкий

переводчик Дитмаровой Хроники Г. Урзинус, стр. 328.— См. Гельм. Chron. кн. I, гл. 53.

²²⁵ Только в Патерике Киевском, в житии Исаии Чудотворца, сказано, что сей Угодник разорял *капища* в Ростовской области.

²²⁶ Гебг. Gesch. d. Wend. T. I, стр. 34—36, Сакс. Грам. Hist. Dan. 320—321, и Гельм. Chron. Slav. кн. I, гл. 53.

²²⁷ Нестор, стр. 71, и Гельм. Chr. Slav. гл. 23.

²²⁸ Сакс. Грам. кн. XIV, стр. 320—321, Vita S. Ottonis, стр. 681, и Дитм. Мерзебург. Chron. кн. VI.

²²⁹ Сакс. Грам. кн. XIV, стр. 320.

²³⁰ Гебг. Gesch. d. Slav. T. I, стр. 36, Известно, что русские земледельцы в день Св. Флора и Лавра приводят лошадей своих к церкви: сие обыкновение не происходит ли от древнего язычества?

²³¹ Гельм. в Chron. Slav. гл. 84.

²³² Д. Антон. стр. 71, и Гебг. T. I, стр. 36. Наши Родительские Субботы напоминают сей древний обычай славян. В Богемии поют тогда:

Giz nesem smrt ze wsy,
Nove leto do wsy.
Witey leto libezne,
Obilicko zelene.

То есть: «уже несем смерть из веси, а новое лето в весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!» — Длугош несправедливо мыслит, что сие торжество означает уничтожение идолопоклонства и введение христианской Веры в землях славянских.

²³³ Козма Прагск. кн. III, под годом 1093, и Дитм. Chron. кн. I. Slavi, говорит последний, qui cum morte temporalis omnia putant finire [славяне, которые считают, что все кончается с временной, физической смертью].

²³⁴ Д. Антон и Гебг. T. I, стр. 36. В урны клали разные вещи, которые принадлежали умершему: ножницы, римские монеты, детские игрушки, маленькие кумиры.

²³⁵ Метог. popul. II, 61. *Страва* значит на польском языке *кушанье, пищу*. От сего древнего славянского имени происходит глагол русский *травить*.

²³⁶ *Тризна* есть *подвиг*, tournoi.— См. Нестор. стр. 12. В летописи его упоминается о могиле Аскольда, Дира, Олега в Киеве; также о высокой могиле Игоря и внука его, Олега, в земле Древлянской.— В *Житии Муромского кн. Константина*: «кони закалающе, и по мертвых ременные плетения древолазная с ними в землю погребаше, и битвы и *кроение* и лиц настрекания и дракия творяще». *Кроение* значит здесь изрезание лица ножом в знак печали. Так сказано в III Моисеевой книге, гл. 19, ст. 28: «кроения не сотворите на теле вашем о души».

²³⁷ Vita S. Columbani, в Ассем. Kalend. Eccl. Univ. II, 21, и Гебг.

Gesch. der. Slav. I, 13.— Гельмольд, кн. I, гл. VI, пишет о славянах: nec est aliqua barbaries sub coelo, quae Christocolas ac Sacerdotes magis exhorreat [нет другого варварства под небом, которого более страшались бы христиане и их священники].— Германские венды со времен Карла Великого несколько раз принимали христианскую Веру, но только неволею, и снова обращались к идолопоклонству, которое совершенно истребилось между ими только в XIII веке. Болгары, чехи и моравы крестились около половины IX века (см. Мозгеймову *Церковную историю*); а славяне иллирические при императоре Василии Македонском, который начал царствовать в 867 году (см. Константина Багрянородного de adm. imp. гл. IX, и Мозг. *Церк. историю*).

²³⁸ Прокопий называет его *варварским*: lingua barbara (Memor. popul. T. II, стр. 29).

²³⁹ См. ниже, о грамоте славян.

²⁴⁰ В чем всякой, развернув лексиконы языка нашего, польского, богемского, иллирического, может легко увериться.— Кроме общего, мы имеем несколько особенных наречий: украинское, суздальское, новгородское. В суздальском много чуждых, неизвестных слов; например, Бог называется *стод*, отец *хрутин*, сестра *миндра*, жена *эльтона*, дева *шиктора* (см. *Сравнительные словари всех языков*, напечатан. в С.-Петербурге, 1787).

²⁴¹ См. Гаттерера Einleitung in die Synchr. Universalhistorie, стр. 127.

²⁴² De orig. Slav. стр. 108.— Добров. Litterarisch. Magazin von Böhmen,— Поповича, австрийского ученого славянина, Untersuchungen von Meere,— Гаттерера Synchr. Universalhist. и *Сравнительн. словари*.— В разделении славянских наречий следую ученому богемцу Добровскому (см. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft, год 1791, стр. 313—314), который мог судить о том лучше Гаттерера, Шлёцера, Ридигера и проч. «Ежели отмены в двух или трех наречиях (говорит он) могут быть подведены под общие правила одной грамматики, то их не должно считать разными наречиями, хотя некоторые слова иначе произносятся, и некоторые имеют смысл особенный. Но ежели два наречия существенно несогласны в грамматике, тогда признаю их разными».

²⁴³ См. Untersuch. von Meere. Болгарским наречием говорят в Турецкой Болгарии и в Расции, т. е. Восточной Сервии или древней Дардании, названной так от реки Раски; а славонским в Славонии.

²⁴⁴ См. Гаттер. Universalhist. Последний человек, который говорил по-славянски на острове Рюгене, умер в 1404 году (см. Untersuchungen der v. d. König. Academie zu Berlin auf d. J. 1752 aufgege-

benen historisch. Fragen, стр. 30). Немцы, покорив славян в Германии, старались истребить язык их.

²⁴⁵ См. Лаузицкие Provinzialblätter, стр. 101. Заметим, что есть сходство даже между индейским, санскритским и нашим языком; например: *эторон*, второй; *пиете*, пьет; *тону*, тонкий; *мри*, умри; *сото*, сто; *чотур*, четыре; *тритиё*, третье; *томо*, темно; *моду*, мед. В индейском языке имена существительные оканчиваются на *твон*, в славянском на *тво*; на пример: *богатство*, *безумство*, и проч. (см. Шлегеля Über die Sprache und Weisheit der Indier, стр. 11 и далее). Самое изменение действительных глаголов латинских, немецких и славянских бывает по одному закону. В изъянительном наклонении настоящего времени, множественного числа, первого лица, главная буква в латинском и славянском М: *любим*, *читаем*, *amamus*, *legimus*. Окончание единственного числа, в третьем лице, то же на всех трех языках: *любит*, *amat*, *liebet*; во множественном числе одно на латинском и славянском: *accipiunt*, *legunt*, *принимают*, *читают*. Во втором лице отличительная буква есть также одна: *docetis*, *учите*, *lehret*; а в повелительном наклонении еще более сходства: *любите*, *учите*, *amate*, *docete* (так и в греческом).

²⁴⁶ В именах существительных: *Мать*рь, μήτηρ, mater, Mutter. — *Патѣ*р, Vater, pater, по-малороссийски *батько*, у славян иллирических *Bascta*, в русском языке уменьшительное *батюшка*; слово *отец* есть древнее кельтское *At*, также сходное с *pater*: см. Dictionnaire Celtique par Ballet. Сей ученый назвал кельтским языком гальский, кимрский и басконский (le Basque), которых, однако ж, нельзя считать одним языком: см. Шлёцер. Nord. Gesch. 340. — *Брат*, Bruder, frater. Граждане одного цеха назывались в Афинах *Фратореζ*, а собратства их *Фратρία*. — *Сестра*, soror, Schwester. — *Свекор*, *свекровь*, socer, socrus, Schwiegervater, Schwiegermutter. — *Сын*, Sohn. — *Дочь* по-тевтонски *Дотер*: от чего произошло немецкое *Tochter*. — *Деверь*, δαήρ. — *Люди*, Leute λαός. — *Муж*, Mann, mas (мужеский). — *Вдова*, vidua, Wittwe. — *Жена*, γυνή. — *Пастырь*, pastor, βοτήρ. — *Око*, oculus, Auge. — *Брада*, Bart, barba. — *Пята*, πτέρνα. — *Волос*, pilus. — *Брови*, Augenbrauen, по-английски brow. — *Сердце*, Herz, χήρ, καρδιά, сог. — *Уста*, στόμα. — *Спина*, spina (крестец: supinus, навзничь, на спине лежащий). — *Кость*, οστέον, costa (ребро), Knochen. — *Ребро*, Ribbe. — *Ноготь*, Nagel. — *Слюна*, saliva. — *Кровь*, sanguis. — *Солнце*, sol, Sonne. — *Огонь*, ignis (πῦρ и Feuer, по-англо-саксонски, шведски и датски Fug, имеют одно происхождение). — *Пламя*, flamma, Flamme, Φλόξ. — *Луч*, λύκη, lux (свет), Licht. — *Месяц*, μήν, mensis. — *День*, dies; у греков δὴν значит *давно*, δηναίος, *давнишний*. — *Вечер*, vesper, ἔσπερος. — *Ночь*, nox, νύξ,

Nacht.— *Ветер*, ventus, Wind.— *Тепло*, тепор (греческое θερμη близко к немецкому Wärme).— *Копоть*, καπνός.— *Вода*, vadum (иногда мелкая, иногда просто вода), ὕδωρ, Wasser.— *Ведро*, ὑδρία, hydria.— *Влага*, φλέγμα.— *Глыба*, gleba.— *Пар*, varor.— *Роса*, ros, δρόσος.— *Пыль*, pulvis.— *Поле*, βῶλος.— *Долина*, Thal.— *Стезя*, Steg.— *Море*, mare, Meer.— *Волна*, Welle.— *Соль*, sal, Salz, ἄλς.— *Гора*, ὄρος (немецкое слово Berg и славянское *верх* есть одно).— *Холм*, culmen, χολωνός (древнее германское слово Holm означало не только *остров*, но и *холм*).— *Скала* по-славянски *гора* каменная, а по-латини scala, *крыльцо*, ибо ступени его подобны *уступам гор*. Греческий глагол σκάλλω (*рою, долблю*) имеет, кажется, близкое отношение к сему имени.— *Сребро*, Silber.— *Гость*, Gast, hospes (также латинское имя hostis означало сперва не врага, а *чужестранца*, следовательно, *гостя*).— *Бой*, βοή.— *Вой*, βοή.— *Клик*, χλήσις.— *Звон*, звук, φωνή, sonus.— *Сон*, somnus.— *Обитание*, habitatio.— *Ужин*, coena.— *Рушение*, ruina.— *Селение*, colonia.— *Цель*, τέλος, Ziel.— *Покой*, quies.— *Целость*, salus.— *Корыстью* называлась прежде воинская добыча; а воин назывался по-гречески χορυστής.— *Дом*, δόμος, domus; *дома*, domi.— *Дверь*, θύρα, Thüre.— *Сено*, foenum.— *Ось*, axis, ἄξων, Achse.— *Секира*, securis.— *Скамья*, scamnum.— *Труба*, tuba.— *Валек*, volgiolus.— *Иголь*, ἴγδη.— *Сито*. Sieb (по-гречески σήθω *сею ситом*).— *Ремень*, Riemen.— *Иго*, ζυγός, jugum, Joch.— *Короб*, corbis, Korb.— *Скрин* (скринка), scrinium, Schrank.— *Кадь*, cadus, χάδος.— *Ворота*, porta.— *Дельва* (бочка), dolium, Tonne.— *Якорь*, Anker, anchora, ἄγκυρα.— *Щеть*, seta.— *Мера*, μέτρον, mensura, Maass.— *Бремя*, βάρος.— *Щит*, Schild, scutum.— *Мельница*, μύλη, mola, Mühle.— *Баня*, Bad, βαλανεῖον, βαλνευμ. Σ'Θ—Γ, πιχυσ. Σ'ΘϞΠ, δρῦς, δένδρον.— *Кора*, cortex.— *Клей*, κόλλα.— *Луна*, Linde.— *Береза*, Birke, betula.— *Мох*, Moos, muscus.— *Гнездо*, nidus, Nest.— *Сок*, succus, Saft.— *Жир*, στέαρ.— *Вино*, vinum, Wein, οἶνος.— *Млеко*, Milch, lac.— *Яицо*, Eу, ovum.— *Лен*, λίνον, linum, Lein.— *Конопля*, cannabis, χάνναβις.— *Семя*, semen, Saame.— *Зерно*, Kern.— *Мята*, menta, Münze.— *Шелк*, sericum; а на шведском языке silk; по-английски так же.— *Волна*, Wolle, lapá.— *Имя*, ὄνομα, nomen, Name.— *Вор*, φῶρ, fur.— *Речь*, ῥήσις, Rede.— *Дар*, δῶρον, donum.— *Работа*, Arbeit, labor.— *Гроб*, Grab.— *Гладкость*, γλαφυρότης, glabries, Glätte.— *Лепость*, lepor, lepos.— *Круг*, Kreis.— *Ряд*, ordo, Reihe.— *Воля*, βουλή, βούλημα, voluntas, das Wollen.— *Лесть*, List.— *Спех* (поспех), σπευσις.— *Знамя*, σημαία.— *Пеня*, ποινή, poena.— *Любовь*, Liebe (от сего происходит в латинском языке libido, lubet, или libet).— *Овца*, ovis, ὄϊς.— *Бык*, bos, βοῦς.— *Агнец*, agnus,

ἄμνοζ.— *Свинья*, Schwein, συζ, sus.— *Поросенок*, porcus.— *Бобр*, Bieber, fiber.— *Лев*, λέων, leo, Löwe.— *Осля*, asellus, Esel.— *Мышь*, μῦζ, mus, Maus.— *Муха*, musca, Mücke, μῦτα.— *Гусь*, Gans, anser.— *Кот*, catus, Kater.— *Голубь*, columbus.— *Ворона*, χορώνη.— *Чижик*, Zeisig.

В именах числительных: *Един*, unus, eins, εἶς; *два*, duo, δύο, zwey; *три*, tres, τρεῖς; *четыре*, τέσσαρες; *пять* πέντε; *шесть*, sex, sechs, ἕξ; *семь*, sieben, septem, ἑπτα; *осмь*, ὀκτώ, octo, acht; *десять*, δέκα, decem, Zehn; *сто*, centum; *тысяча*, Tausend.— *Оба*,ambo, ἄμφω.

В прилагательных: *Левый*, laevus, λαῖος, link; *десный*, δέξιος, dexter, rechter; *прежний*, prior; *лепый*, lepidus; *новый*, novus, νέος, neu; *ветхий*, vetus; *блеклый*, welk; *юный*, jung, junior (юнейший); *правый* probus; *сухой*, siccus; *чистый*, castus; *кривой*, curvus; *свирепый*, severus; *тонкий*, tenuis, dünn; *короткий*, curtus, kurz; *легкий*, levis, leicht; *нагой*, nactus, nudus; *сладкий*, suavis, süss, γλυκός; *пеший*, pedester, πεζός; *сыт*, satur, satiatas, satt (а по-гречески σιτία значит *яство*, *кушанье*, σιτέω, *насыщаю* и *насыщаюсь*); *долгий*, долιχός; *постный*, ἄπαστος (по-немецки fasten, *поститься*); *достойный*, dignus; *святой*, sanctus, σεπτός; *слабый*, schlaff; *ленивый*, lenis; *живой*, vivus; *мертвый*, mortuus; *рыжий*, rufus (красный), ρούσσαιος; *строгий*, streng; *полный*, plenus.

В местоимениях: *мне*, мя, μοι, μέ, mihi, me, mich; *ты*, tu, du; *тебя*, тя, tibi, te, dir, dich; *себе*, ся (себя), sibi, se, sich; *мой*, meus, mein, ἐμός; *твой*, tuus, dein; *его*, ejus; *свой*, suus, sein; *мы*, ἡμεῖς; *наш*, noster; *вы*, vos; *ваш*, vester; *какий*, qualis; *такой*, τοῖουτοζ, τοῖος, talis.

В глаголах: *есмь*, εἰμί, sum; *еси*, εἶς, es; *есть*, ἐστί, est, ist; *есмы*, ἐσμέν, sumus; *есте*, ἐστέ; estis; *суть*, sunt, sind, εἰσί; *яду* (ем), ἔδω, edo, esse; *пью*, πίνω (пить, poto); *гряду*, gradior; *сидеть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehe; *видеть*, videre, εἰδέν; *даю*, do, δίδωμι; *строить*, struere; *кормлю*, χορέω; *секу*, seco; *вью*, vieo, winde; *бью*, battuo; *пасти*, pascere; *сосу*, sugo, sauge; *лежу*, λέγω (Гомер употребляет сей глагол в таком смысле), liege; *кляню*, χλίνω, clino; *плыву*, πλέω; *везу*, veho; *деру*, δέρω; *пеку*, πέπτω; *влеку*, ἔλκω; *врею*, ferveo; *варю*, wärme; *вею*, wehe; *кую*, cudo; *прошу*, rogo; *отпираю*, aperio; *кричу*, quirito, κράζω, schreie; *греметь*, βρέμω; *стонать*, stöhnen; *мешать*, mischen, miscere; *верчу*, verto; *делю*, theile; *дремлю*, dormio, dormito; *трепещу*, трέμω, tremo; *лижу*, lecke, λείχω, lingo; *орю*, ago, ἀρόω; *глотая*, glutio; *скоблю*, scabo; *валяю*, volvo, wälze; *сею*, säe, sero; *кличу*, χαλέω; *мелю*, molo, mahle; *лгу*, lüge; *числю*, zähle; *могу*, мочь, mögen; *тру*, tero; *советую*, suadeo; *усиляю*, помогаю, auh-

ilior; плету, plecto, πλέκω, flechte; шью, suo; рву, ruo; слабую, labo; граблю, rapio, gaube.

²⁴⁷ Например, *карканье, бляние, кваканье*, и проч.

²⁴⁸ Это справедливо заметил Левек. Можно думать, что глагол *быть* в настоящем времени образован по-греческому и латинскому в новейшие времена. «Никто не сомневается (пишет Шлёцер в Proben. Russ. Anpal. стр. 71), чтобы немецкий, греческий и латинский не были в основании одним языком — славянский также». Юниус, Ире доказывали великое сходство греческого и готфского. Попович говорит, что греки утратили коренное значение многих древних слов и должны искать его в славянском языке, где оно сохранилось (см. Шлёцер Nord. Gesch. стр. 325). Так Ире изъяснил некоторые греческие слова древними немецкими.

²⁴⁹ См. выше, стр. 41.

²⁵⁰ *Скифским*, говорит ученый Ире (см. его Prooemium или предисловие в Лексиконе шведо-готфском); но скифы пришли из Азии уже в то время, когда Европа имела своих жителей (см. выше, стр. 32). *Кельтским*, скажет Пеллутье, написавший Histoire des Celtes: ибо греческие и римские историки признают кельтов самыми древнейшими европейцами, предками галлов и германцев, жившими на обеих сторонах Рейна, на Дунае, Днепре, где они смешались с народами фракийскими и скифами (см. Страб. Geograph. стр. 58 и 465), на берегах Северного Океана, близ гор Рифейских (см. Плутарха в жизни Камилла), в Италии и в Испании, так что Птолемей всю Европу называет Кельтикою. Но Шлёцер замечает справедливо, что сие имя, подобно Скифии, есть более географическое, нежели историческое, означая у древних, по системе Эфоровой, западную часть света со всеми ее жителями без всякого различия в народах. Если бы эфиопы перешли из Африки на Рейн, то Эфор назвал бы их кельтами. Юлий Цесарь в самой Галлии отличает кельтов от народов аквитанского и бельгского, имевших языки и нравы особенные; но греки, по своему невежеству, именовали кельтами и скифами народы многие и совсем не единоплеменные.

²⁵¹ См. Ире Prooemium, стр. XXI, XXVIII. Геродот (кн. II) рассказывает, что Эллада называлась некогда Пеласгиею; что древние аттиқи были пеласги, которые жили прежде во Фракии. Гекатей Милетский по известию Страбону (кн. VI) говорит также, что фраки населили Аттику.

²⁵² См. Шлёцер. Nord. Gesch. стр. 599.

²⁵³ См. Religion des Gaulois T. I, стр. 39, и Тунман. Erklärung einer alten Preuss. Aufschrift стр. 229. — Доказано, что готфы еще прежде имели буквы; но Ульфила, переводя Евангелие, изобрел только некоторые новые (Ире Analecta Ulfil. Diss. I; см. также

Шлёц. Nord. Gesch., Маллетову Histoire de Dannemarck и Тунмана). Бетикою называлась часть Испании от реки Анаса на полдень до моря. Руны были известны в Германии и в Британии (см. von der Schreibkunst im Norden в Шлёц. Nord. Gesch.). Фортунатус, поэт VI века, упоминает об них в стихах своих (Шлёц. Nord. Gesch. стр. 611).

²⁵⁴ См. Тунмана Erklär. einer Preuss. Aufschrift, стр. 229.

²⁵⁵ Геренов. Ideen über den Verkehr der alten Welt, Т. II, стр. 556.

²⁵⁶ Турдетане уверяли во время Страбоново, что они уже 6000 лет умеют читать и писать. Сии 6000 лет могут быть опискою (см. Шлёц. Nord. Gesch. стр. 596).

²⁵⁷ См. Тунмана Erklär. alt. Preuss. Aufschr. стр. 230—232, и Битнер. Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völk. Tab. II.

²⁵⁸ Тацит сказал о германцах: litterarum secreta viri pariter ac feminae ignorant [мужчины и женщины равно не знали тайны письма]. Из сего некоторые заключили, что они в его время не знали письма; но римский историк говорит о *тайных* любовных письмах, хваля супружескую верность и целомудрие германцев. Лаблеттери, Тунман, Миллер и другие так разумели слова его. Сам же он пишет (Descr. Germaniae, что многие памятники между Речицею и Германиею были исписаны буквами. Жители Паннонии узнали искусство писать от римлян).

²⁵⁹ Плиний кн. VII, гл. 57: Utique in Graeciam intulisse e Phoenice Cadmum sedecim numero, quibus Trojano bello Palamedem adjecisse quatuor, totidem post Simonidem Melicum... In Latium eas [во всяком случае, в Грецию их принес из Финикии Кадм в количестве шестнадцати, к которым во время Троянской войны Паламед прибавил четыре, а после еще столько же — поэт Симонид... В Лациум их] (буквы) attulerunt Pelasgi [принесли пеласги].

²⁶⁰ См. Voigts Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen, в *Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen*, Ч. I, стр. 164 и след. Один летописец российский средних времен, повторяя Несторово известие о буквах Кирилловых, прибавляет: «преже убо словени не имеяху письмен, но начертаньми и нарезаньми читаху и гадаху» (см. в Синодальн. библиотеке рукописн. книгу о *древностях Российск. Государства*, под № 529, Т. I, кн. 2). То же известие найдено Г. Калайдовичем в сочинении монаха *Храбра* о писменах, где сказано: «преже убо словене не имеяху книг, но чрътами и резами чътеху и гатааху, погани суще». Сие сочинение внесено в книгу (в Синод. библиотеке под № 85), писанную в 1348 году для болгарского царя Александра иеромона-

хом Лаврентием Тахом. Александр известен нам по истории: он умер в 1360 году.

²⁶¹ Acta Sanctorum IX Mart., Добнер. Annales Bohemorum Ч. III, Коля Introductio in hist. et rem litt. Slavorum, гл. II, и в *Несторе*, стр. 20. Византийские летописцы не упоминают о сем происшествии. Нестор описывает его между случаями 898 году: явная ошибка! Михаил убит в 867 году, а Константин, или Кирилл, и Мефодий, как сам Нестор пишет, были им отправлены в Моравию (а не в город Раву, как думал Татищев). Они перевели на славянский язык Евангелие, Апостол, Псалтирь и Октоих. — Некоторые севе- веры восстали против сей новости, доказывая, что одни евреи, греки и римляне могут иметь грамоту: ибо на кресте Спасителя не было иных надписей, кроме еврейской, еллинской и латинской. Но папа утвердил письма моравские и сказал, что Бога должно сла- вить на всех языках. Потом Константин отправился в Болгарию учить христианству; а Мефодий, епископ Паннонии, избрал двух священников, искусных в языке и в письме, которые в шесть ме- сяцев, от марта до 12 октября, перевели с греческого на славян- ский все книги церковные. — Так повествует Нестор. В книге *Жи- тий Святых*, в описании дел Константина и Мефодия 15 мая, сказано, что они прежде — (в 858 году; см. Гаттерер. Weltge- schichte стр. 578) — обратили уже многих козаров в христианст- во; что царь Михаил для того послал их и в Моравию, убедив Кон- стантина принять сан архиерейский; что сей муж добродетельный еще в Цареграде изобрел азбуку славянскую и начал переводить *Евангелие от Иоанна*; что моравский князь, Ростислав, приняв его и Мефодия с великою ласкою, велел отрокам учить новую аз- буку и переведенные книги, Часослов и Псалтирь; что святые му- жи в четыре года утвердили всю землю славянскую в истинной Ве- ре, перевели Евангелие, Апостол, Литургиарий и совершили Бо- жественную службу на языке славянском; что епископы Западной Церкви вознегодовали по тем причинам, о которых говорит Не- стор, и папа, Николай IX, позвал в Рим Константина и Мефодия, но сам в то же время умер; что преемник его, Адриан II, одобрил их дело и предал анафеме хулителей новой Литургии; что они, Константин и Мефодий, служили в Риме обедню на языке славян- ском; что Константин занемог там, принял на себя святую схиму, назван *Кириллом*, вручил епископство свое Мефодию, скончался и погребен в церкви Св. Климента (следственно, не ездил в Болга- рию, как говорит Нестор); а Мефодий епископ жил долгое время в Паннонии и перевел множество книг с греческого. Ежели Кон- стантин и брат его жили в Моравии четыре года и приехали в Рим скоро по смерти Николая IX, то славянская грамота изобретена ими в 863 году: ибо сей папа умер в 867. Римские Acta Sanctorum

и все иностранные писатели согласны, по крайней мере, в главном с нашей Минеею (см. Шлёц. *Нестора* Ч. III, стр. 198—241). Папа Иоанн VIII в Булле своей, писанной в 880 году к моравскому князю Святополку, именно называет Константина изобретателем букв славянских: *litterae Slavonicae à Constantino quodam repertae* [славянские буквы, изобретенные неким Константином]. Такое свидетельство всех других важнее и достовернее. Известие Несторова, что два священника, избранные Мефодием, в шесть месяцев перевели все церковные книги, рождает вопрос? *какие? всю ли Библию, то есть Ветхий Завет (ибо Новый был уже переведен Константином и Мефодием)?* Это кажется невозможным. Шлёцер думает, что они в шесть месяцев только *списали* новую славянскую Библию; но летописец говорит: *преложиста*; да и важно ли знать время, употребленное на ее списывание?

Я обязан Г. Калайдовичу следующим любопытным известием: «В московск. Синод. Библиотеке (№ 66) хранится в *подлиннике* книга *Небеса*, переведенная с греческого языка на славянский Иоанном, экзархом Болгарским, в исходе IX или в начале X века. Он пишет, что азбука славянская изобретена и Евангелие предложено Константином, или Кириллом; что Мефодий перевел все *устные книги*, числом 60; что монах Дукс убедил его (экзарха) перевести книгу *Небеса* (сочиненную Иоанном Дамаскиным)» и проч. Ежели сия славянская рукопись действительно писана в исходе IX или в начале X века, то она есть древнейшая из всех известных.

²⁶² Буква Ш есть еврейская *ש*. Фриш считает Б и Ъ также еврейскими (см. его *Hist. linguae Slavonicae etc.* гл. I). Некоторые утверждали, что *ж* употребляем в России только со времен митрополита Киприана или с XIV века; но сии господа не видали харатейного Евангелия Софийского, найденного в Петербурге между книгами Екатерины Великой в 1806 году и писанного с юсами в половине XI века (см. нашей Истории Т. II, примеч. 114). *ж* тоже, что У. Даже вместо Ю писали *ж*. В одной же болгарской рукописи 1348 года, *о писменах славянских* (см. выше, примеч. 260) сия буква употребляется вместо всех гласных: вместо А, И, О, У, Ю и Я.

²⁶³ Нестор говорит: «сим бо первая предложены *книги* (т. е. Библия) в Мораве, яже прозвася грамота словенская, *еже грамота есть в Руси*».

²⁶⁴ Некоторые воображали Св. Иеронима далматским славянином (хотя славяне вошли в Далмацию только в VII веке: см. выше, стр. 158); а как Иероним, по его словам, перевел Библию на *свой народный язык*, то думали, что ему надлежало быть и первым изобретателем букв славянских. Несправедливость сего мнения уже

заметили Бандури, Коль, Ассемани и другие. Иероним перевел Библию не на славянский, а на латинский язык, которым говорили тогда в Далмации. Оставляем Д. Антону (в *Geschichte der Germanen*, стр. 378—379) доказывать, что славяне обитали *искони* в Иллирии: ибо древние жители ее, по известию Аммиана Марцеллина, делали из ячменя питье и называли его Sabaja: нет сомнения, как думает Антон, что сие имя есть славянское, и происходит от глагола *запивать!*

²⁶⁵ То есть 1222 году (Ассем. *Kalendaria Ecclesiae Universae* Т. IV, стр. 443).

²⁶⁶ Так называемый *Сборник*, отданный кн. Щербатовым в библиотеку Эрмитажа, и Евангелие Софийское (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 114).

²⁶⁷ См. Шлёцер. Nestor Ч. II, стр. 327, Добровского в *Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen* Т. V, стр. 318, и Voigts *Untersuch. über die Einführ. der Buchstab.* в том же сочинении, Т. I, стр. 176.— Однако ж не все ученые так думали. Бегемиц Добнер утверждал, что истинная Кириллова азбука есть Глагольская, и что наша, изобретенная после, несправедливо названа сим именем (*Abhandlungen der Böhmisch. Gesellschaft der Wissenschaften*, год 1785, стр. 101—139):

1) «Буквы Глагольские грубые и нескладные, имеют все признаки древности, и несходны ни с какими другими: Кирилловские же суть не что иное, как греческие, и не могли бы в IX веке прослыть новым изобретением. Между ими видим только *семь* негреческих букв, которые взяты из Глагольской азбуки». — Ученому греку Кириллу всего естественнее было дать славянам греческие письмены; надлежало выдумать новые единственно для таких звуков, которых нет в языке греческом. Не все, но только две из сих новых букв одинаковы с Глагольскими; например: Ш, Щ. Не правда также, чтобы другие Глагольские совсем не походили на Кирилловские. Изобретатель первых, желая отличиться, писал иные наоборот **Е, З — З, ѿ — Р, Б**; к другим прибавлял черты (**П, Г — Ш, П**) и хитрил в красности (**Л, ѿ — М, ѿ**): буква Ф совершенно та же. Кирилловские письмены имеют образ греческих IX века (см. Монфоконову Греческ. Палеографию, также примеры в *Ephemerid. Graeco-Moscis*, Т. I, и в Ламб. *Commentar. de Bibliotheca Vindobonensi*): доказательство, что славяне приняли их действительно во время Константина и Мефодия, а не в новейшие времена, когда образ греческих букв уже переменялся. «Но для чего же Кирилл был назван *изобретателем?*» Для того, что славяне прежде не имели грамоты, и что некоторые буквы в сем алфавите действительно *изобретены* им. — 2) «Римские духовные в XI веке называли славянский алфавит готфским» (*dicebant enim gothicas*

literas à quodam Methodio haeretico fuisse repertas [говорили, что готфские буквы были изобретены неким еретиком Мефодием], говорит Фома архидиакон Спалатрский, в Швандтнер. собрании Script. reg. Hung. T. III, стр. 552—554): «следственно, они разумели под сим именем не кирилловский, а глагольский, действительно сходный в кудрявости с готфскими буквами». Римские духовные называли славянский алфавит готфским единственно для того, что они считали готфов и славян за один народ (см. в Швандтнер. собрании Script. reg. Hung. T. II, стр. 119, слова далматского аббата Лудовика Тубера: praeter Gothas, quos Slavenos nuncupant [кроме готфов, которых называют славянами], и проч.; см. также в Ассем. Kalend. Eccl. I, 318).— 3) «Имя Кирилловской азбуки есть *новое*; мнимый изобретатель ее только за 50 дней до кончины своей был назван *Кириллом*: спрашиваю, как же она прежде называлась?» Азбукою или грамотою, или *славянскою* азбукою, и проч. Кирилловскою стали называть ее, конечно, в новейшие времена, когда славяне далматские ввели у себя другую, т. е. Буквицу, или Глагольскую.— 4) «Далматские славяне употребляют Буквицу, россияне Кирилловскую; следственно, первая древнее, ибо россияне приняли христианство 100 лет после далматов, т. е. в княжение Владимира». Во-первых, христианство вошло в Россию еще в 867 году, по известию византийских современных летописцев (о чем см. ниже); во-вторых, ежели другие славяне, наприм. сербы, по мнению Добнера, оставили *древнейшую азбуку* свою, приняв новейшую Кирилловскую, то и далматские могли променять Кириллову на Буквицу.— 5) «Пусть покажут нам Кирилловское письмо девятого столетия!» Отвечаем: пусть покажут нам Глагольское письмо ранее XIII столетия! По крайней мере, в X веке существовала Кирилловская грамота: сии буквы видим уже в надписи Киевской церкви, достроенной в 996 году (см. ниже, примеч. 473, и выше, примеч. 261, в конце).— 6) «Но в предисловии харатейной Глагольской Псалтири 1222 году какой-то *Николай* говорит, что она списана с подлинника времен Феодора, *последнего* епископа Салонского; а как ученый Ассемани доказал, что *последним* Салонским епископом надлежит считать Феодора, жившего в конце IX века, то следует, что глагольскими буквами уже писали в IX веке». Добнер не хотел заметить, что сам Ассемани сомневается в истине сего известия; в подлиннике (думает он) стояло, может быть, только scriptum impensis et mandato Theodori Episcopi [писано на средства и по поручению Феодора епископа]; а догадливый писец Николай прибавил от себя: ultimi Salonitani Episcopi [последнего Салонского епископа] (Ассем. Kalend. Eccl. Univ. T. IV, стр. 445 в примеч.) К тому же сие Евангелие могло быть списано Николаем с Кирилловского, а не с Глагольского по-

длинника. — 7) «Французские бенедиктинские монахи в своей *Новой Системе Дипломатики*, Ч. II, стр. 166, говорят о болгарской рукописи, хранимой в Парижской библиотеке под № 2340 и писанной лет за 800 или 900 до нашего времени: сия же рукопись есть Глагольская». Но ежели французские монахи ошиблись в своем *мнении* тремястами лет? На рукописи не означено ее древности, ибо они не сказали бы тогда: «за 800 или 900 лет». Мы знаем также, что в Болгарии употребляются не Глагольские буквы, а Кирилловские.

Любопытные могут видеть Буквицу во Франц. Энциклопедии. Я имел в руках своих букварь Иеронимовский, напечатанный в 1753 году в римской Типографии Пропананды, и молитвенник, изданный в Венеции. Первая книга, напечатанная глагольскими буквами, есть Новый Завет, изданный в Тибингене в 1563 году (см. *Abhandl. einer Priv. Gesell. in Böhme*. Т. I, стр. 176—177).

²⁶⁸ Богемские историки пишут (см. Добнера в *Annal. Bohemorum* Ч. III, стр. 188), что Константинопольский патриарх Фотий, недовольный Мефодием за его сношения с Римом, поставил в Моравию иного епископа Агафона, а в Нейтру Гораздоса; но князья моравские не хотели принять их. Агафон был греческим послом в Германии около 873 года, а Гораздос Болгарским архиепископом в 880 (Гебг. *Gesch. des Staats Mähren*, стр. 28). С того времени, по достоверным известиям, не находим уже ни одного греческого епископа в Моравии.

²⁶⁹ См. буллу его 968 году (в *Истории Козмы Прагского*, в Менкен. собран. *Script. reg. Germ.* Т. I, стр. 1994), в которой он запрещает употребление славянского или русского языка; и в тех землях, где изобретена Кириллова азбука, не осталось даже никаких следов ее. Время и паписты истребили там все древние славянские рукописи (см. *Abhandl. der Böhme. Gesellsch.* на 1785 год, стр. 136).

²⁷⁰ См. выше, примеч. 262, и Гебг. *Gesch. der Slav.* Т. I, стр. 20.

²⁷¹ Сильнейшею из них была область Кривичей, владевших Полоцкою, Витебскою (в верховье Двины), Псковскою, Смоленскою и, может быть, частью Тверской губернии. Латыши доньше именуют россиян кривами или кривичами. — Напрасно многие воображают Новгород уже великим и знаменитым прежде Рюрика: народная пословица, сведенная нами от Кранца, писавшего в XV и XVI веке: *quis potest contra Deum et magnum Novgardiam? кто против Бога и великого Новаграда?* (*Wandalia*, стр. 5) может относиться единственно ко временам позднейшим. В IX веке область его, окруженная на юг кривичами, а на запад, север и восток разными финскими племенами, едва ли составляла и половину нынешней губернии Новгородской.

²⁷² Гроза, которая сокрушила величие Рима, и несколько веков

свирепствовала в Европе, начала утихать уже в конце VI века. Все бывшее исчезло: явились новые правления, новые обычаи и законы, прославились новые имена народов. Германцы, оставив большую половину своего древнего отечества славянам, властвовали в Англии, Галлии, Италии; но в VIII веке уступили Испанию аравитянам, пришедшим в Европу с мечом, Алкораном и с любовью к Наукам. Карл Великий, в последний год сего века, основал Империю Западную, несравненно сильнейшую Восточной, которая ужасалась всякого неприятеля, но дерзала еще именоваться Римскою. Скандинавия — officina gentium, vagina nationum [лоно народов, колыбель племен] — как говорит Иорнанд — разделенная на малые королевства, повелевала морями: ее бесчисленные витязи, сучая тесными пределами отечества, суровым его климатом и праздностию, трубили в рога, стремились от пиршеств на легкие корабли свои, искали добычи, новых земель и завоеваний. Азиатские народы — болгары, козары — господствовали на западных и северных берегах Черного моря. Калифы, наследники Магометовы, еще славилась на Востоке. — В сие время начинается история государства Российского.

²⁷³ Нестор: «почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобицы, и воевать почаша сами на ся». В *Никонов. Лет.* сказано, что они долго спорили между собою, от кого требовать владетелей: одни предлагали козаров, другие полян, — *дунайчей* и варягов; некоторые единоплеменников своих: *и бысть о сем молва велия*. Все вымыслы и догадки.

²⁷⁴ Предание о Гостомысле сомнительно: в Несторовой летописи, в самой *Никонов.* и в *Степен. Книге* нет о том ни слова. Однако ж Герберштейн, который в 1517 и 1526 году приезжал в Москву, говорит уже о сем знаменитом новгородском муже (*Regum Moscovit. Commentarii*, стр. 3). В историческом отрывке, внесенном в летопись попа Иоанна (стр. 317), назван Гостомysl первым новгородским посадником. В некоторых списках *дополненного* Нестора (например, Софийского Новгородского) сказано также, что славяне, *пришедши на Ильмень с Дуная*, выбрали Гостомысла в старейшины: но в том случае ему надлежало бы умереть за несколько веков до Рюрика (см. выше, примеч. 70 и 91).

²⁷⁵ Я не вижу причины думать, чтобы весь и чужд *тогда уже* зависели от славян: те и другие, по известию Несторову, искали государей: следственно, они имели равные права. В Псковской летописи (в Синодальн. Библиот. № 349) именно сказано, что каждый из упомянутых народов имел особенное правление: «новгородцы свою власть имеаху, а кривичи свою, а чужд своими владеху, и дань даваху варягом» (л. 154 на обор.).

²⁷⁶ Миллер — см. в его *Описании народов, издревле обитавших в России*, статью о *варягах* — думал, что славяне и финны звали варягов не для правления, а единственно для защиты границ своих, и что Рюрик был *похитителем* власти. Но ясные слова летописца: *да пойдете княжить и володеть нами*, опровергают сие мнение. Не внешние враги, счастливо изгнанные славянами, а внутренние беспорядки принудили их искать князей за морем; следственно, они хотели *властителей*: ибо одна гражданская власть могла пресечь зло неустройства и безначалия. Так ли было действительно, не знаем; но так говорит летописец. Истину знали верно одни современники.

²⁷⁷ В *Пушкин.*, в *Троицк.* и во всех старых списках находим имя *Рюрик*, а не *Рурик*, как писали уже в новейшие времена. — В *Никон. Лет.* прибавлено: *онижь (варяги) бояхусь зверинаго их (славян и финнов) обычая и нрава, и едва избрашась три брата*. Народ, который жертвует вольностью порядку и гражданской безопасности, не имеет уже *звериных обычаев*, и смелые варяги, конечно, не испугались власти, с таким добродушием им предложенной. — Заметим, что Киев был основан тремя *братьями*; что радимичи и вятичи назвались именем двух *братьев*; что славяне и финны призвали из Варяжской земли *трех братьев*: сие *братство* может показаться сомнительным.

²⁷⁸ *Избрашася 3 браться с роды своими, и пояша по себе всю Русь; приидоша* — проч. Слова: *пояша по себе всю Русь*, знаменуют, может быть, что братья разделили *между собою* Чудскую и Славянскую землю, которая назвалась после *Русью*; а не то, чтобы они взяли с *собою всех русских варягов*. Летописец уже выше сказал, *с кем сии братья пришли в нашу страну: с роды своими*, то есть с семействами, с родственниками.

В *Пушкин.* харатейном списке Нестора: *приидоша старейший Рюрик... а другой Синеус на Белеозере, а третий (в) Изборсте Трувор*. Название места, где княжил Рюрик, пропущено; в *Троицком* (что достойно замечания) также; но вверху приписано, над именем Рюрика: *Новг...* По всем иным известным спискам Рюрик пришел в Новгород; только в *Кенигсбергском, Хлебниковском* и в *Ипатьевском*, гораздо новейших, сказано так: «*Избрашася 3 браться и приидоша к словеном первое, и срубиша город Ладогу и себе в Ладоге старей Рюрик*». Далее: «*по двою же лету умре Синеус и Трувор, и прия всю власть Рюрик один, и пришед ко Ильмену, и сруби город над Волховом и прозва Новгород и седе ту*». Сие место о Ладоге и Новгороде, основанном будто бы Рюриком, прибавлено без сомнения в новейшие времена: вот доказательства: 1) Рюрик прибыл к славянам в 862 году; ежели он два года, т. е. по смерть братьев его, жил в Ладоге, то ему надлежало

переселиться в Новгород уже в 864 году: но во *всех* списках, в самом *Ипатьев.*, *Хлебников.*, *Кенигсбергском*, сказано, что сей князь в 863 году уже был в *Новегороде*: «*Рюрику же княжащу в Новегороде в лето* от создания мира 6371 (863 от Р. Х.), 6372» — и так далее. 2) Он не мог срубить Новагорода, ибо Нестор, по самому *Ипат.*, *Хлебн.* и *Кенигсберг.* списку, уже сказал вначале, что славяне построили Новгород в одно время с Киевом, пришедши с Дуная: следственно, гораздо ранее времен Рюриковых. Также в самом *Ипат.*, *Хлебн.* и в *Кенигсберг.* списке подтверждено известие Несторово, что древнейшие основатели или жители Новагорода были славяне, а не варяги, населившие его уже со времен Рюриковых (см. печатн. *Нестора по Кенигсберг.* списку, стр. 17). Какой-нибудь любитель русской истории, списывая Нестора с древнего подлинника, где пропущено было имя Новагорода (так же, как в *Пушкин.* и *Троицк.*: «Рюрик старейший... а другой, Синеус, на Белеозере») вставил Ладугу для того, что она, по народному преданию, уже существовала во времена Рюрика, и что в ней донныне есть место, называемое *Рюриковым домом*. За одною вставкою следовала другая: «Новагорода, конечно, не было, ежели великий князь жил сперва в Ладогѣ»: думая так, сей же или другой любитель истории, без всякого соображения, прибавил обстоятельство, что Рюрик после основал Новгород. Герберштейн, в начале XVI века, имел Несторову летопись с такою поправкою и говорит: Rurik principatum Novuogardiae obtinet, sedemque suam ponit in Ladoga [Рюрик правил в Новгороде, и престол свой основал в Ладогѣ] (*Rerum Moscov. Comment.* стр. 3). Стриковский, не поняв его, обратил город в остров Ладожского озера. Но Длугош, польский историк XV века, выбрав из Нестора все свои известия о России, не упоминает о Ладогѣ и пишет, что князь Рюрик пришел в Новгород: primus autem dictus est Rurek, qui in Nouogrod, secundus Scyniew, qui in Bialeiezioro, tertius Trubor, qui in Zborsk sedes suas posuerunt [первым Рюрик в Новегороде, вторым — Синеус на Белеозере, третьим Трувор в Изборске престолы свои основали] (его *Hist. Pol.* кн. I, стр. 48 и след.). Наконец предложим самое важное свидетельство. В харатейном сокращении Нестора, которое писано в XIII веке и найдено мною в *Древних правилах Софийских* (Новгородского Собора) или в Кормчей Книге (Синодальн. библиотеки № 82) сказано: «старей Рюрик седе *Новегороде*, Синеус на Белеозере», и проч.— Рюрик *мог* построить Ладугу (о чем будем говорить в другом месте); она *могла* даже существовать и прежде его, хотя летописи наши упоминают об ней в первый раз около 1105 году (см. напечат. в Москве *Новгород. Летопись.* стр. 9); но дело состоит в том, что Рюрик, по истинному сказанию Нестора, княжил с самого начала в Новегороде. Сим

опровергается заключение Миллера и других, что «Новгородцы не хотели принять к себе Рюрика, а велели ему жить в Ладоге для удобного отражения морских разбойников, варягов» — следственно, единоземцев его: странная доверенность!

В *Кенигсберг.* списке, который теперь у меня в руках, написано ошибкою: *Сидеунас на Белоозере*, вместо: *Синеус на Белоозере*; а другою новейшею рукою прибавлено вверху: *Синеус*; из чего вышло: «Синеус сиде у нас на Белоозере». Татищев из сей же описки заключил, что Нестор, сочинитель летописи, был родом из Белоозера! — Город Белозерск, по древнему преданию его жителей, стоял в IX веке на северном берегу озера: Владимир, как они сказывают, перенес его на то место, где вытекает река Шексна (см. Миллеров *географич. Лексикон*); ныне сей город находится, как известно, на южной стороне Белоозера.

В *Архангельск. летописце*, стр. 4: «Трувор седе во Изборску, а то ныне пригородок псковский, а тогда был в кривичех больший город» — нынешняя слобода Изборск в 26 верстах от Пскова. Миллер, желая скандинавским языком изъяснить имя его, говорит, что Изборск значит *Исаборг* (см. в его *Описании древних народов* и проч. статью о *варягах*), т. е. город на реке Исе. Но Иса далеко от Изборска.

«Синеус и Трувор (говорит Миллер) построили, кажется, Изборск и Белоозеро на границах Лифляндии и Биармии, чтобы тем удобнее оберегать внешние пределы России». Они не построили сии города, а только жили в них, по сказанию летописца: для того ли, чтобы оберегать границы, или для того, что западные кривичи и весь хотели иметь особенных правителей, мы не знаем. Согласимся на первое; следует ли из того, чтобы князья были единственно *наемными* стражами, а не властителями, как думал Миллер? Всякий государь есть страж государства.

Заметим, что Изборск два раза был переносим с места на место: в 1303 и в 1330 (см. *Псков. Лет.*).

²⁷⁹ См. *Книгу Степен., Никоновск., также Софийскую*, письменную Новгородскую и *Подробную Летопись*, изданную Львовым.

²⁸⁰ *Архангельск., Никон. и Софийск. Лет.* причисляют мерю к народам, вызвавшим Рюрика с братьями; но древний летописец именует только кривичей, славян или новгородцев, чудь и весь, которые хотели князей: из сего должно заключить, что варяги уже после овладели странюю полочан, мери и муромы. В *Воскресен.* и других летописях именно прибавлено, что Рюрик и братья его, утвердившись в России, *почаша* воевать всюду.

²⁸¹ См. шведск. Далинову *Gesch. des R. Schwed.* Т. I, и Маллет. *Histoire de Dannemarс.*

²⁸² В *Архангельск. Лет.* сказано: «за то, что он не дал им ни града, ни села». — В древних списках стоит *Аскольд* и *Скальд*, а не *Оскольд*.

В *Несторе*: «и бяста у него (у Рюрика) два мужа ни племени его, ни боярина; и та испросистася ко Царюгороду с родом своим». В *Кенигсбергск.* списке ошибкою: «ни племени его, но боярина»: Татищев назвал их потому знаменитыми мужами. Они уже по кончине Синеуса и Тривора отправились из Новагорода — следственно, в 864 году — и должны были идти чрез владения независимых славян, которые едва ли могли пропустить их дружелюбно. В *Архангельск. Лет.* сказано, что они плыли Днепром мимо Смоленска, и не смели войти в сей город *великий и многолюдный*. Такие прибавления в новых летописях явно основаны на догадке. У нас есть новейшая сказка о начале Киева (см. в Синодальн. библиот. книгу о *древностях Рос. Государства* под № 529), в коей автор пишет, что Аскольд и Дир, отправленные из Новагорода Олегом послами в Царьград, увидели на пути Киев, пленились красотою оною и завладели им, убив Кия, братьев и сестру его. Тут же сказано, что Кий, Щек и Хорив были разбойники в Новгородской области; что новгородцы посадили их с сестрою Лыбедью и с 27 товарищами в темницу и хотели повесить; что князь из жалости дал им свободу; что сии разбойники два месяца шли дикими местами до реки Днепра, впадающего в *Теплое море*, по коему живут варяги; что Кий основал там Киев и, приняв к себе многих бродяг, начал обрабатывать землю; что товарищи его назвались древлянами, и проч.

«Аскольд же и Дир остава в граде сем и многи варяги совокуписта». Вероятно, что варяги, сведав о завоевании Киева, пришли туда из Новагорода по следам Аскольда и Диара.

Баер думал, что Аскольд и Дир есть имя одного человека; что слово *Диар* означало на языке скандинавском *вельможу* или *полководца*, и что русский летописец по незнанию обратил его в другое *собственное* имя. Сия мысль полюбилась Татищеву и Миллеру. Но Шлёцер доказал ошибку Баерову. Название Диар совсем не употребительно в языке скандинавском, и встречается только один раз в Стурлезоне, который говорит, что в Скандинавию пришли с *Одином* 12 Diar: сие имя есть множественного числа; в единственном оно Di, и в самом деле означало не *вельможу*, не *полководца*, а *первосвященника* (см. Шлёцеров. *Oskold und Dir, eine Russ. Geschichte*). Сам Баер, неуверенный в истине своего толкования, прибегнул к другому, еще менее основательному: «На арабском и турецком языке Diar означает *собрание домов*, страну, область: потому козары, говорившие турецким языком, назвали Аскольда *Диаром*, или правителем области!» Но *область* не

есть *правитель*. К тому же Нестор определяет даже разные места, где Аскольд и Дир были погребены в Киеве: он еще собственными глазами видел их могилы. Надобно иметь основательные доводы, чтобы оспаривать летописца древнего в случае возможном: Баер и Миллер не представили их. Мы знаем императоров римских, которые избирали себе товарищей в правлении: для чего же было не княжить вместе Аскольду и Диру, храбрым витязям и друзьям?

²⁸³ Россы, по известиям византийским, ограбили все монастыри и селения прекрасных островов Плати, Иатра, Теревинфа, убив множество людей. В Теревинфе жил тогда изгнанником благочестивый патриарх Игнатий и едва мог спасти жизнь свою (см. Баера de Russorum prima expeditione Constantinopolitana, в Коммент. Академии, Т. VI, стр. 376—378). Фотий поставил ему в вину то, что он, лишенный сана духовного, дерзнул снова освятить Теревинфскую церковь, опустошенную россиянами. Император Василий Македонский в 867 году возвратил Игнатию достоинство патриарха, удалив Фотия.

Нестор говорит, что россияне вошли в *Суд*, то есть гавань цареградскую (см. ниже, примеч. 308).— О сем нападении *россов* пишут византийские историки, Лев Грамматик, неизвестный Продолжатель Константинов, Георгий Монах и проч., не определяя времени; один Симеон Логофета сказывает, что россы осаждали с моря Константинополь в *десятый* год Михаилова правления; а как Михаил назывался императором уже с 842 году, то многие думали, что хронология Логофеты несогласна с Несторовою, и что нападение россов было в 852. Но византийский летописец говорит, что оно случилось во время Фотиева патриаршества: Фотий же сделался патриархом только в 858 году. Ученый Баер весьма основательно решил сомнение. Михаил царствовал 14 лет под опекою матери своей, Феодоры: Логофета исключает их и разумеет *десятый год его собственного, личного правления*, следовательно, 866 (см. de Russorum prima expeditione Constantinopolitana, Коммент. С. Петерб. Академии Т. VI); следовательно, Штриттер несправедливо вместил поход Аскольда и Дира в случаи 859 году (см. его *Российск. историю*, Т. I, стр. 17—18); несправедливо думал, вопреки нашему древнему летописцу, что варяги завладели Киевом еще прежде *Рюрикова княжения* в Новгороде. Сочинитель *Никон. Лет.* хотел таким же образом поправить Нестора и выдумал *разные* походы Аскольда и Дира к Царюграду: чему верил и Миллер.— Нестор говорит: «в 14 лето Михаила царя»: то есть в 14 Индикт Михаилова царствования, или в 866 году.

См. Метог. popul. Т. II, стр. 957—958. Греки воображали, что на севере, около источников реки Днепра, есть великая гора

Тавр (см. Баер. *Origines Russicae*, в Коммент. Академии Т. VIII, стр. 402).

Шлёцер не признает сих *россов* киевскими. «Вероятно ли (говорит он в своем *Nestor*, Ч. II, стр. 258), чтобы Аскольд и Дир, едва утвердясь в Киеве с горстью варягов, собрали так скоро многочисленное войско и дерзнули приступить к Царюграду?» Вероятно, если Аскольд и Дир в 864 году — или ранее, ибо древняя хронология нашего летописца подвержена сомнению (см. выше, стр. 58—59) — могли завладеть Киевом; если дружина их, как пишет Нестор, была усилена варягами, пришедшими вслед за ними из Новагорода; если они также взяли с собою и киевлян. Впрочем, мы не видим отменной многочисленности их войска. Историки византийские говорят о двухстах лодках, на которых едва ли было и 10 000 человек (см. ниже). Они шли не взять Константинополь, а грабить приморские монастыри и селения. Михаил, не имея на тот раз флота в готовности, мог удалить грабителей только молитвою или золотом. Преемник его, Василий Македонский, отправил к ним дары, желая избавить берега Черного моря и Воспора от нового опустошения. Слова Фотия, что россияне господствовали уже над соседственными землями, изъясняются вероятным предположением, что Аскольд и Дир, утвердясь в Киеве, покорили некоторые славянские племена в его окрестностях. К тому же молва народная всегда увеличивает силу неприятеля нового. — Те же самые византийские историки, которые пишут о нападении *россов* при Михаиле: Лев Грамматик, Константинов Продолжатель, Симеон Логофета, Георгий Монах, Кедрин, Зонара, описывают и поход Игорев *из Киева* в 941 году, называя тех и других неприятелей одним именем: следственно, они считали их одним народом, уже весьма известным в Константинополе около 902 году, ибо многие киевские россы служили тогда в греческом флоте (Метог. роруl. Т. II, стр. 972): о чем будем говорить ниже. Где истина сама собою представляется глазам историка, там нет нужды прибегать к странным гипотезам и выдумывать еще других *россов*, которые, по мнению Шлёцера, «в 866 году приходили на 200 судах к Царюграду, неизвестно откуда, *только не из Киева*; названы так, неизвестно для чего; ушли, неизвестно куда, и после совсем исчезли в истории, уступив имя и место россиянам киевским!» Народы не падают с неба, и не скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия.

Удовольствия малой и низкой души были единственным предметом императора Михаила, а добродетель казалась ему врагом удовольствия. Он жил на гипподроме и, восхищаясь ристанием, не хотел слушать людей, которые приходили ему сказывать о близости неприятелей; велел даже сломать так называемые сторожевые

башни, чтобы звук набата не беспокоил ушей его. Нерон, по крайней мере, любил музыку и поэзию: Михаил одних коней и распутство.

²⁸⁴ Во время императора Льва Македонского два брата, именем Гальвий и Кандид, похитили ризу Богоматери в доме одной старой галилейской жидовки, принесли в Константинополь и наконец отдали в храм Богоматери Влахернской (см. в Мин. Чет. Июля 2, сказание о сем случае, и Баера *de Russ. prima exped. Constant. стр. 380*). Сия церковь есть славнейшая в летописях восточного христианства. Имя *Влахерн* произошло от какого-то Влахерна, будто бы княжившего недалеко от Византии еще прежде времен Константина Великого. Дюканж подробно описывает ее великолепие и чудеса, которые в ней случились (*Constantinopolis Christiana стр. 83*).— О ризе Богоматери пишут здесь Лев Грамматик и Симеон Логофета; Продолжатель Константинов говорит только, что россы, *удовлетворив гневу Небесному*, возвратились домой, и что молитва Фотиева защитила Царьград. Вот слова Кедрина и Зонары: «Россы, испытав гнев Божий, удалились» (Метог. popul. Т. II, 957—958). Сам Фотий в окружной грамоте своей к архиепископам восточным, упоминая о нападении россов (Барон. *Annal. Eccles. X, 253*), молчит о действии святой ризы. Татищев, в утверждение сего чуда, приводит (см. Истории его Т. II, стр. 364) молитву из Акафиста Богоматери, где сказано: *яко же иногда древле всесильным воеводством спасла еси царствующий град свой от скифского воеводы, зверообразного, лукавого вепра, оного прегордого кагана, и рассвирепеющим морем тьмочисленные воинства потопили еси*. Хотя русские князья и назывались каганами: ибо в древнем харатейном списке *Жития Владимирова* (см. выше, примеч. 110) сказано: *похвалим же великого кагана нашей земли, Володимера* (см. также *Слово о полку Игореве*, стр. 44. московского издания): но в сей молитве говорится о другом чуде, которое описано в Синаксарии, читаемом в Субботу пятой недели Поста (см. Триодион), и случилось в VII веке. Под именем *гордого кагана* разумеется хан аварский, приступавший морем и сухим путем к Царюграду в 626 году (Метог. popul. Т. I, стр. 747).— Киевские жители употребляли имя *кагана*, вместо Государя, для того, что они долгое время были подвластны хазарским великим каганам. Далин (см. его *Gesch. des R. Schwed. Т. I, стр. 400*) угадывал, что император откупился от россов золотом. Шлёцер нашел в летописях франкских, изданных Дюшеном, что риза же Богоматери спасла город Шартр от свирепости норманов (см. его *Нестора*, Ч. II, стр. 235).

²⁸⁵ См. Метог. popul. Т. II, стр. 958, Баера *de Russ. prima exped. Const.* и Барониевы *Annales Eccl. X, 253*. Напрасно жесто-

кий ненавистник Фотия, ученый Ассемани, доказывает нам, что сей великий патриарх хотел обмануть современников и потомство и сочинил *мнимое* свое послание уже тогда, как Игнатий снова управлял Церковию: ибо (говорит Ассемани) депутаты восточных престолов на *осьмом* Соборе, бывшем в 869 году, объявили, что они не имели никакого сношения с Фотием (Kalend. Eccl. Univ. II, 254, 256). Фотий превосходил всех современников в учености: чему доказательством служит его так называемая *Библиотека* или выписки из разных книг, сделанные им для своего брата. В сих выписках упоминается о двух или трехстах сочинениях, нам совсем неизвестных (см. Extraits de Photius, в Mémoires de l'Academie des Inscr. etc. год 1738).— Древнее истинное предание, что *христианство вошло в Россию при Фотии*, ввело новейших летописцев в грубую ошибку: не сообразив разности времен, они говорят, что Фотий крестил Ольгу (см. ее *житие* в Прологе), и что Фотий же прислал епископов ко Владимиру!

²⁸⁶ Метог. popul. Т. II, стр. 962—964.— Михаил умерщвлен в 867 году, 23 сент. (см. Круга Duz. Chron. 3). Император Василий Македонский возвратил Игнатию сан патриарший (см. Баера de Russ. prima exped. Const.).— Константин так повествует: «князь и вельможи русские, в торжественном собрании слушая Евангельское учение, не хотели верить ему, но сказали греческому епископу: *брось в огонь сию книгу, и ежели она не сгорит, то мы поверим ее святости*. Епископ исполнил их волю, и Евангелие осталось невредимо. Тогда, убежденные чудом, князь и вельможи приняли христианство». В *Никон. Лет.* упоминается о сем случае, Т. I, стр. 21—22, и в *Степен. Книге* Т. I, стр. 85.

²⁸⁷ В договоре Игорева с греками сказано: «Мы же русь, елико нас крестилися есмы, кляхомся церковию Св. Илии». Далее: «а иже преступить се от страны нашея, или князь, или ин кто, или крещен или не крещен». (См. в Несторе стр. 44).

²⁸⁸ См. выше, примеч. 261. Варяги исповедывали Веру Одинову (см. исландскую Эдду).

²⁸⁹ *Никон. Лет.* говорит, что в 864 году болгары умертвили сына Аскольдова; что в 865 Аскольд и Дир воевали с полочанами, в 866 с греками, а в 867 побили множество печенегов: то есть сочинитель сей новой летописи выдумал на каждый год особенную войну для князей киевских — забыв, что в 865 году Полоцк уже принадлежал Рюрику (следственно, варягам, Аскольду и Диру, надлежало бы воевать с варягами); забыв, что в 867 году еще не было печенегов близ Киева. В *Воскресенск.* и других летописях сказано, что Аскольд и Дир, за несколько времени до своего Константинопольского похода, воевали с древлянами и *угличами* (см. ниже, примеч. 362); но в харатейных, верных списках Нестора нет

сего обстоятельства. В Демидовском Хронографе, находящемся в Университетской библиотеке, есть следующее место: «При царе Михаиле, в лето 6360, ходили русь войною из Киева града, князь именем *Бравалин*, воевати на греки, на Царьград, и повоеваша Греческую землю, от Херсона и до Скуруева и до Сурожа... о том писано в *Чюдесех Св. Стефана Сурожского*» (ни в Прологе, ни в Минее нет сего известия).

В *Никон. лет.* еще прибавлено: «возвратишася Аскольд и Дир в мале дружине, и бысть в Киеве плачь велий... Бысть в Киеве глад велий».

²⁹⁰ См. Маллетову *Histoire de Dannemarc* T. I, 146.

²⁹¹ По рукописному житию Св. князя Константина (см. выше, примеч. 214). Он нашел в Муроме все древние обыкновения славянской Веры. Св. Авраамий (см. *Пролог*) разрушил в Ростове кумир *Велесов*. В *Воскресенск. Лет.* пред годом 866 сказано: «Рюрику же княжашу в Новгороде, и роди сын и нарече ему имя Игорь; возраст же и бысть храбор и мудр». В *Никон. Лет.* означено, что Игорь родился в 865 году. Но в харатейных написано только, что он по смерти Рюрика остался младенцем: *бе бо детеск вельми*. — В *Степен. Кн.* с большею вероятностью прибавлено: «остави (Рюрик Игоря) яко двою лет». В некоторых новых исторических повестях Олег назван *племянником* Рюрика (*Др. Рос. Вивлиоф.* XVI, 53); сказано также, что последний умер *в городе Кореле*.

²⁹² Сказка, что Олег на пути своем в Киев построил Москву, есть новое изобретение, которым Г. Елагин напрасно укоряет митрополита Макария. Она находится в кратких исторических повестях (не смею назвать их летописями), сочиненных около времен царя Алексея Михайловича: например, в Кикинской рукописи библиотеки Миллеровой (в Архиве Иностран. Коллегии, № 4). В доказательство ума и знаний сего изобретения привожу слова его: «Прииде же (Олег) на реку глаголемую Москву, в нее же ту *прилѣжатъ* две реце: единой имя Неглинна, а друзей Яуза; и постави ту град мал, и прозва его Москва, и посади ту на княжение от сродников своих. Прииде же и в Киев, и убив *триех братьов*, киевских начальников, *Кия, Щека, Хорива*». Довольно. — В *Несторе*: «и приде к Смоленску с кривичи и прия град». В войске Олегом были не одни кривичи: Нестор, кажется, хочет сказать, что они более других помогли ему взять город. *Архан. Лет.* придумал разные обстоятельства. «Князь русский стоял на берегу Днепра в шатрах разноцветных. Старейшины кривичей, видя их, с удивлением спросили: кто является нам *в такой славе? князь или царь?* Тогда Олег вышел из шатра, держа на руках Игоря, и сказал им: се Игорь, князь русский! и кривичи нарекли его своим государем».

Так в новейшие времена украшали простые Несторовы сказания. — По одной догадке прибавлено в некоторых летописях, что смоленские кривичи отказались платить дань Олегу, и что он за то взял их город.

В *Троицк.* списке именно сказано, что Олег оставил в Смоленске *боярина*; в *Пушкин.*: «посади муж свой». В первом нет о Любече; но во втором: «взяв Любеч и посади мужи свои». Ныне Любеч есть торговое местечко, губернии Черниговской, на Днепре.

Новые историки и летописцы русские говорят от себя, или веря Стриковскому, что бедствие, претерпенное Аскольдом и Диром на Воспоре, заставило Олега идти к Киеву; но между сими двумя случаями прошло 16 лет. Из Несторовых слов: *придоста к горам Киевским, и уведо Олег, яко Аскольд и Дир княжита*, заключим ли, что сей князь только под Киевом узнал о державе их? Вероятно ли, чтобы между варягами киевскими и новгородскими в течение осьмнадцати лет не было никакого сообщения? Вероятно ли, чтобы Олег с войском многочисленным скитался без цели и намерения, не зная, какие места встретятся ему на пути его?

²⁹³ Нынешний так называемый *Старый город*, между Киево-Печерскою крепостию и Подолом: место редкое своим красивым видом.

Олег, по *Никон. Лет.*, сказался больным, велел объявить киевским владетелям, что у него множество *бисера драгоценного*, и что ему надобно говорить с ними о важном деле! Жаль, что сия выдумка укрылась от внимания некоторых историков: они доказали бы нам, что купцы новгородские в IX веке торговали *жемчугом восточным!*

²⁹⁴ Итак, Олег признавал Игоря законным государем и думал властвовать его именем. В летописи: «*и вынесоша Игоря*»: следовательно, младенца (см. выше, примеч. 291).

²⁹⁵ Не Ольгин, как думал Щербатов, поверив *Синопису*. Кто был сей Ольма, без сомнения, знаменитый человек в древнем Киеве? неизвестно. Шлёцер (Nestor Ч. II, стр. 63) называет его строителем церкви Св. Николая: почему? Летописец не говорит того. — Далее: «а могила Дирова за Св. Ориною». Не за монастырем ли Св. Ирины, основанном при Ярославе? См. печатн. *Нест.* стр. 105 и *Путешествие в Киев некоторых духовных особ.* Тащев думал, что киевляне построили в новейшие времена церковь над могилою Аскольда в знак его христианского благочестия: догадка сомнительная. Ежели бы в древнем Киеве было предание о христианской вере сего князя, то Нестор сохранил бы оное в своей летописи.

²⁹⁶ «И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: се буди *мати* градом русьским; и беша у него варяги и словени и прочии, и прозва-

шася Русь». Но Аскольд и Дир еще до Олега сделали имя *Руси* известным в сих местах и в Греции, так что Киевская область в XII и в XIII веке преимущественно называлась у нас *Русью* (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 316, и Т. III, примеч. 74, год 1193).

²⁹⁷ Мы видели, что он в Смоленске оставил своего боярина. В договоре, заключенном после россиянами с Грециею (см. ниже), сказано, что Олег имел под рукою своею многих князей или вельмож, которые управляли городами.

²⁹⁸ *Гривна* означала 1) украшение золотое, носимое князьями и вельможами на шее; 2) вес и монету числительную. В *Уставе ратных дел*, писанном в царствование Василия Иоанновича Шуйского, сказано (Т. II, стр. 17), что «ядро пищали (пушки) *Василиска* весило 70 *гривенок*, и что 240 таких ядер составляли 168 *контарев*, а в контаре два пуда с половиною (стр. 18)». Следственно, *гривенка* в общем смысле веса означала *фунт* (так показано и в наших древних рукописных Арифметиках, с прибавлением, что *малая* гривенка есть $\frac{1}{2}$ фунта). Но в металлах драгоценных под именем *гривны* разумели только 48 золотников или немецкую марку. Леонтий Магницкий в Арифметике своей, напечатанной по приказанию государя Петра Великого в 1703 году, и выбранной отчасти из старинных математических славянских книг, говорит (лист 37 на обороте), что гривна серебра имеет в себе 16 лотов, а гривна золота 56 червонцев. Имеем еще вернейшее свидетельство. В Посольских делах прусских (см. в Архиве Иностран. Коллегии № 1, л. 146, год 1518) сказано: «Зоветца *марка*, а у нас по-русски *гривенка* (серебра)... и кояждо гривенка на 16 лотов разделитца». — И в летописи Несторовой и в Русской Правде за числом гривен означает металл, когда говорится о золоте; но где речь идет просто о гривнах, там всегда разумеется серебро. Но как *ходячая монета* древних россиян была действительно не серебряная, а *кожаная* (см. ниже, примеч. 524 и 527), то под именем гривны надобно разуметь единственно монету *числительную*, которая *сначала* хотя и представляла цену серебра, но скоро, не имея достоинства внутреннего, унизилась в отношении к металлу и к вещам.

²⁹⁹ «Устави (Олег) дани словеном, кривичам и мерям варягом дань даяти, от Новгорода гривен 300, *мира* деля» (для). По точному смыслу летописи не один Новгород, но и другие народы русские платили варягам, хотя Нестор рассказывает только, что обложены были новгородцы, для соблюдения мира и дружбы с корыстлюбивыми воинами скандинавскими. Вместо того, чтобы давать им жалованье из казны, Олег разложил его на свои области. Узнаем впоследствии, что Новгород, кроме сего жалованья, платил еще особенную дань государям киевским.

³⁰⁰ То есть между семи народами, по Несторовой географии, не было иных. Кривичи восточные, или Смоленские, могли граничить с клещинскою мерею в нынешней Московской губернии. О дани древлянской сказано: «по черне куне»: с человека или с дыма? второе вероятнее. Дома можно было исчислить скорее людей. Так, киевляне, северные и другие, платили козарам по белке с дыма.— Олег, уже прежде взяв на Днепре город северян, Любеч, еще не завоевал тогда всей их области.— О дани радимичей: «и вдаша Ольгови по щлягу, яко же козаром». Они платили одну дань с вятичами, которые (что увидим в княжение Святослава) давали хану *по щлягу с сохи*. Сия монета (у поляков *szelag*) есть то же, что шиллинг немецких народов.— Следственно, радимичи имели уже *деньги* в IX веке? Сначала сказал летописец, что козары обложили их только веверицами (см. Т. I, стр. 54); но быть может, что радимичи и вятичи, имев долговременное сношение с козарами, получили от них монету.— По миролюбивому расположению козаров новейшие арабские историки говорят, что мнимый праотец сего народа, именем *Козар*, — был человек кроткий, благодетельный и молчаливый (см. в Эрбелот. *Biblioth. Orient.* под словом *Khozar*).

³⁰¹ В летописи сказано только, что Олег *имел рать* с суличами; но как наследники его без войны уже владели берегами Сулы, то заключаем, что сей народ был покорен Олегом. Суличи принадлежали ко племени северян (см. *Нестор*, стр. 7).— Лутичи и тивирцы жили по Днестру до самого моря: быть может, что печенеги, завладев в X веке берегом Черноморским, принудили их отчасти удалиться в Подольскую губернию или Галицию.

³⁰² Сих угров, то есть нынешних венгров, Нестор в одном месте называет *черными*, а древних угров, известных еще в Ираклиево время, *белыми* (см. выше, примеч. 41). «Придоша (*Нестор*, стр. 10) угры *бели* и наследиша землю словенску». Ниже, стр. 11: «идоша угри *чернии* — (так в харатейных и других списках, кроме *Кенигсберг.*, где нет сего прилагательного) — мимо Киев, после же при Ользе» (Олеге). По восточному обыкновению *белое* означало у славян или *великое* или *древнее*: так Великая или древняя Хорватия называлась *Белюю* (Метог. *popul.* II, 390); так дунайские болгары в Игоревом договоре (*Нест.* стр. 42) именованы *черными* в отношении к Великой Болгарии; так Венгрия около X века разделялась на *Белую и Черную* (см. Гебгард. *Gesch. des R. Hungarn*, Т. I, стр. 362 и 376 Пестск. изд. 1802). Константин Багрянородный пишет, что венгры, изгнанные печенегами из Лебедии, страны Козарской, обитали там три года, и помогали кагану на войне (в Бандури Т. I, стр. 107). Тунман изъясняет, что вместо *трех* лет надобно читать 203 года (*Gesch. der Östl. Völk.*,

стр. 106): «ибо угры с 680 году находились в подданстве у каганов». Но сии изгнанные печенегами угры могли быть новыми пришельцами. Константин говорит, что они не имели государя, ни *собственного*, ни *чужеземного* (*principem vel indigenam vel alienigenam habuerunt nunquam*): следственно, не были действительными подданными кагана, хотя и помогали ему на войне, кажется, за то, что он дозволил им обитать в его владениях.— история древнейших угров, или урогов, гунигуров, сарагуров и проч. исчезает в византийских летописях около VI века. Кажется, что сей народ, побежденный козарами, смешался с ними.

Спрашивается, откуда пришли венгры? Нестор пишет: *от Востока*, а древнейший венгерский летописец говорит: *из-за Суздаля* (см. ниже). Путешественники XIII века, Иулиан, План Карпин, Рубруквис, нашли в соседстве с Казанскою Болгариею, между Уралом и Волгою, людей, говорящих языком венгерским (см. Бергероноу *Voyages en Asie* T. I, и Прая *Dissert. II in ann. veter. Hung.*, стр. 36—39). Рубруквис именует сию страну *Pascatir*, т. е. Башкирию: из тех же, или окрестных мест, вышли, как вероятно, в V веке и древнейшие угорские племена, унногуры, гуннагары и проч. (см. выше, примеч. 41). Башкирцы говорят ныне языком татарским: надобно думать, что они приняли его от своих победителей и забыли собственный в долговременном общежитии с татарами.— Другие искали древнего отечества венгров или угров за Каменным поясом на берегах Оби и Сосны, в земле Югорской (см. выше, примеч. 73), основываясь, во-первых, на сходстве имени, а во-вторых, и на сходстве языка вогуличей и березовских остяков с венгерским (Прая *Dissert. II in ann. vet. Hung.* стр. 18—34, и Гиармати *Affinitas linguae Hung. cum linguis Fenicae originis*); то есть полагали венгров единоплеменниками финнов. Так думали и россияне XVI века, по уверению Герберштейна (*Reg. Moscovit. Comment.* 63). Но Константин Багрянородный называет венгров турками, и в языке первых находится весьма много турецких слов (см. Прая *Dissert. V in an. vet. Hung.* стр. 106—108). Имена древних вождей маджарских суть также неоспоримо турецкие: Сельмуц, Арпад, Кузан, Кархан, Салтан и проч. (*Метог. popul.* III, 590). Самый народный характер отличает венгров от финнов: первые имели всегда дух воинственный, сражались обыкновенно на конях и жили, как половцы и другие татарские племена, в *вежах* (Нест. стр. 20) или в кибитках. Впрочем, некоторые и финнов производят от гуннов и считают единоплеменниками аваров, печенегов и других турецких народов (см. Прая *Dissert. I*, стр. 8—14): верно; но финны утратили свой первобытный азиатский характер, отделясь от них в глубокой древности; а маджары сохранили его.

Венгры сами себя называют маджарами или мадиарами, и в

восточных летописях известны под сим же именем. Но вероятно, что общее, древнейшее имя сего народа есть угры, и что маджарами называлось прежде какое-нибудь особенное, сильное племя. Константин Багрянородный говорит, что венгры в IX веке разделились на семь поколений, из которых одно именовалось Меуєрѣ (в Бандури Т. I, стр. 109): кажется, *маджарами*.

Далее Константин пишет, что в стране Лебедии, названной так по имени знаменитейшего воеводы угорского, Лебедея, течет река Хингил: вероятно, Ингул, или Ингулец (Метог. popul. III, 608). Область угров не простиралась ли от Харьковской губернии до порогов Днепровских и до устья реки Ингульца? Оттуда могли они иметь сообщение с дунайскими болгарами, о котором упоминают византийские летописцы между 829 и 842 годами (Метог. popul. III, 614). Тунман искал Лебедии в верховье Ингула, в бывшем Киевском воеводстве (Gesch. der Östl. Völk. 142), где монастырь и лес доныне именуются Лебединским (см. Hist. de la Tauride par Sestrenczewicz, II, 89).— С Несторовым сказанием, что угры шли мимо Киева, согласны и венгерские летописи (см. ниже); но когда? Нестор назначает 898 год, *Нотарий короля Белы* 884, Константин 894 или 899. По известиям франкских летописцев (Шлёц. Nestor, III, 140), угры завладели Молдавию в 894, а по мнению Тунмана (стр. 107) и Гаттерера (Allgem. Weltgesch. стр. 570), еще в 883.

В Кавказской губернии, на реке Куме, видны остатки и развалины каменных зданий, называемые *маджарами* (см. Sammlung Russ. Gesch. IV, 22, и Бишинг. Hist. Magazin, V, 533). Думают, что на сем месте был город угров, бежавших от печенегов на границу Персии. Имя, кажется, действительно происходит от них. Хотя некоторые ученые путешественники утверждали, что славные развалины Кумские есть единственно остатки великолепного магометанского кладбища, принадлежавшего моголам, которые с XIII века господствовали между Азовским и Каспийским морем (см. Гильденштет. Reisen durch Russland, II, 27 и Палласов Voyage dans les gouvern. merid. de l'emp. de Russie I, 264); однако ж о *городе Маджарах* именно упоминается в наших летописях XIV века.— Паллас говорит еще о *Маджарском* соляном озере, близ Кумы, и других развалинах, известных черкесам под именем *Маджар-Юна* или *домов Маджарских*.

Шлёцер хочет доказывать, что место Угорское близ Киева названо так от своего положения *у горы*: но самая гора называлась сим именем. Нестор говорит: «Приплы *под* Угорское... Несоша на гору, еже ныне зовется Угорское» (Нест., стр. 18 и 19).

Безыменный венгерский летописец, так называемый Нотарий короля Белы, писавший не ранее XIII века, рассказывает следующую *сказку*: «угры под начальством воеводы Альма, *родственни-*

ка славного Аттилы в 884 году тронулись из Скифии, где знатные люди и пастухи носят собольи шубы, где в реках блистают драгоценные камни, где золота и серебра множество; вошли в Суздаль, и в окрестностях Киева переправились чрез Днепр. Там вздумали они завладеть Россиею. Ее герцоги, или воеводы (duces), узнав о сем намерении, призвали к себе на помощь семь куманских (половецких) воевод; но Дух Святый был союзником Альма. Сей Герой сел на коня и сказал воинам: *о скифы, товарищи! вы, долженствующие оружием приобрести себе отечество! испугаетесь ли множества россиян и куманов, подобных нашим псам, которые боятся голоса своих господ? Не число, но великодушие побеждает. Разве не знаете, что один лев, по словам некоторого философа, обращает в бегство многих еленей? Не погиб ли Кир с 330 000 воинов в Скифии? Не бежал ли от наших предков Дарий, потеряв 800 000 человек, и сам Александр, сын короля Филиппа и королевы Олимпиады? Итак, поразим сих неприятелей как мух!* Угры, затрубив в воинские трубы, наголову побили русских, и мечами своими секли головы половецкие, как сырые тыквы (crudas cucurbitas). Видя сие геройство, воеводы русские согласились давать Альму ежегодно по 10 000 марок, и сверх того съестный запас, одежду и другие надобности, прося его, чтобы он шел чрез Галицию за лес Говос, в Паннонию, где некогда царствовал его предок Аттила; где много рек изобильных рыбою, и где живут славяне, болгары, влахи, римские пастыри. Альм согласился: тогда воеводы, киевский и суздальский, прислали ему аманатов, 10 000 марок, 1000 лошадей с нарядными уздами и седлами, 100 мальчиков куманских, 40 вельблюдов и проч. Воеводы куманские, видя милость Альмову, упали к ногам его и сказали: *отныне будь государем нашим, и куда судьба поведет тебя, туда и мы с тобою!* С обеих сторон, угры и куманы, дали друг другу присягу в верности и вместе отправились в Паннонию; а с ними и многие русские, которые донныне живут в разных местах Венгрии. Жители киевские повели их к городу Лодомиру, или *Владимиру*. Тамошний воевода с дарами встретил Альма, который пробыл в сем месте 3 недели. Воевода владимирский дал ему аманатов, 2000 марок серебра, 100 марок золота, 300 коней с уздами и седлами, 25 вельблюдов, 1000 волов и проч. В четвертую неделю пришел герцог Альм в Галицию и захотел отдохнуть. Галицкий воевода со всеми своими вышел босой навстречу к нему, принял его как государя, дал ему аманатов, 100 лучших арабских и 300 других коней, 3000 марок серебра, 200 марок золота, для него и для всех воинов; но чрез месяц просил его идти на запад, в Паннонию, где царствовал некогда Аттила, и проч. Альм согласился, и воевода галицкий дал ему 2000 стрельцов и 3000 крестьян,

чтобы проложить дорогу чрез лес *Говос* до границ Венгрии», и проч. (Anonymi Belae Regis Notaria Hungarica, в *Шванднеровом собрании венгерских историков* Т. I, стр. 3—10). Сказка недостойная имени летописи! Так думали все хорошие историки — Прай, Тунман, Гаттерер, Гебгарди. Шлёцер убедительнее других представил ее нелепость (см. его Nestor, Ч. III, стр. 132). Нотарий короля Белы, видя в свое время россиян и команов между венгерцами, думал сею баснею изъяснить, каким образом они зашли в его отечество. Но половцев не было там до 1070 году (см. Гебгард. Gesch. des Reichs Hungarn и Шлёц. Nestor, Ч. III, стр. 137). В России также не знали их при Олеге. Волынский город Владимир построен уже великим князем Владимиром. Такие анахронизмы доказывают невежество венгерского летописца. Нотарий, по невероятному мнению Шлёцера, хотел оправдать властолюбивые замыслы венгерцев, которые в его время старались присвоить себе Галич и Владимир: для того он выдумал, что сии области были некогда в подданстве у герцога Альма. — Россияне, живущие в разных округах или графствах Венгрии, на левой стороне Дуная, поселились там, без сомнения, в древние времена, но только уже христианами (не ранее XI или XII века): ибо они все были греческого исповедания, следственно, не в католической Венгрии приняли христианскую веру. Хотя византийские летописцы, Иоанн Скилицис, Кедрин, Зонара, говорят о двух венгерских князьях, Булосуде (Бульце) и Гиле, которые в X веке крестились в Цареграде и взяли с собою монаха Иерофея, названного первым епископом народа их (Метог. popul. Т. III, стр. 620); но сей случай не имел важных следствий, и христианство утверждено в Венгрии только при Гейзе, римскими, а не греческими миссионариями (Гебгарди Gesch. des Reichs Hungarn, Т. I, стр. 361). — Жестокие утеснения заставили наконец бедных венгерских россиян пристать к Унии. Один из них, Г. Орлай, штаб-лекарь двора нашего, говорит в сочинении своем о *карпато-россах*: «мы лишились отечества. Закона прародительского и свободы!» Число их, по известию Г. Орлая, простирается до 800 000. Они говорят и пишут совершенно русским наречием. В пример сообщаю одно из их новейших стихотворений:

Русские Музы! с Карпатских снидите гор,
До Уга; во мой ставтесе Владычий двор.
Внушите: от Песта весть радостну приях,
Что праздник строится на Дунайских струях.
Францишк, граф Сечени, Угорский Аполло,
Его же имя во Европе процвело,
Венгерския библиофеки создатель,
Здешних народов Музам истый приятель,
На день Обручнику Иосифу святой,
Князю Палатину тезоименитый,

Готовит пир и изрядное торжество,
 Сообщаяй себе в том все отечество.
 Для того подданным Музам разгласил Собор,
 Да сберутся на Парнас, то есть его двор.
 Той Царевичу представит оных лики,
 Игры, приветы и веселы мусики.
 В храм Славы показывает Музам дорогу,
 Аможе с вами тщуся, колико могу.
 Сих ради и вы, моя дщеры любезны!
 Кончайте скорьбь, и лиять потоки слезны.
 Невску престаньте Нимфу плакати*:
 Даст Небо ей во сестре равной востати.
 Прочь слезы и черны ризы! мрак отходит;
 Вновь солнце восходяй, нов свет нам вводит...
 Вем: Паллас при Неве престол положила —...
 Карпат Славянов есть истый отец, мати;
 Но рассеянны дети то не ищут знати.
 Буди тако: вы от Перемесских токов
 Далеко: да живет тамо Сумароков!
 Любовь, верность, кротость, простота природна,
 Паче правильных рифмов князем угодна — и проч.

Нестор пишет далее, что угры шли чрез горы, названные после *Угорскими*: то есть Карпатские.

³⁰³ По *Троицк.* списку, от 885 до 906 года. Сию пустоту наполняет Нестор извлечением из византийских летописей о царствовании Льва и Александра (которое нимало не касается до нашей истории), сказанием об уграх, славянских буквах, переводе церковных книг, апостоле Павле и Андронике, мнимых учителях славянского народа, и наконец о браке Игоре: «Игореви же возрастшу, и хожаше по Ользе и слушаше его». Другими словами: «Он не имел никакой власти при Олеге!»

Город Псков обыкновенно именуется Плесковым в наших древнейших летописях: следственно, он уже существовал тогда, по словам Нестора, вопреки баснословию *Степенной Книги*, говорящей (стр. 30), что на его месте, при Ольге, был великий *лес со многими дубравами*, и что она, увидев там *чудесное сияние*, предсказала бытие Пскова. Татищев дополнил сие известие, сказав, что Ольга, возвратясь в Киев, послала множество серебра и золота в Изборскую область на строение нового города (его *Ист.* Т. II, стр. 41). Елагин, веря ему более, нежели древнему летописцу, удивляется заблуждению великого историка Ломоносова и невежеству Миллера, которые говорят, что Псков уже был в 903 и 947 году! — Рукописное *Житие Св. Ольги*, которое я нашел в Троицкой библиотеке, сочинено не ранее XVI века: так думаю по новому слогу его. Следственно, оно не может иметь никакой исторической достоверности в происшествиях древних.

* Великую княгиню Александру Павловну.

В *Житии Ольги* и в *Степен. Книге* сия девица сельская говорит весьма умную речь *нескромному* Игорю: напоминает ему обязанности государей; уверяет его, что она во глубине реки спасет свою невинность, и проч. и проч. См. также *Минею*.

³⁰⁴ Метог. popul. II, 972 и 1035.

³⁰⁵ Нестор именуется здесь и вятичей, но, кажется, ошибкою: ибо сам говорит после, что до времен Святославовых они не признавали над собою господства князей российских. Олег, по *Троиц. списку*, ходил к Царюграду в 906 (а не в 907 году): «в лето 6914 иде Олег», и проч.

³⁰⁶ Днепровские пороги, говорит г. Зуев, суть не что иное, как быстрое стремление воды по камням большим и малым, которые лежат в реке и мешают судоходству. Они простираются на 65 верст. Главных считается 13 (см. *Записки В. Зуева* стр. 253). Правительство давно уже старается очистить безопасный путь для судов сквозь сии пороги.

³⁰⁷ Константин, говоря о своем времени, именуется печенегов; но летописец наш еще не упоминает об них при Олеге. Впрочем, они, по византийским и другим известиям, могли уже быть тогда в Екагеринославской губернии (см. ниже). Достоин замечания, что имя главного порога, *Ненасытского* (см. *Записки В. Зуева*), от времен Константиновых сохранилось донныне; император называет его *Νεαστή*, ибо там на высоких камнях гнездились *неясыти*. Россияне находили способ проводить суда чрез другие пороги, но в сем месте обыкновенно влекли их берегом (Метог. popul. II, 982).

³⁰⁸ Гиббон так описывает характер сего императора: «Леон удостоился имени Философа. Соединение власти с мудростию, тонкого умозрения с полезною деятельностью, можно назвать совершенством человека; но Леон был весьма далек от сего воображаемого превосходства. Разум господствовал ли в нем над страстями? Леон провел жизнь в роскоши двора, в обществе жен и наложниц. Милосердие и миролюбие его было действием слабости и характера беспечного. Победил ли он предрассудки свои и народные? Душа его омрачилась самым ничтожным суеверием. Законы его утвердили излишнюю власть духовенства и заблуждение народа: его пророчества о судьбе империи основаны на астрологии и мнимом волшебстве. Но Леон назван мудрым для того, что был воспитан ученым Фотием; что многие книги им или под его именем написаны, и что он жил во времена общего невежества» (Decline and fall of the Roman Empire, T. VIII, гл. XLVIII).

Нестор пишет, «замкнули (греки) Суд». В разных новейших списках его прибавлено: «цепию, веригами». русские историки голковали, что он под именем Суда разумеет Воспор, или канал, соединяющий Черное море с Белым, или Пропонтидою; но визан-

тийские летописцы говорят, что в случае опасности греки преграждали цепию не канал, а только гавань или залив его, называемый Рогом, Κεραζ, Syrus Ceraticus (Дюканж. Constantinopolis Christiana, гл. VI Catena, стр. 9—10). В 707 году сия цепь спасла Царьград от аравитян, а в 822 от мятежника Фомы; но не могла спасти его в XIII веке от крестовых воинов, ни в XV от турков. Она была проведена от Акрополя до Галатской башни, в таком месте, где сей залив несравненно уже Воспора (см. план Константинополя в Бандури, Т. II, и в Шевалье Voyage de la Propontide Т. I). Шлёцер предлагает другое изъяснение: он думает, что Несторов Суд есть окоп, или византийское слово Σουδα, которое значит ров, обнесенный тыном: fossa, seu potius vallum vel sudes (тын), quibus vallum ipsum et castra muniuntur [ров, или, скорее, вал или тын, которыми защищаются сам ров и крепость] (см. его Nestor, Ч. III, стр. 258 и след.); но сие изъяснение явно несправедливо. Летописец четыре раза говорит о Суде. 1) Аскольд и Дир вошли со флотом *внутрь Суду* (Нестор, стр. 17); 2) греки замкнули Суд от флота Олегова; 3) Игорь пожег весь Суд (стр. 4), не Суды, как сказано в некоторых новейших списках; 4) Ольга, прибыв в Царьград на корабле, долго стояла в Суде (стр. 54). Каким же образом флот Аскольда и Диры вошел *внутрь окопа*? как *замкнуть окоп*, и как Ольга могла въехать в него с кораблем своим? Но разумея под именем Суды гавань, все находим ясным. Так и древний *Новгород. Лет.*, напечатанный в Москве, говорит (стр. 66), что франки, овладевшие в 1204 году Константинополем, вошли сперва в Суд, *разбив железные замки его*; мы знаем, что они вошли в гавань цареградскую, разбив цепь, которою он был замкнут (Constant. Christiana, гл. V). Суд древнее ли русское имя, означавшее *судовую* пристань? или византийское Σουδα, которое, может быть, употреблялось и в смысле укрепленной гавани? или германское Sund, как варяги могли назвать залив Воспора (см. Круга Вуз. Chron. 197)? Последнее кажется вероятнее.

³⁰⁹ Магомет велел тащить, от деревни Бешикташа до Галаты, 80 галер по сосновым *насаленным* доскам, в то место гавани, которое называется ныне Кассим-Паша (см. *Кантемир. Историю Оттом. Порты*, кн. III, и Риттерова *описание константинопл. осады*, в немец. Allgem. Gesch.). Турецкие сказочники также говорят, что парусы сих галер развевались на сухом пути.— В некоторых русских исторических повестях прибавлено следующее забавное обстоятельство: «сотвори (Олег) кони и люди бумажны вооружены и позлащены, и пусти на воздух на град; видев же греци и убояшася» (*Др. Рос. Вивлиоф.* XVI, 54).

Нестор утверждает, что греки действительно хотели отравить россиян, и удивленные догадкою князя, сказали: «нести се Олег,

по Св. Димитрий, послан от Бога на ны». Димитрий Солунский был храбрый воин.

В летописи сказано, что Олег требовал с греков «по 12 гривен на человек». Г. Болтин хотел доказать, что здесь слово *человек* есть винительный падеж множественного числа, и что Олег взял 12 гривен на людей, бывших в каждой лодке: «ибо летописец скал бы в единственном: *на человека*». Г. Болтин не заметил, что Нестор и во многих других случаях не различает падежей именительного и винительного; например Ольга, по всем древним спискам, говорит древлянам: «пойду за *князь* ваш», а не *князя*. Ежели бы Олег требовал дани на суда, то летописец не имел бы нужды означать в сем месте число людей; но он тотчас прибавляет: *а в корабле 40 муж*, чтобы исчислить сумму.

В *Троицк.*: «дабы не воевал (Олег) граждан по пристанищем». К сожалению, в *Пушкин.* харатейном списке нет 12 листов, и я должен был от 898 году до 929 руководствоваться одним *Троицким*, сравнивая его с *Ипатьев.*, *Хлебников.* и с другими новейшими.

³¹⁰ В подлиннике: «12 гривен на *ключ*». Татищев, желая умерить дань, сказал, что *ключ* есть лодка; но чем же можно утвердить истину сего толкования? В какой старинной русской книге, в каком славянском наречии слово *ключ* знаменует лодку? (Поляки называют *ключом* несколько деревень, составляющих одно владение: eine Herrschaft, eine Reihe von Landgütern, сказано в Лексиконе Г. Линде. Другие толкуют, что *ключ* есть *весло*: ибо мы называем *уключиною* на лодке столбик с петлею или два столбика, между коими ходит гребное весло).

Нестор уже означил выше Олегово требование (см. выше, примеч. 309) и сказал, что греки *согласились* на оное: «и яшася греци по се». Следственно, они дали по 12 гривен на воина, и слово *ключ* употреблено здесь в смысле *человека*. Всякой язык имеет некоторые особенные выражения, в коих принадлежность вещи берется на самую вещь. Так Нестор пишет: «по белей веверице *от дыма*», вместо *с дома*, и: «по щягу *от рала*», вместо *земледельца* (в печатн. стр. 16 и 56). Можно думать, что каждый славянин, запирая драгоценнейшую собственность, обыкновенно ходил с ключом, привязанным к поясу (что делают и ныне русские крестьяне и простолюдины); оттого стали говорить: *на ключ*, вместо: *на человека*. В сем же смысле сказано в *Арханг. Лет.* (стр. 43), что новгородцы дали варягам по гривне *на щит*, вместо *на воина*. Прибавим также, что в некоторых летописях именно сказано: «нача (Олег) дань имати на 2000 кораблей, *на человека* по 12 гривен» (см. *Московск. Летоп.* л. 139, в Синодальн. Библиот. № 52).

Чтобы судить о вероятности означенной дани, надобно иметь

понятие 1) вообще о суммах, какие норманы или наши варяги брали в IX и X веке с народов, ими побеждаемых, и 2) о тогдашнем богатстве греков. В 810 году норманы пришли на 200 кораблях в Фрисландию и взяли с жителей 100 фунтов серебра (*Annales Fuldenses*, в Дюшене Т. II, стр. 541). Город Париж заплатил им в 845 году 700 фунтов серебра (Т. III, стр. 201). Карл *Плешивый*, заключив мир с норманами, дал им в 866 году 4000 фунтов серебра (Дюшен. Т. III, стр. 255). В 884 году они требовали с Карломана 12 000 фунтов чистого, пробного серебра (XII millia pondera argenti puri atque probati), обязываясь 12 лет не тревожить набегами областей его (*Annales Metenses*, Т. III, стр. 320). Сии места летописей приведены Г. Кругом в его сочинении *Münzkunde Russlands*, стр. 166—173. Что принадлежит до греков, то они в X веке были, конечно, самым богатейшим народом Европы. Например: в 902 году жалованье войска их, отправленного в Крит, составило 271 010 *солидов* или червонцев. Императоры ежегодно дарили в церковь Св. Софии 120 лир золота. Кто хотел войти в число императорских телохранителей, тот вносил в казну 504 *солида* (см. Констант. de Cerim. стр. 378, 20, 21, 107, 400; в сочин. Г. Круга *Münzk. Russl.* стр. 177, 185). В Константинополе, без сомнения, можно было собрать несколько миллионов рублей (о цене гривны в древней ходячей российской монете см. ниже, примеч. 527). Однако ж вероятнее, что Нестор увеличил взятую дань или число Олеговых воинов. Россияне, в 1043 году приступив к Константинополю, требовали с греков по три фунта золота на каждого из своих ратников; но император отвергнул сие требование как нелепое (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 37).

Укладами называлась дань или налоги.— Здесь упоминается о Переяславле: следственно, сей город (на реке Трубеже, в 60 верстах от Киева: ибо мы не знаем иного в древней России) был уже в Олегово время? Полтеск есть Полоцк.— В *Кенигсберг.* списке сказано ниже: «*великие князи*»; в других просто: «*князи*», подданные Олеговы.

³¹¹ В *Кенигсберг.* и других списках: «да приходяще русь, слубное емлють, елико хотяче». В *Никонов.*: «*снедное*»; в печатном Несторе также; в *Троицк.*: «дань емлють, елико хотяче». Истинное Несторово слово есть *сольбное*, которое употреблено в договоре Игоря с греками (см. ниже) по харатейным спискам, в такой же связи, как и здесь. *Сольба* значит посольство; а *сольбным* называлось то, что давалось чужестранным послам на содержание. Писец в *Троицк.* списке хотел изъяснить сие значение словом *дань*, которого древний смысл есть *дар*.— Нестор именует здесь русью послов, отличая их от купцов русских. Трактат Игорев объясняет темное в Олеговых условиях.

В Константинополе жалование войску, церковным служителям и хлеб из казенных магазинов выдавался обыкновенно *помесячно* (см. Дюканж. Glossar., в словах *Μηναια, Μηναιορογιον*). Греки обязывались только 6 месяцев содержать всякого купца русского: иначе сии гости долговременным пребыванием своим в Цареграде могли бы обременить их.

³¹² В *Троицк.*: «да творят им *мовницы* (в Кенигсберг. *мовь*) елико хотять». *Мовницею* и *мовью* называлась баня. Так в *Пушкин.* и *Троицк.* сказано, что Ольга для послов древлянских (см. ниже) велела *сотворить мовь*, т. е. изготовить баню. Издатель Кенигсберг. списка, вспомнив польское слово *Mowa* (*речь*), изъясняет, что выражение: «да творять *им* мовь, елико хотять», знаменует: *да объявят им!* Константинополь славился народными банями (Constantinopolis Christiana, гл. XXVII, стр. 88). Дюканж описывает их двадцать четыре; так называемые *Зевксипповы* были украшены мрамором и статуями великих Поэтов, Ораторов, воинов; в некоторых банях мылись и женщины и мужчины (Balneum duplex, в *Constant. Christ.* стр. 94).

³¹³ Между городскими стенами и Воспором. Там была церковь и монастырь Св. Мамы, дворец, портик и гавань (Бандури *Imperium Orientale*, Т. II, стр. 719, и Дюканж. *Constant. Christiana*, кн. IV, стр. 185). Французы, овладев Константинополем в 1204 году, увезли голову Св. Мамы, которая хранилась в тамошней церкви. Далее в летописи: «возьмут месячное свое, *первое* от града Кыева, и *паки* из Чернигова, из Переяславля, и прочии грады». Шлёцер не находит тут смысла: Болтин, в примечаниях на Историю Щербатова, говорит, что сии слова ошибкою перенесены из одной статьи в другую; но они и в Игоровом договоре стоят в такой же связи. Ошибки нет, и смысл ясен: сочинитель договора означает, из *каких* городов россияне приезжали в Константинополь: 1) киевляне, 2) черниговцы — и проч. Слова: *первое* и *паки* (вместо *во-первых* и *во-вторых*) относятся здесь единственно к порядку, в котором наименованы жители сих городов.

³¹⁴ Нестор говорит о двух царях греческих: Льве и брате его Александре, который действительно имел титул царя (см. ниже, примеч. 317), хотя Лев по смерть свою один управлял империею (см. *Гиббона* Т. VIII, гл. 48, стр. 356. Базельск. издания). Политика могла заставить Олега чтить богов и Веру главного народа в государстве своем.

³¹⁵ Стриковский (см. в его Хронике гл. III) видел на Галатских воротах, против Константинополя, изображение всадника, бывшего московским гербом, и думал, что сей всадник списан там с древнего щита Олегова! Князь *мог* повесить щит свой на Цареградских воротах, но греки не захотели бы долго им любоваться; и

Св. Георгий не был, конечно, гербом Олеговым. В другом месте Стриковский пишет, что под сим гербом находилась греческая надпись, и что содержанием ее были славные дела Владимира Святого, зятя греческих императоров.— Норманские храбрецы выставляли иногда щиты свои на городских воротах в знак мира: чем ютландские короли, Готфрид и Сигфрид, в 882 году обманули воинов императора Карла *Тучного*, заманив их безоружных в крепость свою и взяв в полон (см. Fortsetzung der Allgem. Weltgesch. Ч. XXXII, стр. 395).

Летописец говорит, что Олег на возвратный путь велел сшить русским *пре паволочиты*, парусы из шелковой ткани, а славянам *кропные* или *полотняные* (ибо из кропивы делается особенный род полотна); но что ветер разорвал их, и славяне сказали: «нам не даны такие парусы; возьмемся опять за свои *толстины*», или холстинные. Нестор поверил сказке. Так, в *Слове о полку Игореве*, желая изобразить богатство добычи его в земле неприятельской, сочинитель говорит, что русские *мостили мосты на болотах* Половецких узорочьями (стр. 11).— Древнее слово *пре* или *пря* (так в некоторых списках) имеет связь с глаголом *пряду*.

В *Троицк.* списке: «и прииде Олег к Киеву, неся злато и паволоки, овощи и вина, всякыя узорочья, и прозваша Ольга *вещий*: бяху бо людье погани и *невеголоси*» — то есть *невежды* (см. Стоглав, вопрос 16, гл. 41).

³¹⁶ Лев Грамматик, Симеон Логофета, Продолжатель Константинов, Георгий Монах, Кедрин, Зонара — самые те, которые повествуют о нападении россиян в 866 и 941 году. Но следует ли заключить, что происшествие, ими не описанное, должно быть выдумкою? Нет: 1) вообще от 813 до 959 года византийская история, по замечанию Баера, весьма неполна (см. Шлёцер. Nestor, Ч. I, стр. 13); 2) не все летописцы византийские дошли до нас; 3) чего нет в известных нам, могло быть в утраченных, ибо мы видим, что многие из них говорят о случаях, о которых молчат другие, описывая то же время; 4) Скилиций, Кедрин, Зонара называют Св. Владимира зятем Василия и Константина, но не пишут ни слова, когда и как российский князь женился на Анне: следственно, *не все* важные случаи описаны византийскими историками.

Все народы в юности своей, не зная письмен, любили исторические песни и сказки, подобные исландским сагам: *Слово о полку Игореве* дает нам понятие о наших древних сказках. Нестор мог заимствовать из них некоторые обстоятельства: например, число кораблей Олеговых, *сопровождаемых конницею*; его *сухопутное плавание*; непомерную дань, будто бы взятую им с греков; щит, повешенный на воротах Константинопольских, и *паволоки вместо парусов*. Истина служит основанием для исторической

Поэзии; но Поэзия не история: первая более всего хочет возбуждать любопытство и для того мешает быть с небылицею; вторая отчергает самые остроумные вымыслы и хочет только истины.

Описав поход Олегов, Нестор говорит: «в лето 6415—6418 явился звезда велика на Западе *копиным* образом». О сей комете упоминают разные византийские и франкские летописи; в последних именно сказано, что она имела образ длинного *копья*. Только Нестор ошибся годами: комета являлась в 905 году до Р. Х. (см. Cométographie, I, 352).

³¹⁷ Самые первые условия Олеговы с греками описаны им, кажется, по словесному преданию о выгоде их для россиян и по соображению с новейшими договорами: они предложены кратко и не имеют точности, соблюденной в договорах 911 и 945 года. Летосчисление в *Троицк.* списке отстает здесь годом против иных, так же, как и в известии о походе Олеговом к Царюграду (см. ниже, примеч. 325). В конце самого договора, по *Троицкому* же списку, стоит: «месяца сент. в 2 неделю, *пятоенадесять* лето создание мира». *Пятоенадесять* лето означает 15 Индикт: следственно, договор заключен, по нынешнему летосчислению, в сентябре 911 года, за 8 месяцев до кончины императора Льва, умершего в 912 году, мая 11, по точным словам Константинова Продолжателя: *Maui 11, die 3, indictione 15 diem obiit Leo* [мая 11, во вторник, 15 индикта умер Лев]. Здесь ошибка единственно во дни недели: 11 мая было в сем году не вторником, а понедельником. Император Александр умер в 913 году, июня 6, в воскресенье, чрез год и несколько дней после брата. Напрасно Паджи, вопреки современному летописцу, относит кончину Льва к XIV Индикту (см. Круга *Chronologie der Byzantier*, стр. 81—93).

Шлёцер (см. его *Nest.* IV, 10, 11) в опровержение Олегова трактата говорит, что «в нем именованы царями греческими Лев, *Александр* и *Константин*: Лев же не имел соправителя, и Константин восшел на престол уже в 912 году». Но Кедрин пишет, что император Лев еще задолго до смерти своей короновал сего младенца. По русскому переводу (Т. II, л. 91): «Император сына своего, Константина, увенчал рукой Евфимия патриарха». Что касается до Александра, то он и при жизни Льва назывался царем. Лев Грамматик в описании Львова государствования (гл. V), сказывает, что крестным отцом Зоина сына, Константина, (в 905 году) был *царь Александр*.

³¹⁸ Между сими новыми послами именованы и те, которые заключили прежние условия с греками. В рассуждении имен следую *Троицкому* списку, как древнейшему; но многие и в нем без сомнения испорчены. Все они разделены точками в подлиннике.

³¹⁹ *От всех, иже суть под рукою его*: древнее русское сильное выражение.

Ниже в *Троицк.*: «многожды право судихом (о мире), но точию правословесно» — в других *простословесно*: из чего должно, кажется, заключить, что прежние условия не были письменные.

³²⁰ Ни слова об Игоре: доказательство, что он при Олеге не имел власти.

Подлинный договор во многих местах невразумителен оттого, что писец (может быть, еще прежде Нестора) внес оглавление статей в их содержание. Например: «иже ся ключить проказ, да елико яве будет показаны явленными, да имеют о таком явлении (свидетельства). А ему же начнуть не яти веры, да не клянется часть та, иже ищеть». Здесь означенные косыми буквами слова кажутся мне оглавлением. Для чего верили в суде, за недостатком свидетелей, присяге ответчика, а не истца? угадать нетрудно. Законодатель полагает, что и тот и другой могут быть бессовестны: веря ложной клятве первого, судья только *оправдывает виновного*; но, принимая ложь второго за истину, он *наказывает невинного*. Россиянам известно изречение великого ума: «лучше оправдать многих виновных, нежели наказать одного невинного». Законы Ярославовы также отвергают присягу истца.

³²¹ В *Хлебников.*, *Ипатьевск.* и в других: «Аще есть имовит (убийца), да часть его, сиречь иже его будет по закону, да возметь ближний убиеннаго». В *Троицк.* выпущен слова: «сиречь иже»; но и то и другое ясно. Далее в *Ипатьев.* и *Хлебниковской*: «а и жена убившаго, да имеет толицем же пребудеть по закону». В *Троицк.*: «а жена убившаго да иметь та, олицем де пребудет по закону». Татищев и Ломоносов толкуют, что родственник убитого брал себе имение и *жену* убитого! По законам Ладислава, короля венгерского, жена и дети убийцы получали третью часть из его имения (Decret. S, Ladisl. кн. II, гл. VIII). В договоре Игоревом сия статья предложена так: «аще ли ускочить створивый убой, и аще будет имовит, да возмут имение его ближнии убиеннаго». Нет о жене ни слова.

³²² «Да держится тяжи»; а Татищев говорит: *суд кончить* — то есть совсем противное.

В греческой литре было 72 золотника, а литра серебра ценою равнялась с пятью *солидами* или червонцами (см. Dissertation sur l'état la monnaie Romaine в *Mémoires de l'Académie des Inscriptions* год 1718—1725, стр. 364, и сочинение Г. Круга Zur Münzkunde Russlands, стр. 153). Ярославовы законы определяют 12 гривен пени за удар мечом и сосудом: из чего следовало бы, что 12 гривен Ярославова времени равнялись ценою с 25 червонцами; но должно заметить, что Олег в договоре своем мог возвысить сию

пеню для безопасности россиян, живших в Цареграде (см. о гривне выше, примеч. 298, и ниже, примеч. 527).

Ниже: «да сойметь с себе и ты самыя порты, в них же хожаще». Портами называлась вообще одежда; теперь в сем значении осталось только имя *портной*.

³²³ В *Троицк.* и в некоторых: «мечтая образом искус творити». Выражение: *творить искус*, значило *делать обыск*. Так ниже, в статье VIII, сказано, что купец везде может искать беглого своего невольника, и что всякой, кто не даст *творить сего искушения*, признается виновным. Писцы, не разумея сего выражения, обратили слово *мечтая в мучение*. — В сей V статье выше сказано о воре по *Ипатьевск.* и *Хлебников.* списку: «отдать *трейчи*»: втрое?

Снабдети лодью есть *сохранить, соблюсти*. Так в Псалтири (Пс. 78, ст. 11) сказано: *снабди сыны умерщвленных*. Только в нынешнем просторечии глагол сей значит *наделить*.

Ниже: «от бури или бороненья земельного ради»: слово *бороненья* значит *препятствие*. Славянский глагол *бранити* значит то же, что *возбранять*.

Ниже: «да егда ходим в Греки, ли сольбою цареви вашему, ли с куплею». Татищев обратил *сольбу*, то есть посольство, в *мольбу* и доказывает, что киевские христиане ездили молиться в Константинополь.

Далее: «Спотружаемся гребцем тоя лодьи мы Русь, да проводим ю и с куплею поздорову. Аще ключится близ *Греческия* земли такоже проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Русьскую землю». Весьма вероятно, что здесь описка, и что надобно читать: «близ *Русьския* (вместо *Греческия*) земли», а вместо: «лодьи Рустей», должно стоять: «лодьи *греческой*». Сим замечанием (и некоторыми другими) обязан я почтенному А. И. Ермолаеву, любителю и знатоку наших Древностей.

³²⁴ Сию наполненную описками статью можно изъяснить только шестою статьею Игорева договора (см. ниже): та и другая одного содержания. Здесь писец также внес оглавления — например: *«же требует на войну ити; о пленении, о Руси, о Крестьянех* (христианах) — в самый трактат: отчего вышло повторение, замеченное им или кем-нибудь (вероятно, на поле) словом *многожды* — наприм. *о пленении многожды*; а другой писец включил в содержание и сии слова.

Ниже: «или мнится в куплю на день челядиная цена». Слово *мнится* то же, что *вменится* (см. *Лексикон славянороссийский*, напечатанный в типографии *общежительного монастыря Кутеинского* в 1653 году, стр. 80). *Цена на день* есть цена того времени или настоящая.

Далее: «также аще и от рати ят будеть, да взратится во

свою землю, и дана будетъ цена его, якоже реченное, якоже есть купля»; а ниже сказано, что цена выкупная есть 20 златых, то есть византийский *номисм* или *солидов*, которые имели вес голландских червонцев или немного более (см. Рейске Comment. ad Cerim. Const. Porph. стр. 44, сочинение Г. Круга Münzkunde Russlands, I, 137).

Далее в *Троицк.*: «еже требует на войну итти, егда потребу творити, и сих почтити царя вашего (не *нашего*), да аще в кое время елико их придетъ, и хотять остати у царя вашего, своею волею да будутъ». Греки, соглашаясь возвратить всех невольников в Россию, исключают русских воинов, которые добровольно захотят служить императорам. Наши толкователи, соединив с сими словами следующие: *о руси, о плененьи*, написанные в *Кенигсбергском*: «от руси отполонени», думали, что царю греческому надлежало выкупить русских пленников; но сие изъяснение совсем не основано на словах летописи.

Ниже в договоре: *по нужи продан будетъ*, то есть отнят под видом купли; например, если бы грек, отняв невольника у купца русского и бросив ему несколько денег, сказал, что сей невольник им куплен.

Далее: «Аще кто искушенья (обыска) того не дасть творити, местник да погубить правду свою». Татищев изъяснял, что *искушение* есть истязание, *местник* городской начальник, а *погубить правду* нарушить закон. Все три изъяснения несправедливы и даже не имеют смысла. *Искушение* обыск (в Лексиконе Кутеинском: «досветченье, доведывание»); *местник* то же, что мститель, враг или противник в тяжбе; а *погубить правду* значит лишиться своего права в суде, быть обвиненным.

³²⁵ Так в *Троицком*.— В сей статье и следующей опять внесены оглавления в слова договора, равно как и в некоторых других статьях.

³²⁶ «Си бы вся да творять русь греком, иде же аще ключиться таковое». Сие относится к трем предыдущим статьям.

³²⁷ См. выше, примеч. 317. Я воспользовался здесь умным замечанием Г. Круга и принял его мнение, что переписчик договора вместо: *киноварным писаньем*, ошибкою поставил: *Ивановым писаньем* или *написаньем*; ибо выражение: *δια κίναβαρεως γραμμάτων* [киноварным писаньем], обыкновенно употреблялось в византийских трактатах; напротив того ни в них, ни в русских *древних* не находим имени писцев. Договоры греков с другими народами, имевшими буквы, писывались обыкновенно на двух языках (см. в Менандеровых *Посольствах* известие о мире, заключенном между Иустинианом и персидским царем Хозроем).

³²⁸ Метог. рор. I, 8 и 103. Александр думал племянника

своего, Константина, сделать внухом, чтобы увенчать безумные дела свои. Патриарх славянин назывался Никитою.

³²⁹ Метог. popul. II, 983.

³³⁰ *Фофудьями*, как в летописи сказано: слово не русское, (ибо в славянских наречиях нет буквы Ф), но греческое φοφουδοτος (см. Дюканж. Визант. Лексик.), то есть *носимый с поясом кафтан*. Оно есть прилагательное имя и составлено из еврейского слова *фуфель*, *пояс*, и греческого глагола δέω или δω, *связываю*. Шлёцер не справился с Лексиконом византийского языка и не знал, что такое Несторовы *фофудьи*. Далее: «еще же (веле им показать) чудеса Бога своего, страсти Господне, венець, и гвоздья, и хламиду багряную, и мощи Святых». По византийским летописям, около сего времени царь Лев угощал послов *сарацинских*, и показывал им все драгоценности церковные (см. Кедрина и Льва Грамматика).

³³¹ Нестор: «и живяше Олег, мир имея ко всем странам, княжа и *Киеве*»: в противность чему *Арханг. Лет.* говорит о путешествии Олега в Новгород и смерти его в Ладоге.

³³² В одной *исландской саге*, сообщенной нам Торфеем, есть такая же басня о рыцаре Орваре Одде. Вещунья предсказала ему смерть от любимого коня его, именем *Факса*. Конь умер, и рыцарь, стоя на его могиле, думал, что вся опасность миновала; но ящерица (*lascerta*) выползла из гниющего черепа *Факсова* и в пята укусила Орвара (*Торф. Hist. Norveg. T. I, кн. VI, гл. 6, стр. 273*). Киевские ли варяги передали сию сказку северным землякам своим, или северные киевским?

³³³ То есть, мы полагаем, что хорваты, им покоренные, жили в окрестности сих гор (см. выше, примеч. 70).

³³⁴ Что Юм говорит о своих англо-саксонцах, можем отнести к русским варягам и славянам: «Народ, столь мало зависимый от уставов гражданских, мог ли с точностью следовать обыкновениям наследственной власти? Ежели сын умершего короля был в совершенных летах, то он, бесспорно, восходил на трон; а ежели оставался в малолетстве, то ближний родственник его присвоивал себе власть и сообщал ее детям своим». *Истор. Англ. Т. II, в начале*.

³³⁵ Здесь новейшие летописцы говорят о войне Игоря с угличами (см. ниже, примеч. 362). От похода Олега до 945 года летоисчисление *Троицкого* списка все еще отстают годом от других: «В лето 6420 заратишася древляне по Олгове смерти... В лето 6421 иде Игорь на деревляны... Приде Симеон болгарский на Царьград... В лето 6422 придоша печенези... В лето 6427 поставлен бысть Роман царем в Грецах... В лето 6449 Симеон иде на хорваты и побежден бысть». В *Пушкин.* и в других списках все относится к следующему году, отчасти справедливее: например, по сказанию

Кедрина, хорваты разбили войско болгарское в 15 Индикт, 27 мая (Метог. роруl. II, 602): следственно, в 942 году. Роман сделался греческим императором в 920 году (см. Круга Вуз. Chron. 141, 142).

³³⁶ Метог. роруl. III, 796—932. Немецкие летописцы называют их *печенацами* и *пецинегами*, византийские *пацинакитами* и *пацинаками*, венгерские *биссенами* и *бессами*, польские и русские печенегами (см. Шлёцер. Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen, стр. 452).— Мы не знаем языка ни гуннов, ни аваров, ни печенегов. Знаем только, что последние говорили одним языком с команами и половцами: в чем уверяет нас свидетельство Анны Комнины (Метог. роруl. III, 908).— Дунайские болгары до самого завоевания Мизии были, кажется, народом кочующим. Волжские и камские имели селения и города, но уже в позднейшие времена.— Болгары, завоеватели Мизии, давно обратились в славян по языку и нравам своим.— Константин (в Бандури. Т. I, стр. 106) пишет, что три колена печенегов, славнейшие храбростию, именовали себя *Кангар* (см. выше, примеч. 90).— Далее Константин говорит (в Бандури стр. 105), что печенеги жили в соседстве с узами и *мазарами*, и что узы с помощью *хазаров* выгнали их оттуда. Некоторые ученые (Тунман, Гаттерер) думали, что здесь имя *мазары* ошибкою стоит вместо *хазаров*; напротив того иные мыслят, что последние есть описка (вместо *мазаров*). Если бы козары выгнали печенегов из *отдаленных* Уральских окрестностей, то вероятно ли, что сей народ — т. е. печенеги — осмелились в бегстве своем *приблизиться* к ним с другой стороны и завладеть частию их собственных Азовских и Таврических владений? Под именем Константиновых мазаров гораздо скорее можно разуметь единоплеменников венгерского, или маджарского, народа, который, без сомнения, не весь оставил свои древние жилища; не весь перешел в область Козарскую: его-то, думаю, называет Абульгази (Hist. des Tatars, стр. 45) мадзарами (Madsahres) и полагает их, за несколько веков до времен Чингисхана, в соседстве с россиянами и казанскими болгарами около Урала и Волги.— О Лебедии см. выше, примеч. 302.

³³⁷ Post aiiquot annos [через несколько лет], по словам Константица (в Бандури. Т. I, 108). Франкские летописцы согласно говорят, что печенеги выгнали угров из Молдавии в 896 году: см. Шлёц. Nestor III, 140; также Констант. Багр. в Бандури I, 106, Баеров. Geograph. Russ. ex Const. Porph. в Комментар. Акад. IX, 399, и Гаттер. Allgem. Weltgesch. 582. Константин полагает только *день езды* от России до владений Печенежских, от Узии и Хазарии пять дней, от Алании (в Кавказской губернии) шесть, от Мордии (Мордвы) десять.

³³⁸ См. Шлёцер. *Gesch. der Deutsch. in Sieb.* 224—225.

³³⁹ Известия франкских летописцев заставляют думать, что сей народ утвердился в Молдавии еще с 869 года (см. выше, примеч. 337). Печенеги, о которых говорит здесь Нестор, шли, кажется, из Лебедии. В княжение Олегово могли они ходить оттуда к Дунаю, не захватывая России, чрез владения козаров и херсонцев.

³⁴⁰ Конст. Багрян. в Бандури Т. I, стр. 56.

³⁴¹ *Метог. popul.* II, 973. В некоторых списках Нестора сказано, что Игорь еще в 921 году приготовил сильное войско и множество кораблей.— Кедрин и Зонара говорят о 15 000 судов! Число, без сомнения, увеличено. Современный историк Лиутпранд (о котором см. ниже) кажется справедливее пишет, что Игорь имел *тысячу и более* судов (кн. V, гл. 6). Лев Грамматик полагает, что россиян всего-навсе было только 10 000 человек (*Метог. popul.* II, 967).— Тогда правил империею один Роман Лакапин, тесть Константина Багрянородного, и не давал последнему никакой власти.

³⁴² Он пишет, что россияне забавлялись муками несчастных пленников: распинали их, расстреливали и вбивали им в голову железные гвозди. Кедрин то же слово в слово (см. русский перевод его, лист 109, и *Метог. popul.* II, 970). Греки любили увеличивать зверство своих неприятелей.— Протовестиарий был хранителем царских одежд и первым по доместике, или начальнике сухопутных войск (см. Кодина о *чинах Константинопольского Двора*).

³⁴³ Он стоял на европейском берегу Воспора. В *Воскресен. Лет.*: «Роман же посла дромоны (суда, у Дюканжа *navis oblonga* [военный корабль]) елико бяху в Константинограде с Феофаном на русь. Феофан же лодейные воя прежде урядив и уготовив, и слюзами себе утвердив, руси ожидая, в ладиях на ня хотя ити с окрестнаго глаголемаго Фара, стражница, в ней же огонь влагаем на просвещение в нощи: се на устьи Понта сражу дея, зане ту часто разбойничество и на страны нагнания», и проч.

О повелении брать греков живых пишет Лиутпранд в *Hist.* кн. V, гл. 6: не милосердие, но корыстолюбие заставило Игоря дать оное: ибо россияне торговали пленниками. Тем более не верю византийским летописцам, чтобы воины Игоревы убивали всех греков, которые попадались им в руки.— *Υρον πυρ*. Греческий огонь изобретен, как известно, в VII веке греком Каллиником. В наше время не умеют составлять его.— Россияне, по словам летописца, говорили: «якоже молния иже на небеси, греци имуть у себе; пушающе жгутъ нас, и сего ради не одолехом им». Игорь, по Несторову известию, опустошил Вифинию и Пафлагонию прежде европейских берегов Воспора; но греческие историки все согласно повествуют, что флот его, уже разбитый Феофаном, пристал к берегам Вифинии. Нестор пишет еще, что россияне выжгли *Суд*, или

гавань Цареградскую; а византийцы говорят только о *Стене*: Stenum enim, ita dictum, igne vastaverunt [так называемую Стену разрушили огнем] (Мемог. popul. II, 969). Под сим именем разумелись вообще берега Воспора Фракийского; иногда же один европейский берег, от Св. Мамы до Черного моря. Летописец наш поставил *Суд* вместо *Стена*. Гавань осталась цела, ибо из нее вышел тогда же флот греческий.

³⁴⁴ От июня до сентября (Мемог. popul. II, 967—970).

³⁴⁵ Эльмакин, или Альмакин, крещеный араб, бывший в 1302 году секретарем египетского калифа, говорит (Historia Saracenicа стр. 213): hoc anno, scilicet 329 (т. е. 940—941) oppugnarunt Russae Constantinopolin; sed restiterunt iis Romani, qui persequuti eos sunt, et in regionem suam se recipere coegerunt [в том году, а именно в 329, россияне напали на Константинополь, но византийцы спаслись от преследователей и вынудили их вернуться в свои владения]. Лиутпранд (Historia кн. V, гл. 6) пишет, что флот греческий, во время Игорева нападения, был в отсутствии. «Император, думая, как отразить врагов, провел без сна несколько ночей; узнав же, что в гавани есть 15 ветхих судов, велел исправить их и выслал оные с огнем против Игоря. Ветер, мешавший действию сего огня, утих, и греки зажгли суда неприятельские. Россияне, чтобы спастись от пламени, бросались в воду: многие утонули от тяжести своих шлемов и лат; другие боролись с волнами и также погибли; живы остались единственно те, которые ушли на берег. Греческие большие суда не могли гнаться за русскими лодками, плавающими в самых мелких местах» — и проч.

³⁴⁶ Прастена, Володислава. Такое множество послов удивляет нас; но в древние времена оно было знаком особенного уважения к монарху или народу, который принимал их (см. sur les fonctions des Ambassadeurs chez les Anciens, в *Mem. de l'Acad. des Inscr.* год 1734—1737). Можем найти и другую причину: императоры *дарили* послов, и для того россияне любили ездить к ним с поручениями от своего двора.

³⁴⁷ «Ивар, сол Игорев, и *обчи* слы Вуефаст Святославль, сын Игорев (Святослава, сына Игорева) и Скусеви Ольги княгини — Каницарь Передславин, Шиихбер Сваиндр, жены Улебовы — (*нетия* Игррева, как сказано выше) — Прастен Акунь, нетий Игорев» (Акуна, нетия Игорева). Г. Болтин толковал, что «*Нетий* было название достоинства, первого по боярах» — см. его *Примечания на Историю Щербатова* Т. II, стр. 232 — и что «оно происходит от шведского слова paett (*чистый*, изящный)»; но сие имя есть древнее славянское и значит сестрина сына: так, в *Никон. Лет.* V, 88, сказано: «служба царю мусульману с нетии своими, рекши с сестринычи». Следственно, Рюрик имел дочь. — Пере-

дслава была, кажется, супругою Игорева племянника Улеба, а не князя Святослава, как пишет мнимый Иоаким или Татищев.

³⁴⁸ 16 дек. 944 г. Роман был свержен с престола Стефаном и Константином, неблагодарными детьми своими (Круга Вуз. Chron. 230).

³⁴⁹ См. выше, стр. 105.

³⁵⁰ «Входяще же русь в град, да не имеют волости купити паволок лише *пятидесяти* золотник» — а не *осьми*, как говорит Татищев, приняв *Н* за *И* — «и *от тех* паволок аще кто купить, да показываеъ *е* цареву мужу, и тот *е* запечатаеть и дасть ему». Лиутпранд, как он сам пишет, должен был перед отъездом своим из Царяграда показать все драгоценные ткани, им купленные; городские чиновники приложили к ним печати, но удерживали самые лучшие, возвратив ему деньгами, чего они стоили, и сказывая, что сии ткани запрещено вывозить из Константинополя: «ибо греки, превосходя иные народы богатством и мудростию, должны превосходить их и красотою одежды» (Legatio Liutprandi etc. в Муратори Т. II, стр. 487, Круга Münzkunde Russlands, стр. 93—97).

Греки не хотели, чтобы россияне, получая даром все съестное, заживались в Константинополе.

³⁵¹ В Олеговом трактате нет сего условия: следственно, здесь упоминается о другом договоре, заключенном с греками, может быть, в начале Игорева княжения. Татищев вместо паволоки написал: «по два кафтана»; но паволока не кафтан, а ткань.— Надобно думать, что некоторые особенные ткани, определенной доброты и меры, ходили в Греции как деньги. Протоспафарий, или начальник телохранителей императоровых (меченосцев), именем Эпифаний, отправленный в Ломбардию, взял с собою на издержки между прочим и разноцветные ткани (Констант. de Cerim. стр. 382, в Кругов. сочинении Münzkunde Russl. стр. 86). Греки выкупали пленных шелковыми одеждами (Метог. popul. II, 82). Норманы означали цену вещей тканями (Ире Glossarium под словом Vadmal). Далее Татищев вместо двух золотников поставил *двадцать*.

³⁵² В Олеговом договоре положено выкупу 20 золотников за каждого греческого невольника.

³⁵³ В *Пушкинск.* и *Троицк.*: «князь Русьский да воюеть на тех странах», и проч. В *Кенигсб.* ошибкою поставлено: «на *всех* странах». Русские в окрестностях Херсонского владения могли воевать с козарами и печенегами.

³⁵⁴ В Олеговом договоре сказано то же, с прибавлением других обстоятельств.

³⁵⁵ При устье Днепра, ныне Березань (Метог. popul. II, 984). У Нестора, вместо *Еферия*, стоит имя *Елевферия*.— В *Историческом исследовании о местоположении Тмутороканского Кня-*

жения, стр. 36—37, сказано, что область России простиралась тогда до устья Днепровского: причем автор ссылается на сие место Игорева договора. Напротив, оно доказывает, что устьем Днепра владели херсонцы, когда россиянам не позволялось там зимовать. В подлиннике: *егда придет осень, да идути в дома своя, в Русь*. Следственно, россияне были там *не дома* или не в своем владении; но могли, кажется, вместе с херсонцами ловить рыбу в Лимане или в море. Даже и пороги Днепровские находились уже вне России, в области печенегов (см. выше, примеч. 307).

³⁵⁶ См. Констант. Багрянород. de Adm. Imp. в Бандури Т. I, стр. 113.

³⁵⁷ См. выше, стр. 107.

³⁵⁸ В Цареграде была славная церковь Св. Илии; но здесь, как увидим ниже, говорится о киевской. — Слово *обруч* значит то же, что кольцо. — Далее следуют заклинания, как и в начале. — Татищев означил год и число договора (апреля 20); но их нет в летописи.

³⁵⁹ Несправедливо считают церковь Св. Николая древнейшею в Киеве. Нестор пишет только, что она в его время стояла на могиле Аскольдовой; а когда построена, неизвестно. Соборная церковь Св. Илии была, по словам летописца, *над ручаем, конец Пасынче беседы и Козаре*: думаю, что *беседою Пасынков и Козарами* назывались две улицы или части древнего Киева, и что сия церковь находилась между ими. Имя *беседа* означало в старину *седалище*. В *Древних русских стихотворениях*, стр. 3, сказано: «подернута беседа рытым бархатом; на беседе то сидит Купав молодец».

Татищев прибавил здесь от себя: «варяги, славяне и руссы». Нестор отличает первых только от славян, а не от руси.

³⁶⁰ *Челядью*, т. е. рабами и невольниками, которыми торговали россияне.

³⁶¹ Константин называет их по-русски *гирами* (γῆρα). На языке оссетинцев *гир* значит округ или область (см. Гильденштет. Reisen, Т. I, стр. 469).

³⁶² Не только князья, но и всякой знаменитый воевода имел свою особенную дружину.

Может быть, для объяснения зависти Игоровых воинов в некоторых *новейших* списках к описанию случаев 914 года, когда Игорь усмирил древлян, прибавлено следующее: «И бе у него воевода Свенельд, и примучи *угличи*, и возложи на ня дань Игорь и власть Свенельду, и не вдашется ему един град, именем Пересечен, и седе около его три лета, и одна взят его. И бяше седающе угличи по днепру вниз, и по сем приидоша межю воинь Дестр и седоша тамо. И дасть (Игорь) дань деревскую Свенельду, и реша дружина Игорева: *се дал еси единому мужеву много*. По сем по-

сле скажем». Углом назывались прежде река Орель в Екатеринославской губернии, как говорит летописец в описании войны наших князей с половцами в 1185 году. Итак, под именем *угличей* (если оно не описка вместо *суличей*: см. выше, стр. 101) надлежало бы разуместь славян, которые обитали некогда близ реки Орели, и поселились наконец не далеко от Переяславля и Киева, где был город Пересечен (см. *Воскресенск. Лет.* II, 31). Слова: «межи *Воинь Дестр*», должны быть опискою, вместо: «межи *Воинь* и *Днепр*»: ибо Воинем называлась река или место за Переяславлем на восток (см. ниже). Но известие о притесненных мнимых угличах и щедрости Игоря в отношении к Свенельду кажется прибавлением новейшего автора: оно несогласно с сказанием Нестора, который совсем не упоминает о народе такого имени в описании славянских племен, и сказывает, что Игорь взял древлянскую дань себе, а не для Свенельда, и что он еще увеличил ее: «примышляше к *первой дани*».

³⁶³ См. ниже, примеч. 401. Мы уже сказали выше, что Коростен есть нынешнее местечко Искорость в Волынской губернии на реке Уше.

³⁶⁴ См. перевод Массуди в Клапрот. *Russland's Vergrößerungen*, стр. 182—257. Вот что он говорит о славянах и россиянах (Russ): «Они живут на одной стороне города (Ателя) и сжигают умерших с их женами: это индейское обыкновение... Сии язычники составляют часть козарского войска... Россияне и другие народы, из коих многолюднейший именуется модеанами, ездят с товарами в Грецию и в Козарскую землю. В 300 году Эгиры или после того (в 912 Р. Х.) пришло 5000 кораблей, а в каждом 100 человек, в канал Нитис (Азовское море?), имеющий соединение с рекою козарскою» (Волгою? ибо арабские географы считали Дон рукавом Волги). «Там стояло множество козаров, чтобы удерживать неприятелей, приходящих морем и сухим путем; особенно же турков или Ghus» (вероятно, узов или печенегов). Турки переходят через сию реку не летом, а зимою по льду: иногда сам царь козарский выходит против них. Россияне послали к царю и требовали дозволения плыть его рекою в Каспийское море, обещая ему за то часть добычи. Он согласился. Россияне вошли в канал и в устье реки; плыли ею вверх до реки козарской, до города Эбеля (Ателя), и чрез город до Каспийского моря, где они высадили войско в Ираке, в Дилеме, Табаристане, Астекуне, Нефате, Адзарбайдшане; пролили множество крови, жгли и грабили. Жители давно не видели никого кроме купцов и рыбаков на сем море; но вооружились и сражались с ними. Россияне доходили до Нефаты, известной под именем Баку и принадлежавшей к царству Ширванскому, где властвовал тогда Али, сын Гитсима. Грабив там несколько месяцев, они возврати-

лись к устью реки козарской и послали к царю множество добычи. У него нет кораблей, и люди его не умеют править ими. Но магометане, ему служащие, сказали: *не хотим тебе повиноваться, когда ты даешь россиянам лить кровь, пленять правоверных.* Царь известил о том россиян: они вышли на берег и сразились с мусульманами, коих было 15 000; в том числе и несколько христиан, живущих в Эбеле (Ателе). Битва продолжалась три дни. Бог дал победу мусульманам. Многие россияне пали, многие утонули; тысяч пять ушли на кораблях и хотели еще грабить в земле Бертаесе, в Булгарии: там магометане истребили их. Число россиян, убитых на реке козарской, простиралось до 30 000. С того времени они уже не дерзали являться в сих местах».

Абульфеда в *Annal. Moslem.*, стр. 265: Anno 332 (г. 943—944) *Russorum aliqua natio, domo egressa navibus, per mare Caspium et fluvium Corr subvecta usque ad urbem Bardaah penetrabat, eam occupabat, caedibus et rapinis complebat, et tandem domum eadem, qua venerat, vea redibat* [В 332 году россияне из другого племени, отправившись на кораблях, через Каспийское море и реку Кор, достигли города Барда, захватили его и наполнили резней и грабежами, и наконец вернулись домой тем же путем, которым пришли].— Абульфарагия, или Абульфараджа, или Бар-еврея *Chronicon Syriacum*, стр. 193: Anno, quo Mostacphius regnare coeperat (г. 944), *exierunt varii populi, Alani, Sclavi et Lazgi, qui usque ad Adorbiganam progressi urbem exrignarunt Bardoam, in qua ad 20 000 occiderunt* (т. е. убили в Барде до 20 000 человек) [в год, когда начал править Мустафий, явились разные народы, алане, славяне и лазги, которые, дойдя до Адорбигана, захватили город Барду и убили там около 20 000]. Барда есть ныне местечко, называемое Берде.— Абульфеда жил в XIV, Абульфарадж в XIII веке.

³⁶⁵ Татищев, ссылаясь на *Ростовскую летопись*, полагает рождение Святослава в 920 году; но в первой, в *Ипатьев.*, *Хлебниковск.* и *Воскресенской* означено, что сей князь родился в 942: следственно, в 39 год Ольгина замужества? вероятно ли? В 946 году Святослав уже мог воевать, хотя, по словам летописца, был еще *детеск*, т. е. очень молод; а в 970 году сыновья его начальствовали в удельных областях (см. ниже). В год Игоревой кончины Святославу могло быть лет 12. В таком случае Ольга родила его будучи, по крайней мере, сорока трех лет (см. ниже, примеч. 382).

³⁶⁶ «Кормилец его Асмуд, воевода бе Свенельд, *то же отец Мистишин*». Но кто был Мистиша, летописец не рассказывает: может быть, и сам не знал, взяв сие имя из какой-нибудь древней исторической сказки или песни.

³⁶⁷ Так Гомеровы Поэмы, будучи зеркалом древних обычаев и нравов, весьма любопытны для самого историка.

³⁶⁸ Здесь Нестор описывает положение древнего Киева: чем мы воспользуемся в другом месте.

³⁶⁹ В *Пушкинском*: «уже мне своего не *кресити*». Древний глагол *кресить* значил то же, что *воскрешать* или *восстановлять*.

³⁷⁰ «Сядяху в *перегбех*, в великих *сустугах* гордящися». *Переглибами* назывались, кажется, некоторые особенные лодки. *Сустуги* могут значить кривлянье.

³⁷¹ В *Никонов.* и в других новых списках означено даже число их: *сорок*.

³⁷² См. *Волинские Записки* Г. Руссова, стр. 100. Он пишет, что древний Коростен принадлежит ныне помещикам Любовицким и называется селом Дедичным; что в лесу видно место города и ворот; что там, где был Ольгин стан, находится теперь деревенька Шатрицы.

³⁷³ Ольга, любив мужа, хотела, чтобы Игоревы телохранители и по кончине сего князя составляли особенную дружину.— Летописец думал, кажется, почтить женскую чувствительность Ольги, сказывая, что она не хотела быть зрительницею кровопролития.

³⁷⁴ *Церь*. В рукописном житии Ольги сказано: *серу с огнем*. С. Стурлезон рассказывает (II, 61), что Гаральд, зять Ярослава Великого (см. нашей *Истории* Т. II), около половины XI века, для взятия одного города в Сицилии также употребил птиц, привязав к ним смолу с серою.— Когда древляне предлагали дань великой княгине, она сказала им: «ныне у вас нет меду, ни скоры; аз бо не хочу тяжкы дани взложити, яко же и муж мой».

³⁷⁵ Сватовство кажется сомнительным: Ольге было тогда уже за 50 лет.

³⁷⁶ Олег, по известию летописца, основал многие города.— *Вено* значит *приданое*; иногда *выводное*, или то, что жених дает за невесту. Примеры увидим в княжение Владимира и Ярослава.— О Вышегороде см. в *Метог. popul.* II, 982.

³⁷⁷ Нестор: «устанавлиюще уставы и уроки; суть *становища* ея и *ловища*»: то есть известны места, где находились ее станы, и где она ловила зверей. *Становищами* также назывались в старину хуторы и дома, где можно было *приставать*. Так сказано в *Летописце Соловецкого Монастыря*, стр. 25, что Игумен Филипп в 1561 году построил в *Заяцком становище* *каменное с поварнею*.

Далее в *Троицк.* списке: «Иде Ольга к Новгороду, сына своего, Святослава, оставивше Кыеве, и нача устанавливать по Мьсте и *погосты* и дани, и по Лузе оброки устави и дани, и *логовища* ея суть и до сего дни по всей земли Русьтей и Новгородьстей, зна-

мянья же и места и погосты; и сани ея стоять в Пльскове и ныне; и по Днепру *перевесища* ея суть, и по Десне, и есть село ея у Кыева близь на Десне *Ольжищи* и до сего дня». Слово *погост* употребляется ныне в двух смыслах, означая село с деревнями прихода его и место вокруг церкви, где погребают мертвых. В древние времена погостом называлась округа или несколько деревень, подсудных одному начальству. Разделение областей на такие округа могло быть в Ольгино время делом великой законодательной мудрости. — *Ловище* есть место звериной и рыбной ловли, а *перевесище* место *перевеса*, или сетей, развешенных для ловления птиц (см. в новом изд. *Русской Правды*, стр. 78, и в *Уложении* гл. XVII, отделен. 23). Историки наши несправедливо думали, что Ольга *распорядила* в государстве звериную, птичью и рыбную ловлю: здесь говорится о *местах*, где княгиня *сама* забавлялась ловлею, *местах*, известных и в Несторово время под именем *Ольгиных*. Так называлась и в XV веке одна гора близ Пскова (см. сей *Истории* Т. V, примеч. 197). Летописец называет их *знаменем* ее, т. е. памятником. Каменевич-Рвовский (см. выше, примеч. 91), описывая путешествие сей княгини, говорит, что она была и в Ярославской губернии, где в его время, т. е. в XVII веке, один большой камень на берегу Волги, в версте от устья Мологи, именовался *Ольгиным*; что там же сын ее Святослав в окрестностях небольшого озера ловил птиц, соколов, кречетов, и прозвал сие озеро в свое имя *Святославлим*: оно называется ныне Святым. Но Каменевич забыл, что великая княгиня путешествовала без сына. — Татищев уверял, что село Ольжищи или Ольжичи доныне существует близ Днепра и Чернигова. Я справлялся и получил в ответ от г. черниговского губернатора, барона Френздорфа, что такого селения не бывало в Черниговской губернии; нет и близ Киева на Десне. Оно было ниже Моровска, по нашим летописям XII века.

³⁷⁸ Татищев, ссылаясь на какую-то летопись Симона епископа (который никогда не бывал летописцем), полученную им от Волынского, говорит, что «Ольга хотела, но не могла креститься в Киеве, боясь народа, и для того, по данному ей от христиан совету, отправилась в Константинополь». Но мы знаем, что народ терпел христиан в Киеве, Ольга же могла бы и тайно окреститься.

Патриарх, крестивший Ольгу, назван во многих списках Несторовой летописи Фотием: его уже около 60 лет не было на свете; мог крестить ее Феофилакт или Полиевкт.

Мы следуем Несторовой хронологии; однако ж заметим ее несогласие с византийскими известиями. Кедрин, историк XI века, сказав, что в 945 году император Константин Багрянородный взял Романа в соправители, и что два князя турецкие (или венгерские) приняли Веру Христову в Цареграде, говорит о крещении Ольги,

о смерти Романовой супруги Берты или Евдокии, о поражении Хавдаса, вождя арабского, и наконец о смерти патриарха Феофилакта. Жена Романова умерла в 949 году (см. Дюканж. Famil. August. Bysant. стр. 143): следственно, Ольга крестилась или в сем году или еще прежде? Хавдас был побежден два раза, в 950 и 956 г. (Аль-Макин. Historia Saracenica г. Эгиры 339 и 345), а Феофилакт умер в 956.— Но в книге, приписываемой самому Константину Багрянородному (de Cerim. Aul. Busant.) сказано, что он угощал великую княгиню российскую 9 сентября в среду и 18 октября в воскресенье: по церковному Пасхальному кругу сии числа были средою и воскресеньем в 946 и 957 годах. Далее в том же Константиновом повествовании говорится о детях Романовых; а как Роман в 946 году еще сам находился отроком (хотя и женатым), то надобно, чтобы Ольга крестилась в 957 году, когда он уже мог иметь детей от второй супруги своей Феофании (см. Круга Chronologie der Byzantier стр. 267 и след.; также архиеписк. Евгения Булгара *Разыскание о времени крещения Ольги*).

³⁷⁹ Метог. popul. II, 976—979. Выписываем здесь подробности. Ольга, вошедши во дворец, остановилась там, где логофет, или канцлер, обыкновенно предлагал иноземным послам вопросы. За нею стали, у баляс, российские послы или чиновники (Αποχριστιανοί) и купцы. Логофет ввел великую княгиню в посольскую залу, где императоры в таких случаях обыкновенно сидели на золотых креслах, между всеми чиновниками двора, из коих всякой отличался особенным знаком. Поговорив с императором, она долженствовала идти чрез разные комнаты в Августеон, или круглое здание со многими крытыми переходами, и там села. Когда император возвратился из залы в палату, тогда следовало второе представление в комнатах у императрицы. В зале Юстиниановой было возвышенное место, покрытое багряного цвета коврами: на одном стоял трон императора Феофила, а с другой стороны золотые царские кресла; на троне сидела императрица, на креслах невестка ее. Ольгу проводили из Августеона в ближайшую горницу и ввели в залу, когда собрались там придворные госпожи. Церемониймейстер именем царицы предложил великой княгине некоторые вопросы: после чего Ольга вышла в другую комнату, называемую Σχολα. Императрица также удалилась в свои внутренние комнаты. Туда же отвели и княгиню российскую, где император находился со всем царским семейством; посадив ее, он вступил с нею в разговор.— Пред обедом княжеские особы кланялись императрице до земли: Ольга же только кивнула головою. Послы российские обедали в *золотой палате* (Χρυσотριχλινω).— Закуски были приготовлены для императорского семейства и гости в обыкновенной столовой комнате.

³⁸⁰ В номисме, в солиде или в червонце было 12 милиарезий (см. Дюканжа в слове Μιλιαρισιον); но византийские червонцы содержали в себе 70 гранов золота, а в голландских только 57.

³⁸¹ Мы определяем здесь цену обыкновенных милиарезий (или милиаризий); но у греков были еще двойные, διπλατα μιλιарισια (см. сочин. Г. Круга Münzkunde Russland, стр. 158). В таком случае Ольга взяла 32 червонца. — царь Иоанн Вас. дарил иногда жен хана Крымского одним *золотым* или червонцем!

Константин в книге de Cer. Aul. Byz. не говорит ни слова о крещении Ольги: молчание его заставило ученого Геснера сомневаться в истине сего случая. Но в книге, сочиненной *единственно* для описания придворных обрядов, нужно ли было говорить о крещении Ольгином? Вот слова Кедрина (писавшего в половине XI века) и Зонары: «*Ольга*, супруга князя российского, который ходил со флотом против греков, по смерти мужа была в Константинополе; крестилась там, оказала великое усердие к Вере истинной и с честью возвратилась в отечество» (Метог. popul. II, 976). — Продолжатель летописи Рeginоной также упоминает о крещении Ольги в *царствование Романа* — вероятно, сына Константинова. Он называет ее королевою Ругийскою, *Еленою* (см. Ассемани Kalend. Eccl. univ. IV, 20). Не говорю о свидетельстве Длугоша, которое доказывает только, что он читал Нестора; а новейшие богемские летописцы, упоминая о крещении Ольги, повторяют Длугоша.

³⁸² В древних списках, в *Пушкин.* и в *Троицк.*, сказано, что греческим царем был тогда Цимиский: в новейших, в *Кенигсберг.* и других, сия Несторова ошибка поправлена и вместо Цимиския поставлен Константин. Слова летописца: «Приде к нему Ольга, и виде ю добру суцу зело лицом и смыслену, удивився царь разуму ея, беседова к ней и рек ей: *подобна еси царствовать в граде с нами.* Она же разумевши, рече ко царю: *аз погана емь; да аще мя хочещи крестити, то крести мя сам; аще ли не сам, то не крещуся.* И крести ю царь с патриархом, и возва ю царь и рече ей: *хощу пояти собе жене.* Она же рече: *како хочещи мя пояти? крестил мя сам и нарек мя дочерью, а (в) Хресьянех того несь закона...* И рече царь: *переклюкала мя еси, Ольго.* (*Переклюкала* естъ собственно *перекривила* или *перехитрила*, от слова: *клюка*, т. е. загнутая или *кривая* палка). Ежели Ольга в 903 году вышла замуж и двенадцати лет, то в 955 было ей уже 64 года: одна Нинон Ланкло прельщала в такой старости — и для того Шлёцер в своей краткой Рос. истории называет ее *северною Нинон! Архангел.* Лет. говорит, что она десяти лет вышла за Игоря: положим! Сей же летописец прибавляет следующее: «Ольга, пришедши к церкви, не виде царя, и рече: *кому мя крестити?* Патриарх же рече: *аз крещу тя.* Ольга жь посла к царю и рече: *аще не кре-*

стишь мя сам, то не крещуся». — Нестор, описывая, как патриарх учил ее, говорит: «Она же *поклонивши главу* стояше аки губа напаляема, внимающе ученья». Может быть, летописец видел образ, который представлял Ольгу в сем положении. — Далее: «и дасть ей (царь) дары многи, злато и сребро, паволоки и ссуды (сосуды) различныя, и отпусти ю, нареку дщерью себе». В ее житии, напечатанном в Прологе, сказано: «приимши крест и Пресвитера, иде в свою землю, и той *крест* и доныне стоит во Святей Софии (Киевской Соборной церкви) в олтаре, на десней стране, имеяй письма сие: *обновися Российская земля святым крещением, его же прият Ольга Благоверная княгиня*». Сего креста нет, и никто не слыхивал об нем в Киеве.

³⁸³ Ныне маленькая речка, текущая вне города Киева, к северу, и впадающая в Днепр. — Татищев вместо *Суда*, ему неизвестного, поставил здесь *Скутари*; далее говорит, что Святослав не любил греков, и что Ольга, одарив послов, отпустила их с великою честью: в летописи нет о том ни слова. — Шлёцер в своем Nestor с жаром утверждает, что гордый император греческий не мог *требовать даров* от княгини российской.

³⁸⁴ Βουλλα χρυσῆ δισολδια [золотая двухсолидная булла]. Золотая печать сей грамоты стоила два солида или червонца. Когда в 946 году представляли послов эмира Тарсийского императорам, тогда многие *крестившиеся* россияне, вооруженные мечами, были во дворце и держали в руках знамена. В 949 году находились около 600 россиян в греческом флоте, отправленном к острову Криту. Полководец Никифор Фока в 962 и 963 году имел также россиян в войске своем (Метог. popul. II, 973, 974, 980). Арабский историк Ахмет Эби-Абдаль-Вегаб, прозванный Новайри, пишет в Histoire de Sicile, переведенной французским профессором Коссенем, что в середине *шуаля* 353 (т. е. 25 окт. 964 году) греки, имея с собою многих персов, армян и *россиян*, окружили в Сицилии Аль-Гассана. Сия история напечатана при Voyage en Sicile, par le Baron de Riedesel.

³⁸⁵ Татищев пишет (г. 964): «Тогда же отрещи Ольга *княжее*, а уложила брать от жениха по черне куне, как князю, так и боярину от его подданного». В примечании говорит, что сие место взято им из Раскольничьей летописи; что *Княжим* называлось, может быть, право господ растлевать невест в своих поместьях, и ссылается на Геродота! Мнимая Раскольничья летопись так же достоверна, как Иоаким.

³⁸⁶ Вятичи жили на Оке. Нестор пишет: «В лето 6472 Святослав с лав налезе вятичи, и рече вятичем: *кому даете дань?* Они ж реша: *козарам по щягю от рала даем*». Далее: «В лето 6474 вятичи победи Святослав и дань на них взложи». Итак, Святослав

в 6472 году приходил к вятичам единственно за тем, чтобы предложить им вопрос? Сомнительно также, чтобы они *в сие время* платили дань кагану: русские и печенеги жили между ими и козарским владением. Но быть может, что вятичи все еще назывались подданными могущественного кагана, в надежде на его защиту.

³⁸⁷ Названия Саркел и Белая Вежа имеют один смысл: *вежа* означает и шатер и башню городскую; а Саркел *белый город* (Баер. Geographia ex Const. Porph. в Коммент. Академии Т. IX, стр. 399). Сей город был на Дону (см. выше, примеч. 90). Другая Новая Белая Вежа находилась между Нежиным и Роменом, в верховье реки Остера (см. *Большой Чертеж*, стр. 149—150, и нашей *Истории* Т. II, примеч. 219). Татищев и Болтин несправедливо полагали древнюю козарскую Вежу при устье Днепра, где цвела некогда славная Ольвия. Первый ссылался на договор Игорев с греками; но там, по всем спискам Несторовой летописи, говорится о *Белобережье* при устье Днепра: Татищев не разобрал или хотел поправить, и в *Истории* своей обратил имя сего места в *Белую Вежу*. Он не знал, что херсонцы, а не козары владели восточными берегами Днепра и приморскую землю от Крыма до Лимана (см. Баер. Geograph. Russ. ex Cont. Porph. в Коммент. Акад. Т. IX, стр. 397 и 398).

³⁸⁸ О кавказских оссах, или оссетинцах, см. Гильденштета *Reisen durch Russland*, Т. I, стр. 470. Арабские и татарские историки называют ясов аланами (см. выше, примеч. 40). Часть гор Кавказских именовалась у нас в XIII и XIV веке *Ясскими* (см. *Воскресен. Лет.* II, 291). Ясский город Деяков, или Тетяков, был в Дагестане (см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 157). Там яссы или алане сражались с татарами (см. Абульгази *Histoire des Tatars*, 308, 309). Близ устья Волги находился город алан или ясов (см. Рубруквиса в Бержерон. *Voyages*, 137). Думаю, что имя сего народа произошло от древних язигов, которые смешались с аланами (см. выше, примеч. 21). В надписи времен Адриановых, найденной в Трансильвании, сарматские язиги, перешедшие около половины I века в Дакию, именно названы ясами: *ex voto XXX. magno et invicto Imper. Caes. T. Ael. Hadriano. Antonino. Pio. Aug. Pont. Max. Trib. pop. XVI cos. III p.p. pro. salute. et. felici. Pont. Max. et. annq. Faustinae. Aug. coniugi. C. Clod. VI. Praef. M. Dacorum. Jassiorum. hanc. statuam. in. auraria. numinibus. Maiestatiq. eor.* [по обету великому и непобедимому императору Цезарю Т[иту] Эл[ию] Адриану Антонину, Верховному Понтифику, Военному Трибуну, шестнадцать раз бывшему Консулом и трижды названному отцом отечества — во благо, верховной ежегодной жрице Фаустине, супруге императора, и их могуществу и величию К[ай] Клод[ий], шесть раз бывший главным префектом дакийских

ясов, [воздвиг] в сокровищнице эту статую] (см. Прая Dissert. VI, стр. 123).

О Касахии см. Баер. Geograph. Russ. ex Cont. Porph. Comment. Академии Т. IX, 382—383, и академика Гильденштета Reisen durch Russland, I, 466. Вероятно, что в Константиново время и после черкесы были известны как в России, так и в Греции под сим общим именем. Татары в 1224 году шли с востока к Дону чрез землю касогов (*Никон. Летоп.* II, 349).

³⁸⁹ См. о Таматархе известие Конст. Багрянород. в Бандури, I, 113. Греки называли сей город также *Матархою* и *Метрахою*; а нубийский географ именует его *Метрехою* (см. Тунман Über die Gesch. Öst. Völck. 156). Баер *первый* сказал, что имя *Тматорокань* есть одно с именем *Таматархи* (см. его *Азовскую историю* в Samml. Russ. Gesch. II, 77). Остров Таман называется в житии Св. Никона *Тматороканским* (см. *Патер.* лист. 72).

³⁹⁰ Могущество козаров ослабело от двух главных причин: от завоеваний Олеговых и внутренних междоусобий; ибо некоторые племена козарские, недовольные каганом, оставили свое отечество и перешли к уграм в Паннонию (см. известия Конст. Багр. в Бандури Т. I, стр. 108).— Татищев пишет, что Святослав привел многих касогов и ясов в Киев на поселение, разорив собственные города их, которых следы видны еще на берегах Днестра, Дуная, Буга и Днепра. 1) Ясы и касоги жили в Азии; 2) в летописях нет ни слова о том, чтобы Святослав переселил касогов и ясов в Киев.

³⁹¹ Так византийские историки описывают причину сей войны (*Мемор. popul.* II, 987). Нестор говорит просто: *иде Святослав на Дунай на болгары*. О 15 центнерах золота, присланных к Святославу с Калокиром, о числе россиян и проч. говорит Лев Диакон, византийский летописец десятого века, ныне издаваемый г-м Газе в Париже, а прежде известный нам только по выпискам Ф. Паджи, или Паги, в замечаниях на Барония. Лев писал *Историю византийскую* от времен Константина VIII до смерти Цимиския. Он рассказывает, что болгары совсем не ожидали Святослава, и что их собралось на берегу 30 000 (ad Varop. г. 968). Теперь в руках у меня шестая и девятая книга сей истории.— В нашей летописи сказано, что Святослав взял 80 городов болгарских.— Татищев пишет, что касоги, ясы и козары соединились с болгарамии против Святослава: чего нет в летописи, и быть не могло. Сии народы жили совсем в другой стороне.— Далее Нестор: «емля (Святослав) дань на Грецах».

³⁹² В нынешнем Преславе. Византийские летописцы именуют его *великим Переяславом* или *Перфлавом*, ἡ μεγάλη Περθλαβα. В древнейшие времена он назывался *Марцианополем*, от имени Марцианы, сестры Траяновой.

³⁹³ «Отступиша печенези от града, и не бяше льзе коня напоити на Лыбеди печенези» (а не печенегом). Вот изъяснение Татищева: «печенегов было так много, что в реке Лыбеди недоставало воды для напоения всех лошадей их». Нет: летописец хотел сказать, что киевляне не могли поить коней своих на Лыбеди *ради стоявших там* печенегов. Увидим ниже, что изменник Блуд не смел умертвить Ярополка в Киеве, зная усердие граждан столицы к их государю: сию мысль выражает Нестор следующим образом: «мысляше (Блуд) убити Ярополка, но *гражданы не бе льзе убити его*» — то есть, *ради* или от граждан. Одно место объясняет другое.

Далее: «Ты, княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своей *ся охабив*». *Охабляться* значило *остерегаться* (см. Лексикон Кутеинский), также *удаляться* от чего-нибудь, или *оставлять* что-нибудь. Владимир велел своим воинам идти за Перуном до порогов Днепровских, а там *охабиться* его, или оставить (см. в печат. *Нест.* стр. 83).

³⁹⁴ «Яко то есть середя земли моея». Но Болгария не могла быть серединою его владений: или он в гордости своей мечтал, что Греция, Венгрия и Богемия должны от него зависеть? — Далее в *Пушкин.* и *Троицк.*: «из чех же и из угров серебро и *комони*». В *Слове о полку Игореве* кони также называются *комони*.

³⁹⁵ Continuator Reginonis год 959, Annalista Hildensheimensis в том же году, Ламберт Ашаффенбургский в 960. Немецкие летописцы говорят, будто бы россияне требовали от императора христианских учителей. Ламберт (который жил в XI веке) пишет, что Оттон действительно послал в Россию епископа Адальберта, но что сей епископ едва мог спастись оттуда бегством. Вот слова Ламбертовы в описании происшествий 960 года: *venerunt legati Russiae gentis ad Regem Ottonem, deprecantes ut aliquem suorum Episcoporum transmitteret, qui ostenderet eis viam veritatis, qui consensit deprecationi eorum, mittens Adalbertum Episcopum, fide Catholicum, qui etiam vix evasit manus eorum* [прибыли послы русского народа к королю Оттону, прося, чтобы он послал кого-нибудь из своих епископов указать им путь истины. Оттон, сославшись на их просьбу, послал Адальберта, епископа католической Веры, который едва спасся от руки их] (стр. 314 в Струвиевом издании нем. летописцев, *Regum Germanicarum Scriptorum*). Сей летописец не именует Ольги; но современный Продолжатель Регинона точно говорит: *Legati Helenae Reginae Rugorum* (вместо *Russorum*) [послы Елены, правительницы ругенов (вместо россиян)]. Вероятно ли, чтобы Ольга, приняв Веру греческую, хотела иметь духовных пастырей Римской Церкви, уже несогласной с первою? Разделение Церквей, Западной и Восточной, произошло еще око-

до 880 году. Адальберт был послан Оттоном не к русским, а ругенским славянам (см. Гебгарди *Gesch. der Reichs Rügen*. Ассемани *Kalend. IV, 21*, и *l'Art de vérif. les Dates*, I, 61). Ученый Ассемани думает, что сие известие в Региноновом Продолжателе надобно читать так: *Legati Helenae Reginae Russorum, quae sub Romano Imp. Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est; necnon legati Rugorum, ad Regem Ottonem venientes* [послы Елены, правительницы россиян, которая была крещена в Константинополе во время правления византийского императора Романа, а также послы ругенцев, прибывшие к императору Оттону], и проч. Мнение его вероятно, равно как и то, что Ламберт хотел написать *Legati Rugiae gentis*, [послы *ругенского* народа], а не *Russiae* [российского]. Ссылаются еще на Дитмара Мерзебургского, который именно пишет, что Адальберт был изгнан язычниками из России (*Ditm. Chron. кн. II*); но и тут писец мог поставить *Russia* вместо *Rugia*. Жители Рюгена в 956 году давали немецкому императору вспомогательное войско (Гебг. *Gesch. des R. Rügen*, стр. 7). Они до самого XII века еще поклонялись идолам, вопреки Шлёцеру (см. его *Nest. IV, 111*).

³⁹⁶ Мнимый Иоаким говорит, что Святослав был женат на дочери венгерского короля, Предславе; но в сие время никакой венгерской принцессы не бывало за российским князем (см. Генеалогию королей венгерских, *Regum Hungariae ex optimis scriptoribus explicat. Geneal. в Камерар. de rebus Turc., Hung. et Moscovit.* стр. 548).

³⁹⁷ То есть родом из Любеча. В *Никонов. Лет.* сказано, что Ольга, в гневе своем на Малушу, сослала ее в деревню свою *Будутино*, где и родился Владимир. В *Арханг. Лет.*: «бе бо умирая Ольга отдасть село то пресвятей Богородице». Верить ли сим прибавкам новейших летописцев? Считать ли также Владимира незаконнорожденным, как думал г. Елагин? Древний летописец не именует Владимировой матери наложницею. Святослав мог иметь и двух жен.

Татищев — неизвестно почему — назвал Добрыню одним из послов Новгородских. Стриковский же обратил его в женщину.

³⁹⁸ Здесь Татищев рассказывает целую историю, которой нет в летописи. «Святослав (говорит он), выступив из Переяславца в 968 году, оставил там воеводу своего, именем Волка. Болгары, сведав об отсутствии князя, собрали войско и хотели взять город. Волк, боясь измены граждан и не имея довольного количества съестных припасов, тайно приготовил *на берегу* лодки и разгласил, что хочет обороняться до последнего человека; велел также порезать всех коней и солить мяса: ночью же зажег в разных местах город, и когда болгары, думая воспользоваться пожаром, приступили

к стенам городским, хитрый воевода убрался на свои лодки, взял болгарские, бывшие на другой *стороне реки*, и со всеми россиянами отправился вниз по Дунаю. Неприятеля, лишенные лодок своих, не могли за ним гнаться. Он вошел в Днестр и соединился с Святославом». Сказка нескладная. Сочинитель ее думал, что Переяславец, или нынешний Преслав, стоит на берегу Дуная; но от города до сей реки будет несколько верст (см. Бишингову Географию в описании Европейской Турции). Надобно также знать, что россияне ходили из Киева в Болгарию Днепром, морем и Дунаем, а не рекою *Днестром*. — Болтин удивился, что к Щербатов не знал повести о хитром *Волке*; но для чего же сам Болтин не отыскал ее в летописях, а только ссылается на Татищева? Догадка, что Святославу надлежало в Переяславце оставить *гарнизон*, или *засаду*, как говорили в старину, была причиною сего вымысла, *раскрашенного* Елагиным.

³⁹⁹ Метог. popul. II, 989. Лев Диакон (см. выше, примеч. 391) пишет, что Калокир, имел случай подружиться с россиянами в *Сирии*, единственно с тем намерением и привел их в Болгарию, чтобы идти с ними после на Царьград.

⁴⁰⁰ Метог. popul. II, 996. Сии знаки были золотой венец, повязка виссонная (*taenia byssina*) и красные башмаки или сапоги (Метог. popul. II, 1008).

⁴⁰¹ Греки писали Τζιμισκης: имя прилагательное, взятое из языка армянского; значит: *adolescentulus*, *юноша* (см. Дюканж. Glossar. стр. 1570). — Лев сказывает, что и Никифор уже готовился к войне с россиянами, и что он, желая быть уверенным в доброжелательстве болгаров, обещал женить сыновей Романовых на их царевнах, которые и были отправлены в Царьград с греческими послами, епископом Филофеем и сановником Никифором: см. Метогiae populogum II, 989, и Льва Диакона кн. VI, который пишет еще следующее: «Святослав требовал, чтобы император заплатил ему великую сумму денег за счастливую Болгарию; иначе грозился выгнать греков из Европы, им не принадлежащей. Цимиский отвечивал, что христиане любят мир, но принуждены будут силою выгнать россиян из Болгарии; что вероломный Игорь, с бесчисленными ладьями подступив к Царюграду, ушел в Восфор Киммерийский только едва ли с десятью, и после, взятый в плен *германцами* (древлянами), кончил жизнь бедственно: привязанный к двум деревьям, был разорван надвое; что Святослав также погибнет, и проч. Гневный князь российский сказал: нет нужды императору идти сюда; сами явимся пред Константинополем и докажем, что мы не подлые ремесленники, а воины благородные; не жены, не дети, коих пугают масками» и проч. Далее: «Император составил легион из храбрых, юных воинов и назвал *Бессмерт-*

ним... Он велел Варде Склиру и Патрикию Петру оберегать границы, учить войско и посылать людей, знающих русский язык, для разведывания о неприятеле», и проч.

⁴⁰² Метог. рорл. II, 989 и след. Нестор пишет, что города, разоренные тогда россиянами, до его времени были пусты. Кедрин и Зонара говорят, что у Святослава было 308 000 воинов; а у Варды 12 000!! Лев Диакон уменьшает число первых до 30 000, а последних до 10 000, сказывая, что россияне потеряли в битве с лишком 20 000, а греки только 55! По его известию, Варда разделил свое войско на три части: с одною шел прямо в лицо неприятелю, а другие две скрыв в лесу, велел им нечаянно ударить на его фланги.

⁴⁰³ В летописи: «Уже нам не камо ся дети, волею и неволею стати противу, да не посраим земли Русьския, но ляжем костью ту: мертвыи бо срама не имуть. Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко; яз же пред вами пойду. Аще моя глава ляжет, то промышляйте о себе. И реша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложим».

⁴⁰⁴ См. Льва Диакона. С остальным войском и с осадными орудиями шел назад полководец Василий. Сей историк сказывает, что россияне не успели занять ущелий, чрез кои надлежало проходить грекам.

⁴⁰⁵ А после он снял знаки царского достоинства с Бориса и всю Болгарию объявил провинциею империи.

⁴⁰⁶ Греки называли его также Дристроу, Дистроу и Дристроном.

⁴⁰⁷ См. Льва Диакона, кн. IX. Он пишет, что император расположился станом на возвышении пред Доростолом, укрепив оный рвом и валом, также рядом копий и щитов; что воины Святославны в первый раз показались тогда на конях, но не умели править ими; что они весьма испугались прихода греческих огненосных судов, вспомнив о сожжении Игорева флота, и ввели ладии свои в безопасное место; что щиты у россиян доставали до ног, а брони были кольчужные, что Сфенкала, третьего начальника по Святославе, убил один римлянин; что грек Феодор Лалакон раздроблял шлемы и головы неприятелей железною булавою; что россияне старались обратить в пепел военные махины греков; что магистр Иоанн пьяный упал в битве с лошади; что скифы — т. е. россияне — сочли его императором по блестящему его оружию и богатым коврам седла; что они, смеясь грекам, взоткнули голову Иоаннову на кол, и в следующий день гордо на них ударили, но уstraшенные смертью великана Икмора, первого сановника по Святославе, обезглавленного императорским телохранителем Анемасом, завопили и дали тыл; что ночью, отыскивая своих мертвых, сжигали их пред городскою стеною на разных кострах, а по-

сле, совершая жертвоприношение, погружали младенцев и *петухов* в Дунай и задушали их (по латин. переводу: *suffocaverunt, undis fluminis mersos* [задушили, погрузив в речные волны]). Тут Лев Диакон прибавляет следующее: «Сказывают, что они, следуя языческим обрядам древних греков, совершают жертвы и возлияния в честь усопших, будучи научены тому или Анахарсисом и Ксамольксидом, их философами, или товарищами Ахилла: ибо Ариан говорит о своем Перипле, что Ахилл был скиф из городка Мирмикиона, находящегося при озере Меотисе, что изгнанный скифами за необузданность, жестокость и гордость, поселился в Фессалии: чему ясным доказательством служат покроей одежды с застежкой, сражение пешее, волосы русые, глаза голубые, дерзость, ярость, лютость, в коих Агамемнон упрекает его сими словами: *ты любишь всегда распрю, ссоры и драки...* Народ скифский славится дерзостью, мужеством, силою», и проч.

Воевода Святослав, Сфенкал, или Сфагел, начальствовал (как мы сказали) в Переяславце: он спасся оттуда бегством. Вероятно, что сим именем греческие историки называют воеводу Свенельда, который, однако ж, возвратился жив и здоров в Россию.

⁴⁰⁸ По латинскому переводу Кедрина: *qui enim vitam toleraturi essent fuga servatam, contemnentibus ipsos porro vicinis populis, quibus antea terroti fuissent* [кто стал бы терпеть жизнь, сохраненную бегством, презираемый теми самыми соседями, которые прежде пребывали в страхе] (*Memor. popul. II, 1004*). См. еще Льва Диакона, кн. IX. Совет Святославов называет он *Коментом*: *quod sua lingua Comentum apellant* [который на своем языке они называют Коментом]. — Ломоносов соединил сию речь с тою, которая находится в Несторовой летописи (см. выше, примеч. 403); но первую говорил Святослав не в Доростоле, а в Греции, идучи к Царюграду.

⁴⁰⁹ «Некоторая благочестивая жена (пишет Кедрин) подтвердила в Константинополе истину сего явления. Она видела во сне Богоматерь, которая говорила: *Феодоре! мой и твой друг Иоанн в опасности: спеши к нему на помощь*» (*Memor. popul. II, 1006*). Лев Диакон описывает сию битву иначе, сказывая, что россияне 24 июля, в шестой день недели, перед закатом солнца вышли густою фалангою из крепости, держа в руках метательные копьа; что Анемас ударил Святослава мечом в шею, и что сей князь обязан был спасением жизни кольчуге своей и щиту; что россияне, ободренные смертью Анемаса, погнались греков; что император, велел ударить в тимпаны и взяв копье, остановил бегущих; что вихрь ослепил тогда россиян пылью, и Св. Феодор на коне явился; что Варда Склир заставил их отступить к стене; что урон греков состоял только в *трехстах пятидесяти* убитых; что Святослав едва не

попался в плен, всю ночь крушился, и в следующий день, на расвете, прислав послов к императору, заключил мир, с условием отлать Доростол и Болгарию грекам, освободить их пленников и возвратиться в отечество. Леон говорит только об одной битве. Шестой день недели, им означенный, нейдет к 24 июля в 971 году, ни к 8 июня, когда празднуется память Феодора Стратилата. — Летописцы византийские прибавляют еще, что Цимискиев полководец, Феодор, сбитый с коня и окруженный неприятелями, схватил одного из них и защитился им от ударов россиян; что император хотел всячески отрезать Святослава от Доростола, и проч.

⁴¹⁰ Нестор говорит только, что Святослав, по возвращении своем из Греции в Болгарию, увидел малочисленность российского войска и немедленно заключил мир с Цимискием, который находился тогда в Дистре, или Доростоле; но ежели великий князь был победителем, то каким образом очутился император в Доростоле, болгарском городе?

⁴¹¹ Нестор сказывает, что греческие послы были у Святослава с дарами; что сей князь советовался с дружиною и вторично отправил своих послов к Цимискию, и что император велел писать на хартии речи их. Далее: «нача глаголати сол, и нача писец писати, глаголя сиче, равно *другаго свещанья* бывшего при Святославе, Велицем князе Рустем, и при Свенальде (или Свенельде) писано при Феофиле Синкеле, к Ивану, нарицаемому Цимискию, в Дистре». Татищев вздумал исправить мнимую ошибку летописца, и вместо слов: *при Святославе* написал: *при Игоре*, воображая, что речь идет о трактате Игоровом; издатель печатного *Нестора* сделал то же. Но здесь под *другим свещанием* разумеются мирные условия, заключенные греческим послом, Феофилом Синкелом, с князем Святославом и Свенальдом (у греков назывался синкелом духовный чиновник, который уступал в достоинстве одному патриарху). Сии условия были основанием торжественного договора, писанного на хартии уже в присутствии самого Цимиския. Во всех списках Нестора, как в харатейных, так и в самом Кенигсбергском, стоит имя Святослава, а не Игоря; но Татищеву хотелось уверить нас, что при сем случае был возобновлен Игорев трактат, и что Святославов есть не что иное, как прибавление к оному.

⁴¹² Дети Романовы, еще младенцы, которых Цимиский называл сотоварищами в правлении.

⁴¹³ «Да будет *золоти* яко золото се»: ибо славяне полагали золото к ногам идолов, когда клялися в верном соблюдении мира. В нашем языке золото получило имя свое от *желтого* цвета. Иллирические славяне называют *желчь* *zlatenica*, а богемские *zlatenice*. И в переводе нашей Библии слово *златеница* употреблено в смысле *желчи*: см. Пророка Амоса, гл. IV, ст. 9. «Да будем жел-

ты», есть то же, что: «да будем мертвы». В одном *Пушкин*. списке, вместо *золоти*, стоит *колоти*. Это, без сомнения, описка.

В некоторых списках сказано при конце договора: «сотворихом ныне к вам *Пинехрису*». Татищев изъясняет, что *Пинехруса* на греческом языке знаменует *письменное* или *твердое обязательство*! Слово, без сомнения, греческое и состоит, кажется, из *πινα* и *χρυσῆ* (*златая*). Известны слова *πινακίον*, *πινακίς*, *доска для письма*, *Schreibtafel*. Грамота с печатью золотою называлась *Βουλλα χρυσῆ*; не то ли же значила и *πινα χρυσῆ*?

⁴¹⁴ Лев Диакон пишет: *Imperator, quia pace exercitus incolumis foret, bello conta interitu periret, foedus percussit, et singulis tritici medimnos duos* (т. е. по две меры) *mensus est. Qui frumentum acceperunt, numeratos dicunt ad 22 000, qui ex 60 000 exercitus Russi interitum evasere; 38 000 enim Romana acies confoderat* [так как мир сохранил бы войско, а война, напротив, погубила бы его, император заключил мирный договор и каждому воину выдал по две меры пшеницы. Говорят, что получивших продовольствие было около 22 000 — те, кто из 60 000 русского войска избежал гибели; 38 000 погубили греческие воины]. Итак, у Святослава из 60 000 оставалось еще 22 000 воинов, коим император дал пшеницы? Но, по известию Нестора, он и в походе к Царюграду не имел более 10 000.

⁴¹⁵ «И не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по *полугривне глава коняча*». Надобно полагать, что гривна ходячей русской монеты в отношении к серебру была тогда еще гораздо дороже, нежели в XIII веке (см. ниже, примеч. 527).

⁴¹⁶ Стриковский пишет, что князь печенежский вырезал на сей чаше слова: *Пойдешь за чужим, свое утратишь*. Изречение хорошо; но Стриковский не подумал о том, что варвары печенеги не умели писать. И немцы и славяне пивали из черепа своих неприятелей. Так, болгарский царь Крум, убив в 811 году императора Никифора, оправил череп его в серебро, и князья славянские употребляли сию мертвую голову вместо покала (Метог. рор. II, 540).

⁴¹⁷ Мы не знаем точно, как Россия была разделена между ими; но вероятно, что весь, чудь и западные кривичи принадлежали к Новгородской области Владимира (ибо войско его, как увидим после, состояло из сих народов); что Древлянское княжество ограничивалось одною Волынскою губерниею, и что все другие земли российские признавали над собою власть киевского великого князя.

⁴¹⁸ Нестор пишет: в *гроблю*. Сие древнее слово употребляется в двояком смысле, означая *плотину* и *ров*. В Академическом Словаре не упомянуто о *первом* смысле, который имеет оно в языке польском (*grobła*) и малороссийском. Болтин, обвиняя Щербатова в невежестве, и сам, кажется, не знал (вместе с Татищевым) что *гроб-*

ли, кроме *плотины*, значит еще и *глубокую яму* или *ров*. Щербатов думал, что гроблею называлась река. В новейших летописях (например, в *Архангельской*) здесь именно сказано: «с мосту чрез *ров*».

В *Никон. Лет.* прибавлены к словам Ярополка восклицания и другие пустые слова. Г. Руссов в *Волынских Записках*, стр. 100, говорит: «тут же близ (Овруча и) реки Уши видит (путешественник) насыпь, кости древлянского князя Олега покрывающую». Он сказывает также, что в Овруче есть древняя церковь, построенная будто бы Св. Владимиром и называемая Васильевскою.

⁴¹⁹ *Никонов. Лет.* по своему обыкновению дополняет Нестора вымыслами и сказывает, что в 978 году Ярополк победил печенегов; что в 979 он взял в русскую службу князя их *Ильдею* и дал ему разные города; что были *знамена в луне, в солнце и в звездах*, страшные громы, вихри — и проч. В сей же летописи и *Воскресен.* сказано, что в 979 году приходили к Ярополку греческие послы и заключили с ним мир, обещая платить ему дань так же, как отцу и деду его.

⁴²⁰ Татищев написал от себя, что Рогволод был из *варяжских князей, пришедших с Рюриком*: следственно, за 118 лет? Люди редко доживают до такой старости. Или он хотел сказать, что сей князь *произошел от их рода*? Но летописец именно говорит, что *сам* Рогволод прибыл из-за моря.

⁴²¹ В *Троицк.*: «не хочу *изути* робичича» — т. е. *разуть*. По древнему обыкновению новобрачная должна была в первую ночь разувать мужа. Олеарий, описывая Россию в XVII веке, упоминает еще о сем обыкновении. В продолжении Нестора (в печатн. стр. 185) сказано: «Добрыня поноси дочери его и повеле Володимеру *быти с нею пред отцем ея и матерю*, и потом отца уби». Справедливо ли сие гнусное обстоятельство? Нестор молчит о том.

⁴²² В *Троицк.* и в *Пушкин.*: «и стоя Володимер обрывся на *Дорогожичи*, межи *Дорогожичем* и *Капичем*; и есть ров тот и до сего дни». Урочища близ Киева, о коих и после упоминается. Далее в *Троицк.* и *Пушкин.*: «Блуд затворися с Ярополком лъстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему приступати к граду бранью; а сам мысляше убити Ярополка; гражаны же не бе лъзе убити его» — то есть ради усердных граждан. Далее: «и замысли лъсть, веля ему не излазити на брань». Сие подало мысль *Никон. Летописцу* прибавить, что Блуд с самого начала обманывал *весьма храброго* Ярополка, говоря: «не может противу тебе стати брат твой меньший Володимер, яко же синица на орла брань сотворити... Не утружай воинства своего собирая».

⁴²³ Татищев обратил имя Рось в *Тергу*, которой нигде не быва-

ло. *Рось* течет в Киевской губернии и с западной стороны впадает в Днепр. Белая Церковь и Богуслав стоят на берегу сей реки.

⁴²⁴ «И Варяжко бежа в печенеги, и одва приваби его Володимер, ходив к нему роте». В *Никонов.* и в других сказано, что Варяжко, мстя Ярополкову смерть, разорял с печенегами Владимировы области; но сего обстоятельства, к чести доброго слуги и памяти его, нет в древней летописи. — Нет и того, чтобы Владимир (как говорит Татищев) «три дни честив Блуда, потом умертвил его, сказав: я исполнил свое обещание, а теперь наказываю изменника, убийцу государя своего». Так поступил не Владимир Святой, а Владимирко Галицкий, как увидим в истории XII века.

От сего Блуда происходит фамилия Блудовых (см. *Родословную Книгу*).

⁴²⁵ «Бе бо привел ю отец его Святослав и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея» (*Нест.*, стр. 67).

⁴²⁶ Ламберт Ашаффенбургский ad ann. 973: Otto Imperator senior cum juniore venit Quidlinburg, ibique celebravit sanctum Pascha X Kal. Aprilis. Illucque venerunt Legati plurimarum gentium, videlicet Romanorum, Graecorum, Beneventanorum, Italarum, Hungarorum, Danorum, Sclavorum, Bulgarorum atque *Russorum* cum magnis muneribus (с великими дарами) [император Оттон старший вместе с младшими прибыл в Кведлинбург, и на десятый день после апрельских календ праздновал там Святую Пасху. Туда пришли к нему послы от многих народов, а именно византийцев, греков, беневентцев, итальянцев, венгров, датчан, славян, болгар и *россиян* с великим дарами].

⁴²⁷ «Реша варяги Володимеру: се град наш; хоцем имати окуп», и проч. «Рече Володимер: подождите еще, даже вы куны сберуть за месяц, и не да им» — и проч. Далее Нестор говорит просто: «и раздая им грады»; а Татищев: «дав грады и села на содержание их».

⁴²⁸ Еще при Игоре стоял Перун на сем холме (см. выше, и в *Несторе* стр. 45).

⁴²⁹ «Володимер залеже ю не по браку». Сказав, что она была уже беременна (*бе не праздна*), летописец называет Святополка сыном двух отцов. — Имя *водимая* (см. в печатн. *Нест.* стр. 70) означало законную супругу.

⁴³⁰ Начало польских летописей затемнено баснями. Предание о Ляхе, Краке, Венде и проч. есть не что иное, как сказка. Достоверным можно считать единственно то, что польские славяне, около половины IX века, быв до того времени игралищем несогласных воевод своих, избрали себе в государи Пиаста, или Пяста, которого потомки царствовали до конца XIV века. — Мартин Галлус и Кадлубек, древнейшие историки польские, моложе Нестора: второй целым веком.

⁴³¹ Длугош упоминает о сей войне единственно по известию Несторову, прибавляя от себя, что счастье благоприятствовало той и другой стороне (*Historia Polonica* кн. II, стр. 108). Мартин Галлус и Кадлубек не знали Нестора. Длугош пользовался Кадлубеком и Нестором; Кроммер также; Стриковский брал известия свои о древней России из Длугоша, Кроммера и Герберштейна.

От Червена произошло имя *Червенной России*, которую иностранцы обратили в *Красную*. Сей в нашей истории достопамятный город есть ныне простое селение и называется *Чернеев*, близ Хелма, на юг. Положение его объясняется следующими местами *Волынской летописи*: «Кондратови ставшю, где ныне град Холм стоить, пославшю ему к *Червну* воевати». Итак, Червен находился близ Холма, или Хелма. Еще: «бишась у ворот *Червенских*, а застава бе в *Уханях*». Галицкое местечко *Ухани* недалеко от нынешнего Чернеева, который находится между оным и Хелмом (см. в сей *Истории* Т. III, прим. 134).

⁴³² См. о латышском народе выше, стр. 52. Польские историки называют ятвягов *Jazvingi* (см. Кроммера *de origine Polonorum* и проч. книг. IV, стр. 51; также Стриковского, кн. V, гл. 9). Сей отменно мужественный народ был наконец истреблен поляками, россиянами и литвою.

Никон. Лет. говорит, что великий князь *два раза* усмирив явичей; а Татищев: «иде (Владимир в 982 году) в поле, и покорив землю Польскую, град Суздаль *утвердил*». Татищев ссылается на Стриковского; но сей историк пишет о мнимом завоевании Суздаля уже по крещении Владимировом (о чем см. ниже) и признается, что сей город ему совсем неизвестен; более ничего.— См. Стурлез. *Historiae Regum Septentrionalium* Т. I, стр. 197, и ниже, примеч. 484. Стурлезон говорит об *Эстляндии*; но под сим именем разумелась и Ливония: см. Баера в *Коммент. Академии*, Т. X, стр. 379.

⁴³³ В летописи сказано, что сей варяг пришел из Греции; но он и в Киеве мог принять христианскую Веру.

⁴³⁴ См. *Книгу житий Святых*, месяца июля 12. Нестор говорит, что место, где убийцы погребли сих мучеников, никому не известно.

⁴³⁵ Река Пищана, в Могилевской губернии, именуется ныне Пещаном и впадает в реку Сожь, или Сожу.

⁴³⁶ См. выше, стр. 53, и ниже, примеч. 518. В харатейных списках: «иде Володимер на болгары в лодьях»; но во многих других прибавлено: «*Низовские болгары*». В *Воскресен.* и некоторых именно сказано: «болгары, *иже по Волзе*». В *Степен. Книге* (I, стр. 92): «и нижние болгары *Волжские* и Камские покори под ся». Обстоятельство, что Добрыня с любопытством осматривал одежду

пленников, свидетельствует, что россияне еще не знали сих болгаров; но дунайские были уже им давно известны. Увидим после, что россияне обыкновенно ходили Волгою к низовским болгарам. Восточные географы пишут, что россияне в 968 году взяли и разрушили славный город сего народа, именем Болгар (см. Эрбелоту Bibl. Orient. под словом *Bulgar*). В 967 году Святослав воевал с дунайскими, а не камскими болгарами: что могло, по мнению Миллера, ввести в ошибку или арабских географов, или Эрбелота, который сообщил нам сие известие.

Иностранцы, Левек и Штриттер, не сделали ошибки наших историков, которые говорят здесь о дунайских болгарях. Татищев присоединяет к ним еще сербов.

⁴³⁷ Нестор говорит (в печатн. стр. 145): «Сии суть от пустыни Этверския, межю Востоком и Севером; числом их четыре колена: торкмани, печенези, торки и половцы». Туркоманы были уже славны в Несторово время, овладев в 1074 году Сириею, а в 1082 году Иерусалимом, хотя и ненадолго. Нынешние османские, или оттоманские, турки были тогда еще неизвестны.— Наши летописцы называли торков и берендеев черкасами (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 218 и 347). Бишинг (*Erdbeschr.* Т. I, стр. 1194) или Тунман полагает наугад российских торков близ Перекопа и говорит, что они были остатком угров и болгаров. В 1080 году торки обитали недалеко от Переяславля. Нестор пишет: «в лето 6588 заратишась торки *Переяславльстии*». Другие перешли к россиянам и поселились в Киевской губернии, между реками Стугною и Росью (в печатн. *Нест.* стр. 137). В 1114 году печенег и торки были изгнаны половцами из окрестностей Дона (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 218).

⁴³⁸ В подлиннике: «и рече Добрыня: соглядах колодник, иже вси в сапозех: *сим дани не дати; пойдём искати лапотник...* И реша болгаре: толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель погрязнеть».

⁴³⁹ См. в печатн. *Несторе* стр. 185.— Село Предславино могло быть названо именем Владимировой и Рогнединой дочери, о которой ниже упоминается.— В печатн. *Несторе* речь Изяславова взята из *Никон. Лет.*: «егда един жити хочещи, или безсмертен мнишися? прими меч сей, *вонзи прежде во утробу мою, да не увижу аз смерти матери моея!*» Но по древним спискам Нестора, и по самому *Кенигсбергу.*, сей юный князь говорит только: отче! еда един мнишися ходя? (в некоторых списках поставлено *хотя*). Владимир отвечает: «а кто тя мнел сде?» Я должен был прибавить несколько слов для ясности.

⁴⁴⁰ Ныне *Заслав*, бывший литовский городок минского повета, или местечко недалеко от Минска.

⁴⁴¹ «Придоша болгаре Веры бохмиче» (магометанской).

⁴⁴² Летописец хочет сказать, что впервые киевские христиане (со времен Аскольда и Дира) были греческого исповедания, а не католики.

⁴⁴³ Древний летописец не именует его ни Константином, ни Кириллом, вопреки *Степен. Книге, Никонов.* и другим новым летописям. В некоторых сказано, что он остался у Владимира, *книги перенюдя и его уча.*

⁴⁴⁴ В харатейных списках Нестора следует здесь извлечение из Библии, которое занимает 11 листов. Греческий философ говорит много лишнего о болгарах (см. *Воскресенск. Лет.* I, 125).— И болгарский государь, именем Богорис, в 860 году обращен был в христианство, по свидетельству византийских летописцев, картиною Страшного Суда, написанною монахом Мефодием (Метог. popul. II, 571—572).

⁴⁴⁵ Или *ропати*, т. е. капища.

⁴⁴⁶ Сей патриарх назывался Николай Хрисовергий, а не Сергей, не Фотий, как говорят новейшие летописцы русские.

⁴⁴⁷ См. в Бандури *Animadversiones in Const. Porph.* T. II, стр. 112 и след. В сем отрывке недостает начала: «Князь российский (говорит сочинитель), желая лучше узнать Христианскую Веру, отправил послов в Рим. Там с великим любопытством осматривали они украшение храмов и старались разведать все, что касается до священнослужения; видели и патриарха римского, именуемого папою; приняли от него дальнейшие наставления, возвратились в отечество и донесли обо всем государю, склоняя его в пользу Римской Веры. Но бояре княжеские, особенно те, которые подали ему совет исследовать Веры, говорили: *Нет, Государь! надобно прежде узнать Веру греков. Сказывают, что Константинополь еще знаменитее Рима: пошли и в Грецию тех же людей, да изберем лучшую из двух Вер Христианских.* Благоразумный князь отправил в Царьград упомянутых четырех мужей, которые объявили тамошнему императору, Василию Македонскому, причину своего многотрудного путешествия. Он с радостию дал им некоторых людей ученых, чтобы показывать все любопытное в городе и ответствовать на их вопросы. Россияне пришли наконец в славнейшую и великолепную церковь Св. Софии, когда совершалась в ней торжественная служба: в день ли Св. Иоанна Златоустого, или Успения Богородицы? не могу сказать наверное. Послы с любопытством осматривали храм и наблюдали чин служения. Видя множество светильников и внимая пению святых гимнов, они изумились. Слушая после вечерней и утренней молитвы святую литургию, россияне хотели ведать, что такое знаменует *большой и малый вход* (ἡ μικρα χαι ἡ μεγαλη

ἑσφοδς); для чего диаконы и поддиаконы выходят из олтаря с свещами и *рипидами*, а священники, епископы и сам патриарх с Божественными Святыми Таинами; также для чего народ, падая ниц, взывает: *Господи помилуй!* Язычники смотрели на сии обряды равнодушно, хотя и со вниманием. Но милосердый Бог отверз им очи, да созерцают чудо великое, и да познают истину... Видев сие удивительное явление, они взяли за руки своих вожатых и сказали им: *все было здесь ужасно и величественно; но что мы теперь видели, превосходит естество человеческое. Нам явились юноши крылатые в светлой, необыкновенной одежде, которые, не касаясь земли, пели на воздухе* Свят, Свят, Свят! *что нас более всего привело в изумление.* Вожатые ответствовали им: *Не ведая, может быть, всех таинств христианства, вы не знаете, что сами Ангелы нисходят с неба и вместе с нашими священниками совершают Божественную службу.* Россияне говорили: *ваши слова истинны; других доказательств не надобно: ибо мы все видели собственными глазами. Отпустите нас в отечество, да поведаем о том князю нашему...* Возвратясь в Россию, они сказали государю: *нам показывали много великолепного в Риме; но то, что мы в Константинополе видели, приводит ум человеческий в исступление»,* и проч. Далее повествует сочинитель, что греческий царь прислал к российскому князю епископа с двумя помощниками, Кириллом и Афанасием, которые изобрели для россиян 35 новых букв. Слышав, конечно, о святых мужах Кирилле и Мефодии, изобретших славянские письмена, сей безыменный сочинитель обратил Мефодия в Афанасия, а славян моравских в россиян. Он говорит, что Кирилл и Афанасий славны учеными и христианскими творениями своими (*neque solum divinae scripturae notitia repleti, sed etiam in humanioribus litteris probe exercitati, ut eorum scripta testificantur* [не только преисполнены знания священного писания, но и в светских науках весьма опытни, о чем свидетельствуют их сочинения]): мы знаем действительно Кирилла и Афанасия, архиепископов Александрийских, славных богословов; но они жили в IV и V веке.

В прибавлении книги, изданной в Кельне (в 1676 году), под заглавием: *Christophori Sandii nucleus Historiae Ecclesiasticae* (*Христофора Сандия Ядро Церковной истории*), напечатано (стр. 61—64) письмо к великому князю Владимиру от Иоанна Смеры, его медика, будто бы посланного им для наблюдения Вер и нравов в чужих землях. Смера пишет из Александрии: жалеет, что оставил Россию и государя милостивого; не знает, как возвратиться; сказывает, что он едва не погиб в своем трудном путешествии; был в Паннонии, Сервии, Болгарии, Мизии, в славной империи Греческой, Антиохии, Иерусалиме; наконец приехал в Александ-

рию; видел там многие великолепные синагоги, в коих молятся люди, подобные аспидам и василискам; видел и церкви христиан, *блословов*, добрых, миролюбивых, подобных Ангелам. «У них уже нет идолов,— говорит медик Владимиров,— нет в церквях ничего, кроме столов и скамей. Они ежедневно собираются для молитвы перед рассветом, по захождении солнца, иногда в третьем или девятом часу дня, и называются Новым Израилем. Их учению следуют и некоторые цари с своими докторами. Я сам принимаю оное, уже крещенный водою и Духом во имя Отца, Бога всемогущего, и Сына Его, Христа, и Св. Духа, исходящего от первого. Для того посылаю к тебе их книгу, именуемую Евангелием, с учением Апостолов. И людей столь благонравных утесняют в областях империи! Греки хитрые, гордые, подражая римлянам, делают иногда добро единственно по лукавству, чтобы привлечь людей простых в свои синагоги, или церкви. Они (кто?) веруют в Бога всемогущего, и Его Сына едиnorodного, Иисуса, рожденного действием Св. Духа от Девы Марии», и проч. Следует весь Символ христианской Веры. Далее сказано, что греки, император, патриархи и вельможи его, оставляя учение Бога истинного, также называют себя Новым Израилем, порабащают своих бедных братьев, берут с них дань, не велят им жениться, заниматься свободными художествами, употреблять оружия; хотят быть обожаемы по смерти, дают свои имена храмам, ставят в оных свои изображения, чтят идолов, бьют в ладоши, топают ногами, поют в церквях, и проч.; а христиан, собирающихся в местах уединенных на кладбищах, в лесах, в пещерах, именуют чародеями. «Изгибнут,— пишет Смера,— гордые греки в огне вечном; а славяне, по книгам иудейским и христианским, присоединятся некогда с великою ревностью к истинной Вере Бога Израилева... Итак, о царь! не должно тебе принимать ни Веры, ни нравов греческих; а если примешь их, то уже никогда не увидишь меня: остануся здесь ждать суда Христова. Писано железными буквами на двенадцати дсках медных, в л. Александрии Египетской 5587, Фараонов 1179, Александра славного царствования 5, Индикт. 1, Луны 7, Ид. 14. Так верно доношу тебе медик и ритор твой Иванец Смера Половлянин» (а в другом списке стоит: «Иоанн Смера Половец»).— Сия грамота, как извещают нас, писана на языке болгарском, *secundum antiquam doctrinam Russicam (!)* [согласно древнему учению русскому (!)] такими буквами: *ϑου οδρηδκωζφκτξρ* (следственно, греческими?) и найдена в 1567 году в Спасском монастыре Перемышльской области, недалеко от древнего Самбора. Витебский диакон, Андрей Колодинский, перевел ее на польский язык, а Виссоватий на латинский. Предположив ее достоверность, согласимся с ученым Шпренгелем (см. его рукописное сочинение *Über eine duncke*

Stelle in der Russischen Geschichte), что египетские *богословы* или христиане Смерины могли быть раскольники *павлисты*, названные так от имени Апостола Павла, гонимые в империи и нашедшие убежище в Египте; но можем ли верить сему письму? Не говоря о содержании, о слоге, о буквах, досках, о языке болгарском *secundum antiquam doctrinam Russicam*, заметим летосчисление и подпись. Означен год 5587 от сотворения мира: по какой же системе хронологической? если по александрийской (между коюю и греческою 16 лет розницы), то Владимир жил около половины седьмой тысячи. Что такое 1179 год Фараонов и пятое лето Александра царствования? Как *Луна* замешалась в *Индикт* и в *Иды*? Иванец, Иоанн, есть имя христианское, которого бывший язычник Смера не мог иметь в России языческой. Он называется половлянином, или половцем: но половцы сделались известны в России уже при внуках Владимировых.— Не будем глупее глупых невежд, хотящих обманывать нас подобными вымыслами. Автор письма, зная о Владимире из Дитмара, Меховского, Кромера, хотел побранить греков: вот источник вымысла!

⁴⁴⁸ В печатном житии Св. великого князя Владимира сказано, что в сие время бывшие христиане киевские или снова обратились в язычество, или ушли из России, или таили Веру свою; но древний летописец не говорит, чтобы Святослав, Ярополк и Владимир гнали христиан и разоряли храмы их: имел прежде церкви в Киеве, они, как вероятно, и тогда молились в оных.

⁴⁴⁹ Нестор говорит (в печатн. стр. 79): «и ста Володимер в *Лимени*», то есть гавани Херсонской, или заливе (Лимане); следовательно, россияне пришли на судах.— Древнейший Херсон запустел еще прежде Страбоновых времен: *vetusta Chersonesus* [древний Херсонес] (говорит он в VII книге) *nunc diruta* [ныне разрушенный]. Следы его описаны ученым Палласом в *Voyage entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l'Empire de Russie*, Т. II, стр. 60 и след. Сей город стоял на мысу Фанарийском, где видны еще остатки башен и стен.— Развалины *новейшего* Херсона или Корсуня, как называли его в старину русские, находятся верстах в двух от Севастополя. В то время, как наши войска заняли Крым, многие стены были совершенно целы, вместе с прекрасными городскими воротами и двумя башнями; теперь они уже не существуют: из них брали камни для строения домов в Севастополе. Множество резного мрамора, найденного в развалинах, доказывает, что в сем новом Херсоне господствовала роскошь. Доныне охотники вырывают там римские и византийские монеты золотые, серебряные и медные. Не только город, но и селения вокруг его были окружены каменными стенами и башнями для защиты от варваров.— Херсон, вольный до Митридата, зависел с того време-

ни от царей воспорских и, наконец, от римских императоров. Константин Великий в 322 году освободил его от всякой дани, и Херсон властвовал в южной Тавриде до самой Кафы. Судак и Кафа, опустевшие при гуннских, затмили блеск сего города. В 1333 году он был еще столицею архиепископа Западной Церкви; но в 1578 году стояли уже одни пустые Херсонские стены (см. Бишингов. *Erdbeschreibung*, Т. I, стр. 1214; также Маннерт. *Geographie der Gr. und Röm.* Т. IV, стр. 299).

⁴⁵⁰ «Корсуныяне, подкопавше стену градскую, крадяху сыплемую персть, и ношаху собе в град, сыплюще посреди града, и воины (Владимировы) присыпаху боле». Некоторые толковали, что воины сыпали землю в городской ров; но им прежде надлежало защитить себя валом, который назывался по-русски *спом* и *приспом*, от глагола *сыплю* и *присыпаю*.

⁴⁵¹ «Володимер же се слышав, возрев на небо, и рече: *аще се ся сбудеть, сам ся крещу ту*». Но Владимир, и взяв Херсон, не хотел еще креститься без некоторого условия, как увидим ниже.

О развалинах водовода см. Палласа *Voyage etc.* II, 67.

⁴⁵² Историки византийские, арабские и немецкие говорят о бракосочетании Владимира с Анною, сестрою императора Василия (Метог. *popul.* II, 25, Эрбелот. *Bibl. Orient.* III, 137, и Дитмар. *Chron.* кн. 7). Дитмар, современник Владимиров, ошибся в имени греческой царевны, назвав ее, вместо Анны, Еленою; он несправедливо думал также, что Оттон III хотел на ней жениться (см. Треер. *Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum imperium*, стр. 14).

⁴⁵³ Метог. *popul.* II, 1009, и Эль-Мак. *Historia Saracenica* стр. 251. Бунт Склира и Фоки подробно описан Кедриним (см. русский перевод его л. 147).

Константин Багрянородный, в наставлении данном Роману, горжественно запрещает Дому своему вступать в родственный союз с князьями россов, хазаров и венгров (см. Констант. *de Adm. Imp.* гл. 13). Эль-Макин рассказывает, что император Василий, боясь успехов мятежника Фоки, послал к российскому князю, бывшему врагу своему, просить у него войска; что сей князь требовал за то руки царевниной и согласия быть христианином (*Historia Saracenica* стр. 251). Дитмар пишет, что сама греческая царевна уговорила его принять Веру христианскую.

⁴⁵⁴ В Харатейном *Пушкин.* списке: «она же не хотяше ити яко и *полон*».

⁴⁵⁵ Наши богословы думают, что сие Владимирово прозрение было *духовное* (см. Платонову *Церковную Росс. Историю*, I, 27). С апостолом Павлом случилось то же.— Анна, по сказанию Татищева, сведав о болезни Владимира, догадалась, что он раздумал

креститься, и что Бог хотел за то наказать его сим недугом. В Кишинской Архивской рукописи: «и нача мыслити (Владимир), яко бози его наказуют, яко Веру их поверг, а христианскую хочет прияти». Автор. *Степен. Книги* вымыслил длинную речь, будто бы произнесенную Владимиром по крещении.

В *Пушкин.* списке и в других стоит имя церкви Св. Василия, а в новейших Св. *Иакова*: ошибка, произведенная словами: «крести Володимера, и яко възложи руку». Какой-нибудь невежда принял их за имя церкви. В *Ипатьевск.* и *Хлебн.* названа сия церковь *Св. Софиею*. Здесь Нестор опровергает мнение тех людей, которые в его время думали, что Владимир крестился в Киеве или в Василеве.— В рукописном харатейном житии Владимира сказано (также в *Минеях* и в других местах), что сей князь назван был в крещении *Василием*.— Нестор говорит здесь только о епископе Херсонском; но в Херсоне были митрополиты (см. Кодина de Officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae, стр. 339).

⁴⁵⁶ Метог. рорul. II, 1009.

⁴⁵⁷ Нестор говорит: «за вено». *Архангел. Лет.* думал, что Владимир подарил Херсон епископам и пресвитерам за *венчание!* — Сочинители *Книги житий Святых*, описывая подвиги Св. Философа Константина (XI мая), сказывают, что он, будучи в Херсоне, нашел мощи Климента и *некоторую часть* их отвез в Рим: следственно, Владимир мог взять *остаток*.

⁴⁵⁸ Нестор говорит: «две *капищи* и четыре кони медяны». Здесь слово *капище* не может означать кумирницы, или храма языческого. В нашей Библии (*Исход*, XXIII, 24) оно употреблено в смысле кумира. В *Никонов.* и других летописях названы сии *капища болванами*. Татищев пишет: *вдав*, вместо *взя же*, и *медные иконы*, вместо *коней*; но летописец говорил уже об иконах выше (см. в печатн. *Нест.* стр. 82). Далее Нестор сказывает, что некоторые люди его времени считали сии медные вещи мраморными.— Герберштейн пишет, что новгородцы, по взятии Херсона, вывезли оттуда *медные врата* и *большой колокол*. Западные резные врата Софийского Новгородского собора действительно называются *Херсонскими*, но сделаны немецкими художниками, которые внизу изобразили самих себя в германской старинной одежде и написали имена: *Мастер Аврам, Ванзмут, мастер Никвн Мепеги*, а выше: *Riquin me fec.* (В последнем слове первая буква похожа на Р, а С также неясно; но должно, кажется, читать: *fecit*; т. е. «Риквин сделал меня»: из чего, по недоразумению, вышла русская надпись *Мепеги*). Над главою благословляющего епископа: *Wiktmanus Megideburgensis Eps.*, т. е. «Викман, епископ Магдебургский» (который умер в 1149 году: см. S. F. v. Herberstein, v. S.

Adelung, 446). Над изображением другого святителя: Alexander Episc. de Blucich; т. е. «Александр епископ». Имя *Блуцих* должно означать город; но какой? Все надписи, и латинские и русские, несъема грубы, неисправны. В *Новгород. Лет.*, г. 1336, сказано, что Новгород. архиепископ Василий сделал в Софийскую церковь *медные, вызолоченные двери* (см. нашей *Истории* Т. IV, примеч. 328): не сии ли, так называемые *Херсонские*? Но кажется, что они были сделаны для другого, большего места или отверстия: четвероугольники, их составляющие, находят краями один на другой, закрывая часть изображений и надписей (см. г. Аделунга в его S. F. v. Herberstein 448). Далин пишет (см. нашей *Истории* Т. III, примеч. 85), что Херсонскими назывались в Новгород. Соборной церкви врата Сигтунские, похищенные россиянами в 1188 году; но в сей церкви есть другие врата, именуемые *Шведскими*. В 1528 г. архиеп. Макарий также сделал новые царские двери в Софию (см. Архив. *Рост. Лет.* л. 585). Миллер нашел в женском Александровском монастыре (губерн. Владимирской) церковные медные врата, вывезенные Иоанном Грозным из Новгорода (см. Миллер. *Путешествие к Троице*).

Герберштейн выдавал иногда сказки за русские летописи: так он говорит, что новгородцы (ut annales eorum referunt [как сообщают их летописи]) семь лет осаждали Херсон; что жены их вышли между тем замуж за рабов; что сии рабы встретили господ с оружием; но господа, оставив мечи и копья, пошли на них с бичами, и тем обратили в бегство своих бывших слуг, которые укрепились в одном месте, названном после *Холопым городом* (Гербершт. *Regum Moscovitarum Commentarii*, стр. 55). Сия басня, повторенная Стриковским, Витсеном в его Noord en Oost-Tartarye, и сочинителем *Ядра Росс. истории*, взята из древней греческой сказки о рабах скифских. Новгородцы и псковитяне, как упомянуто в некоторых летописях (см. в Синодалън. библ. № 349, л. 37), действительно ходили под Херсон с Владимиром; правда и то, что на берегу Мологи, в 60 верстах от устья сей реки, был в XIV, XV и в XVI веке *Холопий город*, известный по его славным ярмонкам; правда, что сие место донныне именуется *Старым Холопым* и находится в дачах графа А. И. Мусина-Пушкина (Ярославской губернии, в Мологском уезде); правда, что недалеко оттуда есть два жительствова: *Станово* (графа М[усина-]Пушкина), где, по рассказам, находился *стан* холопей, и *Боронишино* (г. Гориховстова), где они будто бы оборонялись: но в летописях Новгородских нет ни слова о сем мнимом возмущении рабов, и вероятно, что название мест, которого причина в самом деле неизвестна, поддало мысль к возобновлению греческой сказки, отнесенной по-

сле к вятчанам, будто бы новгородским (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 33).

В *Никон. Лет.* и в *Степен. Книге* сказано, что великий князь, по своем бракосочетании, дал пир херсонским сиротам и вдовам; что Цареградский патриарх Фотий, *которого уже около ста лет не было на свете*, прислал к нему митрополита; что от греков приезжали к Владимиру в Херсон послы с дарами, а от папы с мощами Святых; что князь печенежский Метимагак, или Метигай, там крестился и проч. Древний летописец не знает сих обстоятельств.

⁴⁵⁹ Нестор по харатейным спискам говорит: «Перуна же повеле привязати коневи к хвосту, и влещи с горы по Боричеву на ручай; 12 муже пристави *тети* жезлием». *Тети* значит сечь: этот глагол употребляется и в *Слове о полку Игореве*. — Далее: «пройде сквозе пороги и изверже и ветр на *рень*, и оттоле прослы *Перуня Рень*». *Рель, релка* значила мыс (см. Архив. *Ростов. Лет.* л. 586, и сей *Истории* Т. VII, примеч. 370). В *Синописе* Киевском *рень* изъяснена словом *холм*. Там прибавлены следующие обстоятельства: «Старые люди рассказывают, что идол, влекомый христианами с горы Днепровской, вопил и рыдал: для того прозвали сию гору (ниже монастыря Златоверхого Михаила) *Чортовым беремischem*, или *тягостию* и бедствием сего злого духа. Когда он плыл рекою, суеверные язычники кричали: *видибай! т. е. выплывай*. Он действительно выплыл на берег: и сие место названо Выдибичи, а после *Выдубичи* (где стоит ныне монастырь *Выдубецкий*). Однако ж христиане утопили идола, привязав к нему тяжелый камень. Митрополит Киевский Михаил (см. о нем ниже) создал там церковь во имя Архистратига Михаила, в память того, что сей Архистратиг, низвергнув некогда Сатану с неба, помог низвергнуть его и с горы Днепровской». Но сия церковь существует только со времен Всеволода (см. в печатн. *Нест.* стр. 129).

Здесь Татищев прибавляет, что *митрополит* и попы, ходя по городу, учили народ Вере христианской, и что некоторые люди, окаменелые сердцем, не хотели слушать их и бежали в пустыни. В *Степен. Книге* сказано, что и сам Владимир дружески беседовал с гражданами о Вере.

⁴⁶⁰ Владимир, по словам летописца, сказал: «аще не обрящется кто на реце, богат ли или убог, или нищ, ли работник, противен мне да будет».

⁴⁶¹ В *Днепр*, а не в *Почайну*. Нестор знал все обстоятельства лучше, нежели писатели новейшие. В харатейных Прологах XIV века сказано, что место крещения на реке *Пойчайне* издревле именуется *Святым*, где стоит церковь *Петрова*; а в печатном: «идеже ныне церковь есть святых Мучеников *Бориса и Глеба*».

⁴⁶² В *Синописе, Степен. Книге, в Никон. Лет.* и других новейших сказано, что сыновья Владимировы крестились прежде народа: но древний летописец говорит только (в печатн. *Нест.* стр. 84): «Володимер просвещен, и сынове его и земля его». В *Синописе* прибавлено, что они были крещены не в Днепре и не в Почаине, а в *источнике над Днепром*, который с того времени прозван *Крещатиком*. Сей колодезь находится во рву, между двумя круглыми горами. Недавно обделали его камнем и поставили над ним столп, из коего льется вода и течет мелким ручьем в Днепр. В житии Св. Владимира находятся следующие подробности: «Владимир, возвратясь из Херсона в Киев, отпустил всех своих жен, и любезнейшей из них, *Рогнеде*, велел сказать, чтобы она избрала себе какого-нибудь вельможу в супруги. *Быв княгиню*, ответствовала она, *могу ли быть рабою у слуги твоего? не хочу иногo мужа, но желаю креститься*. С нею сидел тогда Ярослав, сын ее, *хромой* от рождения. Он изъявил благодарность Небу за добрую волю матери своей, и в ту же минуту исцелился, к радости Владимира. Рогнеда, приняв Веру христианскую, постриглась, и была названа Анастасиею». — Но Рогнеда, когда возвратился великий князь из Херсона, жила в Изяславле, а не в Киеве (см. выше, стр. 256). Ярослав же остался *хром* навсегда, как увидим после.

⁴⁶³ В *Несторе*: «повеле *рубити* церкви и постави церковь Св. Василия на холме, идеже стояше кумир Перунь». И ныне существует древняя Васильевская церковь в Киеве близ Десятинной; но стоит на ровном месте, а не на холме. — О варяжск. мученике см. выше, стр. 255. — В некоторых летописях сказано (см. *Воскресен. I, 153*), что *первая*, Владимиром построенная церковь в Киеве, освященная 26 ноября, была во имя Св. Георгия. Далее *Нестор* говорит только: «и начаста ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом». Он не именует ни епископов, ни городов, куда были посланы священники. Но *Лет. Никонов.* и сочинитель *Книги Степенной* сказывают, что «Киевский митрополит с *шестью* епископами *Фотия* патриарха, с *Добрынею* и с *Анастасом Корсунским*, ходил в Новгород, и *сокрушил* там идолов; а после в Ростов, где также насадил христианство. Через год сам великий князь отправился с двумя *Фотиевыми* епископами в Суздальскую землю, крестил народ и построил город Владимир на Клязьме». — автор *Синописа* повествует (ссылаясь на *Стриковского*), что «великий князь с тремя епископами патриарха *Сергия*, *Иоакимом*, *Феодором* и *Фомою*, ездил в Суздальскую, Ростовскую и Новгородскую область для крещения тамошних жителей; оставил в городе Владимире, им основанном, епископа *Феодора*, в Ростове *Фому*, в Новгороде *Иоакима*». Сей невежда, поверив *Стриковскому*, говорит еще, что столицей вели-

ких князей был с того времени Владимир на Клязьме! Правда, что и в других новейших летописях находится следующее: «в лето 6498 Володимер, пришед из Киева в Суздальскую землю, постави град во свое имя и спом посыпа (окружил валом) и церковь Св. Богородицу Соборную деревяну постави» (см. *Воскресен.* I, 153). Сие известие основано на сказании летописца суздальского, жившего в исходе XII столетия. Он говорит, что Владимир на Клязьме построен Владимиром Великим (см. сей *Истории* Т. III, примеч. 37): действительно Владимиром и Великим, но только не Святым, а Мономахом (см. сей *Истории* Т. II примеч. 238). В Новгородской летописи, напечатанной в *Продолжении Древ. российской Вивлиофики*, сказано: «прииде к Новугороду Аким Архиепископ Корсунянин, и требища разруши, и Перуна посече, и повеле влещи в Волхов поверзавше, ужи (веревками) волочаху по калу, бьюще жезлием, и заповеда никому ж нигде не приати. И се иде пидьблянин (*Пидьбою* называлось место близ Новгорода: см. *Новог. Лет.* стр. 111) — рано на реку, хотя горньци (горшки) взети в город; и сице Перун приплы к берегови, и отрину его шестом. Ты, рече, *Перушище, досити (досыта) еси пил и ял, а ныне плови уже проче.* И плы с света в окромешное». Барон Герберштейн пишет, что Перун стоял на том месте, где находится монастырь *Перунский*; что идол, когда новгородцы бросили его в воду, плыл вверх по реке и, бросив им на мост палицу, закричал: *храните ее, гражданае, в память мою*; что сей голос в некоторой день ежегодно бывает слышим в Новегороде; что жители, поспешно собираясь тогда на мосту, дерутся палицами, и градоначальник едва может разнимать их. (*Reg. Moscov. Com.*, стр. 55). Сию басню, которая находится и в *Степен. Книге*, повторил Стриковский, а за ним сочинитель Киевского *Синописа*. — Из всех сказаний мнимого Иоакима самое любопытнейшее есть о введении христианской Веры в Новегороде; жаль, что оно выдумка, основанная единственно на старинной пословице: *Путьята крести мечом, а Добрыня огнем!* «Новгородцы (говорит сей Иоаким), возмущаемые тысячским Угоняем и жрецом Богомилом, или *Соловьем*, как он назван по его красноречию, не хотели креститься. Воевода Владимир Путята, имея с собою ростовцев, вступил в бой с непокорными гражданами, а Добрыня велел зажечь их дома». О Путяте упоминается в народных песнях:

*Против двора Путятина,
Против терема Зыбатина,
Старого Путяти темной лес.*

Впрочем, один знаменитый воевода Путята жил гораздо после Владимира (см. ниже).

Нестор, описав языческие обыкновения древних славян рос-

сийских, прибавляет: «се же творять вятичи *ныне* — кривичи и прочии погании, не введуще закона Божия». Следственно, между ними народами русскими и в его время было еще много нехристиан. — В житии благоверного князя Константина Святославича сказано, что Муром и в XIII веке был еще наполнен язычниками (см. нашей *Истории* Т. III, примеч. 153). Св. Авраамий крестил многих язычников в Ростове уже тогда, как сей город был *Владимирскою* областью (см. *Пролог* и *Минею* окт. 29): следственно, после или во время Андрея Боголюбского, а не при Владимире Великом, как некоторые думали, и не в начале XI века, как показано в Месяцеслове.

⁴⁶⁴ Рогнеда, названная в летописи *первою* супругою Владимира, вышла замуж около 979 году. Увидим, что Всеволод III, сын Георгия Долгорукого, послал княжить в Новгород сына, именем Святослава, когда ему не было еще и пяти лет от роду. Разумеется, что вельможи правили именем малолетнего князя.

У Владимира было 12 сыновей без Святополка. Мы не знаем, от кого родился Станислав, Позвизд и Судислав. Нестор упоминает об них в 988 году: следственно, они не могли быть детьми греческой царевны чрез несколько недель по ее замужестве. Татищев признавал Анну материю Бориса и Глеба; но разве летописец не ясно говорит, что они родились от *болгарыни*, и гораздо прежде Владимирова крещения? см. в печатн. *Несторе* стр. 71.

Система уделов была общею в Европе. Рюрик, не имев сыновей, раздавал области боярам, которые назывались князьями (см. выше, стр. 206 и 272).

⁴⁶⁵ Сего Вышеслава называет летописец *старшим*, но только в отношении к Ярославу, говоря: «посади Ярослава в Ростове: умершу же *старейшему* Вышеславу, посади Ярослава в Новгороде».

⁴⁶⁶ В *Патерике* (см. житие Стефана, игум. Печер.) именно сказано, что сей город построен Св. Владимиром; но когда? Татищев пишет: «в 992 году». Сего известия нет в летописи. Новейшие летописцы — те, которые в XVI веке дополняли Нестора баснями — едва ли зная, что есть на свете Волынский Владимир (ибо сия часть древней России принадлежала тогда Литве), искали Всеволодова удела на берегах Клязьмы. Татищев и Болтин справедливо обличали их невежество. Разные места в продолжении Несторовой летописи доказывают, что древний Владимир находился на границах Польши; мы заметим их ниже. О новейшем Владимире на Клязьме не упоминается до XII века.

⁴⁶⁷ См. выше, стр. 127. Нестор говорит (в печатн. стр. 67): «Бе бо Рогволд пришел из-за моря, имяше власть в Полотеске, а Тур в Турове, от него же туровцы прозвашась». Новейшие летописцы, не хотев обделить и трех меньших сыновей Владимировых, дают

Станиславу Смоленск, Позвизду Луцк, Судиславу Псков. В житии Св. Владимира сказано, что Луцк был отдан Владимирову *сыну* Брячиславу: разве *внуку*? Брячиславом назывался сын Изяслав. Длугош говорит (Hist. Polon. T. I, стр. 145), что Владимир назначил трем меньшим сыновьям, Станиславу, Позвизду и Судиславу, княжение Киевское и *Берестовское*, которые должны были быть их уделом по кончине отца. Сей историк думал, что *сельцо* Берестовое (см. в печатн. *Нест.* стр. 71) есть город.

⁴⁶⁸ «И рече Володимир: *се не добро, еже есть мало городов около Киева*, и нача ставити города по Десне, и по Встри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати (набирати) мужи лучшии от словен, и от кривичь, и от чуди, и от вятичь, и от сих насели грады: *бе бо рать от печенег*», и проч. Согласно с Татищевым и с автором *Степенной Книги*, думаю, что Нестор союзом *бо* хотел означить здесь причину строения городов. Новейшие летописцы не поняли того, и говорят просто о войне князя Владимира с печенегами в 988 году.

Белгород, ныне Белогородка, есть местечко Киевской губернии на реке Рупине. Там не осталось уже ничего древнего, кроме вала.

Нестор говорит, что у Владимира, еще *идолопоклонника*, было 300 наложниц в Белгороде: следственно, великий князь живал там и прежде. В летописи: «*заложи Белгород*», т. е. городскую стену. Так, например, сказано в летописях XII века (см. *Росс. Библиот.* стр. 287), что Всеволод *заложил* Переяславль Суздальский, в котором он уже княжил за несколько лет до того времени.

Описанные здесь происшествия следуют у Нестора в таком порядке: Владимир начал строить города близ Киева в 988 году; церковь Богоматери заложена в 989, а Белгород в 990. *Никон. Лет.* говорит, что Владимир в 990 году послал *македонского философа* Марка обращать низовских, или казанских, болгаров в христианскую Веру; что четыре князя их крестились в Киеве; что в сей год родилось множество всяких плодов, и были греческие послы у великого князя; что в 991 году пришли из Греции каменосечцы, случилось наводнение, приезжали послы из Рима, и князь печенежский Кучюг, сделавшись усердным христианином, заслужил дружбу Владимира, митрополита и бояр; что в 992 году ходил Владимир на печенегов, угощал в Киеве послов Болеслава Ляшского и Андриха Чешского, оплакал кончину митрополита Михаила и принял нового, именем Леонта (Леона), от патриарха *Фотия*; что сей Леонт поставил в епископы Новугороду Иоакима, Чернигову Неофита, Ростову Феодора, Владимиру Стефана, Белугороду Никиту и проч. Татищев рассказывает, что в 990 году Владимир воевал с польским королем Мечиславом, а в 992 ходил с двумя епи-

скопами ко Днестру и построил Чёрвенский город Владимир. По горячую сказку Никоновской летописи о послых римских, сей историк прибавляет (ссылаясь на какой-то Хрущовский список), что патриарх Константинопольский был недоволен сношениями Владимира с папою и советовал ему отказаться от переписки с главою Западной Церкви.— В древней летописи нет ни одного из сих обстоятельств.

⁴⁶⁹ См. выше, стр. 101. Невероятно, чтобы Владимир ходил в нынешнюю, столь отдаленную Кроацію. Может быть, хорваты, обитатели южной Галиции, прилежащей к горам Карпатским, еще не зависели тогда от России, и великий князь старался их покорить.

⁴⁷⁰ Нестор говорит: «Володимер же приде в *товары* (в стан), посла *биричи* по *товаром*», и проч. *Бирич*, или *бирюч*, есть герольд или провозвестник. В некоторых списках поставлено ошибкою *берендичи*, вместо *биричи*.

Далее в *Троицк.*: «*мтрью сварящу* и оному мнущу усние (кожу), разгневався на мя, и преторже рукама сыром»... (наверху поставлено: «кожу»; а в *Пушкин.*: «черева») ... Слова: *сварящу* (с *матерью* значат, что он *бранился с матерью*. Ниже сказано, что Владимир накануне поединка велел своим ратникам изготовиться к битве. В *Воскресен.*: «размеривше межи обема полкома, и пустиша я».

⁴⁷¹ В харатейных списках: «зане переял славу отрок тот». Поправка Татищева и других: «зане Переяслав отроку тому имя», есть ошибка.— Длугош, не поняв Нестора, говорит: *Wladimirus illic castrum Berestaw* (Переяславль) *erexit eo quod vir, qui vicerat, ex Berestaw ortus esset* [тут Владимир основал город Переяславль, ибо муж, который победил, был родом из Переяславля] (*Hist. Polon.* Т. I, стр. 123). Стриковский повторил его слова и назвал также богатыря русского переяславским уроженцем; но в древней России не было иного Переяславля, кроме Трубежского.

⁴⁷² См. выше, стр. 105. Разве положим, что новейший переписчик сих договоров от себя вставил имя Переяславля?

Здесь в *Никон. Лет.* годы происшествий означены ложно и прибавлено, что в 994 году Владимир ходил на болгаров, были засухи, и русские послы возвратились — от папы; а в 997 году великий князь воевал с болгарами волжскими и камскими.

⁴⁷³ См. в печатн. *Несторе* стр. 85 и 87. Летописец говорит: «Володимер рек сице: *даю Церкви сей святей Богородицы от имения моего и от град моих десятую часть*, и положи написав клятву в церкви сей, и рек: *аще кто сего посудить, да будет проклят*, и вдасть десятину Анастасу Корсунянину». Не только иудеи, но и самые древние язычники давали священникам деся-

тину (см. Геродот. кн. I, стр. 65 в русском переводе). Христиане, по совету Святых Отцов, также следовали сему обыкновению; но Церковь *Греческая* никогда не признавала одного *законом*. Карл Великий и, наконец, Соборы Западной Церкви в IX веке первые уставили, что миряне обязаны давать монастырям и духовенству десятую часть от своего прибытка.

Татищев говорит, что сказание о *десятине* едва ли не прибавлено к древней летописи попами новейших времен; что слог в сем месте кажется новым, и в разных списках употреблены разные слова; что обыкновение давать Церкви десятую часть от всех государевых и *народных* доходов, во-первых, безрассудно, во-вторых, не могло бы совершенно исчезнуть в памяти людей, ежели бы оно когда-нибудь существовало в России. Ответствуем: 1) сие место находится в самых древних списках XIV века, в *Пушкинском* и в *Троицком*, и в самых новейших слова те же без всякой розни; 2) безрассудно или нет, но в самых просвещенных государствах была уставлена церковная десятина; 3) Летописец не говорит, чтобы *народ* давал ее: один князь жертвовал частию своего избытка в пользу Церкви, им сооруженной. — Кажется, что наследники Владимировы отменили сию дань, и что летописец *не без намерения* хотел напомнить им клятву Равноапостольного князя. И другие князья российские давали после церквам десятину.

Сие известие древнего летописца подало мысль какому-нибудь духовному XIII века сочинить *Устав Св. Владимира о десятинах* и церковных судах (см. ниже, примеч. 506).

Десятинная церковь Рождества Богородицы находится в старом городе Киеве близ церкви Андреевской. Она была разрушена во время нашествия Батыева. Остался один придел ее. На внешней полуденной его стене вделана каменная доска, длиною 6 аршин, шириною $\frac{1}{4}$ аршина, с следующей надписью, изображенною выпуклыми буквами, цвету сероватого или свинцового: С А Θ Ф М Е). (С О; а выше: Н. О. Значения сих букв нельзя узнать для того, что доска не целая, а составлена из *трех* отломков, отысканных в развалинах старой церкви и вставленных в стену придела.

Сочинитель *Книги Степен*. рассказывает, что Владимир и Киевский митрополит со своим Освященным Собором, со множеством *народа*, псалмопением, свечами и кадилами, пришли на место, где лежало тело Св. Ольги, вырыли его, увидели нетленные мощи, перенесли их в Соборную, или Десятинную, церковь Богоматери и положили в каменном гробе. Нестор, описав кончину Ольги, говорит по *Троицк.* списку: «се бо вси человеци прославляют, видяще *лежащую* в теле за много лета». В летописи попа Иоанна еще яснее (стр. 267): «лежащую ю» — следственно, Ольгу? следственно, мощи ее были известны в Несторово время? Но в

Пушкин. слова: «видяще лежащая в теле» могут относиться вообще к праведникам, о которых выше упоминается. В *Воскресен.* прибавлено: «тело ея по смерти нетленно соблюде».

Анастас Корсунянин слывет у нас протопопом для того, что или Стриковский, или переводчик его и автор Синописа назвали его сим именем, а сочинители *Житий Святых* поверили Синопису. В *Воскресен. Лет.* именован Анастас просто иереем.

⁴⁷⁴ В *Никон. Лет.* и *Степен. Книге* сказано, что от патриарха Цареградского приехал в Херсон ко Владимиру митрополит, именем Михаил, родом сирийский, который насадил Веру христианскую в России, завел училища, был мудр, тих, иногда же *свиреп* или строг; что место его в 992 году заступил грек Леонтий, или Леон, посвященный также в Константинополе, а место Леонтия Иоанн, гретий митрополит Владимирова времени. Во многих других летописях назван Михаил вторым митрополитом, а первым Леон: так сказано и в мнимом *Владимировом Уставе* (см. ниже, примеч. 506), сочиненном около XIII века. В *Новгород. Лет.*, напечатанном в продолжении *Древ. Рос. Вивлиофики*, роспись митрополитов (согласно с Нестором) начинается с Феопемпта; в *Архангел. Лет.* также. Мы знаем, что в Печерской Лавре хранятся мощи Св. Михаила, *первого Киевского митрополита*; но в *Прологе* нет его жития, и в описании Владимирова крещения не упоминается (т. е. в *Прологе*) о сем Митрополите. Сочинители *Минеи* взяли известие об нем из *Степенной Книги*. Мы согласим предание Церкви о Лаврских мощах Св. Михаила с достоверною историею, ежели положим, что он был тот самый епископ, которого прислал Фотий к российским христианам Аскольдова времени, и который действительно называн митрополитом Михаилом в *Кормчей Книге*, в предисловии *Патерика* и в *Минеи* (июля 15): ему-то приписывают чудо Евангелия, не сгоревшего в огне (см. выше, примеч. 286). Киевские христиане могли сохранить нетленные мощи его, как святыню, до крещения Владимирова. Или он пас церковь в княжение Ярослава, прежде Феопемпта: ибо в некоторых списках древней летописи сказано (см. *Воскресенск.* I, 185, и *Ростов. Лет.* г. 1037): «великий князь Ярослав митрополию устави». — В Синодальной библиотеке между греческими рукописями находятся два мнимые сочинения *российского митрополита Леона*, № 353 и 355: *Λεωντος Μητροπολιτου Ρωσιας προς Ρωμαιοις ητοι Λατινους περι των αζυμων*, о *бесквасном хлебе или опресноках*. Список должен быть XIV века: сочинение едва ли древнее. Автор с великим жаром уличает Латинскую Церковь в заблуждениях.

⁴⁷⁵ Сей город есть нынешний Васильков в Киевской губернии.

⁴⁷⁶ *Гриднями* назывались телохранители княжеские, а гридни-

цею та комната во дворце, где они собирались. Болтин думал, что здесь *гридница* значит *кухню*, и производил сие имя от шведского глагола *Graedda*, *жарить, печь*. Оно в самом деле есть Норманское, но происходит от гридня, а гридень от шведского слова *Gred*, т. е. *меч*. Сии отборные воины дружины княжеской действительно назывались после *мечниками*. В продолжении Несторовой летописи сказано, что горожане боголюбские убили *детских* (отроков) и *мечников* князя Андрея (см. *Российск. Библиот.*, стр. 254).

В рукописном житии Св. Владимира прибавлено: «В праздники Господские три трапезы поставляше (Владимир): первую митрополиту со епископы и со черноризцы и с попы; вторую нищим и убогим; третью себе и бояром своим и всем мужам своим». — Мы написали выше, что Владимир велел сварить 300 *варь* меду: в древней летописи сказано: *проварь*, а в новейших «300 *берковских*», или берковцев. — В *Ипатьевск.* и в *Хлебниковск.* сказано, что вел. князь возвратился тогда в Киев к празднику Успения.

⁴⁷⁷ «Взимати всяку потребу, питье и яденья, и от *скотниц кунами*». *Кунами* назывались в старину деньги, а *скотницею* казна. Болтин думал, что надобно читать *скатница*, и что сие имя есть шведское *skatt*, т. е. *деньги, казна, сокровище*: но когда латинское слово *pecunia* (*деньги, именование, богатство*) происходит от *pecus* (скот), то и древнее русское имя *скотница*, в смысле казны, не может ли иметь такого же происхождения? Домашний скот был первым богатством людей. Нестор говорит (в печатн. стр. 99): «и начаша *скот* брати, от мужа по четыре куны, а от старост по десяти гривен», и проч. Следственно, имя *скот* также означало у нас *деньги*.

⁴⁷⁸ «Умножишась зело *разбоеве*». Под *разбоем* разумели в то время убийство (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 71). *Вира* есть германское *Wehrgeld*, употребляемое в *Саксонских законах* (Lex. Saxop. Tit. II, Слово академика Струбе о начале и переменах законов российских, стр. 10, и Юма *Англ. историю* Т. II, главу о законах англо-саксон.). Так называли германцы денежную пеню за убийство. От варягов вошло сие слово (по-шведски *Oga*) в древнее русское законодательство.

⁴⁷⁹ «И бе живя с князи окольними мирно: с Болеславом Лягским, и с Стефаном Угорским, и с Андрихом (Удальриком) Чешским». Нестор говорит о том в описании случаев 996 года; но Стефан начал властвовать уже в 997 году, Болеслав в 999, а Ульрик, или Удальрик, в 1012. Впрочем, все они были Владимировыми современниками. Длугош, прочитав сие место в Несторе о мире Владимира с Болеславом, говорит, что князь российский, боясь могущественного государя польского, отправил к нему в 1001 году зна-

менитых послов и требовал его дружбы: на что Болеслав охотно согласился, считая приязнь россиян выгодною для земли своей (Hist. Polon. T. I. стр. 135).

⁴⁸⁰ В харатейных списках: «и реша ему (Владимиру) епископи и старци: рать многа, оже *вира*, то на оружьи и на коних буди». Это не весьма ясно. То ли, что Владимир, вирую сохраняя жизнь воинов, должен быть с ними в поле для отражения врагов? или то, что деньги, собираемые за убийство (вира), должны быть им употребляемы на оружие и на коней? Слово *буди* к Владимиру ли относится или к вире? — Татищев прибавил многие обстоятельства в сем месте.

Далее в Несторе: «Володимеру же шедшю к Новугороду по верховние вои на печенеги; бе бо рать велика беспрестани». Князь Щербатов думал, что Владимир пошел к Новугороду воевать с печенегами. Болтин смеялся над его ошибкою, говоря что сии неприятели совсем не там жили, и что вместо слов *шедшю на печенеги*, надобно читать: *на чудь*. Так написал и Татищев; но все трое равно ошиблись. Нестор хотел сказать, что Владимир пошел в Новгород за верховыми воинами (ибо северо-западная Россия называлась в отношении к южной верховьем), чтобы с ними идти после на печенегов.

⁴⁸¹ См. ниже о слове *вече*, примеч. 495.

⁴⁸² В подлиннике сказано, что умный старик белгородский велел женщинам сделать *цежь* из отрубей, овса и пшеницы. Сие слово напоминает немецкое *Zähe*. — Летописец говорит, что граждане нашли *лукно* меду в княжей *медуше*: так называлось место, где стоял мед.

⁴⁸³ Татищев назвал Мальфриду или Мальфреду чехинею, матерью Святослава. — О Рогнеде см. выше, примеч. 462. — *Никон. Лет.* хвалит Изяслава, называя его кротким, *слезным*, терпеливым, *умильным* любителем Св. Писания и духовенства. Татищев ошибкою приписал сию хвалу сыну его, Всеславу, который умер младенцем. Рогнеда, мать Изяслава, вышла замуж в 979 или 980 году; положим, что Изяслав родился в 981 и женился семнадцати лет: следственно, сын его, Всеслав, в 1003 году мог умереть лет четырех. Елагин, не сообразив того и веря Татищеву, говорит (его *Истории* Т. I, стр. 464), что «юный князь Всеслав насаждал Евангельские добродетели, соблюдал мир с державами соседственными, чуждался властолюбия», и проч. и проч.

По известию Кедрина, Анна умерла после Владимира. *Mortua Anna*, говорит он, *Imperatoris sorore, in Rossia, defuncto iam ante Vladimiro marito* [Анна, сестра императора, умерла в России, когда муж ее Владимир уже был погребен] (*Метог. popul.* II, 1010). Но мы верим Нестору, тем более, что сказание его согласно с извести-

ем современного немецкого летописца: тело Владимира (как пишет Дитмар в конце VII книги) было погребено там же, где стоял гроб супруги его, княжны греческой — следственно, она умерла прежде.

Здесь открылось *Никонов. летописцу* свободное поле для вымыслов. Желая наполнить пустоту в древней летописи, он рассказывает, что в 1000 году Володарь, забыв благодеяния великого князя, шел осадить Киев с *половцами* (которых имя в сие время было еще неизвестно в России); что Владимир находился тогда в Дунайском Переяславце; что богатырь его Александр Попович умертвил Володаря и разбил половцев; что Владимир за такую храбрость надел на Поповича золотую гривну и сделал его *вельможею в палате своей*; что в тот же год умер Рахдай *Удалой*, разливались воды и были у Владимира послы от папы, от королей Богемского и Венгерского; что в 1001 году Александр Попович и Ян *Усмошвец*, убивший некогда великана печенежского, разогнали множество печенегов и привели в Киев князя их Родмана; что обрадованный Владимир дал *светлый* праздник народу и послал гостей своих (купцов) в Рим, Иерусалим, Египет, Вавилон для наблюдения чужеземных обычаев; что в 1002 году родился Святославу сын *Ян*, шли дожди и было *течение* звездам; в 1003 году *умножились* всякие плоды; в 1004 Александр Попович и Ян *Усмошвец* обратили в бегство печенегов, осаждавших Белгород; было еще знамение в солнце, в луне и в звездах; *Адриха Добрянкова* храброго отравили слуги его, а Темира, князя печенежского, убили сродники. В тот же год, по сказанию сего летописца, митрополит Леонтий заключил в темницу инока Андреяна скопца, который *укорял* церковные законы, епископов, пресвитеров, иноков; но виновный раскаялся и снова обратился на путь истины. Далее узнаем мы, что в 1008 году митрополит Иоанн построил в Киеве церковь каменную Святых Апостолов Петра и Павла, а в Переяславле Воздвижения Честного Креста; что в том же году саранча опустошала поля, и Владимир простил славного разбойника Могута, который раскаялся, оказал великое смирение и наконец, предвидев смерть свою, почил о Господе в доме митрополита. — Историки наши верили сим весьма нехитрым вымыслам и включали их в свое повествование. Татищев прибавил еще, что в 1006 году волжские болгары присылали многие дары к великому князю, требуя права торговать свободно во всех городах по Оке и Волге; что Владимир дал им *печати*, но велел торговать единственно в городах, а не в селах, — с купцами, а не с дворянством, не с крестьянами, и проч.

⁴⁸⁴ Histor. Reg. Septentr. T. I, Tryggwasons Saga, гл. 96, стр. 317.

Музы скандинавские воспели сию войну и жестокие битвы ее.

Стурлезон (I, 197) повествует следующее: «Когда Астрида с

(Олофом плыла на корабле в Россию, морские разбойники взяли их в плен и разлучили. Сигурд, посланный Владимиром для собрания дани в Эстляндию, нашел там своего племянника, выкупил его из неволи и привез в столицу. Через несколько времени юный Олоф встретился с одним из разбойников, взявших на Бальтийском море корабль Астридин, и рассек ему голову топором. Желая спасти племянника, Сигурд отвел его к супруге Владимировой, *Арлогии*, и просил ее защиты. Княгиня вступилась за принца и велела страже разогнать народ, который искал убийцы; а мать Олофова заплагла пенью родственникам убитого. Никто из чужестранных принцев, без особенного дозволения от правительства, не мог тогда жить в России: княгиня исходатайствовала сие позволение для Олофа и старалась довершить его воспитание наилучшим образом. Он с великим прилежанием учился воинскому искусству и заслужил милость Владимира, давшего ему начальство над своим пограничным войском; но завистливые бояре уверили князя, что сей чужеземец, любимый народом, может быть опасен, и юный Олоф выехал из России. — Далее Стурлезон (стр. 233), ссылаясь на какую-то Хронику под заглавием *Imago Mundi*, рассказывает, что Олоф, «приняв Веру христианскую, был вторично у Владимира, ездил от него в Грецию и привез к нему оттуда ученого мужа, именем Павла, который с помощью великой княгини *Арлогии* уговорил Владимира и подданных его креститься: что случилось в царствование императора Оттона». Владимир жил действительно в одно время с Оттоном III. Сию повесть Стурлезонову можно *отчасти* согласить и с Несторовою, ежели под именем *Павла* будем разуметь того греческого философа, который, по известию нашего летописца, изъяснял Владимиру Веру христианскую.

Кардинал Бароний повторяет в своих *Церковных летописях* (Annal. Eccles. T. XI, стр. 30—31) сказку о римском Св. мученике Бонифатии, который будто бы в начале XI века крестил россиян; но должно знать, что сей мученик был не в России, а в Пруссии (см. Гарткнох. Alt- und Neues Preussen, стр. 456).

⁴⁸⁵ Ежели откинуть слог *га*, *Альдейгабург* может значить на готфском языке *старый город*; но вероятнее, что сие имя дано ему от Ладожского озера, которые называлось *Альдеск*, *Альда* (Рудбек. Atlantica T. I, стр. 659—660), *Альдаген* (см. сей *Истории* T. III, примеч. 244) и даже *Альдога* (см. *Географ. Лексик.* Миллеров под словом *Ладога*, и Шлёц. Nord. Gesch. стр. 501). Рюрик, может быть, основал город Ладогу, желая иметь удобное сообщение с единоземцами своими чрез Финский залив, и назвал ее *Альдейгабургом*, т. е. *городом Альдогским*; быть может, что она построена еще и ранее варягами, завоевателями северных областей Славянских, хотя летописи наши и не упоминают об ней до

XII века. Имя *Альдога*, от переставки двух букв, обратилось в Ладугу: так стали в России называть сей город, отбросив окончание *бург*. Известно, что простой народ говорит у нас *Питер* вместо Петербурга.— Миллер не хотел верить, чтобы Ладога была Альдейгабургом, который 1) по свидетельству всех историков (как он пишет), принадлежал России только в позднейшие времена; 2) Невские пороги должны были препятствовать судоходству; 3) ежели Альдейгабург Ладога, то для чего же скандинавские корабли там останавливались и не доходили до Новагорода? (см. его *Речь о происхождении народа российского*)... Но 1) какие же историки упоминают о *древнем независимом Альдейгабурге*? Исландские басенники, которых хронологию определяет Торфей наугад. Первое достоверное свидетельство о бытии сего города находится в Стурлезоновой летописи и принадлежит ко временам Владимира и Ярослава (Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 318 и 516). К тому же Ладога могла быть вначале и независимым городом, если она прежде Рюриковых времен построена варягами, открывшими себе в VIII или в IX веке путь в Неву и Ладожское озеро. 2) Хотя стремление воды очень быстро в Невских порогах, но через них ходят самые большие и грузные суда (см. Озерецковского *Описание Ладожского озера*, стр. 3, 4). 3) Датчане, норвежцы и шведы останавливались в Ладоге для того, что пороги Волховские мешали им плыть вверх рекою до Новагорода.

⁴⁸⁶ При Олеге Новгород платил 300 гривен варягам (см. выше, стр. 211).

Владимир говорит: «*Теребите* пути, и мосты *мостите*». *Теребить* путь значило *прокладывать дорогу*. Великий князь хотел, кажется, утратить сына такими приготовлениями. Впрочем, и дороги сего времени не могли быть еще весьма удобны для походов войска.— Длугош, худо разумев Нестора, пишет (Hist. Polon. T. I, стр. 145), что Ярослав взял Киев и завладел сокровищами отца своего, который жил в *городе* Берестове (in castro Berestow); что оскорбленный Владимир собрал войско, но занемог от горести и, велев Борису, сыну своему, идти против Ярослава, умер; что Ярослав между тем призвал к себе на помощь варягов и *печенегов*, и проч. Стриковский также говорит за Длугошем, что Ярослав взял Киев при жизни отца.

Татищев прибавляет, что незадолго до Владимировой кончины были у сего князя послы от Болеслава, также венгерские и чешские; что Владимир обещал выдать большую дочь за государя чешского, а меньшую, любимую, за венгерского, и хотел весною съехаться с ними в городе Владимире. Но герцог Ульрик и король Стефан уже имели тогда супруг.

⁴⁸⁷ «Умре жь на Берестовом, и потаиша ѿ: бе бо Святополк в

Киеве». Соглашаемся с Татищевым, что не Святополк, но придворные хотели утаить кончину Владимирову, боясь Святополкова властолюбия и желая, чтобы Борис заступил место отца.

⁴⁸⁸ Обстоятельство, что монумент Владимиров стоял среди храма, подле гробницы супруги его, взял я из Дитмара, современного Владимиру летописца, которого единоземцы, приходившие с Болеславом *Храбрым* в Киев, собственными глазами видели сей памятник, разрушенный, как надобно думать, татарами (см. Дитмар. Chron. В конце VII книги). Митрополит Киевский (как сказывают), Петр Могила, в 1636 году осматривая окрестности Десятинной церкви, разоренной Батыем, увидел яму; велел глубже раскопать ее, нашел два гроба мраморные и по надписи узнал, что в них лежали кости Владимира и царевны Анны. Он вынул голову Святого князя и положил ее в Киево-Печерской церкви, где она и теперь хранится (см. *Историч. описание Киев. Лавры*, стр. 80). Но что же Петр Могила сделал с гробницами? Опять зарыл в землю? где? Викарий нынешнего митрополита Киевского, будучи еще гипографом, внес сие описание в описание Лавры из тетрадки покойного Архимандрита Зосимы, который записывал в ней разные достопамятности. Я не мог узнать ничего более, кроме следующего: «В правление епархией Киевскою митрополита Арсения Могилянского, старица Киево-Фроловского монастыря, княгиня Нектария Борисовна Долгорукова (супруга знаменитого несчастливца, казненного в царствование Анны Иоанновны), получив благословение сего архипастыря, возобновила древние остатки Десятинной церкви. Заделывая трещину в стене алтаря и копая землю, каменщики отрыли две мраморные доски, подобные той, которую покрыта Ярославова гробница в Софийском храме. Тогдашний священник сей церкви не сказал ничего митрополиту, и любопытный памятник был опять засыпан землею, а слова греческие, изображенные на внешней стене между большими, круглыми, муравлеными украшениями, представляющими опоясание ветхой церкви, сбиты работниками для беления. Все сказанное слышал я от жившей тогда в сем приходе госпожи Хитровой, родственницы помянутой Долгоруковой», — говорит достойный протоиерей Иоанн Леванда, ученый любитель наших древностей, в письме к П. Н. Бантышу-Каменскому, ответствуя на мои вопросы.

В харатейных списках Нестора мраморная рака Владимирова названа *корстою*: «и вложиша ѿ в *корѣсту* мраморяну». — Дитмар называет Десятинную церковь храмом Св. Климента: там лежали мощи сего папы (см. в *Мин. Чет. житие Владимира*) и мог быть придел, ему посвященный.

⁴⁸⁹ Historia Saracenicа, стр. 251.

⁴⁹⁰ Дитмар, согласно с Нестором описывая его чрезмерное лю-

божественности, говорит, что Владимир богатою милостынею хотел загладить грехи свои.

⁴⁹¹ См. *Никон. Лет.* Мощи Ильи Муромца, известного нам только по сказкам, хранятся в пещерах Киевских.

⁴⁹² Дитмар говорит (в конце VII книги), что Владимир неумеренностью в любострастии вредил своему здоровью, *от природы слабому*, но умер в старости, имев время насытиться жизнью. Древний летописец наш не означает лет сего князя: новейшие, по одному вероятному сообщению, говорят, что он скончался на 63 году от рождения.

⁴⁹³ Вся Ливония, как мы уже говорили, платила дань Владимиру; он завоевал землю ятвягов (где ныне Белый Сток, Бельск, Дрогичин) и города Червенские, или Галицию. Литовцы, жившие за Двиною, оставались еще независимы до времен Ярослава Великого. По Игореву, заключенному с греками, трактату устье Днепра находилось вне России. Вероятно, что владения наши простирались единственно до порогов: ибо Владимир, боясь, чтобы идолопоклонники россияне не вытащили брошенного в Днепр Перуна, велел своей дружине идти за ним только до сего места. Мстислав, сын Владимиров, господствовал в Воспорском Тмуторокане. С княжения Ярослава Великого летописи наши говорят о частых войнах новгородцев с *соседственными* финляндцами или емью. Если верить одному руническому памятнику, то Россия уже при Владимире граничила в Лапландии с Норвегиею (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 61). Нельзя с точностью определить, как далеко в сие время простиралась область Мери, или Ростовская, на север и восток, но без сомнения не далее нынешней Ярославской и Костромской губернии. Столь же неясны древние границы российские по течению Дона: увидим в истории XII века, что княжение Рязанское, бывшее уделом Черниговского, заключало в себе и часть нынешней Воронежской губернии; далее к югу скитались азиатские Орды: печенеги, половцы.

О хвалисах говорит Нестор (в печатн. стр. 145): *хвалисы и болгаре суть от дочерей Лотовых* (следственно, единоплеменники). Он сказывает (стр. 7), что в его время можно было идти Волгою в болгары, *хвалисы* и в часть Симову, т. е. по Несторовой космографии в Персию, Бактрию, Индию. — Древние россияне называли хвалисами, а греки хоалитами (Метог. popul. III, 52, и Дегина Hist. des Huns. кн. V, стр. 589) канглей, обитавших и в XIII веке, по известию Карпина и Рубруквиса, на северных берегах Каспийского моря в соседстве с казанскими болгарями (см. в Бержероновом издании Voyage de Rubruquis стр. 46, 47). Сии кангли хвалились, что они происходят от древних римлян; но Абульгази хан причисляет их к татарам, уверяя, что родоначальник *кан-*

лей назван так от *изобретения* телег (Hist. des Tatars, стр. 41 и 85), и сказывая, что они жили некогда около Туркестана. Киннам упоминает о *халисиях*, людях магометанской (или, как в другом месте сказано, иудейской) Веры, обитавших в Венгрии около половины XII века (Метог. popul. III, 676) и, вероятно, пришедших туда или с печенегами, или с команам. Тунман и Гаттерер считали уральских и волжских канглей остатком печенегов. По крайней мере, нет сомнения в их народном сродстве. — После россияне называли хвалисами татар каспийских. Так сказано в летописи келаря Аврамия (стр. 16), что Годунов искал невесты для сына своего в *Татарских царствах*, в *Хвалисах*. Памятником сего древнего имени остался нынешний город Саратовской губернии, Хвалынский.

⁴⁹⁴ См. выше, стр. 227—228.

⁴⁹⁵ См. выше, стр. 267. Древний *Новгород. Лет.* обыкновенно пишет *въче*, а не *вече*, ибо оно в корне своем имеет связь с глаголами *въдать*, *въцать*. В старину вместо *въцать* говорили *въчать*: так в *Новгород. Лет.* (стр. 66) сказано: «увъчаста, яко не воевати», и проч. Народные собрания англо-саксонов именовались Witenagemot, то есть: «собрание *знающих* людей», от слова witan, *ведать* (см. в Юмовой *Англ. истории* Т. II, статью Witenagemot). В Польше дворянский суд в делах вотчинных назывался Wiesa. — Увидим *веча* в Киеве, Новгороде, Владимире и многих других городах.

⁴⁹⁶ В печатн. *Несторе* стр. 63: *имаше же и за убъеня, глаголя, яко род его возметь.*

⁴⁹⁷ В печатн. *Несторе* стр. 67.

⁴⁹⁸ См. выше, стр. 217 или в *Несторе* стр. 25: «по тем бо городом сидяху князи, под Ольгом суще».

⁴⁹⁹ *Нестор*, стр. 186: «воздвигни *отчину* ея».

⁵⁰⁰ Следующее место доказывает, что посадники были наместники: «прииде Володимер к Новугороду, и рече к *посадником* Ярополчим: идите к брату моему», и проч. См. печатн. *Нестора*, стр. 67.

⁵⁰¹ В *Нест.* стр. 89: «Бе бо Володимер любя дружину и с ними думая о устрои земнем, и о работех» (в *Пушкин.* о ратех): «и о уставе земнем». Там же см. стр. 88 и 90.

⁵⁰² См. выше, стр. 186.

⁵⁰³ См. Стирнг. de jure Sveonum et Gothorum antiquo; также Jut. Lawbook в Dissertation sur les anciens Russes, стр. 51. — Haeredibus occisi vindictum jura concesserunt [предоставляют наследникам убитого право отмщения]: Стирнг. стр. 349. — Leges Suetiae furem etiam diurnum, si aliter capi non possit, occidere permittunt [шведские законы дозволяют убивать обычного вора, если

иначе он не может быть пойман]: Стирнг. стр. 351. Для сравнения см. выше, в договоре Олегов. статью IV, V и в Игорев. статью XII.

⁵⁰⁴ См. выше, стр. 219.

⁵⁰⁵ См. выше, примеч. 97. Саксон Грамматик уверяет, что датский король Фротон обнародовал, за несколько веков до введения христианства в Скандинавии, законы воинские и гражданские (см. Маллет. *Histoire de Dannemarq*, T. I, гл. 8). Сии краткие уставы или правила, по словам Далина, были вырезываемы на дереве (*Gesch. des Schw. R. T. I*, стр. 151). Хотя Саксон не может быть надежным порукою истины, и Далин говорит единственно по догадке; но вероятно ли, чтобы древние скандинавы, исписывая рунами гробы и камни, не употребляли их для начертания законов, которые служат основанием гражданских обществ?

⁵⁰⁶ Впрочем, подложный Устав Владимиров достоин замечания своею древностию; он сочинен не позже XIII века: ибо харатейный, найденный мною в Синодальной библиотеке (в Кормчей Книге, № 82), писан в княжение Димитрия Александровича Новгородского, следственно, около 1280 году. Напечатанный в *Древней Вивлиофике* есть испорченный и новыми умниками дополненный список. Вот древний, от слова до слова:

Устав Св. князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковных судех.

«В имя Отца и Сына и Св. Духа. Се яз князь Василий, нарицаемый Володимир, сын Святославль, внук Игорев и блаженныя княгини Ольги, восприял есмь святое крещение от Грецьского царя и от *Фотия* патриарха Царегородьского; взял перьвого митрополита Леона Киеву, иже крести всю землю Русьскую святым крещеньем. Потом же летом многым минувшем, создах церковь Св. Богородица Десятинъную, и дах ей десятину по всей земли Русстей из Княжения в Сборную церковь, от всего княжа суда десятую векшую, а из торгу десятую неделю; а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита чудному Спасу и чудней его матери. — Потом, разверзше грецьский Номаканон, и обретохом в нем, оже не подобает сих судов и тяжь князю судити, ни бояром его, ни судьям, и яз, сгадав с своею княгиною с Анною и с своими детьми, дал есмь ты суды церквам, митрополиту и всем пискупиям по Русьской земли. А по семь не надобе вступатися ни детем моим, ни внучатом, ни всему роду моему до века, ни в люди церковные, ни во все суды их. То все дал есмь по всем городам и по погостам и по свободам (слободам) где нь (ни) суть хрстяне, и своим тиуном (чиновникам, судиям) приказываю церковного суда не обидети, ни судити без владычня наместника. А се церковнии суды: *ропуст* (развод), *смилное* (брачное), *заставанье* (в прелюбодейнии и блуде), *пошибанье* (драка) промежи мужем и женою

о животе, *умычка* (похищение девицы или жены) в племени или в сватстве поимутся, *ветьство* (волшебство), *зелинчство* (отрава), *потвори* (колдовство) чародеяния, волхвования, урекания *три*: бляднею и зельи и еретичством, *зубоежа* (укушение) или сын отца бьет, или мать, или дчи (дочь) или снха (сноха) свекровь, братья или дети *тяжють о задницю* (имеют тяжбу о наследстве), церковная татба, мертвецы сволочать (разденут), крест посекуть, или на стенах режут (в церкви) — скот или псы или *поткы* (*птицы*: так сказано в одной Синодальн. Летописи, № 347, л. 326, при описании тумана: *поткы не видяху, камо летети*) без великы нужи ввести (в церковь) или ино что неподобно церкви подееть, или два друга иметася бити (в драке) единого жена иметь за *лоно* другого и раздавить, или кого застануть с четвероножиною, или кто молиться под овином, или в рощени (в роще) или у воды, или девка деча повържет (повержет), те все суды церкви даны суть. Князю и Бояром и судьям их в ты суды не лзе вступатися: то все дал есмь по првых царей уряженью и по Вселеньских святых семи Зборов (соборов) великих Святитель. Аже кто преобидить наш устав, таковым непрошеным быти от закона Божия, и горе себе наследуют. А своим тиуном приказываю суда церковного не обидети и с суда давати 9 части князю, а десятая Святей Церкви. А кто пообидить суд церковный, платити ему собою: а перед Богом тому же отвечать на страшнем суде, перед тмами Ангел, идеже кождо дела не скрываются, благая или злая, идеже не поможет никто же кому, но токмо правда избавить от вторья смерти, от вечныя муки, от *хрещения неспасенаго*, от огня негасимаго. Господь рече: в день мечь вздамь сдержашим неправду; в разуме тех огонь не угаснет и червь их не умрет. Створшим же благая в жизнь и в радость неизреченную, а створшим злая в вскрешенье суда, им же рече неизмолим суд обрести.

Се же искони уставлено есть и получено святым пискупьям: городские и торговые всякая мерилы и спуды и свесы и *ставила* (думаю, гири) — от Бога тако искони уставлено. Пискупу блюсти без пакости, ни умалити, ни умножити; за все то дати ему слово в день суда великаго, яко же и о душах человеческих. — А се церковные люди: игумен, поп, дьякон, дети их, попадия, и кто в клиросе; игуменья, чернец, черница, проскурница (просвирица) *паломник*» (странник: см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 167) — «Лечець (лекарь) *прощеник*» — кто в святом месте чудесным образом выздоровел: см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 373, год 1348 — «*зaduшьный* человек» — раб, освобожденный господином для спасения души, как толкует Герберштейн в *Reg. Mosc. Comment.* стр. 33 — «стороник (чужеземец), слепец, хромец, монастыреве, болницы, гостиницы, странноприимници: то люди церковные,

богадельные» (от слова: *Бога деля* или *Бога ради*). «Митрополит или пискуп ведаеть межи ими суд, или обида, или котора, или вражда, или задница» (спор о наследстве). «Аже будеть иному человеку с тым человеком речь, то обчи (общий) суд.

Кто переступить си правила, яко же есмы управили по Святых Отец правилом и по пьрвых царев управленью, кто иметь переступити правила си, или дети мои, или правнучата, или в котором городе наместник, или тиун, или судья, а пообидять суд церковный, или кто иной, да будуть прокляти в сий век и в будущий семию Зборов Святых Отец Вселеньских».

К счастью истины и нашему, автор не знал хронологии византийской: иначе древность слога могла бы обмануть самых знатоков, и мы приписали бы тогда Владимиру сочинение какого-нибудь монаха.— Еще одно замечание: в сем уставе сказано, что тяжбы детей и братьев о наследстве подсудны единственно духовенству; но Ярослав доказывает противное: там именно (в новом издании стр. 93) написано, что их судит князь чрез своих отроков.

⁵⁰⁷ Выражение, употребляемое в нашей древней летописи: *ставить стяг* (в печатн. *Нест.* стр. 173) значило *строиться*.— о *трубах воинских* см. выше стр. 282.— Претич говорит князю Печенежскому, что он пришел в *сторожех* (см. в печатн. *Нест.* стр. 58).— Нестор рассказывает, что славяне русские издревле употребляли мечи *обоюду острые* (в печатн. стр. 15). О копьях и стрелах см. в печатн. *Нест.* стр. 49 и 58.— печенеги напрасно осаждали Киев и Белгород (в печатн. *Нест.* стр. 57 и 90).— Святослав взял козарскую Белую Вежу, Переяславец и другие укрепленные города в Болгарии. Владимир присыпал землю к стенам Херсонским и под Киевом окопался в стане (см. выше, стр. 250, 260).

⁵⁰⁸ Метог. рорул. II, 986.— Греки сего времени называют русские корабли *Рорстка караѳа* (см. Конст. Багрян. de Cerim, кн. II, гл. 44). Корабль и *караѳоѳ* есть одно имя: греки заимствовали его, кажется, от славян. Оно имеет связь с глаголом *коробить* и *коробом*.— О легкости русских военных судов говорит Лиутпранд (Historia etc. книга V, гл. 6).— Константин Багрянородный пишет, что на семи русских кораблях, присланных в помощь грекам, находилось 415 человек (de Cerim. кн. II, гл. 44, в Метог. рорул. II, 972); в Олеговом флоте на всяком корабле было 40 воинов; для каждого паруса выходило 30 локтей (ulnagum) полотна (Метог. рорул. II, 974).— О строении русских судов см. ниже.

⁵⁰⁹ Выше, стр. 265.

⁵¹⁰ См. выше. Славянское имя *отрок*, подобно латинскому *adolescentulus*, означало и юношу или вообще молодого человека. Обычай князей российских иметь дружину многочисленную во-

круг себя есть древний германский, описанный Тацитом: «Благородные юноши (говорит сей историк) не стыдятся быть в дружине князя великодушного. Они стараются превзойти друг друга заслугами: он старается иметь их как можно более числом и знаменитее мужеством; ими побеждает на войне, ими славится в мирное время... Князю стыд и бесчестие уступить дружине в храбрости: дружине стыд и бесчестие не равняться храбростию с князем... Беречь, спасти его жизнь, уступать ему даже славу свою, есть главная обязанность дружины. Князь сражается для победы: дружина единственно для князя» (de situ, morib. et pop. Germaniae, гл. XIII и XIV). Сих отборных воинов Тацит называет Comites.

Мы различаем отроков княжеских и бояр дружины, основываясь на летописи Несторовой и законах Ярославовых. 1) Владимир, без сомнения, не с отроками советовался о делах государственных; 2) в Русской Правде (нов. изд. стр. 1 и 22) определяется за голову *мужа княжа*, или боярина, 80 гривен пени, а за голову княжеского отрока 40 гривен.— *Отрок*, или *детский*, был знатнее гридня, или мечника: ибо первому за труд в некоторых делах следственных давали полгривны награждения, а второму только 5 *кун* (см. в печатн. *Рус. Правде* стр. 81).

⁵¹¹ По крайней мере, летопись упоминает только о жалованье варягам и гридням (см. выше).

⁵¹² См. Констант. Багрян. в Бандури Т. I, гл. VI, стр. 57, и Баерово изъяснение описанных Константином товаров в Geograph. Russiae ex Script. Sept. в Коммент. Академии, Т. X, стр. 410.— Олег привез плоды из Царяграда (см. выше).

⁵¹³ Метог. popul. II, 982.— См. о лучанах выше.— Гиббон, в History of the decline of the R. E. гл. LV, говорит о древних русск. лодках так, как мог бы говорить очевидец. «Дно их (пишет он) состояло из *одной* выдолбленной липы или ивы (beech or willow), к которой прибивались разные доски в вышину на 12, а в длину на 60 футов. Они были без палубы, с двумя рулями и с мачтою. В них садилось обыкновенно от 40 до 70 человек, с оружием и с запасом как соленой рыбы, так и пресной воды». Надобно знать, что Гиббон взял сии подробности из Description de l'Ucranie par le Sieur de Beauplan (Rouen 1660, стр. 55); но Боплан описывает колачьи лодки XVII века, а не Олеговы, не Игоревы, которые могли быть совсем иначе построены.— Константин называет Витичев Вѣтѣцѣвъ. Ученый Баер, худо зная нашу древнюю географию, обратил (Коммент. Ак. X, 408) сие имя в Витебск; но город Витичев стоял на берегу Днепра ниже Киева и Триполя (см. *Большой Чертеж*, стр. 145).— О Неясытском пороге см. *Записки В. Зуева*, стр. 254, также *Большой Чертеж*, стр. 157, где описаны 14 порогов Днепровских: Константин же говорит только о *семи*.— Мы не

хотели здесь повторить тех Константиновых известий, которые сообщены выше, в описании Олегова похода.

⁵¹⁴ Метог. popul. II, 987. Сие известие кажется сомнительным. Гиббон думает, что вместо Συρία надобно читать Συα ἰα: страна Кавказская, описанная Плинием, и в XI веке еще известная под сим именем (Метог. popul. IV, 231).

⁵¹⁵ В печатн. *Несторе* стр. 7. Там о судоходстве древних россиян вообще сказано следующее:

«Бе путь из варяг в греки и из грек по Днепру и вверх Днепра волок до Ловоти; по Ловоти внити в Ильмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов, втечь в озеро великое Ново (Нево, Ладожское); того озера внидеть устье в море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду; а от Царягорода прити в Понт море, в неже втечь Днепр река. Днепр бо потече из Оковского (Волоковского, Волковского) леса и потечеть на полдни, а Двина из того же леса потечеть, а идеть на полунощье, и внидеть в море Варяжское. Из того же леса потече Волга на Вьсток и втечь семьюдесять жерелы в море Хвалиское». Двина и Волга действительно имеют начало свое недалеко одна от другой в Тверской губернии: первая вытекает из озера Охвата, а вторая из озера Пена (в Осташковском уезде); но верховье Днепра находится в Смоленской губернии, между Белым и Сычовкою. Впрочем, Нестор, конечно, не ошибся, и видно, что в его время леса Смоленской и Тверской губернии, которыми окружены истоки сих рек, назывались одним именем. Далее: «тем же из Руси можно ити по Волзе в болгары и в Хвалисы на Восток дойти в жребий Симов, а по Двине в варяги, из варяг до Рима, от Рима до племени Хамова (Египта, Ефиопии) — а Днепр течеть в Понтское море тремя жерелы, еже море словеть Русьское».

⁵¹⁶ Метог. popul. II, 980, и *The oriental Geography of Ebn-Naukal*, стр. 191. Вот что он говорит о России: «Близ Козарии, на берегах Ателя (Волга), есть народ бертас; но земля сих людей называется вообще и Козарскою, Русскою (Rus) или Серир... Руси три поколения: одно близ Болгарии; царь его живет в городе *Гунабе*, который обширнее столицы болгарской. Другое поколение называется *артанами*, или *артаями*: царь его живет в *Арте*; а третье поколение, именем *дшелабе*, обитает выше. Но для торговли никто не ездит далее болгарской столицы; никто не ездит до Арты, ибо жители убивают всякого иноземца. Арта производит свинец и олово (?), и зверя, называемого черною куницею или скифским соболем. Русские жгут мертвых и не бреют бород». Сие известие любопытно; но имена поколений и городов непонятны.

⁵¹⁷ См. Стурлез. *Hist. Regum Sept.* Т. I, стр. 449, и Торфеев. *Hist. Norvegiae*, Т. II, стр. 68, о торговле новгородской.— Олег

назвался купцом, едушим из Новагорода в Грецию (см. выше, или в печатн. *Несторе* стр. 18).— О Виннете см. Адам. Hist. Eccles., стр. 19, и Гельм. Chron. Slav., стр. 4. Адам называет Россию Грешию: (см. ниже, примеч. 522). Гельмольд повторяет его слова.— (О зависимости Ливонии, или Эстляндии, от Владимира см. выше, стр. 254; о тамошней ярмонке в Стурл. Т. I, стр. 274; о богатстве России в Баер. Geogr. Russ. Script. ex Sept. Комент. Акад. X, 411, и в Гельмольд. Chron. стр. 3.

⁵¹⁸ О торговле государей скандинавских см. Стурл. Hist. Reg. Sept. I, 618.— Олег брал дань с древлян *черными куницами* (в печатн. *Нест.* стр. 19) Сии же древляне предложили в дань Ольге *мед и скору*, или шкуры (в печатн. *Нест.* стр. 50). О радимичах рассказывает Нестор (стр. 72), что они платят дань Руси и *повоз велут*. Сочинители *Российского Словаря* дали сему изречению иной смысл, говоря, что оно значит *отправлять гоньбу*. Обязанность содержать почту — ежели бы она и действительно была при Владимире — не так важна, чтоб означать ею подданство людей.

⁵¹⁹ Баер. Geogr. Russ. В Комент. Академии, Т. X, стр. 406.

⁵²⁰ См. выше, стр. 225.

⁵²¹ Метог. popul. III, 986. См. также выше, стр. 275, о товарах, которые шли из Греции в Хазарию, Печенежскую землю и Россию. Константин в числе сих товаров именует *правдѣа*, род повязок и поясов (см. Баера, в Комент. Акад. X, 410). Сафьяны обыкновенно употреблялись тогда на обувь (см. выше, примеч. 400).

⁵²² См. Дитм. Chronic. в Лейбниц. издании, стр. 426: *in magna hac civitate [в этом большом городе] (т. е. в Киеве) quae istius regni caput est, plusquam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII [который является столицей царства, есть более четырехсот церквей и восемь торговых площадей]*. Так называемый Саксонский летописец, Appalista Saxo, повторил Дитмарово сказание о Киеве, но говорит только о 300 церквях (см. Eccard. Corp. Histor. medii aevi, Т. I, год 1018). Адам Брем. в Hist Eccles. кн. II, гл. 13: *Ostragard Rusziae, cujus metropolis civitas est Chive [Острагард — Россия; столица которого — Хиве] (Киев), aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae [соперник престола Константинопольского, знаменитейшее украшение Греции] (России)*.

⁵²³ Описав прибытие древлянских послов в Киев (см. выше, стр. 231), Нестор говорит по харатейным спискам: «бе бо *тогда нода текуще в здоле* (а не возле) *горы Киевскыя*, а на Подолье не седяху лудье, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гардятин и Нифов (не *Никифоров*); а двор Княжь бяше в городе, идеже есть (см. *Воскресен. Лет.*) двор Воротиславль и Чюдин; а Перевесище бе вне града, и бе вне града другой двор, идеже есть двор Деместиков за Св. Богородицею над горою, двор терем-

ны: бе бо ту терем камен». Итак, начало Подола должно отнести к XI веку, в котором жил Нестор: тогда Днепр удалился своим течением от горы Киевской.

В Метог. popul. II, 982: Nemogarda (Новгород), ubi Sphen-dosthlabus, *Ingor* Russiae principis filius habitabat [где жил Свято-слав, сын российского правителя *Игоря*]. Шлёцер забыл сие место, говоря, что никто из византийских историков не именует *Игоря*.

⁵²⁴ Имя *мордки* происходит от *морды* животного. В *Древнем летописце* (Т. II, стр. 406), в *Никон.* (V, 42), и в других именно сказано, что сии деньги, или куньи мордки, ходили в Новгороде до самого XV века. В Уставе новгородского князя Святослава Ольговича, изданном в 1137 году, написано: «емлеть пискуп за десятину (вместо десятины) от вир и продаж 100 гривен *новых* кун, иже выдаеть Домажиричь» (см. харатейную *Кормчую Книгу* времен князя Димитрия, сына Александра Невского, в Синодальной библиотеке под № 82): следственно, казна от времени до времени выпускала новую кожаную монету, т. е. с новым клеймом.— Герберштейн, который был в Москве при Василии Иоанновиче, в начале XVI века, также пишет, что древние россияне употребляли вместо денег мордки и уши белок и других животных: ante monetam proboscide et auriculis aspreolorum aliorumque animalium utebantur [до употребления денег они пользовались шкурами белок и других животных] (Reg. Moscov. Comment. стр. 42). Гваньини, современник царя Иоанна Васильевича, говорит о целых шкурах: ante usum vero monetae aspreolorum aliorumque animalium pellibus (Reg. Moscov. Auctores varii, стр. 158). В Польше до исхода XIII века ходили деньги кожаные. Меховский пишет: sub regimine huius Bohemiae [во время правления этого Богемского короля] (Венцеслава) grossi Bohemici et denarii argentei in Poloniam inducti sunt; prius siquidem argento nigro (олово?) et pelliculis capitum aut extremitatum asperiolorum unebantur Poloni [В Польшу были ввезены богемские grosсы и серебряные денарии; а прежде поляки употребляли черное серебро (олово?) и шкурки белок с голов и лапок] (Hist. Polon. кн. IV, гл. 4, год 1298); а Стриковский (*Хроник. Литов.* кн. X, гл. 4) по старому русскому переводу: «Пред тем частками сеченого злата и сребра, также кожицами куньими, бельими, лисьими и прочего зверя товарами противу разных замен поляки, русь, литва и мазуры обыкли бяху купли своя совершати». По сказанию Нейштета, автора Хроники Ливонской XVI столетия, монета ливонцев во XII веке состояла в белых ушках с серебряными гвоздиками.— Наконец самое важнейшее свидетельство о наших древних кожаных деньгах есть известие монаха Рубруквиса, бывшего в России около 1253 года: pour les Russiens, la monnoie qui a cours entr'eux, est de petites piéces de cuir, marquetées de couleurs

[у русских деньги, которые между ними употребляются, — это маленькие кусочки кожи, помеченные краской] (см. в Бержерон. Voyages, T. I, Voyage de Rubruquis, стр. 91).

В Девичьем Александровском монастыре, в Владимирской губернии, еще недавно хранились в бочонке, вместе с другими старинными вещами, многие кожаные лоскутки, внесенные в опись монастырскую под именем *кожаных денег*: я с любопытством рас-

сматривал оные. Некоторые такой величины , другие менее; на первых изображен крючок, на вторых звездочка. На одном выпечатано слово *Кудма*: так именована в *Большом Чертеже* река, впадающая в Северную Двину, недалеко от нынешнего Архангельска (следственно, в древней Новгородской области). Сии лоскутки — бесполезные, кажется, для всякого иного употребления — действительно могли быть монетами: но каких времен? Указ Петра I, 1700 года, марта 8 (данный из Приказа Большой Казны) свидетельствует, что и в это время еще ходили кожаные деньги в Калуге и в окрестных областях. В Воронежском Цейггаузе хранились — думаю, хранятся и ныне — мелкие кожаные монеты: на одной стороне оных изображен Св. Георгий, а на другой слова: *Царь и Великий Князь Иван* (см. Шерер. Nestors Jahrbücher стр. 58).

⁵²⁵ Византийские золотые монеты, *номисмы* или *солиды*, имели вес наших золотников (см. сочинение г. Круга, Münzkunde Russland, книжка I, стр. 134), которых имя произошло от *золота*, т. е. от сих греческих золотых монет.

⁵²⁶ См. выше, стр. 101. Шлёцер не верит, чтобы радимичи имели монету; но козары имели оную и, века два господствуя над сим краем, могли ввести там металлы в употребление. Под древним славянским именем *щляга* надобно разуметь мелкие *серебряные* деньги: медные едва ли ходили тогда в России. Новгородцы не ранее XV века начали употреблять шведские *ортуги* (см. *Летоп. Новог.* попа Иоанна, стр. 682). — В XIV веке, когда Новгород доновольствовался еще лоскутками кожаными, в Москве уже обращались русские серебряные деньги: ибо мы имеем монеты Димитрия Донского.

⁵²⁷ Издатели Ярославовых законов сказывают, что *гривна серебра* в Ярославово время содержала в себе 2 *гривны кунами*, а в Мономахово семь с половиною. Но где доказательство? Издатели не представили его и не могли представить: ибо ни в *Русской Правде*, ни в Несторовой летописи нет слова о гривнах *серебра*; везде говорится или просто о гривне, или о гривне *золота*.

Однако ж мы действительно знаем соразмерную цену серебра и кун, бывшую у нас в XIII веке. В договоре смоленского кня-

зя, Мстислава Давидовича, с немецкими городами в 1228 году сказано: «оже убьютъ волнаго человека, платити за голову 10 гривен серебра, по четыре гривны кунами», т. е. полагая 4 гривны кун на одну гривну серебра — «а за холопа гривна серебра. Аже кто холопа ударить, гривна кун» (см. сей трактат в нашей *Истории* Т. III, примеч. 248). Знаем еще, что в страшный голод 1230 году новгородцы за четверть ржи платили *гривну серебра* или *семь* гривен кунами (см. в *Продолж. Рос. Вивлиоф. Новгород. Лет.* стр. 499 и напечатан. в *Москве Лет. Новогород.* стр. 119). Следственно, гривна кун имела тогда разную цену в Смоленске и Новегороде. Вопреки издателям *Русской Правды*, гривна серебра при Ярославе не могла равняться только с двумя гривнами кун: Ярослав определяет 40 гривен пени за убийство, а князь смоленский в 1228 году 10 гривен серебра: вероятно ли, чтобы в XI веке платили за жизнь вдвое более серебром, нежели в XIII столетии, когда от успехов торговли надлежало размножиться драгоценным металлам в России?

⁵²⁸ См. выше, стр. 165, 251, 255.

⁵²⁹ В Синодальной библиотеке, под № 14, находится драгоценное харатейное Евангелие. В конце его тою же рукою подписано: *в лето 6652 напсашася книги си 50 дний, и початы псати Октября в 1, а кончишася Ноября в 19...* На той же странице древность сей книги засвидетельствована двумя следующими подписями: *в лето 7187, а от Рождества Христова 1679, Ноемврия 28, назнаменах аз смиренный Дософей, Архиепископ и Митрополит Сулавский и всея Молдавии и Ексарх Плагинон и Местодержитель Севастийскаго, да отслется сие Св. Евангелие на свое место на Крылос, се бо, яко ниже свидетель (свидетель), 6652 бяше тогда от создания, егда написася. Уже ся минули 535 лет. Греческаго же царства 2 лета Иоанна Комнина Константиноградскаго.* Здесь, в титуле Молдавского архиепископа, заметим слово *Плагинон*, Εξαρχοϛ Πλαγηνων: сим именем означались *единственно* Молдавские и Волошские епископы. Д'Анвиль производит его от имени *печенегов*, которые некогда жили там (см. *Mém. de l'Acad. des inscr.* II, 224, статью *sur les peuples de la Dace*). Не вероятнее ли, что это взято из латинского языка (*plaga, plagia*)? Вторая подпись: *В лето 7083, а от Рождества Христова 1576 (1575) месяца Июня 12, я Гедион Болобан Епископ Галицкий, Львовский и Каменца Подольскаго в сее время наехал на стол Епископском, на Крылосе, и читал при церкви столичной сие книги Евангелие напрестольное тетр (от греческ. тетра, четыре), оно же свидетельствуется положено быти от лет давных.* — Сие Евангелие славянское, писанное в 1144 году от Р. Х., есть одно из древнейших

в России. Для сравнения с нынешним печатным выписываем следующее место из Иоанна:

В харатейном:

Искони бяше слово, и слово бяше от Бога и Бог бяше слово. Се бе искони от Бога. Все тем бы и бежнего ни что же не бы, еже бы. В том живот бе, и живот бе свет человеком. И свет в тьме светит, и тьма его не постиже. Бысть человек послан от Бога; имя емоу Иоан. Сь приде в съведетельство, да съведетельствует о свете, да вси вероу имоуть имь. Не бе ть съвет; нъ да послушьствуеть о свете. Бе свет истиньн, иже просвещает всего человека, грядущаго в мир. В мире бе и мир тем бысть, и мир его не позна; в своя приде и свои его не прияша; елико же их прият ѹ, дасть им область чадом Божьем быти, верующим в имя его, иже не от крови, ни от похоти плътскы, ни от похоти мужскы, нъ от Бога родишася. И слово плть бысть, и вселися в нас, и видехом славоу его, славоу яко единачадаго от отца, исполньн благодети и истины. Иоан съведетельствует о нем, и възва глаголя: сь бе, его же рех грядый по мне, пред мною бысть, яко първей мене бе, и от исполненья его мы вси прияхом благодеть воз благодеть, яко закон Моссем дан бысть, благодеть и истина Иисус Христом бысть.

В харатейном Евангелии 1307 году, которое хранится в той же Синодальной библиотеке под № 18, видим уже некоторые отмены в сравнении с Евангелием XII века; вместо: *искони бяше слово*, там поставлено: *искони бе слово — се бе искони у Бога (πρόξ του Θεου)* вместо: *от Бога — свет светится* вместо *светить — тьма его не объят*, вместо *не постиже — да сведетельствуеть*, вместо *послушьствуеть — благодать*, вместо *благодеть*, и проч. — то есть сей новейший список гораздо ближе к Острожскому печатному Евангелию и доказывает, что еще в XIII столетии перевод Св. Писания был исправлен или исправляем. Ученые люди, собранные Константином, Острожским князем, для издания Биб-

В печатном:

В начале бе слово, и слово бе к Богу, и Бог бе слово. Сей бе искони к Богу. Вся тем быша, и без него ничтоже бысть, еже бысть. В том живот бе, и живот бе свет человеком. И свет во тме светится и тма его не объят. Бысть человек послан от Бога; имя ему Иоанн. Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о свете, да вси веру имут ему. Не бе той свет, но да свидетельствует о свете. Бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир. В мире бе и мир тем бысть, и мир его не позна. Во своя приде и свои его не прияша. Елицы же прияша его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя его, иже не от крови, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася. И Слово плть бысть, и вселися в ны, и видехом славу его, славу яко едиnorodного от отца, исполньн благодати и истины. Иоанн свидетельствует о нем и возва глаголя, сей бе, его же рех, иже по мне грядый, предо мною бысть, яко первее мене бе; и от исполнения его мы вси прияхом, и благодать възблагодать: яко закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть.

лии, переменили опять некоторые слова; вместо: *искони бе слово*, поставили: *в начале (ἐν ἀρχῇ) бе слово*, и проч. В издании славянской Библии при царе Алексии Михайловиче нет почти никаких отмен против Острожского, кроме трех или четырех мест, означенных в предисловии; но Библия, напечатанная при имп. Елисавете Петровне, уже гораздо более исправлена.

Не только Библия, но и другие церковные книги в России XII века были одного перевода с нынешними: в доказательство предлагаем следующее место из нашей печатной Минеи и харатейного *Стихиаря*, писанного в 1153 году и хранящегося в Синодальной библиотеке под № 15.

СЛУЖБА СВ. СИМЕОНУ 1 СЕНТЯБ.

В Стихир. харатейн.

Преподобне отче, добру обрете лествицу, ею же взиде на высоту, юже обрете Илия колесницу огню; нъ ть убо въсхода инемь не остави. Ты же и по съмерти имаши стълп свой. Небесный чловеце, земельный Ангеле, светило не угасая въселеня, Сумеоне преподобне, моли съпастися душам нашим.

В Минее печат.

Преподобне отче, добру избрел еси лествицу, ею же восшел еси на высоту, юже обрете Илия колесницу огненну: но он убо восхода иным не остави, ты же и по смерти имаши столп твой. Небесный чловеце, земный Ангеле, светильниче неусыпный вселення, Симеоне преподобне, моли, еже спастися душам нашим.

Довольно для знающих.— Сии две рукописи 1144 и 1153 году уступают в древности только двум *Сборникам* и Евангелию, находящемуся в С. Петербург. Император. Библиотеке (см. выше, примеч. 167, и Т. II, примеч. 114). Недавно г. Ганкенштейн издал *Рассмотрение церковной славянской рукописи*, которую он достал за редкость и считает памятником VIII века (см. Recension der ältest. Urkunde der Slavisch. Kirchengeschichte etc.). Нужно ли опровергать его ложное мнение о буквах ее, будто бы не русских, т. е. не Кирилловских? Надобно только взглянуть на них, чтобы увериться в противном. Г. Ганкенштейн не видел наших древних харатейных книг: сравнивая их, он нашел бы, что его рукопись имеет все признаки XIII века. Она старше вышеупомянутого Синодального Евангелия № 18 и новее № 14.

Есть другой, печатной *русской* перевод Библии, по крайней мере, пяти книг Моисеевых, Царств, некоторых Пророков, Апостола. Книги Моисеевы изданы в 1519 году, и в заключении их сказано: *Божию помощию, повелением и пильностию (старанием) ученаго мужа в лекарских науках, Доктора Франциска Скорины с Полоцка, у великом месте Празском* (то есть великом городе Праге). Книги Царств, Иудиф, Эсфирь, Иова, Пророка Даниила печатаны такими же буквами; но в моем экземпляре нет

ни заглавного, ни последнего листа. Апостол издан в 1525 году в Вильне, *працею* (трудом, польск. Ргаса) и *великою пильностью Доктора Франциска Скорины с Полоцка*. Тут красными буквами напечатано известие, что Доктор Скорина перевел и всю Библию, *в дому почтиваго мужа Якова Бабича, наистаршаго Бурмистра славнаго и великаго места Виленскаго*. Сии книги редки. В доказательство, что перевод их весьма несходен с нашим древним славянским, приводим следующее место из Иова, гл. 10.

Перевод Скорины:

Тоскнится души моей в животе моем; выпущу против себе глаголы моя. Прореку в горькости души моей и реку к Богу: не погубляй мене. Сповеждь ми, чему мя так судишь? Ичи ли добро ся тебе видить гонити мя и погубити мя, дело рук своих, и совет нечестивых укрепити? Ичи телесные очи у тебе суть, или яко видить человек, по тому жь и ты смотрети будешь? Таковы ли же суть дние твои яко и людские, и лета твоя яко времена человеческая, яко питаешися о гресех моих, и беззаконие мое следил еси? Да веси, яко нечестия не учиних; несть убо кто из руки твоея могый исторгнути. Руце твои, Господи, створиште мя и създасте мя всего окрест. И тако нагле отметаешь мене. Вспомяни, молю ти ся, иже яко бы грязь слепил мя еси, и в персть паки пременяешь мя. Се яко млеко издоих мя еси, и яко сыр утвердил мя еси. Кожею и телом придел мя еси; костями и жилами споил мя еси. Живот и милосердие дал еси мне, и наведение твое стерегло есть духа моего. Аще ли таиши того в сердце моем, но вем яко вся сия помниши. Согрешил ли есмь, и на час прозрел ми еси, и чему от беззакония моего чиста мя быти не дозволиши? И буду ли неучтивый, горе мне будеть; пак ли справедливый, не вознесу главы моя, насыщенный болести и горькости. И гордости дея яко бы лвицю имеша мя, и наворачнувшись дивне мя мучиши. Обновляешь

В нашей Библии:

Труждаюся душею моею: стена испущу на мя глаголы моя, возглаголю горестию души моя одержим, и реку к Господеви: не учи мя нечестивовати, и почто ми сице судил еси? Или добро ти есть, аще вознеправдую; яко презрел еси дела руку твоею, совету же нечестивых внял еси; или якоже человек видит, видиши; или якоже зрит человек, узриши; или житие твое человеческо есть, или лета твоя яко дние мужа; яко истязал еси беззаконие мое и грехи моя изследил еси. Веси бо, яко не нечествовах: но кто есть изъимаяй из руку твоею; руце твои сотвористе мя, и создасте мя: по том же преложив, поразил мя еси. Помяни, яко брение мя создал еси, в землю же паки возвращаеши мя. Или не якоже млеко измелзил мя еси, усырил же мя еси равно сыру. Кожею же и плотию мя облекл еси, костями же и жилами сшил мя еси. Живот же и милость положил у мене: посещение же твое сохрани мой дух. Сия имей в тебе, вем, яко вся можеша и невозможно тебе ничто же. Аще бо согрешу, храниши мя, от беззакония же не безвинна мя сотворил еси. Аще бо нечестив буду, люте мне: аще же буду праведен, не могу возникнуть: исполнен бо есмь без честия; ловим бо есмь аки лев на убиение, пакиже преложив люте убиваеши мя. Обновляяй на мя испытание мое, гнева бо великаго на мя употребил еси, и навел еси на мя искушения.

светки твоя противу мне и помножаешь гнев твой на мя, и болести воуют в теле моем. Чему вывел мя еси из ложеши материних? Радней бых загинал был, иж бы око не соглядало мене, и бых яко бы не бывый, из утробы пренесоша мя в гроб. Ичи ли краткость дний моих не скончалася скоро? Остави мя, молю ти ся, да бых оплакал мало болеть мою, поки еще не пойду, отнюдуже не вернуса: в землю темную и покрытую мраком смерти, в землю беды и темности, где же то стень смерти и несть ни единого ряду, но вечный страх пребывает.

Почто убо мя из чрева извел еси, и не умрох; око же мене не видело бы, и бых бы аки не был. Почто убо из чрева гроб не снидох; или не мало есть время жизни моя; остави мене почити мало, прежде даже отъиду, отнюдуже не возвращуся, в землю темну и мрачну, в землю тмы вечная, идеже несть света, ниже видети живота человеческого.

Скорина, переведив Библию с латинского (а не с греческого), писал языком своего отчества и времени, который гораздо сходнее с нынешним русским наречием, нежели язык древней славянской Библии, переведенной в Моравии. Каким образом сей полоцкий доктор мог печатать свою Библию в Праге, где, сколько известно, никогда не бывало славянской типографии? Ученый богемец Добровский *предполагает*, что Скорина в 1515 году ездил с королем Сигизмундом в Вену, из Вены с послами его в Венецию, достал там матрицы для славянских букв и жил несколько лет в Праге, когда Сигизмунд, опекун молодого Людовика, участвовал чрез своих министров в делах Богемского королевства (см. N. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wiss. T. II, в историч. отделении стр. 186). — Скоринина Библия не есть древнейшая из печатных славянских книг. В Библиотеке Московской Духовной Типографии хранится Евангелие 1512 года, напечатанное в Угровлахии (Молдавии), а в библиотеке графа Ф. А. Толстого *Часословец* 1491 года, с таким *послесловием*: «Доконана бысть сия книга у великом граде у Кракове при державе Великаго Короля Полскаго Казимира, и доконана бысть мещанином Краковьским Шваиполтомь Феоль из Немець, немецкого роду франкъ (т. е. франков) и скончашася по Божиемъ парожением (по Рождестве Христ.) 14 съть, девятыдесят и 1 лето» (т. е. 1491). В *Пращице*, л. 226, упоминается о Псалтири, напечатанной также в 1491 году и также в Кракове. Следовательно, древнейшая типография славянская была в Кракове: кто завел ее, и в котором году? Не знаем.

⁵³⁰ Иордана de Origin. Slavicis, Sectio LI, стр. 118, и Коля Introd. in historiam et rem literariam Slavorum, кн. I, гл. 3. О перево-

дах других славян. Библий См. Добровского ÜberdenerstenText der Böhmis. Bibelübersetzung в Neu. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, Т. III, стр. 240.

⁵³¹ Там сказано, что сия Библия переведена еще за *Великого Владимира*, т. е. при Владимире.

⁵³² См. в печатн. *Несторе* стр. 20. Тут же говорит Нестор: «Славенск язык и Русьский один есть». В рукописной *Степен. Книге*, полученной мною от Болохнинского купца Латухина, церковные книги наши именно названы переводом Константина и Мефодия: «Философи тии преложиша Псалтирь и Октоих и прочая книги, яже и доднесь в России церковныя чины ими исправляются». См. печатн. *Степен. Кн. I*, стр. 83—86.— В одной рукописной Новгородской летописи, наполненной многими баснями, сказано: «ведати подобает, яко *славено-российский* народ в лето 790 от Рождества Христова начат письма имети; зане в том годе царь греческий брань с словяны имей и мир с ними содела, посла им в знамение приятства литеры, сиречь слова язбучныя. Сия от греческого писания вновь составишася ради словян; и от того времени *россы* начаша писания имети». В 790 году еще не было *славено-российского* народа.

Доказательством, что в окрестностях Фессалоники, или Солуня, жили славяне-сербы, служит известие Константина Багрянородного (Метог. popul. II, 151): Principatu autem Serviae a patre ad dous fratres devoluto, alter, sumta populi parte dimidia, ad Romanorum Imperatorem Heraclium confugit, qui et excepto locum ad inhabitandum dedit in Thessalonicae themate, quod ex eo tempore Servia nuncupatur [когда власть в Сербии перешла от отца к двум братьям, один из них, взяв половину народа, бежал к византийскому императору Ираклию, который дал им место для поселения в окрестностях Фессалоник; оно с тех пор называется Сербия]. Это случилось в начале VII века. И ныне существует, близ Фессалоники, городок Сервица.— Хотя, по сказанию же Константина, сербы перешли оттуда в нынешнюю землю свою; но вероятно, что многие из них остались в Солунской области (Метог. popul. II, 153).

⁵³³ См. выше стр. 264 о богатыре *усмаре*.

⁵³⁴ См. в печатн. *Нест.* стр. 47. В Коростене горели, по словам Нестора, клетки, *вежи* и проч. Вежами назывались и шатры и *башни*.

⁵³⁵ Нестор говорит, что киевский народ *подрубил сени* под святым варяжским мучеником и сыном его (в печатн. стр. 72), и что тело умершего Владимира *спустили из дому по веревкам* (в печат. *Нест.* стр. 93): заключаю, что сии дома были высокие, и что сени находились в верхнем жилье.— Погреба или выходы,

где стоял мед, назывались *медушами* (см. в печатн. *Нест.* стр. 91).— Для того, чтобы спустить вниз тело Владимира, разобрали *помост между* двумя клетями (в печатн. *Несторе* стр. 93), т. е. пол в сенях.— О голубницах и одринах см. в печат. *Несторе* стр. 51.

⁵³⁶ «Суть бо Греци льстивы и до сего дни», говорит Нестор (в печатн. стр. 67).

⁵³⁷ См. выше. стр. 242.

⁵³⁸ См. в печатн. *Нест.* стр. 73.

⁵³⁹ По их совету Владимир хотел принести человека в жертву идолам (см. выше, стр. 254, 255). Совет *старца* избавил Белгород от печенегов (см. выше, стр. 267).

Конец примечаний I тома

КАК СОЗДАВАЛАСЬ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России.

А. С. Пушкин

1

«Жизнь наша, — писал Н. М. Карамзин, — делится на две эпохи: первую проводим мы в будущем, а вторую — в прошедшем, когда горячка юности пройдет». Если отнести эти слова к автору, то надобно признать, что первая их часть характеризует молодого создателя «Писем русского путешественника», вторая же — творца «Истории государства Российского».

Пострижение Карамзина в историографы (выражение П. А. Вяземского) произошло в 1804 году, на 38-м году жизни, когда он был в расцвете творческих сил. Ко времени принятия ответственного решения, круто изменившего всю его жизнь, Карамзин обладал солидным литературным опытом. Известен был как автор упомянутых «Писем», издатель-редактор лучших для своего времени периодических изданий и альманахов («Аглая», «Аониды»), а также собрания сочинений ряда писателей (Державина, Муравьева, Дмитриева). В его ранних работах виден не только устойчивый интерес, но и хорошее знакомство с «российскими древностями»; в свой текст он мастерски включал летописные данные, держась как можно ближе к языку подлинника, сохраняя тональность, выразительность последнего. Словом, хорошую школу он прошел, прежде чем ощутил себя готовым бросить вызов судьбе.

Повторю и подчеркну сказанное выше в биографическом очерке: к замыслу создания грандиозного исторического полотна Карамзин был подведен всем развитием своего творчества, ходом размышлений о судьбах Отечества. Формирование и развитие русской нации, ее духовной культуры ставило перед общественной мыслью такие проблемы, как национальное самосознание, человеческая личность в национальном коллективе и в мире, нация, народ в человечестве, место и роль России в Европе, в современном мире и в истории. Борьба с Наполеоном еще более обострила эти проблемы и потребовала их осмысления, фокусирования ради обеспечения единства нации в борьбе с захватчиками. Эта проблематика в произведениях Карамзина ставится во главу угла, она в конечном счете и предопределила выбор им исто-

рического прошлого Отечества как объекта изучения, как первейшего патриотического долга.

По свидетельству (оно приводилось выше) И. И. Дмитриева, Карамзин «давно занимался прохождением всемирной истории...». Действительно, увлечение историей у Карамзина проснулось рано. В «Письмах русского путешественника» он сам отмечает, что еще в детстве зачитывался античной историей, грезил Ганнибалом, что в пансионе с таким же увлечением следил за новейшими событиями: за борьбой североамериканских колонистов, восставших против английского короля. «Я люблю остатки древностей, люблю знаки минувших столетий», — говорит автор «Писем».

Во время путешествия по Европе (по времени совпавшего с началом Французской революции), посещая библиотеки, музеи, университеты, знакомясь с сокровищами живописи, ваяния, архитектуры, с последним словом науки и искусства, беседуя с европейскими учеными — владыками дум, Карамзин не перестает думать об Отечестве. Рождается у него на этом пиру европейского разума замысел создания отечественной истории, начинается его осмысление.

В этом плане характерны размышления автора, возникшие в Париже при посещении Академии надписей и словесности (их также нельзя не повторить), в которых нельзя не видеть первого наброска замысла специального труда по отечественной истории: «Больно... что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием... Нужен только вкус, ум, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель увидит, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев. Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги половцев не очень любопытны, — соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые тома? Что неважно, то сократить... но все черты, которые означают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные, описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Лудовик XI: царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микельанджело». Это — первый, самый общий набросок замысла огромного труда, как бы предчувствие своего призвания, и, вместе с тем, изложение собственного творческого метода...

Интерес Карамзина к историческим проблемам виден в направлении, которое он задал «Московскому журналу» (1792—1793, 8 книг) и позже «Вестнику Европы» (1802—1803, 12 книг), в выборе тематики ряда своих повестей, помещенных на страницах этих журналов.

В набросках к слову о Петре Великом (1798) историческая тема выступает совершенно отчетливо. Делясь этими обширными замыслами, так сказать, на стадии их возникновения и первоначального обдумывания, Карамзин пишет Дмитриеву 20 сентября 1798 года: «Иногда забавляюсь только в воображении разными планами. Например, мне хотелось бы между прочим написать два похвальные слова Петру Великому и Ломоносову. Первое требует, чтобы я месяца три посвятил на чтение русской истории и Голикова (автор многотомной работы о Петре I. — А. С.): едва ли возможное для меня дело! А там еще сколько надобно размышления? Не довольно одного риторства: надлежало бы доказать, что Петр самым лучшим способом просвещал Россию; что изменение народного характера, о котором твердят нам его критики, есть ничто в сравнении с источником многих новых благ, открытым для нас Петровою рукою. Надлежало бы приподнять уголок той завесы, которою вечная судьба покрывает свои действия в рассуждение земных народов. Одним словом, труд достоин всякого хорошего автора, но не всякий автор достоин такого труда».

В ряде повестей и статей Карамзин делает исторические экскурсы, вплетая в ткань художественных полотен рассуждения о древностях российских, протестует против галломании, прославляет времена, «когда русские были русскими. Жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали» («Наталья, боярская дочь»). Автор признает, что его все более занимают древности российские, характер славного народа русского. Не случайно повесть «Марфа-посадница» посвящена новгородской республике, прославлению вечевых традиций — теме, волновавшей Карамзина всю жизнь. В 1793 году он заявляет на страницах «Московского журнала»: «...старая Русь известна мне более, нежели многим моим согражданам».

К 1797 году относится пометка в записной книжке: «Если провидение пощадит меня, если не случится того, что ужаснее смерти (то есть ареста. — А. С.), займусь историей»¹. Насколько он уже тогда был поглощен этим замыслом, можно судить по письму к Дмитриеву, датированному 2 мая 1800 года: «Я по уши влез в русскую историю, сплю и вижу Никона с Нестором».

В оде на коронацию Александра I (1801) к строке: «Я в храм истории иду и там дела свои найду» — было сделано примечание: «Автор занимается российскою Историею».

О многом говорит и тот факт, что, предпринимая издание журнала «Вестник Европы» (1802—1803), Карамзин рассчитывал собрать средства, необходимые для успешного занятия историей: «купить себе независимость». Брату Василию Михайловичу прямо сообщал, что будет

¹ В это время на Карамзина был послан императору Павлу I донос, обвинявший его в якобинстве.

продолжать издавать «Вестник Европы», пока не соберет такую сумму денег, «чтобы жить без нужды». Следовательно, углубленная работа над историей Отечества на первых порах переплеталась с журнально-издательской, причем последняя питала первую.

В «Вестнике Европы» Карамзин публикует статью «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», где сетует: «Мы не имеем порядочной истории, славные и великие дела предков нам мало известны». Говоря об обязанностях историка, он указывает, что надобно не только передать образ мыслей описываемого времени, но уметь «рассуждать и сказку отличать от истины». Вид лавры пробудил в его душе воспоминания об осаде монастыря поляками в Смутное время. Карамзин как бы перенесся в ту эпоху, живо вообразил перед собой ополчение Пожарского и Минина, шедшее освобождать Москву; перед гробницей Годуновых, у стен Успенского собора он вспомнил царя Бориса и дал ему весьма высокую оценку: «Имел редкий ум, мужественно противоборствовал государственным бедствиям и страстно хотел заслужить любовь народа». Похоже, что здесь Карамзин поставил под сомнение причастность Годунова к убийству царевича Димитрия, во всяком случае, некоторые современники именно так прочли его статью («заставил усомниться в убиении царевича Димитрия»). Действительно, в тексте есть рассуждение о том, что заслуги Годунова «столь важны, что русскому патриоту хотелось бы сомневаться в сем злодеянии». Далее говорится, что историк не должен без надлежащей критики пересказывать летописи, иначе история станет эхом злословия. Главное, как видим, для автора не в том, убийца или нет царь Борис, а в характеристике методов работы умного (и неробкого) историка.

В 1802 году там же, в журнале, Карамзин публикует другую историческую статью — «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». Он откликается на просьбу-заказ президента Академии художеств А. Н. Оленина, желавшего повернуть внимание художников и ваятелей к патриотической тематике. Указанная статья может быть названа манифестом молодого Карамзина. Она — суть выражение его взглядов на отечественное прошлое и свидетельство того, как далеко он продвинулся в его изучении. В ней прямо говорится, что России пора иметь красноречивых историков, которые могли бы восславить знаменитых предков наших. «Должно приучить россиян к уважению собственного», — восклицает автор. И далее: «Я не верю той любви к Отечеству, которая презирает его летописи и не занимается ими: надобно знать что любишь, а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем». Оживить великие характеры отечественной истории могут и должны не только историки и поэты, но также художники и ваятели. Из тем, достойных их внимания, Карамзин (вслед за Ломоносовым, в свое время также разрабатывавшим этот вопрос) называет первых киевских кня-

зей, давая им свои выразительные характеристики. Так, Святослав назван Суворовым Древней Руси, причем подчеркнуто, что «родился от славянки», а Игорь, Рюрик, Олег «были иностранцы». Выделены также Ярослав Мудрый, как издатель законов, Владимир Мономах. Указано, что после мало было великих людей на княжеских престолах, что внутренние раздоры поглотили внимание владетелей. Из времен удельных раздоров внимание художника должна привлечь картина начала Москвы. Среди других тем указаны: Куликовская битва, взятие Казани, Полтавское сражение, подвиг Кузьмы Минина и т. д. Повсюду в Отечестве, и не только в столице, но и в Киеве, Владимире, Нижнем Новгороде «во всех обширных странах российских надобно питать любовь к Отечеству и *чувство народное*» (курсив Карамзина.— А. С.).

В марте 1803 года брату Василию Михайловичу Карамзин сообщает: «Занимаюсь только русской историей». Эти признания — не преувеличение. Увлечшись отечественной историей, он настолько отдавался делу, что ни о чем другом не мог говорить, углубившись в летописи, спал и видел их во сне.

6 июня 1803 года Карамзин снова пишет брату: «Хотелось бы мне приняться за труд важнейший: за русскую историю, чтобы оставить по себе Отечеству недурный монумент».

И. И. Дмитриев, от которого у Карамзина не было тайн, посоветовал ему испросить через М. Н. Муравьева — товарища министра просвещения, у императора помощь для исполнения столь важного замысла. 28 сентября 1803 года Н. М. Карамзин пишет М. Н. Муравьеву, что работа над историей «занимает всю душу мою; могу и хочу писать историю, надеюсь управиться в 5—6 лет».хлопоты Муравьева увенчались полным и быстрым успехом. «Вам единственно я обязан», — благодарил его Карамзин.

31 октября 1803 года Карамзин получил подписанный императором указ, в котором говорилось, что, одобряя его желание в столь похвальном предприятии, как сочинение полной истории Отечества нашего, император жалует ему в качестве историографа ежегодный пенсioen в две тысячи рублей и производит отставного поручика в надворного советника, вновь зачисляя его на службу — что было совершенно необходимо для получения доступа к государственным архивам. Это, как писал Карамзин близким, позволило ему отныне совершенно посвятить себя делу столь же важному, как и трудному. «Я теперь живу в прошлом, и старина для меня всего любезнее», — сообщал из Остафьева историограф брату В. М. Карамзину.

Основные этапы работы над «Историей государства Российского», трудности и радости автора отражены в его письмах к родным и близким (брату Василию Михайловичу, И. И. Дмитриеву, П. А. Вяземскому, А. И. Тургеневу, М. Н. Муравьеву), а также к директорам государственного архива Малиновскому и Калайдовичу. В этих документах раскрываются также приемы и методы авторской работы, его

понимание цели, характера, особенностей своего труда, его общественная значимость, и что, пожалуй, самое главное, в письмах содержатся лаконичные, образные оценки целого ряда событий и лиц, которые не все вошли позже в основной текст. Письма раскрывают те нити, которые связывали его с жизнью страны, трагедиями и радостями, выпадавшими на долю русских людей в то тревожное время. И так уж получилось, время было такое, что в письмах переплелись оценки Николаем Михайловичем современных событий — войн с Наполеоном, «грозы двенадцатого года», — с его раздумьями о далеком прошлом Отечества. Он смотрел на Древнюю Русь через призму современных ему событий. Умы всегда невидимыми нитями связаны с телом народным, несут в себе тревоги и думы современников своих. С начала 1804 года и до последних дней жизни работа над «Историей» стала основным (если не исключительным) делом жизни Николая Михайловича. 18 февраля 1804 года он пишет своему другу-покровителю М. Н. Муравьеву: «Теперь, разделавшись с публикою (имеется в виду издание последнего номера «Вестника Европы» под его редакцией. — А. С.), занимаюсь единственно тем, что имеет отношение к Истории».

К этому времени Карамзин не только закончил свои дела, связанные с журналом, но и сдал в производство собрание своих сочинений (вышло в том же, 1804 году) и, самое главное, приобрел душевное спокойствие, устроил все свои личные дела. 8 января 1804 года он вступил во второй брак (первая супруга Лиза, горячо любимая, скончалась во время родов в апреле 1802 года) с дочерью своего старшего друга князя А. И. Вяземского Екатериной Андреевной. Это была женщина необыкновенного ума, дивной красоты и доброты душевной. Видевшие ее говаривали, что ее облик напоминал античных богинь, как будто бы греческие ваятели именно ее брали за образец при создании своих шедевров. Николай Михайлович говорил, что при помолвке они поклялись никогда не разлучаться и были обету верны.

В 1804 году Карамзин надолго поселился в подмосковном имении Вяземских — Остафьево. В лице Екатерины Андреевны он обрел надежную подругу, умную, прекрасно образованную помощницу. Она помогала в переписке готовых глав, позже держала корректуру первых изданий «Истории», главное же, обеспечила тот душевный покой и условия для творчества, без которых был бы просто невозможен огромный труд мужа. Карамзины имели множество друзей, лучшие люди России были в числе их. «Душой круга друзей своих» называли Николая Михайловича. Отзыв этот в полной мере относится и к Екатерине Андреевне.

В Остафьево к услугам историографа была огромная библиотека и хорошо отлаженный быт. Неприхотливый в жизни, Карамзин ввел воистину спартанские правила, чтоб не тратить попусту не только дни, но и часы, рассчитывая едва ли не по минутам распорядок дня. Вставал рано утром, совершал часовую прогулку в любую погоду,

иногда верхом (сказывалась привычка бывшего офицера), после легкого завтрака (кофе, яйцо) уединялся и работал до четырех часов полудни; затем обед и опять работа. Любил в меню свежие овощи и фрукты. Первая половина дня нерушимо принадлежала «Истории», во второй принимал друзей, когда они были в доме. Во время работы отдохновений у него не было. Это было живое воплощение терпения и труда, свидетельствует П. А. Вяземский, брат жены.

В Остафьеве было написано восемь томов, обдуман и начат девятый том «Истории». Скромный памятник, установленный в юбилейном 1911 году, напоминает об этом. На гранитной колонне лежат восемь томов, увенчанных свитком. Карамзинская комната и памятник сохранились до наших дней. (Ныне в имени Вяземских расположен музей.) Профессор М. Погодин, посетивший в 1846 году Остафьево и написавший в карамзинской комнате «Слово» о нем в связи с открытием памятника в Симбирске (где оно и было произнесено), дает следующее описание усадьбы и рабочего кабинета: «Огромный барский дом в несколько этажей возвышается на пригорке, внизу за луговиною блещет обширный проточный пруд; в стороне от него сельская церковь, осененная густыми липами. По другую сторону дома обширный тенистый сад. Кабинет Карамзина помещался в верхнем этаже в углу, с окнами, обращенными к саду; ход был к нему по особенной лестнице... В этом святилище русской истории, в этом славном затворе... 12 лет с утра до вечера сидел один-одинехонек знаменитый наш труженик... углубленный в мысли о великом своем предприятии, с твердым намерением совершить его во что бы то ни стало, — где он в тишине уединения читал, писал, тосковал, радовался, утешался своими открытиями!.. Голые штукатуренные стены, широкий сосновый стол, простой деревянный стул, несколько козлов с наложенными досками, на которых раскладены рукописи, книги, тетради, бумаги; не было ни одного шкафа, ни кресел, ни диванов, ни этажерок, ни пюпитров, ни ковров, ни подушек. Несколько ветхих стульев около стены». Воистину спартанская обстановка, более всего соответствующая характеру и привычкам хозяина.

Реализация грандиозного замысла вызвала перестройку всей жизни Карамзина. И. И. Дмитриев даже утверждает, что, предавшись истории, он уже не принимал участия в поэзии, охладил к литературе. Последнее не совсем точно, ибо глубокие связи Карамзина с литературой не оборвались и заданное им направление развития ее росло, ширилось, крепло не без его прямого участия. Карамзин был в курсе всех важнейших событий, споров, «парнасских бурь». Его советы друзьям и однодумцам были выдержаны в одном ключе — отвечать на критику делом, не впадая в мелочную перебранку, создавать новые произведения, бить критиков-злопыхателей новыми стихами и драмами. В этом плане влияние Карамзина на литературно-культурную жизнь эпохи несомненно. Но, разумеется, на протяжении почти чет-

верти века в центре внимания Карамзина была «История государства Российского». Внешне Карамзин как бы отдалялся от жизни, чуждаясь ее страстей и бурь, так и воспринимали его «уход» многие современники, даже близкие ему. Отсюда исходят слова об «отшельничестве», «пострижении».

Но это только внешняя сторона его жизни. На самом деле, просяживая месяцы и годы над рукописями, Карамзин не уходил от жизни и осмысливал ее ход, искал ответы на самые жгучие вопросы, поставленные всем ходом современных ему событий. За время работы над «Историей» он дважды обращался к поэзии: в 1806 году написал «Песнь воинам», в 1813 году — «Освобождение Европы». Патриотическая патетика стихов, их тематика диктовались противоборством с Наполеоном, и исторические экскурсы, в них содержащиеся, свидетельствуют о том, как глубоко воспринимал Карамзин связь времен.

Наблюдая крах надежд на добрые намерения царей (Екатерины II, Павла I, позже Александра I и Николая I), видя эволюцию и перерождение Французской революции в империю, а революционных якобинских войн в наполеоновскую агрессию, Карамзин обращается к материалам истории, надеясь в них отыскать причины крушения иллюзий, и основы для прочных преобразовательских инициатив, и реальные силы, способные осуществить идеалы государства всеобщего благоденствия. Он полагал, что основные коренные законы, определяющие облик общества, отношения граждан между собою, судьбы народы, «должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств». Заимствование чужих мыслей и законов, подражательство не обеспечат счастья народного. Иными словами, прочны и нужны лишь те преобразования, которые подготовлены всем ходом развития национальной жизни: «Время дает надлежащую твердость уставам государственным». Вот это основное условие преобразования, как отмечал Карамзин, не учитывалось ранее, да и ныне не принимается во внимание соотечественниками. И поэтому при каждой смене государя Кремля вместо «мудреца на троне», свобод и кодекса гражданских законов страна получает нового «фрунтовика» и очередную порцию палок.

2

«История государства Российского» создавалась на основе критического исследования всей предшествующей литературы и освоения обильных разнообразных источников, извлекаемых из архивохранилищ и библиотек как отечественных, так и зарубежных. Многое он первым вводил в научный оборот. «Найдены мною,— писал он Н. Н. Новосильцеву, заинтересованному в его трудах,— некоторые важные исторические рукописи XIII и XIV веков, донныне совершенно неизвестные. Смею утвердительно сказать, что я мог объяснить не прибе-

гая к догадкам и вымыслам многое темное и притом достойное любопытства в нашей истории». В специальном очерке «Об источниках российской истории», предшествующем первому тому, он дал краткую характеристику «главных лучших известнейших списков летописей»; указал на отсутствие «исправного ученого свода летописей»; подчеркнул, что это обилие списков (около тысячи), где каждый содержит важные материалы.

Карамзин хорошо знал и должным образом критически использовал и старопечатную книгу, различные историописания, как то: «Хронограф» (описания времен) — средневековые сводки сведений по всеобщей истории с позднее возникшими вкраплениями данных и по русской старине. «Они любопытны... тут много подробных современных известий,— он добавляет: — Еще не издано ни одного хронографа. Они разных сочинителей и тем любопытнее». Тут весь Карамзин — главное информативность, достоверность источника (но не трудности в его освоении). «Синописис» — первое учебное пособие по русской истории, созданное в конце XVII века, не утратившее своей популярности и во время Карамзина. «Степенная книга», созданная при Иване Грозном на основе летописных данных. «Названа сим именем... что в ней означены степени, или поколения государей». Знал он хорошо и жития святых и такие сочинения, как записки Андрея Курбского, его полемику с Грозным, записки Палицына, сказания об Александре Невском и осаде Пскова в 1581 году, изучил различные родословные книги, грамоты и записи князей, разряды полков и воевод, кои велись со времен Ивана III, посольские дела и другие государственные акты. Отмечая богатство данной информации этих источников, Карамзин отмечал, что они дают читателю право требовать многого от историка, но работа с ними открывает большие возможности последнему. И он этих возможностей не упустил. Эту громаду разнообразных источников, архивные дела, которые присылали Карамзину ящиками, можно исчислять не единицами дел, а на «пуды мерять».

Такую громаду разнообразного материала разыскать, собрать, систематизировать одному было бы просто не по силам. Карамзин получал запрашиваемые им материалы по определенным темам из государственного архива, работники которого и выполняли его заказы под руководством директоров (Малиновского, Калайдовича). Помогали ему, разумеется, и работники библиотек. Но именно помогали, ибо приходилось просматривать в поисках нужных книг и материалов россыпи неучтенных книг и рукописей. Научно составленных каталогов библиотек тогда еще не было.

Иногда в россыпях списанных «дефектных» рукописей историк находил подлинные, по его словам, сокровища.

Помимо государственного архива и библиотек (университета, академической и синодальной) Карамзин пользовался сокровищами целого ряда частных собраний древностей российских: Мусина-Пуш-

кина¹, Румянцевых, Тургеневых, Муравьевых, Толстого, Уварова. Большую помощь оказал А. И. Тургенев, предпринявший специальное обследование иностранных библиотек и архивов, извлекая источники и пересылая их Карамзину.

Помощь друзей, какой бы весомой и ценной она ни была, ограничивалась поиском источников, гораздо реже специально составленными справками, вроде ответа на запрос о надписи, выбитой на «большой кремлевской пушке, отлитой Андреем Чоховым». Так, Карамзин просил уточнить, сохранились ли древние росписи Грановитой палаты, дать справку об одежде московских жителей, таинствах царской кухни и тому подобное. Без ясного понимания подобных деталей Карамзин не мог воссоздать картины прошлого. Тут в нем властно заявлял о себе художник.

Важным подспорьем в работе над историей была собственная библиотека историографа, тщательно подобранные книги. «Я умножил свою библиотеку новыми покупками, только не романами, а философскими и историческими книгами» (письмо к И. И. Дмитриеву, март 1800 года). Имелся в ней и фонд ценных древних рукописей. Ссылки на собственные манускрипты — явление нередкое и в планах «Истории», и в примечаниях к ней.

Помощь друзей позволила создать надежную источниковедческую базу «Истории», так высоко оцененную современниками и исследователями. Но в этом содружестве все же более значима другая сторона. Не следует умалять труда, мыслей Карамзина, влияния его примера. Декабрист М. А. Фонвизин главную заслугу историографа видел именно в том, что он со знанием дела собрал много до него не известных сведений и актов в примечаниях к своей «Истории», занимающих половину его книги. До Карамзина, продолжал он, «многое ныне обна-

¹ Как указывал А. И. Мусин-Пушкин в одном из писем в Синод (1804), он передал «господину Карамзину (который пишет Российскую историю) все, что имел у себя лучшее по сей материи, ибо сам ныне в том не упражняюсь». Устанавливается: историограф получил от него около 20 рукописей, которые благодаря этому не разделили судьбу основной части «пушкинской коллекции» (в ее создании активную роль сыграли близкие друзья Мусина-Пушкина: Е. П. Елагин, И. Н. Болтин, М. Н. Вантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский и другие). Среди этих сокровищ находились: Лаврентьевская летопись, Летописец и Софийский временник, Видения патриарха Никона, Двинские грамоты (XV—XVI век), пергаментный сборник 1414 года с Житием Св. Владимира, Русский временник, или Костромская летопись, «Летопись Федора Кемпского», пергаментная рукопись с Житием муромского князя Константина Святославовича, «Летопись Кривоборгского» и другие. Карамзин сумел сберечь эти рукописи в «грозу 1812 года» и считал, что эти шедевры «должны сохраниться не в частных руках, а в государственном хранилище». Выполняя волю его, в 1838 году Екатерина Андреевна передала в археологическую комиссию 71 рукопись (четыре летописи, четыре хронографа и др.). Позже сыновья историографа также передали в дар комиссии много документов. Основу этого дара составила, конечно, личная коллекция древностей, собранная историографом, но около восьми рукописей было из пушкинского собрания.

родованное валялось в архивах и монастырях, покрытое пылью, и новсе не было известно занимающимся нашею историею и древностями». Фонвизин подчеркнул: «По следу, проложенному Карамзиным, пошла целая плеяда молодых исследователей, покровительствуемых и субсидируемых канцлером Румянцевым, «неутомимым изыскателем русской старины».

В записях Карамзина в перечне источников есть несколько пометок, заслуживающих специального внимания: «Мой хронограф, купленный у столяра»; «Волынская летопись, доселе неизвестная, купленная у коломенского купца»; «Рукописная Степенная книга, полученная мною от Болохинского купца Латухина». Выразительны приметы времени! Громадный интерес к загадочному и манящему миру древностей российских, к старопечатной книге не ограничивался дворянской средой, он в значительной мере уже в конце XVIII века охватывал и русское купечество и разночинную интеллигенцию, проникая и в среду крестьянства. Карамзин знал, где искать историописания, в поле его зрения были собрания старообрядцев, передававших из поколения в поколение книжные сокровища. И, создавая текст истории, он ориентировался и на эти круги, их запросы, видел в столярах и купцах, читавших летописи и хронографы, своих будущих читателей.

Многое из рукописного, летописного фонда было уже ко времени Карамзина издано. Век Просвещения — это эпоха быстрого роста печати, книг, журналов, газет, повышенного внимания, авторского и читательского, к исторической тематике. К концу века были уже опубликованы Н. И. Новиковым, А. И. Мусиным-Пушкиным, Н. Н. Бантыш-Каменским многие документальные материалы, важнейшие исторические, литературные памятники XIII—XVII веков, в том числе летописи (Радзивилловская, Никоновская, Софийская, Воскресенская), а также «Русская Правда», «Поучение Владимира Мономаха» и другое. Особенно важным, оказавшим громадное воздействие на культурную жизнь страны, стало издание в 1800 году «Слова о полку Игореве». Н. М. Карамзин в нем участвовал.

Эти рукописные источники, летописи прежде всего, были основой для создания первых исследований по русской истории В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина. Значение их трудов велико и общепризнанно. «Русская историография XVIII века, — пишет современный исследователь Г. Н. Моисеева, — была важным инструментом национально-психологического и патриотического воспитания читателя. Сближение историописания с литературой наметило те тенденции исторических сочинений, которые привели в начале XIX века к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина».

В русской историографии XVIII века еще до Карамзина обозначилась встреча древностей российских, раскрываемого летописями исто-

рического прошлого народа с идеологией Просвещения. Слияние этих двух мощных потоков происходило под все возрастающим воздействием запросов и потребностей крепнущего национального самосознания. Карамзин как явление русской культуры и науки немислим вне этого процесса. Он творил, опираясь на летописи, критически осмысливал их в свете последнего слова исторической науки под влиянием таких современных ему событий, как Великая Французская революция, «гроза 1812 года». В этом историческом контексте лежат истоки своеобразия его труда, пронизанного патриотической патетикой, которая сегодня подобно магниту притягивает к его «Истории» наши души и сердца!

Большое значение придавал Карамзин русской исторической фольклористике, былинам, сказкам, песням, поговоркам, другим формам выражения мыслей и чувств народных, прослеживая в них своеобразное отражение исторических событий и закрепление в памяти народной оценки тех или иных деятелей и событий прошлого. Ссылки на эти источники — явление совсем не редкое в его труде. Деяния Владимира, указывает историк, отразившись в летописях, одновременно «живут донныне в сказках богатырских».

Есть свидетельства близких, что во время работы над «Историей» Карамзин специально изучал русский исторический фольклор, намеревался собрать все важнейшие исторические песни, расположить их хронологически, сопроводить надлежащим комментарием, издать. Замысел, к сожалению, не осуществился, но внимание Карамзина к этой стороне нашей культуры, исторической памяти народа запечатлено на страницах его «Истории». Особо выделял он в исторической литературе «Слово о полку Игореве». В его записной книжке (рабочем плане) содержится запись: «Песнь Игорева. Она есть единственный остаток славянского духа; другие памятники церковны».

Основным же источником для воссоздания Древней (Киевской) Руси являлись летописи, труд Нестора, которого он называл отцом Российской истории. Карамзин критически сопоставил все известные их списки. Древнейшими, лучшими считал списки Троицкий и Мусина-Пушкина, но и в других (Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский и т. д.) отмечал «нечто особенное, действительно историческое». Привлекая новые, им самим найденные списки, стремился выделить «чистого Нестора». Именно по этому пути пошло исследование «Повести временных лет», здесь достигнуты были наибольшие успехи, сделан вывод о наличии (и до Нестора) отечественного летописания.

Но и к Нестору он подходил критически. Предприняв с самого начала «разбор Нестора», он пришел к выводу: «Нестор позволял себе угадывать — в хронологии, названии мест, брал из сказок, но не выдумывал». В частности, он из изустных преданий своего народа взял сказание о Гостомысле, о Рюрике, о «призвании варягов». Ка-

рамзин признал, что это сказание оскорбительно для народной гордости, принял его как гипотезу, но считал его сомнительным: «предание о Гостомысле сомнительно, в Несторовой летописи нет о том ни слова». Иных данных не было. Новейшие исследования (академика РАН В. Л. Янина) раскрывают наличие в Восточной Европе существования двух территориальных союзов славян, северного и южного, которые, объединившись в конце IX века, образовали Киевскую Русь. Новгород при этом (вплоть до XV века) сохранил некоторые важные особенности, здесь более жизнестойким оказался вечевой строй. Князь не являлся исходной основой государственной структуры, а лишь этапом в ее эволюции. С этим, по-видимому, связано употребление в летописях термина «Русь». С одной стороны — это новгородская практика, где в состав княжеских дружин входили не только славяне, но и скандинавы, которых вместе и называли «русь» (Карамзин придерживался этого толкования «варяги — русь»); а с другой — южнорусский термин «поляне — русь». По-видимому, у Карамзина все же оставались сомнения. Он тщательно отмечал все, что не вполне согласуется с этим сказанием (например, славянское происхождение Ольги; отметил он имя Святослава как чисто славянское). Им было в черновиках специально подчеркнуто, что «славяне не были дикари, как пишет Нестор: земледельцы, города». Но в городах «почти везде варяги», города — станы для войска. Но если это так, то о каком же «добровольном призвании» может идти речь?

Полемизуя с Миллером (первым нашим историографом), считавшим, что славяне призвали варягов единственно для защиты границ (наличие варягов в составе княжеских дружин — это неоспоримый факт, но нельзя его абсолютизировать), Карамзин указывал, что с Ярослава Мудрого эта практика приглашения варяжских дружин не практиковалась более. Спор, по существу, и тогда и теперь идет вокруг личности Рюрика.

Летописи, помечает Карамзин, «показывают знания исторические». Чтение их сопровождают его одобрительные пометки: «Как хорошо». Но в них есть «упрощения и догадки», а в некоторых «нет ни одного истинного происшествия: грубые прибавления, мысли, выдумки». Отсюда необходимость сличения различных списков (летописных сводов), критическое их сопоставление. Работе по написанию текста предшествовало составление специального разбора летописных источников по каждому важнейшему предмету исследования. Аналогичный разбор (сопоставление) делался и по печатным книгам, в частности, сказаниям иностранцев о Древней Руси и Московии.

Здесь Карамзин при помощи А. И. Тургенева привлек много опубликованных источников и материалы различных иностранных архивохранилищ (Кенигсберга, Копенгагена, Вены, Парижа, Ватикана и прочих).

Попробуем же, опираясь прежде всего на собственные суждения Николая Михайловича, проследить, как создавалась «История», как на меди и мраморе (используем выражение Белинского) он отливал и вырезал картины нашего прошлого.

Весной 1804 года он сообщал брату: «Пишу теперь вступление, то есть краткую Историю России и славян до самого того времени, с которого начинаются собственные наши летописи. Этот первый шаг всего труднее мне, надобно много читать и соображать; а там опишу нравы, правление и религию славян, после чего начну обрабатывать русские летописи». К брату же 13 сентября 1804 года: «Упражнения мои вам известны. Все идет медленно, и на всяком шагу вперед надобно оглядываться назад. Цель так далека, что боюсь даже и мыслить о конце».

Часто сетовал Николай Михайлович, как трудно, медленно подвигается «единственное мое дело и главное удовольствие». Большие затруднения вызвала уже в начале работы вступительная «неблагодарная глава», поглотившая много времени (проблемы этнонимии славянских народов — спорные и в наши дни). «Все надобно изучить, изложить крайне просто и ясно, всякое слово основывать на источниках, нельзя пропустить ничего важного, любопытного», но нельзя «душить читателя объяснениями». Прислушаемся внимательно к голосу автора.

Здесь приоткрываются истоки своеобразия его исполинского труда, а именно разделение текста на две части. Верхний, основной, «для публики» — научно выверенная, художественно отделанная, образная речь, в которой доносится грохот сражений русских витязей с недругами, наседавшими на грады и веси с мечом и огнем. «Главный предмет мой есть строгая историческая истина, основательность, ясность; однако ж стараюсь также писать слогом не слабым и по возможности приятным», — писал Карамзин, характеризуя важнейшие черты своего труда.

Но помимо основного текста возник и второй, обширный «подвал», многочисленные примечания («ноты», «нотицы», как именовал их автор), где давались сопоставления различных летописных текстов, других документальных свидетельств, где содержались критические суждения о работе предшественников, приводились дополнительные, наиболее примечательные данные, не включенные в основной текст, чтобы не загромождать его излишней детализацией, или не вполне достоверными, хотя и любопытными данными. Эти «нотицы» занимают в некоторых томах до половины объема (в настоящем издании они опущены).

«Обширные отрывки летописей и других источников публиковались историографом, по его словам, «слово в слово» с сохранением ор-

фографических норм того времени и его собственных убеждений, как известного общепринятого знатока древностей, реформатора литературного языка. Очищая текст, он вместе с тем и упорядочивал его, как-то: исключая вышедшие из употребления буквы, исправлял описки, раскрывал сокращенные написания слов, модернизировал правописания предлогов, цифрами передавал буквенные порядковые обозначения, вводил (без оговорок) в некоторые архаичные слова прописные буквы и т. д. Поскольку эти уточнения часто не оговаривались, современные исследователи отмечают, что, упорядочивая текст, историограф с помощью курсивных выделений, запятых, вопросительных и восклицательных знаков придавал публикуемым текстам источников эмоциональную окраску, экспрессию, особый, ритмико-интонационный строй». (В. П. Козлов. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве», М., 1988, с. 221).

С точки зрения современных археографических норм, историограф «модернизировал» стиль памятника, сохраняя содержание, более того, выделяя в нем главное. Нельзя забывать и многоцелевую направленность его труда; ведь перед нами не просто публикатор, а реформатор русской речи, признанный мастер, знаток ее, который всей своей работой доказывал необходимость вкрапления в ткань современной литературной речи текстов летописцев. Я бы сравнил подобное очищение источника с работой ювелира, раскрывающего красоту, внутренний свет драгоценных камней. И Карамзин как ученый и художник, очищая текст, стремился раскрыть как можно более полно музыку старинной русской речи, ее выразительную образность.

В «нотах» содержатся также специальные, часто весьма обширные очерки о развитии русской монетной системы, начиная с «кун» и «мордков» (взамен шкур куниц и соболей). Кожаные деньги, куны, имели хождение (наряду с золотыми и серебряными гривнами) в некоторых землях (Новгород, Смоленск) еще в XV веке. Целые специальные исследования по хронологии, геральдике, текстологии и другим вопросам были совершенно необходимы, ведь научные вспомогательные исторические дисциплины во времена Карамзина практически отсутствовали или переживали начальный этап. И тут, как и во многом другом, Николай Михайлович был начинателем, первопроходцем, и в этом отношении его труд имеет не только энциклопедическую разносторонность и богатство, но и надежность приводимых данных.

«Примечания необходимые занимают много места: нельзя писать Историю без доказательств» (письмо к брату). Этот исследовательский прием, то есть разделение текста, выделение научного аппарата позже назовут внимательные, вдумчивые читатели «великим педагогическим открытием», ибо он позволил Карамзину, не снижая научного уровня исследования, в то же время писать образным языком, создавая неповторимый стиль исторического повествования.

Карамзин считает (и отмечает это в «нотицах»), что предание о

Гостомысле сомнительно, «так ли было в действительности, мы не знаем. Но так говорит летописец. Истину знали верно одни современники». Высоко чтя Нестора, древних летописцев (харатейные списки) за точность, лаконизм, образность, нравственность авторской позиции, Карамзин помечает, что новейшие летописцы «прибавили много слов пустых», в позднейших списках, их публикациях остаются неисправленными «грубые ошибки», «большой частью умышленные, то есть мнимые поправки. Таковы разные прибавки в Никоновской летописи и некоторых других позднейших списках». «Никоновский более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков».

Карамзину приходилось постоянно отмечать «позднейшие прибавления Никоновской и других новейших летописей». «Любители истории, — пишет он, — в новейшие времена украшали простые Несторовы сказания, придумывали разные обстоятельства, делали и пропуски и произвольные (в духе времени своего) вставки».

К числу таких вставок, сделанных «без всякого соображения» «любителями истории», Карамзин относил имеющийся «в гораздо новейших списках» Нестора текст, что Рюрик срубил Ладогу, а потом и Новгород. Опираясь на Троицкую летопись, сопоставляя с нею Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский списки («более новейшие»), Карамзин заключает: «Сие место о Ладоге и Новгороде, основанном будто бы Рюриком, прибавлено без сомнения в новейшие времена... Славяне построили Новгород в одно время с Киевом, гораздо раньше времен Рюриковых... Древнейшие основатели, или жители Новгорода, были славяне, а не варяги, населявшие его уже со времен Рюриковых». Олега Карамзин высоко чтит, называет истинным основателем величия Древней России, считает, что ни один из многих ее героев не мог сравниться с Олегом, ибо его походы утвердили могущественное бытие Древней Руси.

Но Карамзину была чужда идеализация первых князей, так он не снимает обвинение с Олега в коварном и жестоком убийстве князей, до него правивших уже в Киеве и «знаменитых храбростью».

Скептически относится историограф к версии о том, что именно Олег основал Киев: «да будет Киев матерью городов Российских». Эта фраза, ставшая знаменитой, в полном смысле слова исторической, звала специальную «ноту». Вначале Карамзин дает летописный текст: «И сяде Олег княжа на Киеве и рече Олег: «Се буди мати градом Руським; и быша у него Варяги и Словени и прочии и прозваша Русь». «Но, — замечает справедливо Карамзин, — Аскольд и Дир еще до Олега сделали имя Руси известным в сих местах и в Греции, так что Киевская область в XII и в XIII веках, преимущественно называлась у нас Русью». Со временем, отмечает Карамзин, это название распространилось и на всю державу Рюриковичей.

Эти «ноты» — выразительные примеры, раскрывающие методы, приемы, уровень Карамзина, его исследовательского мастерства, вни-

мания к источникам историческим. Особенно много прибавлений в летописях, посвященных истории отдельных земель, указывал историограф, в них отчетливо проявилось местничество, особенные интересы отдельных княжеских домов. Они не равнозначны. В одних, напр. Софийском (Новгородском списке Нестора), содержится, по словам Карамзина, немало древних прибавлений: «о старейшине Гостомысле, о варягах киевских, о характере первых князей», в других таких данных менее, но и они (летописи Архангельские, Двинские, Вятские и пр.) «содержат в себе материалы для истории». Как выразился Карамзин, известия о тогдашнем удельном разделе государства искажены отчасти писцами, отчасти историками. Поэтому немало места уделено в «нотах» уточнению текстов, уже изданных или использованных еще Татищевым и Щербатовым. «Надобно различать историю Татищева и летописи,— помечает Карамзин.— Нестор не закончил «Повесть временных лет» 1094 годом, как полагал Татищев, а писал и позже, примерно до 1110 года». Карамзин специально остановился и на других неточностях Татищева (в хронологии, именах, определении размера и характера дани и так далее). Но сделал это тактично, не отрицая заслуг предшественника.

Отмечены в «нотах» высокие литературные достоинства «Повести временных лет» — Нестор назван красноречивейшим писателем своего времени. Отмечено также, что этих достоинств его — широты взгляда, осведомленности, точности, образности — часто не хватает церковным источникам, житиям, историям монастырей, что авторы последних часто худо были знакомы с Нестором.

Специальное внимание уделено в «нотах» язычеству. Наши предки, объясняет автор, «творили богов на каждом шагу, чтобы изъяснять действие природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на помощь свыше». В объяснении языческих божеств использует он материалы «Песни Игоровой». Специальное примечание посвящено описанию Перуна, к этому тексту восходят все современные описания древнего идола. «Славянской глагол «перу»,— пишет автор,— значит не только пру, но и бью, ударяю; валец, которым в мытье колотят белье, для того назывался в старину пряльником. Следственно, имя Перуна означало «бога разящего». В новейшие времена стали называть Перуном молнию. Стриковский, Гваньини и сочинитель Синописа говорят, что киевский Перун стоял на железных ногах, в руке держал камень наподобие молнии, украшенный рубинами и карбункулами, что одежда Перунова была искусно вырезана из дерева, что дубовый костер вечно пылал перед идолом, и если жрецы от нерадения давали огню угаснуть, то наказывались смертью, как преступники и враги бога. Не находя сих подробностей в Несторе, сомневался включить их в «Историю» (то есть в «текст для публики». — А. С.).

В «нотцах» находим специальные филологические разъяснения, суждения и наблюдения автора по истории языка, письменности, па-

мятников литературы. Он помечает, что славянские языки более сходны с европейскими (греческим, латинским), нежели с азиатскими; что азбука — это самое благодетельное, самое чудесное изобретение, утренняя заря просвещения. Подобные справки соседствуют с мыслями о растущей роли просвещения, мудрого законодательства в жизни народов. Если в древности жить, действовать означало прежде всего сражаться, то ныне меч все более вытесняется разумом, подчеркивает автор.

Отмечены в «нотах» важные особенности старопечатных книг, в частности, дана характеристика изданиям одного из основоположников славянского книгопечатания Франциска Скорины из славного города Полоцка, который, по словам историка, «писал языком своего отечества и времени, который гораздо сходнее с нынешним русским наречием, нежели язык древнеславянской Библии, переведенной в Моравии». Но и Библия Скорины, отмечает Карамзин, «не есть древнейшая из печатных славянских книг». В Кракове еще в 1491 г. было издано Евангелие Святополком Феолем. «Следственно древнейшая славянская типография была в Кракове». При характеристике старопечатных книг, редких древних изданий церковных автор часто ссылается на книги и манускрипты собственной библиотеки.

Специально останавливается Карамзин в «нотах» и на таком вопросе, как своеобразие исторических легенд, преданий, сказаний, их влияние на письменные источники, летописи. «Все народы в юности своей, не зная письменности, любили исторические песни и сказки, подобные исландским сагам. «Слово о полку Игореве» дает нам понятие о наших древних сказках. Нестор мог заимствовать из них некоторые обстоятельства, например, число кораблей Олеговых, сопровождаемых конницей, его сухопутное плавание; непомерную дань, будто бы взятую им с греков, щит, прибитый на воротах Константинополя, и паволоки вместо парусов. Истина служит основанием для исторической поэзии; но поэзия — не история: первая более всего хочет возбуждать любопытство, а для этого мешает быть с небылицею; вторая отвергает самые остроумные вымыслы и хочет только истины».

Карамзин отмечает, что иногда легенды, побасенки принимают за свидетельства современников; они проникают в письменные источники, закрепляются, становятся традиционными. К числу таких «изрядных басен» историк относил известное из польских хроник предание о «Болеславлевых столбах», якобы вбитых Болеславом Храбрым в середину Днепра для обозначения восточных границ его владений. Также предание о «Щербце» — удивительном, едва ли не волшебном мече этого короля-рыцаря, которым он якобы разрубил Златые Врата в Киеве. Сказкой, недостойной имени летописца, называет он и утверждение «Нотария короля Белы», что угры (венгры), проходя русскую землю от Суздаля до Карпат, разили русских витязей как мух, секли им и их союзникам головы, как тыквы, что русские откупались

габунами лошадей, возами драгоценностей и припасов разных. Отмечая эти небылицы, он дает в «нотах» данные о происхождении угров (венгров, мадьяр), их отношениях со славянами.

Целый ряд примечаний связан с уточнением хронологии событий, названием имен. Так, оспаривается мнение Татищева, что название стольного града Москва идет от сарматского обозначения излучины реки у Воробьевых гор. Карамзин заметил: не менее основательно полагать, что речь идет о мостках (переправе) через реку Смородинку (так именовали в старину Москва-реку), от мостков (место переправы, извоза) и пошла «Москва». Но и по сей день этот вопрос остается, как говорится, открытым.

Карамзину принадлежит и важное разъяснение, что нельзя смердов отождествлять с холопами. Он исправил грубую ошибку предшественников, вызванную неисправностью списков, невнимательным их прочтением; «смерды,— разъясняет историк,— были свободные люди и ни в коем случае не могли равняться с холопами».

Специально оговаривая, из каких источников почерпнул характеристику исторических деятелей, где содержится оценка современников, откуда исходят почетные именованья их: Невский, Донской, Храбрый, Великий, Грозный и так далее, он отмечает, что в описании деяний Александра Невского, содержащемся в летописи Новгородской, в «Житии сего святого, нет прозвания «Невский», которое, однако, содержится в Степенной книге.

Для Карамзина в описании далекого прошлого не существовало мелочей, во все он входил пытливым умом: без досконального изучения всех памятников, отметин не мог образно воссоздать былое, а следовательно, и описать его, судить и рядить, давать оценки. Эта дотошность видна в «тексте для публики», еще более она проявляется в «нотах». Так он уточняет, например, описания одежды и жилищ предков, их обычаи, язык — отсюда внимание к терминологии, лексике. «Клетью называлась прежде всякая горница, а не одна кладовая», — уточняет историк.

Для Карамзина характерно постоянное внимание к истории всех народов Российской державы, совсем не случайно он заявлял, что пишет историю и для мужиков крепостных, и для племен кочевых. В этом плане интересны помещаемые в «нотах» наблюдения об угро-финских племенах, их обычаях, языке, происхождении их названий, древних их связей с племенами славянскими. Полемизируя со Шлёцером¹ и

¹ Август Людвиг фон Шлёцер (1735—1809) — историк, филолог, статистик и публицист. Автор грамматики русского языка и работ по истории России, в том числе труда «Нестор». В 1761—1767 годах жил в России, был почетным иностранным членом Петербургской Академии наук. В нашей литературе, включая новые энциклопедические словари, Шлёцер вполне справедливо оценивается как умеренный просветитель, но зато Карамзин до сих пор тенденциозно характеризуется как ярый защитник самовластья, как историк реакционно-охранительного направления.

другими иностранцами, плохо знающими наше прошлое, Карамзин подчеркивает, что не с XV века, как утверждал ученый немец, а со времен самых древних, «задолго до Рюрика» новгородцы освоили Двинскую землю, Белоозеро, Прикамье; «россияне,— пишет он,— уже в XI веке бывали за хребтом Уральским и сибирские народы в юрте выменивали железные орудия на шкуры».

Характерным для Карамзина, так много времени уделявшего проблемам воспитания юношества, является следующее интересное сопоставление нравственного облика древних россиян с античным миром. Сопоставляя «Русскую Правду» с иными подобными памятниками скандинавскими, с римским правом, отмечая многие общие черты по существу и форме («та же простота и краткость»), он отметил своеобразие правовых норм, вызванных образом жизни предков.

«У нас были совсем другие обстоятельства: малое число жителей и обширные пространства; римлянам надлежало скорее образовываться, а россиянам долее сохранить естественную простоту нравов. Во всех юных обществах гражданских родители имели неограниченную власть над детьми своими: в «двенадцати досках» она утверждена законом; но в Ярославской правде нет об ней ни слова: надобно думать, что сия власть была еще свята в России, когда законодатель не счел нужным и говорить о ней».

«Нотицы», а их насчитывается 6538, переносят читателя в дивный мир древностей российских, позволяют услышать прямую мудрую речь предков наших.

Далеко не все и не сразу правильно оценили своеобразие созданного Карамзиным шедевра, его чарующую прелесть, стройность, продуманность композиции. Даже Погодин, едва ли не обожавший «последнего летописца», ворчит на страницах своего двухтомного свода материалов к его биографии, что, мол, Карамзин отступил от традиций своих предшественников, писал историю «не по Шлёцеру», стремясь, мол, «удовлетворить первые потребности, а ученость после. Это уже роскошь!»

Глубочайшее заблуждение одного из наших доморощенных норманистов вполне понятно и объяснимо, но чем объяснить небрежение, проявленное в дни наши к труду Николая Михайловича? Каких только ярлыков ему не клеили! Даже в самых последних изданиях летописей не всегда встретишь признание его заслуг в их разыскании, истолковании списков; порой доходят до нелепостей, утверждая, что вся научная часть труда не принадлежит перу Карамзина, что они («ноты») написаны директором архива Малиновским и его сотрудниками. Но из письма в письмо Карамзин жалуется, что работа над «нотами» забирает очень много времени и сил. Как легко возникают наветы, как трудно их опровергать!

20 декабря 1804 года в письме к брату Карамзин сообщает: «Теперь пишу о нравах, правлении и вере древних славян и надеюсь это кончить около февраля, чтобы приняться уже за нашу историю с Рюрика. Я делаю все, что могу, и совершенно почти отказался от света; даже обедаю с некоторого времени один, не ранее пятого часа...»

Вводные главы первого тома, так трудно дававшиеся автору, потребовали годовых усилий. Позже специалисты (Погодин, Иконников и другие) отдали должное Карамзину, справившемуся в целом успешно с этой задачей. Погодин даже говорил о подвиге, хотя и утверждал, что в этом своде данных о славянских племенах для ученого-специалиста нет ничего нового. Но в том-то и дело, что до Карамзина критически проверенного, литературно обработанного свода всех разнообразных и доступных данных о древних славянских племенах в нашей исторической библиотеке не было. Сегодня в чем-то можно его оспорить, поправить, но ведь делаем мы это, продолжая им начатое.

Первоначально Карамзин предполагал весь материал о древних славянах (до Рюрика) объединить в первый том, второй посвятить первым киевским князьям до крещения Руси («времена язычества») и третий — от Владимира Красное Солнышко до Владимира Мономаха. Но в ходе работы объединил материал первого и второго тома в один, произведя соответствующую композиционную перестановку и в последующих. Эти часто встречающиеся в процессе творчества изменения плана работы тоже нашли отражение в письмах — этом единственном источнике, раскрывающем процесс создания Истории.

В конце 1804 года Карамзин намеревался «приняться уже за нашу историю с Рюрика». Идя вслед за Нестором, он, по-видимому, не был вполне удовлетворен темпом продвижения. «Работа моя идет медленно. Пишу второй том, еще о временах Рюрика... к зиме могу начать третий» (сообщение брату 26 марта 1805 года). Намеченные сроки не были выдержаны по причине тяжелого недомогания, которое он преодолел с трудом; еще одна характерная, такая выразительная черта силы воли, собранности, подчиненности единству цели, преданности замыслу своему — тяжело болея, не имея сил писать, рылся в рукописях, в книгах и преодолел недомогание: «Казалось мне, что я умру, и для того, несмотря на слабость, разбирал все книги и бумаги государственные, взятые мною из разных мест, и подписал, что куда возвратить. Ныне гораздо приятнее для меня снова разбирать их. Жизнь мила, когда человек счастлив домашними и умеет заниматься без скуки. Теперь я здоровее, нежели был прежде» (письмо брату 29 сентября 1805 года).

Кризис был преодолен, но после этого тяжкого недуга Карамзина не покидало предчувствие, которым он делился время от времени со

старшим братом, что едва ли ему удастся завершить труд, так много еще впереди.

Проболев с исхода июля до начала октября, он в ноябре, как писал брату 20 ноября 1805 года, «дошел до введения христианской Веры». В это же время в других письмах к брату, к близким он делится радостью о победе, одержанной армией Кутузова в борьбе с французами, отмечает рост агрессии Наполеона: «Такого медведя давно не было в свете».

В это время он ведет непрекращающиеся поиски новых источников, жалуется брату, что совсем истратился закупкою книг иностранных¹, радуется, что удастся находить в хранилищах или приобретать настоящие сокровища.

А. И. Тургеневу 3 июля 1806 года он сообщал о своих разысканиях самых древнейших изданий Евангелия, о приобретении одного из них, о найденном им описании странника по святым местам времен Нестора («Я напечатаю его в прибавлении к Истории»), делится радостью о полученном из Киева подтверждении о древних надписях в Софийском соборе, относящихся к 996 году, о своем намерении обязательно съездить в Киев, чтобы на месте многое уточнить и самому описать эту удивительную надпись. Здесь же — о своих «сражениях на бумаге» с иностранцами, некогда писавшими о России, о продолжающихся разысканиях, о личности Лжедмитрия: «Наши летописцы не говорят, чтобы Лжедмитрий был именно орудием иезуитов, но все обвиняют его в привязанности к религии католической. Мнения польских писателей были различны: некоторые считали Лжедмитрия побочным сыном короля Батория». Одно из обычных для Карамзина писем, и какое информационное богатство оно содержит, обрисовывает широту источниковедческих разысканий и удачу оных, радость очередного открытия, на сей раз Софийской надписи, подтверждающей распространенность образованности в Древней Руси (предмет, постоянно его занимавший), и главное, письмо позволяет нам как бы проникнуть в творческую мастерскую исследователя, который, работая по воссозданию картин древнего Киева времен первых Рюриковичей, одновременно собирает данные о Смутном времени.

В 1805 году Карамзин продолжал работу над основной частью первого тома, идя вслед за автором «Повести временных лет». На его счастье, а оно всегда на стороне настойчивых и умных, ему удалось в

¹ По-видимому, затраты были очень велики. Карамзины жили довольно скромно. Чуждались светской жизни, и все же, имея около тысячи крестьянских душ (приданое Екатерины Андреевны и симбирская деревенька Николая Михайловича), прибегали к займам. Правда, их крестьяне платили оброк самый умеренный, и в годы войны, в связи с рекрутским набором, Николай Михайлович вообще оброка не требовал. Государственной пенсии не хватало даже на оплату московской квартиры, где семья жила зимой, где размещалась собранная им уникальная библиотека, погибшая в 1812 году.

это время заполучить в свои руки два отличных летописных списка: Троицкий и Лаврентьевский. Карамзин назвал их списками «чистого Нестора». Всю значимость находки он обозначил в письме к М. Н. Муравьеву: «Я нашел две харатейные (то есть древние, на пергаменте.— А. С.) летописи весьма хорошие; одну XIV века у графа Пушкина, которую уже списал для себя, а другую в библиотеке Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищев, ни Щербатов не имели в руках своих таких драгоценных списков Нестора. Всякий день открываю новые грубые ошибки Татищева и Болтина, замечаю их в «нотах», однако ж не оскорбляя памяти умерших»¹.

Изучение новых летописных списков позволило Карамзину свежим взглядом оценить работу своего прямого предшественника Шлёцера («знаменитого критика»). Отдавая должное его «Нестору», Карамзин вместе с тем указывал, что Шлёцер не знал некоторых важнейших летописных списков, что ему повредило отчасти предвзятое отношение к славянским народам — порок, столь типичный для ученых-немцев. В результате предубежденности и источниковедческой неполноты от его исследования «пользы немного». «Изъяснения и перевод текста,— указывает Карамзин,— весьма плохи и часто смешны. Старик не знал хорошо ни языка летописей, ни их содержания далее Нестора; а выписки из иностранных летописцев не новы для ученых». Это «непочтительное» отношение к Шлёцеру никогда не могли простить Карамзину ортодоксальные норманисты. Карамзин в отличие от них указывал, что и до призвания варягов у восточных славян была жизнь хозяйственная, политическая, были города, развита торговля: новгородцы осваивали земли Прикамья и Приуралья, устанавливая связь с тамошним, весьма редким впрочем, туземным угро-финским населением, что у них был вечевой строй управления, бояре, князья, что варяги, объединив племена (княжества) в единое государство, не оставили заметных следов в обычаях, языке, культуре восточных славян, хотя и были они первыми чиновниками в Древней Руси и составляли вплоть до Ярослава Мудрого особые княжеские дружины. Карамзин, в отличие от Шлёцера, Погодина и других норманистов, не выделял особый «норманский период» в нашей древней истории. Наоборот, обращал внимание на кратковременность преобладания варягов, называя «иностранцами» лишь трех первых князей. Уже Святослава он исключал из их числа, а происхождение Ольги в соответствии с летописными данными связывал с псковской землей. Карамзин основывался на достоверных данных, указывал, что и позже киевские князья Рюрикова дома не раз обращались к услугам норманских дружин (как,

¹ Троицкая летопись погибла во время московского пожара в 1812 году. Реконструкция этого памятника сделана современными исследователями (М. Д. Прищёлковым) на основе данных Карамзина, настолько внимательно он отнесся к этому источнику, так широко использовал его текст.

например, Владимир) в борьбе за великокняжеский престол, но это не дает оснований говорить о каком-то особом «норманском периоде», растянутом к тому же на полтысячи лет. В своих размышлениях об истории Карамзин прямо признает, что он не следовал «Шлёцер<овскому> разделению Рос<сийской> истории, считал его необоснованным».

По существу, с «призвания варягов» Карамзин начинает не историю народа, а историю Рюриковичей — первых великих князей, объединителей племен славянских, до этого имевших свои вечевые формы правления. Об этом он пишет неоднократно: «Российские славяне, конечно, имели властителей с правами, ограниченными народной пользой и древними обыкновениями вольности», к числу их историк относил «великих бояр русских: сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не варягами было введено в России, ибо оно есть древнее славянское. Само имя князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или военный».

«Народ славянский хотя и покорился князьям, но сохранил некоторые обыкновенные вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий совет... Сии народные собрания были древним обыкновением в городах российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, не известную в державах строгого неограниченного единовластия».

Для Карамзина очень важно было проследить борьбу этих двух начал: вечевого, народного и великокняжеского, начиная с древнейших времен вплоть до полного удушения новгородской республики Иоанном IV.

Карамзин не раз повторял, что, работая над первыми томами истории, он изображал древнее состояние России по сказаниям нашего летописца, бессмертного Нестора, но одновременно подчеркивал, что привлекает много новых материалов и стремится дать более полное представление о прошлом. Он идет от тома к тому, описывая не только войны, но и «все гражданские учреждения, законодательство (часто весьма мудрое) наших предков, нравы, обыкновения, кои образуют характер народов на целые века».

Так понимал историк предмет своего исследования, так стремился преодолеть традицию и, прорвавшись через княжеские драки, найти факторы, определяющие на века характер и поступки предков.

Решая эту задачу, он уделил большое внимание «Русской Правде», анализ же этого памятника сделал, как всегда, по новым, более точным спискам. «Законы Ярославовы, — писал Н. М. Карамзин М. Н. Муравьеву осенью 1806 года, — предложены мною в ясном систематическом порядке и служат бесценным дополнением летописей. Я нашел весьма древний список сих законов, положенный в

Новгородский собор сыном Александра Невского, и еще другие важные древности»¹.

К весне 1806 года Карамзин дошел до крещения Руси и к зиме намеревался «дойти до времени татарского ига» (как писал он о том брату). Позже весь этот материал составил первый том, в ходе же работы Карамзин подразделял его на две книги. Отдельно поставил вводные главы (до Рюрика).

Оценка сделанного и программа намеченной работы содержатся в письме к М. Н. Муравьеву 6 марта 1806 года: «Я кончил второй том, пометив в нем историю времен язычества, от первых князей варяжских до смерти Владимира, и заключив его обозрением гражданского и нравственного состояния древней России. По сию пору все идет изрядно; увидим, что будет далее. Каждая эпоха имеет свои затруднения. Надеюсь в III томе дойти до Батыя, а в IV до первого Ивана Васильевича; там остается еще написать тома два до Романовых».

5

Осенью 1806 года историк писал М. Н. Муравьеву, что завершает описание времен Владимира Мономаха, которым намерен был окончить третий том (позже план был изменен, а Владимир Мономах оказался во втором томе). Впереди историка ждали времена удельных князей: «Еще более ста лет остается до нашествия татар, и сия часть работы будет для меня не столь приятная, как другие. Степь голая и печальная!»

Как видно из этого письма, у автора было довольно четкое представление о всем труде в целом, была намечена разбивка материала по томам, выделены основные вехи периодизации (языческие времена,

¹ «Русской Правде» отведена специальная глава. Это понятно. Ведь по авторскому замыслу «История» должна была послужить великому замыслу — разработке и изданию коренных законов гражданских на основе всего опыта собственного (не слепого заимствования книг чужеземных!), национальных традиций и на этой основе пресечь самовластие. В распоряжении историографа было не только первое издание «Русской Правды», сделанное в 1792 году кружком А. И. Мусина-Пушкина, но и все те шесть списков, коими располагали издатели (увы, далеко не все дошло до нас!). Главное же, Карамзин получил еще один пергаментный список памятника, приобретенный уже в 1812 году тем же Мусиным-Пушкиным. Синодальный и Пушкинский списки Пространной редакции памятника, как отметил правильно Карамзин, являются более надежными источниками, чем все ранее известные списки, включая и его собственный список Софийской летописи. Им отмечено много расхождений первого издания памятника с древними пергаментными списками: «Самый древнейший список «Правды», — пишет историограф, — нашел я в библиотеке Синодальной, в харатейной «Кормчей книге» (написанной по повелению новгородского князя Дмитрия, сына Александра Невского). Она хранилась в Софийском соборе, позже оказалась в Синодальной библиотеке. Карамзин отметил, что Пушкинский список, которым он также пользовался, «также харатейный, но думаю, новейший», и добавил: «В печатном же находятся неисправности, т. е. мнимые поправки».

крещение Руси, раздробление на уделы и другие изменения «гражданских обычаев»). Весь же исторический процесс Карамзин (в отличие от ортодоксальных норманистов) подразделял на древнюю, среднюю и новую историю, что специально разъяснил в предисловии к своему труду. Сложилась в основном и внутренняя структура первого и последующих томов, каждый из важнейших периодов заключил итоговыми главами, «описаниями», содержащими наиболее важные исследовательские наблюдения и выводы автора. Здесь интересны суждения о хозяйственной деятельности восточных славян; отмечено, например, что каждый смерд производил в своем хозяйстве все необходимое для жизни (т. е. тот уклад, что позже получил наименование натурального хозяйства, являвшегося на протяжении девяти веков основой русской национальной жизни), с особым авторским вниманием и какой-то душевной скорбью описаны вечевые порядки, показано, что господствовали на нем лица знатные, содержались в описаниях ценные данные о торговле, внешних связях, ратном деле. С блеском, глубоким знанием дела излагался историко-культурный материал. Эти описания затем повторялись в последующих томах. Структура, выработанная при создании первого тома, хорошо работала и позже.

Хотя Николай Михайлович отказался от первоначального намерения выделить «языческие времена» (до Владимира) в отдельный том, это вовсе не означает изменения его концепции; он считал и глубоко обосновывал свою исследовательскую позицию, считая крещение Руси поворотным пунктом в ее истории, раскрывая вместе с тем глубокую органическую связь этих двух ее периодов.

И до христианства, до Рюрика и Олега, указывал Карамзин, славяне, народы, из коих составилось древнее государство Российское, имели некоторую степень образования, издревле занимались хлебопашеством, ремеслом, торговлею, отчасти жили уже в городах, строили лодки (ладьи, струги), Черное море, покрытое их кораблями,— называлось в древнем мире Русским морем.

Древнейшими мудрецами нашего Отечества историограф называет вещих волхвов, подчеркивая, что тогда всякая догадка ума, всякое основанное на оной счастливое предприятие считалось чем-то сверхъестественным (вещим). Любознательность, любопытство сродное человеку питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслами. Важные случаи жизни, опыт хранили пословицы народные: «погибоша аки обри». Предки наши знали цену слову, договорные грамоты их доносят до нас образцы их красноречия: «да не защитятся щиты своими», «дондеже солнце сияет и мир стоит». Последнее можно понимать и как утверждение вечности, несокрушимости, бытия (мира), и как уподобление мира (окончания брани) выходу солнца!

Все это, конечно, так, и все же «началом истинного народного просвещения в России» Карамзин считает введение христианства, «вре-

мена Владимировых, изменило гражданское состояние людей, обеспечив успехи разума, просвещения народного».

«Любя народные торжества, языческие славяне устраивали в году разные праздники». Они, отмечает Карамзин, имели свои особенности у разных племен, но главное, конечно, не в этом, не в описании языческих торжеств, а во внимании историографа к язычеству славян российских, «которых потомки и доныне празднуют весну, любовь и бога Лада в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами, ходят зашивать венки в рощах, ночью посвящают огни Купалу и зимою воспевают имя Коляды». Как видим, Карамзин отмечает устойчивость языческих обрядов и традиций, так выразительно живших еще в его время. Несомненно, его интерес к этому пласту нашей культуры постоянен, устойчив. В «нотах» к первому тому он дал описание обрядов языческих жертвоприношений: «язычники приносили жертвы озерам и рекам» и добавил: «и ныне в некоторых местах России поселяне делают то же, что я видел собственными глазами... русские земледельцы в день Св. Лавра и Флора приводят лошадей своих к церкви: сие обыкновение не происходит ли от древнего язычества?» Воспроизводя пантеон языческих богов (Перун, Стрибог, Лель и др.), историограф призывает к осторожному сопоставлению данных: «догадки и выдумки не принадлежат истории». И в этом плане нельзя не отметить его обращение к «Слову о полку Игореве», он цитирует строки: «Внуки Стрибога веют стрелами с моря в полки Игоревы» и замечает: «Стрибог был, кажется, славянским Эолом».

Устойчивый интерес историографа к язычеству, его сохранению в основе духовной культуры русского крестьянства — это предмет особого исследования, несомненна связь язычества, позже своеобразно слившегося с христианством, с тем образом жизни и труда, который был присущ крестьянству и на протяжении многих веков оставался основой всей национальной жизни. Ощущение единства своего с природой нами воспринимается ныне, в эпоху острейшего экологического кризиса, на новой основе и возвращается вновь к нам, обогащенное всем ходом развития цивилизации, окрашенное поздним раскаянием «преобразователей природы». Не с этим ли запоздалым раскаянием связан взрыв всенародного интереса к Карамзину, несущему нам не только позабытую «выколоченную» информацию о нашем прошлом, но и раскрывающему великую роль нравственных начал в истории. Ведь нравственность, как учили нас наши великие умы прошлого, как и все происходящее от живой природы не может не иметь основополагающих естественных причин.

В старой русской литературе можно заметить устойчивый интерес к язычеству («народной философии русичей»), корни которого уходят в седую древность. Так, академик Н. Вавилов отмечал, что «эта народная философия славилась не столько мифических богов, сколько вольность и честь человеческую и потому на протяжении тысячелетия противостоя-

ла с успехом натиску душепоработительного христианства, потребного прежде всего верхушке власть имущих». Он подчеркивал, что нравственная основа жизни русичей всегда резко отличалась от циничной морали тех обществ, которые с библейских времен были пропитаны коммерческим духом (см.: Непроизнесенное слово Н. Вавилова о Миклухо-Маклае. «Советская педагогика», 1988, № 12, с. 94—97). Современные исследователи, отмечая закономерность принятия христианства, одновременно подчеркивают невозможность утраты языческой культуры Древней Руси.

6

В описании процесса принятия христианства нашими пращурами Карамзин выделяет несколько моментов; прежде всего назревшую необходимость этого шага, обусловленного как внутренними потребностями страны (выражением этого явилось крещение княгини Ольги, появление христианских храмов в Корсуни и, по-видимому, в Киеве и др.), так и внешнеполитическими условиями: «Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось христианство, наконец вся и торжественно признала святость оного... с землями соседственными: Венгриию, Польшею, Швециею, Норвегиею и Даниею». Добавим, что в этом наш историограф видел и показатель уровня развития общества. Древняя Русь шла в ногу со своими соседями, не отставая ни в чем от них, а обширностью своей едва ли не превосходила все тогдашние европейские государства.

Принятие христианства, как указывает историограф, акт не только великокняжеской воли, скорее, это результат народного выбора. Владимир принимает решение после совета с боярством и знатными старейшинами градов (не только Киева), «собрав бояр и градских старцев». Именно этот ареопаг принял решение направить «умных людей в разные земли», чтоб ознакомиться на месте и выбрать для себя наилучшую веру, и пошли эти мудрецы и видели кое-где «храмы скудные, моление унылое, лица печальные без всякого веселия и красоты». И только в Царьграде в Софийском соборе видели совсем иное: убранство алтарей, богатые одежды, красивое богослужение; пение, живопись, вся эта «священная важность и таинственность обрядов» изумила русских послов. Но и выслушав их рассказы, Владимир прежде чем принять решение желал еще слышать мнение бояр и старцев¹.

¹ Эта особенность принятия христианства имела для Карамзина важное значение, в ней он видел выражение черт характера, нравов предков наших, прочность вечевых традиций: «Между достопамятными чертами древних русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских вечах они имели первенство». Добавим, что позже такие историки-демократы, как Ключевский, Шапов и др., прослеживая истоки традиций народовластия, народосоветия, отмечали эту высокую ответственную роль старцев градских в решении судеб народных.

Последние сослались на выбор, сделанный еще Ольгой, посоветовав Владимиру последовать примеру своей мудрой бабки, и князь внял их совету. Так излагает принятие этого важного решения Карамзин, идя всецело за Нестором, подчеркивая: «Наш летописец мог еще знать современников Владимира» и его рассказ о столь близких событиях достоверен.

Из многочисленных преданий и легенд, повествующих сам процесс крещения, Карамзин отбирает путем критического сопоставления достоверные сведения и заканчивает описание крещения киевлян в водах Днепра и молитвы Владимира словами летописца: «В сей великий день земля и небо ликовали».

Пожалуй, наиболее полно позиция Карамзина выражена в следующей характеристике деяний крестителя Руси: «Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить россиян* (курсив Карамзина.— А. С.). Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных киевским христианам, великий князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшную новость...»

Историограф указывал также, что крещение Руси — это не одноактное действие сильного князя, а длительный процесс, охвативший несколько веков, что язычество господствовало в некоторых странах (т. е. регионах, областях.— А. С.) России до самого XII века. А в «нотцах» привел не только «сказки» и «басни», как киевляне прощались с Перуном (идол будто бы даже поплыл вверх по течению, бросил им свою палицу и «волил» киевлянам: «храните в память мою»), приводит и такие важные свидетельства: «...в некоторых житиях говорится, что Муром еще в XIII веке был наполнен язычниками». Следы язычества долго еще сохранялись в народной жизни. Это отмечали наши просветители, этнографы и в XIX веке, но речь шла о причудливом подчас переплетении остатков язычества с христианством. Решающий же шаг был сделан во времена Владимира Крестителя.

Нет сомнения, пишет Карамзин, что духовенство российское в первые времена христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относились к совести и нравственным правилам новой веры (так было по всей Европе); единая вера скрепляла единство государства, являлась основой и единства духовной культуры. Владимир, умножая народные училища, не только обеспечивал нужды церкви в пастырях, но, что еще более важно, «открыл россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются». Эта образованность, мудрость, успехи разума и нравственности в те времена неразрывно были слиты с Библией.

Специально исследовав и сопоставив рукописные харатейные

списки Евангелия XII века: тексты их приводились Нестором с печатными московскими, киевскими Библиями, Карамзин приходит к выводу, что россияне XI и XII веков «имели тот же перевод ее», и добавляет, что Библия «несколько раз была исправляема»¹ при Константине (Острожском.— А. С.), волынском князе, в XVI веке (при царе Алексее Михайловиче и Елизавете Петровне). «Однако ж несмотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди ученые справедливо признают оный древнейшим памятником языка славянского», и добавляют не без скрытой гордости, что Библии чешская (богемская) и польская «гораздо новее».

Перевод Евангелия на славянский язык имел, по словам Карамзина, огромное влияние на культуру, язык, нравы, образ жизни. «Слог ее (Кирилловской Библии.— А. С.) сделался образцом для новейших книг христианских, и сам Нестор подражал ему; но русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом, изъясняется (объясняется.— А. С.) разность в языке славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро после Владимира.— А. С.), Несторовой летописи и *Слова о полку Игореве*, о коем будем говорить».

Этот текст подкреплен специальной «нотией»: «говорит Нестор: «Словенев языка и Русский один есть». В рукописной Степенной книге, полученною мною от Болохинского купца Латухина, церковные книги наши именно названы переводом Кирилла и Мефодия: «Философы так преложена Псалтырь и Октонах и прочие книги еще и дондсь в России церковные чины ими исправляются».

«В одной рукописной Новгородской летописи, наполненной многими баснями, сказано: «ведать подобает яко *Словено-Российский*

¹ Утверждение это Карамзин подтвердил и дополнил специальной «нотой»: «В Синодальной библиотеке находится драгоценное Харатейское Евангелие». Дав ему краткую характеристику, он заключает: «сие Евангелие Славянское писанное в 1144 году от Р. Х. есть одно из древнейших в России. Для сравнения с нынешними печатными выписываем следующее место из Иоанна в харатейном: «Искони бяше слово и слово бяше от Бога и Бог бяше слово...» В печатном: «В начале бе слово и слове бе к Богу и Бог бе слово...» Отметив эти и другие различия (мы лишены возможности воспроизвести его сопоставления текстов полностью), Карамзин продолжает: «В Харатейном Евангелии 1307 года, которое хранится в той же Синодальной библиотеке, видим уже некоторые отмены в сравнении с Евангелием XII века <...> сей новейший список гораздо ближе к Острожскому печатному Евангелию, и доказывает, что еще в XIII столетии перевод Св. Писания был исправлен или исправляется. Ученые люди, собранные Константином, Острожским князем, для издания Библии, переменили некоторые слова <...>. В издании Славянской Библии при царе Алексее Михайловиче нет почти никаких отмен против Острожского, кроме трех или четырех мест, означенных в предисловии; но Библия, напечатанная при имп. Елизавете Петровне, уже гораздо более исправлена. Не только Библия, но и другие церковные книги в России XII века были одного перевода с нынешними: в доказательство предлагалось следующее место из нашей печатной Минеи и харатейного стихира, писанного в 1153 году...».

народ (курсив Карамзина.— А. С.) в лето 790 от Рождества Христова начат письма имети <...> В 790 году еще не было Российского народа», — замечает наш последний летописец.

Это повышенное внимание к проблеме языка пращуров, предков наших, со стороны Карамзина помимо важности проблемы объяснялось во многом и собственными исследовательскими интересами Николая Михайловича и еще более общественным вниманием к этим вопросам. В спорах и творческих муках шло становление русской литературной речи (вспомним хотя бы знаменитые схватки архаистов и новаторов, сторонников Шишкова и Карамзина), казалось, время, практика решили эту проблему, а нет, и в наши дни она не утратила остроты своей. Забота о чистоте и ясности речи нашей всегда сохранит свою значимость. «Художества и науки, — продолжает Карамзин, — быв спутниками христианства... водворялись у нас в мирных обителях уединения и молитвы. Те же благочестивые иноки были в России первыми наблюдателями тверди небесной... бессмертными своими летописями спасли от забвения память наших древнейших Героев, ко славе отечества и века. Духовенство наше было гораздо просвещеннее мирян; однако ж и знатные светские люди учились». Отметив в связи с этим приверженность к книге просвещенных Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Ефросинью Полоцкую, историограф подчеркивает, что лучшим, самым выразительным доказательством высокой светской образованности (мирян) является «Песнь Игорева».

Летописи отразили деяния князей, к которым самое пристальное внимание уделяли Карамзин, Соловьев, Ключевский.

А. Ф. СМЕРНОВ

КОММЕНТАРИИ

Текст «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина печатается по следующим изданиям: тт. — I—VIII по второму, исправленному изданию книжной лавки братьев Слёниных (СПб.; иждивением братьев Слёниных в типографии Н. Греча: тт. I—III—1818, тт. IV—VIII—1819), тт. IX—XII по первому изданию (СПб.; там же: т. IX—1821, тт. X, XI—1824, т. XII—1829, посмертное издание) тех же издателей. Текст публикуется без каких-либо сокращений.

Несколько слов о текстологической работе, проведенной при подготовке этого издания. Хотелось как можно бережнее отнестись к подлиннику, стилистически непростому шедевру русской историографии и литературы. Поэтому за исключением орфографии (об этом ниже) в текст не вносилось никаких изменений. Не тронута пунктуация Карамзина, во многом своеобразная. Читатель с удивлением встретит большое количество двоеточий там, где по современным нормам должны стоять точка с запятой или даже точка (правда, тогда так писал не только Карамзин). То же относится к точке с запятой, которые ставятся историком в тех местах, где мы привычно поставили бы запятую, и т. д. К пунктуации Карамзина следует привыкнуть, как надо привыкнуть и к другим особенностям этого текста. Например, к обилию курсива. Понять до конца принцип, которым Карамзин руководствовался, употребляя курсив, не просто. Выделены прежде всего отрывки из летописей и других документов, обильно цитируемые Карамзиным, а также отдельные слова, даты, извлеченные оттуда же, на которых историк хочет сделать акцент. Курсивом даются названия (летописей, литературных произведений). Это уже традиция — то, что сегодня мы всегда закавычиваем, в старое время обозначалось курсивом. Но целый ряд подчеркиваний остается необъяснимым; как например то и дело выделенный курсивом *двор Ярославов* (достаточно было бы одного раза, когда он впервые встречается в Несторовой летописи и переносится затем историком в свой текст). Орфография, естественно, приведена к современным нормам. Текст Карамзина пестрит прописными (заглавными) буквами, что для литературы его времени было нормой. С прописной начинались титулы (Князь, Государь, Самодержец и т. п.), научные дисциплины (История, География и т. п.), национальности (Русский, немец и проч. и прилагательные от них Русский, немецкий, Половецкий и т. д. и т. д.). Этих прописных читатель

не встретит в тексте, но в ряде случаев они оставлены как примета индивидуального карамзинского стиля (когда он употребляет такие слова, как Герой, Гений и др.). Транскрипция имен, в том числе исторических, а также географических названий оставлена без изменения; современное написание имени, если оно расходится с карамзинским, читатель найдет в указателе. Из-за ограниченности места для комментариев далеко не ко всем именам дается соответствующая справка, но некоторые общие сведения о них, если их нет у Карамзина, также можно почерпнуть в указателях. Указатель (в конце каждой книги) вообще призван дать читателю ориентиры в этом огромном пространстве исторических имен, а значит, и событий. Но и сам читатель должен быть предельно внимательным, ибо Карамзин не всегда (особенно в первых трех томах «Истории») четко разграничивает совпадающие имена и наименования. Кроме рядом стоящих *разных* Ярославов, Изяславов, Владимиров, Святославов, читатель встретит две Болгарии, четыре Новгорода, три Юрьева, два Переяславля, два Владимира, два Ярославля и т. д. Об этом надо помнить, чтобы не потерять нить исторического повествования.

Даты тех или иных событий в их хронологической последовательности даются в тексте в квадратных скобках. Примечания Карамзина в тексте обозначены цифрами, комментарии составителя — звездочками (*), авторские сноски — звездочками со скобкой (*)).

Переводы иноязычных текстов в примечаниях Карамзина сделаны М. И. Афанасьевой.

* (С. 129) Посвятительное письмо Александру I. Написано 8 декабря 1815 года сразу по завершении Предисловия перед отъездом в Петербург для представления текста восьми томов «Истории» императору. Составляя его, Карамзин следовал традиции (спустя несколько десятилетий еще и С. М. Соловьев был намерен посвятить свою «Историю» императору Николаю I), но мотивы, которыми он при этом руководствовался, были много сложнее естественного желания представить в выгодном свете свой труд (как и его заказчика) — см. об этом во вступительной статье А. Смирнова.

** (С. 129) *В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я, Вам, Государь, некоторые главы сей Истории...* В марте 1811 г. в Твери Карамзин семь раз встречался с Александром, но чтение «Истории» состоялось только во время предпоследней встречи 18 марта. «...При великой княгине и принце (т. е. при Екатерине Павловне и Николае.— А. К.) читал ему свою Историю дале двух часов, после чего говорил с ним немало,— сообщал в письме Карамзин Ивану Ивановичу Дмитриеву.— ...Прощаясь с нами, он вторично звал нас в Петербург <...> Последние слова его были: что приказываешь к Ивану Ивановичу? <...> Историю мою слушал он, кажется, с непритворным вниманием и удовольствием; никак не хотел прекратить нашего чтения...» Несмотря на видимый успех чтения, 19 марта Александр холодно простился с Карамзиным. Причиной стала «Записка о древней и новой Рос-

сии» Карамзина, переданная царю Екатериной Павловной. В «Записке» осуждалась государственная политика Александра.

*** (С. 129) *...туча грянула над Россиею...* Имеется в виду вторжение Наполеона в 1812 году.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Завершено, как свидетельствует дата, поставленная Карамзиным, 7 декабря 1815 г., то есть после окончания первой редакции первых восьми томов «Истории государства Российского». Предисловие имело важное значение для историка, оно — итог всей его работы над основной частью «Истории», плод его многолетних размышлений о предмете истории, об историческом процессе, о русской истории и ее месте в истории мировой. В сжатом виде здесь представлена философия истории Карамзина. Для читателя Предисловие — ключ к мировоззрению Карамзина как христианского историка, для которого история — непрерывный совокупный процесс, подчиненный «высшему нравственному закону»: «правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной политики» (т. IV, гл. IX). Само собой разумеется, Предисловие имеет очевидную педагогическую цель: привить любовь к отечественной истории. Свое кредо Карамзин высказал в одном из ранних набросков Предисловия: «Народ, презиравший свою историю, презрителен: ибо легкомыслен,— предки были не хуже его».

* (С. 131) *История в некотором смысле есть священная книга народов...* Карамзин начинает свой труд с определения предмета истории в духе античной и христианской историографии. По своему смыслу начало Предисловия, пожалуй, ближе всего к первой главе «Истории» византийского историка X века Льва Диакона, сочинения, послужившего одним из источников первого тома «Истории» Карамзина. Вместе с тем, Карамзин нарушает традицию: избегает благодарственных слов «Господу» (с которых начинаются и многие летописи или жития), не начинает свой труд «во имя Христово» и т. д. — духовный, нравственно-религиозный смысл его сочинения остается в подтексте. Сравнение истории со «священной книгой» возникло у Карамзина еще в те годы, когда он только начал помышлять о занятиях русской историей. В его записных книжках начала 1800-х гг. встречается запись: «Что Библия для Христиан, то История для народов». И далее сходное с тем, что читаем в Предисловии: «Опытность научает человека благоразумию: История — народы. Не только удовлетворяет любопытству, не только просвещает ум в правилах государственного блага, но дает им и твердость и мужество в несчастиях, являя примеры ужасных бедствий, преодоленных великодушием».

** (С. 131) *Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деписанию...* Карамзин говорит о начале летописания и появлении записей о жизни святых («жития»). Огромную роль в воспитании народа первых письменных памятников подчеркивает академик Д. С. Лихачев: «В произведениях литературы Древней Руси заключено монументальное, эпическое начало. ...Ее главные произведе-

ния гражданственны в высшем смысле этого слова. Авторы древнерусских произведений больше всего волнуют исторические судьбы их Родины, оборона Русской земли, исправление общественных недостатков, защита справедливости».

* (С. 132) *Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками...* Для Карамзина нет второстепенных событий в родной истории, каждый уголок нашей страны несет в себе частицу судьбы отечества, вот почему рядом с прославленными городами — политическими и культурными центрами мирового значения — он называет Елец и Козельск — города-герои, защищавшие Русь от монголо-татар (Елец еще и от половцев), Галич (Старый Галич) — узел политической жизни XII—XIII вв., столицу Галицкого княжества. Все три города имели трагическую судьбу, были дотла разорены азиатскими полчищами.

** (С. 132) *Не удивительно ли, как... Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою?* Карамзин имеет в виду границы Российской империи его времени. Лапландия — в данном случае север Финляндии и часть Кольского полуострова (ныне западная часть Мурманской области).

* (С. 133) *...смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних.* Очень важная патриотическая мысль Карамзина, которую он иллюстрирует вслед за этой фразой. Думается, весь этот абзац из Предисловия держал в уме Пушкин (феноменальная его память общепризнанна), когда писал свое полемическое письмо П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. об «особом предназначении» России.

** (С. 133) *...сын Игорев. Т. е. Святослав I.*

* (С. 137) *Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. <...> В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением.* Количество примечаний (нотиз) достигает нескольких тысяч, их общий объем — почти половина всей «Истории». В настоящем издании примечания Карамзина печатаются в современной орфографии впервые за весь «послереволюционный» период — предпринятое в 1989 г. академическое издание остановлено (вышло пять томов).

** (С. 137) *Муж ученый и славный, Шлёцер, сказал, что наша история имеет пять главных периодов...* Карамзин предлагает здесь свою периодизацию русской истории, отличающуюся от той, которую разработал один из крупнейших историков и знатоков русских летописей Август Людвиг Шлёцер (периодизация немецкого ученого дана в брошюре «Опыт о русских летописях», 1767). (Сведения о А. Л. Шлёцере см. в статье А. Ф. Смирнова, публикуемой в Приложении). Следует сказать, что Карамзин начинал работу над русской историей в тайне от Шлёцера (жившего в Германии); так велик был авторитет и влияние «надворного советника, доктора и профессора Гёттингенского университета, кавалера ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени», что Карамзин боялся возможного вмешательства. Шлёцер

знал о появлении в России «придворного историографа», но отнесся к этому скептически. С «Историей» Карамзина он не был знаком — умер в 1809 г. При всей самоуверенности и ошибках «ученого немца» следует отдать должное его энтузиазму в изучении русских летописей, его любви к Нестору, которого называл «старым другом», и, конечно, его восхищению Россией. «Раскройте летописи всех времен и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась бы с Русскою! Это история не какой-нибудь *земли*, а *целой части света*, не *одного народа*, а *множества* народов, которые, различаясь между собою языком, религиею, нравами и происхождением, соединены под одну державу завоеваниями, судьбою и счастьем. Русская история <...> есть I. бесконечно *пространна* по множеству или совсем неописанных, или недостаточно описанных народов, составляющих часть сего великого целого, члены сего исполинского политического тела. II. Чрезвычайно *важна* по непосредственному своему влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую древнюю историю. III. Очень верна по богатству своему в достоверных Временниках и прочих исторических источниках...» (А. Л. Шлёцер, Нестор, 1809, ч. I, с. XXXV. Перевод Д. Языкова).

* (С. 138) *С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет... на сочинение сих осьми или девяти томов...* Написанный до 1816 г. текст «Истории», Карамзин предполагал издать в 9 томах, но после внутренних перестановок в первых трех томах всего их стало 8. Они и составили свод первого петербургского издания (1816—1817), в продажу оно поступило в начале 1818 г., вслед за ним было получено разрешение на второе издание.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Написано, по-видимому, вместе с Предисловием, т. е. к концу 1815 г. Указывать источники было общепринятым у историков, их в своих трудах приводили Татищев, Щербатов, Шлёцер и др. Это очень скромный по объему раздел в «Истории» Карамзина, но между тем он имел и имеет особое значение для исторической науки. В нем указаны источники для изучения нашей древней истории (и литературы), открытые именно Карамзиным (например, Троицкая, Ипатьевская, полная Волынская и др. летописи). Более того, Троицкая летопись была восстановлена по цитатам Карамзина в «Истории» (в нотцах), т. к. сама она погибла в московском пожаре 1812 г. А перевод Карамзина из «Слова о полку Игореве» (см. гл. VII, т. III) помог исследователям приблизиться к оригинальному тексту, ведь Карамзин был одним из немногих, кто держал в руках подлинник «Слова», также сгоревший в пожаре Москвы. Немало у Карамзина было и других открытий.

* (С. 139) *Нестор, инок монастыря Киевопечерского, прозванный отцом Российской Истории...* Скорее всего это определение Нестора принадлежит Шлёцеру, который, ревнуя славу глубоко почитаемого им первого русского летописца, ставил его много выше других отечественных и особенно зарубежных древних писателей: «Нестор есть пер-

вый, древнейший, единственный, по крайней мере главный источник для всей славянской, летской (латышской и литовской.— А. К.) и скандинавской истории...» Рядом с «Повестью временных лет» многие западные летописные источники Шлёцер считал «бреднями». Вместе с тем, думается, что слово отец (отец Российской истории) в применении к Нестору было Карамзиным подчеркнуто и по другой причине. Дело в том, что за немцем Шлёцером, одним из пионеров в изучении и издании Несторовой летописи (здесь мы отдаем ему должное), было закреплено прозвище «отца русской истории», данное ему современниками. Карамзин, трезво относившийся к деятельности Шлёцера-историка, признавая его лишь частичные заслуги, демонстративно (но справедливо!) отдает приоритет Нестору как подлинному создателю истории первых веков нашего отечества, т. е. как родоначальнику нашей истории, ее отцу. Его курсив в слове отец — скрытый выпад против официально превознесенного и обласканного, не верившего в появление молодых русских историков представителя старой академической школы.

** (С. 139) *Второй, именем Василий...* См. о Василии в гл. VI второго тома.

* (С. 142) *Степенная книга, сочиненная в царствование Иоанна Грозного...* Исторический труд, составленный из различных источников в 1560—63 гг. духовником Ивана IV Андреем; включает в себя 17 княжеских и царских родословных (степеней). Митрополит Макарий был редактором «Степенной книги», как и «Четей-Миней» (сборников житий святых).

** (С. 142) *Так называемые Хронографы...* Они любопытны с XVII века... Хронографы, сборники, в которых отразилась местная история (Пскова, Новгорода и др.), возникли именно в XVII веке.

* (С. 143) *Жития Святых, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях.* Патерик (или Отечник) — житийный сборник отцов церкви или монахов одного монастыря. Пролог — «церковная книга, содержащая краткие слова на годовые праздники, жития святых и отрывки из писаний св. отцов, для чтения при богослужении» (В. И. Даль). Минея — церковная служебная книга, разделенная помесячно.

** (С. 143) *Родословная книга: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.* Карамзин имеет в виду изданную в 1787 г. Н. И. Новиковым Родословную книгу, носившую длинное название: «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1. Родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книги; 2. Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословные росписи в Розряды поданы...» (ч. 1 и 2). Оригинал, с которого печаталась книга Новикова, и была, видимо, Родословная книга, составленная в 1660 г. при царе Алексее Михайловиче.

*** (С. 143) *Грамоты.* Под «древнейшей» Карамзин имеет в виду харатейную грамоту великого князя Мстислава Владимировича, выданную им новгородскому Юрьевскому монастырю на право владения землей и на порядок выплаты судебных пошлин (см. т. II, гл. VIII).

Написан в 1804—1806 (март) гг. Сначала был разбит на два тома, объединившихся в процессе работы над первыми томами.

Глава I

* (С. 145) *...путь чрез Геллеспонт и Воспор [Боспор] Фракийский...* Древнегреческие названия проливов Дарданеллы и Босфор, по которым греческие суда проникали в Черное море.

** (С. 145) *В сем любопытном стихотворении, основанном... на древнем предании...* Имеется в виду приписываемая легендарному поэту и музыканту Орфею поэма «Аргонавтика». См. примечания Карамзина.

*** (С. 145) *Певец Одиссеи также именуется последних.* Карамзин цитирует в своем переводе XI песнь «Одиссеи» Гомера.

* (С. 146) *Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими...* Понт Эвксинский — Черное море, Рифейские горы — Уральские, хотя в примечании 4 к этой главе Карамзин оспаривает сложившееся мнение, что греки (в частности Страбон) называли так именно Уральские горы, это горы какие-то «баснословные», как и фантастические гиперборей.

** (С. 146) *Ольвия, в 40 верстах от устья днепровского...* Античный город, раскопки которого продолжаются и ныне. Находится у села Парутино южнее г. Николаева. Как исторический центр Ольвия была хорошо известна и во времена Карамзина. См. примечание 5.

*** (С. 146) *Пантикапея [Пантикапей] и Фанагория были столицами знаменитого царства Воспорского, основанного азиатскими греками в окрестностях Киммерийского пролива.* Пантикапей — нынешняя Керчь, Фанагория находилась близ Тамани, Киммерийский пролив — Керченский пролив. Упомянутый далее Херсон(ес) Таврический (Корсунь) — в наст. время археологический заповедник на окраине Севастополя.

**** (С. 146) *Геродот, писавший за 445 лет до Рождества Христова, предал нам оные [сведения] в своем любопытном творении.* Далее Карамзин излагает сведения о населении и землях европейской части России, почерпнутые из «Истории в девяти книгах» Геродота. Теми же фактами, за исключением, разумеется, «сказочных», пользуются в воссоздании начального периода русской истории С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Но в отличие от Карамзина, оставшегося в замкнутом круге первоисточников — Страбон, Геродот, Тацит, Птолемей — они дают большой простор собственным наблюдениям и умозаключениям. Вместе с тем «История» Геродота остается важнейшим источником для изучения истории народов, населявших европейскую часть нашей страны. Блестящий анализ этого труда дан в капитальном труде академика Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия».

* (С. 151) *...сделались самыми опасными врагами империи.* Здесь

и далее подразумевается Византийская (или Восточная Римская) империя, называемая также Греческой империей по господствующему в ней языку.

** (С. 151) *...венеды... были единоплеменники славян, предков народов российских.* Венеды (венеты) — западная ветвь славян — населяли районы вблизи побережья Балтийского моря и Рижского залива до устья Даугавы — Зап. Двины, или Эридана, упоминаемого Карамзиным (ряд ученых считает Эридан современным Неманом).

* (С. 152) *История сего времени упоминает об антах, которые... принадлежали вместе с венетами к народу славянскому.* Анты — южнославянские племена, занимавшие причерноморскую территорию между Днестром (возможно и Дунаем) и Днепром.

* (С. 153) *...угры и болгары... единоплеменные с гуннами...* Угры — хантымансийские народности, населявшие Зауралье (ныне территория Тюменской обл.), родственные по языку современным венграм. Болгары — тюркоязычные племена, жившие в прибрежных районах Камы и Волги; создали к X в. мощное государство Волжско-Камскую Болгарию.

** (С. 153) *С другой стороны выходят на феатр истории славяне, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от славы...* Этимология термина «славяне» разноречива, ученые не пришли к единому мнению о его происхождении. Карамзин сам колебался в правильности своего толкования (см. примеч. 42). Одно из самых ранних наименований венедских племен было «суовены» (встречается у Птолемея во II веке). Некоторые современные ученые склонны считать, что это название с течением времени было распространено на всех славян, и «суовены» стили «словянами». Существуют и другие точки зрения. Думается, что этноним «славяне» — редуцированная форма других, близких ему терминов.

* (С. 154) *...великая стена Анастасиева...* Защитная стена, построенная императором Анастасием I. Простиралась от Селиврии (близ современного болгарского города Селистры — древнего Доростола) до Черного моря.

* (С. 155) *...с гордостью величал себя Антическим, или Славянским...* Антическим (от названия племени анты) императора Юстиниана I византийские историки прозвали за его постоянные войны с славянскими племенами.

** (С. 155) *Сии турки... были остатком гуннов...* «Турки» здесь и далее у Карамзина следует читать как «тюрки». Историк имеет в виду тюрские племена, потомков гуннов (*хунну*), создавших в Центральной Азии и на Алтае Тюркский кагант и распространивших свое влияние на сев. Китай и Среднюю Азию. Существовал кагант в VI—VIII веках.

*** (С. 155) *...огоры... назвались славным именем аваров...* Огоры (родственные уграм) считаются предками аваров. В русских летописях они называются обрами. Огоры — малоупотребительное название.

* (С. 158) *...вошли в Иллирию... и основали новые области, под именем Кроации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации.* Иллирия (римское название Иллирика) — историческая область на сев.-зап. Балканского полуострова и юго-зап. Италии. После ее заселения славянами,

начиная с VI в., здесь возникли новые области, из которых выросли славянские государства (ныне гл. обл. территория бывшей Югославии).

** (С. 158) *...В VII веке находим славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники и в Мизии, или в нынешней Болгарии.* Река Стримон протекает по территории современной Греции. Фессалоники — второй по величине после Константинополя византийский город, ныне греческий порт Салоники. Мизия (Мисия) — историческая область на территории Малой Азии и современной Болгарии.

* (С. 159) *Предоставив читателю расселение народов славянских... до Мореи и Азии...* Морея — в данном случае Греция. Так именовались византийские владения на Пелопоннесе.

Глава II

* (С. 160) *...славяне... вытесненные из Мизии болгарями, а из Паннонии волохами (дольше живущими в Венгрии)...* Тюркские племена, переместившиеся из Волжской Болгарии, заставили часть дунайских славян переселиться далеко на север вдоль Днепра (хотя частично смешались с ними в Мисии и приняли обычаи и язык славян — так образовалась нынешняя болгарская народность). Волохи (влахи) — потомки греков и фракийцев, смешавшихся в Дакии с римскими переселенцами, предки сегодняшних румын. Вытеснив славян, они заняли обширные территории, в том числе и часть территории Паннонии (занимавшей некоторые районы современной Венгрии, Югославии и Австрии).

** (С. 160) *Апостол Андрей... доходил до Ильменя...* «Апостол земли Русской Андрей Первозванный», ученик Христа, по некоторым источникам посетил Скифию и проповедовал там, хотя Карамзин сомневается в том, что апостол мог дойти до севера России (см. примеч. 66).

* (С. 162) *Некоторые считают Кия перевозчиком... но Кий начальствовал в роде своем...* Современные исследователи (в частности, академик Б. А. Рыбаков) приводят убедительные доказательства княжеского достоинства Кия, основателя крепости на Днестре и одного из руководителей общеславянского движения на Балканы.

* (С. 164) *...Кириаландия граничила... с Квенландиею, или Каяниею.* Карамзин употребляет устаревшие сегодня наименования северных областей, граничащих с Карелией (Кириаландией).

** (С. 164) *Исландские повести наполнены сказаниями о сей великой финской области...* Имеются в виду произведения древнескандинавского фольклора, саги, песни, объединенные в сборники, самый известный из которых — «Старшая Эдда».

*** (С. 164) *Между сими иноплеменными народами... Нестор именует еще летголу (ливонских латышей), зимголу (в Семигалии), корсь (в Курляндии)...* они вместе с древними пруссами составляют народ латышский. Карамзин говорит о народностях (латгалы, земигола, курши), живших в Ливонии, Земгале, Курземе, в исторических областях современной Латвии. Пруссы — балтийская народность, близкая летто-литовцам.

* (С. 165) *Хозрой, царь персидский, должен был загородить от*

них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и донныне удивительною... Остатки этой стены и башен можно видеть и в наши дни.

* (С. 166) ...называемой... Козариею. Имеется в виду Хазария.

** (С. 166) ...они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии. Иверия — территория современной Грузии, Мидия — южная часть Азербайджана и сев.-зап. Ирана.

*** (С. 166) ...по мечу с дыма... т. е. с избы.

* (С. 167) Хань их жили издавна в Балангаире, или Ателе... Балангаир, Итиль (Атель) — названия столицы Хазарского каганата.

** (С. 167) ...построили на берегу Дона, в нынешней земле козачков, крепость Саркел... После взятия в 965 г. отрядами князя Святослава этого хазарского города он стал русской крепостью, получив название Белая Вежа. Остатки крепости были затоплены Цимлянским водохранилищем после строительства Волго-Донского канала.

*** (С. 167) ...призвали к себе трех братьев варяжских, от племени русского, которые сделались первыми властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться Русью. Это суждение Нестора (или же автора позднейшего добавления в текст его летописи) послужило отправной точкой для создания так наз. «норманской теории», опровергавшейся многими русскими историками (одним из первых был М. В. Ломоносов) и полностью отброшенной современной наукой. Термин «Русь», как убедительно доказано современной историографией, восходит не к скандинавским корням, но только к славянским. Карамзин еще находился в плену «норманизма», хотя и с осторожностью относился к свидетельствам как Нестора, так и суждениям историков, преувеличивавших роль варягов в политической жизни древней Руси на ее начальном этапе.

* (С. 168) Имена трех князей варяжских — Рюрика, Синеуса, Трувора... Из трех упоминаемых в летописи князей только Рюрик, как доказано, был реальным лицом. Что касается Синеуса и Трувора, их появление на исторической сцене является курьезом историографии. Академик Б. А. Рыбаков в работе «Начальные века русской истории» пишет: «Историки давно обратили внимание на анекдотичность «братьев» Рюрика... «братья» оказались русским переводом шведских слов. О Рюрике сказано, что он пришел «с роды своими» («Sine use» — «своими родичами» — Синеус) и верной дружиной («Ttu waг» «верной дружиной» — Трувор)... Другими словами, в летопись попал пересказ какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика (автор летописи, новгородец, плохо знавший шведский, принял упоминание в устной саге традиционного окружения конунга за имена его братьев). Достоверность легенды в целом... невелика».

* (С. 169) Русские славяне... назывались в Европе норманами... Так они назывались при отождествлении их с варягами. Современная наука четко разграничивает русских славян и норманов скандинавов. Самостоятельное бытование термина «русь» (и его образований), начиная с I в., хорошо прослеживается в исследовании А. Г. Кузьмина «Све-

дения иностранных источников о руси и ругах» в сб. «Откуда есть пошла Русская земля», кн. I, «Происхождение народа» (М., 1986).

** (С. 169) *Русская Правда*. Сборник правовых документов, включающий в себя «Правду Ярослава Мудрого», «Устав» Владимира Мономаха и др. акты, известен в списках XIII в. и более поздних.

* (С. 170) *...варяги-русь...* Устаревший термин, которым иногда пользуются в научных работах для обозначения балтийских славян.

* (С. 171) *...свидетельство географа равеннского...* Имеется в виду Аноним из Равенны, географический труд которого был издан Першероном (см. примеч. 111).

Глава III

* (С. 183) *Жребий войны и могущество Карла Великого подчинили ему и наследникам его большую часть славян немецких...* Король франков Карл Великий к началу IX в. создал, распавшуюся после его смерти, обширную империю, в которую вошла большая часть территории Западной Европы. В последующие эпохи немецкие славяне в основном ассимилировались с местным немецким населением, сохранив до наших дней язык и обычаи в отдельных районах Восточной Германии (лужичане, ветвь полабских славян).

** (С. 183) *Храм города Ретры в Мекленбурге...* Храм, как и сам г. Ретра, после разрушений не сохранился. В результате раскопок, проводимых в 1922 г. археологом К. Шуххартом, на месте Ретры обнаружено городище. Раскопки ведутся и сегодня.

* (С. 187) *Славяне поклонялись... Творцу молнии, Богу вселенных.* Прабог славян, бог вселенной — Сварог, впоследствии разделившийся на других богов — Дажьбога (бог солнца), Перуна (бог молнии), Стрибога (бог ветров) и т. д. о языческих богах славян (см. примеч. 199—210).

** (С. 187) *Его-то, кажется, именовали они преимущественно Белым Богом...* Белбог — у западных славян олицетворял добро и свет. Ему противопоставлялся Чернобог — образ зла и тьмы (см. о нем ниже в тексте Карамзина). Судя по примечаниям, Карамзин изучал славянскую мифологию в основном по иностранным, хотя достаточно авторитетным источникам. С большой полнотой пантеон языческих богов был изучен уже в послекарамзинскую эпоху. Читателя следует отослать к богатейшей литературе по славянской мифологии и фольклору XIX в. К сожалению, почти вся она не переиздана и оттого почти недоступна. Исключение составляет выдающийся памятник русской культуры XIX в. обобщающий труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», вышедший в трех томах в 60-х гг. прошлого столетия, — он переиздан в наше время, см. напр.: А. Н. Афанасьев «Древо жизни» (сост. Ю. М. Медведев. — М., 1983). обстоятельно изучена славянская мифология в трудах акад. Б. А. Рыбакова... Карамзин дает лишь беглый очерк славянского язычества и его культов.

* (С. 191) *Кумир его [Перуна] стоял в Киеве на холме... был деревянный, с серебряной головою и с золотыми усами.* В. И. Даль в своем

«Толковом словаре...» так пишет о Перуне: «В Великой Руси осталось мало следов этого бога грома и молнии, грозы. В Белоруссии более, там его описывают; это высокий, плечистый головач, черноволос, черноглаз, борода золотая, в правой руке лук, в левой колчан со стрелами; он ездит по небу в колеснице, пускает огненные стрелы».

* (С. 192) *...Самогитии...* Самогития (Жемайте) — историческая область на территории Литвы, населенная самогитами (жемайтами, жмудью), балтийским племенем.

** (С. 192) *Впрочем, Ладо мог быть и древним славянским божеством...* А. Н. Афанасьев считает Ладу (Венеру) славянской богиней любви, мужское ее олицетворение — Ладо, причем Афанасьев, указывая на древность происхождения имени, ссылается на упоминание лад (мужей) в «Слове о полку Игореве». По Афанасьеву, Лада славян и литовцев (добавим — и латышей) только тождественна Фрейе немцев, но не заимствована.

*** (С. 192) *Купалу, богу земных плодов...* Речь идет о народном празднике Ивана Купалы, т. е. дня Рождества Иоанна Крестителя 24 июня. Один из самых популярных праздников славян, подробнее описанный Афанасьевым в «Поэтических воззрениях...» Возьмем лишь одну деталь, отмеченную Афанасьевым, подчеркивающую первостепенную важность этого торжества: «На Руси для возжжения купальского костра употребляется *живой огонь*; почетные старики добывают его трением из дерева, и пока продолжается эта работа — собравшийся вокруг народ стоит в благоговейном молчании, но как только огонь вспыхнет — тотчас же вся толпа оживляется и запекает радостные песни... Народ еще недавно представлял Купала и Ярила как существа *живые*, человекоподобные...»

**** (С. 192) *24 декабря язычники русские славили Коляду, бога торжеств и мира.* Коляда — праздник солнца, его поворота к лету (*коло* — слово, выводимое из *круга, солнца*). Афанасьев пишет: «Русское поверье связывает поезды солнца с двумя главными пунктами его годового обращения — с летними и зимними обращениями... При повороте своем на лето Солнце, как уверяют крестьяне, наряжается по-праздничному — в сарафан и кокошник, садится в телегу и едет в теплые страны. В одной записанной мною колядке поется:

Ехала Коляда
В малеваном возочку.
На вороном конечку!
Заехала к Василию на двор.
Василь, Василь! подари Коляду.

«Ехала Коляда», т. е. солнце, поворот которого празднуется на Коляду».

***** (С. 192) *...говорят у нас о леших, которые видом подобны сатирам.* Сатиры — в греческой мифологии лесные божества (как и лешии), демоны плодородия в окружении бога Диониса.

* (С. 194) *Празднование Семика...* Седьмой от Пасхи четверг (пятидесятница, Духов День на Троицу) — один из главных церковных праздников. *Семик* его народное название.

** (С. 194) *В Дитмаровой летописи...* Т. е. в хронике Мерзебургского епископа Титмара (см. указатель имен).

* (С. 198) *Славяне российские... творили над умершими тризну...* В. И. Даль в «Толковом словаре...» объясняет «тризну» так: «поминовение усопших... и пиршества при сем, народные игры и ристания».

* (С. 199) *Немецкие завоеватели... разрушили их храмы, сожгли заповедные храмы и самих жрецов истребили...* Балтийские славяне (венды) окончательно приняли христианство в XIII веке, католическая церковь жестоко подавила идолопоклонство, обратив вендов в христианскую веру.

* (С. 200) *Русское [наречие], более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами.* Очень важное наблюдение Карамзина, относящееся к его эпохе, ведь литературные противники (Шишков и др.) обвиняли его и его сторонников, «карамзинистов», в измене «чистому», архаичному русскому языку. Очевидно, что Карамзин, как никто другой, чувствовал красоту и первозданную чистоту родной речи. Обратим внимание и на примечание (240) Карамзина к этой фразе: «В чем всякий, развернув лексиконы языка нашего, польского, богемского (чешского), иллирического (болгарского и др. южнославянских языков), может легко увериться.— Кроме общего, мы имеем несколько особенных наречий: украинское, суздальское, новгородское. В суздальском много чуждых, неизвестных слов; например, Бог называется *Стод*, отец *Хрутин*, сестра *Миндра*, жена *Эльтона*, дева *Шиктора* (см. «Сравнительное описание всех языков», напечатанное в С.-Петербурге, 1787)». Ясно, что «особенных наречий», диалектов, в XVIII—XIX вв. в нашем языке было больше, чем их называет Карамзин (хотя бы белорусский язык), но приводимые им примеры из «суздальского наречия» и сегодня не могут не заинтересовать.

** (С. 200) *Чешское [наречие]... в Венгрии...* Карамзин имеет в виду Венгерское Королевство, территория которого многие века включала земли с проживавшими на них словаками, чехами и другими славянскими народами. Ниже в тексте Карамзин именуется венгерское наречие «словацким» (словацким).

*** (С. 200) *Кроатское [наречие].* Имеется в виду хорватский язык и родственные ему.

* (С. 203) *...глагольская азбука явно составлена по нашей [кирилловской]...* Современные исследователи склоняются к тому, что глаголица была изобретена Кириллом, кириллица же появилась позднее, постепенно вытеснив глаголическое письмо (продержалось в Болгарии и Македонии до XIII в., в других странах дольше).

** (С. 203) *Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются немецкие [буквы].* Имеется в виду немецкий язык, которым пользовались славяне, проживавшие на территории Германии и Австрии.

*** (С. 203) *...в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше [употребляются] латинские [буквы].* Иллирия — см. примечание на с. 495. Крайна — историческая область на Балканском полуострове, несколько столетий имевшая административную самостоятельность в составе различных го-

сударств. Сейчас находится в составе Словении. Венгрия — имеются в виду славянские области на территории Королевства Венгрии или Австро-Венгерской империи.

Глава IV

* (С. 204) *Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов...* Устаревшее суждение, отвергнутое наукой, см. примечание на с. 497.

** (С. 204) *...основали государство, которое граничит с древнею Дакиєю и с землями Северной Америки...* То есть с Молдавией (Бессарабией) и с США на Аляске — эта русская территория на сев.-американском континенте во времена Карамзина еще не была продана (1867).

*** (С. 204) *...кровавые следы варварства... изгладились счастливым трудами жизни гражданской.* Карамзин к этой фразе дает примечание, написанное с пушкинской энергией, текст которого был бы уместен в самой его «Истории». Прочитируем его: «Гроза, которая сокрушила величие Рима и несколько веков свирепствовала в Европе, начала утихать уже в конце VI века. Все бывшее исчезло: явились новые правления, новые обычаи и законы; прославились новые имена народов. Германцы, оставив большую половину своего древнего отечества славянам, властвовали в Англии, Галлии, Италии; но в VIII веке уступили Испанию аравитянам, пришедшим в Европу с мечом, Алкораном и с любовью к наукам. Карл Великий, в последний год сего века, основал империю Западную, несравненно сильнейшую Восточной, которая ужасалась всякого неприятеля, но дерзала еще именоваться Римскою. Скандинавия... разделенная на малые королевства, повелевала морями: ее бесчисленные витязи, скупая тесными пределами отечества, суровым его климатом и праздностью, трубили в рога, стремились от пиршеств на легкие корабли свои, искали добычи, новых земель и завоеваний. Азиатские народы — болгары, козары — господствовали на западных и северных берегах Черного моря. Калифы, наследники Магометовы, еще славились на Востоке. — В сие время начинается История Государства Российского».

* (С. 205) *Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном советнике [Гостомысле]...* Гостомысл не назван Нестором в его летописи, впервые это имя встречается в Софийской Первой летописи XV в. Карамзин так комментирует этот факт (выписываем из примечания 274): «В некоторых списках *дополненного* Нестора (например, Софийского Новгородского) сказано... что славяне, *пришедши на Ильмень с Дуная*, выбрали Гостомысла в старейшины: но в таком случае ему надлежало бы умереть за несколько веков до Рюрика». (Гостомысла упоминают В. Н. Татищев и барон Герберштейн в своих «Записках о Московии».) Безусловно, Гостомысл — легендарная фигура, призванная оправдать неуставовленный факт приглашения варягов на княжение в Русские земли. Подтверждений реального существования Гостомысла нет; его, например, вовсе не упоминают С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.

** (С. 205) *Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор... согласились принять власть...* См. примеч. на с. 497.

*** (С. 205) *...была названа тогда Русью, по имени князей варяго-русских.* Происхождение слова «Русь» как обозначения земли или политического образования иное, связанное с названием племени «русь» и «рос», с «варяго-русами» его можно связывать только, если считать варягами западных, балтийских, славян — попытки доказать это были предприняты некоторыми учеными. См. также примечания на с. 497.

* (С. 206) *...какой-то Вадим, именуемый Храбрым...* По некоторым источникам, Вадим был внуком Гостомысла. Точных данных о его существовании, о бунте, поднятом им против тирании Рюрика, нет, но этот легендарный образ вдохновлял патриотизм русских писателей. Пушкин оставил нам наброски вольнолюбивой поэмы и драмы о Вадиме.

** (С. 206) *Двое из единоплеменников Рюриковых, именем Аскольд и Дир...* Выдающийся русский ученый А. А. Шахматов доказал, что Аскольд и Дир не были варяжскими колонистами из круга Рюрика. Его версия об Аскольде и Дире как продолжателях династии Кия, основателя Киева, принята современной наукой.

* (С. 209) *...клялись именем Одиновым...* Один (Водан) — верховный бог скандинавских народов, т. е. варягов.

Глава V

* (С. 210) *...взял Любеч...* Ныне это поселок в Черниговской области с сохранившимися памятниками XI—XII вв.

* (С. 211) *Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым...* Речь идет об уничтожении киевского княжеского рода. Этот исторический эпизод трактуется и как результат столкновения враждующих варяжских отрядов наемников, новгородских и киевских.

* (С. 213) *Олег пропустил ли их дружелюбно, или отразил силою, неизвестно.* Венгерские источники XII—XIII вв. говорят об угро-русской войне в эпоху княжения Олега. Русские войска потерпели поражение. Венгры по договору ушли из Киевской земли, получив значительную дань.

* (С. 215) *Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие россиян.* Современные исследователи высказывают мысль, что в случаях «жестокости россиян», речь должна идти о жестокости наемников варягов, воевавших «под русским флагом». Зверства колонизаторов норманов (варягов) были хорошо известны, о них много писали европейские хронисты.

** (С. 215) *Греки дают... уклады на города Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск...* Уклад — дань. Переяславль Карамзин выделяет курсивом и в примечании 310 поясняет: «Следственно сей город (на реке Трубеже, в 60 верстах от Киева) был уже в Олегово время». Это действительно первое упоминание Переяславля (Переяслава; ныне — Переяславль-Хмельницкий).

* (С. 216) *...киевским, черниговским, переяславским и другим*

гражданам. Немаловажное историческое свидетельство: становится очевидным, из каких городов Киевской Руси приезжали в Константинополь ее чиновники, купцы и проч. граждане.

* (С. 217) *Мы от роду Русского...* Далее перечисляются имена в основном варяжские (Веремид и Стемид, по мнению С. М. Соловьева, — славянские), но речь в договоре идет о послых как о представителях Русского государства; «от роду» — т. е. от народа.

** (С. 217) *Олегом, Великим Князем Русским и всеми сущими под рукою его Светлыми Боярами...* Карамзин выделяет в тексте слова «Великий Князь», и «всеми сущими под рукою». «Великий», вероятно, одно из первых употреблений этого символа княжеского достоинства в летописях, уравнивающее ниже следуемое «Великие Цари Греческие». По поводу «всеми сущими...» процитируем примечание 319: «От всех, иже суть под рукою его: древнее русское, сильное выражение».

*** (С. 217) *...под рукою Светлого Олега.* Примечание Карамзина (320): «Ни слова об Игоре: доказательство, что он при Олеге не имел власти». Думается, это штрих, подчеркивающий узурпаторство варяга Олега, что ставится ему «в вину» современными исследователями (Б. А. Рыбаков и др.).

* (С. 219) *...милым ближним...* Карамзин в примечании 325 поясняет, почему он выделяет курсивом эти и другие слова (по тексту «Истории» выше и ниже) — как *новые*, в обнаруженной им Троицкой летописи.

** (С. 219) *...во 2 неделю, в 15 лето (то есть Индикта) от создания мира...* Индикт — система летосчисления, введенная в Византии. Пересчет на современную хронологию дает 911 г. как дату заключения договора.

* (С. 221) *...тело его [Олега] погребено на горе Шековице...* Год и место смерти Олега неизвестны. Б. А. Рыбаков пишет: «Олег... умер неизвестно где. Легенды указывали его могилы в самых разных местах».

Глава VI

* (С. 222) *...под именем печенегов...* Печенеги — объединенные тюркские племена, существовавшие, перемещаясь от Аральского моря к Дунаю, в VIII—XI вв. Заключив союз с Византией, печенеги стали главным противником Руси.

* (С. 224) *Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым огнем Греческим...* «Греческий огонь» — «сверхоружие» византийцев, изобретенное в VII в., представлявшее зажигательную смесь из жидких нефтепродуктов и серы. Разбрызгивался с помощью медных труб. Русские очевидцы свидетельствовали о действии «греческого огня»: «Как молнии на небесах, то же было у греков; пуская [их], жгли нас, и поэтому не одолели их».

* (С. 228) *...многие варяги были тогда уже христианами.* Не только варяги, отборные княжеские дружинники, приняли христианство после посещения Византии. Примерно с 860-х г. началось массовое обращение россиян в христианство.

** (С. 228) *Игорь, одарив послов греческих мехами драгоценными, воском и пленниками...* Пленники (в летописи — челядь). Карамзин поясняет (примечание 360): «Челядью, т. е. рабами или невольниками, которыми торговали россияне».

*** (С. 228) *Ходить в дань...* Речь идет о полюдье, сборе налогов, ежегодно собираемой князьями и его дружиной. Это была важная государственная акция, основа внешней торговли племенных союзов. После убийства Игоря древлянами полюдье было отменено.

* (С. 229) *...разорило Дагестан, Ширван...* Ширван — историческая область на зап. берегу Каспийского моря в сев. Азербайджане.

** (С. 229) *...взяли Барду, столицу арранскую...* Арран — историческая область в междуречье Куры и Аракса, на которой находилось государство Кавказская Албания. Развалины древней Барды находятся рядом с одноименным городом в Азербайджане.

Глава VII

* (С. 233) *Вышегород, основанный, может быть, Героем Олегом...* Вышегород (Вышегород) — город, находившийся в 20 км на север от Киева, ныне здесь село и остатки городища. Славянское слово «вышегород» означает верхний замок, детинец, кремль.

* (С. 235) *...постоит у меня на Почайне...* Почайна — речка к северу от Киева, впадает в Днепр.

* (С. 237) *...князь российский... жил весело в болгарском Переяславце.* Переяславец — столица Первого Болгарского Царства, современный город Преслав.

* (С. 239) *Ольга — по выражению Нестора, денница и луна спасения... предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве.* Денница — утренняя звезда (или заря), символ духовного просветления. Луна (у Нестора — «луна в ночи») — символ просвещения. Канонизированная церковью Ольга прославляется 11 (24) июля: «Величаем ты, блаженная и равноапостольная княгине Ольго, и чтим святую память твою, идолы поправшую и многия люди российския святым крещением просветившую» («Акафист святой княгине Ольге»).

Глава VIII

* (С. 249) *...древлянский город Овруч.* Ныне город в Житомирской области.

* (С. 250) *Он имел прелестную дочь Рогнеду...* Мать Ярослава Мудрого, Рогнеда стала родоначальницей полоцкой династии Рюриковичей.

* (С. 252) *...находились в Кведлинбурге, при дворе императора Оттона, послы российские: за каким делом?* Имеются в виду или Оттон I, основатель «Священной Римской империи», или его сын Оттон II, т. к. Оттон I умер именно в 973 г. Русские послы могли вести переговоры с императорами, агрессивная внешняя политика которых была направлена на уничтожение славян.

* (С. 255) *Церковь наша чтит их святыми под именем Феодора и Иоанна.* 12 (25) июля — день «мучеников Феодора-варяга и его сына Иоанна».

** (С. 255) *...на берегах реки Пищаны.* Пищан — приток Сожа в Могилевской области.

*** (С. 255) *На берегах Волги и Камы издревле обитали болгары...* См. примечание на с. 495 к с. 153.

* (С. 259) [В Киеве] *уже давно находились церкви и священники христианские.* После крещения Ольги, по-видимому, были построены первые церкви и в Киеве, самая ранняя из известных православных киевских церквей — Св. Ильи (X в.). Священники были главным образом византийские, а в княжение Владимира Святославича — болгарские.

* (С. 261) *Херсонский митрополит и византийские пресвитеры совершили сей обряд торжественный...* Некоторые ученые (А. А. Шахматов) подвергают сомнению факт крещения Владимира в Херсонесе (Корсунь), считая, что этот обряд тайно совершился в Киеве, а скорее всего в Василеве (сейчас Васильков), городе, построенном Владимиром, и названном так по его новому имени в крещении.

* (С. 263) *Война с хорватами, обитавшими (как мы думаем) на границах Седмиградской области и Галиции...* Речь идет о войнах Владимира на западных границах с белыми хорватами, жившими по соседству с Трансильванией (Седмиградской областью) и Галицкой областью (и в пределах последней).

* (С. 264) *...в Олеговом договоре с греками в 906 году.* Принятая сегодня дата этого договора — 907 год.

** (С. 264) *...совершение каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери.* Имеется в виду Десятинная церковь (см. ниже в тексте).

* (С. 268) *...город российский Альдейгабург... нынешнюю Старую Ладугу.* Правильнее Альдейгаборг (или Альдейгьюборг, скандинавские названия), впоследствии — Ладога, поселение у места впадения реки Волхов в Ладожское озеро, сюда якобы прибыл Рюрик с варяжской дружиной. Сегодня на этом месте находится село Старая Ладога.

* (С. 269) *Сей князь, названный церковью Равноапостольным...* То есть деятельность Владимира в какой-то степени приравнивается к тому, что совершали апостолы — ученики Христа. 15 (28) июля празднуется память этого князя, «идолы поправшего и всю Российскую землю святым крещением просветившего».

Глава X

* (С. 272) *...на условиях поместной системы...* То есть путем раздачи великим князем (или князем) земель с селами и городами отличившимся приближенным, в основном своим сыновьям.

** (С. 272) *...советовался о земских учреждениях...* То есть об учреждениях, исполнявших разные виды административной власти.

* (С. 273) *...варяги принесли с собою общие гражданские законы*

в Россию, известные нам по договорам великих князей с греками. Гражданские (правовые) законы появились в Древней Руси на ранних этапах зарождения государственности и не определялись скандинавским законодательством. Договоры с греками были результатом сложившихся правовых отношений, которые были отражены в соответствующих документах, как например, в «Законе судным людям», памятнике конца IX — нач. X века. Правовые документы соседних стран (скажем, Болгарии), разумеется, могли быть известны русским князьям и влияли на выработку собственных правовых норм и законов, но слепо не могли копироваться.

* (С. 274) *Варяги... были их наставниками и в искусстве войны.* Нет никаких доказательств, что воинское искусство варягов, сводившееся в основном к стремительным атакам, набегам, коротким стычкам, оказало какое-либо решающее воздействие на ратное искусство россиян, выработанное в долговременных войнах с агрессорами. Воинское искусство, техника и вооружение в Древней Руси достигло высокого уровня, о чем свидетельствуют историко-археологические изыскания последних десятилетий.

* (С. 277) *...в окрестностях Меларского озера...* Озеро Меларен в Швеции, имеющее выход к Балтийскому морю.

* (С. 279) *Краткая сильная речь Святослава...* См. слова Святослава, обращенные к его воинам, перед битвой со стотысячным византийским войском, в гл. VII этого тома.

А. М. КУЗНЕЦОВ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдерахман [Абдаррахман]*, эмир 305
- Абульгази [Абу-ль-Гази Бахадурхан, Баядурхан], хивинский хан, ист. и писатель (XVII в.) 297, 306, 394, 406, 440
- Абульфарах [Абу-ль-Фарадж, наст. имя: Григорий Иоанн Бар-Эбрей], сир. ученый, врач, хронист (XIII в.) 229, 400
- Абульфада [Исмаил ибн Али Абу-ль-Фида], сир. ист. и географ (XIV в.) 229, 321, 323, 326, 400
- Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август), рим. имп. на рубеже старой и новой эры, легенд. родоначальник Рюриковичей 325, 333
- Августул, легенд. брат рим. имп. Августа 325
- Авдура-Диапаудга, дочь дат. кор. Ивара 328
- Авехасан, легенд. слав. кн. 312
- Авиен, рим. писатель (IV в.) 291
- Авраам, родоначальник евр. народа 287
- Авраамий, арх-т Рост., св. 374, 429
- Авраамий (Аверкий Иванович) Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, полит. деятель, писатель 143, 441
- Аврам (Авраам), нем. ремесленник и художник 424
- Аврелий Марк, рим. имп. (II в.) 150
- Агамемнон, царь Микен в «Илиаде» Гомера, участник Троянской войны 412

* В квадратных скобках дается современная транскрипция имени, в круглых его вариант, известный по другим источникам, а также христианское имя князей, государей (княгинь, цариц) или в отдельных случаях имя, полученное от рождения (см. например: Авраамий Палицын, св. Дмитрий Ростовский и др.). Имена князей, в отличие от имен церковных деятелей, приводятся в транскрипции, получившей распространение с XIX в. (у С. М. Соловьева) и окончательно утвердившейся сегодня (Иван вместо Иоанн, Юрий — Георгий, Федор — Феодор и т. д.). Для удобства поиска в тексте Карамзина некоторых литературных и исторических сочинений, не имеющих указания на авторство, они вынесены в наст. указатель. Это прежде всего относится к летописям; найдет читатель по указателю имен «Слово о полку Игореве» и др. соч., а также предметные наименования (напр. Алфавит, Греческий огонь, Календарь и др.), которые сам автор относил к «именам». Не вынесены в указатель имена на других языках, ибо они, как правило, даются в точной русской транскрипции на той же странице текста.

Список сокращений приводится за указателем географических названий.

- Агатон, см. Петров А. А.
- Агафий Миринеийский, виз. ист. и поэт (VI в.) 297
- Агафон, еп. Моравский, посл-к в Германии 364
- Агриппина (Аграфена, «Купальщица»), св. 192
- Агриппина Випсания, жена рим. полк. Германика 134
- Адальберт Святой, еп. Пражский 336, 408, 409
- Адам, см. Адам Бременский
- Адам Бременский, еп., нем. хронист (XI в.) 189, 192, 317, 318, 326, 340, 342, 349, 350, 447
- Адвинда, легенд. слав. кн-ня 140
- Аделунг Федор Павлович, ист., археограф, библиограф, академик 425
- Адриан (Андреян), инок 436
- Адриан II, папа рим. 360
- Адриан Тит Элий, рим. имп. (II в.) 406
- Аким, арх-п Корсунский 428
- Аксаков Сергей Тимофеевич, писатель 67
- Актутруян (др. чтение имени — Актеву), посол кн. Олега в Царьград (911 г.) 217
- Акун, рус. кн. 225, 396
- Александр, см. Александр Великий (Македонский)
- Александр, см. Александр I Павлович
- Александр, болг. ц. 359, 360
- Александр, виз. имп., брат. имп. Льва VI Мудрого (X в.) 217, 219, 382, 387, 392, 421, 422
- Александр, еп. Блуцихский 425
- Александр Великий (Македонский), ц. Македонии (IV в. до н. э.) 149, 161, 248, 287, 296, 308, 311, 312, 380
- Александр I Павлович, имп. все-росс., ему посвящена «История» Карамзина 19, 72—74, 84—90, 92, 93, 106, 109, 112, 129, 130, 138, 459, 461, 464, 489, 490
- Александр Попович, витязь 269, 436
- Александр Ярославич Невский, кн. новг., в. кн. влад., сын в. кн. Ярослава Всеволодовича 133, 143, 316, 448, 465, 475, 481
- Александра Павловна, в. кн-ня, дочь имп. Павла I 382
- Алексей Михайлович (Романов), ц., отец имп. Петра I 99, 133, 141, 142, 280, 374, 452, 486, 493
- Али, ширванский хан 399
- Алфавит (славянский), его создание 202, 203, 280, 358—364
- Аль-Бакуви, см. Бакуй
- Аль-Гассан [аль-Хасан], араб. полк. 236, 405
- Аль-Макин, см. Эльмакин
- Альм, венг. воевода 379, 380, 381
- Альмвейга (Альфния), легенд. рус. кн-ня 327
- Альфред Великий, англ. кор. (IX в.) 342
- Аль-Эдризи, см. Шериф аль-Эдризи
- Аммиан Марцеллин, рим. ист. (IV в.) 150, 289, 295
- Амос (библ. Книга Пророка Амоса) 413
- Анастас (Анастасий) Корсунский, житель Херсона Таврического, затем еп. Киев., в дальнейшем казначей Болеслава Храброго 260, 265, 427, 431, 433
- Анастасий I, виз. имп. (V—VI вв.) 154, 302, 495

- Анастасий, виз. ист. 304
- Анахарсис, др.-греч. философ
149, 412
- Анвиль Жан-Батист де
(д'Анвиль), фр. географ 320,
323, 450
- Андрей, духовник Ивана Грозно-
го, см. Афанасий, митр. всея
Руси
- Андрей Коза, пск. дьяк, перепис-
чик летописей 141
- Андрей (Козьма) Колодинский,
витебский дьякон, перево-
дчик 421
- Андрей Первозванный, св. апо-
стол, первокреститель сла-
вян, создатель христ. общин
и церквей в Крымской Ски-
фии, Боспорском гос-ве, воз-
можно, и в Приднепровье
160, 307, 310, 313, 496
- Андрей Юрьевич Боголюбский,
в. кн. влад., сын в. кн. Юрия
Владимировича Долгорукого,
св. 429, 434
- Андрих, см. Олдрих
- Андреян (Андрриан), см. Адриан
- Андроник, св. апостол, легенд.
просветитель славян 382
- Анемас, виз. воин 246, 411, 412
- Анна, легенд. болг. ц-на 140
- Анна, жена в. кн. Владимира I
Святославовича, сестра виз.
имп-в Василия II и Констан-
тина VIII 140, 260, 261, 267,
269, 388, 423, 429, 435, 439,
442
- Анна Ивановна, имп-ца всеросс.
135, 439
- Анна Комнина, виз. ц-на, дочь
имп. Алексея I, писательни-
ца 306, 323, 330, 394
- Аноним из Равенны (Географ ра-
веннский) (VII в.) 171, 336,
337
- Аntenор, легенд. кн. венецов 291
- Антерос, в греч. мифологии бо-
жество любви 351
- Антон Карл-Готтлиб, нем. ист.
294, 308, 341, 343, 346—
350, 353
- Ануширван, см. Хозрой I
- Аполлоний Родосский, др.-греч.
поэт и грамматик (III в. до
н. э.), автор поэмы «Арго-
навтика» 285
- Апостол, церк. книга 143, 452,
453
- Аракчеев Алексей Андреевич,
граф., гос. деятель 115
- Аргонавты, персонажи греч.
мифа 145, 285
- Арлогия, легенд. рус. кн-ня,
жена в. кн. Владимира I
Святославовича 437
- Арпад, венг. кн. 378
- Арриан Флавий, др.-греч. писа-
тель, ист. (I—II вв.) 287,
412
- Арсений Могилянский, митр.
Киев., писатель 439
- Асан, легенд. кн. 312
- Аскольд (Осколд), киев. кн.
206—208, 211, 213, 219,
221, 353, 369, 370, 371,
373—376, 384, 398, 419,
433, 472, 502
- Асмуд, киев. боярин и воевода,
кормилец в кн. Святослава
I 230, 232, 400
- Аспарух (Исперих), хан волж.-
камских болгар, осн-ль Ду-
найской Болгарии (Первого
Болгарского Царства) 159,
307
- Ассемани Джузеппе Симонио,
ит. ист. 324, 362, 363, 373,
404, 409
- Астарта (Астар), богиня плодоро-

- дия, материнства и любви у др. финикийян 286
- Астрида, норв. кор. 267, 436, 437
- Аттила, ц. гуннов 124, 152, 153, 155, 156, 165, 296, 297, 380
- Аугмунд, легенд. норв. кор. 327
- Афанасий, арх-п Александрийский 420
- Афанасий (Андрей), митр. всея Руси, духовник ц. Ивана IV Васильевича 493
- Афанасьев Александр Николаевич, лит-вед-фольклорист 498, 499
- Афет (Яфет, Иафет, Иафеф), по Библии один из трех сыновей Ноя, род которых населил землю 139, 303, 306, 311
- Ахилл, в «Илиаде» Гомера сын богини Фетиды, участник осады Трои, стал символом воинской доблести 412
- Баба-Яга, персонаж рус. сказок 351
- Бабич Яков, виленский бургомистр 453
- Багрянский М. И., масон 39
- Баженов Василий Иванович, архитектор, масон 36
- Баер, см. Байер
- Байер (Баер) Готлиб Зигфрид, нем. ист., филолог, почетный член Петерб. Академии наук, основоположник норманской теории 285—287, 291, 307, 309, 314, 316, 318, 320, 323, 328—331, 337, 342, 350, 369—373, 388, 406, 407, 417, 445, 447
- Бакуй (аль-Бакуви), араб. писатель и географ (XV в.) 315
- Баламбер, ц. гуннов 152
- Бангер (Бангерт) Генрих, нем. ист. 328, 350
- Бандури Ансельм, ист., переводчик, издатель виз. литературы 304, 310, 323, 324, 362, 377, 379, 384, 394, 395, 407, 419, 445
- Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич, ист., археограф, известны его воспоминания о Карамзине 68, 103, 108
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич, ист., археограф, нач-к Моск. архива Коллегии иностранных дел, отец Д. Н. Бантыш-Каменского, знакомый Карамзина 37, 52, 141, 439, 466, 467
- Бар-Эбрей, см. Абульфарах
- Баратынский Евгений Абрамович, поэт 122
- Бароний Цезарь (Баронио Чезаре), кардинал, ит. ист. церкви (XVI в.) 372, 407, 437
- Барсков Яков Лазаревич, ист. 15, 39, 46
- Бартнев Петр Иванович, ист., археограф 24
- Баторий, см. Стефан Баторий
- Батый (Бату, Саин-хан), монг. хан, внук Чингисхана, основатель Золотой Орды 129, 133, 137, 305, 432, 439, 481
- Батюшков Константин Николаевич, поэт 121, 122
- Бахус, бог вина в рим. мифологии 342
- Баядур-хан (Бахадур-хан), см. Абульгази
- Баян, авар. хан 156, 157, 174, 175, 183, 304, 345
- Бегнер Ханьш, брашевский жупан 346
- Бекетовы 111
- Бекман Иоганн Кристоф, нем. ист. 343
- Бела III, венг. кор. 474

- Белбог (Белый Бог), языч. слав. бог-мироправитель 187, 498
- Белинский Виссарион Григорьевич, критик, публицист 5, 77, 120, 121, 470
- Белый Бог, см. Белбог
- Бенкендорф Александр Христофорович, граф, гос. деятель 122
- Беншунах, араб. писатель 323
- Беребист Храбрый, ц. гетов 149, 287
- Бержерон Пьер, фр. путеш-к, писатель 297, 306, 320, 378, 406, 440, 449
- Берстуки (парстуки), языч. латыш. и прусские идолы 190
- Берта (Евдокия), виз. имп-ца, жена имп. Романа I Лакапина 403
- Бертинские летописи 170, 337
- Бестужев Александр Александрович, писатель, декабрист 17
- Бестужев-Рюмин Константин Николаевич, ист., академик 124, 125
- Биартмар, граф альдейгабургский 327
- Библия (Ветхий и Новый Заветы, Св. Писание) 199, 200, 257, 280, 281, 294, 361, 362, 413, 419, 435, 451—455, 474, 486, 490
- Битнер Христиан Вильгельм, нем. ист. 359
- Бишинг (Бюшинг) Антон Фридрих, нем. ист. 300, 317, 321, 326, 379, 410, 418
- Блуд, киев. воевода 250, 251, 408, 415, 416
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф, гос. деятель, один из учредителей лит. общества «Арзамас», друг Карамзина 109
- Блудовы, дворянский род 416
- Бова Королевич, герой рус. волшебной богатырской повести 326
- Бог (этимология слова) 347, 348
- Богданович Ипполит Федорович, поэт 96
- Богоматерь, см. Мария
- Богомил-Соловей, новг. волхв 428
- Богорис, см. Борис I
- Богуфал, пол. хронист 309
- Бой (Боус), кн., легенд. сын ц. Одина 326, 327
- Бокс, ц. антов 152
- Болгар, легенд. слав. кн. 311
- Болеслав I Храбрый, пол. кор. 430, 434, 435, 438, 439, 474
- Болотов Андрей Тимофеевич, писатель, ученый 66, 68
- Болтин Иван Никитич, ист. 22, 288, 297, 314, 316, 317, 320, 325, 333, 335, 385, 387, 396, 406, 410, 414, 429, 434, 435, 466, 467, 479
- «Большой Чертеж» («Книга Большому Чертежу») 317, 323, 324, 406, 445, 448
- Бонапарт, см. Наполеон
- Бонифатий, св., см. Вонифатий
- Боннет (Бонне) Шарль, швейц. философ и ученый 20
- Боплан Гийом Левассер де, франц. инженер, автор соч. о России 445
- Борецкая Марфа (Марфа-посадница), новг. боярыня 82
- Борис I (Богорис), болг. ц. 241, 243, 411, 419
- Борис (Давид) Владимирович, кн. рост., сын в. кн. Владимира I Святославича, св. мученик 140, 143, 254, 263, 269, 429, 438, 439
- Борис Годунов, см. Годунов Борис Федорович

- Боус, см. Бой
- Бравлин, легенд. рус. кн. 374
- Бринг Свен, швед. ист. 318
- Брут (Марк Юний Брут), противник и убийца рим. имп. Юлия Цезаря 215
- Брячислав, богем. герцог 194
- Брячислав Изяславич, кн. полоцкий, сын кн. Изяслава Владимировича 430
- Була, хазарский кн. 322
- Булгаков Александр Яковлевич, сенатор, писатель, член «Арзамаса» 112, 118
- Булгаковы 6
- Булгарин Фаддей Венедиктович, писатель, журналист 122
- Буле Иоганн-Феофил, ист. права 286
- Булосуд (Бульц), венг. кн. 381
- Буриной, легенд. рус. кн. 140
- Бурхан, мироправитель у монгол 348
- Бюат, см. Дюбуа-Нансэ
- Вавилов Николай Иванович, ботаник, селекционер 483, 484
- Вадим Храбрый, новг. витязь 206, 502
- Валентиниан I, рим. имп. 297
- Валериан Публий Лициний, рим. имп. 155
- Вальдемар (Вольдемар) I Великий, дат. кор. 194
- Ванадис, см. Фрихия
- Вандай, легенд. слав. кн. 139
- Ванзмут, нем. художник, работавший в Новгороде 424
- Вар (Публий Квинтилий Вар), рим. полк. 134
- Варда Константин Патрикий, виз. полк. 224
- Варда Склир, виз. полк. 241, 260, 411, 412, 423
- Варяжко, дружинник в. кн. Ярополка Святославича 251
- Василий, арх-п новг. 425
- Василий, виз. полк. 411
- Василий, летописец 139, 493
- Василий Великий (Василий Кесарийский), арх-п Кесарийский, церк. деятель, теолог и философ, один из отцов церкви (IV в.) 344
- Василий I Македонский, виз. имп. (IX в.) 208, 259, 354, 370, 371, 373, 419
- Василий II (Болгаробойца), виз. имп. (X—XI вв.) 140, 247, 260, 261, 388, 423
- Василий I Дмитриевич, в. кн. моск., сын в. кн. Дмитрия Донского 141, 142
- Василий III (Гавриил) Иванович, в. кн. моск., сын в. кн. Ивана III 351, 448
- Василий IV Иванович Шуйский, кн., боярин и воевода, затем ц. 118, 376
- Василич (Василий), славянин, придворный виз. имп. Александра 219
- Василько Ростиславич, кн. тереб., сын кн. Ростислава Владимировича 140
- Ватвай, болг. кн. 159
- Вейсе Кристоф Феликс, нем. писатель, журналист 21
- Велес (Волос), языч. слав. божество, покровитель животных 191, 216, 350, 374
- Великосан, легенд. слав. кн. 312
- Велисарий, рим. полк. 154, 174
- Венд, легенд. пол. кн. 416
- Венера (Венус), в рим. мифологии богиня любви, красоты, покровительница весны, цветущих садов 312, 349, 351

- Вениамин, монах-летописец, лицо вымышленное 139, 140
- Венус, см. Венера
- Венцеслав, чеш. кор. 448
- Верелий (Верелиус) Олав (Олоф), швед. ист. 286
- Веремид (др. чтение имени — Велмуд, Веремунд), посол кн. Олега в Царьград (907 и 911 гг.) 215, 217, 329, 503
- Вернадский Владимир Иванович, геохимик и биогеохимик, философ, академик 6
- Веспазий, легенд. рус. кн. 326
- Ветхий Завет, см. Библия
- Видвут, латыш. кн. 165, 319, 336
- Видекинд Юхан, швед. ист. 334
- Визинн, легенд. рус. богатырь 328
- Викман, еп. Магдебургский 424
- Виланд Кристоф Мартин, нем. писатель 21
- Вильгельм I Завоеватель, англ. кор. (XI в.) 168
- Винитар, ц. готов 152, 296
- Виноградов Виктор Владимирович, лит.-д, языковед, академик 122
- Виссоватий (Вишоватый) Венедикт, пол. богослов, переводчик 421
- Вит (Витт), хр. св. 188, 189, 348
- Витсен (Витзен) Никлас Корнелий, голл. ист. 425
- Витсерк, кор.-ч, сын дат. кор. Регнера Лотброка 328
- Владимир, см. Владимир I (Василий) Святославич (Владимир Святой)
- Владимир, слав. кн., сын легенд. кн. Вандала 140
- Владимир II (Василий) Всеволодович Мономах, кн. черниг., переясл. и др., в. кн. киев., сын в. кн. Всеволода Яросла-
вича 133, 428, 449, 461, 467, 477, 481, 487, 498
- Владимир I (Василий) Святославич (Великий, Святой, Равноапостольный, Креститель, «Красное солнышко»), кн. новг., в. кн. киев., сын в. кн. Святослава Игоревича 34, 138, 140, 142, 143, 191, 197, 199, 203, 239, 249, 249—251, 253—255, 256—262 (крещение в. кн. и Руси), 263—267, 268 (смерть в. кн.), 269—282, 309, 335, 350, 363, 368, 372, 373, 381, 388, 401, 408, 409, 415—442, 444—447, 455, 456, 458, 466, 468, 477, 480—487, 505
- Владимир Ярославич, кн. галицкий, сын кн. Ярослава Владимировича (Владимирковича) Осмомысла 416
- Владислав (Володислав), посол кн. Игоря в Царьград (944 г.) 396
- Владислав (Ладислав) Святой, венг. кор. 390
- Власий, хр. св. 350
- Влахерн, виз. вельможа 372
- Водан (Вотан, Один), верховный бог у скандинавских народов и балтийских славян 189, 190, 209, 290, 373, 502
- Волк, киев. воевода 409
- Волк С. С., ист. 117
- Володарь, кн. 436
- Володислав, см. Владислав
- Волос, см. Велес
- Волоты (Великаны), герои рус. сказок 351
- Волхов, Волховец, дети легенд. кн. Славена 311
- Волчий Хвост, воевода в. кн.

- Владимира I Святославича 255
- Волынский Артемий Петрович, гос. деятель 402
- Вольдемар, см. Вальдемар
- Вольтер (Мари Франсуа Аруэ), фр. писатель, философ, почетный член Петерб. Академии наук 12, 23, 29, 54
- Вонифатий (Бонифатий), монах, мученик, католич. св. 341, 437
- Всеволод Великий, см. Всеволод III
- Всеволод Владимирович, кн. влад.-волынский, сын в. кн. Владимира I Святославича 254, 263, 426, 429, 430
- Всеволод III (Дмитрий) Юрьевич Большой Гнездо, в. кн. киев. и влад., сын в. кн. Юрия Долгорукого 140, 429
- Всеслав Василькович, кн. вит., сын кн. Василька Брючиславича 308
- Всеслав Изяславич, кн. полоцкий, сын кн. Изяслава Владимировича 267, 341, 435
- Второв, купец 67
- Вуефаст, посол кн. Игоря в Царьград (944 г.) 396
- Вульфстан, англ. путеш.-к, автор соч. (IX в.) 319, 342
- Вышеслав Владимирович, кн. новг., сын в. кн. Владимира I Святославича 254, 263, 429
- Вяземский Андрей Иванович, кн., отец П. А. Вяземского 107, 109, 110, 120, 462
- Вяземский Петр Андреевич, кн., поэт, критик 6, 22, 24, 82, 84, 108, 110, 113—115, 118, 119, 122, 125, 457, 461, 463
- Вятко, кн., легенд. родоначальник славян-вятичей 161, 308
- Гаврилопул (Гаврила), славянин, виз. полк. 219
- Гагек (Гагаций) Васлав, чеш. ист. 302, 308
- Газе Карл-Бенедикт, фр. ист., переводчик, издатель «Истории» Льва Диякона 407
- Галлер (Халлер) Альбрехт фон, швейц. ученый, поэт 17, 21
- Галлус Мартин, см. Мартин Галлус
- Галфдан, норв. кор. 327
- Гальвий, житель Царьграда 372
- Гальдан, дат. кор. 328
- Гандуван, легенд. ц. 327
- Ганкенштейн (Ханкенштейн), см. Ханке фон Ханкенштейн
- Ганнибал, карфагенский полк. III—II вв. до н. э. 6, 458
- Гаральд, см. Харальд
- Гарве Кристиан, нем. философ 21
- Гардорик, легенд. слав. кн. 139
- Гарткнох Кристоф, нем. ист. 341, 350, 437
- Гаттерер Иоганн Кристоф, нем. ист. 286, 288, 293, 295, 300, 301, 302, 304, 307, 308, 317, 318, 319, 334, 336, 339, 354, 360, 379, 381, 394, 441
- Гаукал, см. Ибн Гаукаль
- Гваньини Александр, наемник пол. королей, автор соч. о Руси 349, 350, 351, 448, 473
- Гегбарди Людвиг Альбрехт, нем. ист. 293, 298, 299, 304, 313, 320, 340—349, 351—353, 364, 377, 381, 409
- Геден Балабан, еп. Галицкий, Львовский и Каменец-Подольский 450
- Гейдрик (Гейдерих), норв. кор. 327, 330
- Гейза, венг. кор. 381

- Гейне Кристиан Готлоб, нем. филолог-античник 293
- Гейнцельман, ученый-селекционер 294
- Гейрравд, легенд. рус. кн. 327
- Гейррида, легенд. рус. кн-ня 327
- Гекатей Милетский, др.-греч. ист., географ (IV—V вв. до н. э.) 358
- Гелазий, см. Добнер Гелазий
- Гельмольд, нем. хронист, ист. полабских славян (XII в.) 179, 188, 309, 326, 329, 340—343, 346—349, 352—354, 447
- Гениль, языч. слав. божество, покровитель собственности 191
- Географ Равенский, см. Аноним из Равенны
- Георгий (Георгий-Победоносец), хр. св. 388, 449
- Георгий Амартол, виз. хронист (IX в.) 370, 371, 388
- Георгий Кедрин, виз. ист., хронист (XI в.) 140, 324, 330, 371, 372, 381, 388, 389, 393—395, 402, 404, 411, 412, 423, 435
- Георгий Кодин, виз. ист. 395, 424
- Георгий Монах, см. Георгий Амартол
- Георгиш Петер, нем. ист. 331
- Гербер Иоганн Густав, рус. полковник, путеш-к, автор записок 297, 305
- Герберштейн Сигизмунд, барон, нем. дипломат, автор «Записок о Московии» (XVI в.) 285, 317, 325, 333, 365, 367, 378, 417, 424, 425, 443, 448, 501
- Герборг, легенд. рус. ц-ца, жена Гроллава 327
- Гервазий, нем. хронист (XII—XIII вв.) 317
- Гергейр, владетель Альдейгабурга 327
- Гергерда, легенд. рус. кн-ня, дочь Гроллава и Герборг 327
- Гердер Иоганн Готфрид, нем. философ, собиратель фольклора 21
- Геген Арнольд Герман Людвиг, нем. ист. 359
- Геркен Филипп Вильгельм, нем. ист. 304, 305
- Герлавг, легенд. рус. кн. 327
- Геровит (Яровид), языч. слав. бог войны 190
- Геродот, др.-греч. ист. (V в. до н. э.) 131, 133, 146, 147, 148, 259, 286, 287, 288, 291, 293, 318, 358, 405, 432, 494
- Герцен Александр Иванович, писатель, философ, публицист, полит. деятель 5, 19
- Геснер Иоганн Маттиас, нем. филолог 404
- Геснер Соломон, швейц. поэт, высоко ценимый Карамзиным 12
- Гёте Иоганн Вильгельм фон, нем. писатель, вершина нем. литературы, Карамзин его ставил рядом с Шекспиром 21
- Гиармати Самуэль, филолог, лингвист 378
- Гиббон Эдуард, англ. ист. 104, 300, 301, 383, 387, 445, 446
- Гиль, венг. кн. 381
- Гильденштедт Иоанн Антонович, рус. ученый, путеш-к, академик 379, 398, 406, 407
- Гименей, в антич. мифологии бог брака 349, 351
- Гитсим, ширваншах, отец хана Али 399

- Глеб (Роман) Владимирович, кн. муром., сын в. кн. Владимира I Святославича, св. мученик 140, 143, 254, 263, 429
- Глика Михаил, виз. ист. (XII в.) 323
- Глинка Сергей Николаевич, писатель, журналист 67
- Гнедич Николай Иванович, поэт, переводчик 23
- Гоголь Николай Васильевич, писатель, критик 97
- Годунов Борис Федорович, стряпчий, опричник, боярин, затем конюший, ближний великий боярин и царский слуга, фактический правитель Русского гос-ва, в дальнейшем царь 34, 117, 133, 441, 458, 460
- Гомер, др.-греч. поэт (также «Илиада» и «Одиссея») 21, 43, 134, 145, 146, 180, 248, 285, 291, 292, 401
- Гонория, виз. ц-на, сестра имп. Валентиана 297
- Гончаров Иван Александрович, писатель 6
- Гораздос, арх-п Болгарский 364
- Гордиан, хр. св. мученик 202
- Горислава, см. Рогнеда
- Горихвостов, помещик 425
- Гостомysl, легенд. рус. кн. 140, 313
- Гостомysl, новг. посадник 142, 205, 325, 365, 468, 469, 472, 473, 501, 502
- Готброд, швед. кор. 327
- Готер, швед. кор. 327
- Готфрид, ютландский кор. 329, 388
- Греч Николай Иванович, журналист, филолог, издатель 26, 122, 123, 488
- Греческий огонь 224, 274, 395, 396, 503
- Грибоедов Александр Сергеевич, писатель 115
- Григорий Турский, еп., писатель 326
- Григорий, киев. свящ., духовник в. кн. Ольги 234
- Гроллауг, легенд. рус. ц. 327
- Грот Яков Карлович, филолог, академик 22
- Гроций (Гуго де Гроот), голл. юрист, теоретик права 163
- Грубер Иоганн Даниэль, нем. ист., издатель 326
- Губерти Николай Васильевич, библиограф, нумизмат, ист. 68
- Гуды, посол кн. Олега в Царьград (911 г.) 217
- Гунигар, легенд. слав. кн. 139
- Гупель Август Вильгельм, нем. ученый 334
- Густав III, швед. кор. 53
- Гюго Виктор, фр. писатель 77
- Давид (Давид Псалмопевец), ц. Изр.-Иудейского гос-ва, автор псалмов 344
- Давид Игоревич, кн. влад.-волын-ский и дорог., сын кн. Игоря Ярославича 140
- Давид Лука, нем. хронист (XVI в.) 337
- Давор, языч. слав. божество 191
- Дагоберт, кор. франков 158
- Дажебог (Дажьдбог), языч. слав. бог солнца 191
- Даксон, ливонский кор. 328
- Д'Аламбер Жан Лерон, фр. ученый, философ, почетный член Петерб. Академии наук, редактировал вместе с Д. Дидро знаменитую «Энциклопедию» 7

- Далин Улоф, швед. писатель, критик, ист. 136, 289, 290, 326, 329, 333, 334, 335, 336, 338, 339, 368, 372, 425, 442
- Даль Владимир Иванович, писатель, лексикограф, этнограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка» 493, 498—500
- Дамор, языч. слав. божество 191
- Даниель Самуэл, англ. ист., поэт, драматург 136
- Даниил (библ. Книга Пророка Даниила) 452
- Дарий [Дарий I Гистасп], перс. ц. 146
- Дашкова Екатерина Романовна, кн-ня, директор Петерб. Академии наук, президент Росс. Академии, автор мемуаров 5
- Дегин [Гин де] Жозеф, фр. ист. 289, 295, 303, 304, 323
- Делиль Гийом, фр. географ, картограф 310, 323
- Делиль Жак, фр. поэт, которым был увлечен Карамзин, в оценке же Пушкина это был «парнасский муравей» 98
- Демосфен, афин. оратор, полит. деятель 71, 102
- Державин Гаврила Романович, поэт. гос. деятель 12, 37, 40—44, 46, 47, 49—51, 65, 76, 120, 123, 457
- Децебал, ц. Дакии 287
- Деций, см. Траян Деций
- Дзидзилия, языч. слав. богиня любви 191
- Диавол, см. Чернобог
- Диан, ливонский кор. 328
- Диана, богиня луны в рим. мифологии 151, 191
- Дида, языч. слав. божество любви 351
- Дидилад, легенд. черемисский кн. 312
- Дидро Дени, фр. философ, писатель 7
- Дизавул, хан тюрков 155, 303
- Димитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало), митр. Рост., писатель, св. 142, 143
- Димитрий Солунский, св. 385
- Диоген, др.-греч. философ (IV в. до н. э.) 27
- Диодор Сицилийский, др.-греч. ист. (I в. до н. э.) 149, 286, 287, 291
- Диоклеас, виз. летописец 298
- Диоклетиан (Гай Аврелий Валерий Диоклетиан), рим. имп. (III в.) 348
- Дион Кассий Коккеян, виз. ист. (I—II вв.) 287, 288
- Дион Хризостом (Хрисостом), виз. философ и оратор (I—II вв.) 286, 287, 289
- Дионисий Харакский (Исидор Харакский), ист. 289
- Дир, киев. кн. 206—208, 210, 211, 213, 219, 221, 353, 369, 370, 371, 373—376, 384, 472, 502
- Дитмар, см. Титмар, еп. Мерзбургский 419
- Диюлель, легенд. мордовский кн. 312
- Длугош Ян, пол. ист. (XV в.) 314, 333, 349, 351, 353, 367, 404, 417, 430, 431, 434, 438
- Дмитриев Александр Иванович, брат поэта И. И. Дмитриева 12, 51
- Дмитриев Иван Иванович, поэт, ближайший друг Н. М. Карамзина 6, 9—14, 16, 19, 21—25, 32, 34, 37, 40—44, 47, 49—52, 55, 56, 58, 59,

- 64, 65, 68—71, 75—77, 92—103, 113—118, 120—123, 125, 457—459, 461, 463, 466, 489
- Дмитриев Михаил Александрович, поэт, переводчик, критик 107
- Дмитрий Александрович, в. кн. влад. и новг., сын в. кн. Александра Невского 138, 442, 448, 481
- Дмитрий (Уар) Иванович, цар-ч, сын ц. Ивана Грозного и Марии Федоровны Нагой 460
- Дмитрий Иванович Донской, в. кн. моск. и влад. 111, 112, 129, 133, 138, 449
- Добнер Гелазий, чеш. хронист 302, 304, 308, 310, 340, 346, 347, 360, 362—364
- Добрая Фрихия, языч. слав. божество 191
- Добровский Йосеф, чеш. филолог, ист. 300, 315, 341, 344, 346, 347, 354, 362, 454, 455
- Доброслав, сербский кор. 185
- Добрыня, новг. витязь 269
- Добрыня, киев. воевода, брат Малуши, дядя в. кн. Владимира I Святославича, его советник 240, 255, 270, 415, 418, 427, 428
- Добрянков Андрих, воин 436
- Довмонт (Тимофей) Псковский (наст. имя — Даумантас), лит. кн., затем кн. пск. 143
- Додон, легенд. рус. кор. 326
- Долгорукая Нектария Борисовна, кн-ня, монахиня 439
- Домажирич, новг. казначей 448
- Домициан Тит Флавий, рим. имп. (I в.) 287
- Досифей, арх-п и митр. Сучавский и всея Молдавии 450
- Достоевский Федор Михайлович, писатель, публицист, мыслитель, боготворил Карамзина 29
- Дубельт Леонтий Васильевич, генерал, нач-к штаба жандармского корпуса 122
- Дукс, инок 361
- Дурих Фортунат, ист. 300, 346
- Дюканж Шарль, фр. ист.-византист 372, 384, 387, 393, 403, 490
- Дюбуа-Нансэ (дю Буа) Луи Габриэль, граф, фр. ист. 300, 301
- Дюпати (Дю Пати) Шарль, фр. писатель 96
- Дюшен Андре, фр. ист., издатель франкских летописей 170, 304, 329, 372, 386
- Евангелие (Новый Завет) 143, 216, 257, 266, 280, 343, 358, 360—364, 373, 450, 451, 454, 486
- Евгений Булгар, арх-п Славенский и Херсонский, писатель 403
- Евдокия, см. Берта
- Евфимий, патр. Конст. 389
- Екатерина I Алексеевна, имп. всеросс. 135
- Екатерина II (Великая) Алексеевна, имп. всеросс. 18, 52—54, 67, 68, 74, 75, 79, 82, 84—90, 138, 142, 352, 361, 464
- Екатерина Великая, см. Екатерина II
- Екатерина Павловна, в. кн-ня, покровительница Н. М. Карамзина 19, 112, 489, 490
- Елагин Иван Перфильевич, гос. деятель 374, 382, 409, 410, 435

- Елизавета Петровна, имп. все-
росс. 135, 280, 454
- Энгель, см. Энгель
- Ермолаев Александр Иванович,
археолог, нумизмат 391
- Еферий (Елевферий), хр. св. 227,
397
- Ефросиния Полоцкая, св. 487
- Жеблень Антуан, фр. филолог
294
- Жива (Сива), языч. слав. богиня
жизни 189
- Жилотуг, легенд. кн., сын Волхов-
ца 311
- Жихарев Степан Петрович, моск.
губернский прокурор, теат-
рал, литератор, знакомый Ка-
рамзина по «Арзамасу» 118
- Жуковский Василий Андреевич,
поэт 23, 43, 48, 76, 109, 114,
115, 119, 121, 122
- Земарх, виз. посол к тюркскому
хану Дизавулу 303
- Зембог, см. Зибог
- Зенодокс, ученый 292
- Зибог (Зембог), языч. слав. «дух
земли» 190
- Зиваго, языч. слав. бог жизни 191
- Зиванна (Зивония), языч. слав.
богиня луны 191
- Зивония, см. Зиванна
- Зигурлам, легенд. рус. кн. 327
- Зимстерла (Зимцерла), языч.
слав. богиня цветов и весен-
него цветения 351
- Зимцерла, см. Зимстерла
- Зонара Иоанн, виз. хронист
(XII в.) 140, 371, 372, 381,
388, 395, 404, 411
- Зосима, арх-т Киево-Печерский
439
- Зоя, виз. имп-ца, дочь имп. Кон-
стантина VIII (XI в.) 389
- Зуев Василий Федорович, уче-
ный-натуралист, писатель
323, 383, 445
- Иафет (Иафеф), см. Афет
- Ибн Гаукаль (Гаукал), араб.
ист. (X в.) 276, 322, 446
- Иван III (Тимофей) Васильевич
Грозный, в. кн. моск., сын
в. кн. Василия Васильевича
Темного 111, 124, 133, 138,
142, 143, 449, 465, 481
- Иван IV (Иона) Васильевич Гроз-
ный, ц., сын в. кн. Василия
III Ивановича 34, 111, 116,
117, 133, 141, 142, 404,
425, 458, 465, 480, 493
- Иван Поп (поп Иоанн), перепис-
чик летописи 141, 432, 449
- Ивар, посол кн. Игоря в Царь-
град (944 г.) 396
- Ивар Видфадме, дат. кор. 328,
339
- Игнатий, патр. Konst. 208, 370,
373
- Игорь I Рюрикович, в. кн. киев.,
сын. кн. Рюрика I 133,
209—211, 213, 219, 222—
224, 225—227 (договор с
греками), 228, 229 (гибель),
230, 231, 248, 249, 266,
271, 272, 274, 277, 347,
353, 371, 373—377, 382—
384, 386, 387, 390, 391,
393, 395—401, 404, 406,
410, 411, 413, 440, 442,
445, 448, 461
- Игорь (Георгий) Святославич,
кн. северский и черниг.,
сын кн. Святослава Ольгови-
ча 350, 483
- Иезекииль, др.-евр. пророк
(VII—VI вв. до н. э.) 338
- Иероним Святой, рим. церк. дея-

- тель и писатель (III—IV вв.)
203, 280, 361, 362, 364
- Иерофей, еп. Венг. 381
- Избор, легенд. слав. кн. 139,
140, 313
- Измаил, в библии сын Авраама и
Агари, в мусульманской тра-
диции родоначальник сев.
арабов 323
- Измайлов Владимир Васильевич,
писатель, переводчик 76
- Изяслав Владимирович, кн. по-
лоцкий, сын в. кн. Владими-
ра I Святославича 254, 256,
263, 267, 341, 418, 435
- Иисус Христос, см. Христос
- Икмор, киев. воевода, первый со-
ветник в. кн. Святослава I
Игоревича 244, 411
- Иконников Владимир Степано-
вич, ист., академик 477
- Илдей, печенежский кн. 415
- Иллирик, легенд. брат рим. имп.
Августа 325
- Ильмера, легенд. кн-ня, сестра
Словена 311
- Илья Муромец, витязь 269, 440
- Имилькон, карфагенец-мореход
281
- Ингварь, альдейгабургский кн.
327
- Ингелот (др. чтение имени —
Инегельд) Карл, посол кн.
Олега в Царьград (907
и 911 гг.) 215, 217, 329
- Ингигерда, альдейгабургская
кн-ця 327
- Иоаким, еп. Новг., легенд. лето-
писец 139, 140, 397, 405,
427, 428, 430
- Иоанн, болг. экзарх, богослов,
переводчик 344, 361
- Иоанн, domestik 224
- Иоанн, еп. Мекленбургский 349
- Иоанн, иллирийский боярин и
воевода 304
- Иоанн (поп Иоанн), см. Иван
Поп
- Иоанн, магистр 244, 411
- Иоанн I, митр. Киев. 433, 436
- Иоанн, митр. Новг. 143, 365
- Иоанн VIII, папа рим. 361
- Иоанн XIII, папа рим. 203
- Иоанн Богослов, св. евангелист,
автор Четвертого Евангелия
и Откровения («Апокалип-
сис») 451
- Иоанн-Варяг, первый хр. муче-
ник на Руси (в Киеве), св.
255, 455, 505
- Иоанн Дамаскин, виз. богослов,
философ, поэт (VI—VII вв.)
361
- Иоанн Златоуст, еп. Конст., бого-
слов, поэт, церк. деятель,
«идеал проповедничества»,
один из отцов церкви (IV—
нач. V вв.) 419
- Иоанн II Комнин, виз. имп. (XI—
XII вв.) 450
- Иоанн Леванда, монах, киев.
проповедник 439
- Иоанн Предтеча (Креститель)
192
- Иоанн (Ян) Святославич, кн., ле-
генд. сын в. кн. Святослава
I Игоревича 437
- Иоанн Смера, см. Смера (Поло-
вец)
- Иоанн I Цимиский [Цимисхий],
виз. имп. (X в.) 241—247,
260, 404, 408, 412, 413
- Иов (библ. Книга Иова) 452, 453
- Иордан Иоганн Кристоф фон,
нем. ист., автор соч. «О про-
исхождении славян»
(XVIII в.) 300, 454
- Иорнанд (Иордан), остготский
ист., автор. соч. «О проис-

- хождении и деяниях готов» (VI в.) 151, 152, 164, 174, 200, 290, 295—297, 299, 300, 310, 311, 315—317, 342, 365
- Ипабог, языч. слав. бог охоты 190
- Ипион, легенд. брат рим. имп. Августа 325
- Ипполит, богослов, ученик Св. Ириней (III в.) 307
- Ираклий, виз. имп. (VII в.) 304, 319, 320, 377, 455
- Ире Юхан, швед. ист. 318, 328, 330, 358
- Ириней Святой, отец церкви, богослов, переводчик Библии, автор соч. «Пять книг против ереси» 307
- Исайя, еп. Рост., св. 353
- Исайя-Чудотворец, см. Исайя, еп. Рост.
- Исидор Харакский, см. Дионисий Харакский
- Истер, легенд. кн. 311
- Иуидифь (библ. Книга Юдифь) 452
- Иулиан, см. Юлиан
- Иустиниан, см. Юстиниан
- Кадлубек (Кадлубко) Висент, пол. хронист, еп. 309, 349, 416, 417
- Кадм, житель Финикии, изобретатель алфавита 291, 359
- Казимир IV, пол. кор. 454
- Калайдович Казимир Федорович, ист., археограф 344, 359, 361, 462, 465
- Календарь слав. 343—345
- Каллиник, грек, изобретатель Греческого огня 395
- Калокир, виз. полк. 240, 241, 243, 407, 410
- Каменев Гаврила Петрович, литератор, автор воспоминаний о Карамзине 95—98
- Каменевич-Рвовский Тимофей, дьякон Афанасьевского монастыря, писатель 325, 402
- Камилл, см. Фурий Камилл
- Кандид, житель Царьграда 372
- Каницарь, посол кн. Игоря в Царьград (944 г.) 396
- Кант Иммануил, нем. философ, собеседник Карамзина во время его путешествия в Европу 29, 83
- Кантемир Дмитрий Константинович, молд. кн., ученый, писатель, полит. деятель 121, 308, 320, 350, 384
- Капнист Василий Васильевич, драматург, поэт 23, 65
- Карамзин Василий Михайлович, брат Н. М. Карамзина 7, 74, 94, 108, 110, 112, 460, 461, 470, 477
- Карамзин Михаил Егорович, отец Н. М. Карамзина 6, 10, 13
- Карамзина (урожд. Кольванова) Екатерина Андреевна, жена Н. М. Карамзина 107—110, 114, 462, 466, 478
- Карамзина (урожд. Пазухина) Екатерина Петровна, мать Н. М. Карамзина 8
- Карамзина (урожд. Протасова) Елизавета Ивановна, первая жена Н. М. Карамзина 26, 105—108, 462
- Карамзина Софья Николаевна, дочь Карамзина от первого брака 106—108
- Карл (Карл Ингелът), см. Ингелот Карл
- Карл V, имп. Священной Рим. империи 134
- Карл Великий, кор. франков 168, 179, 180, 183, 270,

- 328, 339, 343, 347, 354, 365, 432, 498, 501
- Карл II Лысый (Плешивый), кор. франков 386
- Карл III Тучный, кор. франков 388
- Карл-Филипп, швед. принц, сын кор. Карла IX 334
- Карломан, сын герм. кор. Людовика 386
- Кармента, др.-рим. божество 202
- Карн, посол кн. Олега в Царьград (911 г.) 217
- Карпини (Карпин) Джованни да Пано, папский посол, автор соч. о монголах 297, 378, 440
- Кархан, венг. кн. 378
- Кастор, в греч. мифологии один из братьев-близнецов (см. Поллукс) 191, 349, 351
- Каченовский Михаил Трофимович, ист., публицист 48
- Кашинцев Елисей, солдат, современник Петра I 9
- Кедрин, см. Георгий Кедрин
- Кёлер Генрих Карл, нем. археолог, служивший в России 286
- Кентавр, в греч. мифологии лесной и горный демон, получеловек-полуконь 351
- Кий, кн., основатель г. Киева 161, 162, 313, 314, 315, 369, 374, 502
- Киннам Иоанн, виз. летописец 306, 441
- Киприан, арх-т Хутынский 334
- Киприан, митр. Киевский и всея Руси, писатель 142, 361
- Кир, см. Константин (Кир)
- Кир, перс. ц. 148
- Кирилл, арх-п Александрийский 420
- Кирилл (в миру Константин), слав. просветитель, брат Мефодия, св. 199, 202, 203, 208, 219, 262, 280, 324, 359—364, 420, 455, 485, 486, 500
- Кириный, легенд. брат рим. имп. Августа 325
- Кислягина Лоя Георгиевна, ист. 15, 53, 54, 68, 78
- Клапрот Генрих Юлий, нем. ист. 322, 399
- Клейст Генрих фон, нем. писатель 21, 95
- Климент (Святой Климент Римский), хр. проповедник, папа рим., ученик апостола Петра, св. 261, 424, 439
- Клодий Кай, рим. полк. 406
- Клопшток Фридрих Готлиб, нем. поэт 21
- Клотарий, кор. франков 329
- Ключевский Василий Осипович, ист. 119, 484, 487, 494, 501
- Книв, готский кор. 314
- Кодин Георгий, см. Георгий Кодин
- Козар, легенд. кн. 377
- Козлов Владимир Петрович, ист. 471
- Козма Прагский, чеш. хронист 341, 342, 345, 352, 353, 364
- Коломб (Колумб) Христофор, мореход, открыватель новых земель 168
- Колумбиан, ирл. миссионер, проповедник, писатель, св. 199
- Коль Иоганн Петер, ист. др.-рус. литературы 362, 454
- Коляда, языч. слав. бог мира и праздников 192, 198, 483, 499
- Коман, легенд. кн. 311
- Комосария, ц-ца боспорская 286
- Константин, см. Кирилл, слав. просветитель
- Константин (в примеч. Карамзи-

- на), см. Константин VII Багрянородный
- Константин (Кир), виз. богослов, философ 324, 424
- Константин, цар-ч, сын виз. имп. Льва III Исаврийского 321
- Константин I Великий (Константин Флавий Валерий), рим. имп., св. (II—III вв.) 154, 292, 330, 337, 372, 423
- Константин VII Багрянородный, виз. имп., писатель (X в.) 169, 184, 193, 208, 214, 217, 220, 225, 228, 233—236, 259, 274—277, 304, 309, 310, 315, 323, 324, 330—332, 354, 373, 377—379, 383, 389, 393—395, 397, 398, 402—404, 407, 423, 444—447, 455
- Константин V Копроним, виз. имп. (VIII в.) 305
- Константин VIII, виз. имп., брат имп. Василия II (X—XI вв.) 140, 260, 261, 388, 408
- Константин IX Мономах, виз. имп. (XI в.) 247, 389
- Константин Константинович, кн. волынский (острожский) 280, 451, 486
- Константин Павлович, в. кн., сын имп. Павла I 116
- Константин Патрикий, виз. полк. 241
- Константин Святославич, кн. муромский, св. 352, 353, 374, 429, 466
- Кормчая Книга 346, 367, 433, 448
- Коссен де Персеваль Жан-Жак, фр. ист., переводчик 405
- Котраг, болг. кн., сын Куврата 159
- Коцель, моравский кн. 202
- Крак, легенд. пол. кн. 416
- Кранц Альберт, нем. богослов, ист. (XV—XVI вв.) 342, 364
- Крашенинников Степан Петрович, путеш-к, исследователь Камчатки, академик, автор трудов 337
- Криве (Криво), верховный жрец у латышей 165, 192, 336
- Крод, недостоверное имя языч. слав. идола 349
- Кромвель Оливер, деятель Английской буржуазной революции 34, 458
- Кромер Марсин, пол. ист. XVI в. 333, 349, 351, 417, 422
- Круг Иоганн Филипп, нем. ист., археограф 373, 384, 386, 389, 390, 392, 397, 403, 404
- Крум, болг. ц. 414
- Крылов Александр Николаевич, сов. ученый, академик 6
- Ксамольксид, др.-греч. философ 412
- Ксеркс I, перс. ц. (V в. до н. э.) 285
- Куврат, болг. кн. 158, 166, 307
- Кузан, венг. кн. 378
- Кузьмин Аполлон Григорьевич, ист., автор трудов о Н. М. Карамзине 497
- Купав, витязь 398
- Купала, языч. слав. божество земных плодов 192, 198, 350, 483
- Купидон, в рим. мифологии божество любви 349, 351
- Курбский Андрей Михайлович, кн., воевода, перебежчик в Литву, полит. противник Ивана IV, писатель 143, 465
- Курия, печенежский кн. 248
- Кутузов Алексей Михайлович, масон, соратник Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, был

- близок к Карамзину 15, 17, 20, 26, 38—40, 51
- Кутузов Михаил Илларионович, светлейший кн. Смоленский, генерал-фельдмаршал 478
- Кутузов П. И. 68, 103
- Кучюг, печенежский кн., христианин 430
- Кушелев [Г. Г. Кушелев-Безбородко], граф, гос. деятель 286
- Лаблеттери (Ла Блетери) Жан Филипп де, фр. ист. 359
- Лавр, хр. св. 353, 483
- Лаврентий Тах, монах, летописец 360
- Лавритас, слав. кн. 156, 175, 304, 340
- Ладислав, см. Владислав Святой
- Ладо (Лада), языч. слав. бог (богиня) любви и брака 191, 192, 197, 351, 483
- Ладон (Ляд), языч. слав. бог урожая 191
- Лакапин, см. Роман I Лакапин
- Лалакон Феодор, виз. воин 411
- Лалох, см. Лях
- Ламбашер (Ламб) Филипп, ист. 362
- Ламберт Ашаффенбургский, нем. хронист (XI в.) 408, 416
- Ланкло Нинон де, фр. куртизанка, хозяйка салона 404
- Латухин, купец-библиофил из Балахны 455, 467, 486
- Лафатер Иоганн Каспар, швейц. ученый и писатель, корреспондент Карамзина 16, 21, 24
- Лахерн, слав. кн. 312
- Лебедий, венг. воен-к 379
- Лебрэн Понс Дени Экушер, фр. поэт 96
- Лев III Исаврийский, виз. имп. (VII—VIII вв.) 321
- Лев IV Козарский, виз. имп. (VIII в.) 321
- Лев Македонский, см. Лев VI
- Лев VI (Леон) Мудрый (Леон Философ), виз. имп. (IX — нач. X вв.) 214, 215, 217, 339, 393, 395
- Лев Диакон, виз. ист., хронист, автор «Истории» в 10 книгах (X в.) 407, 410—414, 490
- Левек Пьер-Шарль, фр. ист. 358, 418
- Леда, в греч. мифологии жена Тиндарея, мать Кастора и Поллукса 349, 351
- Лейбниц Готфрид Вильгельм, нем. философ, языковед 163, 318, 337
- Леклерк Николай, фр. врач на русской службе, писатель 347
- Лель и Полель, в слав. мифологии братья-близнецы 191, 349, 351, 483
- Ленин (наст. фамилия Ульянов) Владимир Ильич, вождь революционного движения и основатель коммунистической партии в России, теоретик-марксист 33
- Ленц Якоб Михаэль Рейнгольд, нем. писатель, живший в России, с ним встречался Карамзин 16, 26
- Леон, см. Леонтий, Лев
- Леонтий (Леон), митр. Киев. 273, 430, 433, 436, 442
- Леопольд, австр. имп. 53
- Лепехин Иван Иванович, путеш-к, ученый, академик 317, 351
- Лерберг Арон Христиан, ист. 331
- Лессинг Готхольд Эфраим, нем. драматург, эстетик, люби-

мый автор Карамзина, про-
изв. которого переведил 17,
21, 42

Летописи:

Архангельская 142, 315,
339, 368, 369, 374, 385, 393,
404, 409, 415

Архивская 141, 142

Волинская 141, 417

Воскресенская 141, 142,
309, 325, 368, 373, 374, 395,
399, 400, 415, 431, 447

Вятская 142

Ипатьевская 141, 366, 367,
385, 390, 391, 400, 434

Кенигсбергская (Радзивил-
ловская) 139, 141, 313, 321,
366—369, 377, 386, 392,
397, 404, 413, 418

Киевская 141

Львовская 141, 142

Московская 385

Нестора («Повесть времен-
ных лет») 166, 205, 230—
231, 246, 247, 256—258,
264, 281, 305—309, 313,
315, 317, 319, 324, 325, 329,
332, 341, 345, 350, 365, 369,
376, 408, 412, 427, 429, 430,
435, 439, 441, 444—447,
449, 455, 456

Нижегородская 142

Никоновская 141, 142, 313,
315, 321, 338, 365, 366, 368,
370, 373—375, 386, 396,
401, 407, 409, 415, 416, 417,
419, 424, 427, 428, 430, 431,
433, 435, 436, 440, 448

Новгородская 141, 316, 336,
337, 350, 368, 384, 425, 428,
433, 450

Псковская 140, 313, 365

Пушкинская 139, 141, 313,
321, 339, 350, 366, 367, 375,
385, 387, 393, 397, 405, 404,

414, 415, 432, 424, 431,
432, 441

Радзивилловская, см. Ке-
нигсбергская

Раскольничья 405

Ростовская 141, 400, 425,
426, 433

Синодальная 141, 443

Соловецкая 142

Софийская Новгородская
314, 365, 368

Троицкая 141, 321, 350,
366, 367, 375, 382, 385—
387, 389—393, 397, 401,
404, 415, 431, 432

Устюжская 142

Хлебниковская 139, 141,
366, 367, 385, 390, 391,
400, 434

Лжедмитрии 334

Лжедмитрий I 133, 478

Ливий Тит, рим. ист. (I в. до
н. э.— I в.) 133, 134, 136,
311

Лидулфост (др. чтение имени —
Бидульфост), посл. кн.
Олега в Царьград (911 г.)
217

Линде Самуил Богумил, пол. фи-
лолог 385

Линденброг Ф., ист. 341

Линней Карл, швед, ученый,
почет. член Петерб. Акаде-
мии наук 290, 294

Липс, художник-гравер 45

Лиутпранд, еп. Кремонский,
ист. 169, 224, 395, 396, 444

Лихачев Дмитрий Сергеевич,
ист. литературы, филолог,
академик 490

Ломоносов Михаил Васильевич,
ученый, писатель, «великий
историк» (слова Карамзи-
на), академик, обществ. дея-
тель 28, 32, 51, 121, 332,

- 333, 337, 347, 350, 352, 382,
390, 412, 459, 461, 467, 497
- Лонгинов Михаил Николаевич,
ист., библиограф, академик
15, 16, 46, 47
- Лопухин Иван Владимирович,
масон, входил в кружок
Н. Новикова, издатель 38,
40, 69, 95
- Лот, в Библии житель Содомы
440
- Лотарь I (Лотарий), кор. фран-
ков 329
- Лотман Юрий Михайлович, лите-
ратуровед, эстетик, автор
трудов о Карамзине 15, 49
- Лудевиг Иоганн Петер, ист. 348
- Лукиан, др.-греч. сатирик 21
- Лукреций (Тит Лукреций Кар),
рим. поэт и философ 258
- Луций Иоанн, ист. 346
- Лыбедь, сестра Кия, основателя
Киева 161, 162, 314, 369
- Львов Николай Александрович,
поэт, архитектор, издатель
40, 120
- Любовицкие, помещики 401
- Людовик I Благочестивый (Добро-
душный, Благоденный), фр.
кор. 170, 329, 334, 336, 348
- Людовик [Лайош I], венг. и пол.
кор. 454
- Людовик XI, фр. кор. 34, 458
- Людовик XVI, фр. кор. 36
- Лют Свенельдович, киев. воевода
249
- Лютер Мартин, еп., глава рефор-
мации в Германии, писатель
29
- Ляд, см. Ладон
- Лях (Лалох, Мамох), легенд.
пол. кн. 312, 416
- Мабли Габриэль Бонно де, аббат,
фр. ист., философ, полит. де-
ятель, привлекательная лич-
ность для молодого Карамзи-
на 30, 135
- Маврикий, виз. имп., теоретик
военного искусства (VI—
VII вв.) 174, 339, 340, 341,
342, 345
- Мавро-Урбин (Орбини Мавро),
итал. ист. 188, 293, 308, 351
- Магницкий Леонтий Филиппо-
вич, математик, автор перво-
го рус. учебника «Арифмет-
ка» 376
- Магомет (Мухаммед), основа-
тель ислама 257, 290, 365,
501
- Магомет [Мехмед] II, тур. сул-
тан 215, 384
- Макарий, арх-п Новг., митр.
Моск. 142, 143, 325, 374,
425, 493
- Макиавелли Никколо, ит.
полит. мыслитель, писатель
136
- Мал, древлянский кн. 229, 230,
231
- Малиновский Алексей Федоро-
вич, сенатор, нач-к Моск.
архива Коллегии иностран-
ных дел, друг Карамзина
141, 462, 465, 466, 476
- Маллет [Малле] Поль-Анри, фр.
ист. 136, 290, 318, 326,
333, 352, 359, 368, 374, 442
- Малуша Любечанка, ключница
в кн-ни Ольги, наложница
в кн. Святослава, мать
в кн. Владимира I Святосла-
вича 240, 250
- Малько Любечанин, отец Добры-
ни и Малуши, матери в кн.
Владимира Святого 240
- Мальфрида Чехиня, жена в кн.
Владимира I Святославича
254, 267, 435

- Мамай, монг. темник, правитель Золотой Орды 111, 133
- Мамох, см. Лях
- Маннерт Конрад, нем. ист., географ 285, 288, 289, 293, 301, 307, 308, 423
- Марзана, языч. слав. богиня земледелия и плодородия 191
- Марий Гай, рим. имп., полк. 286
- Мария (Богоматерь, Богородица, Дева Мария) 207, 262, 264, 372, 412, 419, 421, 431, 505
- Мария Терезия, австр. эрцгерцогиня 12
- Мария Федоровна, имп-ца, жена имп. Павла I 48
- Марк, макед. философ, сподвижник Св. Владимира, креститель каз. татар 430
- Марк Аврелий, см. Аврелий Марк
- Маркиан, виз. имп. (V в.) 153, 204
- Маркс Карл, нем. философ-материалист, основоположник научного коммунизма, политический мыслитель 33
- Марс, в рим. мифологии бог войны 191
- Мартин Галлус (Галл), автор хроники и деяний пол. князей, известен и как «Галл Аноним» (XI—XII вв.) 416, 417
- Марфа-посадница, см. Борецкая Марфа
- Марциана, сестра виз. имп. Траяна Марка Ульпия 407
- Масков Иоганн Якоб, нем. ист. 136, 339, 341
- Массуди [аль-Масуди], араб. ист., географ, путеш-к 229, 311, 322, 399
- Маттей Константин Фридрих, профессор Моск. университета 11
- Маттизон Фридрих, нем. поэт 68
- Маш Андреас Готлиб, нем. ист. 342, 343, 345, 348, 349, 351
- Медведев Юрий Михайлович, писатель, исследователь и издатель рус. фольклора 498
- Мезамир, кн. антов 156
- Мела Помпоний, рим. ист., географ (I в. до н. э.) 285, 287, 288, 294
- Мельхиседек, арх-т 139
- Менандр, виз. летописец (IV в.) 297, 303, 392
- Менкен Й. Б., ист. издатель 341, 345, 352, 364
- Мерзляков Алексей Федорович, поэт 48, 49
- Меркурий, в рим. мифологии бог торговли и покровитель путеш-ков 202
- Метастазιο Пьетро, ит. поэт 96
- Метигай (Метимагак), печенежский кн. 426
- Мефодий, слав. просветитель, еп., брат Кирилла (Константина), св. 199, 202, 262, 280, 324, 360—364, 419, 420, 455, 485, 486
- Меховский Мацей, пол. хронист 422, 448
- Мечислав I, пол. кор., основатель христианства в Польше 254, 269, 430
- Микеланджело Буонаротти, ит. художник, скульптор, архитектор, поэт 34, 458
- Миллер, книгопродавец, издатель 12, 22
- Миллер Федор Иванович (Герард Фридрих), ист., археолог, академик, совершил многолетнюю экспедицию по изучению Сибири, издал итоговый труд «История Сибири» 288, 297, 298, 305, 308, 310, 313—317, 326,

- 330, 335, 337, 339, 359, 366,
369, 370, 381, 425, 437, 438,
469
- Минин (Захарьев-Сухорук) Кузь-
ма Минич, нижегор. посад-
ник, руководитель народного
ополчения 460, 461
- Мистивой, мекленбургский кн.
345
- Мистиша, славянин 400
- Митридат-Евпатор, понтийский
ц. 146, 149, 287, 289, 293,
423
- Михаил, архистратиг 426
- Михаил, митр. Киев. 426, 430,
433
- Михаил III, виз. имп. (IX в.) 171,
172, 202, 207, 324, 339, 360,
370, 371, 373, 374
- Михаил VII Дука, виз. имп.
(XI в.) 344
- Михаил Федорович Романов
(«державный сын»), ц. 133
- Михаил Ярославич, в. кн. твер.
и влад., сын в. кн. Ярослава
Ярославича 133
- Могута, разбойник 436
- Мозгейм Иоганн Лоренц, церк.
ист. 354
- Моисей, в Библии вождь изр.
племен, пророк 202, 293,
321, 353
- Моисей Хоренский [Мовсес Хоре-
наци], арм. ист. 289, 298,
299, 302, 320
- Мокош, языч. слав. идол 191, 350
- Мономах, см. Владимир II Всево-
лодович Мономах
- Монфокон Бернар де, фр. ист.
362
- Мор Томас, англ. гуманист,
полит. деятель, писатель 30,
81, 121
- Мориц Карл Филипп, нем. писа-
тель 21
- Морус, см. Мор Томас
- Москательников С. А., казан-
ский литератор, глава мест-
ного лит. кружка 95
- Мстислав Владимирович, сын
в. кн. Владимира I Святосла-
вича и Рогнеды 254
- Мстислав I Владимирович Ве-
ликий, кн. новг., рост.,
белг., в. кн. киев., сын
в. кн. Владимира Мономаха
493
- Мстислав Владимирович Уда-
лой, кн. тмут., сын в. кн.
Владимира I Святославича
254, 263, 440
- Мстислав Давидович, кн. смол.
и новг., сын кн. Давида Рос-
тиславича 450
- Мстислав Мстиславич Удатный
(Храбрый, Великий),
кн. новг. и галицкий, сын
кн. Мстислава Ростислави-
ча Храброго, св. 133
- Мстислав Ростиславич Храб-
рый, кн. смол., сын
кн. Ростислава Мстисла-
вича 133
- Мунимир, далматский кор. 347
- Муравьев Михаил Никитич,
поэт, обществ. деятель,
друг Карамзина 123, 461,
462, 479—481
- Муравьев Никита Михайлович,
сын М. Н. Муравьева, де-
кабрист 117
- Муравьевы 115, 466
- Мусин-Пушкин Алексей Ивано-
вич, граф, ист., археограф,
коллекционер, друг Карамзи-
на 141, 335, 352, 425, 466,
467, 471, 479, 481
- Мустафий, правитель Барды 400
- Мюллер Иоганн, швейц. ист. 136

- Наполеон I Бонапарт, фр. имп.
33, 79, 80, 111—113, 462,
464, 478, 490
- Нарушевич Адам Станислав, пол.
ист. 310
- Нарышкина Наталья Кириллов-
на, ц-ца, мать Петра I 99
- Нейштедт, см. Ниенштедт
- Наталья Кирилловна, см. Нарыш-
кина Наталья Кирилловна
- Неледенский-Мелецкий Юрий
Александрович, поэт, его
стихи печатались в изданиях
Карамзина 40—43, 49, 65, 76
- Немиза, языч. слав. бог воздуха
и ветра 190
- Неофит, еп. Черниг. 430
- Нептун, в рим. мифологии бог
морей 351
- Нергеса, персонаж вост. мифоло-
гии 286
- Нерон Клавдий Цезарь, рим.
имп. (I в.) (и «нероновщи-
на») 98, 99, 102, 207, 292
- Нестор, монах Киево-Печерского
монастыря, составитель лето-
писного свода «Хроника вре-
менных лет», св. (XI в.) 34,
104, 105, 139, 140—142,
160, 162, 164—172, 177,
191, 196, 198, 204—206,
208, 209, 211, 213, 215—
217, 221, 223, 224, 230, 233,
239, 241, 242, 247—249,
255, 261, 266, 267, 270, 272,
275, 276, 280—282, 298,
305, 306, 308—310, 313—
315, 318—326, 332—342,
345, 347—351, 353, 359—
362, 365—379, 382—386,
388—390, 393, 395—408,
413—418, 422, 424, 426—
441, 445, 447—449, 455,
456, 458, 459, 468, 469,
472—475, 477—480, 485,
486, 497, 501, 504
- Ниенштедт (Нейштедт) Франц,
ливонский хронист 448
- Ний, языч. слав. бог подземного
царства 191
- Никита, еп. Белг. 430
- Никита, патр. Конст. 393
- Никита Хониатский, виз. летопи-
сец 306
- Никифор, болг. боярин 410
- Никифор I, виз. имп. (IX в.) 414
- Никифор I, патр. Конст. 307, 345
- Никифор, митр. Киев. 143
- Никифор Григора, виз. ист.
(XIV в.) 298, 337
- Никифор Сторас, виз. имп. 414
- Никифор II Фока, виз. имп. 235,
237, 240—242, 405, 410
- Николай I Павлович, имп. все-
росс. 464, 489
- Николай IX, папа рим. 360
- Николай, переписчик псалтыри
363, 364
- Николай Хрисовергий, патр.
Конст. 419
- Никон, игумен Киево-Печер-
ский, писатель, св. (XI в.)
34, 104, 407, 458, 459, 472
- Никон (Никита Минов), патр.
всея Руси 142
- Нифонт, еп. Новг., св. 140, 143
- Новайри Ахмет (Ибн-Абд-аль-
Вегаб), араб, ист. 325, 405
- Новиков Николай Иванович, про-
светитель, писатель, изда-
тель, масон 14—19, 22, 36,
39, 47, 49, 51—55, 59, 69,
467, 403
- Новосильцев Николай Николае-
вич, граф, госуд. деятель
37, 464
- Новый Завет, см. Библия, Еван-
гелие
- Ной, в Библии праведник, спас-

- шийся во время всемирного потопа 294
- Номоканон 273, 442
- Нотарий кор. Белы, венг. анонимный летописец 379, 381
- Нубийский географ, см. Шериф аль-Эдриз
- Огарев Николай Платонович, поэт, публицист, революционер 19
- Огус-хан, татарский кн. 306
- Одд Овар, норв. кн. 327
- Один, см. Водан
- Один (Отин), ц. готов 289, 291, 326, 327, 369
- Одоевский Александр Иванович, кн., поэт-декабрист 117
- Озерецковский Николай Яковлевич, ист., академик 294, 438
- Олаф, см. Олоф
- Олдрих (Андрих, Ульрик, Удальрик), чеш. кор., герцог богем. 430, 434, 438
- Олеарий Адам, нем. путеш-к, автор записок о России 415
- Олег, кн. киев. 133, 165, 186, 191, 209—214, 215—220 (договоры с греками), 221 (смерть), 222—226, 254, 255, 264, 271, 272, 276, 278, 282, 309, 329, 353, 369, 374—377, 381—390, 393, 395, 397, 401, 407, 415, 442, 444—447, 471, 472, 474, 482, 502—505
- Олег Святославич, кн. древлянский, сын в. кн. Святослава I Игоревича 240, 249, 250, 251, 353
- Оленин Алексей Николаевич, археолог, ист., художник, директор Петерб. публ. библиотеки, президент Академии Художеств 460
- Олимар, легенд. ц. 327
- Олимпиада, македонская ц-ца, мать Александра Македонского 312, 380
- Олоф Святой, норв. принц, кор. 267, 436
- Ольга (Елена), в. кн-ня киев., жена в. кн. Игоря I Рюриковича, св. 140, 213, 225, 230—232 (месть древлянам), 233—235 (крещение), 236—239 (смерть), 240, 250, 256, 257, 259, 277, 278, 281, 282, 373, 375, 382—387, 396, 400—405, 408, 409, 432, 442, 504
- Ольга Прекраса, см. Ольга (Елена)
- Ольма, киевлянин 375
- Ономакрит, др.-греч. поэт (V в. до н. э.) 285
- Орвар Одд, витязь, герой исл. саг 393
- Ориген, богослов, философ, писатель (II в.) 307
- Орлай Иван Семенович, ист. 381
- Орловский Александр Осипович, художник 9
- Орфей, др.-греч. легенд. поэт 145, 285, 494
- Осколд, см. Аскольд
- Оссиан, легенд. воин и бард кельтов (III в.) 20
- Отер, норв. мореход, автор записок 318
- Оттон I, герм. кор., имп. Священной Рим. имп. (X в.) 239, 252, 408, 409, 416, 504
- Оттон II, герм. кор., имп. Священной Рим. имп. (X в.) 252, 504
- Оттон III, герм. кор., имп. Священной Рим. имп. (X в.) 423, 437
- Оттон Святой, герм. еп. 195

- Павел I, имп. всеросс. 19, 36, 68, 69, 72, 86, 103, 459, 464
- Павел, св. апостол 382, 422, 423
- Павел, виз. ученый, богослов, философ 437
- Павел Диакон, хронист (VIII в.) 291
- Паган, болг. кн. 345
- Паджи (Паги) Антуан, ист. 389, 407
- Паламед, в греч. мифологии изобретатель алфавита, чисел, счета, меры 359
- Паллас Петр Симон, рус. естествоиспытатель, академик, автор научных трудов 379, 422, 423
- Палицын, см. Авраамий Палицын
- Парисад, боспорский ц. 287
- Парстуки, см. Берстуки
- Пеллутье Симон, ист. кельтов 358
- Пельцель Франтишек Мартин, чеш. ист. 304
- Передслава, рус. кн-ня, жена Улеба 225, 396, 397
- Переяслав, прозвище рус. богатыря 264
- Перкун, бог молнии у латышей и прусов 190, 350
- Перун, языч. слав. «разящий бог», бог молнии 191, 195, 216, 253, 254, 261, 262, 311, 350, 408, 426—428, 473, 483, 485, 498
- Першерон, монах, издатель географии Анонима из Равенны 336
- Петр, болг. ц. 237
- Петр, митр. Моск., св. 142
- Петр, св. апостол 293, 348
- Петр I Великий, имп. всеросс. 9, 34, 66, 71, 85, 88—90, 111, 112, 133, 135, 138, 142, 280, 320, 376, 449, 458, 459
- Петр II, имп. всеросс. 135
- Петр Георгиш, см. Георгиш Петер
- Петр Могила, митр. Киев. 439
- Петр Патрикий, виз. полк. 411
- Петров Александр Андреевич («Агатон»), поэт, масон, друг молодости Карамзина 15—20, 22, 24, 26, 37, 38, 40, 46—49, 51, 55, 93
- Пеутингерская карта 293
- Пиаст (Пяст), пол. кн. 416
- Пик, языч. слав. идол 191
- Пимен, митр. Киев. и Всея Руси 324
- Питт Уильям Младший, англ. гос. деятель 63
- Пифеас, др.-греч. географ, писатель (III в. до н. э.) 290, 292, 293
- План Карпин, см. Карпини
- Платнер Эрнест, нем. философ 21
- Платон, др.-греч. философ (IV—IV вв. до н. э.) 30, 33, 146
- Платон (Петр Егорович Левшин), митр. Моск., историк церкви 307, 423
- Плетнев Петр Александрович, поэт, критик 118
- Плещеев Алексей Александрович, друг Карамзина 39, 40, 52, 100, 101
- Плещеева (урожд. Протасова) Настасья Ивановна, жена А. А. Плещеева 25, 26, 38, 103, 105
- Плещеевы, друзья Карамзина, 18, 25, 37, 38, 55, 94
- Плиний Старший (Гай Плиний Секунд), рим. ист., писатель, ученый, гос. деятель 132, 151, 285, 287—293, 302, 317, 342, 359, 446
- Плутарх, др.-греч. ист., философ (I—II вв.) 358

- Плутон, в греч. мифологии бог подземного мира 191
- Погода, см. Подага
- Погодин Михаил Петрович, ист., писатель, издатель, академик 10—13, 17, 21—27, 39, 41, 43, 48, 49, 51, 55, 63, 64, 67, 68, 72, 74, 75, 85, 86, 92, 94, 105, 107, 110, 463, 476, 477, 479
- Подага (Погода), языч. слав. бог звероловства и ясной погоды 190, 191
- Подшивалов В. С., литератор 40
- Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., стольник и воевода, организатор второго земского ополчения 73, 132, 460
- Позвизд Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира I Святославича 263, 429, 430
- Полель, см. Лель
- Полиевкт, см. Феофилакт
- Поликарп, арх-т Печерский, писатель 143
- Поликлит, ученый, космограф 292
- Полиста, легенд. кн-на 311
- Полкан, персонаж рус. сказок 351
- Поллукс, в греч. мифологии один из братьев-близнецов (см. Кастор) 191, 349, 351
- Помпоний Мела, см. Мела Помпоний
- Поп (Поуп) Александр, англ. поэт 56
- Попов Иван Васильевич, издатель, книготорговец 75
- Попов Нил Александрович, ист.-славист, академик 337
- Попович Иоганн Сигизмунд Валентион, австр. филолог 354
- Поревит, языч. слав. пятиглавый идол 189, 348
- Поренут, языч. слав. пятиликий идол 189, 348, 349
- Порусья, легенд. рус. кн-ня 311
- Посвист (Похвист), языч. слав. бог ненастья, сильного ветра 191, 351
- Потемкин Григорий Александрович, кн., генерал-фельдмаршал 46, 47
- Потоцкий Ян (Иван), граф, писатель 315, 343, 349
- Похвист, см. Посвист
- Прай Георг, ист. 323, 378, 381
- Прастен, посол кн. Игоря в Царьград (944 г.) 396
- Предслава, дочь венг. кор. 409
- Предтеченский А. В. 78
- Претич, киев. воевода 444
- Преторий Матвей, ист. 293, 319
- Приап, в греч. мифологии бог производительных сил 190
- Припекала, языч. слав. бог любовной страсти 190
- Присёлков Михаил Дмитриевич, ист. 479
- Приск, виз. ист. 296, 297, 342
- Пров (Прове), языч. слав. бог правосудия 186, 190, 197, 347
- Продолжатель Константина (Багрянородного), виз. хронист 323, 324, 370, 371, 372, 388, 389
- Продолжатель Регинона, нем. летописец 404, 408, 409
- Прозоровский А. А., моск. главнокомандующий 46, 51, 52
- Прокопий Кесарийский, виз. ист., писатель (VI в.) 174, 181, 187, 289, 296, 297, 299, 302—320, 325, 339, 340, 347
- Прометей, в греч. мифологии титан, похитивший огонь у богов и наказанный ими 145
- Прусс, легенд. брат рим. имп. Августа 325, 336

- Птолемей Клавдий Александрийский, др.-греч. астроном, географ (II в.) 151, 288—290, 292, 293, 301, 302, 358, 494, 495
- Пугачев Емельян Иванович, вождь крест. войны 1773—75 гг. 9
- Путята, новг. воевода 428
- Пушкин Александр Сергеевич 5, 6, 29, 93, 94, 96, 104, 115, 116, 118, 121, 122, 123, 125, 491, 502
- Пушкин Василий Львович, поэт 65, 76
- Пушкины, дворяне 7
- Пыпин Александр Николаевич, лит-д, академик 46
- Пяст, см. Пиаст
- Радбарт, легенд. рус. кн. 328
- Радегаст, языч. слав. бог, возможно, покровитель странников и путеш-ков 189, 349
- Радим, легенд. кн. радимичей 161, 308
- Радищев Александр Николаевич, писатель, философ 15, 119
- Раич Йован, серб. ист. 293, 308, 339, 346, 351, 352
- Рамлер Карл Вильгельм, нем. поэт, переводчик 21
- Рандвер, легенд. рус. кн. 328
- Рафаэль Санти, ит. художник и архитектор 34, 458
- Рахдай, витязь 269, 436
- Рвовский, см. Каменевич-Рвовский
- Регинон, летописец 408
- Регнальд, легенд. рус. кн. 328
- Регнер (Рангар) Лотброк, дат. кор. 328, 339
- Рейнегс Якоб, автор соч. о Кавказе 314
- Рейске Иоганн Якоб, нем. филолог 392
- Рерик, варяг 169
- Ретрский кумир (языч.) 202, 351
- Ридигер, см. Рюдигер
- Риквин, нем. мастер-художник 424
- Ринда, легенд. рус. княжна 326
- Риттер Иоганн Даниэль, нем. географ 384
- Робертсон Уильям, шотл. ист. XVIII в. 104, 134
- Робеспьер Максимилиан, деятель Французской революции 30, 31
- Рогволод, варяг, кн. полоцкий, отец Рогнеды 250, 272, 415, 429
- Рогнеда (прозвище Горислава, в монашестве Анастасия), дочь кн. Рогволода, жена в. кн. Владимира I Святославича 250, 252, 254, 256, 267, 418, 427, 429, 435, 504
- Родман, печенежский кн. 436
- Родословная Книга 143, 493
- Рождество Иоанна Предтечи 192
- Рождество Христово 145, 146, 149, 151, 160, 161, 168, 176, 178, 192, 202, 286, 288, 295, 298, 310, 311, 334, 389, 450, 454, 494
- Роман I Лакапин, виз. имп. (X в.) 224, 225, 236, 393—395, 397, 402, 403, 409, 410, 413
- Роман II, виз. имп. (X в.) 404
- Романовы, династия рус. царей 481
- Ромул, легенд. осн-ль Рима 296
- Рорик, варяг 169
- Рорик, дат. конунг 169
- Росс, легенд. рус. кн. или витязь 338
- Ростислав, моравский кн. 202, 360

- Ростопчин Федор Васильевич, граф 19, 68, 103
- Руальд, посол кн. Олега в Царьград (911 г.) 217, 329
- Рубрук (Рузброк) Виллем, фламандский путеш-к, автор записок 297, 306, 378, 440, 448
- Ругевич (Ругевит, Рюгевит), языч. слав. бог войны 189, 348
- Рудбек Олаф, швед. ист. 286, 287
- Рузброк, см. Рубрук
- Рулав, посол кн. Олега в Царьград (907 и 911 гг.) 215, 217, 329
- Румянцев Николай Петрович, граф, гос. деятель, коллекционер 114, 467
- Рурик, варяг 169
- Рус, легенд. слав. кн. 311
- «Русская Правда» 169, 281, 376, 402, 445, 449, 450, 476, 480, 481, 486, 498
- Руссо Жан-Жак, фр. философ, писатель, композитор 21, 32, 53, 54, 57, 58, 78, 99
- Руссов Степан Васильевич, писатель 401, 415
- Рыбаков Борис Александрович, ист., археолог, академик, 494—498, 503
- Рылеев Кондратий Федорович, поэт, декабрист 117
- Рычков Николай Петрович, капитан, путеш-к, автор путевых записок 316
- Рычков Петр Иванович, ист., экономист, автор «Опыта Казанской истории» 316
- Рюар, посол кн. Олега в Царьград (911 г.) 217
- Рюгевит, см. Ругевич
- Рюдигер (Ридигер) Иоанн Кристиан, филолог 354
- Рюрик I (Рурик, Рёрик) [Рёрик Датский, или Ютландский], конунг и рус. кн. 138, 140, 165, 168—171, 186, 204—206 (княжение на Руси), 208—210, 221, 232, 268, 272, 276, 325, 333—336, 339, 347, 364—370, 373, 374, 396, 415, 437, 438, 455, 461, 468, 469, 472, 476, 477, 480—482, 497, 502, 505
- Рюрик II (Василий) Ростиславич, кн. смол., в. кн. киев., сын. кн. Ростислава (Михаила) Мстиславича 140, 429
- Рюриковичи (Рюрики) [Рорики, Рёрики], кн. род, см. также Рюрик I 472, 478, 479, 480, 504
- Саксон Грамматик, дат. хронист, автор ист. труда «Деяния датчан» (XII—XIII вв.) 168, 169, 188, 326, 327, 328, 333, 347, 348, 352, 353, 442
- Саксонский летописец 447
- Саллюстий Гай Крисп, рим. ист. (I в. до н. э.) 71
- Салмуц, венг. воен-к 378
- Салтан, венг. кн. 378
- Самаргл (Семаргл, Симаргл), языч. слав. идол 191, 350
- Само, легенд. богем. кор. 158
- Само, славянин 304
- Самозванцы (в России) 138
- Сандий Христофор, ист. церкви 420
- Сарницкий Станислав, пол. ист. 308
- Сваиндр (Шиихбер Сваиндр), посол кн. Игоря в Царьград (944 г.) 396
- Свенельд, киев. воевода 228,

- 230, 232, 246, 248, 249, 274, 398, 399, 400, 412, 413
- Святовид, язык. слав. бог добра и справедливости 188, 189, 194, 197, 348
- Святое Писание, см. Библия
- Святополк, моравский кн. 202, 361
- Святополк I Владимирович (Ярополкович) Окаянный, кн. туров., в. кн. киев., сын в. кн. Ярополка Святославича, усыновленный племянник в. кн. Владимира I Святославича 137, 254, 263, 268, 416, 439
- Святополк Феол, издатель Евангелия в Польше 474
- Святослав II Владимирович, кн. древлянский, сын в. кн. Владимира I Святославича 254, 263
- Святослав Всеволодович, в. кн. влад., сын в. кн. Всеволода III Юрьевича 429
- Святослав I Игоревич, в. кн. киев., сын в. кн. Игоря I Рюриковича 133, 140, 225, 230, 233, 234, 236—238 (войны), 239—247, 249 (гибель), 251, 252, 263, 266, 271, 272, 278, 279, 282, 347, 377, 383, 396, 400, 401, 402, 405, 407, 409—416, 422, 435, 436, 444, 448, 461, 469, 479, 491, 497, 506
- Святослав Ольгович, кн. новг. 448
- Святослав III Ярославич, кн. черниг., в. кн. киев., сын в. кн. Ярослава I Владимировича Мудрого 345
- Семаргл, см. Самаргл
- Сербинович Константин Степанович, секретарь и биограф
- Н. М. Карамзина, писатель 88
- Сервантес Сааведра Мигель де, исп. писатель, любимый писатель в круге чтения молодого Карамзина 16
- Сергий, патр. Конст. 419, 427
- Сечени Франциск, венг. барон 381
- Сеченов Иван Михайлович, ученый-физиолог, академик 6
- Сива, см. Жива
- Сигеберт, кор. франков 156
- Сигизмунд I, пол. кор., в. кн. лит. 454
- Сигтригг, легенд. ц. 327
- Сигурд, рус. кн. (или боярин) 267, 437
- Сигурт, дат. кор. 328
- Сигфрид, ютландский кор. 388
- Силкизифа, легенд. рус. ц-на 327
- Сим, в Библии один из сыновей Ноя 332, 440
- Симаргл, см. Самаргл
- Симеон, болг. кн. 344, 393
- Симеон Логофет, виз. хронист (X в.) 370, 371, 372, 388
- Симеон Столпник, хр. св. 452
- Симон, еп. Влад и Сузд., писатель 143, 402
- Симонид, др.-греч. поэт (VI—V вв. до н. э.) 359
- Синеус [Сино, Синий], легенд. конунг и рус. кн. 168, 204—206, 209, 334, 366, 367, 368, 369, 497, 502
- Синий, конунг 169
- Сиповский Василий Васильевич, ист., лит-д 15
- Скилицис (Скилица) Иоанн, виз. летописец (XI—XII вв.) 323, 381, 388
- Скиф, легенд. правнук Афета 311
- Склир, см. Варда Склир

- Скорина Франциск, белорус. просветитель, первопечатник, писатель 452—454, 474
- Скусеви, посол кн. Игоря в Царьград (944 г.) 396
- Славен (Словен), легенд. внук Афета 139, 140, 311, 313
- Слёнины, книготорговцы, издатели «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина 488
- Словен, см. Славен
- «Слово о полку Игореве» 71, 114, 281, 308, 350, 372, 388, 426, 467, 468, 474, 483, 486
- Смера (Половец) Иоанн, врач в. кн. Владимира I Святославича 420—422
- Смирдин Александр Филиппович, книготорговец, издатель 16, 62
- Смирнов Анатолий Филиппович, ист. 126, 487, 491
- Снио, конунг 169
- Собакин Василий Никифорович, стольник 141
- Сократ, др.-греч. философ (V в. до н. э.) 59, 60, 102
- Солин Гай Юлий, др.-рим. писатель, географ 285
- Соловьев Сергей Михайлович, ист., академик 487, 489, 494, 501, 503
- Соломон, ц. Изр.-Иудейского гос-ва 254
- Солон, полит. деятель Др. Греции 149
- Софокл, др.-греч. драматург (V в. до н. э.) 134
- Сочинитель Киевского Синописа 314, 350, 351, 428, 433, 473
- Спаситель, см. Христос
- Сперпанский Михаил Михайлович, гос. деятель 123
- Сталь Анна Луиза Жермена де, фр. писательница 76, 100
- Станислав Владимирович, кн. смол., сын в. кн. Владимира I Святославича 263, 429, 430
- Старкатер, дат. витязь 328
- Стеמיד (др. чтение имени — Стемир), посол кн. Олега в Царьград (907 и 911 гг.) 215, 217, 503
- Степенная Книга 142, 170, 307, 309, 313, 325, 333, 336, 365, 368, 373, 374, 382, 383, 417, 419, 424, 427, 428, 430, 432, 455
- Стерн Лоренс, англ. писатель, один из любимейших в круге чтения Карамзина 36, 43, 47
- Стефан, виз. имп. (X в.) 225, 397
- Стефан, еп. Волынский 430
- Стефан, игумен Киево-Печерский 429
- Стефан I, венг. кор. 434, 438
- Стефан Баторий, пол. кор., в. кн. лит. 478
- Стефан IV Душан (Урош), сербский кор. 344, 346
- Стефан Сурожский, арх-п, св. 374
- Стефан Угорский, см. Стефан I
- Стефан Урош, см. Стефан IV Душан
- Стирнг Юхан, швед. ист. 441, 442
- Столпосвят, легенд. слав. кн. 140
- Страбон, др.-греч. географ и ист. (I в. до н. э.— I в.) 202, 285, 286, 287, 288—292, 338, 358, 359, 422—494
- Стрибог, языч. слав. бог ветра 191, 350
- Стриковский [Стрыйковский] Матвей, пол. ист., автор

- «Хроники польской, литовской, жмудской и всея Руси» (1582) 191, 297, 313, 314, 319, 333, 349, 350, 351, 367, 375, 387, 388, 409, 414, 417, 425, 427, 428, 431, 433, 438, 448, 473
- Струбе (Штрубе) де Пирмонт Фридрих Генрих, нем. ист. 331, 332, 337, 338, 434
- Струвий, собиратель нем. летописей 408
- Стрыйковский, см. Стриковский
- Стурплавг Трудолюбивый, конунг 327
- Стурлезон [Снорри Стурлусон], исл. писатель, ист., ученый, издатель свода саг (XIII в.) 169, 254, 290, 318, 334, 369, 401, 417, 436, 437, 438, 446, 447
- Суворов Александр Васильевич, генералиссимус 12, 461
- Судислав Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира I Святославича 263, 429, 430
- Сульцер Франц Иосиф, ист. 308, 350
- Сумароков Александр Петрович, писатель, поэт 382
- Сфенкал (Сфагел), киев. воевода 244, 411, 412
- Сципион Африканский, рим. полк. 132
- Сципионы, знатный род в Др. Риме, давший знаменитых полк. и гос. деятелей 215
- Тассо Торквато, ит. поэт (XVI в.) 96
- Татищев Василий Никитич, ист., гос. деятель 22, 139, 141, 142, 288, 297, 308, 310, 314, 316, 320, 325, 332, 333, 338, 360, 368, 369, 372, 375, 382, 385, 390, 391, 397, 398, 400, 402, 405, 406, 407, 409, 410, 413, 414, 416, 417, 418, 423, 424, 426, 429—432, 435, 436, 438, 439, 467, 473, 475, 479, 492, 501
- Тацит Публий Корнелий, др.-рим. ист. (I — нач. II вв.) 117, 134, 136, 150, 151, 152, 163, 167, 179, 288, 289, 290, 292, 293, 294, 300, 302, 317, 318, 332, 339, 359, 445, 494
- Темир, печенежский кн. 436
- Термин, в рим. мифологии бог — охранитель границ 351
- Тиберин, римлянин 311
- Тиверий, виз. имп. (VI в.) 156, 303, 304
- Тимофей, пономарь, переписчик летописи 141
- Тит Ливий, см. Ливий Тит
- Титмар (Дитмар), еп. Мерзебургский, хронист (XI в.) 140, 194, 198, 202, 277, 341, 345, 347, 349, 352, 353, 409, 422, 423, 436, 439, 440, 447, 500
- Толстой Лев Николаевич, писатель, мыслитель-моралист 29
- Толстой Федор Андреевич, граф, коллекционер 141, 454
- Томира (Томирис), массагетская ц-ца 287
- Торфей Формидус, норв. хронист 286, 318, 326, 327, 328, 333, 339, 393, 438, 446
- Тотила, кор. остготов 155
- Траннон, легенд. рус. ц. 326
- Траян Деций Гай Мессий Квинт, рим. имп. 314, 321
- Траян Марк Ульпий, рим. имп. (I—II в.) 146, 150, 160, 201, 286, 287, 289, 308, 407

- Тредиаковский Василий Кириллович, поэт, переводчик 121
- Трёер Готлиб Самуэл, нем. ист. 423
- Триглав, языч. слав. кумир 190
- Трог Помпей, рим. ист. (I в. до н. э.— I в.) 287
- Трощинский Дмитрий Прокофьевич, министр 85
- Трубецкой Николай Никитич, изв. масон 40, 51, 52
- Трувар (Трувр), варяг 169
- Трувор (Трувар, Трувр), конунг, легенд. рус. кн., 168, 169, 204—206, 209, 334, 366—369, 497, 502
- Тубер Людовик, аббат, писатель 363
- Туллиан, рим. полк. 155
- Тулун (Турун), татарский кн., первый каган 320
- Туманский Ф. Ф., издатель 103
- Тунман Ханс Эрих, ист. 288, 289, 292, 297, 298, 300, 305—307, 309, 318—320, 331, 334, 339, 343—345, 348, 349, 351, 358, 359, 377, 379, 381, 394, 441
- Тур, варяжский кн. 263, 429
- Тургенев Александр Иванович, ист., писатель, друг Карамзина 6, 11, 48, 77, 112, 118, 125, 462, 466, 469, 478
- Тургенев Иван Петрович, видный масон из круга Н. И. Новикова 13—15, 36, 49, 69, 95
- Тургенев Николай Иванович, публицист, писатель, декабрист 30, 117
- Тургеневы, декабристы 6, 7
- Уваров Сергей Семенович, граф, гос. деятель 23, 466
- Угоняй, новг. тысяцкий 428
- Улеб, слав. кн. 225, 396, 397
- Ульрик, см. Олдрих
- Ульфила, еп. готский, переводчик Евангелия 202, 358
- Ульяновы, семья В. И. Ленина 6
- Урзинус Иоганн Генрих, ист., переводчик 353
- Усмей-Авар, аварский кн. 305
- Факс, конь витязя Орвара Одда 393
- Фараон египетский 321
- Фарлаф (др. чтение имени — Фарлов, Фарлоф), посол кн. Олега в Царьград (907 и 911 гг.) 215, 217
- Фаустина, жена рим. имп. Адриана 406
- Феб, в греч. мифологии второе имя бога Аполлона 348
- Федор Алексеевич, рус. ц. 493
- Федор Иванович, ц., сын ц. Ивана IV 117
- Фемистокл, афинский полк. 132
- Феодор, виз. воен-к 413
- Феодор, еп. Влад. и Рост. 427, 430
- Феодор, еп. Салонский 363
- Феодор-Варяг, первый хр. мученик на Руси (в Киеве), отец Иоанна-Варяга, св. 255, 455, 505
- Феодор Стратилат, хр. св. 246, 412, 413
- Феодора, виз. имп-ца (XI в.) 370
- Феодосий I Великий Флавий, рим. имп. (IV в.) 154
- Феодосий II, рим. (виз.) имп. (V в.) 314
- Феодосий Печерский (Блаженный), осн-ль и игумен Киево-Печерского монастыря (XI в.) 139, 143
- Феодот, ученый, космограф 292
- Феопемпт, митр. Киев. 433

- Феофан, виз. хронист 303, 304, 337
- Феофан, протовестиарий 224, 395
- Феофан (Феофил), синкел 246, 413
- Феофания, виз. имп-ца, жена имп. Константина Багрянородного 403
- Феофил, см. Феофан, синкел
- Феофил, виз. имп. (IX в.) 167, 170, 323, 335, 336, 403
- Феофилакт, виз. хронист 297, 304, 308
- Феофилакт (Полиевкт), патриарх Конст. 402, 403
- Феррерас Хуан, исп. ист. 136
- Фив, св. мученик 162
- Фидий, др.-греч. скульптор (V в. до н. э.) 134
- Филарет (Василий Михайлович Дроздов), митр. сначала Петерб., затем Моск. 116, 123
- Филарет (Федор Никитич Романов), патр. Всея Руси 133
- Филимер, легенд. ц. готов 295
- Филипп, игумен 401
- Филипп Македонский, ц. Македонии, отец Александра Великого (Македонского) 149, 293, 312, 380
- Филипп (Федор Степанович Колычев), митр. всея Руси, св. 143
- Филиппик, виз. имп. (VIII в.) 321
- Филофей, еп. Болг. 410
- Фильдинг Генри, англ. писатель 12
- Фиоль (Феоль) Швайпольт, нем. ученый, ист. 454
- Фишер Иоганн Эбергард, ист. филолог, академик 286, 317, 337
- Флелав (др. чтение имени — Фрелав), посол кн. Олега в Царьград (911 г.) 217
- Флинц, недостоверное имя языч. слав. идола 349
- Флоkk, легенд. рус. кн. 328
- Флор, хр. св. 353, 483
- Флора, в рим. мифологии богиня цветов и весеннего цветения 351
- Фовель, владелец симбирского пансиона, в кот. воспитывался Карамзин 10
- Фойт, в Др. Египте бог, изобретатель письменности 202
- Фока (Фока Варда), виз. полк. 260, 261, 423
- Фома, архидиакон Спалатарский, хронист (XIII в.) 363
- Фома, еп. Рост. 427
- Фома, житель Византии, мятежник 384
- Фонвизин Денис Иванович, писатель-просветитель 11, 96, 121
- Фонвизин Михаил Александрович, генерал-майор, декабрист 466, 467
- Фонтенель Бернар ле Бовье де, фр. писатель и ученый 95
- Форстер Иоганн Рейнгольд, ист. 318, 326, 342
- Фортунатус Венанций Гонорий Клемент, поэт (VI в.) 359
- Фотий, патр. Конст. (IX в.) 207, 208, 273, 364, 370—373, 383, 402, 419, 427, 430, 433, 442
- Франклин Бенджамин, амер. гос. деятель 96
- Фредегар Схоластик (Псевдо-Фредегар), франкский хронист (VII в.) 304, 339
- Френздорф Ф. И., барон, черниг. губернатор 402
- Фрея, см. Фрихия
- Фридлов, дат. кор. 327
- Фрихия (Ванадис, Фрея), языч.

- герм. богиня жизни (соотв. у славян Жива) 189
- Фрихия Добрая, см. Добрая Фрихия
- Фриш Иоганн Леонард, нем. лингвист 361
- Фротон I, дат. кор. 326, 442
- Фротон III, дат. кор. 327
- Фротон IV, дат. кор. 328
- Фукидид, др.-греч. ист. (V в. до н. э.) 133, 136
- Фурий Камилл, диктатор Др. Рима 358
- Хавдас, эмир 403
- Хам, в Библии один из сыновей Ноя 446
- Ханке фон Ханкенштейн (Ганкенштейн) Иоганн Алоиз, нем. ист. 452
- Харальд, дат. принц 328
- Харальд, норв. принц 330
- Харальд III (Гаральд) Хардероде, норв. кор. 318, 401
- Хариольд, конунг 329
- Харламов, переводчик 12
- Херасков Михаил Матвеевич, поэт 40, 41, 44, 50, 65, 98
- Хильвуд, виз. полк. 155
- Хитрово, киевлянка 439
- Хлебников Петр Кириллович, купец, библиофил 141
- Хозрой I (Хосров, Ануширван, Нуширван), перс. шах (VI в.) 165, 166, 392, 496
- Хорив, легенд. кн. 161, 162, 314, 369, 374
- Хорс, языч. слав. идол 191, 350
- Хосров, см. Хозрой I
- Храбр, болг. инок, писатель 359
- Христос (Иисус Христос, Спаситель) 17, 24, 145, 146, 149, 151, 160, 161, 168, 176, 178, 192, 199, 202, 208, 262, 269, 286, 326, 334, 346, 360, 402, 421, 451, 490
- Хронографы 142, 313, 374
- Хрущов А. Ф., собиратель др. рукописей
- Цезарь Гай Юлий, рим. диктатор, полк. (I в. до н. э.) 291, 292, 342, 452, 358
- Церера, в рим. мифологии богиня земледелия и плодородия 191
- Цесарь, см. Цезарь
- Цимиский, см. Иоанн I Цимиский (Цимисхий)
- Цицерон Марк Туллий, рим. гос. деятель, оратор, писатель (I в. до н. э.) 71, 102
- Чернобог (Диавол), языч. слав. бог тьмы 188, 348
- Чехиня (богемка), жена в. кн. Владимира I, см. Мальфрида
- Чинбег (Чимбах), легенд. рус. кн. 336
- Чингисхан, монг. полк., основатель Монг. гос-ва 124, 297—298, 303
- Числобог, языч. слав. бог времени 190
- Чохов Андрей, мастер-литейщик, создатель «Царь-пушки» 466
- Чур, языч. слав. бог — охранитель границ 351
- Шаден Иоганн Маттиас, проф. Моск. университета, директор пансиона, в котором учился Карамзин 10—12, 21, 26
- Шатобриан Франсуа Рене де, фр. писатель, ист. 305
- Шатров, поэт 97

- Шахматов Алексей Александрович, филолог, академик 502
- Швандтнер Иоганн Георг, издатель 298, 363
- Шварц И. Е., масон 14—16, 24
- Шевалье Жан-Батист, фр. путеш-к, автор записок 384
- Шевырев Степан Петрович, писатель, поэт, ист., академик 123
- Шекспир Уильям, англ. драматург, поэт, актер, любимейший автор в круге чтения Карамзина 16, 17, 20, 21, 27, 100
- Шелона, легенд. кн-ня, жена Словена 311
- Шемяка (Дмитрий Юрьевич Шемяка), кн. 143
- Шённинг Герхард, ист. 293
- Шерер Иоганн Бенедикт, нем. ист. 449
- Шериф аль-Эдризи, нубийский географ (XII в.) 322
- Шеффер И., издатель 339
- Шиихбер, см. Сваиндр
- Шиллер Иоганн Фридрих, нем. поэт, драматург, критик 21
- Шишков Александр Семенович, писатель, гос. деятель, адмирал, литературный противник Карамзина 123, 487, 500
- Шлегель Фридрих, нем. языковед, писатель 355
- Шлёцер Август Людвиг, нем. ист., филолог, языковед, почетный член Петерб. Академии наук 137, 290, 291, 293, 294, 300, 302, 313, 316, 317, 318, 320, 321, 326, 328—330, 334, 335, 339, 342, 346, 350, 354, 358, 359, 361, 362, 368, 369, 371, 372, 374, 375, 379, 381, 384, 387, 388, 389, 393—395, 404, 405, 409, 437, 448, 449, 475, 476, 479, 480, 491
- Шперлинг Отто, ист. 318
- Шпренгель Маттиас Кристиан, нем. ист. 292, 315, 421
- Шреттер Франц Фердинанд фон, нем. ученый 347
- Штейнгель, Владимир Иванович, барон, флотский офицер, декабрист 117
- Штраленберг Филипп Иоганн, географ 285
- Штриттер (Стриттер) Иоганн Готлиб, ист., издатель 289, 304, 305, 332, 337, 338, 370, 418
- Штрубе, см. Струбе де Пирмон
- Шуйский, см. Василий IV Иванович Шуйский
- Шурицфельш Конрад Самуел, ист. 345
- Шуххарт Карл. нем. археолог 498
- Щапов Афанасий Прокофьевич, ист. 484
- Щек, легенд. кн. 161, 162, 314, 369, 374
- Щербатов Михаил Михайлович, кн., ист. 22, 314, 362, 375, 387, 396, 410, 414, 415, 435, 467, 473, 479, 492
- Эби-Гаукаль, см. Ибн Гаукаль (Гаукал)
- Эвельгерд, легенд. брат Рим. имп. Августа 325
- «Эдда» («Старшая Эдда»), др.-исл. сборник песен о богах

- и героях (IX—XII в.) 290,
291, 342, 373, 496
- Эзоп, др.-греч. баснописец (VI в.
до н. э.) 6
- Эистейн, трандийский кор.
327
- Эймунд, легенд. рус. ц. 327
- Эльмакин (Альмакин) [Аль-
Макин], араб. ист. 140, 224,
396, 403, 423
- Энгель (Энгель) Иоганн Якоб,
нем. писатель 21
- Энгельс Фридрих, нем. теоретик
научного коммунизма 33
- Эней, герой др.-греч. мифологии
защитник Трои, осн-ль Рима
291
- Эол, в греч. мифологии бог — по-
велитель ветров 350, 483
- Эпикур, др.-греч. философ (III—
IV вв. до н. э.) 258
- Эпифаний, протоспафарий 397
- Эрбелот (Эрбело) Бартелеми д',
фр. ист. 297, 298, 303, 320,
321, 377, 418, 423
- Эрик, дат. кор. 330
- Эрик, норв. принц 267, 268
- Эрик Бьернсон, легенд. швед.
принц 333
- Эрик Рефильсон, швед. кор.
339
- Эрманарих (Германарих), кор.
остготов 151, 152, 153, 174,
290, 291, 295, 315, 320
- Эсистейн, трандийский кор. 327
- Эсфирь (библ. Книга Есфирь)
452
- Эрик, ученый, космограф 292
- Эфор, др.-греч. ист. 149, 294, 358
- Эшассерио, фр. полит. дея-
тель 81
- Юлиан (Иулиан), монах, пу-
теш-к, автор записок
(XIII в.) 378
- Юлий Цесарь, см. Цезарь
- Юм Дэвид, англ. философ, ист.,
экономист 104, 136, 393,
434, 441
- Юнг (прозв. Штиллинг) Генрих,
поэт 13, 95
- Юниус Франциск, ист. (XVI в.)
358
- Юпитер, верховный бог в рим.
мифологии 191, 286, 296,
312, 351
- Юрий Владимирович Долгору-
кий, кн. сузд. и рост., в. кн.
киев., сын в. кн. Владимира
Мономаха 429
- Юстин Марк Юниан, рим. ист.
(II в.) 288
- Юстиниан I (Иустиниан), виз.
имп. (IV—V вв.) 254, 255,
256, 234, 320, 403, 495,
- Юстиниан II (Иустиниан), виз.
имп. (VII—VIII вв.) 305,
321, 392
- Языков Дмитрий Иванович,
археограф, писатель, пере-
водчик соч. А. Шлёцера
492
- Языков Николай Михайлович,
поэт 6
- Ян Святославич, см. Иоанн (Ян)
Святославич
- Ян Усмошвец, богатырь («гроза
печенегов») 269, 436
- Янин Валентин Лаврентьевич,
археолог, ист., академик
469
- Янус, в рим. мифологии бог
дверей (входа и выхода)
и тех или иных начинаний
351
- Яр (Ярило), языч. слав. бог
грозы и молнии 191, 499
- Ярмерик, дат. кор. 328
- Яровид, см. Геровит

Ярополк Святославич, в. кн.
киев., сын в. кн. Святослава
I Игоревича 140, 240, 249,
250—252, 254, 408, 415,
416, 422, 441

Ярослав I (Георгий) Владимиро-
вич Мудрый (Великий), кн.
рост., затем новг., в. кн.
киев., сын в. кн. Владимира
I Святославича, св. 137, 141,
212, 254, 263, 265, 268, 273,

274, 375, 390, 401, 427,
429, 438, 440, 444, 445,
449, 450, 461, 469, 476,
479, 480, 487, 504

Ярославна, кн-ня, жена кн. новг.-
северского Игоря Святосла-
вича 350

Ясн, см. Ясс

Ясс (Ясн), языч. слав. верхов-
ный бог 191

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния, стр. 132
Авары (аварины, обры), нар.
145, 155—160, 165, 167,
174, 183, 222, 279, 302—
307, 314, 319, 343, 378, 394
Авии, нар. 285
Авксим, г. 174
Австрия 184, 307
Агаряны, нар. 207
Агафирсы, нар. 147
Агляне, см. Англичане
Агриппеи, нар. 147, 148, 287
Адорбиган, г. 400
Адрианополь, г. 241
Адриатическое море 159, 291
Азербайджан (Адзарбайдшан)
399, 504
Азгард, легенд. стр. 290
Азия 145, 149—151, 156, 159,
163, 165, 166, 229, 241,
257, 287, 288, 294, 295,
301, 317, 358, 407
Азия Малая 224, 286
Азия Южная 146, 165
Азов (Тана, Танаис), г. 145,
146, 290, 394
Азовское (Меотис, Меотис-
ское, Нитис, Сурожское)
море 145, 147, 148, 149,
150, 153, 158, 166, 229,
237, 286, 289, 295, 301,
302, 323, 337, 338, 379, 399
Аквитаны, нар. 358
Аккерман, см. Белгород-Дне-
стровский
Алазоны, нар. 147
Алания, обл. на Кавказе 394
Аланы, нар. 145, 150—153,
229, 237, 289, 297, 400,
406
Александрия, г. 301, 312, 420
Алута, р. 154, 222, 300
Альбаида, г. 322
Альдаген (Альда, Альдеск),
см. Ладожское оз.
Альдейгабург (Альдейгиабург),
г. 268, 327, 437, 438, 505
Альдога, г., см. Ладога
Альтайские [Алтайские] горы
(Имай) 155, 288
Амазонки, нар. 244, 288, 318
Америка 132, 168, 326
Америка Северная 168, 204
Анас, р. 359
Ангерское оз. 316
Англичане (англы, агляне,
англо-саксонцы), нар. 330,
332, 343, 393, 441
Англия (Англианские земли)
136, 168, 328, 332, 352,
365
Андалузия, обл. 168
Андрофаги, нар. 147, 148, 160
Антиохия, г. 420
Анты, нар. 145, 153—156,
174, 187, 291, 295, 296,
300, 304

- Аорсы, нар. 150, 287
 Аравы (аравитяне, мавры, сара-
 цины), нар. 166, 257, 304,
 365, 384
 Араратская гора, библ. 294
 Аримасппы, нар. 287
 Аркадцы, нар. 202
 Аркона, г. на о. Рюген 179,
 188, 194, 195
 Армения, стр. 150, 166, 298
 Армяне (армены), нар. 405
 Арран (Арранская), обл. 229,
 504
 Арта, г. 446
 Артанас, р. 305
 Артаны (артаи), нар. 446
 Архангельск, г. 449
 Архангельская губ. 164, 192,
 271, 316
 Асмид, г. 322
 Астекун, г. 399
 Астраханская губ. 323
 Астраханские степи 147, 165
 Астрахань, г. 132, 324
 Атель (Балангиар, Итиль), г.
 167, 229, 322, 399, 400
 Атель, р., *см.* Волга
 Атмоны, нар. 338
 Аттика, обл. 358
 Аттики, нар. 358
 Афины, г. 133, 151, 355
 Афонская (Святая) гора 344
 Африка 132, 358
 Аэифар, Аэивар, *см.* Неасит,
 днепровский порог
 Бавария, земля 310
 Баварцы, нар. 158, 310
 Бака (Нефата), г. 399
 Бактрия, стр. 440
 Балангиар, *см.* Атель
 Балтия (Базилия) о-в 293
 Бальтийское [Балтийское] (Ве-
 недское, Варяжское, Ва-
 ранкское) море 151—154,
 157, 159, 160, 163, 164,
 167—171, 179, 199, 202,
 254, 271, 290—293, 297,
 300, 301, 312, 316, 326,
 330, 332, 333, 337, 338,
 437, 446
 Барда (Берда), г. 229, 322,
 399, 504
 Баруфорос, *см.* Вульнипраг
 Бастарны, нар. 302
 Башкиры (башкирцы), нар.
 306, 316, 378
 Башкирия (Башкирская
 земля), обл. 294, 297, 306,
 316, 378
 Белая Вежа (Саркел), г.-креп.
 167, 237, 323, 324, 406
 Белая Вежа, г. на р. Остер
 324, 444, 497
 Белая Венгрия, *см.* Венгрия
 Белая Земля, *см.* Витландия
 Белая Сербия, *см.* Сербия
 Белая Церковь, г. 416
 Белгород-Днестровский
 (Белый город, Аккерман),
 г. 309
 Белгород-Киевский (Белой),
 г.-креп. 263, 267, 430,
 436, 444, 456
 Белгород Курский (Белой), г.
 323
 Белобережье, м. в устье Дне-
 пра 227, 248, 406
 Белгородка (Белгород), с.
 близ Киева 254, 430
 Белое (Белые воды), оз., *см.*
 Белоозеро
 Белое море (Гандвик) 164, 318
 Белое море (Пропонтида) 383
 Белой, г., *см.* Белгород-Киев-
 ский
 Белоозеро (Белозерск, Белые
 воды, Тинное), г. 163,
 164, 205, 206, 221, 312,
 366, 367

- Белосток (Белый Сток), г. 440
- Белые угры, *см.* Венгры
- Белый, г. в Смоленской губ.
446
- Бельгийцы (бельгский), нар.
358
- Бельск, г. 440
- Беневентцы, нар. 416
- Берда, г., *см.* Барда
- Березань (св. Еферия о-в;
Борисфен), о-в в Черном
море в устье Днепра 227,
397
- Берендеи, нар., *см.* Черные кло-
буки
- Берестовое, с. 268, 430, 439
- Берестовское, легенд. княж-во
430
- Бертасы, *см.* Бургасы
- Бессарабия, обл. 132, 213, 214,
222, 240, 309
- Бессы, *см.* Печенеги
- Бетика, обл. в Испании 359
- Бетский, нар. в Испании 202
- Бешикташ, дер. 384
- Биармия, *см.* Пермь
- Биссены, *см.* Печенеги
- Биссы, нар. 302
- Блуцих (Плоцк), г. 425
- Богемия, обл. 154, 156, 158,
183, 185, 188, 190, 194,
197, 198, 200, 203, 300,
347, 353, 408
- Богемцы, *см.* Чехи
- Богуслав, г. 416
- Божьск, *см.* Бужск
- Болгар (Болгары), г. волжско-
камских болгар 400, 418
- Болгария Дунайская (Великая,
Черная, Старая) 139, 145,
158, 159, 203, 211, 227,
237, 240, 241, 242, 246,
247, 254, 276, 298, 305—
308, 336, 377, 408—413,
420, 444
- Болгары дунайские (черные),
нар. 145, 153—156, 160,
166, 214, 222—224, 227,
237, 241, 245, 258, 282,
298, 301, 302, 305—308,
313, 354, 365, 373, 377—
380, 393, 394, 407, 409,
416—419, 431
- Болгария (Булгария) Волжско-
Камская 253, 255, 377,
440, 441, 446, 495
- Болгары волжско-камские (бул-
гары), нар. 153, 255—257,
271, 276, 306, 394, 417,
418, 430, 431, 436, 440,
441
- Большая орда, *см.* Орда
- Боричев (Зборичев взвоз), в
Киеве 161, 426
- Боронишино, сел. 425
- Босния, обл. 158, 347
- Боспор (Воспор) Киммерий-
ский, пролив 145, 146,
237, 271, 286, 410
- Боспор (Воспор) Фракийский,
пролив 145, 207, 384, 387,
395
- Боспорское (Воспорское) цар-
ство в Северном Причерно-
морье 146, 149, 156, 166,
224, 237, 286, 371, 375,
383
- Бранденбургская (Бранден-
бург), обл. 184, 200, 300
- Брауншвейгская обл. 352
- Брашев (Брасковия, Крон-
штат), г. в Трансильвании
346
- Брест, г., порт на Западе Фран-
ции 343
- Бризаны, нар. 301
- Британия (Касситерские остро-
ва) 290, 292, 339, 359
- Буг Южный (Гиппанис), р.

- 147, 148, 165, 223, 347,
407
- Бугский лиман 286
- Будины, нар. 147
- Будутино, с. 409
- Бужане, нар. 161, 301, 309
- Булгар, р., *см.* Волга
- Булгары, нар., *см.* Булгары
волжско-камские
- Буртасы (бертасы), нар. и
земля 322, 400, 446
- Вавилон, г. 436
- Вагивария, *см.* Карпатские горы
- Вагрия, обл. 190, 197
- Валахи (волохи, влахи, руму-
нье), нар. 160, 305, 306,
309, 380, 496
- Валахия (Волошская земля),
обл. 192, 203, 213, 222,
240, 289, 306, 307, 342
- Ванай (Ванакиле), г. 317
- Вандалы, герм. племена 153,
293
- Варанк, нар. 326
- Варанкское море, *см.* Балтий-
ское море
- Варна, р. 275
- Варуфорос, *см.* Вульнипраг
- Варяги (варяги-русь, варанги,
норманны, фарганы), нар.
139, 141, 160, 165, 167—
172, 186, 204—212, 214,
215, 219, 220, 224, 250,
253, 268, 269, 271—276,
306, 314, 315, 324, 325,
326, 329—339, 365—376,
384, 386, 393, 397, 398,
416, 438, 498
- Варяжская земля 250, 325,
366, 446
- Варяжское море, *см.* Балтий-
ское море
- Василёв (Васильков), г. 265,
424, 433
- Великая Татария, *см.* Татария
- Великий водный путь из Варяг
в Греки 214, 215, 275,
276, 446
- Великий Переяслав, *см.* Пере-
яславец Болгарский
- Вельняне, *см.* Волынцы
- Вена, г. 454
- Венгрия (Угорская земля)
Белая и Черная, *см.*
также Паннония 153, 154,
156, 158, 160, 200, 203,
256, 289, 306, 308, 310,
320, 378, 380, 381, 408,
441, 500
- Венгры (маджары, кутригуры,
угры, угуры, унугуры, гу-
нигуры, гуногуры, уроги,
огоры, сарагуры), нар.
145, 153, 154, 156, 166,
212, 213, 222, 223, 237,
239, 241, 297, 298, 301,
313, 314, 320, 377—382,
394, 407, 424
- Венден (Кесь), г. 292
- Венедское море, *см.* Балтий-
ское море
- Венеды (венды, венеты), нар.
145, 151, 152, 160, 163,
164, 174, 176, 179—181,
184, 188—191, 194, 199,
201, 202, 291—295, 299,
300, 302, 317, 339, 341,
343, 352, 353
- Венецианский залив 349
- Венеция, г. 364, 454
- Венналены, нар., *см.* Русские
- Веручи (Леанти), днепровский
порог 331
- Веспазия, г. 327
- Вестфалия, обл. 352
- Весь, нар. 163, 164, 205, 209,
210, 212, 312, 318, 365,
414
- Видиварии, *см.* Латыши

- Византийцы, *см.* Греки
- Византия, Византийская, Греческая (Восточная Римская) империя, в некоторых случаях Греция и Греческая земля 154, 162, 166, 169, 175, 176, 178, 179, 181, 183, 204, 207, 210, 211, 214, 215, 218, 222, 223—227, 229, 234, 237, 240, 247, 253, 261, 267, 269, 275, 278, 304, 312, 314, 315, 365, 371, 372, 374, 376, 391, 393, 395, 430, 437, 447
- Византия, г., *см.* Константинополь
- Вильцы, нар., *см.* Поморяне
- Виндау (Вдов), г. 292
- Виндландия, *см.* Финляндия
- Виннета (Юлин), г. в устье р. Одер 179, 190, 193, 276, 342
- Висла, р. 151, 157, 161, 165, 171, 290, 292, 299, 305, 309, 311, 319, 336, 349
- Витебск, г. 445
- Витебская губ. 161, 212, 256, 364
- Витичев, г. 275, 445
- Витландия (Белая земля), *см.* Пруссия
- Вифиния, обл. 151, 158, 224, 305, 395
- Владимир Волинский (Лодомир), г. 263, 309, 381, 429, 430, 438
- Владимир Залесский на Клязьме, г. 132, 140, 427—429, 441
- Владимирская губ. 425, 449
- Вогуличи (гогуличи), нар. 317, 378
- Водь (вожане), нар. 316
- Воинь, р. и сел. 399
- Волга (Атель, Булгар, Едиль, Итиль, Ра, Этель), р. 146, 152, 153, 155, 156, 161, 163, 166, 222, 229, 236, 255, 286, 298, 302, 303, 310, 315, 316, 322—324, 336, 378, 394, 399, 402, 406, 418, 436, 440, 446
- Волгаст, г. 179, 190, 342
- Волго-Донской канал 497
- Вологодская губ. 164, 271, 316
- Волок Днепровский 446
- Волоковский (Волковский) лес, *см.* Оковский
- Волотово, с. под Новгородом 325
- Волохи, нар., *см.* Валахи
- Волошская земля, *см.* Валахия
- Волхов (Мутная), р. 132, 191, 195, 221, 254, 311, 313, 366, 428, 438, 446, 505
- Волховец, р. 311
- Волыния (Волянь), обл. 140, 212, 309
- Волинская губ. 161, 212, 309, 399, 414
- Волянцы (вельняне), нар. 199, 309
- Волянь, г. 309
- Воронеж, г. 167, 324
- Воронежская губ. 440
- Ворота Железные, *см.* Дербент
- Воротиславль, дв. в Киеве 447
- Воспор Киммерийский, *см.* Боспор Киммерийский
- Воспор Фракийский, *см.* Боспор Фракийский
- Воспорское царство, *см.* Боспорское царство
- Восточная Римская империя, *см.* Византия
- Восточное море, *см.* Балтийское море
- Востугна, р., *см.* Стугна
- Вотяки, нар. 163, 316

- Вручий (Вручев), г., *см.* Овруч
 Встр, р., *см.* Остер
 Вульнипраг (Баруфорос, Варуфорос), днепровский порог 331
 Вусеград, г., *см.* Вышегород
 Выборг, г. 139
 Выбут (Выбутское), с. близ Пскова 213
 Выдубичи (Выдибычи), м. под Киевом 426
 Вынь, р. 317
 Вычегда, р. 317
 Вышегород (Вышгород) Киевский, г. 233, 254, 272, 275, 314, 315, 401
 Вятичи (вятчане), нар. 160, 161, 166, 178, 198, 236, 254, 263, 275, 308, 321, 366, 377, 383, 406, 426, 429
 Вятская губ. 164, 271, 316
 Гавельберг, г. 190
 Гадес, г., *см.* Кадикс
 Гадран, г. 322
 Газневиды, нар., *см.* Турки
 Галата (Галатская башня, Галатские ворота) в Константинополе 384, 387
 Галатия 151
 Галинды прусские, нар. 302
 Галиция (Червенная, Красная Россия), обл. 212, 223, 254, 263, 310, 377, 380, 431, 440
 Галицко-Волынское княж-во 309
 Галич Костромской, г. 132
 Галич (Червенский), г. 381
 Галлия и галлы, обл. и нар. 168, 202, 291, 307, 358, 365
 Гамаксобии, нар. 295
 Гамская земля, *см.* Финляндия
 Гандвик, *см.* Белое море
 Ганджа (Кенджа), г. 229
 Гардарикия, *см.* Россия
 Гардятин, дв. в Киеве 447
 Гевельды, нар. 301
 Геландри, днепровский порог 331
 Геллеспонт, *см.* Дарданеллы
 Гелоны, нар. 147
 Генуэзцы, нар. 423
 Гепиды, нар. 154—156, 297, 304
 Германия (Германская империя) 150, 153, 159, 171, 194, 199, 202, 239, 249, 250, 252, 291, 299, 300, 329, 335—338, 343, 355, 359, 363
 Германцы (германские племена или народы) 150—152, 158, 178, 202, 206, 215, 288, 289, 292, 300, 338, 341, 358, 359, 365, 410, 434
 Герулы, нар. 151, 154, 179, 290, 341
 Геты (Даки), нар. 145, 149, 160, 161, 288, 293, 306, 308, 318, 333
 Гипербореи, нар. 145, 285, 286
 Гиперборейская страна, *см.* Норвегия
 Гиперборейские горы 285, 302
 Гипанис (Гиппанис), *см.* Буг Южный
 Гиркия, *см.* Россия
 Гирры, нар. 292
 Гнезно, г. 191
 Говос, лес 381
 Гогуличи, *см.* Вогуличи 349
 Голштейнское герцогство 349
 Гольмгард, *см.* Россия
 Гольмгардская обл., *см.* Новгородская обл.
 Городище, м. под Новгородом 313
 Городище Каганово (Козарское), г. 167, 322, 323

- Горские народы, *см.* Черкесы
- Горы Киевские 161, 314, 374, 447, 448
- Готланд (Готландия, Готский берег), о-в 170
- Готландцы, нар. 170, 332
- Готфы (готы, готоны, гутоны), восточные и западные, нар. 145, 150—155, 160, 163, 164, 167, 169, 175, 189, 202, 203, 289, 290, 293, 297, 298, 300, 314, 319, 320, 326, 332, 338, 358, 363
- Гоцы, нар., *см.* Узы
- Греки (византийцы), нар. 132, 136, 145—157, 173—177, 191, 193, 198, 210, 214—221, 222—229, 235—239, 241—247, 257—260, 264, 272—275, 277, 282, 291, 296, 301, 320, 333, 335, 343, 370, 371, 373, 374, 384—386, 389—393, 395—397, 403—407, 409—423, 426—440, 444
- Гренландия, о-в. 208, 326
- Греция (Эллада) и греки (древние), нар. 133, 151, 153, 154, 156, 158, 168, 180, 186, 190, 194, 199, 201, 202, 276, 277, 285, 289, 291, 297, 328, 336, 337, 343, 346, 348, 351, 355—358, 360, 399, 407, 410, 414, 444
- Греческая земля, *см.* Византия
- Григория св. о-в., *см.* Хортица
- Грикия, *см.* Россия
- Гросвальден, с. 319
- Грузины, нар. 320
- Грузия (Иверия), обл. 166, 305
- Гульворси, *см.* Островуни праг
- Гунаб, г. 446
- Гуннивар, стр. гуннов 153
- Гунны (хунны), нар. 145, 152—156, 158, 160, 165, 167, 175, 215, 222, 289, 295—298, 302, 303, 314, 323, 326, 329, 340, 378, 394
- Гунигуры, гуногуры (гуннагары), нар., *см.* Венгры
- Гутоны, *см.* Готфы
- Дагестан, обл. 229, 237, 406, 504
- Даки (дако-геты), *см.* Геты
- Дакия, обл. 150—154, 156—158, 160, 161, 165, 178, 181, 183, 190, 201, 204, 288—290, 292, 302, 304, 306, 319, 342, 406
- Далекарлия, стр. 329
- Далмация, обл. 156, 158, 181, 184, 185, 302, 305, 347, 349, 361
- Далматы, нар. 203, 301, 347, 363
- Дания 163, 168, 256, 328, 339, 496
- Данциг, г. 165
- Дарданеллы (Геллеспонт), пролив 145, 305
- Дардания, обл. 158, 354
- Датчане, нар. 164, 168, 169, 301, 326, 330—333, 337, 416, 438
- Двина Западная, р. 161, 206, 271, 291, 310, 332, 364, 440, 446
- Двина Северная, р. 164, 317, 449
- Двинская земля 316
- Двиняне, нар. 316
- Дедичное, с. 401
- Дедяков (Тетяков), г. в Дагестане 406
- Деместиков, дв. в Киеве 447
- Демин, г. 179, 342

- Дербент, г. 297, 320, 322
 Дербентская дория, *см.* Каспийское море
 Деревя, *см.* Древянская обл.
 Деревская пятина Новгородской обл. 309
 Держава, *см.* Россия
 Десна, р. 161, 402
 Дилем, г. 399
 Дистра, *см.* Доростол
 Дицина, р. 275
 Днепр (Борисфен), р. 132, 146—149, 153, 161, 162, 166, 207, 210, 211, 212, 223, 227, 229, 237, 238, 251, 262, 275, 289, 299, 302, 303, 309, 314, 338, 358, 369, 371, 374—377, 380, 397, 398, 402, 405—407, 410, 426, 427, 440, 446, 448
 Днепровская гора 426
 Днепровские пороги 169, 214, 223, 248, 271, 276, 379, 383, 408, 440, 446
 Днепровские страны 208, 210
 Днестр (Тирус), р. 148, 153, 159, 221, 299, 309, 311, 377, 407, 410, 430
 Дон (Танаис), р. 132, 146—149, 150, 159, 167, 213, 222, 229, 237, 255, 287, 289, 290, 295, 298, 302, 323, 324, 338, 399, 406, 407, 418, 440
 Донец Северский, р. 323
 Дори, обл. 320
 Дорогичин, *см.* Дрогичин
 Дорогобуж, г. 310
 Дорогожич, уроч. под Киевом 415
 Доростол (Дистра, Дристра, Дрествин, Дристрон), г. 243—245, 411—413
 Дортштат, г. 330
 Древяне, нар. 160, 161, 165, 178, 212, 222, 228, 229—233, 239, 275, 301, 309, 310, 319, 347, 369, 373, 377, 385, 393, 398, 401, 410, 447
 Древянская земля (Дерева), обл. 233, 240, 249, 250, 251, 263, 272, 353
 Древянское княж-во 414
 Дреговичи, нар. 160, 161, 310, 319
 Дрествин, *см.* Доростол
 Дристрон, *см.* Доростол
 Дрогичин (Дорогичин, Дрочев), г. 310, 440
 Другувиты, м. в Фессалоники 310
 Друзино, с. близ Новгорода 307
 Дулебы, нар. 160—162, 166, 212, 214, 309, 319
 Дунай (Истр), р. 146, 148—150, 152—156, 159, 160, 162, 166, 175, 181, 223, 224, 237, 242—244, 247, 275, 299—301, 303—307, 309, 313, 326, 338, 358, 365, 367, 381, 395, 407, 410, 411
 Дунайские страны, обл. 149, 152, 160
 Дшелабе, нар. 446
 Евксинский понт, *см.* Черное море
 Евреи (иудеи), нар. 257, 318, 322, 360, 431
 Европа 129, 132—134, 145, 149—156, 159, 163, 165, 168, 179, 199—202, 204, 206, 222, 229, 250, 257, 273, 282, 286, 289—291, 294, 295, 316, 317, 358,

365, 381, 386, 395, 410, 429
Европа Восточная 320
Европа Западная 204, 215, 271
Европа Северная 290, 291, 338
Европа Северо-Восточная 148
Европа Юго-Восточная 145
Европа Южная 202, 204
Европейская Россия 148, 151,
165
Европейский Север 163, 202
Европейцы 151, 174
Египет 180, 202, 293, 312, 320,
422, 436, 446
Едиль, *см.* Волга
Екатеринославская губ. 146,
383, 399
Елец, г. 132, 491
Емсе, с. 316, 317
Емская земля, *см.* Финляндия
Емь (ямь), финские племена
163, 316, 317, 332, 440
Енисей, р. 303, 316
Еридан, р., *см.* Эридан
Еферия (Елевферия) св. о-в,
см. Березань
Ефес, г., *см.* Эфес
Ефривьская пустыня, *см.* Этвер-
ская пустыня

Жемоить, *см.* Жмудь
Жилотуг, проток р. Волховец
311
Житомир, г. 309, 504
Жмудь (Самогития), обл. и
нар. 191, 192, 317

Заводочье, *см.* Двинская земля
Задонье, *см.* Дон
Западная империя Карла Вели-
кого 365
Западный океан, *см.* Балтий-
ское море
Заслав, *см.* Изяславль
Заяцкой о-в 401

Зборичев взвоз, *см.* Боричев
взвоз
Зевксипповы бани в Константи-
нополе 387
Зимгала, нар., *см.* Семигалы
Золотая (Златая) палата во
дворце в Константинополе
403
Зунд (Сунд), залив и гавань
Босфор 384
Зыряне (сыряне), нар. 163, 317

Иатр, о-в 370
Ивановское оз. 287
Иверия, *см.* Грузия
Игуры, *см.* Уйгуры
Иерусалим г. 257, 312, 418,
420, 436
Ижорцы (ижеряне), нар. 316
Изборск (Исаборг), г. 160,
162, 205, 233, 313, 315,
366, 367, 382
Изяславль (Заслав), г. Минско-
го повета 257, 418, 427
Илион, г., *см.* Троя
Иллирийцы, нар. 308, 362
Иллирик (Иллирия), обл. 153,
154, 158, 159, 177, 202,
297, 304, 308, 362, 495
Ильинское, с. 286
Ильмень (Илмен, Ильмер), оз.
160, 161, 310, 311, 326,
365, 366, 446, 496
Имай, *см.* Алтайские горы
Империя готов (Восточная и
Западная) 151
Ингул (Ингулец), р. 379
Индия (Индостан) 135, 148,
150, 177, 440
Ионический залив 154
Иотунгейм, легенд. стр. 164,
338
Иоты, нар. 332
Ирак, г. 399
Иран, *см.* Персия

- Ирки, нар. 147, 287
 Ирландия 168, 352
 Иртыш, р. 156, 222, 295, 298, 303, 316
 Иса, р. 368
 Исаборг, *см.* Изборск
 Искоростень, *см.* Коростень
 Исландия, о-в 318
 Испания 153, 202, 290, 297, 322, 358
 Исседоны, нар. 148, 287
 Истр, *см.* Дунай
 Истрия, о-в 349
 Италия 155, 156, 159, 168, 201, 202, 223, 250, 290, 291, 306, 332, 358, 365
 Итальянцы, нар. 306, 416
 Итиль, г., *см.* Атель
 Итиль, р., *см.* Волга
 Иудеи, *см.* Евреи
- Кавказ 132, 145, 150, 289
 Кавказская губ. 379, 395
 Кавказская стена 166, 320
 Кавказская страна 149, 446
 Кавказские горы (Черкесские, Ясские) 237, 297, 298, 303, 305
 Кадикс (Гадес), г. 202, 291
 Казанские болгары, *см.* Болгары волжско-камские
 Казанское царство (ханство) 316
 Казань, г. 133
 Казары, *см.* Козары
 Каллипиды, нар. 147, 288
 Калмыки, нар. 146, 276, 295
 Калуга, г. 449
 Калужская губ. 161
 Кама, р. 255
 Каменец, г. в Подолии 450
 Каменный пояс, *см.* Уральские горы
 Кангары, нар., *см.* Печенеги
- Кангли (кангиты, хвалисы), нар. 271, 320
 Капитолий (в Риме) 134
 Капичь, уроч. под Киевом 415
 Каппадокия, обл. 151
 Кара Декси, *см.* Черное море
 Карвоны, легенд. нар. 302
 Кареоты, легенд. нар. 302
 Каринтия, обл. 158, 185, 200, 305, 307
 Карпатские (Угорские) горы (Вагивария) 161, 221, 271, 299, 310, 349, 381, 382, 431
 Карпато-россы, нар. 381
 Картлия, *см.* Грузия
 Карфагенская провинция 297
 Касахия, стр. 237, 407
 Касоги (Косоги), нар. 237, 407
 Каспийское море (Хазарское, Хвалижское, Хвалынское) 146, 148, 150, 154, 165, 229, 255, 257, 271, 289, 294, 297, 302, 312, 320, 379, 399, 440, 446
 Касситерские острова, *см.* Британия
 Кассубия, обл. 203
 Кафа (Феодосия), г. 423
 Качалинская станица 229
 Каяния, *см.* Квенландия
 Кведлинбург, г. 252, 416
 Квенландия (Каяния), обл. 164, 318, 496
 Кельн, г. 420
 Кельтика, обл. 148, 358
 Кельты (кельтиберцы), нар. 202, 307, 358
 Кенджа, г., *см.* Ганджа
 Керас, *см.* Рог
 Кесь, *см.* Венден
 Киев (Киова, Куява, Киев), г. 132, 140, 147, 160—162, 191, 196, 203, 204, 207—214, 215, 219, 220, 222,

- 223, 225, 227, 228, 230—
240, 242, 248—257, 259,
261, 262, 264, 265, 268,
271, 275—277, 282, 310,
313—315, 329, 334, 335,
342, 353, 367, 371, 373,
375, 377—382, 386, 387,
393, 398—402, 405, 407,
410, 417, 422, 424, 427,
430—433, 436, 438, 444,
447, 491
- Киевец, городище на р. Дунае
162
- Киевляне (кияне), жит. 251,
255, 277, 281, 342, 371,
375, 380, 387, 391, 408
- Киевская губ. 161, 416, 418,
430, 434
- Киевская Русь, земля, обл.,
воев. 376, 379
- Киевское вел. княж-во, гос.
249, 263, 430
- Кизылбаши, *см.* Персия
- Киликая, обл. 437
- Кимвры (Цимбры), нар. 146,
286
- Киммерийский Воспор, *см.* Бос-
пор Киммерийский
- Киммерион, г. 145
- Киммерия, стр. 286
- Киммерияне, нар. 145—147,
286
- Кинбурн, г. 289
- Киѡва, г., *см.* Киев
- Киргизские степи 148
- Киргизы, нар. 146, 155, 276,
303, 318
- Кириаландия, обл. 164, 317, 496
- Китай, Китайская империя
(Хина) 152, 155, 156, 204,
289, 295
- Китайская стена 295
- Китайцы, нар. 295, 304
- Клещино оз. (Плещеево, Пере-
славское) 162, 315
- Ключи Славянские, *см.* Сла-
вянские ключи
- Клязьма, р. 429
- Козаков земля 167
- Козария, Козарская земля (Ха-
зария) 257, 275, 276, 315,
322, 324, 394, 399, 406,
446, 447
- Козарское городище близ Воро-
нежа 167
- Козарское море, *см.* Каспий-
ское море
- Козары (хазары), нар. 160,
165, 166, 207, 208, 212,
223, 240, 259, 281, 295,
301, 305, 320—324, 335,
336, 360, 365, 369, 377,
378, 394, 395, 399, 406,
407, 423, 449
- Козельск г. 132, 491
- Колодезь Каганский, городище
324
- Колхида, обл. 145
- Команы, нар., *см.* Половцы
- Коногардия, легенд. рус. зем-
ля 328
- Конопа, г. 275
- Константинополь (Царьград),
г. 152—155, 157, 158,
162, 167, 169—171, 175,
177, 193, 207—218, 223,
225, 226, 234, 235, 240—
242, 245, 246, 258—261,
272, 275—278, 293, 302,
306, 314, 320, 321, 324,
330, 335, 339, 360, 369—
374, 381—384, 386, 387,
388, 393—398, 402—404,
409—412, 419, 433, 445,
446
- Константия, г. 275
- Копорье, г.-креп. 316
- Кор, р. 400
- Корела (Кексгольм), г. 374
- Корелы, нар. 316

- Коростень (Искоростень), г.
229, 231—233, 309, 399,
401, 455
- Корсунь, *см.* Херсон
- Корсь, литовское племя 164
- Костромская губ. 440
- Крайна, обл. 184, 200, 203,
305, 307
- Краков, г. 454
- Крарийский перевоз, на р. Дне-
пре 275
- Красная Россия, *см.* Галиция
- Кревы, *см.* Кривичи
- Крещатик, источник в г. Киеве
427
- Кривичи (кревы), нар. 160—
162, 167, 168, 192, 198,
205, 210—212, 214, 250,
263, 275, 310, 313, 315,
364, 365, 368, 374—378,
414, 429, 430
- Кривская земля, *см.* Полоцкая
земля
- Крит, о-в 386, 405
- Кроаты, нар., *см.* Хорваты
- Кроация, *см.* Хорватия
- Кронштат, г., *см.* Брашев
- Крылов, слоб. 450
- Крым (Таврида) 139, 147, 148,
151, 153, 156, 166, 167,
211, 237, 257, 259, 286,
394, 406, 423. *См.* также
Козария
- Кубеша (Кубачи), д. на Кавка-
зе 297
- Кудма, р. 449
- Кума, р. 379
- Куманы, *см.* Половцы
- Кура (Кур), р. 229
- Куран (Кура), г. в Козарии 322
- Курляндия 164, 165, 192, 254,
292, 316, 317
- Курская губ. 323
- Курский залив (Русна) 170
- Курсюм (Кульсюм), *см.* Кас-
пийское море
- Кутригуры, *см.* Венгры
- Куява, *см.* Киев
- Лаба, р., *см.* Эльба
- Ладога (Альдога), г. 268, 287,
316, 366, 367, 393, 437,
438
- Ладожане, жит. 316
- Ладожское оз. (Альдаген, Аль-
деск, Альда, Нево, Ново)
163, 209, 294, 316, 326,
332, 367, 437, 438, 446,
505
- Лазги (лесяги), нар. 400
- Лапландия (Лопарье, Лопь),
обл. 132, 332, 440
- Лапландцы (лопари, лопь),
нар. 163, 313
- Латыши (видивари), нар.
160, 164, 165, 170, 192,
316, 318, 333, 342, 349,
364, 417
- Лауенбургское герцогство 349
- Лаузина, обл. 181, 184, 198,
203, 300, 301, 346, 348
- Лациум, обл. 202, 234
- Леанти, *см.* Веручи
- Лебедин, г. 212
- Лебедин лес 379
- Лебедия, легенд. стр. 212,
222, 377, 379, 394
- Ледовитое море, *см.* Северный
Ледовитый океан
- Лезги (лезгинцы), нар. 229,
400
- Лесяги, *см.* Лазги
- Летгалия (Летландия, Лотыго-
ла), обл. 165, 319
- Летголы, нар. 164
- Ливония (Лифляндия) 164,
254, 276, 292, 316, 319,
326—328, 368, 417, 440,
447, 496

- Ливонцы (ливь, ливь, либь), нар. 163, 316, 448
- Лиман Днепровский 214, 309, 406, 422
- Лины, нар. 301
- Литва, обл. 154, 164, 165, 192, 200, 254, 292, 297, 317, 429
- Литовцы (литва), нар. 164, 310, 417, 440, 448
- Лифляндия, см. Ливония
- Лифляндская губ. 316
- Ловать (Ловоть), р. 446
- Лодомир, г., см. Владимир Во-
лынский
- Ломбардия, обл. 397
- Лонгобарды-немцы, нар. 154, 156
- Лопари, см. Лапландцы
- Лопарье, см. Лапландия
- Лопь, см. Лапландия, лап-
ландцы
- Лотыгола, см. Летгалия
- Луга, р. и обл. 233
- Луговая сторона, см. Волга
- Луза, р. 401
- Лузитанская провинция 297
- Лукания, обл. 155
- Лутичи (луцаци), нар. 160—
162, 300, 309, 310, 377
- Лутовиска, г. 309
- Лутта, р., см. Русса
- Луцк (Луческ), г. 310, 429
- Лучане, нар. 275, 309, 310,
445
- Лыбедь, легенд. г. 314
- Лыбедь, р. в Киеве 162, 256,
314
- Львов, г. 309
- Любеч, г. 160, 162, 210, 215,
275, 278, 315, 375, 377,
409, 502
- Люнебург, обл. 181, 200
- Лютичи, нар. 301
- Ляхи, см. Поляки
- Мавры, см. Аравы
- Маджарское, оз. 379
- Маджары (Маджар-Юна), г.
379
- Маджары (мажары, мадзары,
мадиары, мазары), нар.,
см. Венгры
- Мазовия, мазовшане, обл. и
нар. 336
- Мазуны, нар. 448
- Майноты, нар. 305
- Македония, обл. 151, 152
- Македонцы, нар. 318
- Макровии, нар. 285
- Малая Азия, см. Азия Малая
- Малороссия (Малая Россия)
210
- Мальдивские острова 278
- Мальтийцы, нар. 202
- Мамы св., предместье Констан-
тинополя 216, 226, 396
- Манси, см. Остяки
- Мари, см. Меря
- Марселия (Марсель), обл., г.
202
- Марцианополь, см. Переясла-
вец Болгарский
- Массагеты, нар. 146, 148, 150,
289, 295, 303
- Матарха (Метраха, Метреха),
см. Тмутаракань
- Машфат (Maschphat), г. 315
- Медведица, р. 324
- Мезень, р. 317
- Мейсен, г. 220
- Мекленбург, Мекленбургское
герцогство 180, 183, 200,
300, 352, 498
- Мексика 132
- Меланхлены, нар. 147, 148,
160, 287, 308
- Меларское оз. 277
- Мемель, см. Неман
- Меотис, море, см. Азовское
море

- Меотис, оз. 412
 Мерзбург, г. 191
 Мери (Ростовская), обл. 315, 440
 Меря (мари), финно-угорский нар. 163, 167, 168, 171, 206, 209, 210, 212, 214, 290, 313, 315, 318, 368, 377, 440
 Месимврия, г. 275
 Метанасты, см. Язиги
 Мещера, нар. 163, 315
 Мещерская земля 315
 Мещеряки, нар. 315
 Мидия, Мидийская империя 146, 150, 166
 Мизия (Мисия), обл. 150, 153, 158—160, 237, 298, 299, 307, 394, 420
 Милет, др. г. в Ионии (Малая Азия) 146
 Милиниска, г. 315
 Мильцы, нар. 301
 Минск, г. 418
 Минская губ. 161, 263
 Миотисское море, см. Азовское море
 Мирмакион, г. 412
 Могилевская губ. 161, 417, 505
 Моголы (мунгалы), см. Татары
 Модены, нар. 399
 Мойск, оз. 311
 Мокша, р. 315
 Мокшане (мордва), нар. 315
 Молдаване, см. Валахи
 Молдавия (Угровлахия), обл. 192, 203, 213, 222, 223, 240, 289, 308, 309, 342, 350, 379, 394, 450, 454
 Молога, р. 325, 402, 425
 Мологский у. Ярославской губ. 289
 Монастыри:
 Александровский, см. Успенский
 Влахернский в Константинополе 312
 Воскресенский, в г. Новом Иерусалиме 142, 345
 Выдубицкий, см. Михайловский на Выдубичах
 Зосимосавватиев, см. Соловецкий
 Ипатьевский, в Костроме 141
 Ирнинский, в Киеве 211, 375
 Киево-Печерский Феодосиев 139, 375, 433, 439
 Киево-Фроловский 439
 Кутеинский 391
 Лебединский под Киевом 379
 Мамы св. в Константинополе 387
 Михайловский на Выдубичах (Всеволож), в Киеве 426
 Михайловский Златоверхий, в Киеве 426
 Николаевский Пустынный, в Киеве 211
 Сербский Преображения, на Афонской горе 344
 Соловецкий, на Белом оз. 401
 Спасский, Перемышльской обл. 421
 Троице-Сергиева Лавра 141
 Успенский Александровский женский Владимирской губ. 425, 449
 Холопий (Афанасьевский), на р. Мологе 325
 Морава, р. 154, 305
 Моравийск, см. Моровск
 Моравия, обл. 154, 200, 202, 208, 219, 280, 300, 360, 361, 364, 454
 Моравы (морваны), нар. 156, 300, 301, 354
 Мордва, нар. 163, 271, 290, 313, 315, 318, 394

- Мордовия, Мордовская земля
 313, 318
- Морея, *см.* Пелопоннес
- Морлахи, нар. 191, 349
- Морлахия, обл. 349
- Моровск, г. 402
- Москва, г. 132, 141, 365, 367,
 374, 384, 448, 449
- Москва, р. 367
- Московская губ. 377
- Мста, р. 233, 401
- Музианское оз. 299, 311
- Мукриты, нар. 300, 303
- Мунгалы, *см.* Моголы
- Мурманская земля, *см.* Норве-
 гия
- Мурманы, *см.* Норвежцы
- Мурманское Лопарье, *см.* Лап-
 ландия
- Мурманское море, *см.* Север-
 ный Ледовитый океан
- Муром, г. 163, 206, 263, 272,
 315, 374, 429
- Мурома, финно-угорский нар.
 163, 206, 209, 212, 315,
 318, 368
- Мутная, р., *см.* Волхов
- Напрези (Струвун, Струбун),
 днепровский порог 331
- Нарва (Ругодив), г. 163, 316
- Нарова, нар. 163
- Натанген, обл. 319
- Неаполитанское королевство
 168
- Неасит (Ненасытский, Неясыт,
 Аэифар, Аэивар, Аифар,
 Айевар), днепровский
 порог 275, 331, 383, 446
- Нева, р. 316, 382, 438
- Нево, оз., *см.* Ладожское оз.
- Невры, нар. 147, 161
- Невские пороги 438
- Неглинная, р. 374
- Нежин (Унеж), г. 406
- Нейбранденбург, г. 343
- Нейтра, обл. 364
- Неман (Немен, Мемель), р.
 170
- Неметы (немцы), нар. 299
- Немоград, г., *см.* Новгород Ве-
 ликий
- Немцы, нар. 154, 201, 291,
 293, 299—301, 306, 342,
 343, 348, 355, 414
- Немецкая земля, *см.* Германия
- Нессупи (Эссупи), днепров-
 ский порог 331
- Нефата, г., *см.* Бака
- Нея, г., *см.* Новый-город
- Нижегородская губ. 206, 315
- Нижний Новгород, г. 315
- Низ, Низовская земля 417
- Нил, р. 148
- Нитис, *см.* Азовское море
- Нифов дв., в Киеве 447
- Новгород Великий (Новагород,
 Новегород), г. 132, 133,
 140, 161, 171, 191, 205—
 207, 209, 211, 212, 221,
 240, 249, 250, 254, 253,
 267, 268, 270, 271, 275—
 278, 307, 310—312, 315,
 316, 319, 334, 336, 364,
 366—371, 374, 376, 384,
 393, 401, 425, 427—429,
 435, 438, 441, 447—450
- Новгородская губ. 205, 365
- Новгородская земля, обл. 171,
 233, 309, 316, 327, 337,
 369, 401, 414, 427, 449
- Новгородцы, жит. 167, 205,
 210, 214, 240, 250, 255,
 263, 271, 272, 276, 308,
 310, 316, 325, 342, 365,
 368, 369, 425, 428, 440,
 450
- Ново, оз., *см.* Ладожское оз.
- Новый-город (Неа, Нове), г. в
 Мизии 299, 311, 312

- Норвегия 163, 167, 168, 256, 285, 328, 334, 440
- Норвежцы (нурмане, мурмане, урмяне), нар. 164, 169, 317, 325, 326, 332, 438
- Норд-Кап, *см.* Северный мыс
- Норики (норици), нар. 306, 307
- Нормандия, обл. 168, 330
- Норманны (северные люди), *см.* Варяги
- Нортумберланд, обл. 339
- Нукбард (Нукирад), земля 311
- Нурманское Лопарье, *см.* Лапландия
- Нурманы, *см.* Норвежцы
- Оботриты, северные и восточные, нар. 300, 301
- Обры, *см.* Авары
- Обь, р. 163, 250, 311, 316, 317, 378
- Овруч (Вручев), г. 249, 280, 309, 504
- Огоры, нар. 145, 155, 303, 305
- Огузы, нар., *см.* Узы
- Одер, р. 179, 200
- Ока, р. 161, 162, 166, 167, 209, 221, 236, 297, 405, 436
- Оковский (Волоковский, Волковский) лес 446
- Олегова (Ольгова) могила, м. в Киеве 221, 353
- Олонецкая губ. 164
- Олтава, *см.* Полтава
- Ольвия, г. 145—147, 286, 406, 494
- Ольгин камень 402
- Ольгина гора 402
- Ольжищи (Ольжичи), с. на р. Десна 402
- Ольмин, дв. в Киеве 211, 375
- Онега, р. 287
- Онежское оз. 294
- Опсициум, г. 305
- Ораниенбаумский округ 316
- Орда (Большая, Царственная, Царская) 146, 147
- Ординцы, *см.* Татары
- Ордисс, р., *см.* Серет
- Орловская губ. 161
- Орель (Ерел, Угл), р. 399
- Осии, легенд. нар. 302
- Османы, нар., *см.* Турки
- Оссы (оссетинцы), нар. 237, 398, 406
- Осташковский, у. 446
- Остер (Встр), р. 263, 406, 430
- Острагард (Острогард), *см.* Россия
- Островуни праг (Ульворси, Гульворси), днепровский порог 331
- Остяки (уштяки, манси), нар. 63, 317, 378
- Осы, *см.* Оссы
- Офлоны, легенд. нар. 302
- Охват, оз. 446
- Охсенфурт, г. 313
- Пагириты, легенд. нар. 302
- Палестина 293
- Паннония, обл. 153, 156, 158, 160, 183, 202, 222, 308, 314, 359, 360, 380, 407, 420
- Пантикапея, г. 145, 146
- Париж, г. 301, 386, 407
- Пасынча беседа (Пасынков беседа), ул. в Киеве 398
- Пафлагония, обл. 395
- Пацинаки, нар., *см.* Печенеги
- Певк, о-в. на р. Дунай 338
- Певки, нар. 292, 338
- Пейпус, *см.* Чудское оз.
- Пеласги (пелазги), нар. 201, 202, 358
- Пеласгия, *см.* Греция
- Пелопоннес, п-ов 158, 201, 203, 219, 305, 496

- Пен, оз. в Осташковском у. 446
 Пензенская губ. 315
 Пера, г. 207
 Перевесище, м. под Киевом 447
 Перевоз Каганский, городище 324
 Перекоп (Перекопский перешеек) 418
 Перемышль, г. Червенский 254
 Перемышльская обл. 421
 Пересечен, г. 398
 Переславское оз., см. Клещино оз.
 Переяславль Залесский (Суздальский), г. 430
 Переяславль Киевский (Русский), г. 215, 264, 387, 399, 418, 431, 436, 502
 Переяславец Болгарский (Великий Переяслав, Перфлав, Преслава, Марцианополь), г. 238—240, 243, 248, 407, 409, 410, 412, 436, 444
 Переяславльцы (киевские), жит. 216, 387
 Пермская губ. 163, 164, 316
 Пермь (Биармия), др. терр. 164, 328, 368
 Пермь, нар. 163, 164, 317
 Перна, р. 317
 Персия (Иран, Кизылбаши), стр. 155, 156, 165, 213, 255, 290, 320, 379, 440
 Персы (персияне), нар. 155, 286, 290, 298, 304, 405
 Перынь, м. под Новгородом 311, 428
 Петербург, г. 141, 142, 361, 438
 Петербургская губ. 205
 Печенеги (печенацы, пединеги, пацнаки, пацнакиты, бессы, биссены), нар. 213, 222—225, 229, 238—240, 241, 251, 255, 259, 263—269, 271, 275, 276, 322, 323, 273, 374, 378, 379, 394, 398, 399, 406, 408, 414, 416, 418, 430, 435, 436, 438, 440, 441, 444
 Печерская креп. в Киеве 375
 Печора (Печера), р., вол. 163, 164, 317
 Печора, нар. 163, 317
 Пещан, р., см. Пищана
 Пидба, м. близ Новгорода 428
 Пиеннаты, нар. 311
 Пиренейские горы 153
 Пищана (Пещан), р. 255, 279, 417, 505
 Плат, о-в 370
 Плесков (Плесньск), см. Псков
 Плещеево оз., см. Клещино оз.
 Плиса, р., см. Полиста
 Плоцк, см. Блуцих
 По, р. 291
 Побужье (Побожье), см. Буг Южный
 Поволжье, обл. по р. Волге 336
 Подол, окраина Киева 278, 375, 447
 Подольская губ. (Подолия) 312, 377
 Полабы, нар. 349
 Полиста (Плиса), р. 311, 326
 Половцы (команы, куманы), нар. 323, 378, 381, 394, 399, 418, 422, 436, 440, 441
 Полота, р. 161, 310
 Полоцк, Полотск (Полтеск, Пелтиск), г. 160, 162, 205, 206, 215, 250, 263, 272, 315, 327, 373, 386, 429, 453
 Полоцкая губ. 364
 Полоцкая (Полотская, Кривская), обл., земля 250, 263, 429
 Полочане, нар. 160, 161, 206, 310, 368, 373

- Полтавская губ. 161
- Польша, Польское гос-во, королевство, земля 147, 154, 160, 161, 184, 198, 200, 203, 254, 256, 299, 300, 417, 429, 448
- Поляки (ляхи), нар. 161, 203, 254, 308, 326, 331, 377, 385, 416, 448
- Поляне, нар. 160—162, 165, 177, 208, 214, 301, 308, 313, 314, 319, 321, 324, 365
- Померания, обл. 179, 200, 300
- Поморье Балтийское 336
- Поморяне (вильцы), нар. 184, 300, 301, 340
- Понизовые города, *см.* Низ
- Понизье, *см.* Подолия
- Понт Эвксинский, *см.* Черное море
- Пората, *см.* Прут
- Португалия (Португалия) 153
- Порусье, обл. по р. Руссе 170
- Порусья, р. 311, 325
- Посемье, *см.* Семь
- Посульцы, *см.* Суличи
- Почайна, р. 235, 426, 427, 504
- Прага, г. 452, 454
- Предславино, с. 256, 418
- Преслава (Перфлав), г., *см.* Переяславец Болгарский
- Прильвиц, г. 180, 343
- Припять, р. 161, 212
- Пропонтида, *см.* Белое море
- Пруссия (Витландия), обл., земля 151, 154, 165, 170, 200, 292, 308, 325, 333, 336, 337, 342, 437
- Прусская ул. (Пруссы), в Новгороде 171, 336
- Пруссы (прусь), нар. 164, 301, 326, 333, 336
- Прут (Пората), р. 148, 308
- Псков (Плесков), г. 140, 213, 233, 368, 382, 402, 429
- Псковитяне (псковичи) 424
- Псковская губ. 161, 205, 364
- Псковское оз., *см.* Чудское оз.
- Ра, *см.* Волга
- Рава, г. 360
- Рагуза, г. 302
- Радимичи, нар. 160, 161, 166, 178, 198, 212, 214, 253, 255, 275, 279, 342, 366, 377, 447, 449
- Раска, р. 354
- Распия, обл. 354
- Ратцебург, г. 189, 343
- Рейн, р. 152, 169, 329, 358
- Ререфенны, нар. 337
- Ретра, г. 188, 189, 190, 193, 195, 197, 345, 351
- Ретрское оз., *см.* Толлензское оз.
- Реция, обл. 359
- Рижский залив 316
- Ризаландия, земля 338
- Рим (Др. Рим), *см.* Римская империя
- Рим, г. 307, 360, 420, 430, 436
- Римская империя, гос-во (Рим) 132, 133, 146, 149—152, 154, 162, 164, 180, 201, 204, 208, 289, 296, 303, 310, 365, 446
- Римские провинции, владения 153, 203, 286
- Римляне, нар. 132, 134, 136, 145, 149—151, 158, 175, 178, 182, 194, 287, 289, 292, 293, 296—298, 302, 303, 306, 307, 318, 330, 333, 360, 411, 421, 441
- Рион, р., *см.* Фазис
- Ритта, р., *см.* Русса
- Рифейские горы 146, 285, 302, 358
- Рог (Керас), залив, гавань в Константинополе 384

- Родна, г. 251, 279
- Роксоланы, нар. 149, 153, 171, 288, 337, 338
- Ромны (Ромен), г. 406
- Ромова, м. в Пруссии 165, 319
- Ромунаци, обл. 300
- Росс, г. 337
- Россия (Русия, Русь, Гардарикия, Гиркия, Гольмгард, Острагард, Хунигард) 129, 132—134, 137—140, 142, 145, 147, 149, 152, 154, 159—161, 162—164, 166—168, 172, 192, 193, 196, 197, 199, 203—212, 214—223, 225—229, 233, 236—240, 250—255, 260—278, 281, 282, 289, 294, 301, 302, 305—314, 317, 319, 322, 325—329, 331, 332, 335, 336, 339, 345, 350, 351, 352, 361, 363, 365—369, 373, 375, 376, 380, 386, 392, 395, 397, 407, 409, 412, 414, 417, 420—422, 429, 431, 432, 435, 437, 438, 440, 442, 444—451, 455
- Россия Азиатская 148, 290, 298
- Россия Красная (Червенская), *см.* Галиция
- Россия Малая, *см.* Малороссия
- Россия Северо-Западная (Прибалтийская) 250
- Россия Северная 233, 255, 302, 333
- Россия Юго-Восточная 150—152
- Россия Юго-Западная 140
- Россия (Русь) Южная 145, 146, 150, 153, 263
- Росская (Рослаген), приморская обл. Швеции 170, 171, 333
- Россы (ротсы, руотсы), нар. 171, 334
- Ростов, г. 163, 168, 171, 206, 215, 221, 263, 272, 374, 427—430
- Ростовская обл. 353, 440
- Ростовское княж-во 263, 272, 440
- Рось (Рус, Рша), р. 251, 416, 418
- Ротсы, *см.* Россы
- Ротала, г. 326
- Руан, г. 343
- Руген, *см.* Рюген
- Ругодив, г., *см.* Нарва
- Румунненская обл. 399, 306
- Румунье, нар., *см.* Валахи
- Рун, о-в 316
- Руотсы, *см.* Россы
- Рупина, р. 430
- Руса, г. 311, 313
- Русион, г. 337
- Русна, *см.* Курский залив
- Русса (Лутта, Руса, Ритта), р., приток Немана 170, 336, 337
- Русская гора, в Финляндии 333
- Русская, Российская земля, *см.* Россия
- Русские, россияне (россы, руссы, русь), нар. 165, 225, 227, 272, 313, 325, 327, 332, 339, 391, 401, 411, 442
- Русское море, *см.* Черное море
- Русское централизованное гос-во (Российская имп.) 132, 134, 151, 155, 160, 162, 163, 167—171, 181, 191, 192, 207, 210, 212, 214—220, 223—229, 235, 237—248, 256, 257, 259, 260, 262, 264, 265, 269, 271, 274—282, 291, 301, 305, 306, 309, 310, 311, 315—

- 317, 321, 325, 327, 332—
339, 351, 353, 363, 370,
372, 378, 380, 381, 384—
392, 394—400, 405—413,
416, 418—424, 429, 435,
438, 440, 441, 446—448,
455, 497, 498
- Русь, *см.* Россия
- Ручай, *см.* Лыбедь
- Рша, р., *см.* Рось
- Рюген, о-в 179, 188, 348, 354,
409
- Рязанское княжество 440
- Савиры, нар. 299
- Савроматы, *см.* Сарматы
- Садил, г. 322
- Саки, нар. 286, 295, 303
- Саксония, обл. 154, 198, 300
- Саксония Верхняя 184, 198
- Саксонцы (саксоны), нар. 179,
188, 332, 337
- Салис, р. 316
- Салы, нар. 302
- Самандар, г. 322
- Самбор, г. 421
- Самватас, г., *см.* Киев
- Самогития, *см.* Жмудь
- Самоеды (самоядь), нар. 317
- Сарагуры, нар., *см.* Венгры
- Саратовская губ. 441
- Саратовские степи 222
- Сарацины, *см.* Аравы
- Саркел, *см.* Белая Вежа
- Сарматия, стр. 149, 292, 302
- Сарматы (савроматы), нар.
145, 147, 149—150, 153,
154, 178, 288, 292, 295,
296, 300, 308, 310, 318, 337
- Свания, обл. 446
- Сварики, нар. 337
- Свевы, германские племена 300
- Свеи, Свеоны, *см.* Шведы
- Святая гора, *см.* Афонская гора
- Святое (Святославле), оз. 269
- Священная Римская империя
504
- Севастополь (Севастопольский
мыс), г. 147, 259, 422
- Северный мыс (Норд-Кап) 164,
168
- Северный Ледовитый океан
(Мурманское, Студеное
море) 151, 163, 294, 311,
326, 337, 338, 358
- Северская обл. (Севера) 309
- Северский Донец, р., *см.*
Донец
- Северяне (севера, севрюки),
нар. 160, 161, 163, 166,
178, 198, 211, 212, 214,
308—310, 321, 342, 377
- Сегесан, г. 322
- Седмиградская обл., *см.* Тран-
сильвания
- Сейм, р., *см.* Семь
- Селиврия, г. 302
- Селина, р., приток р. Дунай
275
- Сельчуки, *см.* Турки
- Семигалия и Семигалы (Зем-
гола), обл. и нар. 164,
496
- Семь (Сейм, Посемье, Семи-
чи), р. и вол. 161
- Сербия (Сервия) Западная,
Восточная, обл. 158, 185,
186, 203, 347, 354, 420,
455
- Сербы (сервы, сорабы, сорбы),
нар. 190, 192, 300, 301,
305, 313, 352, 363, 418,
455
- Сервица, г. 455
- Серет (Ордисс), р. 148
- Серир, стр. 322, 446
- Серклия, г. 324
- Сибирь 132, 148, 155, 163,
294, 311
- Сидеры, стр. 312

- Сидоняны, нар. 338
 Силезия (Шлезия), обл. 198,
 200, 203
 Силезцы (силезийцы), нар. 301
 Силистрия, см. Доростол
 Симбирская губ. 315
 Синайская гора 202
 Синоп, г. 307
 Сираки, нар. 150
 Сирия 158, 224, 276, 305, 410,
 418
 Ситины, нар. 301
 Сицилия, о-в 235, 401, 405
 Скавица, гора, см. Щековица
 Скалавацы, см. Славяне
 Скандинавия 168, 170, 206,
 273, 290, 326, 330, 333,
 365, 369, 442
 Скандинавы, нар., см. также
 Варяги 164, 167—169, 202,
 216, 276, 329—333, 336,
 337, 442, 369
 Скирры, нар. 292
 Скифия, гос-во 145, 148, 149,
 160, 286—289, 293, 307,
 358, 380
 Скифы (сколоты), нар. 145—
 150, 178, 207, 259, 286—
 289, 293, 313, 316—319,
 333, 337, 358, 380
 Склады, склавины, см. Славяне
 Скоты, см. Шотландцы
 Скридефенны, нар. 337
 Скуруев, г. 374
 Скутари, см. Суд, гавань в Кон-
 стантинополе
 Славенская (Словенская)
 земля 313, 325, 366
 Славония, обл. 158, 200, 354
 Славяне (словени, словаки,
 склады, соланы), нар. 145,
 151, 153—206, 208, 209,
 211, 212, 214, 219, 220,
 229, 254, 258, 265, 271—
 275, 277, 280, 281, 290,
 291, 293, 294, 295, 297—
 315, 318—321, 324, 333,
 336—367, 371, 376, 377,
 380—384, 386, 388, 393,
 398, 409, 413—416, 421,
 428, 444, 495
 Славяне балтийские 158, 174,
 183, 188, 189, 195, 196,
 310
 Славяне богемские 158, 202
 Славяне болгарские 184
 Славяне волынские 199
 Славяне греческие 265
 Славяне далматские 189, 203
 Славяне дунайские 156, 158,
 162, 174, 176, 178, 193,
 308, 344
 Славяне иллирические 188,
 191, 202, 354, 355
 Славяне ильменские 161, 167,
 212, 325
 Славяне киевские 162, 165,
 199, 321
 Славяне немецкие 193, 198,
 281, 341, 347
 Славяне новгородские 160,
 161, 170, 205, 325
 Славяне польские 341, 416
 Славяне северные 335
 Славяне южные 335
 Славянск (Словенск), г. 139,
 311, 312
 Славянские ключи, р. 205,
 221
 Смельдинги, нар. 301
 Смирна, г. 294
 Смоленск (Смолинск), г. 160,
 162, 205, 210, 221, 275,
 278, 315, 369, 374, 375,
 429, 450
 Смоленская губ. 161, 308, 364,
 446
 Сожь (Сожа), р. 161, 212, 417
 Солунь, см. Фессалоники
 Сорабы, сорбы, см. Сербы

- Сосва, р. 163, 317, 378
 Сочава (Соучава), г. 450
 Спарта, др.-греч. полис 133
 Средиземное море 202
 Ставаны, нар. 302
 Станово, с. 425
 Старая Ладога, с. совр. 505
 Старый Крым, *см.* Крым
 Стеколна, *см.* Стокгольм
 Стембульская дория, *см.* Черное море
 Стена г. Константинополя (Анастасиева стена) 154, 495
 Стетин, г., *см.* Штетин
 Стирия, обл., *см.* Штирия
 Стокгольм (Стокзунд, Штокгольм), г. 277
 Стримон, р. 158
 Струбун, Струвун, *см.* Напрези, днепровский порог
 Стugna р. 263, 265, 418, 430
 Студеное море, *см.* Северный Ледовитый океан
 Суд, гавань в Константинополе 235, 370, 384, 395, 405
 Судак (Сурож), г. 374, 423
 Судины, нар. 302
 Суздаль (Суждаль), г. 378, 380, 417
 Суздальская земля, обл. 427
 Сула, р. 161, 212, 221, 263, 377, 430
 Суланы, нар. 302
 Суличи (посульцы), нар. 301, 377, 399
 Сумь, суома, *см.* Финны
 Сурож, г., *см.* Судак
 Сурожское море, *см.* Азовское море
 Сучава, г., *см.* Сочава
 Сыряне, *см.* Зыряне
 Сысва, р. 317
 Сысола (Сычола), р. 317
 Сычовка, г. 446
- Табаристан 399
 Тавастландия (Тавастландское графство) 317
 Тавр, гора легенд. 207, 371
 Таврида, *см.* Крым
 Таврическая губерния 286
 Тавры, нар. 145, 147
 Тамань (Таман), п-ов 407
 Таматарха, *см.* Тмутаракань
 Тамбовская губ. 315, 316
 Тана, Танаис, *см.* Азов
 Тартесс, г. 202
 Татария (Великая) 148, 155, 294, 295, 297, 378
 Татары (моголы), нар. 137, 295, 303, 315—317, 378, 406, 439, 441
 Таугаст, стр. 303
 Тверская губ. 161, 365, 446
 Тверское княж-во 142
 Телуца, г. 315
 Темесварский Баннат, обл. 289
 Темир-Кабы, *см.* Дербент
 Теплое море, *см.* Черное море
 Тептери, нар. 316
 Теревинф, о-в 370
 Тетракситы, *см.* Готфы
 Тибинген, г., *см.* Тюбинген
 Тибиска, р., *см.* Тиса
 Тибр, р. 132, 311
 Тиверцы (тивирцы), нар. 160—162, 212, 214, 309, 310, 377
 Тивианцы, нар. 309, 310
 Тинное, оз., *см.* Белоозеро
 Тирава, г. 309
 Тирис, *см.* Днестр
 Тириты, нар. 148
 Тиса (Тибиска), р. 150, 153, 309
 Тмутаракань (Матарха, Метраха, Таматарха), г. и обл. 237, 263, 407, 440

- Тмутараканское княж-во 237, 398
- Тобол, р. 222, 303, 316
- Тобольская губ. 289
- Толленза, р. 183
- Толлензское (Петрское) оз. 180, 193, 202
- Томские остяки, *см.* Остяки
- Торки (узы), нар., *см.* также Узы 253, 255, 323, 418
- Тосканцы, *см.* Этрурийцы
- Трансильвания (Седмиградская обл.) 147, 160, 223, 263, 289, 346, 406, 505
- Триполь (Треполь), г. 445
- Троя (Илион), г. 291
- Трубеж Южный, р. 264, 386, 430, 431
- Туле (Фуле), о-в 290
- Тульская губ. 161, 287
- Турдетаны, нар. 202, 359
- Турецкая обл. 303
- Туркестан (Ясси), стр. 441
- Турки (туркоманы, османы), нар. 145, 155, 156, 165, 222, 255, 285, 287, 303—306, 323, 378, 384, 399, 418, 495
- Туров, г. 263, 429
- Туровцы, жит. 429
- Турпеи, *см.* Черные клобуки
- Турция, турецкие народы 310, 378, 410
- Тюбинген (Тибинген), г. 364
- Тюрингия, обл. 300
- Тюрки, *см.* Турки
- Угл, р., *см.* Орель
- Угличи (суличи), нар. 301, 373, 393, 398
- Угорская земля, *см.* Венгрия
- Угорские горы, *см.* Карпатские горы
- Угорское, м. под Киевом 213
- Угровлахия, *см.* Молдавия
- Угры, *см.* Венгры
- Узия, стр. 394
- Узы (гоцы, огузы), нар. 222, 323, 394, 399
- Уйгуры (угуры), нар. 297, 298
- Укры, нар. 300
- Ульворси, *см.* Островуни праг, днепровский порог
- Ульмиганы (ульмигеры), нар. 170
- Унгуры, унногуры, *см.* Венгры
- Унеж, *см.* Нежин
- Упландия, обл. 334
- Упсала (Упсальский храм), г. 189, 349
- Урал (Яик), р. 156, 163, 212, 303, 324, 378, 394
- Урал, Уральские горы (Каменный пояс, Камень) 147, 153, 212, 285, 289, 317, 378, 394
- Урмяне, *см.* Норвежцы
- Уроги (утигуры), *см.* Венгры
- Уфимская губ. 298
- Ухани, м. на р. Гучва 417
- Уша (Ушь), р. 309, 399, 415
- Ушевенде, г. 292
- Ушица, г. 309
- Уштяки, *см.* Остяки
- Фазис (Рион), р. 145
- Фанагория г. 145, 146, 166, 237
- Фанарский мыс 422
- Фар (маяк) на Боспоре 224, 395
- Фарганы, *см.* Варяги
- Феодосиева стена в Константинополе 154
- Феодосия, г., *см.* Кафа
- Феруз-Капад, г. 322
- Фессалия, обл. 412
- Фессалоники (Солунь), г.

- 158, 202, 281, 310, 455,
496
- Финикиане, нар. 151, 176, 201,
202, 291, 292
- Финикия, стр. 359
- Финляндия (Гамская, Емьская
земля, Виндландия), обл.
163, 168, 271, 317, 328, 333
- Финляндская губ. 164
- Финны (финнляндцы, сумь,
суома), финно-угорские
племена 163—165, 170,
204, 205, 209, 214, 291,
302, 316—318, 327, 332,
333, 336, 364—366, 378,
440
- Финский залив 164, 254, 290,
316, 333, 437
- Фиссагеты, нар. 147
- Фландрия, обл. 169
- Фраки, фракийцы, нар. 201,
306, 358
- Фракийский Воспор, *см.* Боспор
- Фракия, обл. 149, 151, 153,
154, 156—158, 174, 201,
219, 224, 241, 285, 305,
337, 358
- Франки (французы), нар. 322,
329, 330, 332, 337, 343, 384
- Франкфурт-на-Майне, г. 313
- Франция, стр. 168, 322, 332
- Фригия, обл. 158, 291
- Фризы, нар. 337
- Фрисландия, обл. 386
- Фриули, обл. 305
- Фуле, *см.* Туле
- Хазария (Хазар), *см.* Козария
- Хазарское море, *см.* Каспий-
ское море
- Хазары (хизиры), *см.* Козары
- Харьков, г. 167, 324
- Харьковская губ. 212, 379
- Хвалижское (Хвалынское)
море, *см.* Каспийское море
- Хвалисы, *см.* Кангли
- Хвалынск, г. 441
- Хельм, г., *см.* Холм
- Херсон (Херсонес, Корсунь),
г. в Крыму 139, 145, 146,
156, 211, 212, 259—261,
265, 267, 286, 320, 374,
398, 422—427, 433, 444,
505
- Херсонцы (корсуняне), жит.
224, 227, 260, 276, 395,
398, 406
- Херсонская губ. 146, 212
- Херсонская обл. 227, 247
- Херсонский залив (лиман)
260, 422
- Хива (Хорезм), стр. 295
- Хина, *см.* Китай
- Хингил, р. 379
- Холм (Хелм), г. Галицкий 254,
417
- Холопий (Старый Холопий), г.
425
- Хоразы (хивинцы), нар. 295
- Хорасан (Хорусаний), обл.
325
- Хорватские горы, *см.* Карпат-
ские горы
- Хорватия (Великая и Белая
Хорватия, Кроация), обл.
158, 184, 305, 310, 431
- Хорваты (кроаты, хорутяне),
нар. 160, 161, 181, 200,
212, 214, 253, 263, 301,
305, 310, 393, 431, 505
- Хоривица (Хоровица), легенд.
гора в Киеве 161, 314
- Хортица (св. Григория о-в),
о-в 193, 275, 352
- Хорусаний, *см.* Хорасан
- Хунигард, *см.* Россия
- Хунны, *см.* Гунны
- Царицын, г. 324
- Царьград, *см.* Константинополь

- Церкви и соборы:
- В Васильеве:
Спасопреображенская 265
- В Владимире-Залесском:
Успенская златоверхая (деся-
тинная), собор 428
- В Галиче Червенском:
Успенская, в Крылосе 450
- В Киеве:
Андреевская 261, 432
Богородицы Рождества деся-
тинная, собор 203, 261,
265, 267, 268, 282, 428,
430—432, 439, 442, 447
Борисоглебская 426
Василия св. 262, 427
Георгиевская 427
Ильи, св., собор 228, 398
Ирины, св. 211, 375
Николая, св. 211, 375, 398
Михаила Архистратига 426
Петровская 426
Петра и Павла 436
Софийский собор 405, 424,
439
- В Константинополе:
Влахернская 207, 372
Ильи св., собор 227, 398
Мамы св. 387
Софийский собор 258, 277,
386, 419
- В Новгороде Великом:
Софийский собор (св.
Софии) 424, 425
Андрея Первозванного 307
- В Овруче:
Васильевская 415
- В Переяславле Киевском:
Крестовоздвиженская 436
- В Риме:
Климентия св. 360
Теревинфская, на о-ве Тере-
винф 370
- В Херсоне:
Василия, св. 261
- Иаковлевская 424
Софии, св. 424
- Цимбры, *см.* Кимвры
Цимлянское водохранилище
497
- Червен (Червнь, Червоноград,
Чермно), г.-креп. 254,
417, 440
Червенная (Червоная) Россия,
см. Галиция
Червенная (Червоная) Хорва-
тия, *см.* Хорватия
Черемисская Земля 315
Черкасские горы, *см.* Кавказ-
ские горы
Черемисы, нар. 163, 312, 315,
316
Черкасы, *см.* Черные клобуки
Черкесы (черкасы горские, ка-
сахи), нар. 237, 305, 378,
406
Чермно (Чермо, Червоноград),
см. Червен
Черная, р. 207, 317
Черная (Кумо), р., в Финлян-
дии 317
Черная Болгария, *см.* Болга-
рия
Черная Венгрия, *см.* Венгрия
Чернебог, гора в Верхней Лау-
зице 348
Чернеев (Червен), сел. близ
Хелма 417
Чернигов (Чернегов), г. 160,
162, 215, 275, 278, 315,
387, 402, 430
Черниговская губ. 161, 212,
308, 375, 402
Черниговское княж-во 440
Черниговцы, жит. 212, 387
Чернобожский, г. в Сербии
348
Черное море (Русское, Теплое
море, Эвксинский Понт,

- Стембульская дория) 145—147, 149—153, 166, 207, 208, 223, 229, 237, 247, 259, 260, 276, 277, 285, 286, 289, 293, 296, 301, 302, 305, 311, 320, 323, 365, 369, 371, 383, 395, 396, 446
- Черноморские земли 156
- Черноморское побережье 299, 377
- Черные клубуки (черкасы, берендеи, торки, турпей), нар. 255, 323, 418
- Чертово беремище, гора 426
- Чехи (богемцы), нар. 156, 158, 180, 184, 239, 300, 342, 345, 354, 408
- Чуваши (ветке), нар. 163, 308, 316, 317
- Чудин дв., в Киеве 447
- Чудская земля 171, 337, 366
- Чудское оз. (Пейпус, Псковское оз.) 209
- Чудь (эсты, чухни), нар. 160, 163, 167, 168, 171, 204, 205, 210, 250, 263, 271, 313, 316, 317, 332, 365, 368, 414, 430, 435
- Чудь заволоцкая, см. Двиняне
- Шаловония, обл. 292
- Шам, г., см. Дамаск
- Шартр, г. 372
- Шатрицы, д. 401
- Шведы (свей, свеоны), нар. 161, 167, 169—171, 326, 330, 332—336, 343
- Швеция, Шведское королевство (Свейская земля) 163, 167—170, 204, 256, 268, 328, 334—336, 339
- Шексна, р. 368
- Шелонь (Шолона), р. 311
- Ширван, г. 229, 504
- Ширванское царство 399
- Шклов (Склов), г. 299
- Шотландия 168
- Штеттин (Стетин), г. 193, 195, 197
- Штирия (Стирия), обл. 200, 300, 305, 307
- Штокзунд, см. Стокгольм
- Шулявшино, м. под Киевом 314
- Щековица (Скавица), гора в Киеве 161, 221, 314
- Щековица, легенд. г. 314
- Щулявшино, см. Шулявшино
- Эвксинский Понт, см. Черное море
- Эллада (Еллада), см. Греция
- Эльба (Лаба), р. 132, 153, 156, 159, 169, 299, 305, 332, 338
- Эпидавр, г. 302
- Эридан, р. 151, 291
- Эссекские (Мурсийские) болота 300
- Эссупи, см. Нессупи
- Эстляндия 290, 417, 437, 447
- Эстляндская губ. 205
- Эстония (Эстия) 163, 168, 205, 221, 327, 330
- Эсты (есты, эстонцы, эстляндцы), нар. 151, 200, 290—292, 300, 316
- Этверская пустыня 418
- Этель, р., см. Волга
- Этрурийцы (тосканцы), нар. 202
- Эфес (Ефес), г. 151
- Эфиопия (Ефиопия) 148, 446
- Эфиопы, нар. 358
- Юг, р. 317
- Югра (Югорская земля) 317, 378

Югры (югричи), нар. 163, 317
Юлин, г., *см.* Виннета
Юстинианова палата (зал, хра-
мина) 234, 403
Ютландия, п-ов 292, 388

Язвинги, *см.* Ятвяги
Язиги-метанасты, нар. 149,
150, 153, 288, 289,
406

Яик, р., *см.* Урал
Ямь, *см.* Емь

Ярославская губ. 206, 402,
425, 440

Ясси, *см.* Туркестан
Яские горы, *см.* Кавказские
горы

Ясы, нар., *см. также* Аланы
237, 274, 297, 406, 407

Ятвяги (язвинги), нар. 254,
271, 417, 440

Ятр, *см.* Иатр, о-в
Ятунгейм, стр., *см.* Иотунгейм
Яуза, р. 374

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В УКАЗАТЕЛЯХ

- авар.* — аварский
австр. — австрийский
азерб. — азербайджанский
англ. — английский
араб. — арабский
арм. — армянский
арх-п — архиепископ
арх-т — архимандрит
белг. — белгородский
библ. — библейский
богем. — богемский
болг. — болгарский
в. кн. — великий князь
варяж. — варяжский
венг. — венгерский
виз. — византийский
вит. — витебский
влад. — владимирский
воен-к — военачальник
вол. — волость
вышег. — вышегородский
г. — город
герм. — германский
голл. — голландский
город. — городненский
гос. — государственный
гос-во — государство
греч. — греческий
губ. — губерния
дат. — датский
дв. — двор
дер. — деревня
дорог. — дорогобужский
др. — древний
евр. — еврейский
егип. — египетский
еп. — епископ
зв. — звенигородский
изр. — израильский
имп. — император
имп-ца — императрица
ирл. — ирландский
исл. — исландский
ист. — историк, исторический
ит. — итальянский
киев. — киевский
кн. — князь, княжеский
кн-ня — княгиня
княж-во — княжество
конст. — константинопольский
кор. — король, королева
креп. — крепость
лат. — латинский
латыш. — латышский
лит. — литовский
лит-д — литературовед
м. — местечко
мин. — минский
митр. — митрополит
монг. — монгольский
мон-рь — монастырь
моск. — московский
нар. — народ
нем. — немецкий
новг. — новгородский
норв. — норвежский

о-в — остров
обл. — область
оз. — озеро
осн-ль — основатель
патр. — патриарх
перем. — перемышльский
перясл. — переяславский
перс. — персидский
п-ов — полуостров
пол. — польский
полит. — политический
полк. — полководец
полов. — половецкий
пск. — псковский
путеш-к — путешествен-
ник
р. — река
рим. — римский
росс. — российский
рост. — ростовский
рус. — русский
ряз. — рязанский
с. — село
св. — святой
сел. — селение

сир. — сирийский
сканд. — скандинавский
слав. — славянский
слоб. — слобода
смол. — смоленский
стр. — страна
сузд. — суздальский
тереб. — теребовльской
терр. — территория
тмут. — тмутараканский
(у Карамзина — тмуто-
роканский)
тороп. — торопецкий
туров. — туровский
у. — уезд
укр. — украинский
уроч. — урочище
фр. — французский
хр. — христианский
ц. — царь
черниг. — черниговский
чеш. — чешский
швед. — шведский
швейц. — швейцарский

ОГЛАВЛЕНИЕ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. <i>А. Ф. Смирнов</i>	5
---	---

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ТОМ I

ПОСВЯЩЕНИЕ. Государю императору Александру Павловичу самодержцу всея России	129
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ	131
-----------------------	-----

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА	139
---	-----

Глава I. О НАРОДАХ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ. Древние сведения греков о Рос- сии. Путешествие аргонавтов. Тавры и киммеряне. Гипербо- реи. Поселенцы греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о зем- лях полуночных. Описание Скифии. Реки известные грекам. Нравы скифов: их падение. Митридат, геты, сарматы, алане, готфы, венеды, гунны, анты, угры и болгары. Славяне: их под- виги. Авары, турки, огоры. Расселение славян. Падение ава- ров. Болгария. Дальнейшая судьба народов славянских	145
---	-----

Глава II. О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВ- ШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ. Происхождение славян российских. Поляне. Радимичи и вятичи. Древляне. Дулебы и бужане. Лутичи и тивирцы. Хорваты, северяне, дреговичи, кри- вичи, полочане, славяне новгородские. Киев. Изборск, По- лоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские, или чудские, наро- ды в России. Латышские народы. Междоусобия славян россий- ских. Господство и гибель обров. Козары. Варяги. Русь	160
---	-----

Глава III. О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ. Их природное сложение и свойства: храб- рость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы славян российских	
---	--

в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота	173
Глава IV. РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР. Г. 862—879. Призвание князей варяжских в Россию. Основание монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение россиян на империю. Начало христианства в Киеве. Смерть Рюрика.	204
Глава V. ОЛЕГ-ПРАВИТЕЛЬ. Г. 879—912. Завоевания Олеговы. Нашествие угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с греками. Договор с империею. Кончина Олега	210
Глава VI. КНЯЗЬ ИГОРЬ. Г. 912—945. Бунт древлян. Явление печенегов. Нападение Игоря на Грецию. Договор с греками. Убиение Игоря.	222
Глава VII. КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ. Г. 945—972. Правление Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещение. Россияне в Сицилии. Характер и подвиги Святослава. Взятие Белой Вежи. Завоевание Болгарии. Нашествие печенегов. Кончина Ольги. Посольство в Германию. Первые уделы в России. Вторичное завоевание Болгарии. Война с Цимискием. Договор с греками. Наружность Святославова. Кончина его	230
Глава VIII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК. Г. 972—980. Междоусобие князей. Первые деяния Владимировы. Брак Владимиров. Братоубийство. Послы российские в Германии	249
Глава IX. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ. Г. 980—1014. Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые христианские мученики в Киеве. Бунт радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение государства. Строение городов. Война с хорватами и печенегами. Церковь Десятинная. Набег печенегов. Пирьы Владимировы. Милосердие. Осада Белгорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимирова. Свойства его. Сказки народные. Богатыри.	253
Глава X. О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ. Пределы. Правление. Законы гражданские. Воинское искусство. Флоты. Чинопочинание и внутреннее образование войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояние городов. Деньги. Успехи разума. Механические и свободные художества. Нравы	271

ПРИМЕЧАНИЯ К I ТОМУ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

.....	285
КАК СОЗДАВАЛАСЬ «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКО- ГО». СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. А. Ф. Смирнов.....	457
КОММЕНТАРИИ. А. М. Кузнецов.....	488
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	507
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	544
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В УКАЗАТЕЛЯХ.....	571

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Том первый

Редактор *А. Кузнецов*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технические редакторы *Н. Кленова, Г. Шитоева*
Корректор *Л. Сорокина*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 10.04.98 г.

Гарнитура Антиква. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 35,45. Цена 32 р. 20 к.

Цена для членов клуба 29 р. 30 к.

ТЕРРА—Книжный клуб.

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

